

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

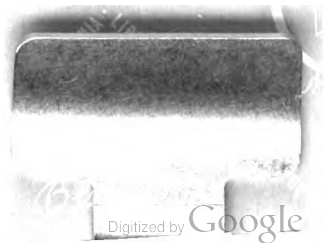
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 398 886

Томъ IV-й.

X

№ 5-й

M I R "

В О З Н 1 1

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛІТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Й

1895 Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го апрѣля 1895 года.

LOAN STACK

AP50
M47
1895:5-6
MAIN

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. П. Н. Милюкова. (Продолженіе).	1
СТИХОТВОРЕНІЕ. ПОЭТЪ. (Изъ Барлуччи). М. Ватсонъ	15
ГЕНІЙ. Очеркъ. В. Ѳаворскаго	18
КАМАТОЙО И ЕГО СЕМЬЯ. (Изъ воспоминаній о Японіи). (Окончаніе). Д. И. Шрейдера	26
СТАРЫЙ ХОЗЯИНЪ. Поля Бурже. Пер. съ франц. А. М.	45
ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валленберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова	79
ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). Ив. Иванова	120
ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДOTOPEHІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Проф. И. П. Бородина	164
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича.	197
КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. Джона Леббока. Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). А. К.	218
КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. Б.	234
РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Женскій медицинскій институтъ.—Всеобщее народное образованіе.—Новый типъ общины.—Новая секта «тайныхъ духовныхъ христіанъ».—Разбои на Кавказѣ.—Изъ русскихъ журналовъ	251
За границей. Бисмаркъ на судѣ европейскаго общественнаго мнѣнія.—Негры въ Америкѣ.—Соціально-экономическій музей.—Воспитаніе женщинъ въ Нидерландахъ.—Психологическія особенности нѣкоторыхъ писателей.—Дезинфекція посредствомъ солнца.—«Revue des Deux Mondes».—«Revue des Revues».—«Revue internationale de sociologie».—«Revue scientifique».	264
НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ	284
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) БНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ Іосифа-Игнатія Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Л. В.—скаго	81
2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дюнудрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	105
НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.	
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милькова.

(Продолженіе) *).

III.

Значеніе колонизаціи Россіи.—Колонизація сѣвера: роль монастырей.—Крайніе предѣлы опустошеній на юговостокахъ.—Защита «берега» и устройство Тульской засѣки.—Колонизація на Камѣ и Вѣлой.—Дальнѣйшее движеніе на югъ и устройство Бѣгородской, Симбирской и Закамской черты.—Колонизація Полтавщины и движеніе малороссовъ въ Харьковскую и Воронежскую губ.—Устройство Украинской линіи.—Сокращеніе территоріи войска донскаго.—Военная колонизація Заволжья до середины XVII в.—Колонизація Исетской провинціи.—Успѣхи колонизаціи во второй половинѣ XVIII вѣка.—Колонизація Новороссіи.—Устройство Кавказской линіи.—Колонизація Поволжья.

Мы видѣли, что въ Россіи, какъ и въ остальной Европѣ, процессъ племенныхъ смѣшеній и расселеній начинается еще въ доисторическую эпоху. Но начало доисторической эпохи, совпадающее съ появленіемъ человѣка, для Россіи относится къ несравненно болѣе позднему времени, чѣмъ для европейскаго запада. Точно также и конца этихъ этнографическихъ перемѣщеній и слияній мы должны искать въ Россіи гораздо позднѣе. На западѣ передвиженіе этнографическихъ массъ улеглось въ общихъ чертахъ къ VII—IX вѣку; такимъ образомъ, Европа усѣлась на мѣстѣ къ тому времени, когда только-что началась наша исторія. Процессъ слиянія главнѣйшихъ племенныхъ элементовъ западной Европы къ этому времени также уже почти закончился, и современнымъ ученымъ стоитъ много трудовъ открыть, какіе это были составные элементы, образовавшіе теперешній національный типъ француза, итальянца и т. д. Только ближайшее къ Россіи пространство между Вислой и Эльбой составляетъ въ обоихъ случаяхъ нѣкоторое исключеніе. У насъ въ Россіи тоже не легко разобраться въ древнѣйшихъ передвиженіяхъ и смѣшеніяхъ племенъ; но тотъ же процессъ продолжается у насъ на всемъ протяженіи исторіи, отъ

*) См. «Міръ Вождій», № 4, апрѣль 1895 г.

«Міръ вождій», № 5, май.

доисторической эпохи до настоящего времени, и по сію пору не можетъ считаться совершенно законченнымъ. Пестрота племеннаго состава до сихъ поръ превращаетъ Россію въ живой этнографическій музей всевозможныхъ народностей; инородческое население мы застаемъ здѣсь на всевозможныхъ ступеняхъ обрусѣнія. Тогда какъ на западѣ Европы уже со времени переселенія народовъ чуть не каждый клочокъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—у насъ черезъ всю исторію красной нитью проходитъ процессъ расселенія жителей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ. Этотъ процессъ колонизаціи русской земли точно также далеко не закончился въ настоящую минуту, какъ и процессъ сліянія различныхъ этнографическихъ элементовъ русскаго населенія.

Для пониманія общаго хода развитія русской исторіи знакомство съ колонизаціей русской земли, хотя бы въ общихъ чертахъ,— совершенно необходимо. Мы не будемъ долго останавливаться на колонизаціи русскаго сѣвера. Въ существенныхъ чертахъ, колонизація эта завершилась, какъ мы видѣли, уже въ новгородской періодъ. Остановившись въ XIV вѣкѣ на Двинѣ, колонизація не идетъ дальше на востокъ, несмотря на содѣйствіе, которое оказываетъ московское правительство миссіонерской дѣятельности Стефана Пермскаго. Дальнѣйшее колонизаціонное движеніе происходитъ только на югъ и на сѣверъ отъ района, охваченнаго новгородцами. На южной окраинѣ мелкія линіи Бѣлозерскихъ и Ярославскихъ князей, вѣроятно, стараются заселить свои крохотные удѣлы; одновременно съ ними, въ XIV и XV вѣкахъ, развивается вокругъ Вологды колонизаціонная дѣятельность монастырей. Относительно роли монастырей, какъ колонизаторовъ сѣвера, существуютъ нѣсколько преувеличенныя представленія. Въ дѣйствительности, монастыри рѣдко являются піонерами колонизаціи; они возникаютъ большею частью на замиренныхъ и даже заселенныхъ мѣстахъ.

До XIV вѣка намъ извѣстны всего только два монастыря на сѣверѣ, которые могли имѣть колонизаціонное значеніе на сѣверѣ *). Въ XIV вѣкѣ возникаютъ здѣсь уже около 17 монастырей, въ XV в. — около 22-хъ; но изъ первыхъ только 7, изъ вторыхъ 13 играютъ роль въ процессѣ колонизаціи. Большая половина этихъ 20-ти монастырей тѣснится въ трехъ со-сѣднихъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Грязовецкомъ, Воло-

*) Палестровскій на островѣ Онежскаго озера и Спасо-Каменный на островѣ Кубенскаго озера.

годскомъ и Кадниковскомъ). Только въ XVI вѣкѣ монастыри пробираются на перешеекъ между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ, спускаются внизъ по Сухой и поднимаются вверхъ по Вычегдѣ на встрѣчу монастырямъ Стефана, которыхъ далеко превосходятъ въ роли колонизаторовъ: наконецъ, въ томъ же XVI вѣкѣ на сѣверной окраинѣ новгородской колонизаціи, на Бѣломъ Морѣ, начинается въ обширныхъ размѣрахъ колонизаціонная дѣятельность Соловецкаго монастыря и Троицкаго Сергіева. Далѣе, въ XVII вѣкѣ, присоединяется еще одинъ новый элементъ: колонизація раскольническая. Но было бы трудно рѣшить, въ какой степени притокъ населенія на сѣверъ былъ усиленъ гоненіями на расколъ. Повидимому, дѣло сводилось здѣсь не столько къ появленію новаго населенія, сколько къ перемѣщенію стараго внутри тѣхъ же предѣловъ поморскаго бассейна.

Настоящая область колонизаціи—это юговостокъ Россіи, частью заселенный инородцами, частью опустошенный кочевниками. Движеніе населенія на юговостокъ можно прослѣдить съ гораздо большей отчетливостью, чѣмъ колонизацію сѣвера. Причины этого тѣ, что, во-первыхъ, заселеніе юговостока происходитъ позднѣе, чѣмъ заселеніе сѣвера, во-вторыхъ, населеніе движется сюда цѣлыми массами и, въ-третьихъ, движеніе этихъ массъ происходитъ подъ прямымъ вліяніемъ и контролемъ московскаго правительства, взявшаго на себя оборону южной границы, а отъ обороны нечувствительно перешедшаго къ наступленію.

Чтобы опредѣлить районъ юговосточной колонизаціи, мы должны прежде всего установить крайнюю границу опустошеній. произведенныхъ набѣгами изъ степи. Набѣги эти начались, какъ мы видѣли, очень давно и велись съ перемежающейся силой. Въ послѣдній разъ набѣги усилились тогда, когда испортились мирныя отношенія Руси съ Золотой Ордой: точнѣе, когда Орда, со второй половины XIV вѣка, начала приходить въ упадокъ, и ордынскіе ханы потеряли возможность удерживать въ повиновеніи собственныхъ мурзъ. Сильнѣйшіе изъ этихъ мурзъ стали тотчасъ же образовывать цѣлый рядъ самостоятельныхъ владѣній, среди которыхъ особенно выдвинулись владѣнія крымской и нагайской орды.

Русское населеніе, спокойно сосѣдившее съ татарами, послѣ разстройства мирныхъ отношеній должно было быстро отодвинуться на сѣверъ, подальше отъ степи. Весь югъ Россіи, начиная съ Орловской губерніи, представлялъ уже и безъ того совершенную пустыню въ XIV и XV столѣтіяхъ. Теперь и на сѣверъ отъ Орловской губерніи, въ Тульской и Рязанской, населеніе старалось держаться поближе къ Окѣ, — преимущественно между Окой и

Проней съ Утой, а дальше на востокъ—между. Окой, Волгой, Пьяной и Тешей.

Планомѣрная борьба Москвы со степными врагами началась только съ середины XV вѣка, т. е. какъ разъ тогда, когда только-что образовалось Казанское царство и когда набѣги усилившагося Крымскаго ханства стали особенно тяжелы. Потребность въ защитѣ стала настолько велика, что надо было во что бы то ни стало найти средства для ея удовлетворенія. Московское государство было для этого въ тотъ моментъ еще недостаточно сильно. На первыхъ порахъ оно ограничилось только тѣмъ, что было безусловно необходимо для его собственнаго самоохраненія. Оно рѣшилось защищать ближайшую естественную границу, «берегъ» (Оки). Но и для обороны «берега» оно употребило не собственные силы, которыя еще не были созданы, а силы подручныхъ татарскихъ царевичей. Такіе «служилые» царевичи появляются во второй половинѣ XV вѣка въ городахъ по Окѣ: въ Каширѣ, въ Серпуховѣ, въ Касимовѣ.

Пока въ Крыму сидѣлъ союзникъ Москвы, Менглы-Гирей, эта простая мѣра казалась достаточной. Но она оказалась слишкомъ слабой, когда Менглы-Гирей смѣнилъ враждебный Москвѣ Махметъ-Гирей и когда три ханства—крымское, астраханское и казанское, соединились въ рукахъ династіи Гиреевъ. Страшный набѣгъ 1521 года показалъ, что услуги царевичей не могутъ спасти Москву отъ неожиданностей со стороны степи. Пришлось сдѣлать новое усиліе и позаботиться о регулярной охранѣ «берега». На «берегъ» ежегодно начинаютъ командироваться полки, а на югъ отъ Оки также выставляются въ извѣстныхъ мѣстахъ сторожевыя войска. Къ срединѣ XVI вѣка создается, такимъ образомъ, первая правильная линія обороны. Мѣста стоянки войскъ становятся крѣпостями; между ними проводятся валы и засѣки. Общее направленіе оборонительной линіи можно видѣть на картѣ, гдѣ эта линія принята за границу осѣдлаго населенія въ срединѣ XVI вѣка *). Восточнѣе Шацка русское населеніе жило уже среди инородцевъ и не рѣшалось продвигаться на югъ изъ Запьянья, колонизованнаго еще въ XIV вѣкѣ. Еще дальше на востокъ, со взятіемъ Казанскаго царства, Москва становится со второй половины вѣка твердой ногой въ поволжья. До покоренія Казани русское населеніе держалось только въ верховьяхъ Вятки и Камы; теперь русская колонизація дѣлаетъ изумительно быстрые успѣхи въ камскомъ бассейнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ открывается широкая до-

*) Т. наз. Тульская линія: Путивль, Рыльскъ, Трубчевскъ, Брянскъ, Карачевъ, Болховъ, Мценскъ.

рога въ Сибирь. Въ 1558—68 г.г. братья Строгановы получили свои первыя грамоты на «мѣста пустыя» по Камѣ и Чусовой, гдѣ «прежде сего пашни не пахиваны и дворы не ставвали». Прошло еще десять лѣтъ со времени послѣдней грамоты, и царскій пи-сець нашелъ на земляхъ, пожалованныхъ Строгановымъ, 35 деревень и починковъ съ населеніемъ до 1.500 человекъ. Еще десять лѣтъ спустя казаки Строгановыхъ нашли дорогу въ Сибирь, и слѣдомъ за ними потянулись туда непрерывной вереницей русскіе поселенцы и искали приключеній. Владѣнія Строгановыхъ были для нихъ, на пути изъ Россіи въ Сибирь, промежуточной стоянкой, гдѣ они отдыхали и запасались новыми силами.

Такъ же быстро создалось и окрѣпло, послѣ взятія Казани, русское владычество по рѣкамъ Бѣлой и Ику на всемъ теченіи Волги. Одновременно съ Астраханью Москва подчиняетъ башкиръ, повиновавшихся раньше нагайцамъ; подорвавъ такимъ образомъ господство нагайцевъ, московское правительство систематически стѣсняетъ и оскорбляетъ послѣднихъ построеніемъ укрѣпленныхъ городовъ по Волгѣ и въ сердцѣ Башкиріи (Самара, Царицынъ, Саратовъ, Уфа).

Прямо на югъ отъ тульской линіи работа построенія новыхъ городовъ пошла во второй половинѣ XVI вѣка не менѣе бойко. За это время возникла большая часть городовъ Орловской губерніи; города западной части губерніи, существовавшіе раньше, были вновь укрѣплены или перестроены. Южнѣе Орловской губ. появляется въ послѣдніе годы XVI столѣтія Бѣлгородъ; нѣсколько раньше выстраивается Воронежъ.

Смутное время сразу останавливаетъ все это движеніе на югъ. Наиболѣе южные форпосты (какъ Царевъ-Борисовъ) исчезаютъ безслѣдно. Крапивна, Тула, Дѣдиловъ, Епифанъ (а раньше: Михайловъ, Пронскъ), Ряжскъ и Шацкъ, всѣ эти пограничныя крѣпости построены или вновь укрѣплены между 1550—1560 г.г. Татарскіе «шляхи»*) снова протаптываются кочевниками; населеніе разбѣгается изъ бассейна рѣки Оскола (по обѣ стороны которой тянутся два «шляха») и ищетъ убѣжища на лѣсныхъ притокахъ Донца, кругомъ Бѣлгорода,—или на еще болѣе отдаленномъ Воронежѣ, защищенномъ лѣсами Тихой Сосны. Сѣвернѣе Бѣлгорода, въ Курской губерніи, гдѣ сходятся (на водораздѣлѣ донскихъ, днѣпровскихъ и окскихъ притоковъ) всѣ татарскіе шляхи, населеніе пока не рѣшается селиться. Въ такомъ положеніи находится дѣло колонизаціи, когда правительство, оправившись отъ смуты и испытавъ во время второй польской войны (1634) все неудобство границы, открытой со

*) Дороги: см. карту. Западный шляхъ назывался Муравскимъ; восточнѣе расположенъ—Изюмскій, самый восточный—Калиусскій.

стороны степи, — принимается вѣновь за строительную и колони-
заціонную дѣятельность. Втеченіе двадцати лѣтъ (1636—1656)
создаются теперь три новыхъ оборонительныхъ линіи, примыкаю-
щихъ другъ къ другу: Бѣлгородская, Симбирская и Закамская *).
Почти на всемъ протяженіи этой черты правительству приходи-
лось строить новые города, специально съ цѣлями обороны; во
многихъ мѣстахъ ему приходилось вмѣстѣ съ городами создавать
и населеніе. Въ западной части черты населеніе, правда, мѣстами
выходило даже за предѣлы укрѣпленной линіи; но въ восточной
части, гдѣ вольная колонизація сдѣлала гораздо меньше успѣховъ,
пришлось насильно переводить на черту поселенцевъ. Такъ, въ
Инсарь переведены были колонисты изъ Темникова, въ Корсунь—
изъ Алатыря, въ Симбирскъ—изъ Тетюшей. Гдѣ было на лицо
крестьянское населеніе, правительство обращало его въ служилое;
не брезговали и инородцами для заселенія новой военной границы.

То же самое и въ то же время дѣлало въ сосѣднихъ съ Рос-
сіей мѣстахъ польское правительство. Мы говорили уже, что съ
начала XVII вѣка украинское населеніе начало заселять полтав-
щину. Правительство успѣшило воспользоваться имъ для цѣлей
военной обороны. Вмѣсто всякихъ подробностей, мы можемъ при-
вести здѣсь свидѣтельство очевидца и участника этой военной ко-
лонизаціи, инженеря Боплана. «Втеченіи 13-ти лѣтъ, — пишетъ
онъ, — проведенныхъ мной на службѣ двухъ польскихъ королей
(1630—1647),... я основалъ болѣе пятидесяти значительныхъ сло-
бодъ или колоній, образовавшихъ, въ свою очередь, въ нѣсколько
лѣтъ до тысячи деревень, благодаря приросту новыхъ поселеній.
Это населеніе раздвинуло границы государства...; эта страна (боль-
шая часть которой заселена была при мнѣ) составляетъ теперь
непрístupный оплотъ противъ могущества турокъ...; въ провин-
ціи, которая открывала врагамъ безпрепятственный путь къ по-
бѣдамъ, они, къ величайшему своему изумленію, встрѣчаютъ те-
перь неизбѣжный позоръ и гибель».

Населеніе пришло, однако, въ полтавщину вовсе не для того,
чтобы прикрывать собой границы польскаго государства. Народъ
бѣжалъ за Днѣпръ, чтобы спастись отъ польскихъ порядковъ.
Эмиграція приостановилась, какъ только началось возстаніе Хмель-
ницкаго. Но когда надежда на благополучный исходъ борьбы была
потеряна, эмиграція снова растетъ (съ 1651 г.) и скоро при-
нимаетъ небывалые размѣры. «И повегѣлъ народу (Хмельницкій)»,

*) Ахтырка, Бѣлгородъ, Короча, Острогоскъ, Воронежъ, Усмань, Ков-
ловъ, Тамбовъ, Верхній и Нижній Ломовы, Инсарь, Саранскъ, Корсунь, Сим-
бирскъ, Сингилей, Мензелинскъ.

такъ рассказываетъ малорусскій лѣтописецъ (Грабянка), «вольныо сходить съ городовъ, кидаючи свои пожитки, къ Полтавщинѣ, такожь и за границу у Великую Россію, чтобы тамъ селиться городами. И отъ того часу стали селиться: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и всѣ слободы до самаго Дона козацкимъ народомъ». Показанія лѣтописца вполне подтверждаются фактами. Въ 1652 году уже намѣчаются границы малорусской иммиграціи: на западѣ основываются Сумы, на востокѣ—Острогожскъ. Въ Острогожскъ пришелъ цѣлый полкъ—1.000 человекъ—изъ Волини, послѣ пораженія подъ Берестечкомъ. Въ 1654 г., не говоря о болѣе мелкихъ населеніяхъ,—является Ахтырка, тоже полковой городъ съ населеніемъ болѣе 1.000 чел. муж. пола, и Харьковъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ принятіемъ Малороссіи въ русское подданство, эмиграція малороссовъ опять приостанавливается, съ тѣмъ, чтобы снова усилиться въ эпоху Руины. Правда, берегъ былъ совершенно опустошенъ поляками и татарами (особенно тяжела была вторая половина 70-хъ годовъ). Вотъ свидѣтельство другого малорусскаго лѣтописца о томъ, какой видъ представляла украинна послѣ этого «сгона». «Проходя украинну того берега»,—говоритъ Величко, «я видѣлъ много городовъ и замковъ пустыхъ и безлюдныхъ...; и стѣны видѣлъ... разваленныя, къ землѣ прикишія, лѣсомъ заросшія и покрытыя сорной травой, въ которой гнѣздятся змѣи, гады и черви. И поля, и сады, и ловли, и озера,—все заустѣло; повсюду множество костей человѣческихъ, голыхъ и сухихъ, прикрытыхъ однимъ небомъ. А не даромъ поляки звали ту украинну раемъ польскаго міра: потому что до войны Хмѣльницкаго она была какъ вторая земля обѣтованная, текущая млекою и медомъ».

За то на московской сторонѣ появляется въ это время рядъ новыхъ городовъ, основанныхъ малороссами: Суджа, Бѣлополье, Волчанскъ, Торъ, Золочевъ и нѣсколько городковъ на донецкихъ перевозахъ. Такимъ образомъ, за какія-нибудь 30 лѣтъ (1650—1680) заселяется югъ Курской губерніи, вся Харьковская, за исключеніемъ восточныхъ уѣздовъ и западъ Воронежской губ. Только что построенная московскимъ правительствомъ Бѣлгородская черта оказывается совершенно заслоненной малорусскими поселеніями. Для защиты вновь колонизованныхъ мѣстъ приходится въ 1680 годахъ устроить третью дополнительную линію укрѣпленій—по Донцу. Но и эта линія тотчасъ же опережается съ юга новыми поселенцами: одновременно съ ея устройствомъ поселяется южнѣе ея Изюмскій полкъ. Тогда же возникаетъ, поэтому, идея—провести новую (четвертую) укрѣпленную черту, которая загородила

бы отъ набѣговъ водораздѣлъ Днѣпра и Донца: по этому водораздѣлу шелъ одинъ изъ главныхъ татарскихъ шляховъ,—Муравскій.

Осуществленіе этой идеи было, однако, отложено, — вѣроятно, подѣ влияніемъ тѣхъ надеждъ, которыя возбуждены были ходомъ борьбы съ Турціей. Бахчисарайскимъ договоромъ 1681 г. за Россіей были признаны запорожскія земли; затѣмъ, довольно неопредѣленныя границы этихъ земель были приведены въ ясность перемиріемъ съ Турціей 1700 года и межевой записью 1705 года. Казалось, при такомъ продвиженіи владѣній—на югъ отъ Екатеринославской губерніи — не было никакой надобности укрѣплять южную границу Харьковской и Полтавской губ. Скоро, однако, Прутская неудача положила конецъ этимъ надеждамъ. Русская граница по прутскому миру 1711 года отодвинулась снова до Кіевской, Полтавской, Харьковской губерній, а къ передѣламъ 1705 года вернулась не раньше бѣлградскаго мира (1739) и послѣдовавшихъ за нимъ разграниченій 1740 и 1742 годовъ. Такимъ образомъ, надо было опять подумать объ укрѣпленіи границъ Слободской украины *). Первыя мѣры были приняты немедленно: въ томъ же 1711 г. учреждена ландмилиція, или пограничная военная стража. Но только при Аннѣ устройство новой оборонительной линіи было закончено, передъ самымъ началомъ турецкой войны (1731—35). На линіи было поселено 20 ландмилицкихъ полковъ; самая линія укрѣплена цѣлымъ рядомъ фортовъ и, между ними, различными земляными сооруженіями. Какъ мы сказали, однако, запорожскія земли черезъ четыре года вернулись къ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и только-что укрѣпленная («Украинская») линія перестала быть пограничной. Для обороны новой границы понадобились новыя мѣры, которыя правительство и начинаетъ принимать съ середины XVIII столѣтія.

Обратимся теперь къ колонизаціи болѣе восточныхъ мѣстностей Россіи за тотъ же промежутокъ—съ середины XVII по середину XVIII столѣтія. Какъ и въ предыдущее столѣтіе, колонизаціонное движеніе здѣсь сильно отстаетъ отъ мѣстностей, только-что разсмотрѣнныхъ. Защищенныя лѣсами и поселеніями инородцевъ, эти мѣста менѣе подвергались опасности со стороны степи. Правительство не было заинтересовано въ ихъ заселеніи и оборонѣ: поэтому, и колонизація за весь XVII вѣкъ почти не двигалась далѣе Бѣлгородской и Симбирской черты. Къ срединѣ XVIII вѣка населеніе продвинулось сколько-нибудь значительно за черту только

*) Подѣ Слободской украиной разумѣлись поселенія малороссійскихъ полковъ 1650—80 годовъ, т.-е. Изюмскаго, Харьковскаго, Острогожскаго Ахтырскаго и Сумскаго

въ самомъ безопасномъ углу—между теченіемъ Волги (отъ Симбирска до Саратова) и Симбирской чертою. Дальше на югъ начинается бассейнъ донскихъ притоковъ — старинное достояніе донскаго казачьяго войска. Почти въ одно время съ запорожскимъ, около половины XVI вѣка, оба эти низовыхъ войска становятся замѣтны въ исторіи. Съ Баторія запорожское войско служитъ, хотя не очень вѣрно, Польшѣ и отъ Баторія получаетъ грамоту на дикія поля по Днѣпру. Съ современника Баторія, Ивана Грознаго, донское войско служитъ Москвѣ, — и тоже не очень вѣрно, — да и жалованье царское не велико: казаки служатъ «съ земли и съ воды». Какъ время появленія двухъ войскъ, такъ и время паденія ихъ независимости совпадаетъ: въ томъ же самомъ 1775 г., когда русскія войска разрушаютъ Сѣчь по приказанію Екатерины, Потемкинъ учреждаетъ въ войскѣ донскомъ войсковую канцелярію, которая упраздняетъ старую дѣятельность войскового круга. За эти два вѣка своей исторіи оба войска—сперва расширяютъ свои земли путемъ вольной казацкой колонизаціи, и затѣмъ, подъ напоромъ колонизаціи съ сѣвера, ихъ территоріи начинаютъ сокращаться. Съ конца XVII вѣка донскихъ казаковъ начинаютъ тѣснить съ Донца малороссійскіе колонисты; въ то же время съ сѣвера Воронежской и Тамбовской губерній бѣжитъ къ донскимъ казакамъ великорусская вольница. Правительство принимаетъ мѣры, старается поставить барьеръ противъ бѣговъ гулящихъ людей въ придонскія степи. Въ 1682 году встрѣчаемъ первое запрещеніе принимать бѣглыхъ; въ 1683 году устроена застава на границѣ Воронежской губерніи, а въ 1703 г. посланы чиновники для приведенія въ извѣстность казачьихъ городковъ на Дону: городки (которыхъ въ 1672 г. числилось уже 48) описаны, и казакамъ запрещено занимать пусто-порожнія земли. Въ общихъ чертахъ земля войска донскаго приводится въ ея теперешніе предѣлы. вмѣстѣ съ тѣмъ открывается возможность прочнаго заселенія отрѣзанныхъ у войска рѣчныхъ верховьевъ съ ихъ притоками. Уже Петръ I разрѣшаетъ острогожскимъ казакамъ занять мѣста по Айдару; въ 1732 году они являются сюда и заселяютъ самый восточный уѣздъ Харьковской губерній (Старобѣльскій). За тотъ же промежутокъ времени, т. е. съ конца XVII вѣка по середину XVIII, начинается заселяться югостокъ Воронежской и Тамбовской губерній, и сѣверъ Саратовской.

Такъ же медленно продвигалось на югъ заволжское населеніе. Вплоть до Петра Великаго сплошныя русскія поселенія не шли за Волгой дальше Черемшана, т. е. маленькаго сѣверо-западнаго уголка Самарской губерніи. Но со времени Петра частые башкирскіе бунты заставляютъ правительство обратить вниманіе на

колонизацію этого края. Дѣло начинается съ того, что старая закамская линія передвигается южнѣе, къ окраинѣ осѣдлаго населенія: вмѣсто Сенгилея, западной ея оконечностью становится Самара (1730). Но затѣмъ изъ оборонительнаго положенія правительство переходитъ въ наступательное. Возникаетъ идея—прорѣзать поселенія инородцевъ укрѣпленной линіей по Уралу, окруживъ, такимъ образомъ, съ тыла поселенія башкиръ и отрѣзавъ ихъ сообщенія съ киргизами. Въ 1734—44 гг. эта идея приводится въ исполненіе. Центромъ новой линіи становится Оренбургъ. Отъ него внизъ и вверхъ по Уралу тянется рядъ крѣпостей. Защита нижняго теченія Урала поручается старожиламъ,—яицкимъ казакамъ, извѣстнымъ въ исторіи съ конца XVI вѣка. На верхній Уралъ переселяются правительствомъ войска со старой укрѣпленной черты: два полка переводятся со старой закамской линіи, два другихъ—съ новой черты 1730 года, которая теряетъ самое значеніе послѣ укрѣпленія Урала; наконецъ, еще два полка сформировываются вновь. Такимъ образомъ создается зерно Оренбургскаго казачьяго войска. Со старыми поселеніями на Волгѣ новая черта соединяется рядомъ крѣпостей по р. Самарѣ.

Послѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій пустое пространство между старой и новой укрѣпленной линіей начинаетъ быстро наполняться переселенцами. Такимъ образомъ заселяются Бугульминскій и Бугурусланскій уѣзды Самарской губерніи. Южнѣе Самары все пространство остается пустыннымъ до Екатерины II.

Какъ видимъ, колонизація заволжья находится въ самой тѣсной связи съ правительственными мѣрами для обороны края. То же самое придется повторить и относительно дальняго востока Россіи, съ тою только оговоркой, что здѣсь былъ еще одинъ серьезный поводъ стараться о замиреніи края: это — возникавшее на Уралѣ горнодѣліе. До середины XVII вѣка русское населеніе держалось теченія тѣхъ главныхъ рѣкъ, которыя привели его въ Сибирь. Съ этого времени начинается движеніе населенія на югъ, въ предѣлы Красноуфимскаго, Екатеринбургскаго, Камышловскаго и Шадриискаго уѣздовъ Пермской губерніи. По мѣрѣ знакомства съ горными богатствами пермскаго юга, начинаютъ возникать и горнозаводческія предпріятія, въ судьбѣ которыхъ, особенно съ Петра Великаго, принимаетъ близкое участіе правительство. Екатеринбургъ въ 1723 г., Красноуфимскъ въ 1736 г. возникаютъ въ качествѣ крѣпостей для защиты страны отъ башкиръ. Въ 1754 г. создается между обоими пунктами рядъ промежуточныхъ крѣпостей. Впрочемъ, къ этому времени, послѣ опустошительной войны второй половины 30-хъ годовъ, башкиры перестали быть

страшными. Отъ киргизовъ охраняла новая линія по Уралу и Ую. Насколько безопасно чувствовало себя населеніе отъ тѣхъ и другихъ враговъ, видно изъ того, что около середины вѣка и хѣстность на сѣверъ отъ Уя, между этой рѣкой и Мясомъ, начинаетъ быстро заселяться. Такимъ образомъ, къ срединѣ XVIII вѣка населеніе проникло до крайнихъ восточныхъ предѣловъ европейской Россіи.

Вторая половина XVIII вѣка была еще богаче послѣдствіями для исторіи русской колонизаціи, чѣмъ первая. Правительство продолжало видѣть въ колонизаціи лучшее средство для борьбы съ степью. Съ построеніемъ украинской линіи 1730 года русское населеніе придвинулось къ самой границѣ, за которой кончалась черноземная земледѣльческая полоса и начиналась степь. Вмѣстѣ съ тѣмъ истощился и колонизаціонный матеріалъ—малорусскій и великорусскій. Но въ виду ослабленія Крыма и вызванныхъ этимъ ослабленіемъ политическихъ плановъ и стратегическихъ соображеній, правительство продолжало искусственно развивать дальнѣйшую колонизацію въ степь. Запаса вольныхъ колонистовъ болѣе не хватало для такого быстрого заселенія юга, какого хотѣло правительство. Поэтому оно обратилось къ заграничному переселенческому матеріалу,—и прежде всего къ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ—южнымъ славянамъ.

Собственно говоря, еще при Петрѣ начались попытки выманить турецкихъ и австрійскихъ славянъ въ южную степь. Въ срединѣ вѣка славяне являются массами. Въ 1750-хъ годахъ на флангахъ Украинской линіи выстраиваются сербскія военныя поселенія. За южной границей Киевской губерніи селится полкъ Хорвата и возникаетъ поселеніе т. наз. Новой Сербіи. Южнѣ Новой Сербіи появляется вскорѣ новый слободской полкъ. Такимъ образомъ, колонисты размѣщаются уже среди запорожскихъ земель, отнимаемыхъ теперь у старыхъ владѣльцевъ. На восточномъ флангѣ Украинской линіи, на Лучани и Бахмутѣ, поселяются полки Шевича и Прерадовича—Славяно-сербія. Съ этой стороны тоже отодвигаются запорожскія поселенія, а часть ихъ входитъ въ составъ новыхъ полковъ. Помимо славянъ, правительство открываетъ доступъ въ новыя поселенія раскольникамъ и бѣглымъ; тотъ и другой элементъ скоро начинаютъ составлять преобладающую часть населенія. Черезъ десять лѣтъ послѣ поселенія Хорвата (1764) украинская линія оказывается настолько закрытой новыми поселеніями, что теряетъ свое стратегическое значеніе и упраздняется вовсе. Еще черезъ шесть лѣтъ, во время турецкой войны, является новая (5-я) Днѣпровская линія по границѣ теперешней Екатерино-

славской губерніи съ Таврической. Такимъ образомъ, русскія укрѣпленія подошли вплотную къ нагайской степи. По Кайнарджійскому миру устанавливается граница, которая и на правомъ берегу Днѣпра доводитъ русскія владѣнія до нагайцевъ. Мы видѣли, что въ сущности уже договоры 1740—42 года включили запорожскія владѣнія въ предѣлы Россіи. Но укрѣпленія, созданныя тогда на границѣ, были разрушены безслѣдно ко времени турецкихъ войнъ. Фактически довести свою власть до этихъ предѣловъ русское правительство въ то время не имѣло еще возможности. Мы видѣли, что только въ 50-хъ годахъ, съ помощью славянскихъ колонистовъ, оно начинаетъ налагать свои руки на владѣнія запорожскихъ казаковъ. Теперь, немедленно послѣ Кайнарджійскаго мира, запорожскія земли окончательно присоединяются къ русской территоріи и самая сѣчь формально прекращаетъ свое существованіе. Больше 50 тысячъ стараго запорожскаго населенія становятся такимъ образомъ жителями русской Новороссіи. На земли, оставшіяся незанятыми, правительство въ тотъ же годъ открываетъ доступъ грекамъ и армянамъ изъ Крыма. Въ четыре года тѣхъ и другихъ переселилось до 30.000 человекъ. Наконецъ, въ 80-хъ годахъ правительство обращается къ иностраннымъ колонистамъ-сектантамъ и отводитъ подъ ихъ поселенія болѣе 500 тысячъ десятинъ въ предѣлахъ Новороссійскаго края. Такія же усиленныя мѣры принимаются для заселенія нагайской степи, присоединенной вмѣстѣ съ Крымомъ въ 1783 году. Но заселеніе русскими Таврической губерніи, также какъ и Черноморскаго побережья между Бугомъ и Днѣстромъ, прибрѣтеннаго по Ясскому миру, относится уже къ XIX столѣтію. За то колонизація Новороссійскаго края уже въ прошломъ вѣкѣ достигла значительныхъ результатовъ. До 1750 годовъ на заселенной тогда сѣверной окраинѣ Новороссіи можно насчитать до 20 тысячъ русскаго населенія. Немного больше этого количества (до 27 тысячъ) жило въ то время въ предѣлахъ запорожскихъ земель. Всего, слѣдовательно, было въ Новороссіи середины XVIII вѣка едва-ли больше 50 тысячъ человекъ населенія. Въ 1790-хъ годахъ это количество болѣе чѣмъ удесятирилось: несмотря на двѣ турецкія войны, которыя обѣ коснулись Новороссіи и дорого ей стоили, въ ней насчитывалось жителей болѣе полумилліона *). Такимъ образомъ, за какія-нибудь 40 лѣтъ выросъ Новороссійскій край.

Въ то же самое время русская колонизація становится твердой

*) Напомню, что количество жителей трехъ новороссійскихъ губерній доходитъ уже до 5 милліоновъ, т. е. въ 10 разъ больше, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

ногой на Кавказѣ. Въ 1777—99 годахъ устраивается укрѣпленная «Кавказская» линія на Кубани и Терекѣ. Для обороны линіи, кромѣ истари жившихъ здѣсь терскихъ и гребенскихъ казаковъ, переселены были нѣсколько казачьихъ полковъ съ Дона и съ Волги. Этимъ средствомъ правительство достигало сразу двухъ цѣлей: оно освобождалось отъ безпокойныхъ элементовъ въ мѣстностяхъ, ставшихъ безопасными въ военномъ отношеніи, и пріобрѣтало прочную точку опоры для дѣйствія противъ кавказскихъ горцевъ. Попытки проникнуть за Терекъ оставались, однако, неудачными вплоть до нашего столѣтія. вмѣстѣ съ тѣмъ и колонизація не могла двинуться въ прошломъ вѣкѣ дальше Терека и Кубани.

Заселеніе нижняго Поволжья также значительно подвинулось впередъ во вторую половину прошлаго вѣка. Здѣсь, какъ и на югѣ, правительство употребило въ дѣло искусственныя колонизаціонныя средства. Въ самый годъ вступленія на престолъ Екатерина II манифестомъ пригласила иностранцевъ и бѣжавшихъ за-границу раскольниковъ селиться въ поволжья, южнѣе Самары. На призывъ откликнулось значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ, поселившихся по теченію Волги, и раскольниковъ, основавшихъ свои скиты на Иргизѣ. На югъ отъ Иргиза все пространство Самарской губерніи осталось пустыннымъ, несмотря на то, что по теперешней южной границѣ губерніи устроена была правительствомъ для охраны населенія отъ киргизовъ и калмыковъ кордонная линія. Такимъ же пустыннымъ оставалось и пространство между Дономъ и Волгой на югъ отъ Царицына. Только въ нашемъ столѣтіи всѣ эти мѣстности получили сколько-нибудь значительное населеніе. Обширные южные уѣзды Самарской губерніи (Николаевскій и Новоузенскій), а также Царевскій уѣздъ Астраханской губерніи официально открыты только въ 1836 году.

Мы разсмотрѣли теперь, въ самыхъ общихъ чертахъ, численность, составъ и размѣщеніе русскаго населенія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ историческій процессъ, проходящій черезъ всю русскую исторію, оказался и до сихъ поръ недоконченнымъ. Въ составѣ населенія далеко не завершился вѣковой процессъ сліянія различныхъ этнографическихъ элементовъ и образованія новыхъ разновидностей русскаго племени. Въ размѣщеніи населенія прекратилось дѣйствіе историческихъ причинъ, отгѣснившихъ русское населеніе на сѣверъ и державшихъ его въ этомъ положеніи втеченіе цѣлой тысячи лѣтъ. Въ 200—300 лѣтъ результатъ дѣйствія этихъ причинъ, конечно, не могъ вполне изгладиться, и населеніе не успѣло еще расселиться по Россіи сообразно естественнымъ богатствамъ ея различныхъ мѣстностей. Но съ каждымъ годомъ

процессъ разрушенія послѣдствій, созданныхъ исторіей, быстро идетъ впередъ. Настоящее все болѣе стремится оторваться отъ прошлаго, а вмѣстѣ съ этимъ и «завѣты исторіи» все болѣе теряютъ надъ нами свою фатальную силу.

Общаго очерка колонизаціи Россіи до сихъ поръ не существуетъ въ литературѣ. Въ наиболѣе доступномъ видѣ читатель можетъ найти матеріалы для такого очерка въ статьяхъ Географическо-статистическаго словаря Россійской имперіи *П. Семенова*, Спб., 1863—1885 г., 5 томовъ; въ предисловіяхъ къ губернскимъ «Спискамъ населенныхъ мѣстъ Росс. имперіи», составл. и издаваем. централ. статистич. комитетомъ (съ 1861 г.): нѣкоторыя изъ этихъ предисловій («общія свѣдѣнія о губерніи») очень обстоятельны и обширны; въ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба», также по губерніямъ (такъ наз. 4-е изданіе, матеріалы для котораго собирались съ 1857 года). Изъ специальныхъ изслѣдованій наиболѣе послужили для составленія очерка и карты слѣдующія: *Д. Багалъй*. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Москов. государства. М. 1887, и *его же* Матеріалы для исторіи колонизаціи и т. д. 2 тома. Харьковъ, 1886—90. *И. Н. Миклашевскій*. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка (Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, ч. I). М. 1894. *Д. И. Эварницкій*. Вольности запорожскихъ казаковъ, историко-топогр. очеркъ. Спб. 1890. *Скальковскій*. Хронологическое обозрѣніе. Исторія Новороссійскаго края. 1731—1823. Одесса, 1836—38, 2 части, и *его же* Исторія Новой Сѣчи (2-е и 3-е изданія). *Перетятковичъ*. Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ. М. 1877 и *его же* Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка, Одесса, 1882. *Фирсовъ*. Иностранческое населеніе прежняго Казанскаго царства (въ Запискахъ Казан. Универ. 1870). *Витевскій*. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. 3 выпуска. Казань, 1789—91 и *его же* И. И. Неплюевъ, біограф.-истор. очеркъ. Каз. 1891. Свѣдѣнія о сѣверныхъ монастыряхъ сгруппированы по Исторіи Россійской Іерархіи и по *Ратшину*, Полное собраніе историч. свѣдѣній о монастыряхъ. М. 1852.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЭТЪ.

(И з ъ К а р д у ч ч и).

Въ пирь жизненный вступаая,
 О чернь тупая,
Поэтъ не лизоблюдь на немъ.
Онъ сыплеть прибаутки,
Стихи и шутки
Не изъ-за мѣста за столомъ.

Онъ не бездѣльникъ тоже,
Съ ночнаго ложа
 Встающій небо липъ коптить,
Шнырять въ гостиныхъ, мостовую
 На пропалую
Безъ толку день-деньской гранить.

Онъ не садовникъ, дѣло
 Свое умѣло
Ведущій, всюду по грядамъ
 Капусту разсадившій,
И усладившій
Ковромъ фіалокъ зрѣнье дамъ.

Поэтъ—кузнецъ могучій...
 Работой жгучей
Себя онъ закалить съумѣлъ;
Глядитъ бойцомъ, торсъ голый,
Съ лица веселый,
 Рука крѣпка, взглядъ гордъ и смѣлъ!

Едва хоръ птицъ проснулся,
 И улыбнулся
 Зари лучъ первый надъ холмомъ,
 Огонь онъ раздуваетъ,
 Въ тактъ выбиваетъ
 По наковальнѣ молоткомъ.

Сверкаетъ пламя, блещетъ,
 Горитъ, трепещетъ,
 И сыплетъ искры тутъ и тамъ;
 Огонь реветъ и свищетъ,
 Какъ будто ищетъ
 Исходъ желанный къ небесамъ.

Единый Богъ лишь знаетъ,
 Что заключаетъ
 Въ себѣ плавъ жгучій въ тотъ моментъ;
 Кузнецъ его мѣшаетъ,
 Въ него бросаетъ
 Любви и мысли элементъ,

И старины преданья,
 И предсказанья
 О предстоящихъ дняхъ—
 Бросаетъ онъ въ горнило.
 Что сердцу мило,
 Въ его таятъ глубинахъ.

Плавъ раскаленный въ дѣло
 Затѣмъ онъ смѣло
 Беретъ и съ пѣснею куетъ,
 И на его работу
 Льетъ позолоту
 Лучъ солнца съ радостныхъ высотъ.

Куетъ онъ—и народы
 Здѣсь для свободы
 Найдутъ кольчуги, мечъ, щиты,
 Вѣнны побѣдъ и шлемы,
 И діадемы,
 Во славу нѣжной красоты...

Куетъ онъ украшенья
И подношенья
Въ узорахъ рѣдкихъ на пиры;
Для алтарей, для вѣры,
Куетъ безъ мѣры,
Безъ счета чудные дары.

Себѣ жъ онъ выдѣляетъ
И оставляетъ
Стрѣлу изъ золота; шутя
Ее онъ вверхъ бросаетъ,
Она сверкаетъ,
Блестить—и радъ онъ, какъ дитя.

М. Ватсонъ.

Г Е Н И Й

О Ч Е Р Ъ Ъ .

Я только-что вернулся съ одного прощальнаго обѣда совершенно въ замороженномъ состояніи. Морозъ стоялъ на улицѣ, супъ ѣли — замороженный, шампанское пили — замороженное, отъ рѣчей, стиховъ, тостовъ вѣяло также морозомъ; неудивительно, что какой-то шутникъ передъ десертомъ попросилъ рюмку водки — „согрѣться“. Въ довершеніе неприятности, исчезъ куда-то мой сожитель по номеру гостинницы, всегда живой и веселый художникъ, имѣвшій обыкновеніе живописать въ карриатурахъ истекшій день; впрочемъ, судя по его барашковой „баши-бузучеѣ“, а также по веселому хохоту въ биллиардной, онъ былъ недалёко. Я залилъ чай, поставилъ на самоваръ чайникъ — „дабы нарвало“ — вкусы у моего Сергѣй Сергѣича были самые московскіе — и уже собрался клизнуть слугу и отправить его на розыски художника, какъ слуга самъ вошелъ въ номеръ.

— Вы подавали полицейское объявленіе?

— О чемъ?

— О пропажѣ собаки?

— Ахъ, Медора... Это Сергѣй Сергѣичъ. А что? привели?

— Да... какой-то...

— Зови его сюда, а самъ отыщи Сергѣя Сергѣича.

Черезъ минуту собака съ радостнымъ визгомъ ворвалась въ комнату въ сопровожденіи высокой, плечистой фигуры, остановившейся у дверей.

— Хе-хе, узнала, видно, бестія, хозяина, — прилично и сдержанно отозвалась отъ дверей фигура.

Странно: голосъ мнѣ показался знакомымъ. Я взялъ свѣчу — поближе взглянуть на вошедшаго — и невольно ахнулъ. Предо мною стоялъ — положимъ, въ истертомъ пальто, съ краснымъ шарфомъ на шеѣ, поблекшій, измѣнившійся, по-

старѣвшій, и все-таки несомнѣнно онъ, мой нѣбогда лучший другъ, „даровитѣйшая голова въ нашемъ классѣ“, извѣстная всему училищу подъ прозвищемъ „генія“. Въ первое мгновение я до такой степени пораженъ, что только и могу воскликнуть:

— Иванъ Николаичъ!.. Да ты ли?!..

Затѣмъ дѣлаю невольную и неловкую попытку его объять.

— Я, я—самый! Всей своей персоной, ха-ха! — отвѣчаетъ онъ, обнимаясь.

— И ловишь собакъ?

Я хочу воскликнуть: „Ты, умница и философъ, съ которымъ мы плавали надъ Рудинимъ... которому ничего не стоило „срѣзать“ зарпортовавшагося учителя, сѣмпровизировать остроумный стиховъ или написать на любую тему „сочиненіе“, причемъ всегда выходило, что и Гартманъ, и Спенсеръ, и Милль, хотъ и неохотно, но все-таки „съ авторомъ“ „соглашаются“, — ты, которому всѣ пророчили блестящую будущность и всѣ поголовно завидовали—и вдругъ оказываешься въ такомъ положеніи?!“ но у меня выходитъ только вышеприведенная фраза.

Онъ между тѣмъ, какъ бы угадывая мои мысли и какъ бы желая еще сильнѣе поразить меня, становится въ позу, совершенно какъ прежде на товарищескихъ пирушкахъ, и съ своей обычной находчивостью декламируетъ:

Я—другъ собакъ бездомныхъ,
Неволей тяжкой удрученныхъ—
И сбѣжавшихъ со двора...
Я—другъ бульдоговъ, сеттеровъ,
«Амишекъ», «Дружковъ», «Церберовъ»,
«Трезоровъ» и «Биби»,
«Барбосовъ, датскихъ»...

— А... чортъ! риѣма улизнула!..—Онъ поглядѣлъ на меня и нахмурился. — Однако къ дѣлу! Довольно стиховъ, будемъ говорить прозой. Напримѣръ: эта собака чья? Твоего пріятеля?

Я не успѣлъ отвѣтить; слуга вошелъ въ комнату и доложилъ:

— Сергѣй Сергѣичъ приказали сказать, что они заняты... и чтобы вы сами разчитались... съ этимъ...

Онъ черезъ плечо поглядѣлъ на Ивана Николаича.

Я удалилъ его изъ комнаты, заперъ двери и, подойдя къ Ивану Николаичу, спросилъ прямо:

— Сколько тебѣ?

— А ты чѣмъ, по старой дружбѣ, думаешь отгѣхать?— проговорилъ онъ, вдругъ покраснѣвъ, съ кривой, неприятной усмѣшкой.—Меньше красненькой за эту собаку я, братъ, не могу...

— Хорошо, хорошо...

— Мнѣ содержаніе ея...

— Ну, будетъ, будетъ! Вотъ получи. А теперь все это къ чорту? Мы старые товарищи—и выпьемъ по товарищески... Садись-ка... Вспомнимъ старинку...

— Это вотъ дѣло! Отлично!.. выпьемъ!..—тотчасъ согласился онъ, успокоиваясь.—Главное—тебѣ любопытно, какъ я дошелъ до такого положенія? Ну, ну, ладно, развѣ я не вижу? Ахъ, мнѣ это рѣшительно все равно... А вотъ посидѣть—такъ пріятно... Фу, какъ усталъ я!.. Усталъ во всѣхъ смыслахъ!.. Да, братъ, было снѣга на моей головѣ! Если все это поразсказать, какъ, напримѣръ, меня изъ технологическаго вырвали съ корнемъ... или какъ я въ конторѣ бухгалтерію велъ—и какъ меня оттуда выкурили... какъ состоялъ у купца „нолѣсной отрасли“ управляющимъ... и такъ далѣе, и такъ далѣе, о,—всего на возу не увезешь! Жаль, что вотъ некогда. Нужно быть въ девятомъ часу у... у нѣкоего барина. Тутъ я, видишь ли, кончаю трактатъ одинъ... Что?.. опять удивился?—ученый... такъ вотъ... Впрочемъ, это пока секретъ. Скажу одно: можетъ быть, недалеко то время, когда ты... и всѣ вы... убѣдитесь, что я не совсѣмъ еще погибшій...—Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе—какъ бы встать, но тотчасъ улыбнулся и прибавилъ:—Ну-съ, а теперь я вотъ что сдѣлаю: разскажу тебѣ одинъ комическій эпизодъ изъ моихъ странствованій, а именно—какъ я проживалъ на даровой квартирѣ со всѣми удобствами и какъ встати тутъ же попалъ вотъ на эту мою... собачью идею, на это крупное подспорье въ моемъ скудномъ теперешнемъ существованіи. Оно недолго, а пожалуй, и любопытно. Однако, что я вижу? Рюмочка!.. Бутылка!.. Икра!.. Но ты живешь положительно аристократомъ. Очень пріятно видѣть, очень, что товарищи живутъ аристократами... А меня ужъ извини за дурныя манеры; „подпоръ сѣна не гноить“, говорятъ мужики, и я вполнѣ ихъ мнѣнія, а потому, не медля, себѣ наливаю вторую... Ну, а теперь можно приняться и за повѣствованіе: не приведи Богъ, какая благодать по душѣ пошла...

Онъ зажегъ папиросу, откинулся на спинку кресла и началъ.

— Было это, милѣйшій мой,—вотъ что я сейчасъ расскажу тебѣ,—между бухгалтеріей и актерствомъ, а вѣрнѣе... между актерствомъ и сортировочной,—во всякомъ же случаѣ, въ то предательское время года, когда вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинается идти хлопьями снѣгъ, наступаютъ заморозки, между тѣмъ какъ на плечахъ болтается какая-нибудь резиновая американская крылатка... Кстати: до сихъ поръ—а ужъ, кажется, я не мальчикъ—я не могу отдѣлаться отъ чисто дѣтской тоски при видѣ первыхъ снѣжинокъ... Отчего это? Неужели мнѣ суждено замерзнуть когда-нибудь подъ заборомъ?—Иванъ Николаичъ принужденно захохоталъ и прибавилъ:—Впрочемъ, оно не разъ близко бывало... Да вотъ слушай. Начну я съ того, какъ однажды, именно въ такое-то предательское время, то-есть, въ половинѣ октября, я проснулся въ нѣкоторой чердачной мансардѣ. Вотъ наше горе!—сердито ткнулъ онъ пальцемъ на рюмку, но тотчасъ продолжалъ:—Потолокъ, понимаешь ли, по наклонной линіи спускается къ низенькому окошку, фортка отворена, и въ нее врываются унылые утренніе лучи съ пушистыми хлопьями снѣга. Какъ я сюда попалъ—исторія умалчиваетъ; припоминается мнѣ только какая-то казенная рѣшетка, вдоль которой я наканунѣ стремился... Надо сказать, лежу я на полу, и въ полномъ одѣяніи, на чьей-то шубѣ, порядочно осыпанный снѣгомъ. Затѣмъ, въ сторонѣ, маленькій столикъ, а за нимъ, при свѣтѣ огарка, возсѣдаютъ два человѣка, которыхъ я до сей поры ни разу не видѣлъ. Оба неважно одѣты, величаютъ другъ друга Фіуньковскимъ и Тпрртнкевичемъ, но несомнѣнно порядочные люди, такъ какъ сапоги мои цѣлы. Я приподнимаюсь, подхожу къ хозяевамъ, рекомендуюсь и, слово-за-слово, рассказываю о своемъ положеніи. Положеніе прескверное: у меня есть идея, и даже очень удачная идея, съ перспективой славы, богатства, но въ настоящемъ—ни квартиры, ни денегъ... Они, при всей своей практичности, понижаютъ главами. Увы! они ничѣмъ не могутъ мнѣ помочь. Развѣ совѣтомъ: вотъ адресъ дома, гдѣ есть, на всякій случай, даровое помѣщеніе.

И немного времени спустя, обстоятельства мои уже таковаго рода, что приходится навѣдаться по адресу. Домъ оказывается въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Петербургской стороны. Верхній этажъ его заколоченъ, въ нижнемъ или, говоря проще, въ подвалѣ—я поселился. Квартира, какъ видите, даровая, а сверхъ того, со всѣми удобствами. Во-пер-

выхъ, съ отопленіемъ: за стѣной оказывались бани, во-вторыхъ, съ освѣщеніемъ: какъ разъ протѣвъ стоялъ единственный въ переулкѣ фонарь, и, въ-третьихъ, съ водой. Откуда вода въ подвалѣ—самъ догадайся. Бывало, являешься послѣ трудовъ праведныхъ—около того времени моя идея рѣшительно вылилась въ форму „воздушнаго велосипеда безъ облегчающихъ элементовъ“—и первымъ дѣломъ мѣряешь воду. Если на прибыли, тогда снимаешь сапоги—и въ бродъ до кровати.

Кровать, впрочемъ, выраженіе иносказательное. Собственно говоря, то былъ огромный сундукъ, или, вѣрнѣе, ларь, или, еще вѣрнѣе, ящикъ, здѣсь для чего-то сколоченный и здѣсь же оставленный, быть можетъ, временно, за невозможностью пронести его въ узкія двери. Я забирался въ его середину и захлопывалъ крышку. Тогда я походилъ на Ноя. Окно было вверху. Ковчегъ мой плавалъ по водамъ. Роль голубя исполнялъ сосѣдній пѣтухъ. Когда вода шла на убыль, онъ являлся ко мнѣ, какъ вѣстникъ избавленія, со всѣмъ своимъ семействомъ. Но въ послѣднее время мы разсорились. Въ его пѣтушину голову запали подозрѣнія. Иногда, одиноко сидя на заборѣ, онъ съ азартомъ кричалъ на меня, какъ бы упрекая въ разрушеніи его супружескаго счастья. Да, признайся, я похитилъ и продалъ его женѣ... Но въ то время я не раскаивался, а еще, мало того, подумывалъ, какъ бы и до самаго вдовца добраться...

Съ наступленіемъ зимы въ мой теремъ навѣвало горы снѣга... и стало очень холодно, особенно по постнымъ днямъ, когда въ баняхъ не было посѣтителей. Сосѣдній дворникъ доконалъ меня, укравъ мою дверь на дрова. Приходилось плохо... И вотъ, помнится, одиннадцатаго декабря, вечеромъ, я тащился „домой“ на Петербургскую въ какомъ-то отчаяніи. Голодь туманилъ мысль, а она была мнѣ очень нужна: какъ разъ въ это время я переходилъ отъ идеи „велосипеда“ къ тому, что, быть можетъ, нынче же получу возможность предложить почтеннѣйшей публикѣ... Морозъ тоже кричалъ—и встрѣчные не безъ удивленія оглядывали мою шикарную американскую шинель, какъ бы спрашивая: неужели подъ нее не подложена скромная русская лисичка? На мосту, какъ мнѣ показалось, проѣхалъ мимо Фіуньковскій, въ новой шубѣ и шапкѣ, и даже какъ бы показавъ рукой на Петербургскую: „жди!“, молъ, но тутъ, въ сожалѣнію, обратился на меня вниманіе околоточный, и я живо оказался у входа

въ мои апартаменты. Былъ тогда часъ девятый; полный мѣсяцъ стоялъ на небѣ... Помню, я заглянулъ въ темное отверстие подвала и почувствовалъ ужасъ; контуры ящика казались гробницей... Вернуться назадъ, но куда же? да и ноги окончательно расклеились; завернувшись въ шинельку, я присѣлъ „отдохнуть“ на порогѣ и почти тотчасъ закрылъ глаза. Я слышалъ, какъ въ ярко освѣщенномъ воздухѣ пробили крѣпостные часы, и, помнится, еще подумалъ: „Авось, кто-нибудь пойдетъ мимо изъ парка—попрошу пріютить меня“. Это была моя послѣдняя мысль. Когда затѣмъ меня будятъ, расталкиваютъ, тащатъ куда-то, я сержусь, отбиваюсь, но, наконецъ, раскрываю глаза.

— Живъ!—говоритъ знакомый голосъ.

— Фіуньковскій!—произношу я въ удивленіи.

— И Тпрртневичъ здѣсь!—отвѣчаетъ онъ весело.—Ну, вставай же скорѣе! Поѣдемъ!

Я хочу встать—и съ ужасомъ замѣчаю, что ноги почти не держатъ, совсѣмъ заостенѣли. Впрочемъ, меня сейчасъ же сажаютъ на извозчика. „Живо!.. Пошелъ!..“ командуетъ Фіуньковскій. Извозчикъ пускается во весь духъ. Тпрртневичъ набрасываетъ на меня свою шубу. И вотъ огни... народъ... музыка... Что это: клубъ? обѣденный залъ? кухмистерская? На меня смотрятъ съ удивленіемъ. „Добрый мо-о-олодецъ идетъ“, дѣлаетъ органъ. Ахъ, мнѣ только найти бы свободное мѣстечко!.. Фіуньковскій заказываетъ бульонъ... ростбифъ... согрѣвательнаго... Господи! неужели я буду ѣсть?! И вотъ, однако, я ѣмъ!.. пью!.. Къ сожалѣнію, меня „согрѣваютъ“ немного съ излишнимъ усердіемъ... Въ залѣ скоро темнѣетъ, лица ступшеваются въ какомъ-то туманѣ. Еще немного—и я весьма смутно представляю, кто изъ моихъ друзей сидитъ направо, кто—налѣво. Когда затѣмъ съ хоръ несутся игривые опереточные звуки, а Фіуньковскій начинаетъ подпѣвать свозъ зубы: „Тебѣ цѣна два грдша, тебѣ цѣна два грдша“, я немедленно присоединяюсь къ нему страшнымъ басомъ: „Въ база-арный день!“ Меня осаживаютъ. „Въ база-арный день!“ пою я пуще прежняго. Отчего не пѣть, если весело! И вотъ—хохоть, „браво“, свистки, и... опять надо мною ясное звѣздное небо... Я оглядываюсь, но отъ Фіуньковскаго и Тпрртневича и слѣдъ простылъ. Въ досадѣ я требую отъ кого-то извозчика. Странная вещь! мой капризъ исполняется. Меня везутъ, куда—безразлично, я зашпаю по дорогѣ и только къ утру начинаю догадываться,

что ночью въ казенномъ помѣщеніи, подѣ благодѣтельнымъ присмотромъ начальства. Но что самое удивительное: разсматривая на-утро свои вещи, я нахожу въ карманѣ „зеленьку“. Милый Фіуньковскій! Добрая душа Тпрртневичъ. Какое вамъ сердечное спасибо!

Когда меня—въ числѣ другихъ плѣнныхъ—выпустили на утро на свободу, морозъ уже смѣнился оттепелью. Съ крышъ лило каскадомъ. Не помню, зачѣмъ я собрался перейти съ солнечной стороны Невскаго на тѣневую, какъ вдругъ увидѣлъ нѣчто, заставившее меня остаться на солнечной сторонѣ. Что ты думаешь, я увидѣлъ? Пожаръ?.. картину?.. знакомаго? Не угадаешь... Я увидѣлъ... пса...

Онъ былъ красавецъ. Огромный да гладкій такой, осанистый, представительный. Хвостъ держалъ зонтикомъ, и съ величайшимъ апломбомъ слѣдовалъ по Невскому, очевидно, совершая послѣобѣденную прогулку и на досугѣ высматривая хорошенькихъ. Но на перекресткѣ онъ безпокойно заскулилъ и началъ оглядываться, какъ бы соображая, куда онъ забрался? Вотъ тутъ-то и блеснула у меня мысль. Я подошелъ и по дружески почмоvalъ. Онъ снисходительно помахалъ хвостомъ. Знакомство было сдѣлано. Замѣтивъ, что песъ остановился возлѣ фруктовой и заинтересовался сосисками, я купилъ ему цѣлый фунтъ и почтительно предлагалъ всю дорогу до моей квартиры. На счастье песъ былъ водолазъ. Когда я пошелъ въ бродъ—воды было уже на четверть въ подвалѣ—песъ вообразилъ, что я тону и ринулся меня спасать. Безъ особенныхъ хлопотъ я водворилъ его въ моему ковчегѣ. Спали мы вмѣстѣ; онъ былъ пушистый да теплый такой, и вовсе безъ блохъ, какъ это часто бываетъ. Правда, раза два ночью онъ просился на воздухъ и при этомъ принимался меня грызть, но къ утру мы поладили.

Слѣдующіе дни я провелъ въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ. Во-первыхъ, песъ въ мое отсутствіе чувствовалъ приступы меланхоліи и вылъ на весь переулокъ, несчастный,—обстоятельство, которое могло ежеминутно привлечь вниманіе сосѣдняго дворника; во-вторыхъ, содержаніе пса было мнѣ рѣшительно не по средствамъ. Къ черному хлѣбу онъ почти не притрогивался—и я приходилъ въ ужасъ при мысли, что онъ даромъ проѣстъ мои гроши. Но, съ другой стороны: серебряный ошейникъ, выхохленная шерстка, полнота, достойный ваглядъ, выдержка—все это заставляло предполагать, что онъ выросъ въ хорошемъ домѣ, который не поскупится

на благодарность. И дѣйствительно: уже на третій день я попалъ на объявленіе. „Хорошій домъ“, обозначая примѣты и вличку собаки—ее звали такъ же, какъ и меня, только на французскій ладъ, „Жаномъ“—общалъ тому, кто ее приведетъ, двадцать пять рублей награды. Добрый, благородный тезка! Ты далъ больше, чѣмъ сулила твоя эlegantная наружность. При прощаньи я чуть не поцѣловалъ благороднаго Жана. Впрочемъ, это съ большимъ удовольствіемъ исполнила за меня сначала какая-то барышня, а затѣмъ, должно быть, ея мамаша, живая черноглазая барыня. Всѣ трое они прыгали и визжали отъ радости... Однако, вотъ я и закончилъ мое повѣствованіе. А встаети и въ бутылочкѣ оскудѣло. Это что бьетъ: восемь? Пора!..

Онъ всталъ и началъ прощаться. Прощанье было сердечное. Я звалъ его къ себѣ, спрашивалъ—нельзя ли зайти къ нему? Онъ со смѣхомъ махнулъ рукой. Развѣ онъ можетъ дать какой-нибудь адресъ? Да и зачѣмъ? Ужъ не „спасать“ ли я его намѣренъ? „Полно, братъ!“ Онъ войдетъ въ общество извѣстностью, силой; до тѣхъ же поръ предпочитаетъ жить... внѣ общества... Конечно, это неприятная вещь—наткнуться на стараго товарища въ такомъ положеніи, но... оно, надо думать, не вѣчно... Почему знать: можетъ быть, съ именемъ Бодрякова скоро будетъ связываться представленіе—какъ о великомъ изобрѣтателѣ? Кто поживетъ—увидитъ...

— Вотъ дай-ка лучше на дорожку парочку папирочечекъ...

Онъ закурилъ, поболталъ еще минутку, но, заслышавъ шаги Сергѣя Сергѣича, торопливо пожалъ мнѣ руку и вышелъ.

Мѣсяцъ высово тогда стоялъ на небѣ; при его свѣтѣ можно было различить, среди другихъ тѣней, длинную тѣнь Ивана Николаича, постепенно теряющуюся въ отдаленіи. Я долго смотрѣлъ ей вслѣдъ...

В. Фаворскій.

ИАМАТОЙО И ЕГО СЕМЬЯ.

(Изъ воспоминаній о Японіи).

(Окончаніе *).

Дома насъ ожидала вся семья корзинщика, за исключеніемъ старшаго сына, отправившагося въ Нагасаки продавать корзины, приготовленныя за послѣднюю недѣлю.

Корзинщикъ, жена его и Омидзе сидѣли вокругъ очага, раскуривая длинныя трубки, а маленькій Икеда **) бѣгалъ по улицѣ, пуская бумажнаго змѣя въ видѣ пузатаго Будды.

Вся семья съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидала меня, желая услышать мое мнѣніе о японской школѣ, но старалась не обнаруживать этого; я же не торопился высказаться, съ интересомъ слѣдя за тѣмъ, какъ подойдутъ они ко мнѣ съ этимъ щекотливымъ вопросомъ. Но семья держала себя съ большимъ тактомъ, и Омакусанъ вдругъ очень политично завела разговоръ о злобѣ дня въ нашемъ кварталѣ, — о томъ, что злой духъ завязалъ «дженгъ» дочери нашей сосѣдки Омиссы.

Съ недоумѣніемъ гляжу на хозяйку, но въ это время маленькій Икеда (Ичиги-таки), погнавшись за змѣемъ, зацѣпился за что-то, упалъ и заоралъ благимъ матомъ; она сорвалась съ мѣста, подбѣжала къ нему, — и мое недоумѣніе такъ и осталось неразъясненнымъ.

Подробности о какой-то продѣлкѣ злого духа я узналъ лишь вечеромъ, когда мы отправились гулять.

Я шелъ рядомъ съ Омидзе, а впереди шли остальные, кромѣ родителей.

Мнѣ еще впервые пришлось остаться въ обществѣ одной Омидзе, и я положительно терялся въ догадкахъ, какъ мнѣ заговорить съ ней при моемъ скудномъ запасѣ японскихъ словъ, зная, что, по

*) См. «Міръ Божій» № 4, апрѣль 1895 г.

**) Его, впрочемъ, звали теперь уже Ичиги-таки.

этикету, я долженъ сказать ей какую-нибудь вычурную любезность на ея родномъ языкѣ.

Вспоминаю, наконецъ, что, по туземному этикету, считается признакомъ особенной вѣжливости со стороны мужчины спросить у дѣвушки, сколько ей лѣтъ, и, рискуя сплеховать въ удареніи и произношеніи, какъ не разъ со мной раньше случалось, и тѣмъ испортить весь эффектъ приготовленной фразы, задаю ей вопросъ:

— Икура, икага десука?

Омидзе немедленно отвѣчаетъ мнѣ:

— Джиуго! Аригато! Джиуго! (т.-е. пятнадцать! *) благодарю васъ: пятнадцать!), и по ея оживившемуся личику и широкой улыбкѣ, я догадываюсь, что на этотъ разъ угадалъ не только въ произношеніи, но и обнаружилъ даже основательное знакомство съ «Киу-зай», т.-е. со «Сводомъ правилъ и церемоній», что такъ высоко цѣнится на японскомъ архипелагѣ.

Мнѣ сильно хочется узнать, какую штуку учинилъ злой духъ съ дочерью сосѣдки, но то же «Киу-зай» считаетъ неприличнымъ обнаруживать свое любопытство, и я, волей-неволей, сдерживаю его.

Вскорѣ Омидзе сама начинаетъ заговаривать о происшествіи, которое случилось съ дочерью Омиссы, и я узнаю слѣдующее:

Полгода тому назадъ, Ивайя познакомилась съ однимъ молодымъ японцемъ, служащимъ у извѣстнаго почти всѣмъ иностранцамъ, посѣщавшимъ Нагасаки, продавца черепаховыхъ издѣлій Іезаки. Молодой человекъ очень часто посѣщалъ домъ сосѣдки Омиссы, влюбился въ Ивайю, она, въ свою очередь, влюбилась въ него, и вчера, тайкомъ отъ родителей, ушла къ нему и больше не вернулась домой.

По японскимъ воззрѣніямъ, такое вопіющее дѣло не можетъ обойтись безъ участія злого духа. Злой духъ подстерегалъ ихъ, какъ увѣряла меня Омидзе, уже съ перваго дня ихъ знакомства, и когда увидалъ, наконецъ, что почва для его козней благопріятна, то онъ завязалъ имъ «дженгъ», т.-е. узелъ; другими словами, онъ связалъ ихъ судьбы въ одинъ узелъ, и безъ участія добраго духа дѣло теперь обойтись не можетъ. Когда я спросилъ Омидзе, что думаютъ теперь дѣлать родители самовольно ушедшей «мусмэ», она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, и потомъ отвѣтила:

*) Послѣ мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться, что японскія «мусмэ» (дѣвушки) всегда такъ отвѣчаютъ; можетъ быть, это происходитъ отъ того, что и здѣсь, какъ въ Европѣ, остаться старой дѣвой считается дѣломъ зазорнымъ, а 15-ти-лѣтній возрастъ считается предѣльнымъ для дѣвчества.

— На-ги-мо-наи! (т.-е. «ничего!»). Если злой духъ самъ не развяжетъ «дженга», то Ивайя останется у своего «данна» *), развѣ только добрый духъ не пожелаетъ этого.

— Но у добраго духа много дѣла,—задумчиво прибавила она,— и ему едва ли будетъ время развязать «дженгъ»; онъ рѣдко мѣшается въ такія дѣла.

Я поинтересовался узнать, какъ относятся теперь къ Ивайѣ ея родители и сосѣди?

Омидзе сначала даже не поняла моего вопроса, а когда я выразился яснѣе, давъ ей понять, что, по моему мнѣнію, мать, вѣроятно, сердится теперь на Ивайю и не желаетъ уже больше ея видѣть, а сосѣди, нужно полагать, перестанутъ принимать ее у себя въ домѣ, то Омидзе расхохоталась и рассказала мнѣ, что, за часъ до нашего ухода изъ дома, сосѣдка отправилась къ своей дочери и отнесла ей кое-какія вещи, и что завтра вечеромъ ее ждуть вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ къ намъ въ домъ.

— Развѣ она виновата въ томъ, что злой духъ избралъ ее своей жертвой? прибавила она.

Разсужденія Омидзе поставили меня въ тупикъ. Я никогда не ожидалъ, чтобы образованная японская «мусмэ», какою была она, могла придерживаться такихъ взглядовъ, которые у насъ въ Европѣ были бы признаны или безнравственными, или невѣжественными. А между тѣмъ, такое заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно и невѣрно.

Омидзе далеко не невѣжественная дѣвушка. Еще съ 1872 г. при нынѣ царствующемъ императорѣ Мутсу-Гито, въ Японіи введено обязательное обученіе, являющееся здѣсь благомъ, равнымъ для всѣхъ, безъ различія пола и возраста, сословія и состоянія, и поставлено на очень высокую ступень. Будучи дочерью небогатаго, хотя и зажиточнаго, корзинщика, Омидзе, правда, не получила высшаго образованія, доступнаго здѣсь одинаково для женщинъ и мужчинъ, но она, все-таки, не можетъ не считаться образованной «мусмэ», такъ какъ знакома и съ элементарными правилами нравственности, съ литературой, искусствомъ и поэзіей своей страны и съ англійскимъ языкомъ и, такимъ образомъ, прошла въ школѣ все то,—не исключая изученія чайной и цвѣточной церемоній,—что дѣлаетъ ее образованною женщиною. Нельзя ее также обвинить и въ неблаговоспитанности. Благовоспитанность и вѣжливость—врожденные свойства японки, и видѣть здѣсь проявленія безстыдства такъ же рѣдко удается, какъ видѣть альбатроса въ хорошую погоду въ открытомъ океанѣ.

*) «Данна»—молодой человѣкъ, возлюбленный.

Японскій языкъ не обладаетъ ни однимъ ругательнымъ или оскорбительнымъ словомъ: самое сильное ругательство — это названіе кого-нибудь «черепахой», и въ мірѣ рыбныхъ торговекъ, какъ и въ мірѣ кровныхъ аристократокъ, въ обиходѣ только самыя изысканныя выраженія.

Я нерѣдко видалъ, напримѣръ, нищенокъ, собиравшихъ на песчаномъ берегу отбросы, оставляемые кораблями. При встрѣчѣ онѣ обмѣнивались самыми церемонными поклонами и привѣтствіями. Спустя нѣсколько минутъ я уже видѣлъ ихъ въ боевой позѣ другъ противъ друга изъ-за какой-нибудь обглоданной кости. Но при разставаньи, расходясь въ разныя стороны, онѣ снова обмѣниваются церемонными любезностями и поклонами.

Съ другой стороны, въ японскомъ языкѣ нѣтъ, напримѣръ, слова, соответствующаго слову «стыдъ», и нѣтъ никакого синонима, выражающаго это понятіе. Между тѣмъ, было бы большой несправедливостью сказать о японцахъ, что они безстыдны или безнравственны. Чувство чести и рыцарскій духъ нигдѣ такъ сильно не развиты и не цѣнятся такъ высоко, какъ здѣсь.

Есть что-то страшное, непонятное и недоступное нашему уму въ этой культурѣ. Поневогѣ приходится соглашаться съ нѣкоторыми иностранцами, подолгу жившими въ «странѣ восходящаго солнца», которые утверждаютъ, что европеецъ едва ли можетъ написать что-либо абсолютно вѣрное, точное и справедливое о японцахъ, если онъ хочетъ проникнуть дальше поверхностнаго и видимаго. По мнѣнію ихъ, этого достигнуть можетъ, пожалуй, только китаецъ, имѣющій неоспоримое душевное сродство съ японцемъ. Пожалуй, они и правы. Желтая раса и наша — это два полюса рода человѣческаго, и мы никогда не можемъ вполне проникнуть въ японскій или китайскій умъ. Между нами и этими смуглыми и желтыми аборигенами дальняго востока существуютъ, повидимому, какія-то таинственныя мозговые преграды. Очень часто они и чувствуютъ, и думаютъ совершенно не такъ, какъ мы. И чѣмъ больше я жилъ въ семьѣ трудолюбиваго корзинщика, тѣмъ больше (начиная съ эпизода съ ванной) началъ приходить къ заключенію, что ничего нельзя измѣрять здѣсь на нашу европейскую мѣрку и разсматривать сквозь призму нашего зрѣнія.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ мыслей, Омидзе вдругъ остановилась, сѣла на землю, полусняла съ себя киримонъ, обнаживъ плечи и шею, порылась въ немъ и, вытащивъ оттуда паука, со смѣхомъ показала его мнѣ.

Когда мы затѣмъ поочередно наговяли всѣхъ членовъ нашей маленькой компаніи, Омидзе не забывала каждому показывать

мѣсто, куда ее укусила паука, не стѣсняясь, для удобства, снимать киримонь—почти единственную принадлежность своего костюма.

Я пробовалъ замѣтить ей, что у насъ въ Russia «мусмэ» не снимаютъ платья при постороннихъ, и что это считается неприличнымъ. Омидзе съ неподдѣльнымъ негодованіемъ заявила мнѣ, что у насъ, должно быть, живутъ очень странные люди.

— Развѣ лучше, чтобы бѣдную «Russian мусмэ» укусила паука? А если она отъ этого заболѣетъ? Нѣтъ, она не хочетъ ѣхать въ такую странную страну, гдѣ ее будутъ кусать пауки, и она должна будетъ терпѣть это, потому что «странные люди» (strange people) не хотятъ, чтобы она сняла паука.

Горячность и негодованіе Омидзе еще болѣе убѣдили меня, что, какъ это замѣчено, впрочемъ, всѣми иностранцами, посѣщающими Японію, наши, даже элементарныя, понятія о приличіи здѣсь совершенно непримѣнимы. Но во всемъ проглядываетъ здѣсь какая-то ребяческая бессознательность и чисто-дѣтская невинность, заставляющая насъ съ улыбкой все извинять, и придающая здѣсь всему, особенно женщинамъ, своего рода очарованіе.

Пятнадцати-лѣтняя Омидзе долго еще не могла успокоиться. Вниманіе ея было, наконецъ, отвлечено чудеснымъ солнечнымъ закатомъ. Нагасакская бухта при свѣтѣ лучей заходящаго солнца представляетъ, дѣйствительно, волшебную картину.

Весь городъ, обливаемый горячими багрянными лучами умирающаго солнца, горѣлъ, какъ въ огнѣ. Солнечные лучи отражались въ окнахъ европейскихъ домовъ, въ зеркальной поверхности рейда, все сверкало, искрилось переливчатымъ, радужнымъ свѣтомъ.

На впечатлительную «мусмэ» роскошный видъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Какъ и всѣ японки, она очень поэтична и отличается большимъ чутьемъ къ изящному и красивому, къ красотамъ природы, прелестямъ цвѣтовъ и лѣса, безмолвно-лунныхъ ночей... Очень часто онѣ выражаютъ эти чувства стихами (лучшіе поэты Японіи—женщины), нѣсколько вычурными, изысканными и приподнятыми, и въ то же время наивными и простыми.

Омидзе подозвала къ себѣ Икеду, взяла у него «самизень» и медленно перебирая струны этой японской гитары, начала импровизировать, выражая одушевляющія и переполняющія ее чувства. Вотъ это стихотвореніе.

«Лучи заходящаго солнца залили городъ, бухту, горы и лѣсъ...
Все на землѣ вольно мчится къ небу, звѣздамъ и солнцу...

«Радуется вся земля. Солнце всѣмъ даетъ счастье.

«Но на свѣтѣ есть много странъ, не похожихъ на Ниппонъ *); люди тамъ жестоки, они мучаютъ бѣдную «мусмэ»: ее кусаютъ пауки, и она не можетъ снять кимоно» **)...

Экспромтъ этотъ дѣлаетъ, правда, больше чести ея добрымъ чувствамъ къ бѣдной «Russian мусмэ», чѣмъ ея таланту, но нужно имѣть въ виду, что онъ много теряетъ въ передачѣ на русскій языкъ.

— «Аната!» ***)—обратилась она вдругъ ко мнѣ;—а «russian» «данна» также никогда не снимаютъ «кимоно», когда имъ жарко, или когда онъ мѣшаетъ имъ работать?

— Никогда.

— Такъ имъ и надо!—воскликнула мусмэ, видимо удовлетворенная той ужасной участью, на которую обречены «рѣшпанъ данна», мучающіе бѣдную «мусмэ» и вынужденные никогда не разставаться съ киримономъ.

...Мы сѣли въ «сампанъ» ****) и медленно поплыли по гладкой и блестящей поверхности Нагасакскаго рейда.

Омидзе, между тѣмъ, не переставала разспрашивать меня о Россіи, о нашихъ обычаяхъ, нравахъ, привычкахъ и сильно интересовалась всякой подробностью, которую я ей сообщалъ, чрезвычайно удивляясь иногда, что два такихъ близкихъ «джименъ» (страны), какъ Нипонъ и Россія, такъ непохожи другъ на друга. Особенно долго она разспрашивала меня о русскихъ «мусмэ», къ которымъ она, послѣ всего происшедшаго, питала самое глубокое сожалѣніе и сочувствіе.

Было уже около одиннадцати часовъ ночи, когда нашъ сампанъ направлялся къ берегу.

Все общество было очень довольно пикникомъ и отличалось большимъ оживленіемъ. Шутки, смѣхъ, остроты перемежались съ звуками самизена (родъ гитары), которымъ Омидзе, какъ и всѣ почти японки, владѣла въ совершенствѣ, и ея симпатичнымъ голоскомъ.

Нашъ сампанъ былъ красиво освѣщенъ разноцвѣтными японскими фонариками и тихо скользилъ между массой такихъ же увеселительныхъ сампановъ подъ покровомъ яркой и свѣтлой лунной ночи.

*) Японцы часто называютъ свою страну по имени главнаго острова Ниппона, иногда прибавляютъ еще частицу «дай», говорятъ: «Дай Ниппонъ».

***) Киримонъ—халатъ.

****) Послушайте! «Аната» говорятъ только въ обращеніи съ равными или высшими; къ людямъ, ниже стоящимъ въ общественномъ положеніи, обращаются словами: «омаэ» или «омаэзанъ».

*****) Мѣстное названіе туземной лодки или шлюпки.

Омидзе, вдохновленная безмолвіемъ ночи, свѣтомъ луны, пѣла о томъ, какъ много на свѣтѣ «джименъ» со странными нравами и обычаями, и какъ много въ нихъ «мусмэ», которыя не знаютъ о существованіи злого духа, завязывающаго иногда людямъ «дженгъ», и не могутъ пользоваться солнечнымъ свѣтомъ и видомъ цвѣтущей хризантемы въ зимнюю пору...

III.

Йаматойо.—Корзинщикъ, японецъ, шинтоистъ и философъ.—Необъяснимое противорѣчіе.—Преобладающая страсть Йаматойо.—Праздникъ хризантемы («кику-но-секу»).—Туалетъ Омидзе.—Омакусанъ.—Праздникъ.—«Матсури».—Празднество въ память мертвыхъ.—Поведеніе Йаматойо.—Его разсужденія.—Религіозныя понятія.—Подарокъ.—Отъѣздъ.

Я часто бесѣдую съ Йаматойо, что доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе.

Йаматойо—корзинщикъ, японецъ, шинтоистъ и въ то же время философъ.

Какъ корзинщикъ, онъ занятъ по пѣлымъ днямъ и кропотливо, неустанно работаетъ, буквально, какъ волъ, не покладая рукъ ни на одну минуту; онъ можетъ служить образцомъ трудолюбія и искусства, а энергія, съ какою онъ трудится и дѣлаетъ свое кропотливое ремесло не только безубыточнымъ, но и доходнымъ, дающимъ ему возможность содержать съ извѣстнымъ комфортомъ—съ японской точки зрѣнія—свою многочисленную семью, положительно заслуживаетъ удивленія.

Какъ японецъ, онъ отличается практичностью, смѣтливостью, отсутствіемъ предрасудковъ, высоко развитымъ чувствомъ благородства и чести, доходящимъ до рыцарства, просто удивительнаго въ простомъ ремесленникѣ; затѣмъ, онъ деликатенъ и обладаетъ очень недурными познаніями въ элементарныхъ наукахъ; наконецъ, подобно всѣмъ своимъ соплеменникамъ, одержимъ страстью ко всевозможнымъ забавамъ и развлеченіямъ.

Какъ шинтоистъ, онъ во время молитвы хлопаетъ въ ладоши, чтобы этимъ обратить на себя вниманіе боговъ и быть ими скорѣе услышаннымъ; посылаетъ своимъ «ками» *) молитвы самымъ наивнымъ способомъ, вѣшая исписанные молитвами лоскутки бумаги на стоящее въ храмовомъ дворѣ дерево, а часто, за недосугомъ, посылая съ этимъ порученіемъ своего старшаго сына. Кромѣ того, въ качествѣ вѣрнаго шинтоиста, онъ стремится достигнуть счастья

*) Т.-е. второстепеннымъ божествомъ.

въ этомъ мірѣ, нисколько не заботясь о томъ, что будетъ съ нимъ въ загробной жизни; прибѣгаетъ для этого къ помощи «ками», изъ которыхъ каждый управляетъ, по его убѣжденію, специальной отраслью мірскихъ дѣлъ и отношеній, и никогда не рѣшается беспокоить своими мольбами стоящаго во главѣ всѣхъ «ками» верховнаго существа Тенто-Сама, ибо оно, по его мнѣнію, паритъ слишкомъ высоко на небѣ и не снисходитъ до людскихъ дѣлъ. Въ то же время онъ питаетъ глубокую вѣру въ туземныя легенды и преданія о происхожденіи божествъ, земли и людей.

По японскому эпосу, небо и земля образовались сами изъ ничего и произвели затѣмъ духа «ками», родоначальника семи послѣдовательныхъ поколѣній божественныхъ существъ, произведшихъ, по истеченіи многихъ тысячелѣтій, мужчину и женщину — Ицанаги и Ицанами, — творцовъ моря, японскаго архипелага и населяющихъ его людей. Эти два верховныхъ существа произвели впоследствии двухъ дочерей: Тен шіо-дай-джинъ (духа солнца) и Тсу-ки-но-ками (духа луны); историческое значеніе которыхъ сводится къ тому, что они являются несомнѣнными предками нынѣ царствующей въ странѣ династіи.

Наконецъ, какъ философъ, Йаматойо ничего не принимаетъ на вѣру и отличается, подобно всѣмъ японцамъ, терпимостью и полнымъ равнодушіемъ къ смерти.

Какъ уживается въ немъ эта смѣсь первобытной наивности, кротости и смиренія, вѣры въ мѣры, многочисленныхъ боговъ и героевъ, съ замѣчательной практичностью, трезвостью и здравомысліемъ, — это просто удивительно! Какъ уживается въ немъ, да-лѣе, наряду съ стремленіемъ къ чистотѣ и счастью, вѣрой въ добро и людей, вѣчно-жизнерадостнымъ настроеніемъ, любовью къ природѣ, забавамъ, веселью и развлечениямъ — равнодушіе къ смерти и та легкость, съ которой онъ, какъ и всѣ здѣсь, относится къ самоубійству, — этого я, опять-таки, понять не могу.

Японія, вообще говоря, страна контрастовъ и неожиданностей, и для антрополога и этнографа любой уголокъ ея, любая семья (особенно въ приморскихъ городахъ, подвергшихся непосредственному вліянію европейцевъ) представляетъ замѣчательное въ своемъ родѣ явленіе.

Въ одной семьѣ Йаматойо они могутъ наблюдать различныя ступени, пройденныя туземною культурою, могутъ изучать историческую смѣну нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, взглядовъ, потребностей, какъ они слагались, дополнялись, видоизмѣнялись, перерабатывались въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, при различныхъ условіяхъ и подъ разными вліяніями. На разстояніи двухъ

«ри» *) отъ моего новаго жилища, со свистомъ и шумомъ несется въ Европу или Америку и обратно могучій факторъ цивилизаціи — пароходъ новѣйшей конструкціи, и тутъ же, рядомъ, мой корзинщикъ неоднократно пользуется этимъ пароходомъ для переѣздовъ въ Иссіе **), чтобы послать своимъ «кама» молитву уже извѣстнымъ намъ способомъ. За обѣдомъ Йаматойо не употребляетъ вилокъ, ножей и ложекъ и ѣстъ какими-то палочками, и тутъ же смотритъ на американскіе часы послѣдней системы, висящіе у него на поясѣ, и по вечерамъ работаетъ при свѣтѣ хорошей англійской керосиновой лампы.

Таковы уже эти странные «франдузы востока», какъ прозвали иностранцы японцевъ.

Какъ бы то ни было, но и мой Йаматойо отличается одной преобладающей страстью, это — чистояпонской страстью къ развлеченіямъ, веселью, забавамъ и различнымъ празднествамъ: религиознымъ и свѣтскимъ, обще-японскимъ и мѣстнымъ, официальнымъ и семейнымъ, которыми такъ изобилуетъ японскій бытъ.

Въ дни празднествъ Йаматойо просто неузнаваемъ. Онъ наряжается въ свой лучшій киримонъ, бездѣльничаетъ съ утра, ходитъ въ гости, посѣщаетъ храмы, принимаетъ дѣятельное участіе въ самыхъ удивительныхъ процессіяхъ, соперничая на этомъ прищѣ со своимъ семилѣтнимъ Икедой, — словомъ, преобразается такъ, что трудящагося, работающаго Йаматойо просто не узнать!

За то его жена представляетъ въ эти дни рѣзкую противоположность ему, — въ дни празднествъ у нея хлопотъ полонъ ротъ, она занята еще болѣе, чѣмъ въ будни: нужно приготовить къ приему гостей, вырядить дѣтей, присмотрѣть по хозяйству и т. п. Пріятно смотрѣть на эту пожилую женщину, какъ ловко управляется она со своими, хотя и нетрудными, но многосложными и разнообразными, обязанностями; какъ мягко, съ какой любовью, вкусомъ, искусствомъ и тонкимъ знаніемъ дѣтской натуры одѣваетъ она своихъ крошекъ въ курьезныя платья. Омаку-санъ, какъ и всѣ ея соплеменницы, положительно обладаетъ врожденными «семейными чувствами» и нѣжной привязанностью къ дѣтямъ.

Но, когда всѣ уходятъ, она остается дома, какъ бы устранивая себя отъ всякаго интереса ко всему, что выходитъ за тѣсныя предѣлы ея дома и очага.

Отчасти это такъ и есть. Японская женщина и въ обществѣ, и въ семьѣ пользуется большой и широкой свободой, никѣмъ и

*) «Ри» равенъ 2,5 англ. милямъ.

**) «Иссіе» — это самый священный въ Японіи храмъ, побывать въ которомъ каждый японецъ считаетъ своимъ долгомъ хоть одинъ разъ въ жизни.

ничѣмъ нестѣсняемой; но во всѣхъ официальныхъ, парадныхъ и торжественныхъ случаяхъ она какъ бы добровольно отступаетъ на задній планъ, выдвигая впередъ своего мужа. Таковы обычаи страны.

Еще знаменитый японскій законодатель Іеяси *) своими «букай-гіакъ-кадѣо» или «ста правилами и наставленіями», установилъ, чтобы, для поддержанія мира и безмятежности въ государствѣ и въ обществѣ, мужъ имѣлъ дѣло съ внѣшней стороной жизни, а жена — съ внутренней. «Если эти отношенія измѣнятся, — говорятъ дальше эти «правила», — произойдетъ путаница, и домъ разстроится; это то же самое, какъ если бы курица заплѣла вмѣсто пѣтуха». Положеніе женщины съ тѣхъ поръ во многомъ измѣнилось, и она теперь очень часто играетъ существенную, очень видную и самостоятельную роль въ семьѣ; но во всѣхъ почти случаяхъ представителя она уступаетъ главное мѣсто своему мужу, слѣдуя стариннымъ традиціямъ.

Время пребыванія моего въ семьѣ Йаматойо совпало съ періодомъ цвѣтенія наиболѣе популярнаго и любимаго японцами родного имъ цвѣтка — хризантемы, что, обыкновенно, празднуется здѣсь всѣми слоями населенія, начиная отъ поденщика (кули) и кончая членами императорской фамиліи. Такіе «праздники цвѣтковъ» происходятъ здѣсь, обыкновенно, три раза въ годъ, по нѣсколькимъ дней подъ-рядъ каждый: сначала весной, когда расцвѣтаетъ розовымъ цвѣтомъ вишня, затѣмъ лѣтомъ, когда ирисъ (по-японски айамэ) высыпаетъ свой цвѣтъ, и, наконецъ, поздней осенью, когда родвыя Японіи хризантемы (кику) распускаются сотнями цвѣтовъ.

Последнее событіе празднуется здѣсь особенно торжественно. Праздникъ этотъ называется «кику-но-секку».

Само собою разумѣется, Йаматойо не упустилъ случая пригласить «гвѣйко-куджи» принять совмѣстное съ его семьей участіе въ праздникѣ, которымъ этотъ отецъ многочисленнаго семейства былъ заинтересованъ, повидимому, больше своихъ «кодомо» **).

Торжественныя приготовленія начались съ самаго ранняго утра. Самое трудное дѣло предстояло совершить Омидзе, такъ какъ парадный туалетъ японской «мусмэ» очень сложенъ. Прежде всего ей предстояло сдѣлать свою прическу, и я здѣсь только убѣдился, какая это сложная работа. Японская женская прическа — это, оказалось, цѣлое зданіе, довольно высокое, сложное и запутанное, потребовавшее немалыхъ усилій со стороны специально

*) Жившій въ XVI в.

***) Кодомо — дѣтвора.

приглашенной для этой цѣли чесальщицы. Она раздѣлила густые волосы Омидзе на пятнадцать или двадцать прядей, смазала каждую изъ нихъ камеліевымъ масломъ, что придало имъ блескъ и глянецъ лакированного дерева, расправила ихъ въ тонкую и гладкую плоскость и затѣмъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности тщательно и основательно прикрѣпляла къ головѣ съ помощью черепаховыхъ булавокъ и щиплекъ, придавая всей причeskѣ съ помощью подставокъ замысловатый видъ и форму.

Часа два съ половиной провозилась она надъ прической, и когда она окончила, то Омидзе даже вскрикнула отъ восхищенія: получился, дѣйствительно, такой замысловатый уборъ или шиньонъ, блестящій, точно сдѣланный изъ лакированного дерева, который издали напоминалъ скорѣе какое-нибудь скульптурное произведеніе.

Омидзе украсила голову цвѣтами, коралловыми и черепаховыми гребешками и шпильками, и одна часть туалета была у нея готова. Теперь она можетъ быть спокойна на цѣлыхъ двѣ недѣли: такъ прочно, хорошо и красиво смастерила ей чесальщица прическу.

Въ виду крайней замысловатости своей прически, японки, даже высшаго класса, причесываются не больше двухъ разъ въ недѣлю; а въ низшемъ классѣ прическу носятъ по недѣлѣ и по двѣ подъ-рядъ.

Въ костюмѣ Омидзе сегодня также замѣтна сильная переимѣна: вмѣсто простого нитяного киримона, который она носила до сихъ поръ одѣтымъ сверхъ короткаго «джибана», т.-е. рубахи, плотно обтягивающей ея тѣло, она одѣла пышный киримонъ, длинный, чуть не до полу, подъ которымъ прибавилась «йомоджо»,—красная юбка *) (вѣрнѣе — малороссійская запаска, такъ какъ она представляетъ собой небольшой кусокъ матеріи, обернутый одинъ разъ вокругъ стана). «Кимоно» ея обшито пестрымъ, красноватаго цвѣта кантомъ и, по обыкновенію, не застегивается спереди, а перехватывается у талии широчайшимъ поясомъ ярко-пестраго цвѣта, называемымъ «оби». «Оби» — это предѣлъ стремленій молодой дѣвушки; онъ имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ у насъ браслеты, серьги и другія драгоценности.

Оби завязывается огромнымъ бантомъ назадъ, и здѣсь высказывается все кокетство и искусство японской дѣвушки, для которой наша фраза: «быть хорошо одѣтой» равносильна тому, красивъ ли «оби» и хорошо и изящно ли онъ завязанъ. При встрѣчѣ японскихъ «мусмэ», первый взглядъ, быстрый и провинцательный,

*) Красную юбку, какъ эмблему чистоты и непорочности, носятъ только «мусме», снимая ее въ день выхода замужъ.

бросается на «оби», и чѣмъ дороже онъ, чѣмъ красивѣй и чѣмъ лучше завязанъ, тѣмъ больше восторговъ и зависти возбуждаетъ въ окружающихъ его обладательница.

Представители мужской половины семьи корзинщика также преобразились, но не такъ существенно, какъ Омидзе. Вся перемѣна заключалась лишь въ прибавкѣ къ обыкновенному киримону пары кальсонъ, плотно обтягивающихъ бедра, да, вмѣсто прежняго пла-точка, на головѣ, красовалась изящная фѣТРовая шляпа «котелкомъ». Въ остальномъ, костюмъ какъ у мужчинъ, такъ и у Омидзе, дополнялся изящнымъ японскимъ вѣеромъ и зонтикомъ. На ногахъ и у тѣхъ, и у другой были сандаля.

Омидзе выглядѣла сегодня просто красавицей, хотя ее, какъ и многихъ другихъ японскихъ «мусмэ», нѣсколько безобразила толстая талія и отсутствіе граціи, которой японки, говоря вообще, похвалиться не могутъ. Это послѣднее обстоятельство находится въ зависимости отъ той обуви, благодаря которой всегда приходится нѣсколько наклоняться впередъ всѣмъ корпусомъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, держать на одномъ пальцѣ ноги довольно тяжелыя сандаля было бы почти невозможно.

Когда мы вышли изъ дому, праздникъ былъ уже въ полномъ разгарѣ.

По улицамъ сновали толпы «данна», разряженныхъ въ пухъ и прахъ «мусмэ», масса дѣтвора, стариковъ, женщинъ. Всѣ цвѣта хризантемы такъ и пестрѣли въ глазахъ: они виднѣлись въ волосахъ «мусмэ», въ рукахъ у нихъ, на вѣерѣ, зонтикѣ, въ петлицахъ мужскихъ киримоновъ, на крышахъ и балконахъ домовъ,—всюду бѣлыя, розовыя, желтыя, палевыя, красныя, оранжевыя, фіолетовыя хризантемы... Море хризантемъ, праздничное движеніе толпы и яркопестрые костюмы «мусмэ» придавали всему особенно живописный, красивый и жизнерадостный видъ. Въ празднествѣ, видимо, участвовалъ весь городъ, люди всѣхъ званій, положеній и состояній.

Вотъ проходитъ процессія городскихъ «кули» въ простыхъ темно-синихъ бумажныхъ киримонахъ съ бѣлыми китайскими знаками на спинѣ, указывающими принадлежность ихъ къ извѣстнымъ артелямъ. Большинство изъ нихъ босы; кое-кто въ деревянныхъ сандаляхъ, кое у кого на головѣ оригинальная тростниковая шляпа; лица у всѣхъ дышутъ весельемъ и радостью.

Вереницы «мусмэ»—участвовать въ процессіи выбираютъ самыхъ красивыхъ—просто очаровательны, если бы только онѣ немножко меньше бѣлились и румянились, къ чему здѣсь питаютъ такое сильное пристрастіе. Но особенно хороши процессіи дѣтей.

Мой старый корзижникъ также присталъ къ какой-то процессіи, и я не могъ безъ улыбки смотрѣть, какъ этотъ, почти убѣленный сѣдинами старикъ съ торжественной миной, серьезно, радостно и важно выступалъ наряду съ какимъ-то подросткомъ, съ огромнымъ букетомъ хризантемъ въ рукахъ.

На перекресткахъ процессіи останавливаются, смѣшиваются со встрѣчными, распадаются, вновь создаются тутъ же и продолжаютъ шествіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ натыкаешься на жонглеровъ, дающихъ представленіе подъ открытымъ небомъ, дальше видѣются акробаты, и т. д. Эти празднества иногда тянутся по нѣсколькимъ дней, и все это время не прекращаются безконечныя хожденія по улицамъ. Японцы всѣ эти дни не сидятъ дома; бродятъ по улицамъ, посѣщаютъ храмы, ходятъ другъ къ другу въ гости и выпиваютъ огромное количество «саки». Но пьяныхъ на улицахъ вы здѣсь не увидите: какъ бы сильно ни былъ японецъ пьянъ, онъ твердо помнитъ, что появиться на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ считается верхомъ безстыдства, и что это кладетъ на него пятно неизгладимаго позора; поэтому онъ никогда не появляется внѣ того дома, гдѣ онъ выпилъ, до окончательнаго вытрезвленія.

Другая особенность, которая не можетъ здѣсь не бросаться въ глаза, — это образцовый порядокъ и спокойствіе на улицахъ, не смотря на почти полное отсутствіе полиціи, ступевающейся обыкновенно въ случаяхъ народныхъ празднествъ. Ни шума, ни драки, ни даже возвышеннаго голоса: все тихо, чинно, какъ въ самомъ лучшемъ аристократическомъ обществѣ; между тѣмъ, преобладающее большинство принадлежитъ къ подонкамъ нагасакскаго общества; не смотря на это, какіе это вѣжливые, благовоспитанные люди! Вотъ, на примѣръ, двѣ «мусмэ»; онѣ давно уже не видѣлись и нынѣ впервые встрѣтились на этомъ праздникѣ послѣ долгаго промежутка. Онѣ не бросились другъ другу на шею съ поцѣлуями, какъ это сдѣлали бы подруги во всякомъ другомъ мѣстѣ, ибо обнаруживать свои восторги «Киу-зай» считаетъ неумѣстнымъ для взрослыхъ людей, которые должны умѣть владѣть собой. Онѣ церемонно раскланиваются другъ съ другомъ, говорятъ длиннѣйшія и вычурныя привѣтственныя фразы, не сходя съ мѣста и не поднимая согнутой въ глубокомъ поклонѣ головы, и топчутся нѣсколько минутъ, видимо желая перещеголять другъ друга выдержкой, благовоспитанностью и вѣжливостью. Напрасно думали бы вы, что имѣете дѣло съ представителями высшаго туземнаго общества; это всего только двѣ прачки, живущія въ разныхъ кварталахъ города и добывающія себѣ пропитаніе своей нелегкой профессіей. Дальше столкнулись два ремесленника: они минуты три топчутся другъ

передъ другомъ, хлопая себя ладонями по колѣвкамъ, присѣдая, пришепетывая, отвѣшивая глубокіе поклоны, обмѣниваясь самыми изысканными любезностями. Ритуаль прывѣтствія конченъ, и обѣ «мусэ», какъ и подобаеть двумъ подругамъ, оживленно и непринужденно заводять разговоръ, не упуская случая взаимно оглядѣть свои туалеты, обмѣниваются послѣдними новостями кварталовъ, а ремесленники заводять дѣловую бесѣду: о политикѣ, о послѣднемъ засѣданіи парламента въ Токио, о событіяхъ въ Китаѣ и Корей и, наконецъ, о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ.

Оригинально празднуется «кику-но-секку» въ большихъ городахъ и особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столицы Японіи Токио (Иеддо). Я этого праздника тамъ уже не засталъ и потому ссылаюсь на очевидцевъ-путешественниковъ.

Когда нѣсколько цвѣтовъ хризантемы распускаются, то изъ каждаго большого дома, населеннаго «ю-джо» *), выбирается по полъ-дюжины самыхъ красивыхъ, разряженныхъ въ роскошныя платья «мусэ», въ высоко-взбитыхъ прическахъ съ утыканными въ нихъ гребенками, длиною въ три фута каждая.

Онѣ становятся на черныя лакированныя подставки, называемыя «гета» — вышиною не менѣе одного фута. Когда онѣ готовы къ выходу, ихъ сопровождаетъ цѣлый штатъ прислуги: двое или трое идутъ впереди, чтобы расчищать имъ путь въ толпѣ; остальные ведутъ «ю-джо», поддерживая ихъ съ обѣихъ сторонъ за руки и торжественно, медленно—одинъ шагъ въ минуту — движется эта процессія по улицѣ. Изъ другихъ домовъ выходятъ такія же процессіи, встрѣчаются, проходятъ и мало-по-малу вся обширная улица переполняется любопытными толпами народа, надъ головами которыхъ видѣются тамъ и сямъ лица участвующихъ въ процессіи.

Трудно передать словами то странное впечатлѣніе, которое производитъ на свѣжаго человѣка такая процессія. Великолѣпныя, дорогія платья «ю-джо», въ которыхъ шелкъ и парча отливаютъ пурпуромъ и золотомъ, громадныя петли ихъ «оби», завязанныя спереди **), пирамидальныя прически, бѣлыя, какъ снѣгъ, лица, съ начерченными бровями и рѣсницами и красными, накрашенными губами; прислужники, почтительно держащіе ихъ по обѣимъ сторонамъ за кончики тонкихъ и нѣжныхъ пальцевъ съ накрашенными ногтями; многочисленная женская прислуга, идущая позади; лакей, расталкивающий толпу, и другой, убирающій каждую соринку съ ихъ пути, тяжелые и утомительные шаги, стеклянный взглядъ

*) «Ю-джо»—обитательницы чайныхъ домовъ.

***) Такъ завязываютъ здѣсь «оби», по закону, только «ю-джо».

«ю-дзо», устремленный впередъ, провицательный и робкій въ одно и то же время, густая и безмолвная восторженная толпа,—все это представляетъ замѣчательное въ своемъ родѣ зрѣлище, не говоря уже объ участи «ю-дзо» въ этомъ общенародномъ празднествѣ. Но безъ «ю-дзо здѣсь почти не обходятся даже религіозныя празднества; у японцевъ на этотъ счетъ свои понятія.

Въ это же время, тремя-четырьмя улицами дальше, въ императорскомъ дворцѣ, расцвѣтъ хризантемы празднуется нѣсколько иначе и при другой обстановкѣ. Къ назначенному дню во дворецъ приглашаются всѣ главные сановники страны, а также и всѣ представители иностранныхъ державъ на японскомъ архипелагѣ и почетные гости-иностранцы: туристы и купцы.

Дворецъ японскаго императора поставленъ совсѣмъ на европейскую ногу, придворный этикетъ здѣсь также ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ этикета при европейскихъ дворахъ. Но въ этотъ день всѣ являются сюда въ національныхъ костюмахъ, хотя въ обыкновенное время появляться при дворѣ не въ европейскомъ платьѣ строжайше воспрещается этикетомъ.

Наконецъ, къ присутствующимъ выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ императоръ, одѣтый въ общегенеральскую европейскую форму и, вслѣдъ за нимъ, изъ другихъ покоевъ появляется императрица Гарука (Весна), недавно еще абсолютно-невидимая простымъ смертнымъ, отождествляемая прежде съ богиней. Императоръ и императрица (также въ національномъ костюмѣ) открываютъ шествіе и вводятъ гостей въ особый садъ при дворцѣ, въ которомъ растутъ исключительно хризантемы: клумбы, цвѣтники, цѣлыя деревья и поляны, усаженные сплошь хризантемами всѣхъ существующихъ цвѣтовъ, — настоящая выставка хризантемъ. Послѣ торжественнаго шествія и осмотра хризантемъ, гости приглашаются къ высочайшему столу, въ сервировкѣ котораго хризантемы занимаютъ, опять-таки, главное мѣсто, и церемонія заканчивается исполнѣ европейскимъ завтракомъ.

Въ послѣдніе три-четыре года, подъ вліяніемъ европейскаго этикета, царящаго при дворѣ,—«праздникъ хризантемъ» при дворѣ начинаетъ понемногу утрачивать прежній видъ и значеніе. Онъ уже называется теперь не «кику-но-секку», а по-англійски—«garden party», и всѣ придворныя дамы являются въ корсетахъ и бальныхъ платьяхъ, а мужчины—въ европейскихъ мундирахъ.

Заговоривъ о японскихъ празднествахъ, я не могу обойти молчаніемъ одного изъ самыхъ популярныхъ, парадныхъ, и въ то же время религіозныхъ праздниковъ, которые называются «матсури»; это празднества въ честь «ками» или боговъ, введенныя въ Японіи еще въ VII в. нашей эры императоромъ Тен-му.

Нужно замѣтить, что всѣхъ «ками», т.-е. боговъ или святыхъ, японскій календарь насчитываетъ свыше трехъ тысячъ; такимъ образомъ, на каждый день въ различныхъ пунктахъ страны приходится почти по десяти «матсури», которыя являются, поэтому, самымъ распространеннымъ, общенароднымъ, музыкально-увеселительнымъ праздникомъ.

Но самыя интересныя празднества происходятъ въ Нагасаки (они называются здѣсь «бонъ-матсури»), въ честь самаго любимого и популярнаго бога «Сува», чтимаго здѣсь, какъ бога охоты, «Великаго Охотника», — патрона города Нагасаки, память котораго празднуется торжественно три-четыре дня подрядъ.

Уже въ первый день праздника городъ принимаетъ необычно-торжественный видъ. Разодѣтыя въ лучшія платья толпы народа, безъ различія пола и возраста, съ самаго ранняго утра тѣнятся на улицахъ, площадяхъ, перекресткахъ и особенно у многочисленныхъ храмовъ, разукрашенныхъ цвѣтными фонариками, флагами, знаменами, транспарантами и т. п. Всѣ хоть на минуту являются въ храмъ, чтобы принести жертву чтимому «ками»: рисовую лепешку, фрукты, печенья и даже «саки».

Изображеніе «ками» выносится затѣмъ изъ храма въ изящной переносной кумирнѣ, называемой «даши» или «божественной праздничной колесницей». За нимъ вереницей тянутся священники, одѣтые во все бѣлое, несомые въ «норимоно» (носилкахъ или паланкинѣ) дюжими японцами. Въ кортежѣ принимаетъ, обыкновенно, участіе и полиція въ качествѣ почетнаго коннаго конвоя.

У ближайшей площади процессія, сопровождаемая всѣмъ туземнымъ населеніемъ города, останавливается, и здѣсь, на особо устроенныхъ подмосткахъ, помѣщается изображеніе «ками» для всеароднаго ему поклоненія. Этимъ, строго говоря, и заканчивается религіозная часть празднества.

Затѣмъ начинается свѣтская, которую вѣрнѣе и правильнѣе можно назвать театральнымъ торжествомъ. Здѣсь на сцену являются безчисленные и разнообразныя увеселительныя зрѣлища, устраиваемыя на счетъ жителей разныхъ улицъ города поочередно. Впереди несутъ балдахинъ съ сдѣланною на немъ огромными китайскими гіероглифами надписью, указывающею, какая изъ городскихъ улицъ избрана хозяйкой и распорядительницей всего празднества и на счетъ которой оно совершается; за нимъ слѣдуютъ замаскированные музыканты, далѣе дѣти, представляющія во время остановокъ историческія пьески, обитательницы «чайныхъ домовъ», актеры, комеданты, фигляры, акробаты; за актерами слѣдуютъ переносныя кулисы и декорации, и во время остановокъ устраи-

вается представленіе подъ открытымъ небомъ. Сюжетомъ пьесъ являются, большей частью, событія изъ жизни боговъ и легендарныхъ героевъ. Случается, что содержаніе исполняемыхъ пьесъ оказывается слишкомъ печальнымъ, серьезнымъ и трогательнымъ; тогда на подмостки неожиданно вскакиваетъ комедіантъ или клоунъ и своими нехитрыми, но смѣшными выходками безъ труда развлекаетъ публику.

Появленіе этихъ фигляровъ въ случаяхъ, подобныхъ только что описанному, имѣетъ свое значеніе. Японцы объясняютъ это такъ: «ками имѣютъ мало удовольствія, когда видятъ людей недовольными; они — существа всевѣдущія и вседѣющія и сами знаютъ, что намъ нужно и чего намъ недостаетъ. Если мы будемъ надобѣдать имъ своими нуждами и горестями, то это только огорчитъ ихъ, ибо они могутъ видѣть въ этомъ какъ бы недовѣріе къ ихъ заботливости о нашемъ благѣ и счастья». Отсюда прямой выводъ—«чтобы сдѣлать богамъ пріятное и вызвать ихъ расположеніе,—лучше веселиться, чѣмъ плакать». Оттого-то значительная часть религиозныхъ празднествъ японцевъ носитъ увеселительно-театральный характеръ. Эти же взгляды легли въ основу «матсури»; этимъ же, между прочимъ, объясняется и то вѣчно-жизнерадостное настроеніе, которымъ отличаются японцы во всѣхъ случаяхъ своей жизни.

Оригинальнѣе всего видѣть во время этихъ празднествъ представленія дѣтей. Предшествуемая музыкантами, играющими на туземныхъ струнныхъ инструментахъ, они появляются обыкновенно то тутъ, то тамъ, на различныхъ площадяхъ города верхомъ на взрослыхъ японцахъ. Слѣдующіе за ними японцы со всѣми принадлежностями для подмостковъ и сцены быстро устраиваютъ все это въ любомъ мѣстѣ, на которомъ останавливается процессія; дѣти-актеры перебрасываются съ плечъ своихъ носильщиковъ на сцену, наскоро изображаютъ какую-нибудь незамысловатую пьеску и затѣмъ, при ликованіяхъ торжествующей толпы, отправляются дальше такой же оригинальной процессіей, какъ и появились. Процессію замыкаютъ, обыкновенно, родные и знакомые участвующихъ въ ней лицъ и, наконецъ, несмѣтныя толпы народа.

Все время, пока тянется эта свѣтская часть праздника (обыкновенно отъ 3-хъ до 4-хъ дней), вся торговая, промышленная, трудовая, будничная жизнь прекращается и точно замираетъ, и все населеніе предается самому искреннему и неподдѣльному веселью. Дома украшаются коврами, драпировками, флагами, наѣсами, подъ которыми пьютъ, ѣдятъ и забавляются музыкой съ

утра до вечера; и такъ тянется все время, изо дня въ день, до послѣдняго дня празднества включительно.

Мѣсяцемъ раньше «матсури» японцы устраиваютъ празднества въ память покойниковъ.

Въ первую ночь всѣ могилы покойниковъ, умершихъ за годъ до того, освѣщаются яркими, разноцвѣтными фонариками, и въ этомъ нарядномъ уборѣ онѣ остаются вплоть до самаго утра. Во вторую и третью ночь освѣщается уже все кладбище, и жители Нагасаки остаются здѣсь до утра, совершая обильныя воздѣянія въ честь покойниковъ. Взрывы веселья и смѣха не прекращаются цѣлыя ночи, перемежаясь отъ поры до времени трескомъ ракетъ и фейерверковъ. Видъ окружающихъ Нагасаки высотъ и холмовъ *), освѣщенныхъ розоватымъ пламенемъ огней, замѣчательно красивъ, особенно съ рейда, и европейцы, живущіе здѣсь, нерѣдко проводятъ всѣ эти ночи въ сампанахъ, любуясь фантастическимъ зрѣлищемъ, которое представляютъ въ это время окружныя горы.

На третьи сутки, около двухъ часовъ ночи, поминальщики оставляютъ кладбище и длинными процессіями, вереницами сходятъ съ высотъ къ заливу, освѣщая путь яркими цвѣтными фонариками, взятыми съ надгробныхъ плитъ и могилъ. Высоты мало-по-малу тускнѣютъ и, наконецъ, погружаются въ непроницаемый мракъ.

Между тѣмъ, поминальщики, занявъ почти всю береговую линію рейда, группируются здѣсь и пускаютъ на воду тысячи маленькихъ лодочекъ, сплетенныхъ изъ соломы и нагруженныхъ фруктами и нѣсколькими мелкими монетами; послѣднее напоминаетъ обычай древнихъ грековъ класть въ могилу усопшихъ оболъ для уплаты Харону за переѣздъ черезъ Стиксъ. Лодочки украшаются затѣмъ цвѣтными фонариками, унесенными съ кладбища, снабжаются легкими соломенными парусами и ставятся на воду. Отъ легкаго дуновенія предразсвѣтнаго вѣтерка (дѣло въ это время, обыкновенно, близится уже къ разсвѣту) вся эта хрупкая микроскопическая флотилія расплзается въ разныя стороны по заливу, по направленію къ выходу въ море; это означаетъ, что мертвые, души которыхъ пировали всѣ эти дни съ родными, вновь отправляются въ дальній путь.

Мало-по-малу эти суденышки загораются отъ своихъ фонарей; легкое пламя показывается все чаще и чаще на поверхности рейда, и вскорѣ онъ весь покрывается красивымъ, оригинальнымъ

*) Всѣ кладбища находятся на вершинахъ высотъ, окружающихъ городъ.

плавучимъ костромъ. Вотъ погасла одна лодка, за ней другая, третья... сгораетъ послѣдняя — послѣдняя душа возвратилась домой, и все погружается въ непроницаемый мракъ.

Когда я на другой день, проснувшись довольно поздно отъ усталости, вызванной хожденіемъ по оживленнымъ улицамъ нашего предмѣстья, вышелъ на половину Йаматойо, его и слѣдъ простылъ. Онъ снова ушелъ шататься по городу, участвовать въ процессіяхъ, таскать на себѣ огромные букеты, чуть не деревья хризантемъ; въ эти дни трудно застать дома хоть одного японца: всѣ они принимаютъ самое горячее и дѣятельное участіе въ празднествахъ.

Вечеромъ я, наконецъ, дождался Йаматойо. Онъ очень усталъ, былъ разбитъ и истомленъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чрезвычайно доволенъ и такъ и сіялъ весельемъ, довольствомъ, точно выполнилъ свой долгъ или лежащія на немъ серьезныя обязанности.

Я не могъ не выразить удивленія, что такой трудолюбивый, дѣятельный, работающій и пожилой, притомъ, человекъ, какъ онъ, можетъ удѣлять столько времени для празднествъ, — времени, которое ему впоследствии приходится наверстывать самымъ упорнымъ трудомъ.

Йаматойо тихо, неслышно засмѣялся своимъ беззубымъ ртомъ и, наконецъ, сказалъ мнѣ:

— «Гвайкоуджи» — странные люди. Японецъ нѣтъ; онъ ищетъ «йорокобу» и «урешіи» *), и ему больше ничего не нужно. Японецъ радуется хризантемъ, солнцу, свѣту; онъ радъ и онъ празднуетъ... онъ доволенъ. Когда японецъ молится «ками», онъ проситъ «йорокобу»; но надоѣдать «ками» не хорошо; «ками» сами знаютъ, что японцу нужно, и стараются доставить ему все, что онъ хочетъ. Не хорошо, когда японецъ не радъ: «ками» могутъ обидѣться, а японецъ не хочетъ обидѣть «ками»; поэтому, японецъ радуется и празднуетъ. «Ками» доволенъ, и японецъ доволенъ.

Въ этихъ словахъ выразилось все міросозерпаніе настоящаго шинтоиста, стремящагося лишь къ достиженію счастья въ этомъ мірѣ.

Долго еще бесѣдовали мы съ Йаматойо, и, когда я отправлялся къ себѣ, вся семья уже спала. Проходя черезъ спальню Йаматойо, я имѣлъ случай впервые видѣть, какъ спятъ японки. Омидзе

*) Счастья, радости и довольства.

и Ойяма лежали рядомъ въ своихъ будничныхъ киримонахъ. Постелью имъ служилъ такой же тугой матрацъ и такой же «фѣтонъ», расшитый узорами, какъ у меня. Подушекъ, однако же, у нихъ не было, и онѣ спали на спинѣ безъ нихъ, приче́мъ головы ихъ, поддерживаемыя чѣмъ-то вродѣ невысокой, лакированной, деревянной подушки («макура»), обхватывающей затылокъ, *висли въ пустомъ пространствѣ*. Такъ спать здѣсь всё японки, чтобы не разрушить и не испортить своихъ причесокъ во время сна.

На другой день я собирался оставить семью Йаматойо. Передъ отъѣздомъ на сѣверъ страны я еще хотѣлъ посѣтить вѣкоторыя окрестности Нагасаки, которыхъ я раньше не успѣлъ видѣть, а времени въ моемъ распоряженіи оставалось, сравнительно, мало. Приходилось спѣшить.

Вся семья Йаматойо такъ привязалась къ «гвайкокуджи», что сначала и слышать не хотѣла о моемъ скоромъ отъѣздѣ, но когда они убѣдились, что мое намѣреніе непреклонно, они начали усиленно снаряжать меня въ дальній путь. Не была забыта ни одна подробность, ни одна вещичка; семья Йаматойо проявила такое попеченіе и внимательность ко мнѣ, что я былъ растроганъ.

Когда мой «курума», предупрежденный заранѣе объ отъѣздѣ, явился за вещами, Йаматойо замялся, потоптался на мѣстѣ, затѣмъ шмыгнувъ въ сосѣднюю комнату и вскорѣ торжественно вынесъ оттуда изящную корзину своего издѣлія, усиленно прося меня принять ее на память.

Въ корзину, по старинному обычаю японцевъ, лежалъ кусочекъ сушеной рыбы, которую японцы всегда прибавляютъ къ своимъ подаркамъ въ знакъ того, что всё японцы когда-то занимались исключительно рыболовствомъ.

Семья Йаматойо въ полномъ составѣ проводила меня къ джинришѣ. Мой рѣзвый бѣгунъ, закинувъ голову на бокъ, рвануль съ мѣста и помчалъ меня быстрой рысью по направленію къ Нагасаки при еле доносившихся уже до меня крикахъ: «сайанара!» (до свиданія!).

Мои симпатичные сожители долго еще стояли на крылечкѣ, провожая взорами удаляющуюся телѣжку, и каждый разъ, какъ я оборачивался къ нимъ, до ушей доносился новый взрывъ прощальныхъ криковъ «сайанара!»

Д. И. Шрейдеръ.

СТАРЫЙ ХОЗЯИНЪ.

Поля Бурже.

Весной прошлаго года я путешествовалъ по южной части Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и мнѣ пришлось остановиться въ одномъ маленькомъ городѣ. Имени его я не могу здѣсь назвать по причинамъ, о которыхъ скажу ниже. Я намѣревался разыскать тамъ стараго офицера сѣверной арміи, близкаго друга Линкольна, у котораго сохранились, какъ мнѣ говорили, неизданныя письма великаго президента. Я буду называть его просто полковникомъ Скоттъ — что не помѣшаетъ, однако, его друзьямъ узнать его; я же далъ слово не называть его настоящаго имени. Нашъ общій другъ въ Вашингтонѣ, который далъ мнѣ письмо къ нему, предупредилъ меня:

„Приготовьтесь увидеть одного изъ самыхъ сложныхъ людей, человѣка *manu sided* (многосторонняго), какъ говорятъ у насъ въ Америкѣ. Вы сами въ этомъ убѣдитесь. Онъ родомъ изъ Массачузетса, и въ немъ есть нѣчто пуританское. Онъ былъ на войнѣ и немножко солдатъ, изучалъ медицину и немножко ученый. Потомъ онъ сдѣлался дѣловымъ человѣкомъ, завѣдывалъ большою фабрикой ливрейныхъ пуговицъ и тутъ сталъ отчасти промышленникомъ. Кромѣ того, онъ сдѣлался землевладѣльцемъ, *gentleman farmer*, съ тѣхъ поръ, какъ купилъ большую плантацію на Югѣ: къ этому его побудило состояніе здоровья его дочери... Но прежде всего это прекрасный человѣкъ, добрый, сострадательный, чрезвычайно прямой, съ массой любопытнѣйшихъ воспоминаній о Линкольнѣ, Грантѣ, Шериданѣ... Впрочемъ, вы сами будете съ нимъ говорить...“

Дѣйствительно, я много говорилъ съ нимъ. Я прочиталъ письма Линкольна и узналъ много подробностей, которыя

пригодились бы лѣтописцу междоусобной войны. Но признаюсь, пожертвовалъ бы всѣми ими за нѣсколько сценъ изъ мѣстныхъ нравовъ, при которыхъ мнѣ пришлось присутствовать вмѣстѣ съ полковникомъ Скоттъ. Послѣ долгихъ колебаній онъ разрѣшилъ мнѣ рассказать про нихъ, взявъ съ меня слово не называть ни его имени, ни имени того города, гдѣ разыгралась эта маленькая драма. Она можетъ, мнѣ кажется, всего лучше обрисовать особенности американскаго характера и отношеній, установившихся въ послѣднее время между Сѣверомъ и Югомъ.

И такъ, я пріѣхалъ въ Филипсвилъ—мы такъ будемъ называть этотъ маленький городокъ въ штатѣ Георгія—въ половинѣ марта. Прежде всего я справился объ адресѣ полковника. Мнѣ сказали, что онъ живетъ въ двухъ миляхъ отъ города, но что съ нимъ необходимо предварительно списаться, для того чтобы застать его дома.

— Онъ страстный охотникъ, — прибавилъ мистеръ Вильямсъ, хозяинъ гостинницы, въ которому я обратился за справками, — и нерѣдко пропадаетъ на охотѣ по три, четыре дня подрядъ. Вы знаете, сударь, у насъ самая лучшая охота во всей Америкѣ: олени, дикія утки, куропатки, перепела и не единаго опаснаго животнаго, ни одного медвѣдя, ни одной нумы. О, Филипсвилъ превосходитъ всѣ города Юга!

— Нѣтъ опасныхъ животныхъ? — переспросилъ я. — А аллигаторы, а гремучія змѣи?

— Они всѣ тамъ, во Флоридѣ. Да, сударь, уже двадцать лѣтъ, какъ я живу здѣсь зиму и лѣто, и никогда не видѣлъ другихъ змѣй, кромѣ ужей.

Достойный мистеръ Вильямсъ счелъ лишнимъ прибавить, что въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ онъ и ста разъ не вышелъ изъ своего отеля. Отель этотъ представлялъ, впрочемъ, идеаль комфорта для путешественниковъ, съ которыми мистеръ Вильямсъ обходится, какъ съ друзьями, заботясь объ ихъ удобствахъ и развлеченіяхъ, точно какой-нибудь владѣтель замка, принимающій у себя приглашенныхъ гостей. Нигдѣ, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, вы не встрѣтите подобнаго типа хозяина гостинницы, обѣдающаго ежедневно въ общей залѣ во фрѣвѣ, vis-à-vis съ своей женой, въ парадномъ туалетѣ, и проводящаго затѣмъ весь остальной вечеръ среди своихъ гостей въ общей галлерей, подъ звуки оркестра, нанятаго на весь сезонъ. Мнѣ думается, однако, что у хозяи-

на Williams House, Philippeville, состраданіе къ страхамъ путешественника, непривычнаго къ хищнымъ звѣрямъ, взяло верхъ надъ правдивостью. Не прошло и двухъ дней съ тѣхъ поръ что я поселился въ этомъ мѣстѣ, какъ мнѣ уже пришлось свести знакомство съ однимъ изъ чудовищъ, столь любезно изгнанныхъ мистеромъ Вильямсомъ во Флориду.

Теперь, когда я записываю свои воспоминанія вдали отъ этого жгучаго климата, въ Парижѣ, гдѣ самые хищные звѣри ходятъ на двухъ ногахъ и одѣваются у лучшихъ портныхъ, мнѣ съ трудомъ вѣрится, что я не фантазирую, и что дѣйствительно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, на другой день послѣ прибытія въ Филиппвилль, я въ легкомъ экипажѣ, покатылъ по длинной улицѣ съ негритянскими хижинами по обѣимъ сторонамъ, и что мы вдвоемъ съ чернокожимъ кучеромъ ѣхали по лѣсу изъ терпентинныхъ деревьевъ, кое-гдѣ перемѣшанныхъ съ цвѣтущей жимолостью, пока не увидѣли передъ собой плагбаума, на которомъ было написано: Scott's Place. Точно во снѣ вижу, какъ я выхожу изъ экипажа и иду пѣшкомъ по извилистой аллеѣ, среди двухъ рядовъ высокихъ деревьевъ, вижу въ глубинѣ аллеи широкое и низкое строеніе, очевидно, домъ хозяина. Мнѣ не пришлось звонить и спрашивать владѣтеля этого мирнаго кокетливаго домика, поросшаго ползучими розами. Передъ входомъ въ домъ тѣснилась толпа негровъ, въ пятнадцать—двадцать человекъ—мужчины, женщины и дѣти. Всѣ эти черныя головы окружали старика лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, еще крѣпкаго и гибкаго, въ высокихъ кожаныхъ штиблетахъ и бархатномъ жилетѣ. Полковникъ—это былъ онъ—не замѣтилъ моего приближенія, также какъ и негры, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Онъ стоялъ, наклонившись надъ большимъ деревяннымъ ящикомъ съ рѣшетчатой крышкой. Судя по звукамъ, выходявшимъ оттуда,—точно теркой изо всѣхъ силъ серебри по какому-то твердому предмету—въ клѣткѣ находилось какое-то странное существо, чѣмъ-то необычайно встревоженное. Мистеръ Скоттъ держалъ въ правой рукѣ палку, въ концѣ которой былъ прикрѣпленъ кусокъ ваты, и просовывалъ ее въ промежутки между планками, отъ времени до времени поливая вату какой-то прозрачной жидкостью изъ большой черной бутылки. Я сейчасъ же узналъ приторно-сладкій запахъ хлороформа. Что это было за животное, которое усып-

лялъ полковникъ? Звуки становились все слабѣе и слабѣе. Они затихали, точно стоны больного, усыпляемаго сильнымъ анестетическимъ средствомъ. Одинъ изъ негровъ произнесъ: „спитъ уже“... Полковникъ вылилъ остатки жидкости изъ бутылки въ ящикъ, пошарилъ въ немъ палкой, чтобы убѣдиться, что животное дѣйствительно уснуло, и затѣмъ, взявъ въ руки клещи, оторвалъ одну изъ планокъ крышки и опрокинулъ ящикъ. Изъ него показалась прежде всего неподвижная голова, чудовищная голова змѣи, шириной въ ладонь, треугольная и плоская, безсильно болтавшаяся на шеѣ, затѣмъ, развернулось во весь ростъ и туловище животнаго, заканчивающееся небольшимъ хвостомъ. Видъ этой гремучей змѣи былъ до того отвратителенъ, такъ заслуживалъ названія *crotalus atrox* (страшная змѣя), даннаго естествоиспытателями этой разновидности, что толпа попыталась назадъ, несмотря на то, что животное въ данную минуту было совершенно безвредно. Полковникъ съ быстротой оператора, знающаго, что минуты дороги, открылъ своей палкой огромную пасть чудовища. Онъ взялъ въ свободную руку металлическій инструментъ, одинъ изъ тѣхъ, который употребляютъ дантисты, наложилъ его на одинъ изъ клыковъ, и въ ту же минуту пасть животнаго обогривась кровью. Небольшое усиліе, и клыкъ чудовища очутился на землѣ, за нимъ второй, третій и, наконецъ, четвертый. Между тѣмъ животное все еще продолжало спать; кровавая пѣна виднѣлась вокругъ его пасти. Полковникъ схватилъ его за середину туловища, бросилъ безжизненную массу въ ящикъ и заколотилъ крышку тремя ударами молотка. Затѣмъ, онъ осторожно подобралъ одинъ за другимъ опасныя орудія защиты и, обратившись къ одному изъ негровъ, произнесъ:

— Этотъ толстый парень (*this big fellow*) будетъ неможно удивленъ, когда проснется! Уберите его и, пожалуйста, оставьте привычку приносить мнѣ каждую недѣлю новую змѣю...

Въ эту минуту взглядъ его сѣрыхъ глазъ упалъ на меня. Онъ, не колеблясь, сейчасъ же призналъ меня, какъ и я его. Рекомендательное письмо, которое я отправилъ ему сегодня утромъ, съ предупрежденіемъ, что явлюсь къ нему послѣ обѣда, не оставляло никакихъ сомнѣній на счетъ моей личности. Онъ назвалъ меня по имени и, пожимая мнѣ руку, заговорилъ по французски, безъ всякихъ предисловій, съ характерной американской фамильярностью:

— Это шестой экземпляръ, который мнѣ приходится оперировать въ теченіе двухъ лѣтъ и третій—въ теченіе этого года. Этотъ Джимъ Кеннеди, который уноситъ ящикъ—ладѣлецъ цѣлой коллекціи чудовищъ. Богъ его знаетъ, какими способами онъ ихъ приручаетъ. Онъ будетъ показывать ихъ въ городахъ и деревняхъ и въ нѣсколько недѣль заработаетъ столько, что можетъ потомъ не работать въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Въ этомъ выражается весь характеръ негровъ,—прибавилъ онъ, пожимая плечами;—какъ только есть у нихъ пища, вы ихъ не заставите палецъ о палецъ ударить...

— А если въ этомъ ихъ счастье, полковникъ?—возразилъ я.

— Счастье?—рѣзко повторилъ онъ.—Счастье? Да, пожалуй. Они болѣе чѣмъ счастливы. Но это счастье животнаго, унижающее ихъ еще больше, чѣмъ рабство. Да, сударь,—прибавилъ онъ тономъ, въ которомъ мнѣ послышался пуританинъ,—они были лучше, когда были рабами, повѣрьте мнѣ. Я былъ одинъ изъ тѣхъ, которые послѣдовали за Линкольномъ съ наибольшимъ энтузіазмомъ. И я даже не вхожу въ оцѣнку того, что случилось. Надо не быть человѣкомъ для того, чтобы допустить существованіе на свѣтѣ хотя бы единого раба черезъ восемнадцать вѣковъ послѣ Іисуса Христа. Но мы думали, что сдѣлали все, освободивши ихъ. Это было бы болѣе чѣмъ просто. Тогда только и начались наши обязанности. Мы не подумали о томъ, что существо низшей расы, какъ негръ, не можетъ безнаказанно сразу перейти въ высшія условія существованія. Вы увидите грустныя вещи, если будете путешествовать по нашему Югу. Однако, я васъ держу два часа подъ этимъ солнцемъ, которое для меня ровно ничего не значить, а васъ сжигаетъ. Пойдемте въ домъ. Я васъ представлю миссъ Скоттъ... Это очень скромный домъ. Онъ вамъ дастъ представленіе о томъ, каково было жилище рабовладѣльца въ Георгіи лѣтъ сорокъ тому назадъ... Вы видите, кругомъ здѣсь все были хижины негровъ. Я оставилъ три или четыре. Кухня помѣщалась вотъ въ этомъ зданіи. Вотъ конюшни. Я только ремонтировалъ то, что оставили Шастень. Вы узнаете французское имя, не правда ли? Послѣдній изъ этого рода умеръ пять лѣтъ тому назадъ. Они переселились сюда изъ Новаго Орлеана... Повѣрьте ли, послѣ войны, разоренные освобожденіемъ своихъ рабовъ и не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ этой земли, они прожили здѣсь почти безвыѣздно нѣсколько лѣтъ, не

обрабатывая ея, зарѣзывая отъ времени до времени поросенка, изрѣдка охотясь, питаюсь томатами изъ огорода, который воздѣлывалъ имъ бѣдный негръ, ни за что не хотѣвшій съ ними разстаться. Это были люди съ сердцемъ и хорошіе люди, что не помѣшало имъ однако продать одного за другимъ семерыхъ дѣтей того бѣдняги, который отерылъ вамъ шлагбаумъ.

— Этотъ маленький, почти комичный, человѣчекъ съ морщинистымъ лицомъ, обросшимъ сѣдыми волосами и бородой, точно сѣрымъ мхомъ?—спросилъ я.

— Онъ самый, — сказалъ полковникъ. — Вотъ видите, до какой степени рабство извращаетъ человѣка. Онъ никогда не сердится на своихъ господъ за эту продажу. Онъ считалъ и продолжаетъ считать совершенно естественнымъ, что они распоряжались его дѣтьми, какъ телятами или свиньями. Онъ любилъ ихъ, своихъ хозяевъ, и хозяева его любили!.. Это непостижимо. Однако, садитесь, пожалуйста. Я пойду за своей дочерью. Я какъ разъ кончалъ свой завтракъ, когда меня вызвали для этой операціи. Надѣюсь, вы не сочтете характерной особенностью полковниковъ въ нашей странѣ исполнять роль дантистовъ у гремучихъ змѣй. Эти негры такъ неосторожны. Подобная же операція нѣсколько уменьшаетъ ихъ шансы быть укушенными.

Разговаривая такимъ образомъ, мы вошли въ переднюю, украшенную двумя огромными оленьими головами. Оттуда вела дверь въ залу, гдѣ мой хозяинъ оставилъ меня. Это была продолговатая комната, обставленная качалками, со стѣнами, увѣшанными фотографіями, напоминавшими о дальнихъ путешествіяхъ. Бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, я различилъ мечеть Омара въ Иерусалимѣ, Парѣенонъ, фонтанъ львовъ въ Альгамбрѣ. Я узналъ потомъ, что полковникъ и его дочь два раза объѣхали воеругъ свѣта. Я не успѣлъ ни рассмотреть хорошенько залу, ни прочитать названія книгъ, уставленныхъ въ низенькомъ шкапу — какъ дверь отворилась, и на порогѣ ея появился полковникъ, катя передъ собою кресло на колесахъ, въ которомъ сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати пяти.

Видъ всякаго неизлечимаго недуга, въ особенности же, если этотъ недугъ соединяется съ молодостью, хватается за душу. Когда же недугъ поражаетъ въ самомъ разцвѣтѣ молодое существо, безусловно хорошее и прекрасное, чувствуешь еще болѣе глубокую жалость. У миссъ Рутъ Скоттъ были крупныя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣжныя черты лица, которыя долго

*

противостоятъ разрушительному вліянію времени, великолѣпный цвѣтъ лица, тонкія, извилистыя линіи рта и улыбка, открывавшая зубы безукоризненной бѣлизны—зубы ея отца. Ея свѣтло-голубые глаза, чуть-чуть свѣтлѣе, чѣмъ глаза полковника, говорили о честномъ, любящемъ женскомъ сердцѣ, — о сердцѣ и гордомъ, и нѣжномъ, а ея благородно очерченный лобъ обрамляли роскошныя, золотистыя волосы. Но самая неумолимая болѣзнь, самая смѣшная, когда рѣчь идетъ о дѣвушкѣ такого возраста и такой красоты, — обезображивающій ревматизмъ сковывалъ ей ноги, запрятанныя подъ шалью, и лишалъ ея возможности двигаться, а руки, открытыя безъ всякаго кокетства, обнаруживали распухшіе суставы, несчастныя руки калѣки, которыя не въ состояніи были ни водить перомъ, ни держать иглы. А между тѣмъ кроткая покорность, даже болѣе того, — какая-то суровая радость была написана на этомъ лицѣ, которое, казалось, должно было бы выразить всю меланхолію мученической судьбы. Я скоро понялъ источникъ этой душевной ясности. Миссъ Рутъ не произнесла еще и десяти фразъ, какъ передо мною открылась тайна ея внутренней силы. Подобно своему отцу, она чувствовала на себѣ отвѣтственность людей ея расы по отношенію къ чернокожимъ, и я понялъ, что она, какъ и ея отецъ, преисполнены жаждой прозелитизма. Исторія англосаксовъ была бы непонятна безъ этого наслѣдственнаго инстинкта активной и личной миссіи, однимъ изъ тысячи примѣровъ котораго была миссъ Скоттъ, правда, примѣромъ особенно трогательнымъ, благодаря ея личному несчастью. У меня все еще звучитъ въ ухахъ ея голосъ, нѣсколько рѣзкій, когда она говоритъ мнѣ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе о безопасности негровъ.

— Нѣтъ, это не всегда такъ. Даже теперь тамъ разыгрываются трагедіи, о которыхъ и не подозрѣваютъ... Десять лѣтъ назадъ, когда я училась въ Бостонѣ, въ нашу школу хотѣла поступить негритянка. Начальница собрала насъ всѣхъ и спросила, даемъ ли мы ей слово обходиться съ ней, какъ съ равной; въ противномъ случаѣ она ея не приметъ. Намъ данъ былъ часъ на размышленіе. Такъ какъ мнѣнія раздѣлились, то рѣшено было поставить вопросъ на баллотировку и подчиниться мнѣнію большинства. Рѣшеніе оказалось благопріятнымъ для негритянки. Скажите, не жестоко ли было бы отказать ей въ благахъ культуры только на томъ основаніи, что въ ея жилахъ текла негритянская кровь? Она провела

съ нами четыре года. Она отличалась умомъ, что нерѣдко можно встрѣтить у негровъ, и прямодушiемъ, что далеко не всегда встрѣчается у нихъ. Мы очень любили ее. Даже тѣ, которыя подали свой голосъ протiвъ нея, сдержали свое слово и ни разу не дали ей почувствовать, что относятся къ ней иначе, чѣмъ къ бѣлой. Словомъ, она была счастлива. Но умеръ ея отецъ и оставилъ ее безъ всякихъ средствъ, такъ что она принуждена была вернуться въ Саванну, въ семью своего дѣда. Привыкшая вращаться среди лучшаго общества на Сѣверѣ, она не нашла тамъ ни одного человѣка изъ общества, который пожелалъ бы поддерживать съ ней знакомство. Ей пришлось знаться исключительно съ людьми ея расы, грубыми, вульгарными, безъ образованiя, безъ воспитанiя... Она столько страдала, что кончила преступленiемъ. Она утопилась. Развѣ это не трагедiя, и не ужасная?..

— Но отчего же она не осталась на Сѣверѣ?—спросилъ я.—Развѣ она не могла бы тамъ выйти замужъ?

— О нѣтъ,—въ свою очередь, вступился полковникъ,—и я это совершенно понимаю. Эти браки между черными и бѣлыми не приняты у насъ, и вполне справедливо—Богъ не желаетъ смѣшенiя крови; лучшимъ доказательствомъ служить то, что почти всѣ метисы дурные люди. Нѣтъ, дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ, чтобы испортить бѣлую расу примѣсью черной, а о томъ, чтобы сдѣлать изъ этой униженной расы людей, которые были бы дѣйствительно людьми, гражданами, которые были бы настоящими гражданами, наконецъ, нѣчто другое, чѣмъ дѣти или животныя...

— Но вѣдь они уже христiане?—прервалъ я его.

— И добрые христiане,—сказала миссъ Руть.—Нужно только послушать, какъ они распѣваютъ свои пѣсни о старомъ Павлѣ или старомъ Моисеѣ, точно о людяхъ, которыхъ они сами знали. Иногда эти пѣсни полны поэзiи.. Помните, отецъ, пѣсню о костяхъ съ ея мелодiей, такъ гармонирующей съ этими прекрасными словами? Не споете ли вы ее?..

— Попробую,—сказалъ полковникъ, и сѣлъ за рояль.

Въ какую эпоху своей жизни нашелъ онъ время научиться музыкѣ? Онъ взялъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ, подбирая мотивъ тѣми же проворными пальцами, которые держали шпагу офицера, ланцетъ врача, перо администратора, и которые полчаса тому назадъ, на моихъ глазахъ, вводили влещи въ пасть гремучей змѣи! Это была нѣжная и тихая мелодiя, звуки, напоминающiе эхо монотоннаго такта, отби-

ваемаго на барабанѣ въ тишинѣ знойной ночи. А слова были, приблизительно, такія: „Я знаю, что эти кости мои, что онѣ мои—и что онѣ воскреснутъ—сегодня...“ Какія странныя и трогательныя слова, особенно, если подумать, что ихъ сочинили и пѣли рабы, несчастные рабы, у которыхъ дѣйствительно ничего не было, кромѣ этихъ костей, единственнаго оружія, которое нельзя было оторвать отъ ихъ тѣла, чтобы продать!

— Если вамъ нравятся эти пѣсни, — прибавила миссъ Скоттъ, — мы вамъ подберемъ еще и другія.

— Есть пѣсня, — сказалъ я, — которой я никогда не слышалъ, и которую вы должны знать, полковникъ. Я думаю, что негры, навѣрно, поютъ ее, потому что это гимнъ ихъ освобожденія. Это маршъ Джона Броуна.

Я не безъ намѣренія спросилъ своего хозяина объ этой чудной воинственной пѣснѣ. Я рассчитывалъ на то, что эта марсельеза сѣверной арміи наведетъ полковника на воспоминанія о войнѣ и послужитъ поводомъ къ какимъ-нибудь разсказамъ. Но я былъ плохого мнѣнія объ его удивительной простотѣ. Онъ казался нѣсколько удивленнымъ моею фантазійей.

— Chestnut—старая дребедень, — произнесъ онъ.

Все-таки онъ снова нагнулся надъ клавишами и заигралъ воинственный гимнъ. Это очень живая, почти веселая мелодія. Я смотрѣлъ на пѣвца въ то время, какъ онъ произносилъ слова, которыя должны были соединяться въ его умѣ съ такими кровавыми воспоминаніями. Онъ спѣлъ эту пѣсню весело, съ оживленнымъ лицомъ, которое, однако, поразило меня меньше, чѣмъ послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ предложеніе спѣть мнѣ маршъ южной арміи: „Земля Диксей“. Полковнику доставляло одинаковое удовольствіе вспомнить и ту, и другую пѣсню, настолько эта гражданская война превратилась для него въ событіе другой эпохи, почти въ ретроспективное зрѣлище. Онъ всталъ изъ-за рояля и, опускаясь въ качалку, произнесъ:

— Вы бы послушали эти пѣсни, когда ихъ распѣвали по дорогамъ тысячи человѣкъ... Славные были ребята и отличные солдаты. Я видѣлъ, какъ созидались эти арміи, день за днемъ, часъ за часомъ, какъ новый городъ... Я помню, въ самое послѣднее время одинъ французскій офицеръ, бывший на одномъ изъ нашихъ смотровъ, спросилъ меня: „теперь, когда у васъ такая прекрасная армія, откуда вы начнете? съ Канады, или съ Мексики?—Мы начнемъ съ того, что

пошлемъ ихъ всѣхъ работать,—отвѣтилъ я. — И это была правда. Къ концу войны у насъ было 120.000 человекъ, а черезъ шесть мѣсяцевъ пятьдесятъ тысячъ... И онъ засмѣялся веселымъ смѣхомъ, въ которомъ звучало чувство національной гордости. Онъ больше гордился этимъ распущеніемъ войскъ, чѣмъ двадцатью побѣдами. Затѣмъ онъ снова сдѣлался серьезенъ и, какъ истый американецъ, возвращаясь къ своей прежней точкѣ зрѣнія, прибавилъ: „но все-таки мы не сдѣлали достаточно для черныхъ. Не надо было ни давать имъ ни тѣхъ правъ, которыя имъ дали, ни бросать ихъ въ такомъ безпомощномъ состояніи“.

— Развѣ можно улучшить расу?— прервалъ я его. — Въ Канадѣ, про которую вы только-что упомянули, мнѣ пришлось посѣтить деревню обращенныхъ ирокезовъ. Ихъ священникъ говорилъ мнѣ, что совершенно невысказано заставить ихъ усвоить что-нибудь далѣе извѣстной границы. Точно есть извѣстный предѣлъ культуры, заранѣе намѣченный въ крови каждаго изъ насъ.

— Его нужно было бы достигнуть, по крайней мѣрѣ,—съ жаромъ произнесла миссъ Скоттъ. Въ ея голосѣ послышалась легкая дрожь недовольства, почти гнѣва.

— Вы, можетъ быть, измѣните ваше мнѣніе,—прибавила она, когда побываете въ школѣ, которую мы устроили въ Филиппвилѣ. Я вамъ покажу ее какъ-нибудь, если вы остаетесь здѣсь еще нѣсколько дней...

Разставаясь съ полковникомъ, мы уговорились посѣтить вмѣстѣ школу. Было условлено, что я приѣду къ завтраку, и что затѣмъ мы вмѣстѣ съ миссъ Скоттъ отправимся въ школу. Провожая меня черезъ паркъ до моего экипажа, полковникъ рассказывалъ мнѣ, что мы будемъ дѣлать въ этотъ день. Мы шли теперь другой дорогой, и остановились передъ огороженнымъ мѣстомъ, густо поросшимъ деревьями и окруженнымъ низкой стѣной.

— Вотъ,—сказалъ мой проводникъ,—кладбище, гдѣ похоронены всѣ Шастенъ въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ. Хотите посмотрѣть? Эти уголки—последніе остатки старой Америки, которую путешественники слишкомъ часто забываютъ, изучая только новую... А между тѣмъ одна не понятна безъ другой...

Мы вошли на кладбище. Пышная южная растительность превратила эти тридцать квадратныхъ метровъ въ гигантскую корзину цвѣтовъ. Дикій жасминъ, боярышникъ, жимолость,

нарциссы росли тутъ въ пестромъ беспорядкѣ. Глициніи обвивали деревья, и желтыя розы, тѣ миниатюрныя розы, которыя извѣстны подъ именемъ банксіи, пышными кистями цѣплялись по темнымъ кипарисамъ. Вѣтхіе камни виднѣлись въ этомъ саду молодости, весны и благоуханій. Я раздвинулъ свѣжія вѣтви и цвѣты, чтобы прочесть нѣкоторыя надписи. Самый новый изъ камней, поставленный, безъ сомнѣнія, заботами мистера Скоттъ, былъ украшенъ скульптурнымъ изображеніемъ сабли. Я прочелъ надпись, изъ которой узналъ, что это могила послѣдняго изъ рода Шастенъ, бывшаго тоже полковникомъ, но въ конфедеративной арміи. Тутъ же рядомъ, на другой могилѣ, совершенно исчезавшей подъ пышною растительностью, я прочелъ цифру 1738 и слова: „Новый Орлеанъ“. Я понялъ, что преемникъ исчезнувшихъ владѣльцевъ желалъ почтить ихъ память, положивъ рядомъ прахъ основателя этихъ владѣній съ прахомъ послѣдняго потомка его. Здѣсь покоился цѣлый рядъ поколѣній французовъ. Они были могущественны въ свое время, и никого не осталось, чтобы почтить ихъ память, кромѣ великодушнаго врага, который владѣлъ ихъ наслѣдіемъ. И весна расточала свои роскошные дары, въ этомъ мрачномъ пріютѣ, съ той побѣдоносной безстрастностью природы, которую такъ ненавидишь, пока еще молодъ, и начинаешь любить, когда старѣешься. Хотя полковникъ, какъ активный человѣкъ и бывший воинъ, едва ли испытывалъ тѣ же ощущенія, какъ, я, но и онъ не остался равнодушенъ къ этому жилищу смерти, тишина котораго нарушалась лишь жужжаніемъ мухъ въ этотъ полуденный часъ. Мы оба молчали, и, только выйдя оттуда, полковникъ снова заговорилъ.

— Вы замѣтили, въ какомъ хорошемъ состояніи содержится владѣніе? Объ этомъ заботится одна изъ ихъ прежнихъ невольницъ. Эта вѣрность служить къ ихъ чести, а для меня дѣлаетъ еще болѣе дорогимъ этотъ уголокъ. Да, пріятно думать, что занимаешь домъ, въ которомъ жили четыре, пять поколѣній честныхъ людей. Это то же самое, что знать, что вокругъ васъ нѣтъ несчастныхъ. И ихъ дѣйствительно нѣтъ, я вамъ это повторяю. Когда вы будете въ школь, мы съ вами посѣтимъ нѣсколько хижинъ. Вы увидите, какія довольныя лица у этихъ людей. Кусокъ соленой свинины и немножко плодовъ, и они такъ довольны, точно владѣютъ всеми милліонами всѣхъ собственниковъ Ньюпорта...

— Но вотъ и шлагбаумъ, и вашъ экипажъ...

Полковникъ далъ нѣсколько инструкцій возницѣ и, когда онъ, на прощанье, обратился ко мнѣ со словами: „до вторника, въ часъ дня“, я съ трудомъ могъ удержаться, чтобы не сказать: „до вторника?“ какъ долго!.. Такъ сильно мнѣ хотѣлось поскорѣ увидѣть его снова. Его оригинальный характеръ, благородное лицо его дочери, живописность ихъ жилища внушили мнѣ тотъ внезапный интересъ, который знакомъ, можетъ быть, однимъ только профессиональнымъ романистамъ. Наше воображеніе точно подпадаетъ подъ власть какихъ-то чаръ, которыя наполняютъ насъ страстнымъ желаніемъ узнать все, касающееся какаго-нибудь лица, дышать однимъ съ нимъ воздухомъ, жить его жизнью, думать его мыслями. Я былъ такъ поглощенъ своими мыслями объ этихъ двухъ людяхъ, которыхъ зналъ всего лишь нѣсколько часовъ, что почти не замѣчалъ великолѣпныхъ пейзажей, разстилавшихся по обѣимъ сторонамъ песчаной дороги. Я восторгался пуританскимъ жаромъ, который сжигалъ ихъ предковъ и горѣлъ въ нихъ неугасимымъ пламенемъ. Я удивлялся расовымъ предрасудкамъ, которые, не смотря даже на эту жажду апостольства, заставляли ихъ считать пятномъ бракъ одного изъ нихъ хотя бы и съ лучшимъ представителемъ тѣхъ негровъ, за которыхъ они такъ ратовали. Я думалъ о физиологической и моральной силѣ натуры этого человѣка, котораго не истощили ни пять или шесть профессій, ни шестьдесятъ лѣтъ трудовой жизни, о печальной судьбѣ его дочери, о невѣроятностяхъ этой фантастической страны, хотя бы, напримѣръ, объ этой удивительной сценѣ, когда я засталъ мистера Скоттъ выдергивающимъ зубы у захлороформированной гремучей змѣи. Сотни мыслей волновали меня и заставляли нетерпѣливо ждать встрѣчи съ человѣкомъ, котораго я видѣлъ сегодня въ первый разъ. Я не думалъ, что мнѣ придется увидѣть его во вторникъ въ условіяхъ, какъ нельзя болѣе далекихъ отъ семейнаго завтрака подъ предсѣдательствомъ миссъ Рутъ, и принять участіе въ охотѣ, еще болѣе странной для парижскаго писателя, чѣмъ даже охота на гремучихъ змѣй.

II.

Я былъ у полковника въ пятницу. Въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней въ Филиппвилѣ лилъ одинъ изъ тѣхъ тропическихъ дождей, которые, вмѣсто того, чтобы освѣжить атмосферу, только насыщаютъ ее еще болѣе теплыми испареніями.

Единственными развлеченіями въ моемъ заточеніи было смотрѣть, какъ льютя на землю неизсякаемые потоки воды, да разговаривать съ хозяиномъ гостинницы. Я имѣлъ ехидство рассказать ему про свое посѣщеніе полковника и про неожиданную встрѣчу съ однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ чудовищъ, существованіе котораго онъ сталъ бы отрицать, кажется, даже, если бы онъ увидѣлъ его извивающимся у себя на лугу.

— Эти негры навѣрно добыли змѣю изъ Флориды, — не колеблясь, отвѣтилъ мнѣ мистеръ Вильямсъ. — У нихъ страсть ловить ихъ живьемъ, чтобы продать въ какой-нибудь зоологической садъ. Мистеръ Скоттъ, такой хорошей человѣкъ, не долженъ былъ бы оказывать имъ подобныя услуги, которыя только подстрекають ихъ, не говоря уже о томъ, что змѣя могла проснуться во время операціи. Но полковникъ всегда былъ слишкомъ добръ по отношенію къ этимъ чернокожимъ. Ему иногда недурно оплачивали за эту доброту. Онъ вамъ не говорилъ, что теперь сидитъ здѣсь въ тюрьмѣ его прежній слуга, нѣкій Анри Сеймуръ, прогнанный имъ за воровство и потомъ разбойничавшій въ странѣ? Послѣ одного, совершеннаго имъ, убійства онъ укрылся въ лѣсу и прожилъ тамъ пѣлый годъ. Онъ такой хорошей стрѣлокъ, что держалъ въ страхѣ все окрестное негритянское населеніе. Эти трусы доставляли ему съѣстные припасы, виски и патроны. Въ концѣ концовъ его поймали, благодаря предательству одного изъ его друзей, который подмѣшалъ ему въ виски опія. Его судили и присудили къ смерти. Повѣрите ли вы, что мистеръ Скоттъ пришелъ въ негодованіе отъ того, что его поймали такимъ способомъ, и добился отсрочки въ исполненіи смертнаго приговора! Онъ поѣхалъ къ Атланту для того, чтобы выхлопотать ему помилованіе! Его старанія, впрочемъ, оказались, безуспѣшными, и въ четвергъ эту каналью повѣсятъ...

— Но полковникъ, должно быть, представилъ другіе мотивы, кромѣ этого предательства, для того, чтобы добиться помилованія?

— Безъ сомнѣнія. Онъ утверждалъ, что Сеймуръ былъ осужденъ въ слишкомъ молодыхъ лѣтахъ. Вы видѣли людей, одѣтыхъ въ коричневое съ бѣлымъ, въ ножныхъ кандалахъ, работающихъ на нашихъ дорогахъ. Это наши каторжники. Этотъ парень тоже исполнялъ такую работу. Правда, ему тогда было семнадцать лѣтъ. Но вольно же ему было успѣть

въ этомъ возрастѣ совершить уже двѣ кражи, не считая той, за которую мистеръ Скоттъ уволилъ его, не возбуждая противъ него преслѣдованія.

— Семнадцать лѣтъ,—сказалъ я,—все-таки это еще очень молодой возрастъ. Въ эти годы человѣкъ еще сильно поддается чужимъ влiянiямъ, и общество каторжниковъ едва ли въ состоянiи исправить характеръ, который попадаетъ на дурную дорогу...

— Однако,—возразилъ мистеръ Вильямсъ,—многіе проводятъ въ кандалахъ годъ, два года, а затѣмъ исправляются. Когда человѣкъ уплатилъ свой долгъ, мы, американцы, считаемъ его дѣйствительно уплаченнымъ... Этотъ Сеймуръ могъ бы уплатить свой долгъ трудомъ. Онъ-же предпочелъ вести себя такимъ образомъ, что теперь долженъ уплатить его инымъ способомъ—его воля... Кстати, не пожелаете ли вы, можетъ быть, присутствовать при казни? У насъ въ Георгіи не введено электричество—мы примѣняемъ повѣшеніе. У васъ, во Франціи, вѣдь дѣйствуетъ гильотина, не такъ ли?..

— Я никогда не видѣлъ, какъ она дѣйствуетъ,—сказалъ я,—и сомнѣваюсь, выдержать ли мои нервы зрѣлище человѣка, котораго вѣшаютъ...

— Во всякомъ случаѣ, я попрошу для васъ у шерифа билетъ, вы можете имъ воспользоваться.

Онъ сдержалъ слово, и въ понедѣльникъ мнѣ былъ обѣщанъ билетъ. Но вечеромъ того же дня, встрѣтивъ меня въ галлерей своей гостинницы, онъ подошелъ ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ добраго гражданина, удрученнаго дурными вѣстями.

— Слышали исторію? Вамъ не придется воспользоваться разрѣшеніемъ. Этотъ проклятый Сеймуръ не будетъ повѣшенъ...

— Мистеръ Скоттъ, значитъ, добился помилованія?—спросилъ я.

— Нѣтъ, но онъ улизнулъ. Онъ пользовался слишкомъ большою свободой въ своей камерѣ. Къ нему пускали посѣтителей. Одинъ изъ нихъ сунулъ ему ножъ, и вотъ сегодня, послѣ обѣда, когда тюремный сторожъ принесъ ему пищу, Сеймуръ воспользовался моментомъ, когда тотъ нагнулся, чтобы поставить чашку на полъ, и всадилъ ему ножъ между лопатками. Тюремный сторожъ умеръ на мѣстѣ. Тогда Сеймуръ взялъ у него револьверъ, ключи и освободилъ еще семерыхъ

другихъ заключенныхъ, негровъ или мулатовъ. И эти восемь негодяевъ вышли на свободу черезъ заднюю дверь тюрьмы. Имъ удалось уйти никѣмъ незамѣченными, такъ что прошло два часа прежде, чѣмъ узнали объ ихъ побѣгѣ. Теперь они въ лѣсу, на размокшихъ отъ дождя дорогахъ, гдѣ не разыщешь никакихъ слѣдовъ. Бсгъ знаетъ, когда ихъ поймаютъ!.. Ну, развѣ я не былъ правъ, когда говорилъ вамъ, что полковникъ слишкомъ слабъ по отношенію къ этимъ людямъ? Если бы онъ не просилъ отсрочки, Сеймуръ былъ бы тогда же повѣшенъ, тюремный сторожъ не былъ бы убитъ, а намъ не грозила бы опасность потерять нашихъ кліентовъ. У меня имѣлось въ виду семейство миллионеровъ изъ Филадельфіи, я рассчитывалъ, что они пріѣдутъ сюда на слѣдующей недѣлѣ. Теперь они прочтутъ въ газетахъ объ этомъ происшествіи, вообразятъ, что въ Георгіи не безопасно, испугаются и поѣдутъ въ С. Августенъ.

Я самъ слишкомъ привыкъ къ чтенію столь ненавистныхъ мистеру Вильямсу газетъ и ихъ устрашающаго отдѣла разныхъ извѣстій, чтобы удивиться этому предположенію. За исключеніемъ большихъ центровъ, Америка все еще продолжаетъ быть страной внезапныхъ нападеній, совершаемыхъ со смѣлостью, не останавливающейся ни передъ какою опасностью. Съ другой стороны, мнѣ нисколько не казалось страннымъ, что я, мирный галло-романсвій писатель, оказался замѣшаннымъ въ трагической исторіи разбойника, бѣжавшаго изъ тюрьмы. Весь этотъ вечеръ я провелъ, раздумывая о томъ, какъ мнѣ навести на слѣдующій день за завтракомъ полковника на разговоръ объ его прежнемъ слугѣ. По нѣкоторымъ словамъ хозяина гостиницы я догадывался, что это большое мѣсто филантропа со Scott's Place. Меня вывелъ изъ затрудненія самъ мистеръ Скотъ: во вторникъ, въ девять часовъ утра, мнѣ подали его карточку, говоря, что онъ ждетъ меня внизу. Я нашелъ его въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ въ рукахъ.

— Я пришелъ извиниться передъ вами, — началъ онъ безъ всякихъ предисловій. — Нашъ завтракъ придется отложить до другого дня... Вы знаете, должно быть, что нѣсколько заключенныхъ бѣжали изъ тюрьмы и въ числѣ ихъ одинъ, осужденный на смерть, мой прежній слуга...

— Да, я слышалъ, — сказалъ я, — мнѣ говорили, что вы были такъ добры къ этому несчастному...

— Вамъ сказали неправду, — возразилъ онъ; — впрочемъ,

это не важно. Важно то, чтобы снова поймать его для того, чтобы онъ не вздумалъ опять терроризовать все окрестное населеніе. Мы тотчасъ же телеграфировали, чтобы намъ выслали изъ Атланты blood hounds—собакъ, дрессированныхъ для охоты на людей. Я набралъ десять гражданъ для этой цѣли. На всякій случай я привелъ для васъ лошадь, можетъ быть, вы захотите принять участіе...

— Отчего же нѣтъ?—сказалъ я, подумавъ съ минуту,— принявши мѣры предосторожности...

— Вы ожидаете какой-нибудь сцены линча,—прервалъ меня полковникъ, прочитавъ мою мысль по моимъ глазамъ.—Не бойтесь, они не осмѣлятся теперь... Есть у васъ ружье?

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Впрочемъ, оно вамъ не понадобится. Вы не здѣшній,—и будете участвовать лишь въ качествѣ простого зрителя. Кромѣ того, изъ нихъ вооруженъ одинъ только Сеймуръ, револьверомъ тюремнаго сторожа. Если бы у него была его винчестерская винтовка, я бы васъ не звалъ, потому что тогда онъ не дался бы намъ въ руки, не уложивши на мѣстѣ пятерыхъ или шестерыхъ изъ насъ...

Черезъ двадцать минутъ послѣ этого разговора я слѣдовалъ за полковникомъ по одной изъ дорогъ, которыя перерѣзываютъ обширный лѣсъ терпентинныхъ деревьевъ, окружающій Филиппвилъ. Нашъ маленькій кортежъ состоялъ—я узналъ это впоследствии—изъ простыхъ лавочниковъ, но у нихъ у всѣхъ было написано на лицѣ особенное выраженіе энергии, и они съ удивительной ловкостью управляли своими лошадьми. Очевидно, всѣ они раньше имѣли другую профессію, прежде чѣмъ устроились въ этомъ глухомъ углу Георгіи, кто бакалейнымъ торговцемъ, кто сѣдельщикомъ, кто продавцомъ новомодныхъ издѣлій, кто устроителемъ похоронныхъ процессій. Кромѣ полковника и меня, всѣ они жевали табакъ. Собаки, числомъ восемь, довольно маленькія, на мой взглядъ, ничѣмъ не отличавшіяся отъ самыхъ обыкновенныхъ охотничьихъ собакъ, бѣжали впереди насъ, справа, слѣва, обнюхивая воздухъ, останавливаясь, забѣгая впередъ, нападая на слѣдъ, снова теряя его. Буря прекратилась еще со вчерашняго дня, и это утро, послѣ нѣсколькихъ дней проливного дождя, было чудесно въ своемъ влажномъ блескѣ. Хотя лѣсные дороги уже успѣли впитать въ себя почти всю

влагоу, но ливни послѣднихъ дней были такъ сильны, что вода скопилась въ отлогихъ мѣстахъ, и самыя ничтожныя ручейки, впадающіе въ сосѣднюю рѣку, вышли изъ береговъ. Намъ безпрестанно попадались ручейки, превратившіеся въ настоящіе пруды, гдѣ вода доходила нашимъ лошадямъ до груди. Ежеминутно приходилось перескакивать черезъ деревья, поваленныя поперекъ дороги. Въ этихъ большихъ лѣсахъ Георгіи и Флориды негры имѣютъ обыкновеніе дѣлать надрѣзы въ стволахъ терпентинныхъ деревьевъ, чтобы добывать изъ нихъ смолу. Эти надрѣзы такъ глубоки, что болѣе или менѣе сильнаго порыва вѣтра достаточно для того, чтобы сломать дерево. Въ теченіе же послѣднихъ двухъ сутокъ настоящая буря бушевала во всей этой области.

Полковникъ объяснилъ мнѣ происхожденіе этихъ наваленныхъ грудъ, и мнѣ стало ясно это тлѣніе на землѣ безчисленныхъ пней, среди которыхъ пробивалась живучая, пышная растительность—маленькія пальмы, широко разстилающіяся по землѣ, точно приплюснутыя, а надъ этимъ ковромъ плоскихъ листьевъ поднималась большими кустами цвѣтущая жимолость, которой я любовался уже въ тотъ разъ, вся въ розовыхъ и бѣлыхъ цвѣтахъ. Огромныя желтыя жасмины перемѣшивались съ деревьями. Фіалки выглядывали изъ травы, большія, точно аютины глазки. Лай собакъ, напавшихъ наконецъ на слѣдъ, наполнилъ этотъ весенній пейзажъ странными для меня звуками. Я думалъ о томъ, что яростный лай кровожадныхъ животныхъ достигъ до слуха семи или восьми несчастныхъ, которые съ ужасомъ прислушиваются къ нему, неподвижно притаившись среди листвы, или же обратились въ бѣгство, раздавливая на своемъ пути цвѣты, съ бѣшенствомъ раздвигая вѣтви, дрожа отъ страха, задыхаясь отъ усталости. На минуту свора остановилась—было въ нерѣшимости, затѣмъ бѣшено устремилась на боковую дорожку, и мы скоро потеряли ее изъ виду. Полковникъ приказалъ намъ остановиться. Онъ прислушивался нѣсколько мгновеній съ глубокимъ вниманіемъ.

— Собаки остановились,—сказалъ онъ, наконецъ,—и держать кого-то. Намъ нужно развернуться полукругомъ, для того, чтобы оцѣпить ихъ, а также и того человѣка...

По даннымъ имъ указаніямъ маленькая группа разбилась въ нѣсколько минутъ. Я видѣлъ, какъ они, одинъ за другимъ, углублялись въ лѣсъ, совсѣмъ опустивши поводья и держа ружья на готовѣ для прицѣла. Умныя животныя, казалось,

инстинктомъ шли туда, куда имъ надо было идти. Мы съ полковникомъ остались вдвоемъ и, въ свою очередь, направились на голоса собакъ. Не успѣли мы проѣхать и двухъ сотъ метровъ, какъ пришлось замедлить ходъ. Рѣка — одна изъ тѣхъ маленькихъ рѣчонокъ, почти безымянныхъ, сотнями встрѣчающихся въ тѣхъ странахъ, — выступила изъ береговъ. Ея мутныя воды затопили часть лѣса, по которому мы подвигались. Полковникъ двинулся впередъ.

— Я немножко знаю дорогу, — сказалъ онъ, — и меньше рискую, что моя лошадь сломаетъ ногу въ какой-нибудь ямѣ...

Онъ двигался передо мною на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и я смотрѣлъ на эту фигуру, гибкую, несмотря на его возрастъ. Временами онъ поворачивался и наклонялъ голову для того, чтобы прислушаться къ шуму, въ сторону котораго мы направлялись. Тогда я видѣлъ его профиль, рѣшительный, серьезный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ выраженіемъ какой-то грусти, причины которой я начиналъ понимать, отчасти изъ словъ моего хозяина, отчасти на основаніи его собственного характера. Въ эту минуту, когда онъ исполнялъ свои обязанности добраго гражданина, преслѣдующаго разбойника, онъ, навѣрно, видѣлъ передъ собою этого разбойника такимъ, какимъ онъ зналъ его у себя въ услуженіи: совсѣмъ юношей, почти еще ребенкомъ. Контрастъ былъ слишкомъ великъ между тѣмъ днемъ, когда онъ выгналъ Сеймура изъ своего дома за первый проступокъ, и между этимъ днемъ, когда онъ велъ по этимъ затопленнымъ лѣсамъ отрядъ для облавы на его прежняго слугу, сдѣлавшагося преступникомъ. При его пуританскихъ понятіяхъ объ отвѣтственности немислимо было представить себѣ, чтобы полковникъ не сопоставилъ эти два эпизода и не сказалъ себѣ: „можетъ быть, я, уберегъ бы его отъ этой участи, если бы я былъ менѣе строгъ...“ Это терзаніе встревоженной совѣсти отразилось на его мужественномъ лицѣ вмѣстѣ съ выраженіемъ напряженнаго вниманія. Вдругъ это двойственное выраженіе на его лицѣ усилилось до степени страданія. Полковникъ снова остановилъ свою лошадь, поправилъ ружье и сталъ прицѣливаться съ ужасающей медлительностью. Я перегнулся черезъ шею моей лошади и увидѣлъ среди листьевъ деревьевъ берегъ рѣки, собакъ, плавающихъ въ водѣ, ихъ разинутыя съ лаемъ пасти и среди нихъ голову человѣка. Одной рукой несчастный гребъ, а въ другой держалъ пистолетъ надъ поверхностью воды. Онъ подвигался

впередъ медленно, почти незамѣтно, борясь противъ теченія и пытаясь добраться до затопленнаго моста, желѣзный кабель котораго виднѣлся надъ водой на разстояніи пяти метровъ. Это была его единственная надежда на спасеніе—переплыть эту ужасную рѣку, о силѣ теченія которой можно было судить по скорости древесныхъ стволовъ, погоняемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потокомъ. Должно быть, бѣглець боролся такимъ образомъ уже давно, но онъ все еще не терялъ мужества! Когда свора наступала на него слишкомъ близко, сплошной стѣной, съ ужасающимъ лаемъ, онъ ударялъ по ихъ мордамъ прикладомъ револьвера. Подъ этими ударами живая стѣна собачьихъ головъ отступала, и онъ получалъ возможность продвинуться еще немножко впередъ. Очевидно, онъ приберегалъ свои заряды для болѣе настоящей необходимости, на тотъ случай, когда ему придется отказаться отъ единственной надежды на спасеніе. Было что-то хватающее за сердце въ этой ожесточенной борьбѣ одного противъ столькихъ враждебныхъ силъ: стихій, людей, животныхъ, что-то отважное и вмѣстѣ съ тѣмъ заранѣе обреченное на поражение. Мы были такъ близко отъ пловца, что я вполнѣ отчетливо могъ различить черты его лица. Это было лицо мулата, скорѣе желтаго, чѣмъ бронзоваго оттѣнка, болѣе близкое къ бѣлой, чѣмъ къ черной расѣ. Волосы у него были не курчавые, и чуть-чуть только вились, носъ не плоскій, а орлиной формы. Какая наслѣдственность наложила отпечатокъ аристократизма на этого вора и убійцу? Отъ кого происходилъ этотъ Анри Сеймуръ? А вѣдь это, несомнѣнно, былъ онъ. Если бы у меня оставались еще хоть какія-нибудь сомнѣнія послѣ того описанія, которое мнѣ сдѣлалъ хозяинъ гостинницы, волненіе полковника окончательно рассѣяло бы ихъ. Онъ все еще продолжалъ держать свое ружье на готовѣ, но палець его не спускалъ курка. Если бы онъ и спустилъ его, то, навѣрно, промахнулся бы, такъ сильно дрожала рука стараго хозяина, прицѣливавшагося въ своего бывшаго слугу. Выстрѣла не послѣдовало, дуло ружья поднялось вверхъ, и я услышалъ голосъ мистера Скоттъ, который говорилъ громко, точно онъ былъ одинъ:

— Нѣтъ, я не могу такъ стрѣлять въ него!..

Онъ пришпорилъ свою лошадь, и она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впередъ. Вода теперь уже доходила ему выше колѣнъ. Онъ могъ двигаться дальше развѣ только вплавъ. Полковникъ былъ теперь на самой границѣ лѣса — впе-

реди не видно было ни одного дерева. Онъ крикнулъ, и пловецъ обернулся. Я видѣлъ, какъ бѣглець направилъ свой револьверъ въ сторону полковника, и вдругъ поднялъ его точно такъ же, какъ за минуту передъ тѣмъ поднялось ружье полковника. Онъ узналъ мистера Скоттъ—и не выстрѣлил. Это колебаніе передъ убійствомъ было до того неожиданно въ профессиональномъ убійцѣ и при данныхъ обстоятельствахъ, что оно показалось мнѣ удивительнымъ даже въ эту минуту. Въ этомъ человѣкѣ, должно быть, сохранилось удивительное чувство почтенія къ своему старому хозяину, если онъ отступилъ передъ выстрѣломъ,—онъ, пролившій уже столько крови. Или, можетъ быть, онъ увидѣлъ жестъ полковника и, увѣренный, что тотъ не выстрѣлитъ въ него, счелъ неблагоприятнымъ потерять на него одинъ изъ пяти своихъ зарядовъ? Или, можетъ быть, онъ, какъ превосходный стрѣлокъ, зналъ, что промахнется, прицѣливаясь въ такой позѣ? Тайные мотивы этой сцены, разыгравшейся съ такой трагической быстротой, навсегда останутся для меня неразъясненными. Полковникъ, казалось, и не замѣтилъ ея. Приподнявшись на стременахъ и представляя своей крупной фигурой еще болѣе удобную мишень для выстрѣла, онъ крикнулъ такъ громко, что заглушилъ и громкій лай собакъ, и шумъ воды, и гулъ лѣса.

— Ну, Анри, мой мальчикъ, ты вѣдь видишь, что ты погибъ. Тебѣ остается только сдаться. Еще семь другихъ ружей розыскиваютъ тебя, и черезъ минуту они будутъ здѣсь...

Сеймуръ молча покачалъ головой. Близость враговъ точно придала ему новыя силы и, выстрѣливъ въ упоръ въ собакъ, отъ чего одна завyla отъ боли, а остальные отступили, онъ бросилъ револьверъ и нырнулъ подъ поверхность воды, гребя обѣими руками.

— Онъ улизнетъ,—сказалъ полковникъ.

Онъ снова сталъ прицѣливаться, и я понялъ, что на этотъ разъ онъ не будетъ колебаться. Ему не пришлось, однако, совершить этого героическаго акта гражданской доблести. Сеймуръ, вынырнувъ на поверхность воды, оказался такъ близко отъ моста, что могъ ухватиться за кабель. Еще мгновеніе, и онъ снова нырнулъ и затѣмъ показался уже съ другой стороны. Можетъ быть, ему удалось бы спастись, если бы онъ продолжалъ двигаться, ныряя по затопленному мосту. Но потребность расправить свои члены послѣ такого усилія заставила его выпрямиться во весь ростъ, какъ только онъ почувствовалъ подъ собой доски моста. Его туловище пока-

залось надъ водой, и въ ту же минуту справа отъ насъ грянули два выстрѣла. Одна пуля попала ему въ руку, и мы видѣли, какъ она повисла бессильно. Другая пуля ударила о перекладину и затѣмъ, рикошетомъ, въ голову бѣглеца. Онъ схватился здоровой рукой за голову и запатался. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько движеній, чтобы ухватиться за канатъ, но это были конвульсивныя, инстинктивныя движенія. Онъ терялъ сознание и сталъ погружаться въ воду. Но тутъ полковникъ пустилъ свою лошадь вплавь, въ одинъ мигъ очутился возлѣ раненаго и, поднявъ его сильной рукой, потащилъ его до безопаснаго мѣста между деревьями, гдѣ можно было положить его на землю. Черезъ четверть часа весь отрядъ, привлеченный звуками выстрѣловъ, окружалъ раненаго, лежавшаго безъ сознанія. Собаки, протискавшись между ногами лошадей, обнюхивали и облизывали окровавленные тряпки, которыми мистеръ Скоттъ вытиралъ раны несчастнаго. Онѣ обѣ, впрочемъ, были довольно легкія. Мы узнали впоследствии, что, въ надеждѣ избѣгнуть повѣшенія, Сеймуръ притворился больнымъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней не принималъ никакой пищи. Это и послужило причиной его гибели. Если бы у него было больше силъ, онъ не отсталъ бы отъ своихъ товарищей; онъ успѣлъ бы за часъ до нашего прибытія переправиться вмѣстѣ съ ними черезъ мостъ и, подобно имъ, нашелъ бы какую-нибудь желѣзнодорожную линію, гдѣ взобрался бы въ поѣздъ на ходу. Я долженъ прибавить, что послѣ того, какъ убійца былъ пойманъ, никто уже болѣе не заботился о его товарищахъ. Не было сомнѣнія, что они не остались въ окрестностяхъ, и даже, вѣроятно, не въ штатѣ Георгія. Штатъ былъ свободенъ отъ нихъ...

— Прощайте, старые товарищи!..

Я думаю, что добрые граждане Филиппвіля, навѣрно, съ удовольствіемъ обратились бы къ бѣглецамъ съ этимъ прощальнымъ привѣтомъ, если бы они не были заняты въ это время своимъ плѣнникомъ, изъ казни котораго хотѣли сдѣлать поучительный примѣръ для всѣхъ этихъ „господъ чернокожихъ“ въ окрестностяхъ.

Между тѣмъ, Аври Сеймуръ сталъ приходитъ въ себя. При первой же его попыткѣ встать, одинъ изъ охотниковъ выхватилъ пистолетъ, а двое другихъ связали ему ноги. Сеймуръ не дѣлалъ, впрочемъ, напрасныхъ попытокъ къ со-

противленію. Пуля, ударившая рикошетомъ ему въ голову, успѣла уже вызвать воспалительное припуханіе лѣвой половины лба, до самаго вѣка, такъ что онъ могъ отерывать только правый глазъ. Полковникъ обвелъ весь нашъ кругъ этимъ единственнымъ глазомъ и онъ принялъ такое жестокое и наглое выраженіе, что у одного изъ охотниковъ невольно вырвалось въ отвѣтъ на этотъ молчаливый вызовъ:

— Слишкомъ поздно...

Сеймуръ, казалось, и не слышалъ этихъ словъ, въ которыхъ кратко формулировалась вся его участь. Онъ смотрѣлъ въ эту минуту на полковника, и взглядъ его принялъ совершенно другое, нѣжное, выраженіе.

Судя по этому взгляду, я ждалъ отъ него какой-нибудь особенной, или трогательной фразы. Она обнаружила бы почти животную простоту подобной натуры. Всѣ тѣ особенныя чувства, которыя раненый питалъ къ мистеру Скотту, выразились лишь въ просьбѣ, съ которой онъ обратился прямо къ нему, точно онъ не зналъ никого, кромѣ него.

— Пить, полковникъ, я пить хочу. Дайте мнѣ напитокъ!

Въ звукахъ его голоса, когда онъ обращался къ своему прежнему хозяину, было что-то ласковое, почти дѣтское, точно воспоминаніе о прежнему баловствѣ, предметомъ котораго онъ былъ когда-то. Мистеръ Скоттъ досталъ изъ кармана плоскую фляжку, откупорилъ ее и приставилъ горлышко ко рту раненаго, поддерживая ему голову. Сеймуръ съ жадностью отпилъ нѣсколько глотковъ. Его глазъ засвѣтился болѣе мягкимъ блескомъ и съ подвижностью чувствъ, столь же свойственной этимъ страннымъ существамъ, какъ и легкость движеній, онъ улыбнулся отъ удовольствія. Онъ точно забылъ свою недавнюю ярость, свое вчерашнее преступленіе, свое сегодняшнее отчаянное бѣгство, свои раны, увѣренность въ грозящей ему роковой участи, и произнесъ, прищелкивая языкомъ:

— Го-го, это тотъ же виски, который мы, бывало, пили, когда ходили на охоту. Онъ лучше всѣхъ другихъ. Спасибо, полковникъ!

— А теперь, — сказалъ тотъ, — будь благоразуменъ и дай мнѣ сдѣлать тебѣ перевязку...

— А потомъ вы мнѣ дадите еще виски? — спросилъ Сеймуръ.

— Получишь.

— И одну изъ вашихъ сигаръ, полковникъ?

— И одну изъ моихъ сигаръ.

— Хорошо, я готовъ,—сказалъ мулатъ и безъ колебаній подставилъ сначала свою голову, потомъ и руку. Мистеръ Скотъ принялся промывать и перевязывать обѣ раны съ ловкостью опытнаго хирурга, между тѣмъ какъ старый воинъ, сидѣвшій въ немъ, заставлялъ его доискиваться объясненія пунета, остававшагося для него темнымъ:

— Отчего ты не переправился черезъ рѣку вчера вечеромъ, Анри?—спросилъ онъ.

— Потому что мы отправились къ мосту Жоржстоунъ, полковникъ,—сказалъ онъ,—а оказалось, что вода снесла его. Оставалось одно изъ двухъ: или спуститься во второму мосту, въ двадцати миляхъ отсюда, внизъ по теченію рѣки, или же добраться до этого. Мы знаемъ лучше эти дороги. Мы выбрали второй путь, и въ этомъ наша ошибка. Но какъ вамъ пришло въ голову, полковникъ, что мы будемъ здѣсь?

— Я зналъ, что мостъ Жоржстоунъ снесенъ, вотъ уже два дня,—сказалъ мистеръ Скотъ.—И я разсудилъ, что вы рассчитаете такъ, какъ вы и рассчитали... Вы сказали себѣ: никто не сочтетъ насъ настолько смѣлыми, чтобы вернуться такъ близко къ городу. Но у тебя нѣтъ недостатка ни въ смѣлости, ни въ храбрости, Анри... Ну, вотъ я и кончилъ перевязку. Не могу ли еще что-нибудь сдѣлать для тебя?

— Пошлите мнѣ въ тюрьму бутылку вашей водки,—сказалъ Сеймуръ,—и попросите шерифа, чтобы онъ мнѣ далъ ее выпить до дна, прежде чѣмъ я отправлюсь на тотъ свѣтъ...

— Вы слышали?—сказалъ мнѣ полковникъ, когда мы вдвоемъ возвращались въ городъ. Наше дальнѣйшее присутствіе было не нужно, и мы оставили охотниковъ въ ту минуту, когда они собирались вести плѣнника въ Филиппвилъ.— Да,—повторилъ онъ,—вы слышали, что онъ говорилъ. У него мужество льва, у этого мальчика, и еще многое другое... Вы замѣтили, что онъ не захотѣлъ стрѣлять, когда узналъ меня. Его послѣ завтра повѣсятъ, и вотъ о чемъ онъ думаетъ въ виду этой близкой смерти: въ послѣдній разъ напиться, и больше ничего!..

— Онъ всегда былъ такой?—спросилъ я.

— Всегда,—отвѣчалъ мистеръ Скоттъ, и онъ продолжалъ серьезно съ оттѣнкомъ грусти: — Вы видѣли, что и я не рѣшился стрѣлять въ него, и вамъ, должно быть, пока-

залось непонятнымъ; что я доставляю этому убійцѣ возможность спастись. А между тѣмъ это очень естественно. Вамъ говорили, что я былъ слишкомъ добръ къ нему, я вамъ сказалъ, что это неправда, по крайней мѣрѣ въ концу—вначалѣ я дѣйствительно его очень любилъ. Потому я почувствовалъ къ нему отвращеніе, и по очень странной причинѣ. Съ тѣхъ поръ прошло уже девять лѣтъ. Это было въ самомъ началѣ моего пребыванія здѣсь. Я много охотился, какъ и теперь, и Сеймуръ постоянно сопровождалъ меня. Я случайно наткнулся на него и былъ очень доволенъ его понятливостью, энергіей и характеромъ. Прибавьте къ этому; что онъ былъ вдобавокъ превосходнымъ кучеромъ. Вотъ разъ мы отправились въ лѣсъ, и лошади испугались и понесли. Это была дорога вродѣ этихъ. Не успѣли онѣ пробѣжать и двухъ сотъ метровъ, какъ экипажъ, ударившись о дерево, разбился, и мы вывалились. Мы отдѣлались лишь легкими ушибами, лошади сами остановились, и мы стали приводить въ порядокъ нашъ экипажъ да собирать наши охотничьи принадлежности, разбросанныя по травѣ. Въ какихъ-нибудь четверть часа все было собрано. Недоставало только большого ножа, который вложили мы обыкновенно въ корзинку съ провизіей. Я начинаю его искать и говорю Сеймуру, чтобы онъ тоже искалъ... Мы вмѣстѣ роемся въ травѣ... Вдругъ, оборачиваюсь и вижу, что кончикъ рукоятки ножа высовывается изъ за жилета этого парня. Нагнувшись къ землѣ, онъ дѣлалъ видъ, что продолжаетъ поиски. Я зову его и вынимаю ножъ, который былъ у него запрятанъ подъ рубашкой. Онъ начинаетъ дрожать, плавать и, наконецъ, говоритъ мнѣ: „я думалъ, что вы разсердились на меня за то, что лошади понесли, и боялся, что вы меня убьете. И вотъ я укралъ ножъ...“ Онъ, съ которымъ я обходился, какъ съ сыномъ!..

— Я понимаю, что вы не могли выносить его послѣ того, — сказала я. — Такое недовѣріе со стороны семнадцатилѣтняго мальчика, котораго вы такъ баловали, ужасно.

— Не правда ли? — сказалъ мистеръ Скотъ. — Можно было бы думать, что эта отвратительная склонность къ подозрительности была наслѣдіемъ рабства. Бѣлые вѣдь такъ возмутительно эксплуатировали ихъ!.. Но нѣтъ. Его чувства возбудили во мнѣ ужасное ощущеніе низкой неблагодарности. Я пересталъ брать его съ собою, я почти не разговаривалъ съ нимъ больше. Несмотря на это, онъ, однако, по своему

продолжалъ меня любить, и я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ, не говоря уже о томъ, что мы видѣли сегодня утромъ... Можетъ быть, когда онъ почувствовалъ себя въ опалѣ, окончательно развернулись всѣ его дурные инстинкты? Это весьма возможно. Словомъ, въ одинъ прекрасный день оказалось, что пропала драгоценность, брилліантовая брошка, принадлежавшая миссъ Свотъ. Ее укралъ Сеймуръ. Я его прогналъ. Онъ сталъ красть въ другихъ мѣстахъ. Его поймали, осудили и заковали въ кандалы. Онъ тамъ окончательно развратился, снова началъ совершать кражи, былъ арестованъ, потомъ бѣжалъ, совершилъ убійство. Остальное вы знаете... И вотъ, у меня всегда было убѣжденіе, что если бы я оставилъ его у себя, даже послѣ этого эпизода съ ножомъ, и старался бы укротить его дикую душу, я сдѣлалъ бы изъ него честнаго человѣка. Онъ былъ хорошій слуга. Въ немъ было что-то мягкое и ласковое... Именно контрастъ между этой лстивостью и чудовищнымъ порывомъ подозрительности заставилъ меня возненавидѣть его. Столько лицемерія въ такомъ молодомъ возрастѣ возмутило меня. Былъ ли я правъ?.. Все это мнѣ вспомнилось, когда я прицѣливался въ него изъ ружья. Я хорошо сдѣлалъ, что не выстрѣлилъ въ него. Онъ успѣетъ раскаяться передъ смертью.

III.

Событія, подобныя тѣмъ, при которыхъ мнѣ предстояло присутствовать, не составляли большой рѣдкости въ Филиппвилѣ, въ этомъ городѣ, гдѣ не проходитъ и года безъ какого-нибудь линча. Обычная жизнь немедленно снова вошла въ свою привычную колею и, когда вечеромъ этого, богатаго драматическими происшествіями, дня, я пошелъ купить себѣ табакъ, то узналъ въ лавочникѣ, продававшемъ мнѣ его, одного изъ тѣхъ всадниковъ, вмѣстѣ съ которыми мы разыскивали въ лѣсу Анри Сеймура. Онъ съ той же невозмутимой флегматичностью жевалъ свой табакъ, и мы даже не упомянули о нашемъ утреннемъ приключеніи, подобно тому, какъ два парижанина, встрѣтившись въ клубѣ въ пять часовъ, не вспоминаютъ о привѣтствіи, которымъ они обмѣнялись утромъ въ Булонскомъ лѣсу. Даже въ газетѣ сообщалось объ этомъ событіи безъ преувеличеній, которыхъ я ожидалъ. Это характерная черта американцевъ: у нихъ исчезаетъ ихъ естественная склонность къ преувеличенію, какъ только обстоятельства дѣйствительно становятся серьезными

и трагическими. Что касается полковника, то, посѣтивъ его на слѣдующій день, я узналъ, что онъ ушелъ рано утромъ на охоту, а миссъ Рутъ пошла въ свою школу. Единственный человѣкъ, на котораго происшествіе, повидимому, произвело глубокое впечатлѣніе, былъ мистеръ Вильямсъ. По крайней мѣрѣ, онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить мнѣ своей, почти неприличной, радости. Онъ наивно оправдывалъ ее, сдѣлавъ мнѣ слѣдующее профессиональное признаніе.

— Путешественники изъ Филадельфіи, о которыхъ я вамъ говорилъ, будутъ здѣсь послѣ завтра. Я имъ немедленно телеграфировалъ о поимкѣ Сеймура. Они, вѣроятно, получили извѣстіе объ его арестѣ одновременно съ извѣстіемъ о его побѣгѣ, и вотъ они мнѣ отвѣтили телеграммой о своемъ предстоящемъ прибытіи... Ахъ, я очень боялся... Я и забылъ передать вамъ входной билетъ для присутствованія при казни. Онъ недостаточно сильно раненъ, вѣжеться, для того, чтобы отложить казнь, и будетъ повѣшенъ въ четвергъ, какъ это предполагалось раньше. Я васъ извѣщу, въ которомъ часу это совершится... Вотъ,—прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана бумажникъ и доставая оттуда бумагу на мое имя, подписанную шерифомъ, и показывая мнѣ ее.—Къ вашему имени прибавили слово докторъ, потому что я сказалъ, что вы иностранный врачъ, который съ научными цѣлями желаетъ посмотреть, какъ будутъ вѣшать человѣка.

— Посмотрѣть, какъ будутъ вѣшать человѣка, — повторилъ я машинально, оставшись одинъ въ галлерей по уходѣ хозяина. Я скомкалъ клочокъ бумаги и бросилъ его въ уголь, желая этимъ непоправимымъ поступкомъ воздвигнуть преграду между соблазномъ присутствовать при казни и внутреннимъ голосомъ, говорившимъ мнѣ: „ты не пойдешь туда“... А черезъ четверть часа я спускался изъ своей комнаты, чтобы поднять это разрѣшеніе. Къ счастью или къ несчастью, я нашелъ его и придалъ ему, по возможности, презентабельный видъ. Съ этого момента я чувствовалъ, что соблазнъ слишкомъ силенъ, и что я увижу эту смерть. Навѣрно всѣ культурные люди, возмѣтившіе ужасное желаніе присутствовать при казни, пережили тѣ же нервныя ощущенія, какія я испытывалъ въ теченіе послѣдующихъ часовъ. Это довольно сложный комплексъ ощущеній: прежде всего жалость къ этому несчастному, смерть котораго послужить намъ зрѣлищемъ, угрызения совѣсти, что я иду туда, дѣйствительно,

какъ на зрѣлище, мучительный страхъ при мысли о предстоящемъ ужасающемъ видѣніи и любопытство, довольно человѣчное, которое я, между прочимъ, осмѣлюсь назвать любопытствомъ высшаго порядка. Тайна смерти, отвѣтственности, общественнаго права скрываются за такой казнь. Съ этими тремя страшными тайнами приходится тутъ столкнуться лицомъ къ лицу не въ холодныхъ буквахъ книгъ, а въ воплощеніи плоти и крови. И въ глубинѣ души мы чувствуемъ трепетъ, какъ при приближеніи всѣхъ трагическихъ и неотвратимыхъ явленій жизни. По крайней мѣрѣ, я испытывалъ такое ощущеніе, направляясь въ четвергъ, въ половинѣ перваго, въ тюрьму. Казнь была назначена въ два часа. Былъ солнечный свѣтлый день, такой же ясный, такой же весенній, какъ и другіе. Солнце сильно припекало, и толпа, обступавшая ограду тюрьмы, прижималась къ забору, ища тѣни. Среди пустой дороги одиноко стояла телѣга, и на ней виднѣлся новый гробъ. Но развѣ кто-нибудь въ этой шумной толпѣ обращалъ вниманіе на гробъ? Собравшіеся здѣсь нѣсколько сотъ человѣкъ — по большей части, все негры, — безъ сомнѣнія, относились къ смерти съ философской беззаботностью, свойственной ихъ расѣ. Эти люди знали Сеймура; они явились сюда, не рассчитывая попасть внутрь ограды, какъ приходятъ, чтобы получить свѣдѣнія о человѣкѣ въ агоніи, съ такимъ естественнымъ и инстинктивнымъ желаніемъ узнать, какъ кончилось дѣло, что невольно прощаешь наивную жестокость такого желанія. Въ теченіе пяти минутъ, что я находился тамъ, дожидаясь впуска, я слышалъ только одну шутку, и то довольно невинную. Сторожъ, явившійся, чтобы впустить меня, назвалъ мое имя, присовокупивъ къ нему титулъ доктора, которымъ наградилъ меня мистеръ Вильямсъ. Услышавъ это, одинъ изъ толпы произнесъ:

— Бѣдный Анри! Онъ, дѣйствительно, нуждается въ докторѣ.

Между оградой и тюрьмой — шаблонной постройкой изъ краснаго кирпича — тянулось пустое пространство. Тамъ паслись три коровы, и два мальчугана забавлялись какой-то игрой. Этотъ житейскій обиходъ, котораго даже не замѣчаешь въ обычное время, всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе, когда рядомъ съ нимъ разыгрывается драма. Но дѣйствительно ли это была драма? Помѣщеніе, въ которое я вошелъ — въ нижнемъ этажѣ тюрьмы, дозволяло сомнѣваться въ этомъ. Я

увидѣлъ человѣкъ пять или шесть бѣлыхъ, курившихъ и мирно разговаривавшихъ другъ съ другомъ, какъ будто и не было висѣлицы, построенной на маленькомъ внутреннемъ дворѣ и виднѣвшейся черезъ окно. Желтая веревка неподвижно и грозно свѣшивалась съ перекладины. Эти люди даже не смотрѣли на нее. Я обратился къ одному изъ нихъ, чтобы узнать точно часъ казни, и получилъ въ отвѣтъ: „въ три четверти втораго“, съ такой полной невозмутимостью, точно разговоръ шель объ отходѣ поѣзда.

— Почему же именно въ этотъ часъ?—спросилъ я.

— Осужденный самъ выбралъ его. Ему предоставили выборъ между девятью часами утра и четырьмя часами дня. И онъ выбралъ этотъ часъ для того, чтобы успѣть еще позавтракать.

— Позавтракать?—вскричалъ я.— Да, вѣдь онъ не въ состояніи будетъ проглотить и куска.

— О! у него сильный характеръ,—возразилъ одинъ изъ куращихся,— Вамъ стоитъ только подняться наверхъ, и вы увидите, какъ онъ принимается за ѣду съ неменьшимъ аппетитомъ, чѣмъ мы съ вами. Всего пять минутъ, какъ шерифъ самъ понесъ ему кушанья.

Мои собесѣдники сказали правду. Поднявшись по тридцати ступенькамъ въ верхній этажъ, я очутился передъ камерой Сеймура и увидѣлъ его сквозь желѣзную рѣшетку, сидящимъ въ углу, все еще съ повязкой, наложенной полковникомъ, на правомъ глазу. Передъ нимъ стоялъ старикъ и подавалъ ему одну тарелку, наполненную жареной рыбой, другую тарелку съ пирожнымъ и бутылку... Тотъ же самый старикъ, который подавалъ ему пищу, долженъ былъ его казнить; въ качествѣ перваго должностнаго лица въ городѣ, онъ исполнялъ обязанности палача.

Въ эту минуту у меня не было глазъ ни для кого, кромѣ этого разбойника, который сейчасъ долженъ былъ умереть, который на моихъ глазахъ защищался съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ и теперь съ такимъ очевиднымъ наслажденіемъ совершалъ свою послѣднюю трапезу. Раненой рукой онъ поддерживалъ тарелку на колѣняхъ. Другой рукой онъ разрѣзалъ куски рыбы. Кости такъ и хрустѣли подъ его бѣлыми зубами. Полное до краевъ блюдо опоразнивалось безъ всякой торопливости, и, уничтоживъ всю рыбу до послѣдней крошки, онъ обернулся ко мнѣ и, замѣтивъ, должно быть, мой внимательный взглядъ, произнесъ, смѣясь:

— Я унесу туда наверхъ брюхо полное рыбой. Неправда ли?..

Затѣмъ онъ принялся за бутылку съ чернымъ кофе. Онъ медленно отпилъ нѣсколько глотковъ, потомъ взялъ тарелку съ сладостями и сталъ опорожнять ее съ тѣмъ же неторопливымъ обжорствомъ. Никто, впрочемъ, не торопилъ его. Шерифъ насвистывалъ какую-то мелодію и, нагнувшись надъ узломъ, вытащилъ изъ него новую рубашку и пучокъ бичевокъ. По корридору ходили взадъ и впередъ люди. Нѣкоторые изъ нихъ перекидывались съ Сеймуромъ нѣсколькими словами, въ которыхъ не видѣлось ни жалости, ни презрѣнія. Во всемъ чувствовалось то удивительное американское добродушіе, въ которомъ такъ много терпимости. Въ этой сценѣ, происходившей безъ всякаго комедіанства и безъ всякой сантиментальности, не было мѣста нервозности. Она получила даже извѣстное величіе, благодаря прибытію новаго зрителя. Это былъ никто иной, какъ мистеръ Скотъ. Онъ появился въ корридорѣ въ тотъ моментъ, когда шерифъ надѣвалъ на осужденнаго новую рубашку—мундиръ для казни. Мы увидѣли смуглое, худощавое, тѣло несчастнаго, напоминавшее въ своей наготѣ бронзовую статую. Несмотря на то, что раненая рука не позволяла ему производить свободно движенія, въ игрѣ мускуловъ угадывалась гибкость дикаго хищника, и неподвижная рука, плечи, грудь казались дивнымъ изваяніемъ. Это крѣпкое, здоровое, молодое тѣло, минуты котораго были уже сочтены, слегка дрогнуло отъ прикосновенія холоднаго полотна.

Полковникъ пожалъ мнѣ руку и казался такъ же мало удивленнымъ моимъ присутствіемъ здѣсь, какъ и я его. Сеймуръ, между тѣмъ, вымылъ себѣ руки и лицо, причесалъ волосы и скрестилъ руки на спинѣ для того, чтобы шерифъ связалъ его. Тогда полковникъ, обратившись къ послѣднему, произнесъ:

· Не оставите ли вы меня вдвоемъ съ Анри на нѣсколько минутъ.

— Хорошо, полковникъ, — отвѣтилъ тотъ, взглянувъ на часы. — Казнь назначена въ три четверти второго, а теперь ѣтъ еще и половины.

— Благодарю васъ, — сказалъ мистеръ Скотъ, — намъ немного времени и надо.

Когда я увидѣлъ стараго хозяина, входящаго въ камеру своего прежняго слуги, мнѣ пришла въ голову романическая

идея. Я припомнилъ разговоръ, происходившій между нами третьяго дня, и вдругъ вообразилъ, что онъ принесъ осужденному средство избѣгнуть висѣлицы и послѣднихъ страданій—заряженное орудіе или какой-нибудь молніеносно дѣйствующій ядъ. Это была клевета на сподвижника Линкольна, на мистическаго потомка цѣлыхъ поколѣній страстныхъ христіанъ. Какъ только за ними закрылась рѣшетка, полковникъ, не обращая вниманія на то, что могутъ видѣть, опустился на колѣни, помогъ Сеймуру сдѣлать то же самое и началъ:—
Отче нашъ...

— Отче нашъ...—повторилъ за нимъ мулатъ...—иже еси на небеси, да будетъ воля твоя...—иже еси на небеси, да будетъ воля твоя... и т. д. Полковникъ громкимъ голосомъ произносилъ слова молитвы. Осужденный повторялъ ихъ нѣсколько глухимъ, шепелявымъ, дѣтскимъ голосомъ. Различіе между этими обѣими натурами выступало даже въ ихъ позѣ: полковникъ стоялъ на колѣняхъ, выпрямившись, Сеймуръ—точно съезжившись на корточкахъ. Иныя слова онъ повторялъ невѣрно. Тогда полковникъ произносилъ ихъ снова, болѣе медленно и отчетливо, съ терпѣніемъ снисходительнаго учителя, руководящаго ученикомъ. При данныхъ обстоятельствахъ, и въ такую минуту, нѣкоторыя формулы звучали довольно странно:—и не введи насъ во искушеніе!...—Не знаю почему, услышавъ эту фразу изъ устъ бѣдняги, весь горизонтъ котораго ограничивался въ эту минуту узкимъ дворомъ съ его высокими стѣнами и висѣлицей посерединѣ, мнѣ вспомнилась дешевая острота умирающаго водевиллиста. Его спросили:

— Что вамъ сказалъ священникъ?

— О,—сказалъ умирающій,—онъ далъ мнѣ довольно хорошіе совѣты. Впрочемъ, онъ могъ бы надавать мнѣ и дурныхъ совѣтовъ, которымъ я все равно не могъ бы слѣдовать! Изъ этого не слѣдуетъ, что мистеръ Скотъ былъ неправъ, заставивши произнести разбойника самую святую изъ молитвъ. Для меня, слушавшаго слова этой молитвы, они имѣли опредѣленный смыслъ. Для Сеймура они его не имѣли, но, прозяная ихъ изъ уваженія къ своему покровителю, онъ проявлялъ извѣстное чувство. То почти физическое, и чуть ли не животное, мужество, которое онъ выказалъ, совершая радостно свою трапезу, облагородилось внезапно нѣкоторымъ отбѣнкомъ идеализма. Онъ хотѣлъ уйти изъ этой жизни, не только набивъ себѣ желудокъ, какъ онъ выразился передъ тѣмъ,

но и помирившись съ единственнымъ человѣкомъ, который былъ къ нему добръ въ дѣтствѣ, и который внушалъ ему нѣкоторое уваженіе.

Я думалъ объ удивительномъ индифферентизмѣ, съ которымъ этотъ мулатъ покидалъ жизнь,—жизнь, къ которой онъ, однако, былъ привязанъ, какъ чувственный и энергичный человѣкъ. Я говорилъ себѣ: какая иронія, что человѣкъ такого рода, орангъ-утанъ, способный обращаться съ ружьемъ и говорить, сразу доходитъ до того, что философія считаетъ высшимъ плодомъ своего изученія—поворности передъ неизбѣжнымъ! Я вспомнилъ одного изъ своихъ учителей, величайшаго мыслителя нашей эпохи, съ которымъ я прогуливался разъ осенью въ лѣсу, за два года до его смерти.—„Я учусь умирать, глядя на эти деревья, которыя теряютъ свою листву и покоряются этому,—сказалъ онъ.— Но какъ это жестоко!..“ Я спрашивалъ себя, не хвастовство ли мужество безстрашнаго Сеймура, и выдержать ли онъ до конца свою роль. Я былъ также настолько любопытенъ, чтобы спрашивать себя, что думалъ и чувствовалъ полковникъ, былъ ли онъ здѣсь съ самаго утра, или же ему достаточно было явиться и приказать, чтобы осужденный началъ молиться. Утихли ли угрызения совѣсти пуританина, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ? Во всякомъ случаѣ, я видѣлъ только, что, когда онъ вернулся ко мнѣ, выйдя изъ камеры, на его мужественномъ лицѣ лежало выраженіе какой-то необычайной ясности.

— Онъ хорошо умереть,—сказалъ онъ мнѣ просто,—и вы увидите, какъ всѣ эти люди почувствуютъ это.

При этихъ словахъ онъ указалъ на открытое окно, выходившее во дворъ, гдѣ должна была происходить казнь, и откуда доносился гулъ, растущій съ каждой минутой. Сорокъ человѣкъ, получившихъ, какъ и мы, разрѣшеніе отъ шерифа присутствовать при повѣшеніи, успѣли собраться въ теченіе этой четверти часа вокругъ эшафота. Вся эта толпа смѣялась, разговаривала, насвистывала. Мы подошли къ окошку и увидѣли собравшихся здѣсь. Это были худшіе завсегдатаи Филиппвиля. Въ толпѣ преобладали чернокожіе съ испытанными отъ пьянства фізіономіями висѣльниковъ. Глаза ихъ были обращены къ открытому окошку, и они встрѣтили наше появленіе криками нетерпѣнія. Но, узнавъ мистера Скоттъ, всѣ смолкли. Стоя у окна, мы отчетливо услышали слова шерифа, заставившія насъ обернуться.

— Готовы ли вы, Анри?

— Да, капитанъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.— Дайте мнѣ только эту сигару и закурите мнѣ ее. Старикъ сунулъ ему въ губы половинку сигары, лежавшую на деревянномъ выступѣ въ камерѣ. Первая половинка этой сигары, подаренной какимъ-нибудь сострадательнымъ посѣтителемъ, показавшись Сеймуру такой хорошей, что онъ сохранилъ вторую половинку, чтобы доставить себѣ предъ смертью это маленькое удовольствіе. Это было прощанье съ жизнью—эти послѣдніе клубы дыма, которыми онъ затягивался, спускаясь съ лѣстницы. Когда открылась дверь во дворъ, и онъ увидѣлъ передъ собою эшафотъ, сигара выпала у него изо рта. Этотъ испугъ былъ единственнымъ проявленіемъ, показавшимъ, что и у этого человѣка есть нервы. Впрочемъ, онъ тотчасъ же справился съ ними—его голыя ноги даже не дрожали, поднимаясь по деревяннымъ ступенькамъ эшафота. Онъ держался такъ твердо и просто, съ такимъ достоинствомъ, что среди грубыхъ зрителей водворилось молчаніе. Внизу, подъ роковой веревкой, все еще висѣвшей неподвижно, была придѣлана доска, висѣвшая на воздухѣ. Одинъ конецъ ея былъ привязанъ кожаными ремнями къ эшафоту, другой прикрѣплялся посредствомъ шарнира къ одному изъ столбовъ висѣлицы. Сеймуръ подошелъ къ этой доскѣ. Шерифъ связалъ ему руки и ноги, набросилъ ему на шею петлю, которой заканчивалась веревка, накрылъ ему лицо чернымъ вуалемъ и отойдя на платформу эшафота, спросилъ его:

— Что вы имѣете сказать, Анри?

— Ничего, капитанъ,—отвѣтилъ осужденный. Черный вуаль на его лицѣ даже не колебался, до такой степени этотъ человѣкъ старался владѣть собою.

— Скажи: „Помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ...“ — прокричалъ громкій голосъ возлѣ меня, голосъ полковника.

— Помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ,—повторилъ мулатъ. Затѣмъ, послѣ нѣкотораго молчанія онъ проговорилъ: „теперь я готовъ“,—и съ твердостью прибавилъ, обращаясь къ шерифу: „прощайте, капитанъ!“ „Прощайте, всѣ“, и болѣе мягкимъ тономъ: „Прощайте, полковникъ!“

Мы всѣ инстинктивно, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтили: „прощай, Анри!“ а полковникъ громче всѣхъ другихъ: „прощай, мой мальчикъ“. Онъ повторилъ: „прощай, мой мальчикъ!“—и въ ту же минуту шерифъ однимъ ударомъ топора перерѣзалъ кожаный ремень, удерживавшій доску. Она выскочила

изъ подъ ногъ осужденнаго, который повисъ во всю длину своего туловища. Признаюсь, я отвернулъ голову, чтобъ не видѣть ужаснаго зрѣлища. Когда я снова взглянулъ въ ту сторону, неподвижный трупъ свѣшивался съ веревки. На лицахъ всѣхъ зрителей было написано странное, непередаваемое, выраженіе. Всѣ молчали, между тѣмъ какъ съ той стороны ограды доносились тѣ же крики, тѣ же свистки, тѣ же взрывы смѣха, которые мы съ мистеромъ Скоттъ слушали съ такимъ отвращеніемъ изъ тюрьмы. Это была уличная толпа, которой открыли ворота, чтобы она могла видѣть трупъ и убѣдиться въ фактѣ смерти.

— Потише, господа!—закричала шерифъ,—врачъ слушаетъ, перестало ли сердце биться.

Дѣйствительно, на эшафотѣ стоялъ какой-то человѣкъ съ веселымъ лицомъ. Онъ притянулъ къ себѣ тѣло умершаго и приложился ухомъ къ его груди. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ сказалъ: „все кончено“, и отпустилъ трупъ. Шерифъ подхватилъ его и произнесъ съ такой невозмутимостью, точно носильщикъ, имѣющій дѣло съ чемоданомъ.

— Теперь нужно унести тѣло.—Старикъ снова взялъ въ руки топоръ и перерубилъ веревку, какъ разъ надъ головой казненнаго. Четыре добровольныхъ помощника взяли пошу и снесли ее туда, гдѣ стоялъ гробъ, между тѣмъ какъ прочіе свидѣтели послѣдняго акта этой драмы, въ которыхъ, съ исчезновеніемъ останковъ Сеймура, снова проявилась ихъ истинная природа, стали оспаривать другъ у друга куски веревки и ремня.

Мы съ полковникомъ поспѣшили удалиться отъ этой тяжелой сумятицы.

— Я не могу предложить вамъ довести васъ до отеля,—сказалъ онъ.—Я обѣщаль дочери вернуться немедленно, чтобы сказать ей, помолился ли бѣдняга передъ смертью. Она совсѣмъ больна эти два дня. Какое великое утѣшеніе для насъ знать, что онъ покаялся и спасенъ...

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

ПЕРЕВ. СЪ ШВЕДСКАГО В. Фирсова.

(Продолженіе *).

Бурманъ шелъ подъ руку съ Гильдуръ.

— Рѣшительно не понимаю: что это съ нимъ такое!—
сказалъ Бурманъ задумчиво.

Дѣйствительно, онъ держалъ себя какъ-то странно. Гильдуръ еще никогда не видала его такимъ.

— Положимъ, онъ выпилъ довольно много;—продолжалъ Бурманъ,—но обыкновенно это ему нипочемъ. Вѣрно, онъ чѣмъ-нибудь раздраженъ; можетъ быть, какія-нибудь дѣла, о которыхъ онъ не могъ забыть. Во всякомъ случаѣ, онъ сегодня точно съ ума сошелъ! Видишь, насколько я былъ правъ, когда говорилъ о его склонности тянуть внизъ всякаго, кто стремится вверхъ. Въ нормальномъ, какъ и въ ненормальномъ состояніи, онъ въ этомъ отношеніи всегда одинаковъ. Какъ писателю, онъ не могъ не воздать мнѣ должнаго, а какъ на человѣка, напустился. Это у него просто пунетъ помѣшательства! А тебя онъ не напугалъ?

— Нѣтъ... Но я не поняла только, что онъ такое хотѣлъ сказать. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ что-то противъ тебя... Чѣмъ ты его оскорбилъ?

— Просто, придумать не могу!

Онъ сталъ высказывать разные предположенія, но всѣ они оказывались неправдоподобными.

— Ба! Вотъ оно что!—вскричалъ онъ вдругъ.—Теперь я понялъ...

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль, 1895 г.

Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время опять всплылъ вопросъ объ основаніи новой газеты. Многіе начинютъ интересоваться предпріятіемъ, и нашелся даже издатель, предлагавшій Бурману свои услуги.

Вспомнивъ все это, Бурманъ щелкнулъ пальцами. Ясно, какъ день, что Валеріусъ провѣдалъ объ этомъ и чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что обошлись безъ него.

— Да, да! Теперь все ясно! — сказалъ онъ, высказавъ свою догадку Гильдуръ. — А еще воображаетъ, что я не понимаю его. Забавно даже!

— Ты увѣренъ, что именно это — настоящая причина его раздраженія? — спросила Гильдуръ нѣсколько недовѣрчиво. Подозрѣніе Бурмана какъ-то совсѣмъ не уживалось въ ея умѣ съ представленіемъ о характерѣ Валеріуса.

— Вполнѣ увѣренъ! — подтвердилъ Бурманъ. — Такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что мы идемъ теперь по улицѣ.

— И ты полагаешь, что ему досадно остаться въ сторонѣ отъ выгоднаго предпріятія?

— Ну, о выгоды-то еще ничего навѣрное сказать нельзя. Но, видишь ли, его бѣситъ, что люди могутъ обходиться безъ него. Когда онъ отказывался отъ участія въ газетѣ, то думалъ, что я останусь одинъ. А теперь онъ насторожилъ уши, увидѣвъ, что вокругъ меня собрались цѣлыя сотни единомышленниковъ. И вдругъ идутъ мимо него, мимо его большой типографіи... Вотъ это и есть „оттаптываніе мозолей“, о которомъ онъ говорилъ! Но дѣлать нечего, милѣйшій Антонъ. Ты самъ не захотѣлъ быть съ нами, вотъ мы и прошли мимо!

Гильдуръ слушала молча. Она недостаточно коротко знала Валеріуса, чтобы съ увѣренностью заступиться за него, но ей какъ-то не вѣрилось, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ такимъ мелочнымъ и тщеславнымъ, какимъ выставялъ его Бурманъ. А тотъ продолжалъ доказывать вѣрность своего мнѣнія и всю дорогу разбиралъ характеръ Валеріуса.

Между тѣмъ, выйдя изъ ресторана, Гертрудъ оперлась на руку мужа, и Валеріусу пришлось идти рядомъ съ Леной, которая видимо обрадовалась этому обстоятельству. Но если она рассчитывала найти въ немъ веселаго кавалера, то сильно ошиблась въ расчетѣ. Онъ былъ молчаливъ, едва отвѣчалъ на вопросы, и Ленѣ самой пришлось говорить о чемъ попало, чтобы не идти по улицѣ, точно пара глухонѣмыхъ. Впрочемъ, обыкновенно молчаливая и застѣнчивая, Лена на

этотъ разъ, была очень разговорчива. Въ концѣ концовъ запасъ ея находчивости все-таки истощился, и водворилось молчаніе.

— Какъ это вы умѣете угадывать все, что дѣлается въ душѣ другого человѣка!—неожиданно сорвалось у съ нея языка.

— Васъ это удивляетъ?

— Еще бы! Мнѣ даже страшно стало, когда вы заговорили съ моимъ отцомъ, точно ясновидящій!

Онъ посмотрѣлъ на нее довольно подозрительно. Чего ей надо? Объясненій того, что онъ говорилъ, что ли? Или любопытная дѣвочка просто хочетъ покопаться въ его душѣ? Не даромъ же ея глаза такъ и сверкали на блѣдномъ личиѣ!

— Должно быть вамъ стало страшно оттого, что я разгадаю и васъ!—сказалъ онъ, чтобы оборвать ее.

— Да... т.-е. н...нѣтъ... Нисколько!—проговорила она, запинаясь.

— А можетъ быть, вы этого хотите?

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!

Она принужденно засмѣялась: видно было, что она болѣе заинтересовалась, чѣмъ испугалась.

Усталая улыбка скользнула по губамъ Валеріуса. Стало быть, не намѣреніе пошпionить, а простое дѣтское влеченіе ко всему страшному и сверхъестественному руководило дѣвчшкой. Она, очевидно, считала его проникательнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— И такъ, вы непременно хотите, чтобы я разгадалъ ваши тайны,—сказалъ онъ.

— Да нѣтъ же! Напротивъ, я не хочу этого.

— Ну, если вы требуете этого такъ настойчиво, я скажу вамъ, что именно разглядѣлъ въ вашей душѣ.

Онъ пріостановился нарочно, чтобы произвести ббльшій эффектъ.

— Что же?—спросила она, не имѣя силъ побороть любопытство.

Этого онъ и ожидалъ! Теперь ея большіе, свѣтлые глаза горѣли еще ярче, и она не спускала съ него взглядъ. Хорошо же!

— И такъ,—началъ онъ, придумывая первое попавшееся на умъ, чтобы только поскорѣе отвязаться отъ нея;—я вижу въ вашей душѣ, что вы умѣете дурачить людей. Вы притворяетесь маленькой, наивной дѣвчшкой, которая хочетъ только того, чего желаетъ ея папа, а на самомъ дѣлѣ вы думаете совсѣмъ о другихъ вещахъ.

— Хуже этого еще никто не отзывался обо мнѣ! — вскричала Лена, стараясь говорить съ чувствомъ собственнаго достоинства, но не имѣя силъ скрыть любопытства, съ какимъ она ждала продолженія ясновидѣнія.

Однако, Валеріусъ сдѣлалъ видъ, что принялъ выговоръ серьезно.

— Извините, если я ошибся! — сказалъ онъ и, сдвинувъ шляпу на затылокъ, чтобы освѣжить лицо, заложилъ руки въ карманы съ такимъ видомъ, точно считалъ разговоръ поконченнымъ.

— Право же, я вовсе не думаю о чемъ-нибудь дурномъ! — сказала Лена неровнымъ голосомъ послѣ продолжительнаго молчанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога!.. Никто и не обвиняетъ васъ.

— Однако, въ вашихъ словахъ...

— Господи! Охотно отказываюсь отъ всего, что сказалъ. Вы думаете только то, что вамъ слѣдуетъ думать! Согласны такъ?

Онъ посмотрѣлъ въ сторону и тихонько засвисталъ какой-то вальсъ. Такой невѣжливости нельзя было ожидать даже отъ менѣ воспитаннаго человѣка, чѣмъ Валеріусъ, и Лена почувствовала себя оскорбленной. За что онъ обижалъ ее? Разсердился онъ за что-нибудь, или просто она надоѣдала ему?

Довольно долго шли они молча, и все яснѣе и яснѣе ей становилось, что онъ на нее разсердился.

— Какъ мнѣ обидно, — заговорила она, наконецъ, вполголоса, — какъ мнѣ обидно, что вы подумали обо мнѣ такъ дурно!

— Что такое? — вскричалъ онъ, потревоженный въ своихъ размышленіяхъ и не мало удивленный замѣчаніемъ дѣвушки, о присутствіи которой онъ успѣлъ позабыть.

— Я не хочу, слышите, не хочу, чтобы обо мнѣ дурно думали! — сказала она горячо. — Это такъ мучительно сознавать...

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Мнѣ даже самому стыдно... Я, какъ-нибудь, самъ того не замѣчая, обидѣлъ васъ... Но вы должны извинить меня.

Лена ничего не могла отвѣтить. Уже нѣсколько часовъ рыданія то и дѣло подступали къ горлу и душили ее. Только за ужиномъ ее развлекло то, что сказалъ Валеріусъ. Но теперь ей такъ хотѣлось плакать, что она едва удержива-

лась отъ слезъ. Все представлялось ей въ черномъ свѣтѣ. Отецъ беретъ другую жену, и стало быть, мать никогда уже не вернется къ ней. Никто не любитъ ея... Никто, рѣшительно никто во всемъ мірѣ не думаетъ о ней, потому что всѣ считаютъ ее глупой, ненаходчивой, ничтожной дѣвчонкой...

Валеріусъ поглядывалъ на нее и нервно потиралъ себѣ високъ. Что съ ней? Все ея огорченіе сводилось, вѣроятно, къ мелкому уволу самолюбія. Но ея дѣтская жалоба: „я не хочу, чтобы дурно думали обо мнѣ“, — смутила его; онъ никогда не могъ оставаться равнодушнымъ къ страданію другихъ и ему стало жаль этой, еще нетронутой житейскими бурями, дѣвочки, которая оказывалась чувствительной къ малѣйшему уволу самолюбія и тянулась къ доброму мнѣнію людей, какъ слабое растеніе тянется къ солнцу.

— Не придавайте, пожалуйста, значенія тому, что я наговорилъ сегодня! — сказалъ онъ мягко. — Я не вполнѣ владѣю собой. Я не... Видите ли, я въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Меня раздосадовало одно непріятное дѣло...

Онъ пріостановился и протянулъ ей руку.

— И такъ, не правда ли, вы извините меня? Обѣщаюсь, что, когда мы встрѣтимся съ вами въ слѣдующій разъ, вамъ не на что будетъ жаловаться... А теперь прощайте! Простите, что не провожаю васъ дальше... Я ужасно утомленъ, и хочу спать.

Онъ издали пожелалъ покойной ночи остальнымъ спутникамъ и скрылся въ переулкѣ.

Много было толковъ по поводу сегодняшнихъ странностей Валеріуса. Но Лена отмалчивалась. Она была довольна тѣмъ, что не на нее разсердился Валеріусъ, и съ гордостью говорила себѣ, что никто не зналъ о немъ того, что она теперь знала. Только ей одной онъ признался, что причиной его странностей было постороннее огорченіе... навѣрное какое-нибудь несчастье, которое онъ только называлъ досадой... Но что бы это могло быть? Во всякомъ случаѣ, она никому на свѣтѣ не сказала, и не скажетъ объ этомъ ни за что въ мірѣ! Это было бы равносильно предательству. Не выдастъ она тайны, которую онъ ей довѣрилъ!..

На слѣдующій день Валеріусъ не пришелъ къ обѣду, приславъ записку съ извиненіями и два букета: одинъ для Гертрудъ, другой для Гильдуръ.

— Заглаживаетъ вчерашнюю вину! — сказала Гертрудъ, вдыхая ароматъ цвѣтовъ. — Спѣшныя дѣла, на которыя онъ

*

ссылается, конечно, только пустой предлогъ. Просто ему стыдно!

Черезъ день Гуго получилъ отъ Валеріуса новую записку, въ которой тотъ сообщалъ, что накопилось столько спѣшныхъ дѣлъ по типографіи, что онъ принужденъ на нѣсколько недѣль отказаться отъ обѣдовъ у господъ Скогъ и довольствоваться ближайшимъ рестораномъ.

Это извѣстіе пѣсколько поколебало предположеніе Гертрудъ, что Валеріусъ только стыдится своего поведенія. Можно было еще допустить, что онъ чувствовалъ на слѣдующій день нѣкоторую неловкость; но, чтобы онъ сталъ изъ за этого скрываться цѣлыя недѣли—тутъ что-то не такъ... Вечеромъ, сидя вдвоемъ съ Гильдуръ у рабочаго столика, Гертрудъ вдругъ сказала невѣсткѣ:

— А знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Ужъ не влюбленъ ли въ тебя Валеріусъ?

Дѣвушка опустила вышиванье на колѣни, долго, недомѣвающе смотрѣла на Гертрудъ, и улынулась. Такого предположенія она не могла допустить! Для этого не было рѣшительно никакихъ основаній...

— А я думаю, что это такъ!—увѣренно сказала госпожа Скогъ.—Увидишь, что онъ никогда уже не вернется сюда...

Въ этомъ, однако, она ошиблась. Недѣли черезъ двѣ Валеріусъ вернулся и опять сталъ аккуратно приходить къ обѣду, попрежнему откровенно признаваясь, что нигдѣ ему не бываетъ такъ пріятно, какъ у домашняго очага семьи Скогъ. Онъ былъ все тотъ же прежній, веселый, шутливый Валеріусъ, ни съ кѣмъ не измѣнилъ обращенія, и догадка госпожи Скогъ поневолѣ была оставлена, какъ совершенная несообразность. По прежнему никто не относился къ нему иначе, какъ къ доброму другу, и его вспышка въ ресторанѣ была забыта окончательно.

ХІІ.

Съ того вечера, какъ Бурманъ заподозрилъ, что причиною странной вспышки Валеріуса было его недовольство намѣреніемъ основателей новой газеты печатать ее въ посторонней типографіи, онъ много думалъ объ этомъ.

Валеріуса въ самомъ дѣлѣ не мѣшало-бы проучить за недовѣріе, съ какимъ онъ отнесся къ первоначальному проекту друга. Но теперь Бурманъ не былъ расположенъ ссориться. Кромѣ того, онъ хорошо понималъ, что для новой га-

зеты было бы очень полезно печататься въ известной Бальдерской типографіи и что заинтересовать въ своемъ предпріятіи такое могущественное акціонерное общество было весьма существеннымъ шансомъ на успѣхъ. Съ другой стороны, казалось опаснымъ довѣриться молодому издателю, господину Ветерлингу, который предлагалъ въ услугамъ газеты свою новую типографію и соглашался подписаться на нѣсколько паевъ, но не обладалъ ни опытностью, ни вліяніемъ въ литературномъ мірѣ.

На совѣщаніи всѣхъ участниковъ новаго предпріятія не знали, на что окончательно рѣшиться, и Бурманъ предложилъ еще разъ попытаться привлечь на свою сторону общество Бальдерской типографіи. Компаньоны согласились, поручивъ Бурману переговорить съ Валеріусомъ, чтобы сначала сдѣлать, такъ сказать, рекогносцировку.

Въ одинъ изъ ближайшихъ послѣ этого засѣданія дней Бурманъ отправился къ Валеріусу, подъ предлогомъ, что пришелъ справиться, когда будетъ выпущено новое изданіе его книги, и въ какомъ положеніи его счета.

Переговоривъ о книгѣ и уже взявшись за шляпу, какъ бы собираясь уходить, Бурманъ спросилъ небрежно:

— Кстати, ты мнѣ такъ и не рассказалъ, какъ отнеслись тогда ваши директора къ вопросу о моей газетѣ. Что они сказали?

Валеріусъ поднялъ голову. Этотъ вопросъ былъ для него порядочной неожиданностью. Онъ никогда не упоминалъ о прерванныхъ переговорахъ только потому, что Бурманъ и безъ того долженъ былъ понимать, что дѣло покончено. Не стоило попусту раздражать пріятеля. Но теперь тотъ самъ заговорилъ объ этомъ...

— Какъ ты догадываешься, конечно, они отказались наотрѣзъ, — сказалъ Валеріусъ, помолчавъ. — Иначе я не преминулъ-бы сообщить тебѣ ихъ мнѣніе.

— И давно разбиралось мое предложеніе въ вашемъ совѣтѣ?

— Давно, вскорѣ послѣ нашего разговора объ этомъ.

Писатель не спускалъ пытливаго взгляда съ Валеріуса и удивлялся мастерству, съ какимъ тотъ притворялся совсѣмъ равнодушнымъ. Точно онъ и въ самомъ дѣлѣ такъ-таки ни разу и не вспоминалъ объ этомъ дѣлѣ! Бурману хотѣлось даже расхохотаться... Но не уйдетъ отъ него эта лисица! Онъ ее живо выживетъ изъ норы!

— Вотъ что!—протянулъ онъ, удерживая улыбку.— Съ тѣхъ поръ, какъ ты, можетъ быть, слышалъ, обстоятельства измѣнились...

— Измѣнились? Расскажи, пожалуйста... Въ послѣднее время я такъ былъ занятъ, что плохо слѣдилъ за политикой...

— Вотъ какъ! Значитъ ты и не зналъ, что первый номеръ нашей газеты выйдетъ второго января?

— Нѣтъ, не зналъ.

Положительно, онъ разыгрывалъ свою роль съ рѣдкимъ мастерствомъ! Онъ не спросилъ даже, гдѣ газета будетъ печататься, не смотря на то, что Бурманъ нарочно выдерживалъ паузу.

— Однако, милѣйшій Антонъ, — сказалъ онъ уже нѣсколько насмѣшливо, — ты становишься равнодушнѣе къ общественнымъ дѣламъ. И ты никого не спрашиваешь о томъ, что дѣлается и говорится... Тебя не интересуютъ даже новыя изданія?..

Эту шпильку онъ запустилъ въ самую нору лисицы, но та и теперь не вылезла! Валеріусъ остался спокоенъ, улыбнулся, какъ ни въ чемъ не бывало, и сказалъ шутливо:

— Не поздравляю тебя. Испортилъ себѣ всѣ праздники; придется порядкомъ-таки поработать передъ новымъ годомъ.

Да работать придется не мало!

Бурманъ присѣлъ къ столу и съ обычнымъ энтузіазмомъ заговорилъ о томъ, что онъ намѣренъ сдѣлать, когда въ его распоряженіи будетъ большая политическая газета.

Вѣдь это все равно, что выйти изъ душнаго погреба на свѣжій воздухъ! Имѣть возможность высказываться по мѣрѣ того, какъ нарождаются мысли, не быть въ зависимости отъ чужихъ программъ, отъ узкихъ столбцовъ и еще болѣе узкихъ идей постороннихъ людей—да вѣдь это счастье! Знамя свободы и индивидуальности будетъ развѣваться надъ каждой строкой его газеты, и онъ научить своихъ читателей любить и почитать это знамя. Мѣсто каждой индивидуальной особенности! Просторъ каждому дѣятелю, который требуетъ права двигаться, не натываясь поминутно на разныя ограниченія человѣческой свободы! Пусть норвежцы вѣдаютъ свои дѣла сами! Каждая община должна имѣть свои законы, какъ каждый человѣкъ имѣетъ свои убѣжденія... Груднымъ младенцамъ молоко, а шестилѣткамъ—начальная школа! Это обязательно. А дальше, пусть тотъ, кому нравится капуста и противно сало, ѣстъ капусту, а тотъ, кому нравится сало и

противна капуста, ѣсть сало... Что же касается образованія, то будущаго портного нельзя заставлять изучать ботанику!

Вотъ какова его программа!

Онъ такъ увлекся своими теоріями, что совсѣмъ забылъ, зачѣмъ пришелъ въ контору Бальдерской типографіи.

— И ты воображаешь, что вѣдешь въ палату верхомъ на такихъ проповѣдяхъ?—не безъ ироніи спросилъ Валеріусъ.

— Нѣтъ, я не настолько глупъ, чтобы предлагать такія истины въ сыромъ видѣ!—возразилъ Бурманъ, улыбаясь.— Такія вещи запекаются въ сдобномъ тѣстѣ.

Валеріусъ серьезно посмотрѣлъ другу въ лицо.

— А не лучше ли рѣзать правду безъ всякихъ прикрасъ и вычуръ и отказаться отъ палаты разъ навсегда?—проговорилъ онъ.— Въ палатѣ вѣдь тоже пришлось бы многое запекать въ сдобное тѣсто, ты вѣдь это и самъ знаешь. А правдѣ нужно и правдивое прямое изложеніе...

Бурманъ покачивалъ ногой, пристально разсматривая носокъ своего сапога.

— Такъ-то такъ, — протянулъ онъ нерѣшительно, но вдругъ, поднявъ голову, продолжалъ съ открытымъ, смѣлымъ выраженіемъ въ лицѣ: — Видишь ли, я не въ силахъ отказаться отъ этого, я хочу быть тамъ! Да мнѣ и нельзя отказаться. Я долженъ быть увѣренъ въ своей правотѣ, чтобы говорить убѣдительно, а такую увѣренность я могу получить только побѣдивъ на выборахъ. Надо же мнѣ на чемъ-нибудь PROVĚRYATЬ свои силы...

— И значеніе?

— Да, и значеніе!—сверкнувъ глазами, вскричалъ Бурманъ.— Только въ сношеніяхъ съ другими людьми узнаешь самого себя, а мнѣ надо знать себя и вѣрить себѣ, хотя бы только для того, чтобы не падать духомъ.

Спокойнымъ движеніемъ руки раскрылъ Валеріусъ одну изъ лежавшихъ передъ нимъ конторскихъ книгъ и, указывая Бурману на страницу, незадолго передъ тѣмъ послужившую имъ для подсчета проданныхъ экземпляровъ послѣдняго его романа, сказалъ:

— А это развѣ не указываетъ тебѣ, есть ли у тебя послѣдователи?

— Да, конечно, указываетъ! И если бы эта поддержка не явилась своевременно, я не сидѣлъ бы теперь здѣсь. Я былъ бы теперь, по всѣмъ вѣроятіямъ, чѣмъ-то въ родѣ „вѣчнаго жида“, несчастнымъ скитальцемъ, безъ опоры въ оте-

чествѣ, безъ связей съ людьми! Но,—прибавилъ онъ, помолчавъ, — если люди послѣдовали за мной въ этомъ случаѣ, то почему бы имъ не пойти за мной и дальше?

— Пойдутъ и дальше, если только ты останешься на поприщѣ романиста,—съ увѣренностью сказалъ Валеріусъ. — И потому-то я и повторяю тебѣ то, что говорилъ уже не разъ: не оставляй своего поприща! Держись его крѣпко, и не мѣняй ни на какое другое!

Валеріусъ поднялся съ кресла и заходилъ взадъ и впередъ по кабинету. Все болѣе и болѣе убѣждался онъ въ томъ, что Бурманъ не созданъ политикомъ. Онъ могъ сѣять воевругъ себя прекрасныя идеи и, переработанныя другими людьми, эти идеи могли принести существенную пользу человѣчеству. Но какъ непосредственный политическій дѣятель, Бурманъ, по его мнѣнію, былъ безсиленъ.

Все это Валеріусъ пытался разъяснить другу и еще долго говорилъ онъ, продолжая шагать по комнатѣ. Бурманъ слушалъ молча. Но теперь въ его взглядѣ, которымъ онъ изподлобья поглядывалъ на Валеріуса, появилось выраженіе недовѣрія. Онъ вспомнилъ, для чего пришелъ, и задавалъ себѣ вопросъ, къ чему ведетъ свою рѣчь Валеріусъ. Въ его словахъ о значеніи романиста онъ видѣлъ только пустыя фразы, а мнѣніе, что политическому дѣятелю нельзя заноситься въ область фантазіи, находилъ просто ребяческимъ. Почему же политику не имѣть широкихъ взглядовъ и не преслѣдовать грандіозныхъ задачъ? Бурманъ довольно рѣзко предложилъ Валеріусу этотъ вопросъ.

Но тотъ отвѣтилъ съ такой горячностью, что видно было, что онъ объ этомъ уже много думалъ, и что отвѣтъ у него имѣлся наготовѣ.

— Да,—сказалъ онъ,—широкіе взгляды и грандіозныя задачи, конечно, позволительно имѣть и политикамъ. Но это еще не значить заноситься въ область фантазіи. Надо умѣть измѣрять предметы соотвѣтствующей мѣрой а не пытаться навязывать лебединныя крылья воробью! Но ты, Сеть, съ этого бы и началъ, потому что прежде всего ты фантазеръ, художникъ. Ты умѣешь разглядѣть типъ, но не можешь понять, что такое толпа отдѣльныхъ людей. Въ качествѣ законодателя, ты сталъ бы придумывать наилучшее лишь для типа, тобою же созданнаго въ воображеніи и требованія котораго совсѣмъ не соотвѣтствуютъ мелкимъ требованіямъ простыхъ смертныхъ. Ты бы стремился, очертя голову, прямо къ цѣли, не при-

нимаю во вниманіе того, что другимъ это не по силамъ, и что нужны и остановки для отдыха. Ты самъ въ высшей степени индивидуаленъ и проповѣдуешь индивидуализмъ; но ты неспособенъ понять индивидуальныхъ потребностей твоихъ ближнихъ, потому что ты самъ не знаешь этихъ ближнихъ.

Сеть Бурманъ насупился. Ни малѣйшаго удовольствія не доставляли ему разсужденія пріятеля, который пытался отнять у него славу знатока человѣческихъ сердець и современной дѣйствительности. На это, по его мнѣнію, онъ имѣлъ несомнѣнные права.

— Да, ты уже говорилъ недавно, что ты не очень высокога мнѣнія о моей проникательности, — сказалъ онъ холодно и всталъ.

Валеріусъ покраснѣлъ и молча смотрѣлъ на Бурмана.

— Если ты не забылъ того, что я говорилъ тогда, — сказалъ онъ съ удареніемъ, — то помнишь, надѣюсь и то, что я признавалъ твои достоинства, какъ писателя, и что, по моему мнѣнію, твоя слѣпота зависитъ именно отъ крайне развитой творческой способности.

Бурманъ отвѣтилъ что-то невнятное и повернулся къ дверямъ, но Валеріусъ остановилъ его за руку.

— Будь же другомъ, Сеть, и выслушай меня, чтобы тебѣ не пришлось выслушать это отъ другого! — вскричалъ онъ. — Брось ты, Бога ради, эти замыслы насчетъ парламентской дѣятельности! Если у тебя останется лишнее время, и тебѣ охота высказываться по поводу текущихъ вопросовъ, дѣлай это въ беллетристической формѣ. Я даже собирался кое-что тебѣ предложить... Не хочешь ли быть редакторомъ „Скандинавіи“?

„Скандинавія“ былъ новый, только-что приобрѣтенный Обществомъ Вальдерской типографіи, толстый журналъ, которому предстояло занять мѣсто главнѣйшаго періодическаго изданія въ изящной литературѣ Швеціи. Бурманъ былъ такъ пораженъ неожиданнымъ лестнымъ предложеніемъ, что даже вздрогнулъ. Никогда онъ не рассчитывалъ на нѣчто подобное... И какъ это могло придти имъ въ голову?

Ну, разумѣется, это выдумка Валеріуса!

Предложеніе это было сдѣлано самымъ сердечнымъ, дружескимъ тономъ, и, помимо своей воли, Бурманъ былъ польщенъ. Но одно его смущало. Какимъ образомъ дружескія намѣренія Валеріуса мирились съ выказаннымъ имъ во время ужина раздраженіемъ? Искренно ли все это? И въ самомъ ли дѣлѣ Валеріусъ нисколько не озлобленъ тѣмъ, что ему не

сдѣлали вторичнаго предложенія печатать основываемую газету?

Снова подозрѣнія охватили Бурмана и, занявъ прежнее мѣсто у стола, онъ спросилъ, не спуская пытливаго взгляда съ Валеріуса:

— А что бы ты сказалъ, если бы мы вторично обратились къ тебѣ съ предложеніемъ принять участіе въ нашей новой газетѣ и издавать ее?

— Я бы отказался!—отвѣтилъ Валеріусъ нетерпѣливо.— Это предпріятіе не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ, а въ качествѣ человѣка, облеченнаго довѣріемъ своихъ компаніоновъ, я не имѣю права руководствоваться своими личными симпатіями.

Этотъ отвѣтъ сбивалъ Бурмана съ его предвзятой точки зрѣнія. Онъ задумался и сталъ разсѣянно приглаживать ворсъ на шляпѣ. Вдругъ ему пришла въ голову мысль, въ сущности довольно старая, но которую онъ только теперь точно извлекъ изъ забытаго тайника. Его подкупаютъ! Очевидно, Валеріусъ пронюхалъ, что Сеть Бурманъ вошелъ въ сношенія съ другими издателями и испугался возможности потерять въ немъ выгоднаго кліента. Не хочеть, небось, чтобы выпорхнула изъ клѣтки птица, которая приноситъ ему золотыя яйца! Ему нужны книги и популярное имя Сета Бурмана,—вотъ и все!

— Что же ты не отвѣчаешь на мое предложеніе редактировать „Скандинавію“?—спросилъ между тѣмъ Валеріусъ.

— Спасибо, я подумаю объ этомъ,—отвѣтилъ Бурманъ, не глядя на него.

Затѣмъ онъ всталъ и, не желая вдаваться въ дальнѣйшія разсужденія съ Валеріусомъ, ушелъ, простившись довольно холодно. Валеріусъ не удерживалъ его, предоставляя обдумать дѣло, какъ слѣдуетъ, и попросивъ только письменнаго отвѣта, когда Бурманъ приметъ то или другое рѣшеніе.

Около семи часовъ, послѣ обѣда, Гильдуръ, по обыкновенію, позвонила у дверей Бурмана. Она попрежнему приходила ежедневно въ это время, хотя уроковъ музыки уже не давала. Совсѣмъ неожиданно Бурманъ недавно спохватился, что музыкальныя занятія дочери мѣшаютъ ему работать и пожелалъ, чтобы Лена продолжала свои упражненія внѣ дома, у одной извѣстной преподавательницы музыки...

Большую частью Гильдуръ приходилось ждать послѣ звонка

довольно долго, такъ какъ Мая не торопилась и всегда бывала занята чѣмъ-нибудь, отъ чего ее отрывалъ звонокъ. Но на этотъ разъ дверь отворилась почти тотчасъ же послѣ звонка, и Гильдуръ очутилась въ объятіяхъ поджидавшаго ее Бурмана.

Онъ едва далъ Гильдуръ время поздороваться съ Леной и тотчасъ же увлекъ ее къ себѣ въ кабинетъ, но не для вѣжливой бесѣды, какъ обыкновенно. Когда она опустилась на свое обычное мѣсто, въ углу большого дивана, онъ занялъ кресло у письменнаго стола, положилъ локти на столъ и сказалъ, съ усиленіемъ перевода духъ:

— Ну, дружокъ мой, на этотъ разъ вамъ придется услышать кое-что совсѣмъ новенькое!.. Кстати, скажи, пожалуйста, сколько, по твоему, можно безъ убытка заплатить за такого человѣка, какъ я?

— Заплатить? Я не понимаю, Сетъ...

— Да, да, заплатить, именно заплатить деньгами. Все равно, золотомъ или кредитными билетами?

— А ты развѣ продаешь себя?—спросила она, смѣясь.

— Не знаю еще... Но покупатель ужъ есть и, если не ошибаюсь, двѣ, три тысячи въ годъ за меня бы дали.

Шутить онъ, или говорить серьезно? Его лицо въ одно и то же время и самодовольно, и презрительно...

— Ужъ не хотять ли связать тебя какимъ-нибудь обязательствомъ?—спросила Гильдуръ.

— Вотъ именно этого-то самаго и хотять! Хотять запереть въ курятникъ курицу, которая приноситъ золотыя яйца, а можетъ быть, хотять и еще чего-то... Я знаю, ты опять станешь защищать его, вѣдь ты всегда заступаешься за него съ какимъ-то непонятнымъ для меня пристрастіемъ. Но предупреждаю тебя, на этотъ разъ защищать его будетъ не легко.

Гильдуръ не стала и спрашивать, о комъ идетъ рѣчь. Она сразу угадала, что дѣло касается Валеріуса. Впрочемъ, Бурманъ и не далъ ей времени на вопросы. Не переводя духа, рассказалъ онъ о своемъ разговорѣ съ Валеріусомъ и перешелъ къ общимъ выводамъ. По его словамъ, онъ много размышлялъ обо всемъ этомъ и пришелъ къ убѣжденію, что не можетъ и быть двухъ различныхъ взглядовъ на образъ дѣйствій этого, якобы, его друга.

Этотъ хитрецъ вздумалъ однимъ взмахомъ поймать двухъ мухъ. Прежде всего ему нужно попрочнѣй заручиться исключительнымъ правомъ на изданіе сочиненій Бурмана, а кромѣ

того, и обезпечить успѣхъ своему толстому журналу, не только связавъ свое предпріятіе съ популярнымъ именемъ Бурмана, но еще поставивъ Бурмана въ необходимость печатать свои сочиненія исключительно въ редактируемомъ имъ журналѣ. Во-вторыхъ, онъ хочетъ устранить съ своей дороги опаснаго соперника на политическомъ поприщѣ, ограничивъ его дѣятельность областью изящной литературы; а что онъ самъ намѣренъ въ ближайшемъ времени выступить кандидатомъ въ депутаты, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: это подтверждается всѣми признаками и объ этомъ даже поговариваютъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Не даромъ во время разговора сегодня утромъ Бурманъ сразу почувствовалъ, что у Валеріуса должна быть задняя мысль, которую онъ тщательно маскируетъ разными нелѣпыми разсужденіями о несовмѣстности чисто литературной и политической дѣятельностей. Теперь же, когда онъ успѣлъ все хорошо обдумать, у него нѣтъ уже никакихъ сомнѣній...

Гильдуръ слушала, не возражала, и задумалась. Можно ли допустить, чтобы Валеріусъ руководился такими дрянными и мелочными побужденіями? Не проще ли предположить, что онъ руководствуется только желаніемъ въ самомъ дѣлѣ доставить другу положеніе, соотвѣтствующее его дарованіямъ, а журналу—превосходнѣйшаго редактора и сотрудника? Но она понимала, что не стоило и задавать Бурману этихъ вопросовъ, которые только раздражили бы его, нисколько не повліявъ на его образъ мыслей.

— И такъ, теперь вопросъ въ томъ, примешь ли ты мѣсто редактора „Скандинавіи“, или нѣтъ?—спросила она послѣ долгаго молчанія.

— А ты желала бы, чтобы я продалъ себя?

Этотъ вопросъ онъ кинулъ ей съ такимъ выраженіемъ, точно дѣло шло о предательствѣ отечества.

Она поднялась съ дивана, подошла къ нему и, обнявъ его, прижала къ груди его голову, эту сильную, славную, и въ то же время дѣтски наивную, голову, подчасъ задорную и сумасбродную, но всегда переполненную широкими замыслами, къ которымъ никогда не примѣшивалось и тѣни корыстолюбія. Что ей за дѣло, справедливы ли его обвиненія Валеріуса, или нѣтъ? Какъ бы тамъ ни было, а счумѣлъ же тотъ потерять довѣріе друга и возбудить его подозрительность. Пусть самъ и отвѣчаетъ за все—это ужъ не ея дѣло! Для нея важно только одно, что ея Сеть всегда стремится только къ тому,

что самъ считаетъ хорошимъ и достойнымъ, и что, какъ онъ ни бѣденъ, деньги не имѣютъ для него никакой цѣны. Она такъ гордилась его мужествомъ и непреклонностью. И она нашептывала ему слова восторженной любви, продолжая ласкать его голову.

Онъ привлекъ ее къ себѣ, потомъ отвелъ отъ себя ея голову и сіяющими отъ счастья глазами любовался ею, и опять прижалъ ее къ груди, прошептавъ:

— Моя... моя Гильдуръ!

Было что-то торжествующее въ этомъ порывѣ. Онъ ликовалъ—ему казалось, что онъ побѣдилъ въ ней какое-то затаенное чувство, которое противилось его убѣжденіямъ, и что теперь, теперь она была всецѣло „его Гильдуръ“.

— Моя... моя Гильдуръ!—повторилъ онъ все съ тѣмъ же порывомъ восторга.

И она поняла, что, отвѣчая ласками на его ласки, восторгомъ на его восторгъ,—она какъ бы принимала на себя обязательство раздѣлять его взгляды во всемъ. Этого требовало ея счастье. До остального ей теперь не было дѣла.

XIII.

Въ семьѣ Скогъ было торжество по случаю дня рожденія Гертрудъ. Приглашены были родственники и самые короткіе знакомые, въ томъ числѣ, конечно, Леа и Сеть Бурманъ.

Въ первый разъ еще съ тѣхъ поръ, какъ объявлена была ближайшимъ родственникамъ ея помолвка, приходилось Гильдуръ показаться въ обществѣ вмѣстѣ съ женихомъ. Хотя эта помолвка для всѣхъ прочихъ оставалась тайной, но кое-какіе слухи уже распространились по городу, и Гильдуръ чувствовала себя несовсѣмъ спокойной въ ожиданіи, какъ отнесутся къ ней и къ Бурману знакомые. Какъ-то она выдержитъ свою роль подъ перекрестными взглядами любопытныхъ! А притворяться было обязательно. Злополучное письмо съ извѣстіемъ о мѣстонахожденіи госпожи Бурманъ все еще не было получено. А ей хорошо извѣстно, что люди отвернулись бы отъ нея, если бы при такихъ обстоятельствахъ состоялось объявленіе ея странной помолвки. Въ извѣстныхъ вещахъ люди требуютъ тайны или хотъ подобія тайны.

Обо всемъ этомъ размышляла Гильдуръ передъ приходомъ гостей, остановившись въ гостиной, передъ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ, чтобы осмотрѣть свой туалетъ. На ней было свѣтлое шелковое платье изъ китайской матеріи,

превосходно сидѣвшее на ея стройной фигурѣ. Она нарочно одѣлась такъ нарядно, чтобы показать Бурману, что и она умѣетъ заниматься собой, когда это нужно. Но теперь она начинала опасаться, не слишкомъ ли нарядно она одѣлась, и не подумаютъ-ли, что она бравировать общественнымъ мнѣніемъ... Ей даже пришло въ голову, не пойти ли переодѣться во что-нибудь попроще, какъ раздался звонокъ, появились первые гости и пришлось остаться.

Сначала все пошло хорошо. Она помогала невѣстѣ принимать гостей и была съ ними любезнѣе обыкновеннаго. Съ своей стороны, гости не подавали и вида, что до нихъ дошли кое-какіе слухи. Но вотъ, среди оживленнаго разговора съ одной кузиной, которая обладала злымъ язычкомъ и очень зоркими, насмѣшливыми глазками, Гильдуръ замѣтила входящаго въ гостиную Бурмана и почувствовала, что краснѣетъ. Чтобы скрыть непрощенный румянецъ, она наклонилась, дѣлая видъ, что отцѣпляетъ запутавшійся за ножку стула шлейфъ. И когда она черезъ минуту снова выпрямилась, то уже вполне успѣла овладѣть собой. Но Бурманъ, этотъ неисправимый младенецъ, остановился у входа и смотрѣлъ на нее такимъ взглядомъ, точно они были съ нимъ одни въ комнатѣ! А вѣдь какъ она просила его, даже взяла съ него обѣщаніе быть какъ можно осторожнѣе!

Онъ точно приросъ къ полу въ пяти шагахъ отъ нея и любовался ею, точно передъ нимъ было видѣніе!

Это неосторожное восхищеніе невыразимо смущало ее. И, тѣмъ не менѣе, сердце въ ней радостно трепетало именно потому, что онъ залюбовался ею, забывъ все на свѣтѣ.

Какъ только представилась возможность, она сдала свою опасную кузину на попеченіе госпожи Скогъ, взяла подъ руку одну очень молоденькую и глуповатую барышню, которой опасаться было нечего, и повела ее къ столу съ десертомъ, надѣясь какъ-нибудь на пути въ другую комнату незамѣтно приблизиться къ своему безразсудному обожателю. Онъ, дѣйствительно, не замѣдилъ послѣдовать за нею и, пока барышня брала съ вазы конфекты, Гильдуръ стояла только обернуться, чтобы оказаться съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Какъ тебѣ не стыдно, Сетъ! — шепнула она въ отвѣтъ на его поклонъ.—Ты не сдержалъ слова!

— Я не сдержалъ слова? Да я еще слова не сказалъ!

— Но могъ же ты смотрѣть на кого-нибудь другого, а не на меня.

— Нѣтъ, этого я не могъ и не могу!—съ простодушной откровенностью признался онъ, овидывая восхищеннымъ взглядомъ всю ея стройную фигуру.

Она отвернулась отъ него, но онъ шепнулъ ей:

— Постой! Мнѣ тебѣ надо сказать кое-что очень важное...

— Говори же скорѣй... Только поскорѣй!

Однако онъ не торопился. Нѣсколько секундъ любовался онъ ею и шепнулъ наконецъ, не переставая смотрѣть на нее восторженно.

— Ты хороша! Ты изящна! Ты мила, какъ ни одна женщина въ мірѣ!

Это-то и было то „кое-что очень важное“, которое ему необходимо было сказать, не смотря ни на какой рискъ!

Она успѣшила отойти и со страхомъ оглянулась по сторонамъ. Онъ просто невозможенъ! Онъ хочетъ высказывать все, что думаетъ и чувствуетъ... Положимъ, его необдуманная слова звучали въ ея ухахъ, точно прекрасная музыка, а его восторженные взгляды наполняли ея душу счастьемъ... Но можно ли вести себя такъ неосторожно!

Цѣлый вечеръ она не переставала тревожиться. То и дѣло встрѣчала она его взгляды, которыхъ онъ положительно не спускалъ съ нея, а когда она бывала недалеко отъ него, онъ позволялъ себѣ даже подходить и нашептывать въ уши всякіе пустяки. Желая хоть временно найти себѣ спокойное мѣсто, она сѣла наконецъ за рояль и стала неумоимо аккомпанировать одному молодому врачу съ довольно посредственнымъ теноркомъ, но большой охотой пѣть.

Докторъ пропѣлъ весь свой репертуаръ, а затѣмъ объявилъ, что охотно бы спѣлъ какой-нибудь изъ веселыхъ студенческихъ дуэтовъ, если бы только нашлось съ кѣмъ пѣть.

Стали искать второго пѣвца среди гостей, но такого не оказывалось, и огорченный докторъ снова сталъ перебирать ноты, не зная, что бы ему еще спѣть. Гильдуръ тоже склонилась надъ нотами. Вдругъ она почувствовала возлѣ самага своего уха теплое дыханіе, и съ ужасомъ оглянулась, ожидая опять увидѣть возлѣ себя Бурмана. Но это была Лена.

— Я знаю, кто можетъ спѣть студенческіе дуэты,—шепнула она.

— Кто же?

— Директоръ Валеріусъ...

— Какъ же ты это знаешь?—съ удивленіемъ спросила Гильдуръ.

— Я разъ слышала...

— Слышала? Гдѣ же ты его слышала?

— Какъ-то мы шли съ нимъ по улицѣ, и вотъ онъ сталъ пѣть...

Гильдуръ смотрѣла на нее, точно спрашивая: „Вотъ какъ! вы прогуливаетесь вдвоемъ и распѣваете дуэты на улицахъ?“

— Видишь ли, вотъ какъ это случилось!—начала торопливо объяснять Лена, смущенная взглядомъ Гильдуръ.— Я шла какъ-то на урокъ музыки, а Валеріусъ шелъ отъ васъ, съ обѣда. Вотъ, мы и пошли вмѣстѣ, потому что было по пути. Вдругъ изъ какого-то окна запѣли: „Знала ли ты, тетя, мамзель Гоппенратъ?“—а Валеріусъ запѣлъ въ отвѣтъ второй куплетъ этой пѣсни и потомъ долго еще напѣвалъ себѣ подъ носъ разные куплеты изъ студенческихъ дуэтовъ. Право онъ поетъ очень хорошо. Только не говори, что это я его выдала!—попросила Лена.

— Хорошо!

Лена ускользнула, а Гильдуръ подошла къ Валеріусу.

— Знаете ли, господинъ директоръ, что мнѣ шепнули, будто вы поете?

— Неужели, шепнули?—улыбнулся Валеріусъ.—Впрочемъ, о моемъ пѣніи въ самомъ дѣлѣ чѣмъ тише говорить, тѣмъ лучше.

— Однако вы поете?

— Кое-какъ пою.

— Студенческія пѣсни?

— Да.

— И вы не захотѣли пѣть, хотя знали, что мы ищемъ второй голосъ?

Она сдѣлала настоящій выговоръ, который онъ, впрочемъ, принялъ очень добродушно. По его мнѣнію, общество ничего не потеряло бы, если бъ было избавлено отъ такого пѣнія.

И, безъ дальнѣйшихъ препирательствъ, онъ направился къ роялю. Гильдуръ приготовилась акомпанировать. Уже при первыхъ звукахъ Валеріуса, она подняла голову, удивленная мелодичностью его голоса. У него оказывался не очень сильный, но въ высшей степени мягкій и пріятный баритонъ.

Послѣ первой же пѣсни въ залѣ поднялся настоящій шумъ. Восхищенные слушатели не могли удержаться отъ рукоплесканій, со всѣхъ сторонъ послышались просьбы спѣть еще что-нибудь, и зала переполнилась гостями, такъ какъ

многіе повинули даже карточные столы, чтобъ послушать популярныя студенческія пѣсни.

Пѣвцы не заставили себя упрашивать и спѣли еще нѣсколько дуэтовъ.

Гильдуръ все еще не могла опомниться отъ удивленія. Какъ могло случиться, что она ежедневно встрѣчалась съ Валеріусомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и онъ ни разу не проговорился о своемъ выдающемся талантѣ? Онъ всегда съ непритворнымъ удовольствіемъ слушалъ ея игру на фортепіано и не скрывалъ, что любить оперы и концерты. Она знала и то, что онъ толково судилъ о музыкѣ. Но никто и не подозрѣвалъ, что самъ онъ прекрасно поетъ.

Она задумчиво посматривала на Валеріуса, все еще стоявшаго у рояля съ нотами въ рукахъ, и ей приходило въ голову, что это самый уравновѣшенный, самый скромный человѣкъ изъ всѣхъ ея знакомыхъ. Не было ни одного случая, чтобы онъ когда-нибудь выказалъ малѣйшее желаніе выдвинуться впередъ. Никогда онъ не говорилъ о себѣ, не носился со своими достоинствами. Интересовали его лишь таланты и заслуги другихъ людей...

Размышляя объ этомъ, она почувствовала въ душѣ что-то въ родѣ угрызений совѣсти. Какъ она могла не заступиться за него недавно, когда Сеть съ такой явной несправедливостью обвинялъ его въ дрянномъ эгоизмѣ и недостойномъ лгуавствѣ? Развѣ мыслимо, чтобы такой искренно безпритязательный человѣкъ сталъ кривить душой и интриговать ради сомнительныхъ личныхъ выгодъ? Нѣтъ, Сеть просто заблуждался. Онъ уже черезчуръ страстенъ и часто позволяетъ собственному воображенію затемнять свои мысли!

Ей вдругъ захотѣлось, чтобы именно Валеріусъ повелъ ее теперь къ ужину. Повернувшись къ нему, она сказала:

— Видите, всѣ идутъ въ столовую... Не пойти ли и намъ?

Разумѣется, въ отвѣтъ на это, ему оставалось только предложить ей руку, что онъ и сдѣлалъ очень учтиво. Они вмѣстѣ вышли изъ залы.

— Какой вы странный человѣкъ!—проговорила она, какъ бы продолжая свои размышленія.—Можно ли скрывать такое чудное дарованіе... и скрывать такъ упорно! И какъ вы могли удерживаться отъ соблазна спѣть, когда мы занимались бывало, музыкой и вы слушали съ видимымъ интересомъ?—спросила она.—Кто можетъ пѣть, долженъ иногда чувствовать потребность спѣть...

— О, слава Богу, на свѣтѣ есть что послушать, кромѣ собственнаго пѣнія!—вскричалъ онъ, смѣясь.

Она пошла съ нимъ въ одному изъ свободныхъ столиковъ.

— Сядемте тутъ!—сказала она, указывая ему на стулъ.

Въ ту-же минуту какая-то безпріютная парочка попросила позволенія подсѣсть къ ихъ столу и пришлось ужинать вчетверомъ. Впрочемъ непрощенные сосѣди оказались веселыми и любезными собесѣдниками, и за столикомъ водворилось самое баззаботное настроеніе.

Вдругъ подлѣ нея раздался голосъ Бурмана. Она съ испугомъ оглянулась и увидѣла надъ собой его львиную голову съ восторженно сіяющими глазами и откровенной улыбкой.

— Пойдемте же!—сказалъ онъ спокойно, точно говорилъ что-то вполнѣ естественное. — Мы заняли тамъ отдѣльный столикъ въ сторонкѣ...

Ее покорило. Какъ могъ онъ относиться къ ней такъ безпощадно! Какъ могъ онъ звать ее къ себѣ отъ людей, съ которыми она уже сидѣла—вѣдь это значило нарочно выставить на видъ свои какія-то особенныя права на нее! Что подумаютъ о ней знакомые? Она не рѣшалась даже поднять глазъ...

Съ трудомъ совладавъ съ замѣшательствомъ, она однако улыбнулась, отвѣтивъ шутливо, что очень благодарна за приглашеніе, но что она совершенно довольна своимъ обществомъ.

Къ ея ужасу Бурманъ этимъ не удовольствовался, а еще ниже склонился къ ней и сталъ шептать на ухо. Она такъ смутилась, что даже не разслышала хорошенько, что онъ говорилъ. Во всякомъ случаѣ, она поняла, что рѣчь сводилась къ тому, что, если она не придетъ, онъ умретъ съ тоски, а вѣрнѣе, просто уйдетъ домой, потому что не въ силахъ продолжать притворяться.

Хотя бы только для того, чтобы прекратить это неприличное шептаніе, она принуждена была встать и мучительно придумывала, что бы такое сказать собесѣдникамъ въ извиненіе своего поступка и чтобы хоть сколько-нибудь обезоружить злые языки. Къ ней подоспѣла неожиданная помощь.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ должны насъ покинуть?—жалобно сказалъ Валеріусъ.—И все это изъ за этой молоденькой баронессы?

Онъ кивнулъ при этомъ въ ту сторону, гдѣ былъ столикъ, занятый Бурманомъ и у котораго сидѣла баронесса Шернстрале, которую Бурману поручили вести къ ужину, тогда

какъ мужу ея подала руку сама хозяйка дома. И баронъ, и баронесса въ первый разъ были на вечерѣ у Скогъ, почему имъ и оказывались особенныя любезности. Кромѣ того, молодая аристократка была чрезвычайно заинтересована Бурманомъ, и непритворно увлечена игрой Гильдуръ на фортепіано. Всѣмъ этимъ Валеріусъ ловко воспользовался, чтобы замаскировать неловкій поступокъ Бурмана и оправдать Гильдуръ въ глазахъ гостей.

Она поняла его намѣреніе и взглянула на него съ благодарностью.

— Конечно, надо же позаботиться объ этой дамѣ,—сказала она.—Она вѣдь почти никого здѣсь не знаетъ.

— Вотъ то-то и есть!—вскричалъ Валеріусъ, смѣясь.—Я давно уже видѣлъ знаки, которые вамъ дѣлала госпожа Скогъ.—Не послушались, за вами и прислали!

— А вы все это такъ и замѣтили?—уже совсѣмъ весело, съ лукавымъ огонькомъ въ глазахъ, переспросила Гильдуръ.—Не даромъ же я удивлялась вашей наблюдательности.

Извинившись передъ покидаемымъ обществомъ и дружески улыбнувшись своему кавалеру, она подала руку Бурману и дала себя увести къ его столику.

Она тутъ-же, стала журить его, не теряя времени, но тотчасъ же принуждена была умолять, встрѣтивъ его сіяющій отъ восторга взглядъ. Духу не хватало бранить его: онъ былъ такъ дѣтски радъ, что маневръ удался.

— Что бы ты ни говорила, а я поймалъ тебя!—прошепталъ онъ, торжествуя побѣду, чуть-чуть не повлекшую за собой настоящій скандалъ для Гильдуръ. Но этого онъ не понималъ, и его невѣстѣ оставалось только смѣяться.

Вѣдь онъ дитя, геніальное, но капризное, опасное дитя!

Послѣ ужина она стала разыскивать Валеріуса, желая хорошенько поблагодарить его за оказанную, весьма существенную, услугу. Но его нигдѣ не было. Очевидно, онъ воспользовался минутой, когда гости выходили изъ столовой, и ушелъ никѣмъ незамѣченный.

XIV.

Валеріусъ, только-что окончивъ занятія въ конторѣ, шелъ къ себѣ домой, какъ его встрѣтилъ на улицѣ Сетъ Бурманъ. Въ послѣднее время тотъ тщательно избѣгалъ оставаться наединѣ съ Валеріусомъ и до сихъ поръ еще не далъ отвѣта на сдѣланное ему предложеніе редактировать „Сканди-

навію“. Валеріусъ и не торопилъ его, давая время хорошенько обдумать предложеніе. Но теперь онъ, воспользовавшись случайной встрѣчей, спросилъ Бурмана о принятомъ имъ рѣшеніи, и почему онъ медлитъ отвѣтомъ.

Бурманъ отвѣтилъ, что хотѣлъ зрѣло обдумать вопросъ, прежде чѣмъ принять то или другое рѣшеніе.

Это была правда, но только на половину. Бурманъ, въ самомъ дѣлѣ, все еще обдумывалъ отвѣтъ, въ какой бы формѣ половче выразить отказъ такъ, чтобы озадачить Валеріуса и разоблачить его затаенныя намѣренія. Онъ даже наводилъ кое-какія справки, желая добыть доказательства, которыя отличили бы намѣреніе Валеріуса выставить свою кандидатуру въ палату депутатовъ. Однако, такихъ доказательствъ не нашлось, но это, разумѣется, не поколебало увѣренности Бурмана. Оставалось только пуститься съ Валеріусомъ въ продолжительный разговоръ о политикѣ, подмѣтитъ во время спора Ахиллесову пяту друга, воспользоваться ею и какъ-нибудь принудить его обнаружить свои планы. А потомъ можно было и отказаться отъ редакторства въ такихъ выраженіяхъ, какихъ заслуживали неблаговидные приемы интригана...

Они вошли въ одинъ изъ второстепенныхъ ресторановъ, у подъѣзда котораго встрѣтились. На лѣстницѣ Бурмана остановилъ какой-то выходившій изъ ресторана знакомый, и пока они разговаривали, Валеріусъ пошелъ занять удобное мѣсто.

Въ большой залѣ оказалось мало посѣтителей. Занятъ былъ только одинъ изъ столовъ. Зато сидѣвшее вокругъ этого стола общество держало себя довольно шумно. Состояло оно изъ трехъ очень молодыхъ людей, по виду конторщиковъ или приказчиковъ изъ хорошаго магазина, и двухъ барышень, сидѣвшихъ спиной ко входу, и громко хохотавшихъ. Валеріусъ не могъ различить ихъ лицъ. Но сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, онъ остановился въ сильнѣйшемъ изумленіи. Въ одной изъ хохотавшихъ барышень онъ узналъ Лену Бурманъ.

Лена Бурманъ въ такомъ обществѣ и въ такомъ мѣстѣ! Онъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Эта скромная дѣвочка, всегда такая тихонькая и нѣжная, этотъ изящный „двѣточекъ“, какъ оказывалось, имѣла склонность къ подобнымъ удовольствіямъ!

Съ своей стороны Лена точно почувствовала, что за ней наблюдаютъ, и обернулась. Ея красивое личико поблѣднѣло, какъ полотно.

„Что-то подумаетъ Бурманъ, если увидить ее здѣсь?“ — пронеслось въ головѣ Валеріуса. — „Нѣтъ, это надо предупредить“.

Быстро подошелъ онъ къ Ленѣ и сказалъ ей вполголоса: — Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ.

Она тотчасъ же встала, какъ послушный ребенокъ, и пошла за Валеріусомъ въ сосѣднюю комнату.

— Я только хотѣлъ васъ предупредить, что сейчасъ придетъ сюда вашъ отецъ,—сказалъ онъ.

Она вздрогнула; ея глаза широко раскрылись отъ страха.

— Если не желаете съ нимъ встрѣтиться, здѣсь есть другой выходъ,—продолжалъ онъ сухо.—Вы можете пройти черезъ ту комнату. Если хотите, я предупрежу вашихъ знакомыхъ, что вы уходите.

— Хорошо!—чуть слышно прошептала она.

Между тѣмъ, Валеріусъ написалъ на визитной карточкѣ нѣсколько словъ, приказавъ лакею передать ее барышнѣ, оставшейся въ залѣ за столомъ. Онъ просто увѣдомлялъ эту особу, что ея „подруга дожидается ее во второй передней“.

Когда лакей вышелъ, онъ постоялъ нѣсколько секундъ возлѣ Лены. Ему было жаль ея. Страхъ и стыдъ терзали ее теперь такъ, что она дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ну, ну!—проговорилъ Валеріусъ ободрительно.—Никакой бѣды вѣдь еще не случилось!

Она не поднимала головы и ничего не отвѣчала, а только нервно теребила свой зонтикъ.

— Не бойтесь! Ваши знакомые сейчасъ придутъ,—сказалъ Валеріусъ и, поклонившись, пошелъ обратно въ зало, опасаясь, чтобы Бурманъ не сталъ его разыскивать.

Въ отсутствіи Валеріуса Бурманъ успѣлъ узнать въ дѣвушкѣ, сидѣвшей за столомъ съ приказчиками, подругу своей дочери, Мимми Гельстрэмъ. Съ негодованіемъ сталъ онъ рассказывать Валеріусу объ этой молодой особѣ. По счастью, онъ, Бурманъ, во-время раскусилъ эту барышню и спасъ свою дочь отъ вліянія молодой искательницы привлеченій!

Покончивъ съ этой исторіей, пріятели перешли къ тому, о чемъ, собственно, пришли потолковать.

— И такъ, какой же твой отвѣтъ?—спросилъ Валеріусъ.

Бурманъ самодовольно усмѣхнулся.

— Прежде всего,—сказалъ онъ,—я долженъ сообщить тебѣ маленькую новость.

Сказавъ это, онъ пріостановился въ своей рѣчи, какъ бы

подготавливая эффектъ, посмотрѣлъ на стаканъ, повертѣлъ его въ рукахъ и наконецъ опять поднялъ голову.

Новость оказалась въ то же время и категорическимъ отвѣтомъ на предложеніе Валеріуса. Въ двухъ словахъ сообщилъ Бурманъ, что съ новаго года будетъ выходить его газета подъ названіемъ: „Стражъ“, и что у него, слѣдовательно, не останется ни минуты свободнаго времени на постороннія занятія. Онъ такъ же кратко прибавилъ, что его газета будетъ издаваться въ типографіи молодого Гаральда Ветерлинга, который и будетъ редакторомъ, а самъ онъ всецѣло посвятитъ себя веденію политическаго отдѣла газеты.

Извѣстіе это не произвело, однако, никакого особеннаго эффекта, и Валеріусъ ни въ чемъ не обнаружилъ ни своего смущенія, ни опасеній за свою кандидатуру, ни даже особеннаго огорченія по случаю утраты курицы, приносившей ему золотыя яйца. Впрочемъ, Бурманъ утѣшилъ себя надеждой, что въ другой разъ будетъ счастливѣе и когда-нибудь, а добьется-таки разоблаченія „козней Валеріуса“.

На слѣдующій день Валеріусъ, выходя отъ господъ Скюгъ, столкнулся на лѣстницѣ съ Леной, шедшей къ своей учительницѣ музыки. Она съ такимъ нетерпѣніемъ оглянулась, заслышавъ его шаги, что ему невольно пришло въ голову, ужъ не поджидала ли она его на лѣстницѣ?

Во всякомъ случаѣ, идти имъ было по пути, и они пошли вмѣстѣ. Нѣкоторое время оба довольно вяло болтали о разныхъ постороннихъ вещахъ, отнюдь не касаясь вчерашняго происшествія. Но вдругъ, послѣ какого-то замѣчанія Валеріуса о морозѣ, она проговорила, вмѣсто отвѣта:

— Папа ужасно бы разсердился, еслибъ увидѣлъ меня вчера... тамъ!

Она сказала это серьезно, нѣсколько протяжно. Очевидно, ея воображеніе все еще было всецѣло занято случайно избѣгнутой катастрофой.

— Вы думаете, что онъ бы очень разсердился?—переспросилъ Валеріусъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Да. Ему вѣдь и въ голову не приходитъ, что меня подчасъ просто заѣдаетъ скука... По его мнѣнію, надо всегда быть какимъ-то образцомъ приличія, всегда вести себя такъ похвально, сдержанно... Но какъ же,—она подняла глаза на Валеріуса и продолжала говорить понизивъ голосъ,—какъ же жить безъ удовольствій? Неужели нельзя хоть изрѣдка повеселиться?..

Нетерпѣливымъ движеніемъ перекинула она папку съ нотами на другую руку, и въ ея взглядѣ появилось такое непреклонное, суровое выраженіе, какого никакъ нельзя было ожидать въ такихъ невинныхъ глазахъ.

— Нельзя же,—продолжала она,—вѣчно ходить по стрункѣ и только и думать о томъ, что это запрещено, того нельзя, съ тѣмъ не слѣдуете знаться, этой надо избѣгать! Господи! Что же это такое?!

Сказавъ это, она какъ бы спохватилась, что слишкомъ разоблачила свои мысли и прибавила уже своимъ обычнымъ, сдержаннымъ тономъ.

— Положимъ, я и сама понимаю, что поступила дурно, да и вообще, я способна на дурное... Никто и не подозреваетъ этого... Но теперь вы видѣли, какова я! Согласитесь, однако, что ничего особенно ужаснаго мы вѣдь не дѣлали. Это хорошіе знакомые Мимми Гельстрэмъ. Мы вмѣстѣ брали уроки танцевъ, и, право же, они всѣ трое очень скромные мальчики!

Валеріусъ улыбнулся.

— Вы, кажется, были очень веселы, когда я вошелъ?—сказалъ онъ.

— Да, намъ было очень весело... Мы встрѣтились съ ними на улицѣ, а потомъ, когда мы сказали, что идемъ домой пить чай, и когда я проболталась, что папы нѣтъ дома, они предложили напиться чаю всѣмъ вмѣстѣ... въ кофейной... Ну, вотъ, мы и согласились! Видите ли...

Она вдругъ замолчала, замѣтивъ улыбку, не сходящую съ его губъ, и поняла, что онъ подсмѣивается надъ ней.

— Конечно, все это было очень глупо!—помолчавъ, прибавила она въ видѣ заключенія.

— Отчего же?... Вовсе не глупо...

Его забавляла эта дѣвочка. Вопреки всякимъ нравственнымъ соображеніямъ, ему было весело думать, что она успѣла такъ повеселиться и хоть чуточку погрѣшить ради опыта. Но онъ спохватился, что нельзя же хвалить ее за такіе опыты, и продолжалъ серьезно:

— Вотъ только на счетъ общества, въ какомъ вы были... Признаться, оно не показалось мнѣ особенно,—какъ бы это сказать?—удачно выбраннымъ... Нельзя не замѣтить и того, что барышнямъ, вообще, не полагается заходить въ такіе рестораны, а въ такой молодой компаніи и подавно. Это считается предосудительнымъ!.. Конечно, вы могли и не знать

такихъ вещей, но все же не мѣшало бы вамъ быть немножко осмотрительнѣе.

При его шутливомъ: „отчего же“ — Лена съ удивленіемъ и съ любопытствомъ взглянула на него; но когда онъ спохватился и перешелъ къ назиданіямъ, она снова потупилась. Даже съ его стороны не обошлось безъ выговора!

Однако, она была не особенно пристыжена и вскорѣ послѣ того довольно весело простилась съ нимъ на перекрестѣ. Всю ночь ее мучили стыдъ и жестокіе укоры совѣсти. Не особенно вѣдь пріятно быть пойманной съ поличнымъ и признаваться, что она обманывала отца, что она потихоньку доставляла себѣ за его спиной непозволительныя развлеченія и т. п. Но теперь она чувствовала значительное душевное облегченіе. Всегда бываетъ нѣкоторое утѣшеніе въ возможности поговорить съ кѣмъ-нибудь о своемъ несчастіи. Притомъ Валеріусъ вѣдь не выказалъ ей презрѣнія, а былъ даже ласковѣе обыкновеннаго. Что бы онъ ни говорилъ, а ясно, что онъ не видитъ въ ея поступкѣхъ чего-нибудь чудовищнаго! Если бы общество было лучше, онъ даже вовсе бы не осуждалъ ея—это чувствовалось въ его словахъ. Впрочемъ, она соглашалась теперь сама, что ея вчерашнее общество было плоховато...

Дойдя до подъѣзда своей учительницы музыки, она бодро взбѣжала по лѣстницамъ и явилась на урокъ уже въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Почему ей вдругъ стало такъ легко, она и сама не сумѣла бы объяснить. Она сознавала одно, что чувствуетъ себя какъ-то свободнѣе и смѣлѣе, чѣмъ прежде.

Когда она вернулась домой, отецъ сидѣлъ въ гостиной съ какимъ-то долговязымъ и некрасивымъ молодымъ человекомъ. У молодого человека были подслѣповатые глаза и гладко прилизанные темные волосы. Это былъ Гаральдъ Ветерлингъ, редакторъ новой газеты „Стражъ“.

Лена поклонилась ему и ушла въ свою комнату. Она привыкла оставлять въ покоѣ отца, когда у него бывали гости, и выходила къ нимъ только къ столу. Даже за столомъ она никогда не заговаривала съ нимъ, ограничиваясь короткими, застѣнчивыми отвѣтами на любезныя фразы, съ которыми гости къ ней обращались. Новый же гость отца ей какъ-то особенно не понравился...

Однако, недолго пришлось ей оставаться въ одиночествѣ. Раздался звонокъ — пришла Гильдуръ. Встрѣчаться съ жени-

хоть ей было удобнѣе у него, чѣмъ въ семьѣ брата. Но, во избѣжаніе пересудовъ, она приходила только тогда, когда бывала дома Лена. Такъ и теперь она пришла нѣсколько позже, обождая возвращенія Лены съ урока музыки.

Пришлось выйти къ гостѣмъ, тѣмъ болѣе, что слышно было, какъ, знакомя ее съ господиномъ Ветерлингомъ, Бурманъ назвалъ ее „подругой его дочери“. Затѣмъ, когда обѣ барышни хотѣли уже пойти къ Ленѣ, Бурманъ предложилъ имъ остаться въ гостиной.

— Мы вѣдь не секретничаемъ, — пояснилъ онъ, вполне увѣренный, что барышни боялись только помѣшать дѣловому разговору.

Оба журналиста, дѣйствительно, не секретничали. Они говорили о политикѣ, о журнальномъ дѣлѣ и продолжали разговоръ такъ однообразно, что Гильдуръ въ концѣ концовъ почувствовала досаду, подумавъ, ужъ лучше бы они секретничали; можно было бы хоть уйти отъ нихъ, тогда какъ теперь приходилось сидѣть и молчать, какъ двумъ фаянсовымъ кукламъ.

По обыкновенію, говорилъ, главнымъ образомъ, Бурманъ. Онъ излагалъ свои взгляды на политику и рассуждалъ о значеніи хорошо организованной прессы, а гость слушалъ его съ благоговѣніемъ, дѣлая по временамъ почтительные знаки одобренія, и раскрывалъ ротъ отнюдь не для противорѣчій, а только для того, чтобы поддакивать и развивать уже высказанную Бурманомъ мысль.

Раза два онъ, впрочемъ, усиленно потряхивалъ головой, обводя вокругъ себя подслѣповатыми глазами. Въ этихъ случаяхъ оказывалось, что у него была своя самостоятельная идея, которую онъ желалъ высказать, и затѣмъ онъ начиналъ говорить, если не особенно остроумно и живо, зато и не глупо. Замѣчанія его всегда отличались прагматичностью и, большею частью, относились къ мелкимъ подробностямъ журнальнаго дѣла. Тѣмъ не менѣе, онъ придавалъ этимъ замѣчаніямъ большую цѣну и не успокоивался, пока не добивался признанія ихъ дѣльности. При этомъ лицо его принимало особенно самодовольное выраженіе.

Онъ былъ очень мѣшковатъ и нѣсколько застѣнчивъ. Но, тѣмъ не менѣе, получалось впечатлѣніе, что онъ отнюдь не скромный и способенъ даже на дерзость. Кромѣ того, во всемъ его существѣ было что-то такое особенное, заставлявшее предполагать въ немъ огромный запасъ энергіи и честолюбивые замыслы.

За ужиномъ господинъ Ветерлингъ не захотѣлъ продолжать разговора о политикѣ. Онъ, видимо, имѣлъ нѣкоторую претензію на свѣтскость, считая неумѣстнымъ вести дѣловые разговоры за столомъ, и сдѣлалъ все, что сумѣлъ, чтобы понравиться дамамъ. Рассказывать онъ умѣлъ довольно плавно. Но его рассказы отличались какою-то надоедливой дѣланностью. Замѣтно было, что онъ старается спуститься до умственного уровня дамъ, которыхъ, очевидно, считалъ не особенно развитыми.

Тотчасъ же послѣ ужина Гильдуръ стала прощаться. Она охотнѣе отказывалась отъ удовольствія поговорить съ Сетомъ наединѣ, чѣмъ примирялась съ мыслью дольше оставаться въ обществѣ такого скучнаго редактора.

Бурманъ проводилъ ее въ переднюю, съ нѣжностью укуталъ въ шаль и, прощаясь, спросилъ, осталась ли она довольна вечеромъ.

— А Ветерлингъ вѣдь славный малый? Не правда ли? Съ нимъ весело...

Она пристально посмотрѣла ему въ глаза, чтобы убѣдиться, что онъ говоритъ серьезно.

Да, онъ былъ серьезень! О вкусахъ, впрочемъ, не спорить, а, можетъ быть, она была и нѣсколько пристрастна, раздраженная скукой. Но Ветерлингъ не показался ей ни „славнымъ“, ни веселымъ „малымъ“. Тѣмъ не менѣе, ей не хотѣлось огорчать Сета, повидимому, очень довольнаго своимъ новымъ другомъ, и чтобы не противорѣчить, она сказала, улыбаясь:

— Да, онъ ничего себѣ...

— Правда, онъ немножко наивень, — продолжалъ Бурманъ. — Но это только оттого, что ему мало приходилось бывать въ обществѣ. Его родители — разбогатѣвшіе крестьяне, только недавно переѣхавшіе сюда изъ горъ. Это интересные оригиналы! Надо будетъ пригласить ихъ какъ-нибудь, чтобы ты познакомилась съ ними.

Гильдуръ кивнула головой въ знакъ благодарности и вышла въ сѣни. Но въ душѣ она молила Бога объ избавленіи отъ всѣхъ этихъ трехъ оригиналовъ.

Эта молитва не была, однако, услышана. Уже въ слѣдующее же воскресенье Гильдуръ, вмѣстѣ съ господиномъ и госпожей Скогъ, были приглашены къ Бурманамъ провести вечеръ вмѣстѣ съ „заводчикомъ“ Ветерлингомъ и его семействомъ.

Заводчикъ—тучный, грубоватый старикъ, съ лукавыми узенькими глазками и довольно навязчивыми манерами. Его жена—не менѣе тучная женщина, съ неменѣе лукавыми глазками, но съ болѣе рѣшительнымъ видомъ, казалась суровѣе. Оригинальность этихъ людей была развѣ только въ томъ, что старикъ всегда держалъ руки за спиной и всѣхъ училъ, какъ надо добывать деньги, а старуха неизмѣнно скрепчивала руки на груди и спрашивала, сколько стоитъ та или другая вещь...

Они совсѣмъ не понравились Гильдуръ, и, хотя ничего опредѣленнаго, дурного о нихъ сказать было нельзя, она нашла ихъ общество просто несноснымъ. Особенно ее раздражило то, что, по крестьянскому обычаю, мужчины держались особнякомъ, а ей, Ленѣ и Гертрудъ, выпало на долю втроемъ занимать толстую госпожу Ветерлингъ. Гертрудъ пришла въ негодование отъ такого скучнаго времяпрепровожденія и шепотомъ высказала Гильдуръ намѣреніе уйти домой. Однако, она не привела въ исполненіе своей угрозы, а наоборотъ, выручила всѣхъ, предложивъ сыграть въ карты. Устроился преферансъ—единственная игра, которую знала заводчица, и вечеръ кое-какъ протянули до ужина.

За ужиномъ всѣ немножко оживились, главнымъ образомъ, благодаря прекрасному расположенію духа самого Бурмана, который былъ очень веселъ, сыпалъ остротами и былъ въ высшей степени любезнымъ хозяиномъ. Интересно, что Бурманъ, вообще, рѣдко скучалъ въ обществѣ незанимательныхъ людей. Онъ говорилъ почти одинъ и ему нужны были, главнымъ образомъ, внимательные слушатели, а не собесѣдники. Въ этотъ вечеръ онъ цѣлыхъ битыхъ три часа вряду удивлялъ редактора Ветерлинга и его отца своимъ краснорѣчіемъ, и старый заводчикъ даже нѣсколько разъ восклицалъ, ударяя себя по колѣнкѣ: „Вѣдь есть же на свѣтѣ люди, уму которыхъ нѣтъ ничего недоступнаго!“ Такая простодушная похвала и вниманіе, съ какимъ гости слушали хозяина, понравились Бурману какъ нельзя лучше, и онъ былъ вполне доволенъ какъ гостями, такъ и „пріятно проведеннымъ вечеромъ“. Понемногу онъ такъ воодушевился, что, когда подали вино, сталъ провозглашать въ честь гостей тосты, одинъ остроумнѣе другого, сказавъ при этомъ презанимательную рѣчь, и былъ все время веселъ, какъ распалившійся мальчишка.

Въ концѣ концовъ, онъ точно опьянѣлъ отъ собственнаго веселья и впалъ въ чувствительный тонъ. Когда ужинъ

уже близился къ концу, онъ всталъ, поднялъ рюмку и объявилъ, что хочетъ сказать еще нѣсколько словъ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ, господа,—сказалъ онъ, медленно обводя взглядомъ всѣхъ присутствующихъ,—я хотѣлъ предложить еще одинъ toastъ. Здѣсь я въ кругу друзей, старыхъ друзей, которымъ уже привыкъ довѣрять, какъ самому себѣ, и новыхъ, съ которыми намѣренъ стать въ такія же довѣрчивыя отношенія. Намъ придется часто встрѣчаться здѣсь въ такомъ же дружескомъ кругу, какъ и сегодня, и мнѣ хотѣлось бы сразу устранить между нами всякую недоговоренность...

Неожиданнымъ движеніемъ оттолкнулъ онъ стулъ, подошелъ къ Гильдуръ и обнялъ ее за плечо.

— Представляю вамъ мою невѣсту!—сказалъ онъ торжественно.

Гильдуръ поблѣднѣла, какъ воскъ, и не въ силахъ была сдѣлать ни одного движенія: такъ ужаснула ее эта выходка, но онъ даже не замѣтилъ ея смущенія.

— Вы знаете, что я женатъ,—продолжалъ онъ спокойно.— Да, я еще женатъ, хотя уже много лѣтъ живу врозь съ женой... Нѣсколько мѣсяцевъ пройдетъ, вѣроятно, еще прежде, чѣмъ законъ объявитъ меня свободнымъ... Но передъ друзьями и развитыми людьми мнѣ нечего таиться, и я повторяю: вотъ моя невѣста! Поздравьте же насъ!

Гильдуръ привусила губу, стараясь овладѣть собой. Ее точно сводило судорогой подъ любопытными взглядами этихъ совсѣмъ ей чужихъ людей. Старики такъ и впился въ нее глазами, а старуха безъ стѣсненій разсматривала ее, точно хотѣла сказать: „Вотъ какого сорта эта барышня!“ Тѣмъ не менѣе, всѣ потянулись къ ней чокаться. Редакторъ постарался даже выказать сердечность и объявилъ, что стоитъ выше всякихъ условностей. Однако, и его взглядъ жегъ ее, какъ раскаленное желѣзо.

Какъ могъ, о Боже, какъ могъ этотъ милый Сеть посвящать этихъ чужихъ людей въ свои интимныя дѣла! Какъ онъ рѣшился сдѣлать это, даже не предупредивъ ея!

Какъ только представилась возможность, она выскользнула изъ столовой и спряталась въ комнату Лены. Слезы такъ и рвались у нея наружу... Но ее не оставили въ покоѣ. Бурманъ успѣлъ-таки замѣтить, что огорчилъ ее, и, увидѣвъ ея бѣгство, поспѣшилъ за ней.

— Какъ ты могъ рѣшиться на это?—вскричала она, когда онъ вошелъ къ ней.—И какъ ты смѣлъ?

Горячо спрашивала она его, на какомъ основаніи онъ дарилъ исключительное довѣріе этимъ чужимъ людямъ, которыхъ вовсе не зналъ и которые, можетъ быть, и не заслуживали ни малѣйшаго довѣрія. Потомъ, развѣ онъ имѣлъ право сдѣлать это безъ ея согласія? Развѣ тайна не принадлежала ей столько же, какъ и ему?

Всѣ эти упреки, вырвавшіеся у нея съ потоками уже несдерживаемыхъ слезъ, обрушились на него, какъ совершеннѣйшая неожиданность. Онъ почувствовалъ себя совсѣмъ подавленнымъ не столько ея словами, какъ слезами, и не зналъ, что отвѣчать. Въ вопросѣ о томъ, насколько заслуживали довѣрія его новые друзья онъ былъ совершенно спокоенъ, такъ какъ находилъ ихъ отличнѣйшими людьми, считая свое мнѣніе о нихъ непогрѣшимымъ и находя вполне естественнымъ довѣриться людямъ, съ которыми предстояло поддерживать очень близкія отношенія. Но что касалось ея недовольства тѣмъ, что онъ довѣрился Ветерлингамъ, не спросивъ на это ея согласія, то онъ не могъ не сознаться, что она была совершенно права. Ему слѣдовало бы прежде спросить ее, и въ этомъ отношеніи онъ неправъ кругомъ. Но онъ былъ такъ увѣренъ, что у нихъ ни въ чемъ не можетъ быть разногласій, что ему и въ голову не пришло спрашивать ее. Въ другой разъ онъ поступить осторожнѣе!

Онъ упрашивалъ ее съ такимъ жаромъ, такъ искренне просилъ прощенія, такъ нѣжно цѣловалъ при этомъ ея влажные отъ слезъ щеки, что, помимо ея воли, улыбка вернулась на ея уста.

— Хорошо, Сеть,—сказала она,—я прощу тебя. Но обѣщай мнѣ одно.

— Все, чего ты хочешь!

— Не приглашай этихъ людей слишкомъ часто, или хоть позволь мнѣ не выходить къ нимъ.

Онъ охотно согласился на это; онъ обѣщаль бы въ эту минуту все, что угодно, лишь бы только она не плакала!..

XV.

Къ Рождеству пошли холода и повалилъ снѣгъ. Въ сочельникъ и въ самый день Рождества мела такая мятель, что никто не чувствовалъ охоты выходить изъ дому. Зато, на второй день праздниковъ вѣтеръ улегся, градусникъ показывалъ не болѣе шести градусовъ мороза. Выдался славный зимній денекъ.

Гильдуръ поглядывала изъ окна на усыпанную гуляющими людьми улицу. Такъ и тянуло на свѣжій, морозный воздухъ, съ яркими лучами солнца, игравшими на бѣломъ снѣгу! Въ такой денекъ какъ хорошо погулять!

Она думала, не зайдетъ ли Сеть за нею. Наканунѣ они говорили о томъ, что въ первый же ясный денекъ нужно имъ непременно погулять, чтобы освѣжиться послѣ нѣсколькихъ дней невольнаго заключенія въ комнатахъ. Впрочемъ, онъ не обѣщаль ничего опредѣленнаго, такъ какъ не могъ знать напередъ, будетъ ли у него свободное время. У него было такъ много работы и по изданію новой газеты, и по вновь предпріятому имъ большому литературному труду, которому предстояло появиться въ той же новой газетѣ. По мнѣнію Гильдуръ, онъ работалъ даже больше, чѣмъ слѣдовало, и, вообще, слишкомъ ужъ увлекался своей газетой. У нея появилось даже какое-то отвращеніе къ этой газетѣ, почти ревность. Мало того, что хлопоты по изданію сокращали часы ея свиданій съ Сетомъ, но еще и въ эти-то немногіе часы досуга Сета точно не было съ ней—такъ полна размышленіями о газетѣ всегда была его голова. Онъ только и думалъ, только и говорилъ, что о ней, объ этой газетѣ!

По временамъ Гильдуръ охватывало даже какое-то смутное безпокойство, точно опасеніе чего-то въ будущемъ. Чувствовалось, что въ ея отношеніяхъ къ Сету чего-то недоставало. Не слишкомъ ли ужъ ничтожное мѣсто занимаетъ она въ его душѣ?

Но она гнала такую мысль, обвиняя себя въ мелочной неблагодарности. Вѣдь если она была не удовлетворена, то, конечно, сама и была виновата, потому что большей любви и нѣжности нельзя было отъ него и требовать. Онъ не таилъ отъ нея ни одной сокровенной мысли. Онъ любилъ ее такъ горячо, такъ страстно...

И все-таки... все-таки!..

Она не додумала своей мысли до конца и разсердилась сама на себя. На какомъ это основаніи она могла чувствовать себя неудовлетворенной? Не потому ли, что онъ не забывалъ изъ-за нея своей дѣятельности, своихъ стремленій?.. Въ концѣ концовъ, она и сама не знала, чего хотѣла! Когда она и Сеть узнаютъ другъ друга еще ближе, чѣмъ теперь, ей не останется ничего, чего она могла бы желать, если только она не занесется за предѣлы возможнаго, какъ заносилась въ грѣзахъ до знакомства съ Бурманомъ.

Воспоминаніе объ этихъ грѣзахъ развеселило ее, и она улынулась.

„Хоть бы скорѣй получились эти справки изъ-за границы!“ думала она, отходя отъ окна и прохаживаясь по комнатѣ.— Или хоть бы время, что ли, летѣло скорѣй, если уже необходимо ждать. Потомъ, когда она всегда будетъ съ Сетомъ, и уже нечего будетъ скрывать отъ людей, счастье наполнить пустоту, которая такъ пугаетъ ее теперь. Значить, и пугаться нечего!..

Громкій звонъ бубенчиковъ, донесшійся съ улицы, прервалъ ее размышленія. Она поспѣшила къ окну, отъ котораго только-что отошла, но звонъ бубенчиковъ уже затихъ, и она увидѣла только порожніе сани у подъѣзда. Очевидно, приѣхавшіе въ саняхъ уже вошли. Кто бы это могъ быть?

И вдругъ, сердце ея забилося сильнѣе. А что, если это Сеть? Что, если онъ вспомнилъ объ ея желаніи, высказанномъ въ сочельникъ? Тогда они всѣ вмѣстѣ, Сеть, и Гуго, и Гертрудъ, и Валеріусъ сидѣли здѣсь, передъ зажженной елкой, вокругъ которой рѣзвились дѣти. Шутя, каждый изъ нихъ высказывалъ какое-нибудь пожеланіе себѣ, преимущественно неисполнимое. Со своей стороны она сказала, что больше всего желала бы, чтобы прекратилась вьюга, ненастная ночь смѣнилась бы солнечнымъ зимнимъ денькомъ, и въ ея распоряженіи оказались бы сани, запряженные лихими лошадьми... Что, если Сеть вспомнилъ объ этомъ, и въ самомъ дѣлѣ добылъ сани, и теперь подымается по лѣстницѣ?..

Она вздрогнула. Въ передней въ самомъ дѣлѣ прозвучалъ звонокъ.

Внѣ себя отъ радости всочила она и побѣжала къ передней. О, какъ горячо готова была она поблагодарить его, не за сани, а за то, что онъ вспомнилъ объ ея желаніи и, при первой же возможности, его исполнилъ.

Но она остановилась, какъ вкопанная.

Изъ передней доносился не его голосъ!

Медленно повернулась она и печально прошла въ самый отдаленный уголокъ гостиной. Она знала, что въ передней Валеріусъ, и слышала, какъ онъ спрашивалъ у горничной о госпожѣ Скогъ и о ней. Но это ей было безразлично. Почему это былъ онъ, а не Сеть?

Вдругъ она одумалась, и настроеніе ея сразу измѣнилось.

Чѣмъ же она, собственно-то говоря, огорчилась? Тѣмъ, что не оправдалась ея глупая, минутная надежда? И только

потому, что не оправдалась эта ни на чемъ не основанная надежда, она хотѣла оттолкнуть другого человѣка, который ни въ чемъ не былъ повиненъ и оказывалъ ей только дружеское вниманіе? — Нѣтъ, это было бы слишкомъ несправедливо!

И, заглушивъ въ себѣ минутное разочарованіе, она пошла навстрѣчу Валеріусу и приняла его съ дружескимъ радушіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ между ними состоялось сближеніе по поводу открытаго въ немъ вокальнаго таланта, они не переставали быть друзьями. Гильдуръ оказывала ему явное предпочтеніе, и нѣкоторая натянутость, вкрапившаяся между ними послѣ ея помолвки, совершенно исчезла, уступивъ мѣсто истиннѣ товарищескимъ отношеніямъ. Она открыла въ немъ такія душевныя качества, какихъ еще не встрѣчала въ другихъ людяхъ. Въ его обществѣ чувствовалось такъ легко, такъ спокойно. Нечего было опасаться, что онъ чего-нибудь не пойметъ или истолкуетъ въ дурную сторону. Притомъ, съ нимъ было просто интересно говорить, такъ какъ у него была особая способность во всемъ открывать незамѣченныя раньше стороны.

— Вы, кажется, пріѣхали въ саняхъ? — спросила она, улыбаясь.

— Да. Мнѣ пришло въ голову: можетъ быть, вамъ и госпожѣ Скогъ доставитъ удовольствіе прокатиться по первопутку. Помнится, кто-то изъ васъ высказывалъ желаніе покататься въ хорошую погоду...

Гильдуръ посмотрѣла на него съ недовѣріемъ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ не помнитъ, кто именно выразилъ желаніе кататься? Въ обыкновенныхъ случаяхъ онъ не бывалъ забывчивъ... Но если онъ притворялся, то притворялся искусно. Онъ разсказалъ даже, что заказалъ лошадей, имѣя въ виду покататься съ какимъ-то пріятелемъ, но пріятель не явился, и, уже садясь въ сани, онъ вспомнилъ, что имѣетъ нѣкоторую надежду пайти себѣ спутницъ въ семействѣ Скогъ. Гильдуръ сразу догадалась, что всю эту исторію онъ придумалъ только для того, чтобы умалить свою любезность и избавиться отъ благодарности тѣхъ, которымъ она оказывалась.

— Вы хотите, чтобы я вамъ повѣрила? — спросила она, смѣясь.

— Да, пожалуйста, повѣрьте!

Она погрозила ему пальцемъ и поспѣшила въ спальню Гертрудъ, чтобы поторопить ее, а Валеріусъ пошелъ въ кабинетъ Сюга.

Вскорѣ послѣ того появилась Гертрудъ и, наскоро позавтракавъ, всѣ четверо сѣли въ сани. Катанье удалось, какъ нельзя лучше. Проѣхались за городъ, гдѣ было еще свѣтлѣе среди залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ снѣжныхъ полянъ, и всѣхъ привелъ въ наилучшее расположеніе духа освѣжительный морозный воздухъ.

Вернувшись домой, всѣ были очень веселы, и рѣшено было закончить день такъ же хорошо, какъ онъ былъ и начатъ. Для этого предположили пойти въ театръ, гдѣ давалась какая-то новая интересная пьеса. Гильдуръ была въ восторгѣ отъ предстоявшаго удовольствія и поспѣшила къ Бурманамъ, чтобы и ихъ пригласить въ театръ.

Но тамъ ее ожидало разочарованіе.

— Какъ жаль, что тебя не было дома!—сказала ей Сеть, встрѣтившій ее въ передней.—Къ тебѣ собирались гости.

— Кто такіе?

— Господа Ветерлингъ. Они хотѣли сдѣлать тебѣ визитъ и пригласить тебя вмѣстѣ съ нами сегодня на вечеръ. Впрочемъ, я обѣщался передать тебѣ приглашеніе...

Она съ испугомъ посмотрѣла на него.

— Надѣюсь, ты предупредилъ ихъ, что я дала уже слово быть въ другомъ мѣстѣ?—спросила она.

— Нѣтъ. Я вѣдь зналъ, что ты сегодня свободна.

Ничего не возразивъ, она отвернулась и отошла къ ближайшему окну.

— Такъ-то онъ помнитъ свои обѣщанія и мои желанія!—подумала она въ негодованіи. Въ эту минуту ея несравненный, великій Сеть Бурманъ показался ей почти глупымъ. Возможно ли, чтобы этотъ знатокъ человѣческаго сердца, этотъ мастеръ, выводившій въ своихъ сочиненіяхъ самыя тонкія черты, самыя нѣжные оттѣнки человѣческихъ чувствъ, не понялъ даже того, что, принимая за нее приглашеніе господъ Ветерлингъ, онъ поступалъ безтактно!

Но онъ замѣтилъ ея раздраженіе и тотчасъ же, по своему обыкновенію, началъ задобривать ее. Онъ обнялъ ее, просилъ извиненія и успокоивалъ нѣжными ласками.

Вѣдь онъ и представить себѣ не могъ, что она настолько вооружена противъ его друзей, что рѣшительно не въ силахъ ихъ видѣть! Что же такое могла она имѣть противъ

нихъ, и какъ онъ могъ предполагать, чтобы она не захотѣла идти къ нимъ вмѣстѣ съ Леной и съ нимъ? Ему просто хотѣлось оставаться съ нею, хотя бы и въ чужомъ домѣ, такъ какъ ему идти туда во всякомъ случаѣ необходимо... Наконецъ, онъ обѣщалъ, и неужели же она не можетъ принести ради него такой ничтожной жертвы?..

Его слова и ласки подѣйствовали на нее. Вѣдь онъ любитъ ее! Развѣ этого недостаточно? Какое ей дѣло до того, что онъ такъ мало думаетъ объ ея желаніяхъ, когда сердце его всецѣло принадлежитъ ей одной? Его мысли заняты многимъ другимъ, и поневолѣ онъ бываетъ къ ней немножко невнимателенъ. Но нельзя же осуждать за это. Нельзя приклядывать къ нему тѣхъ же мѣрокъ, какъ къ остальнымъ людямъ...

Но, несмотря на все, что она говорила себѣ въ его оправданіе, нѣсколько разъ въ теченіе этого дня она глубоко задумывалась, снова, какъ и утромъ, ощущая въ душѣ какой-то неопредѣленный страхъ и то и дѣло спрашивала себя: Какъ это онъ можетъ такъ легко и такъ часто забывать объ ея желаніяхъ?

Вечеръ у господъ Ветерлингъ оказался менѣе скучнымъ, чѣмъ можно было ожидать. Старикъ и старуха были, правда, надоѣдливы, какъ и всегда, порядкомъ кичились своимъ богатствомъ и утомляли гостей, заставляя ихъ любоваться мебелью, коврами, даже самимъ домомъ, со всѣми его удобствами. По счастью, на вечерѣ было нѣсколько литераторовъ, приглашенныхъ въ качествѣ сотрудниковъ „Стража“, и, благодаря имъ, остальное время прошло довольно весело. Рассказывали интересныя новости, шутили, посмѣивались надъ кое-какими новинками литературы. Даже Гаральдъ Ветерлингъ на этотъ разъ былъ какъ-то оживленнѣе, чѣмъ обыкновенно, не говорилъ исключительно только о политикѣ.

Подсѣвъ къ Гильдуръ, онъ пустился въ длинное разсужденіе о женскомъ вопросѣ. Почему женщины до сихъ поръ остаются позади мужчинъ на многихъ поприщахъ знанія?—спрашивалъ онъ, и тутъ же самъ и отвѣчалъ: Потому что онѣ тратятъ слишкомъ много времени на пустяки! Да, онъ брался даже сдѣлать приблизительное вычисленіе этой непроизводительной траты времени, и впередъ ручался за краснорѣчіе цифръ! Подумать, наиримѣръ, на сколько процентовъ поднялся бы запасъ женскихъ знаній, если бы онѣ тратили на чтеніе то время, которое у нихъ уходитъ на шнуровку, завивку и тому подобное! Одной замѣной крючочковъ и тесемочекъ такими

же пуговицами, какія носятъ мужчины, получилось бы уже значительное сбереженіе времени!

Все это онъ говорилъ очень серьезно и, не смотря на попытки гостей обратить его протестъ въ шутку, добился со своей обычной энергіей того, что всѣ присутствующіе согласились съ вѣрностью его идеи.

Довольный одержанной побѣдой, онъ оставилъ Гильдуръ въ покоѣ и занялся Леной. Но занимать ее оказалось труднѣе, не смотря на то, что она никогда не смѣялась, когда ей говорили серьезно и всегда старалась настроиться въ тонъ своему собесѣднику. Повидимому, она была на этотъ разъ застѣнчивѣе обыкновеннаго, и едва находила, что отвѣчать ему. Впрочемъ, это не лишало его энергіи, и весь вечеръ онъ упорно старался развлечь застѣнчивую барышню. Онъ то и дѣло угощалъ ее конфетами и фруктами, потомъ, вмѣсто разговора, который все какъ-то не клеился, предложилъ ей во что-нибудь сыграть, и, наконецъ, усадилъ ее за шахматный столикъ, причемъ, къ общему удивленію, оказалось, что Лена прекрасно играла въ шахматы.

За ужиномъ онъ снова оказался ея кавалеромъ, а когда гости стали разбѣжаться, онъ самъ подаль ей пальто...

Въ каретѣ, уже на пути домой, Бурманъ съ улыбкой посмотрѣлъ на дочь, наклонился къ ней, чтобы лучше ее разглядѣть при слабомъ свѣтѣ газовыхъ фонарей, и ласково потрепалъ по щекѣ.

— Мой цвѣточекъ былъ сегодня особенно милъ!—сказалъ онъ.

Лена отвернулась и ничего не отвѣтила. Казалось, она угадывала какую-то особенную, непонравившуюся ей мысль, побуждавшую ее отца быть съ нею ласковѣе обыкновеннаго.

— Весело было играть въ шахматы?—снова спросилъ онъ.

— О, да!—отвѣтила она своимъ обычнымъ тономъ, но, не смотря на потемки, Гильдуръ замѣтила, какъ при этомъ густая краска залила ея щеки.

Бурманъ не продолжалъ разспросовъ и задумался, откинувшись на подушки кареты. Но позже, подымаясь по лѣстницѣ, рядомъ съ Гильдуръ, онъ шепнулъ:

— Кто знаетъ? Можетъ быть, это ея первый маленький романъ.

Гильдуръ вспомнила краску, выступившую на щекахъ Лены въ каретѣ. Неужели, она, дѣйствительно, была заинтересована молодымъ редакторомъ? Богъ знаетъ! Можетъ быть,

*

открытое предпочтеніе, которое онъ ей оказывалъ, въ самомъ дѣлѣ повліяло на дѣвочку.

Нѣсколько дней спустя, редакторъ провелъ вечеръ у Бурмана, и на этотъ разъ опять его дѣловыя разговоры съ отцомъ не помѣшали ему оказывать всевозможные знаки вниманія дочери. Онъ простеръ свою любезность даже до того, что привезъ Ленѣ какую-то рѣдкую книгу о шахматной игрѣ и предложилъ ей вмѣстѣ упражняться въ этой игрѣ.

Все это не оставляло сомнѣній на счетъ впечатлѣнія, произведеннаго на него дочерью Бурмана. Но, насколько та была равнодушна къ этому, видно изъ того, что на слѣдующій день Гильдуръ нашла книгу о шахматной игрѣ на томъ же мѣстѣ, куда положилъ ее господинъ Ветерлингъ.

— Развѣ ты не заглядывала въ эту книгу?— полюбопытствовала Гильдуръ, перелистывая страницы.

— Нѣтъ.

Лена ставила въ это время чашки въ буфетъ, и отвѣтила, даже не обернувшись.

— Однако тебѣ придется же прочесть хоть что-нибудь. А то вѣдь Ветерлингъ обидится.

— Надѣюсь, не обидится!—возразила Лена съ холоднымъ спокойствіемъ и, покончивъ съ чашками, не оглядываясь, вышла изъ комнаты.

Гильдуръ почувствовала себя нѣсколько оскорбленной. Положимъ, она сама выказала нѣкоторую назойливость, наводя разговоръ на щекотливый для Лены предметъ и точно напращиваясь на довѣріе. Но въ томъ-то и дѣло, что она давно уже, и тщетно, добивалась этого довѣрія. Никакъ не удавалось ей сблизиться съ Леной. Одно время, передъ самой помолвкой, ей начинало уже казаться, что Лена относится къ ней какъ будто довѣрчивѣе. Но вслѣдъ затѣмъ она опять замѣнулася въ себѣ... Гильдуръ была увѣрена, что между ними стояла мать Лены, и по временамъ ей казалось, что Лена ненавидитъ въ ней женщину, окончательно вытѣснившую ея мать изъ семьи, даже изъ воспоминаній семьи... Неужели же онѣ такъ и останутся навсегда чужими, а можетъ быть, даже и врагами?

Эта мысль огорчала Гильдуръ, и вотъ какъ-то она заговорила объ этомъ съ Бурманомъ. Но у него мудро было найти утѣшеніе въ такихъ случаяхъ. По обыкновенію, онъ ничего не замѣчалъ и приписывалъ все недоразумѣніе простой дѣтской ревности со стороны Лены. Впрочемъ, въ это время онъ былъ

такъ занятъ своей газетой, что ни думать, ни говорить не хотѣлъ о чемъ-либо другомъ.

Гильдуръ такъ и осталась со своимъ тягостнымъ недоумѣніемъ, и все чаще и чаще стали одолевать ее невеселыя мысли.

Какъ-то послѣ обѣда, въ разговорѣ съ Валеріусомъ, она почувствовала желаніе подѣлиться съ нимъ своими тревожными мыслями и, чтобы навести разговоръ на соответствующій предметъ, спросила, по прежнему ли ему часто приходится провожать Лену до дверей ея учительницы музыки.

— Да, случается!—отвѣтилъ онъ.—Вѣдь мы съ нею въ одно и то же время выходимъ обыкновенно изъ дому.

— Ну, это еще не причина!—усмѣхнулась Гильдуръ.—Если бы Лена не хотѣла ходить съ вами, она устроила бы такъ, что вы не выходили бы съ нею одновременно. Вѣрно, вы внушаете ей такое исключительное довѣріе.

— Можетъ быть. Но не предполагаете же вы, что у насъ съ нею общія тайны?

— Въ этомъ я не увѣрена, но это меня и не касается. Я заговорила объ ея довѣрїи къ вамъ только потому, что ревную ее къ вамъ.

— Ко мнѣ?

— Да, къ вамъ.

Увлеченная соблазномъ облегчить душу, она рассказала о своихъ тщетныхъ попыткахъ сблизиться съ Леной и о всѣхъ своихъ неудачахъ. Лена—точно вьюнъ! По временамъ довѣрчиво идетъ въ руки, а черезъ минуту ужъ и выскользнула изъ рукъ. Она умѣетъ быть любезной, предупредительной, даже сердечной; и вдругъ оказывается, что все это ровно ничего не значило и что она въ сущности-то недоступна, какъ дно морское. Она въ состоянїи ненавидѣть и презирать людей, ни въ чемъ этого не выказывая!

Высказавъ все это, Гильдуръ почувствовала нѣкоторую неловкость и посмотрѣла въ сторону. Хорошо ли она сдѣлала, рассказавъ все это постороннему человѣку? И однако она не раскаявалась въ этой откровенности. Валеріусъ обладалъ какимъ-то особеннымъ свойствомъ внушать довѣріе. Вѣдь сумѣлъ же онъ приручить даже недоступную Лену!

Валеріусъ слушалъ, не поднимая глазъ и, повидимому, былъ очень занятъ разсматриваніемъ своихъ рукъ. Но вдругъ онъ поднялъ голову и остановилъ на Гильдуръ довольно странный, пристальный взглядъ.

— Повидимому, вы думаете, что скрытность такая рѣдкая черта?—спросилъ онъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, невозможна же скрытность и съ людьми, которыхъ мы любимъ, или хотимъ любить.

— Ну, нѣтъ! Нѣкоторые осуждены на это помимо своей воли, а другіе скрытничаютъ всю свою жизнь, и не раскрываются въ этомъ.

Онъ сказалъ это сухо, почти жестко, и опять Гильдуръ стало на мгновеніе не по себѣ. Почему-то ей захотѣлось говорить о Сетѣ. И она стала говорить о своихъ отношеніяхъ къ нему съ такимъ жаромъ, точно оправдывала что-то, точно стараясь доказать, что смѣло смотреть впередъ на свое будущее. Потомъ она стала превозносить характеръ Бурмана. Какая у него открытая, довѣрчивая душа! Совершенная противоположность Лены... Непонятно даже, какъ его родная дочь могла выйти такъ мало на него покоей!

— Ну, не такъ ужъ это непонятно,—замѣтилъ Валеріусъ.—Крупныя личности всегда принижаютъ близкихъ имъ людей. Это выходитъ у нихъ невольно. Имъ нуженъ просторъ для ихъ величія, и они часто сами не замѣчаютъ, какъ топтать и давить всѣхъ окружающихъ.

Гильдуръ вздрогнула. Теперь она ясно сознавала, что напрасно затронула всѣ эти вопросы въ разговорѣ съ Валеріусомъ.

— Да, да, — сказала она нѣсколько торопливо, точно желая перейти къ чему-нибудь другому.— Не легко такой маленькой дѣвочкѣ, какъ Лена, выдерживать сравненіе съ ея великимъ отцомъ.

— Конечно, не легко! — согласился и онъ, хотя чуть-чуть усмѣхнулся при словѣ „великій“.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, Валеріусъ заговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ, и сталъ давать Гильдуръ шуточные совѣты, какъ поступить съ Леной. Онъ совѣтовалъ запереться съ нею въ отдѣльной комнатѣ и хорошенько напугать ее; объявивъ рѣшительно, что видишь ее насквозь. Затѣмъ слѣдовало уличить ее въ томъ, что она втайнѣ ненавидитъ свою будущую мачиху, что она желаетъ ей смерти, и т. п. Выдумывать безъ церемоній самыя тяжелыя обвиненія, и чѣмъ страшнѣй, тѣмъ лучше! Тогда бѣдная грѣшница, чтобы хоть сколько-нибудь оправдаться и доказать, что она не такая ужасная злодѣйка, легко можетъ признаться въ своихъ дѣйствительныхъ грѣхахъ и объяснить,

что такое она имѣетъ противъ Гильдуръ. Послѣ этого не трудно разъяснить всѣ недоразумѣнія, и послѣдуетъ примиреніе къ общей радости и торжеству добродѣтели. Зло должно излѣчиваться зломъ! Это вѣдь правило во всякомъ шарлатанствѣ.

Слушая эти шутливые совѣты, Гильдуръ улыбалась довольно печальной улыбкой. Но возразить она ничего не успѣла, такъ какъ въ это время пришла Гертруда, и завязался разговоръ о постороннихъ предметахъ.

Позже, однако, Гильдуръ стала серьезно раздумывать о словахъ Валеріуса, и ей пришло въ голову, что, подъ видомъ шутки, онъ дѣлалъ ей, въ сущности, дѣльный намекъ. Безъ всякаго шарлатанства можно было сдѣлать вѣчто въ этомъ родѣ! Во всякомъ случаѣ, не мѣшало попытаться.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Продолженіе *).

Одинъ изъ этихъ борцовъ и есть Базаровъ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ и неожиданнымъ сопоставленіе воинственной фигуры нигилиста съ мечтательной, религиозно-восторженной, молчаливой дѣвушкой. Но внѣшніе контрасты не должны смущать насъ. Сущность нравственной роли героя и героини тождественны. Оба они воплощенныя отрицанія стараго порядка, только сфера, размахъ и нѣкоторые исходные мотивы ихъ отрицанія неодинаковы. Но они одной семьи, одной общественной полосы, и если Лиза по своимъ настроеніямъ примыкаетъ къ Лермонтовской поэзіи, по смыслу своего положенія среди стараго поколѣнія—она прямая предшественница Базарова.

Лиза не объясняетъ намъ въ точности, противъ чего собственно она возстаетъ. У нея нѣтъ ничего общаго съ отцами, никто изъ нихъ не знаетъ ея думъ и настроеній, она до такой степени привыкла къ одиночеству, что ей «стыдно» даже дружескихъ бесѣдъ съ Лаврецкимъ: «точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату». Очевидно, это полнѣйшій разладъ съ «отцами», но смыслъ его мы узнаемъ только изъ поступковъ Лизы и мимолетныхъ замѣчаній автора объ ея впечатлѣніяхъ.

Базаровъ дѣйствуетъ совершенно иначе.

Онъ открыто и ясно опредѣляетъ причины своей войны съ «отцами», и отцы на этотъ разъ отлично понимаютъ, противъ чего идетъ мятежный «сынъ».

Мы уже указывали на пристрастіе Базарова къ понятію «романтизмъ». Онъ жесточайшій врагъ «романтизма», — въ этомъ смыслъ его отрицанія.

Здѣсь русскій герой невольно заставляетъ вспомнить явленія европейской мысли, современныя его нигилизму.

*) См. «Міръ Божій» № 4, апрѣль.

На Западѣ, въ половинѣ столѣтїя, также возгорѣлась жестокая война положительнаго научнаго міросозерцанїя съ теоретическимъ идеализмомъ, и одновременно и въ зависимости отъ этой войны произошла междоусобица натуралистовъ съ романтиками.

На Западѣ также предали поношенїю все романтическое, все, что не строгій разумъ и не опытная наука, всѣ идеи, не совпадающія съ фактами.

Это было скорѣе беллетристическое настроенїе, чѣмъ научная идея, но затѣмъ и существуютъ у гениальныхъ философовъ и ученыхъ преданные и отважные послѣдователи, чтобы быть «болѣе роялистами, чѣмъ самъ король».

Въ результатѣ именно беллетристика завладѣла моднымъ теченїемъ и Золя прямо объявилъ, что его школа—«война науки противъ идеала, противъ невѣдомаго», т.-е., по толкованїю самого же Золя, противъ «романтизма».

Это значило свести прежнїя поэтическія и возвышенныя представленїя о человѣкѣ, его чувствахъ и стремленїяхъ на почву фізіологіи. Натурализмъ до сихъ поръ съ неослабной энергіей выполняетъ свою задачу.

Мы видимъ, сколько общаго у Базарова съ западными гонителями «идеала» и «невѣдомаго». Онъ можетъ быть названъ русскимъ натуралистомъ, такъ какъ у него тотъ же врагъ и то же оружіе, что у западныхъ литературныхъ учениковъ Клода Бернара.

Но русскій романтизмъ не вполне совпадаетъ съ европейскимъ. Идеализація чувства любви, склонность къ выпренней риторикѣ, поэтическая мечтательность—все это одинаково свойственно и русскимъ, и западнымъ романтикамъ. Но есть одна существенная разница: нашъ романтизмъ исключительно аристократическое явленїе. Наши романтики—«совершенные джентльмены».

Война Базарова съ романтиками, слѣдовательно, должна усложниться элементомъ, неизвѣстнымъ западному натурализму. Въ протестѣ Базарова противъ эстетики, любовныхъ чувствительностей, мечтательныхъ восторговъ предъ природой нѣтъ ничего оригинальнаго, типично-русскаго. Всѣ выходки въ этомъ направленїи Базаровъ могъ заимствовать у тѣхъ же нѣмецкихъ естествоиспытателей, которыхъ онъ такъ уважаетъ.

На Западѣ только въ исключительныхъ случаяхъ защитники идеала, невѣдомаго, т.-е., по воззрѣнїямъ натуралистовъ, «романтики», видѣли своихъ враговъ въ лицѣ демократїи. Такое положенїе занято, между прочимъ, Ренанъ, вызвавшій своимъ идеализмомъ столь жестокій отпоръ со стороны Золя. Прославленный историкъ

еврейскаго народа по волѣ судьбы носилъ въ себѣ много существенныхъ психологическихъ чертъ нашихъ «отцовъ»—эстетиковъ и аристократовъ. Это онъ—философъ и ученый—въ ученой книгѣ о Маркѣ Авреліи прославилъ лирической рѣчью красоту и особенно людской костюмъ современнаго парижанина. Это онъ красивую и «художественно» одѣтую женщину провозгласилъ «однимъ изъ лучшихъ проявленій божества», даже если она и лишена «ума, талантовъ и серьезныхъ добродѣтелей». Наконецъ, тотъ же Ренанъ великой исторической эпохой считаетъ время, когда женскіе туалеты отличаются особеннымъ изяществомъ.

Развѣ нашъ Павелъ Кирсановъ не подписался бы подъ такую философію исторіи?

Еще важнѣе общественныя идеи Ренана. Онѣ выражены въ драмѣ *Калибанъ*, надѣлавшей, нѣсколько лѣтъ назадъ, много шуму. Главный герой—представитель демократіи и, по замыслу Ренана, долженъ воплощать въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ беспощадную вражду противъ всѣхъ высшихъ завоеваній цивилизаціи.

Калибанъ—дикарь въ душѣ, отвратителенъ извнѣ, почти животное. «Проклинать—моя натура»,—говоритъ онъ. Музыка и поэзія не производятъ на него никакого впечатлѣнія, театры онъ предаетъ уничтоженію, книги считаетъ зломъ для народа. Онъ—фанатикъ грубой дѣйствительности и насущной пользы. Все идеальное и художественное для него не существуетъ. Преданія старины для него пустяки и басни. Онъ признаетъ только то, что можетъ осязать собственными руками и изъ чего можетъ извлечь непосредственную выгоду для своего матеріальнаго существованія. Калибанъ не понимаетъ даже физической красоты...

Вы видите, — если бы потребовалось обозвать *совершеннымъ нигилистомъ* какое-либо созданіе западной мысли и литературы, — ренановскій Калибанъ какъ нельзя болѣе подходилъ бы подъ это наименованіе. Припомните бесѣды Павла Кирсанова съ Базаровымъ, отзывы «совершеннаго джентльмена» о нигилистѣ и вообще о нигилизмѣ, — предъ вами во всей полнотѣ воскресаетъ образъ французскаго демократа-дикаря, разрушителя, — вплоть до ссылки на «грубую монгольскую силу», краснорѣчивѣйшую характеристику нигилизма въ устахъ Кирсанова.

А похвальное слово того же «джентльмена» въ честь «представителя цивилизаціи», «послѣдняго пачкуна, *in barbouilleur*, тапѣра, которому даютъ пять копѣекъ за вечеръ», — это тѣ же рѣчи изъ ренановской драмы о кабинетномъ ученомъ, большомъ искусникѣ устраивать придворныя волшебныя празднества, объ артистѣ — веселомъ музыкантѣ и церемоніймстерѣ. Наконецъ,

княгиня Р, на всю жизнь загнипнетизировавшая Павла Кирсанова, навѣрное вполне присоединилась бы къ мнѣнію ренановскихъ героинь: «нравственный долгъ женщины—быть красивою», а самъ Павелъ Кирсановъ душевно одобрить бы любимый афоризмъ ихъ кавалеровъ: «Много думать—заболить голова».

Европейской литературѣ, слѣдовательно, нечужда идея о борьбѣ демократа - отрицателя съ аристократическимъ старымъ обществомъ. Но у Ренана эта идея воплощена въ фантастическомъ образѣ, преувеличенномъ, даже каррикатурномъ, необходимое слѣдствіе глубокаго личнаго отвращенія автора къ современной демократіи. *Калибанъ*—это скорѣе журнальный партійный памфлетъ на новую общественную и политическую силу, чѣмъ литературное произведеніе историка и мыслителя. Въ такой формѣ Павелъ Кирсановъ могъ бы изобразить Базарова, если бы счелъ возможнымъ свизойти до литературы.

Мы уже намѣтили *общественныя* родовыя черты базаровскаго типа. Ихъ отнюдь не слѣдуетъ считать исключительнымъ продуктомъ русской почвы. Базаровъ, при всей своей личной и національной оригинальности, одно изъ знаменій двухъ господствующихъ теченій нашего вѣка—*опытной науки* и *демократическаго принципа*, естествознанія и народничества: послѣднее понятіе мы должны принимать здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ, не въ смыслѣ извѣстнаго литературнаго направленія. Изъ этихъ двухъ источниковъ берутъ начало всѣ идеи и сочувствія тургеневскаго героя. Но это не значить, будто только современныя теоріи и вызвали къ жизни Базарова. Органическое значеніе типа заключается въ его *натурѣ*, нигилистической *per se*, независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній. Чисто - теоретическій, искусственно сложившійся нигилистъ—Аркадій. Базаровъ изъ области науки беретъ только *оружіе* для защиты своихъ мыслей и вкусовъ, воспитанныхъ въ немъ всей его жизнью, сросшихся съ его плотью и кровью...

Тургеневъ разсказалъ, что онъ встрѣтилъ прототипъ Базарова въ лицѣ провинціального врача и наблюденія надъ реальной личностью вызвали у него идею романа. Этотъ реализмъ цѣликомъ перешелъ въ романъ.

Если бы Базаровъ даже и не читалъ нѣмецкихъ книжекъ, онъ навѣрное проявлялъ бы, только безъ научныхъ соображеній, тѣ же нигилистическія наклонности. Онъ презираетъ Пушкина не потому, что такъ велитъ естествознаніе, а потому, что Пушкинъ вообще не входитъ въ его душу. Что касается демократизма, онъ логическое слѣдствіе происхожденія Базарова и всей его жизни.

Мы видимъ, слѣдовательно, въ нигилизмѣ Базарова нѣтъ ничего таинственнаго и двусмысленнаго. Это просто отрицаніе аристократической культуры, это русскій натурализмъ, по самому характеру русскихъ «романтиковъ-отцовъ», переходящій изъ области художественныхъ и научныхъ идей въ область общественныхъ отношеній.

Это *основныя принципы* базаровскаго отрицанія.

Но *частности* едва ли не важнѣе основъ.

Базаровъ не даромъ гордится, что самъ проложилъ себѣ дорогу, всѣмъ обязанъ только самому себѣ. Очевидно, пережитая школа, необыкновенно серьезная, спартанская, развивающая въ человѣкѣ два качества—нравственную силу и непоколебимую самоувѣренность.

Базаровъ все время чувствуетъ себя выше другихъ, онъ даже не скрываетъ этого. Естественно,—протестъ и самозащита бросятъ его въ крайности, часто въ высшей степени опрометчивыя и нелѣпыя. Чѣмъ навязчивѣе сопротивленіе, тѣмъ рѣшительнѣе отпоръ, и въ жару полемики Базаровъ, дѣйствительно, можетъ «валить и себя по ногамъ». Жизненная борьба изъ крѣпкихъ натуръ часто вырабатываетъ деспотовъ,—именно таковъ Базаровъ.

Онъ съ презрѣніемъ смотритъ на все, способное на уступки, на оговорки. Прямолинейность и практическая сила на его взглядъ достойнѣйшія добродѣтели. Онъ и Одинцовой начинаетъ интересоваться не только потому, что у нея «богатое тѣло»: онъ не перестаетъ повторять, что она «баба съ мозгомъ», «видала виды», «тертый калачъ». Это все его—базаровскія доблести.

А при такихъ доблестяхъ мыслима только роль героя и побѣдителя. Ничто Базарова такъ сильно не раздражаетъ, какъ малѣйшее отклоненіе его воли съ обычнаго пути. Онъ готовъ тогда сорвать злость на первомъ встрѣчномъ: это по истинѣ демоническая гордость.

И она оказываетъ громадное вліяніе на идеи Базарова, поднимаетъ его нигилизмъ на невѣроятную высоту, толкаетъ отрицателя на такія истины, какія лучше всего можно охарактеризовать его же словами: *противоположныя* общія мѣста.

Въ результатѣ—оба протеста научно-нравственный и общественный переходятъ границы здраваго смысла и превращаютъ величайшаго гонителя романтизма въ самаго фантастическаго романтика, своего рода берсеркера.

Базарову мало быть натуралистомъ въ воззрѣніяхъ на любовь, вообще на человѣческую нравственную жизнь,—онъ отрицаетъ самую возможность любви, обзываетъ ее «белибердой, непроститель-

ной дурью», отвергаетъ принципы, честность признаетъ ощущеніемъ, боится на каждомъ шагу впасть въ сыновнее настроеніе съ своими родителями. Аркадій вполне слѣдуетъ этой системѣ, усиливаясь скрыть свое любовное увлеченіе: «не даромъ же онъ былъ нигилистъ», замѣчаетъ авторъ.

Но эта игра не безусловный признакъ нигилизма, скорѣе болѣзненный придатокъ къ нигилизму, жалкое ослѣпленіе, хотя оно и беретъ начало въ гордости и самоувѣренности. Смыслъ подобнаго нигилизма особенно ясенъ изъ мелкихъ подробностей.

Базаровъ, напримѣръ, почувствовалъ, что сконфузился предъ Одинцовой... Немедленно гнѣвъ на себя:

«Вотъ тебѣ разъ!—бабы испугался»...

А затѣмъ утрированно-нигилистическая поза: «развалясь въ креслѣ, заговорилъ преувеличенно развязно».

Та же самая искусственная театральная самоувѣренность и небрежность въ критическія минуты,—все равно, съ Одинцовой, съ братьями Кирсановыми, съ родителями.

Критикамъ, умѣющимъ только читать напечатанныя фразы, ничего не стоило увидѣть въ Базаровѣ чудовище, дьявола, но Писаревъ справедливо распозналъ въ этихъ моментахъ трагизмъ базаровской природы. И этотъ трагизмъ тѣмъ глубже, что Базарову жестоко приходится расплачиваться за свои *противоположныя общія мѣста*. Теоретическій нигилизмъ искупается страстью къ Одинцовой.

Мы видѣли,—это отнюдь не одно фізіологическое влеченіе къ красивой особи: Одинцова, какъ человѣкъ, импонируетъ Базарову—своимъ практическимъ умомъ, энергіей, самообладаніемъ, вообще нравственными силами, необычными у женщины. Одинцова «нашего хлѣба покушала», говоритъ Базаровъ—плебей, и сама Одинцова настаиваетъ на своемъ плебействѣ. Это—*сильная натура*, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе самоувѣренная и закаленная, чѣмъ базаровскій нигилизмъ. Базаровъ *долженъ* полюбить *такую* женщину: здѣсь сила одолеваетъ силу, эта любовь результатъ борьбы двухъ однородныхъ организацій, и Одинцова сильнѣе Базарова холодомъ своего темперамента, спокойствіемъ своей крови.

Въ лицѣ Одинцовой торжествуетъ собственно не любовь, а нѣчто гораздо большее,—природа, собственная Базаровская природа, та самая «сильная, тяжелая страсть», которая вынесла его на поверхность плебейскаго моря. Сцена Базарова съ Одинцовой не унижаетъ героя, какъ это казалось Писареву, напротивъ, даетъ послѣдній ударъ кисти всей могучей фигурѣ. Безъ этой сцены

Базаровъ былъ бы «общее мѣсто» грубости и животной тупости. Исторія съ Одинцовой раскрываетъ въ немъ человѣка, юношу, истомленного одиночествомъ, таящаго въ себѣ такое богатство и энергію чувства, какія и не снились подневольному, наряженному нигилисту, Аркадію.

Это одна жертва—за отвлеченный фанатическій нигилизмъ.

И жертва—совершенно законная, справедливая съ самой строгой точки зрѣнія обожаемаго Базаровымъ естествознанія.

Базаровъ на основаніи своей науки дѣлаетъ выводы *менше всего научные*, а такіе же *беллетристическіе*, какіе дѣлалъ какой-нибудь литераторъ-натуралистъ на Западѣ. Это результаты ученическаго популярнаго увлеченія, и Базарову, кромѣ того, по натурѣ, особенно свойственны рѣзкіе и крайніе пути,—и онъ незамѣтно для себя съ своимъ *научнымъ отрицаніемъ* превращается въ самаго наивнаго Донъ-Кихота, ведущаго войну съ неизмѣнными законами природы.

По его мнѣнію, природа только мастерская, въ ней нѣтъ ни красоты, ни любви, ни романтизма, ни эстетики, ни тайны, ни идеала. Такъ могъ разсуждать Золя, но настоящій знатокъ природы, въ родѣ, напримѣръ, Дарвина, немедленно представилъ бы самыя убѣдительныя возраженія и, ни на іоту не отступая отъ точныхъ научныхъ наблюденій, развернулъ бы предъ необдуманно «положительными» скептиками необозримую картину художественныхъ красотъ и романтическихъ эпизодовъ. Именно эта дарвиновская картина и бросаетъ истинный свѣтъ на базаровскую исторію съ Одинцовой, столь, повидимому, неожиданную и обидную.

Въ книгахъ Дарвина предъ нами множество настоящихъ художественныхъ произведеній,—драмъ, романовъ, идиллій изъ жизни животныхъ. И какъ задушевные, часто восторженны эти рассказы! Дарвинъ-сынъ передаетъ, какъ онъ и отецъ смѣялись разъ надъ одной страницей въ ученомъ сочиненіи отца. Страница оказалась въ необыкновенно лирическомъ тонѣ, не особенно умѣстномъ въ данномъ случаѣ. Дарвинъ замѣтилъ лиризмъ уже послѣ того, какъ книга была напечатана. Описаніе, очевидно, вылилось у него въ порывѣ искренняго восторга предъ красотой естественныхъ явленій. Геніальный естествоиспытатель въ эту минуту былъ истиннымъ художникомъ.

И какъ было не придти въ восторгъ, когда автору приходилось разсказывать такія, напримѣръ, исторіи: птичка, утрачивая свою пару, умираетъ отъ тоски, обезьяна-мать падаетъ подъ выстрѣлами, до конца прикрывая своимъ тѣломъ свое дѣтище, птицы кормятъ своихъ слѣпыхъ стариковъ, обезьяны окружаютъ родиль-

лицу, поздравляютъ ее, ласкаютъ ея ребенка. И нѣтъ конца подобнымъ сценамъ!..

Когда одну изъ такихъ исторій услышалъ Гёте — задолго до книги Дарвина—онъ воскликнулъ: «Кто слышитъ это и не вѣруеть въ Бога, тому не помогутъ ни Моисей, ни пророки. Вотъ что я зову вездѣсущимъ Божиимъ. Онъ всюду распространяетъ и насаждаетъ частицы своей безконечной любви, и еще въ животномъ проявляется въ видѣ почки то, что въ благородномъ человѣкѣ распускается какъ цвѣтокъ».

Это—по поводу семейныхъ добродѣтелей.

Не меньше и общественныя. Ученый видѣлъ общину муравьевъ, прямо влюбленныхъ другъ въ друга: они непрерывно подносили другъ другу пищу, ласкали усиками и переносили другъ друга съ мѣста на мѣсто. А въ случаѣ опасности, всѣ эти едва замѣтныя твари превращаются въ героевъ: муравья можно разрѣзать по поламъ, и, тѣмъ не менѣе, обѣ половины не переставутъ защищать свое отечество. Дарвинъ неоднократно повторялъ исторію обезьяны, самоотверженно спасшей юнаго члена стаи почти изъ пасти собаки.

Это — факты любви, мужества, самопожертвованія. А сколько рядомъ съ ними чувства красоты и поэзіи!

Припомните описаніе гнѣздъ колибри; это—истинныя чудеса эстетическаго вкуса. А магическое дѣйствіе соловьиной пѣсни на птицъ. А этотъ снигирь, выучившій нѣмецкій вальсъ и собиравшій вокругъ себя стаю внимательнѣйшихъ слушательницъ—коноплянокъ и канареекъ! Что заставляетъ этихъ созданій увлекаться пѣніемъ до разрыва въ легкихъ и падать мертвыми съ трелью на устахъ? Птицеловамъ извѣстно, какую громадную власть приобрѣтаютъ птицы надъ своими товарищами искуснымъ пѣніемъ. Въ чемъ таится эта власть?

И такъ, въ самой природѣ заключены источники всего, что признаемъ мы идеальнымъ и прекраснымъ.

Для Базарова этой неопровержимой истины не существуетъ,—и онъ въ порывѣ нигилистическаго правовѣрія могъ бы даже поднять руку на величайшія произведенія дорогой ему естественнонаучной мысли, свободной отъ партійнаго фанатизма и полемическихъ стремленій.

Дарвинъ въ своей книгѣ счелъ возможнымъ поставить рядомъ Ньютона и Шекспира, какъ равноправныя свидѣтельства объ изумительной силѣ человѣческаго духа. Базаровъ, столь презирающій Пушкина, несомнѣнно вычеркнулъ бы Шекспира,—и одинъ этотъ фактъ краснорѣчиво указалъ бы на различіе дѣйствительно-науч-

наго мышленія отъ нравственной тенденціи на почвѣ науки, естествознанія отъ натурализма, и опредѣлили бы грѣхъ Базарова предъ лицомъ самой *человѣческой природы*.

Но Базаровъ, кромѣ того, *сословный* нигилистъ. И здѣсь онъ не умѣетъ остановиться на границахъ здраваго смысла. Павелъ Кирсановъ непрестанно раздражаетъ его плебейскіе инстинкты и вызываетъ его оппозицію. Базаровъ отвергаетъ опрятный туалетъ, вѣжливость въ обращеніи. Въ воинственномъ задорѣ онъ забываетъ, что можно быть и плебеемъ-джентльмэномъ и даже давать уроки джентльмэнства кровнымъ аристократамъ, прежде всего тому же Павлу Кирсанову. Но Базаровъ—боевая натура, и видимъ мы его въ самый разгаръ борьбы и притомъ «одного въ полѣ воина»: при такихъ условіяхъ, чѣмъ шире размахъ, тѣмъ больше утѣшенія герою.

Такъ, на примѣръ, Гамлетъ пускается на самыя дикія выходки именно въ присутствіи тѣхъ, кто его считаетъ помѣшаннымъ. Базаровъ не только демократъ, но и грубый, надменный плебей съ тѣми, для кого онъ созданіе низшей породы. Съ Одинцовой, на примѣръ, Базаровъ не кичится своимъ демократизмомъ, но за то Павла Кирсанова онъ прямо изводитъ своими приемами.

Но сплошное отрицаніе всѣхъ предразсудковъ аристократической цивилизаціи также ставитъ Базарова въ траги-комическое положеніе. Ему волей-неволей приходится драться на дуэли. Нельзя, слѣдовательно, смотрѣть на какія бы то ни было общественныя условія, какъ на случайный вѣтшій налетъ: подулъ и нѣтъ ничего. Всякое общество такой же продуктъ природы и исторіи, какъ и человѣческій организмъ,—и Базарову одинаково было непозволительно возставать противъ самыхъ естественныхъ явленій личной жизни человѣка въ родѣ любви, и провозглашать *nihi* вмѣсто вѣковыхъ преданій, какова бы ни была ихъ нравственная цѣнность.

Здѣсь, снова повторяемъ, нигилизмъ переходилъ въ самый необузданный романтизмъ, въ родѣ фантазій Руссо на счетъ естественнаго человѣка, упразднялъ идею прогресса, шелъ, слѣдовательно, противъ разумной цѣлесообразной борьбы постепенно развивающейся свободной мысли съ преданіями, утрачивающими жизненный смыслъ. Это грѣхъ противъ *человѣческой исторіи*.

И Базаровъ жестоко расплатился за всѣ свои ослѣпленія.

Конецъ, его, т. е. дни, предшествующіе смерти, носятъ совершенно романтическій характеръ. Базаровъ впадаетъ въ пессимизмъ, разочарованіе, равнодушіе, пускается даже въ резонерство и болтовню, столь ненавистныя ему раньше, болѣе чѣмъ

когда-либо сыпетъ противоположными общими мѣстами, имъ безпрестанно овладѣваетъ чувство безпредметной злобы. Ясно, чело-вѣкъ взялъ слишкомъ высокій тонъ и оборвался. Предъ нами въ сущности нравственная агонія, и настоящая смерть постигаетъ героя необыкновенно кстати: онъ буквально не знаетъ, куда дѣ-вать себя, и не видитъ смысла въ дальнѣйшей жизненной ко-медіи.

Только пристрастная близорукость могла видѣть тенденціозное вмѣшательство автора въ судьбу Базарова. Каждый моментъ этой судьбы—логическое слѣдствіе основныхъ мотивовъ жизни и лич-ности тургеневскаго героя. Трудно даже указать романъ, столь послѣдовательно обнаруживающій звѣнья единой психологической цѣпи.

Базаровъ сошелъ со сцены, не доживъ до практической об-щественной дѣятельности. Лиза ушла въ монастырь, едва загля-нувъ въ дѣйствительность. Оба они явились на сцену съ отри-цаніемъ нравственныхъ основъ, на которыхъ строилось благо-получіе «отцовъ». Не смотря на несходство мотивовъ протеста, у героя и героини общія цѣли: остановить стихійное теченіе бар-ской эгоистической жизни, указать мечтательнымъ сибаритамъ и наивнымъ добрякамъ безцѣльность и безсодержательность ихъ существованія, отсутствіе въ ихъ суетнѣ опредѣленныхъ принци-повъ и сознанія нравственнаго долга.

Лиза не могла вести активной борьбы: она своей личностью свидѣтельствовала о новыхъ идеалахъ, являлась воплощенной со-вѣстью для старшаго поколѣнія. Базаровъ, напротивъ, готовъ на какую угодно схватку съ ненавистными романтиками. Но самая эта готовность и горячность борьбы доказывали, что протестъ противъ русскаго романтизма переживалъ еще свей медовый мѣ-сяцъ, свойюношескій, также романтический, періодъ,—и мы должны строго отличить случайныя увлеченія, вспышки, крайности, однимъ словомъ, все *частное* отъ *общаго смысла* базаровскаго разлада съ отцами. Базаровъ отъ начала до конца остается въ пылу сраже-нія, подобно Чацкому, и, подобно ему, безпрестанно обуревается полемическимъ задоромъ. Въ такіе моменты много говорится, во многое вѣрится, но весьма немногое осуществляется. Да, Базаровъ, при всемъ своемъ нигилизмѣ, одинъ изъ самыхъ вѣрующихъ иде-алистовъ въ русскомъ духѣ. Кто какъ не русскій идеалистъ мо-жетъ вообразить, что нѣсколькими крѣпкими словами можно уни-чтожить сердечныя страсти и смести съ лица земли обществен-ные предрасудки!..

Полемика по поводу *Отцовъ и дѣтей* не прекращалась цѣ-
«смѣръ вождя», № 5, май.

лые годы. Имя Тургенева роковою связью соединили съ именемъ Базарова, и чаще всего удары, разсчитанные на героя, падали на автора, похвалы, расточаемыя «дѣтямъ», превращались въ упреки мнимому защитнику «отцовъ».

Легко представить, до какой степени тяжело было Тургеневу выносить всю эту борьбу за свое произведеніе, со всѣхъ сторонъ слышать совершенно незаслуженныя, неожиданныя навѣты, жить подѣ градомъ брани, клеветы, оскорбленій. Отъ него удалялась именно та часть публики, какю онъ больше всего дорожилъ. Надежды, боязливо таившіяся въ его сердцѣ въ теченіи цѣлаго года, когда создавался романъ, исчезали теперь съ каждымъ днемъ. Апатія начинала овладѣвать художникомъ еще до появленія романа. Теперь это чувство должно было окончательно завладѣть его нравственнымъ міромъ.

Въ тяжелыя минуты разочарованій возникаетъ элегія *Довольно*.

Здѣсь мрачныя картины одна за другой возстаютъ въ воображеніи художника, рѣшившаго навсегда отказаться отъ творческихъ стремленій, бросить свою кисть и «велѣть сердцу замолчать». Поэту вся жизнь кажется мелкой, неинтересной и нищенски-плоской. Такова суть жизни и она страшна именно тѣмъ, что въ ней ничего нѣтъ страшнаго. Въ этой истинѣ не можетъ утѣшить человѣка даже искусство, красота, создаваемая гениями. Нѣтъ! Надъ ихъ благороднѣйшими замыслами и твореньями царитъ неотразимая, все-истребляющая природа. Для нея нѣтъ разницы между Юпитеромъ Фидія и простымъ голышемъ: то и другое она покрываетъ плѣсенью и отдаетъ на съѣденіе моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла. Величайшіе творцы—«творцы на часъ».

Если такова судьба гениевъ, что же остается второстепеннымъ труженикамъ искусства?

Здѣсь начинаетъ говорить оскорбленное личное чувство поэта. Нашъ гениальный художникъ хочетъ причислить себя къ «труженикамъ»—и въ судьбѣ ихъ видитъ жизненный путь, пройденный имъ самимъ. Да, въ слѣдующихъ словахъ мы узнаемъ то же негодование, тѣ же жалобы, какія мы слышали раньше и какія будемъ слышать еще не одинъ разъ.

Тургеневъ въ простой, прозаической рѣчи крайне скромно судитъ о своемъ дарованіи, о своей художественной работѣ. Теперь, говоря о «второстепенныхъ труженикахъ», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшаетъ вопросъ и о себѣ, какъ писателѣ, раскрываетъ свое настроеніе.

«Чѣмъ заставить ихъ страхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы, если

только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась имъ въ голову?.. Изъ чего они станутъ снова подвергаться смѣху «толпы холодной» или «суду глупца»—старого глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвернулись отъ прежнихъ кумировъ,—молодого глупца, который требуетъ, чтобы они тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ стали на колѣни, легли плашмя передъ новыми, только что открытыми идолами? Зачѣмъ пойдутъ они опять на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ, и покупатель, равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко—и все такъ бѣдно и дрянно?.. Нѣтъ... нѣтъ... Довольно... довольно... довольно!»

Смыслъ элегіи былъ понятъ читателями и тяжело отозвался въ сердцахъ истинныхъ цѣнителей тургеневскаго генія. Князь В. О. Одоевскій написалъ отвѣтъ *Недовольно*²⁰⁰). Авторъ протестовалъ противъ рѣшенія художника, жаловался «живымъ людямъ». «Какъ! мы дали художнику право насъ изучать, разлагать наши духовныя силы, высматривать нашу красоту и наше безобразіе, особенности нашего быта; взялъ онъ у насъ родное русское слово, въ своихъ произведеніяхъ пріучилъ насъ читать самихъ себя,—эта привычка намъ дорога и мы нисколько не намѣрены ее покинуть—какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, художникъ говоритъ: «будетъ съ васъ! довольно!»... Нѣтъ! такъ легко съ нами онъ не раздѣляется! своей умною мыслью, своею изящною рѣчью, онъ закабалитъ себя намъ; намъ принадлежитъ каждая его мысль, каждое чувство, каждое слово; они—наша собственность и мы не намѣрены уступить ее даромъ».

Въ отвѣтѣ развивались другія, болѣе важныя соображенія, указывалось на множество золъ, съ которыми нравственно обязанъ бороться всякій гражданинъ, и прежде всего писатель. На немъ лежитъ долгъ—разъяснить великія задачи, поставленныя Великимъ Преобразователемъ, только-что призваннымъ свой народъ къ свободной жизни.

Правду и искренность этихъ убѣжденій Тургеневъ, конечно, чувствовалъ глубже, чѣмъ кто-либо. И все-таки, почти на пять лѣтъ его художественная дѣятельность замираетъ. Въ теченіи всего этого времени докончена давно начатая «фантазія»—*Призраки* и рассказъ *Собака*. «Фантазію» авторъ дописываетъ «съ увлеченіемъ»: работа приходится на мартъ 1862 г., когда война по поводу *Отцовъ и Дѣтей* только-что начиналась и еще не успѣла

²⁰⁰) Всѣды Общества любителей рос. словесности. 1865 г., отд. II.

отравить вдохновеніе художника. О *Собаках* мы узнаемъ въ концѣ 1864 года; рассказъ, слѣдовательно, писался одновременно съ элегіей *Довольно* и, какъ и слѣдовало ожидать, не удался, по мнѣнію самого автора, и Тургеневъ принялъ совѣтъ друзей—не печатать рассказа. Рѣшеніе это не осуществилось: рассказъ въ слѣдующемъ году былъ напечатанъ въ газетѣ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Въ 1866 году Тургеневъ переводитъ французскія *Волшебныя сказки*...

Чѣмъ объясняется такой перерывъ? Отчасти, конечно, настроеніемъ, выраженнымъ въ элегіи, но только отчасти. Тургеневъ былъ слишкомъ сильный художникъ, чтобы настроеніе—самое пессимистическое—могло прервать творческую дѣятельность его генія, даже если бы этого онъ самъ желалъ. Всевозможныя общанія и рѣшенія—не писать—оказываются безсильными въ минуты, когда поэтъ чувствуетъ священный призывъ своего бога... Такія минуты извѣстны только истиннымъ поэтамъ. Тургеневъ невольно причислилъ себя къ числу этихъ невольныхъ служителей Аполлона, когда описывалъ непреодолимую силу впечатлѣній, вызвавшихъ образы *Отцовъ и Дѣтей*. Никакая внѣшняя сила не разсѣяла бы этихъ впечатлѣній и не отняла бы у нихъ чарующей власти надъ воображеніемъ и волей художника.

Пятилѣтній перерывъ въ литературной дѣятельности Тургенева объясняется другой причиной. Она скрыта въ глубинѣ творческихъ силъ художника.

Съ 1863 года жизнь Тургенева измѣняется—почти незамѣтно съ внѣшней стороны, но весьма существенно для его литературной дѣятельности. Впослѣдствіи ему неоднократно приходилось отвѣчать на упреки критиковъ, будто онъ не знаетъ Россіи, потому что живетъ за границей и не видитъ родины. Тургеневъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ отвѣчалъ такъ: «Этотъ упрекъ можетъ относиться только къ тому, что я написалъ *послѣ* 1863 г.: до того времени (т. е. до моего 45-ти-лѣтняго возраста) я почти безвыѣздно жилъ въ Россіи—за исключеніемъ 1848—1850 годовъ, въ теченіе которыхъ я написалъ именно *Записки охотника*, между тѣмъ какъ *Рудинъ*, *Дворянское гнѣздо*, *Наканунъ* и *Отцы и дѣти* написаны въ Россіи»²⁰¹). Точнѣе—перечисленные романы писались и въ Россіи, и за границей, но во всякомъ случаѣ Тургеневъ не пропускалъ ни одного года, чтобы не прожить на родинѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а до 1856 года около шести лѣтъ дѣйстви-

²⁰¹) Р. Ст. XL, 223—4.

тельно жилъ въ Россіи безвыѣздно. Съ 1863 года такой порядокъ мѣняется.

Мы видѣли, Тургеневъ не любилъ Парижа, отрицательно относился къ французамъ и чувствовалъ глубокое презрѣніе къ Наполеону III. Изъ французской столицы онъ постоянно стремился уѣхать при первомъ случаѣ. Чувство Тургенева къ Наполеону раздѣляла семья Віардо, и весной 1863 года—въ самый разгаръ новаго цезаризма—рѣшила окончательно покинуть Парижъ и жить въ Баденъ-Баденѣ²⁰²). Г-жа Віардо дала послѣдній спектакль, въ *Théâtre Lyrique*, сыграла едва ли не въ сотый разъ *Орфея*, и отъѣздъ изъ Парижа совершился. Недалеко отъ Баденъ-Бадена въ Thiergartenthal былъ купленъ домъ²⁰³), у подошвы лѣсистаго Зауерберга. Тургеневъ пока жилъ на квартирѣ въ самомъ городѣ. Два года спустя и онъ устроилъ себѣ виллу—и началась совершенно новая жизнь, на столько спокойная и сравнительно удовлетворяющая, что Тургеневъ, можетъ быть, первый разъ въ жизни почувствовалъ давно желанныя радости осѣдлаго существованія.

Тургеневъ приобрѣлъ большой запущенный участокъ земли. Здѣсь росло много фруктовыхъ деревьевъ, протекалъ источникъ ключевой воды, чѣмъ особенно дорожилъ новый владѣлецъ. На этой землѣ парижскій архитекторъ построилъ ему большую виллу, въ видѣ замка, въ стилѣ Людовика XIII и разбилъ вокругъ нея роскошный садъ. Тургеневъ переселился сюда только въ 1867 г.; не долго ему предстояло жить здѣсь, но эти немногіе годы были едва ли не самыми спокойными въ его жизни, спокойными, конечно, относительно.

У насъ есть подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ. Пичъ,—нѣмецкій писатель, одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ нашего писателя,—находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, часто гостилъ у Тургенева и написалъ прекрасныя воспоминанія.

Кругомъ виллы Тургенева соединялось все, чѣмъ могъ дорожить поэтъ и культурный человекъ. Живописная природа, долины, лѣса и рядомъ избранное общество цѣлой Европы. Поэзія уединенія и всѣ удовольствія цивилизованной жизни, идиллическій покой и шумъ одного изъ оживленнѣйшихъ европейскихъ центровъ во время лѣтняго сезона.

Домъ Віардо сталъ средоточіемъ избраннаго общества. Въ

²⁰²) Фетъ, I, 415.

²⁰³) По словамъ Н. Берга, вилла была куплена Тургеневымъ и подарена Віардо: *Восп. о Т.—въ. Ист. В. XIV*, 375.

саду было построено нѣчто въ родѣ храма искусства, посвященнаго музыкѣ и живописи. Здѣсь устраивались по воскресеньямъ музыкальныя утра. Самыя высокопоставленныя лица Баденъ-Бадена считали за счастье попасть на эти собранія. Прусскій король Вильгельмъ, впоследствии императоръ, и королева Августа были постоянные гости, послѣ концерта оставались на чай, принимали живое участіе въ общей бесѣдѣ. Тургеневъ, сообщая объ этомъ пріятелю, шутливо замѣчалъ: «Вотъ въ какихъ мы, батюшка, гонѣрахъ»²⁰⁴).

Каждый вечеръ въ семьѣ Віардо посвящался музыкѣ, преимущественно нѣмецкой. Тургеневъ въ эти минуты чувствовалъ себя наверху блаженства, въ особенности, если днемъ ему удавалось поохотиться. Музыка прекращалась не равнѣ двухъ часовъ ночи, и какъ былъ оживленъ, увлекателенъ великій художникъ, очастливленный любимымъ искусствомъ! Бесѣды длились цѣлыми часами, возобновлялись на слѣдующее утро. О нихъ мы можемъ судить по слѣдующему разсказу собесѣдника Тургенева.

«Въ присутствіи Тургенева и его близкихъ друзей самый требовательный умъ ощущалъ чувство удовлетворенія всѣхъ своихъ желаній и сознанія полнѣйшаго счастья. Какъ ни велико богатство наблюдательности и поэзіи, обнаруженное Тургеневымъ въ его произведеніяхъ, все-таки оно было только частицей того, что выливалось изъ его устъ въ присутствіи его друзей, освѣжая и нѣжа васъ, какъ тотъ ручей, которымъ онъ такъ гордился. Если бы кто-нибудь стенографировалъ всѣ разсказы и анекдоты изъ личной жизни, результаты непрерывнаго наблюденія природы и людей, всѣ глубокія и оригинальныя мысли Тургенева, эти золотыя изреченія, не заключавшія въ себѣ ни одной громкой или вульгарной фразы, эти сужденія—точные, правдивыя и логичныя, съ неумолимымъ презрѣніемъ клеймящія всякую ложь, даже въ искусствѣ, если бы кто-либо сдѣлалъ это, — подобно Эккерману, записывавшему разговоры Гете, — тотъ собралъ бы неоцѣнимую сокровищницу вѣчной красоты и мудрости... За утреннимъ чаемъ, въ саду, въ маленькомъ открытомъ павильонѣ, около котораго протекалъ упомянутый ручеекъ, за завтракомъ, сидя со мной въ столовой, обитой деревомъ, широкія окна которой выходили на свѣжіе зеленые луга, окаймленные темнымъ лѣсомъ, Тургеневъ выливался весь. Онъ полными пригоршнями расточалъ драгоценныя сокровища своего сердца и ума. Надо было только воспользоваться

²⁰⁴) Фетъ. II, 201.

всѣмъ этимъ, чтобы имѣть на всю жизнь обильный матеріалъ для размышлений».

Г-жа Віардо слыла лучшей учительницей музыки. Къ ней въ Баденъ-Баденъ стекались юные таланты со всѣхъ сторонъ. Артистка желала подвергнуть ихъ испытанію въ небольшихъ роляхъ. Въ виду этого и возникли три фантастическихъ оперетки, три сказки въ драматической формѣ. Текстъ принадлежалъ Тургеневу. Г-жа Віардо иногда играла роль влюбленнаго принца—альта, Тургеневъ—роль какого-нибудь пожилаго героя—баритона.

Тургеневъ, кромѣ того, написалъ не мало стихотвореній на русскомъ языкѣ, г-жа Віардо сочиняла къ нимъ музыку. Тургеневъ для той же цѣли выбиралъ русскія пѣсни, стихотворенія русскихъ поэтовъ...

Это была обаятельная атмосфера эстетическихъ наслажденій, остроумныхъ бесѣдъ, мирныхъ восторговъ чарующими красотами природы.

Можетъ быть, великій художникъ, только что перенесшій столько волненій изъ-за своего лучшаго произведеія, на этотъ разъ чувствовалъ въ душѣ своей покой и, по временамъ, даже тихое счастье. По крайней мѣрѣ, онъ теперь не такъ стремится на родину, онъ даже зимой остается въ своемъ уединеніи, онъ забываетъ жаловаться на одиночество, на недуги наступающей старости, и свѣтъ его душевнаго благополучія льется обильными лучами на всѣхъ его окружающахъ...

Какъ бы ни была покойна и даже счастлива эта жизнь для Тургенева, какъ человѣка,—она приносила несомнѣнный вредъ его творчеству. Цѣлые годы проходили бесплодно. Одинъ изъ гениальныхъ художниковъ молчитъ въ то время, когда весь просвѣщенный міръ жадно ждетъ его слова. И самому художнику больно это молчаніе, но оно длится, противъ его воли,—и длится потому, что единственный источникъ вдохновенія—далеко, далеко родина художника, далеко его народъ, его родная природа.

Какое бессмысленное, преступное обвиненіе, будто Тургеневъ не любилъ Россіи, едва ли не презиралъ ея, почти всю жизнь провелъ за границей, тяготѣя къ западному міру, вмѣсто настоящей русской жизни, подлинныхъ русскихъ людей—сочинялъ какихъ-то международныхъ героев...

Да, слышались и врядъ ли окончательно замолкли и такіе упреки. А между тѣмъ не было еще примѣра, чтобы вымышленные, искусственно-сочиненные образы были долговѣчны, чтобы они вошли въ плоть и кровь народнаго сознанія, чтобы самыя имена ихъ превратились въ типичныя клички.

Великому русскому писателю, дѣйствительно, суждено было много лѣтъ провести вдали отъ родины. Но это была въ полномъ смыслѣ разлука съ милой. Та же тоска, та же неутожимая жажда свиданія, то же болѣзненное чувство, когда оно не удается. Письма Тургенева переполнены этими мотивами. Отраду поѣздокъ на родину онъ привозитъ и на чужбину. Каждое такое путешествіе порождаетъ въ его творческомъ духѣ новыя идеи, новые планы. «Никакая печаль», пишетъ иностранецъ, «не могла долго противостоятъ радостному чувству, испытанному имъ въ отечествѣ—во время пребыванія въ деревнѣ... Онъ увѣрялъ насъ, что намелъ много прекрасныхъ темъ для будущихъ произведеній и что онъ снова начнетъ писать, не заботясь о томъ, что нарушаетъ данное обѣщаніе».

Каждый годъ Тургеневъ на нѣсколько мѣсяцевъ пріѣзжаетъ домой, и постоянно повторяетъ желаніе—навсегда остаться въ Россіи. Только въ предпоследній годъ жизни онъ не въ силахъ совершить обычнаго путешествія. Предсмертный недугъ приковываетъ его къ постели. Больной готовъ помириться со всѣми лишениями,—но мысль, что онъ не увидитъ родины, угнетаетъ его до послѣдней минуты. Онъ умѣетъ терпѣть и молчать, даже упрощаетъ друзей—не спрашивать его о здоровьѣ, свою личную жизнь онъ считаетъ законченной,—но на одну тему онъ неистощимъ...

«Поклонитесь отъ меня дому», пишетъ онъ друзьямъ, «саду, моему молодому дубу—родинѣ поклонитесь, которую я уже, вѣроятно, никогда не увижу».

И такъ безъ конца.

Можно подумать, лирически настроенный юноша тоскуетъ о своемъ единственномъ утраченномъ счастьѣ. Скажутъ,—это и есть только лиризмъ, поэтическая память сердца. Если бы и такъ, развѣ все это возможно у чужака своей страны, у бѣглеца своего отечества?..

Но здѣсь не одно чувство. Тургеневъ глубже и искреннѣе, чѣмъ всѣ его судьи, сознавалъ вредъ житья за границей—для своего творчества. Онъ не перестаетъ повторять: «Мое постоянное пребываніе за границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожить». Немного позже та же рѣчь, и еще тоскливѣе:

«Я готовъ допустить, что талантъ, отлученный мнѣ природою, не умалился, но мнѣ нечего съ нимъ дѣлать. Голосъ остался, да пѣть нечего. Слѣдовательно, лучше замолчать. А пѣть нечего, потому что я живу внѣ Россіи».

За нѣсколько лѣтъ до смерти то же настроеніе: «Чтобы писать, надо жить въ Россіи, — жить я тамъ постоянно не могу, ergo—писать не слѣдуетъ». И Тургеневъ цѣлыми годами не содѣлаетъ ни одного художественнаго произведенія, и приписываетъ это бездѣйствіе заграничной жизни ²⁰⁵).

Онъ искреневъ съ самимъ собой и съ своими читателями. Только поѣздки въ Россію, жизнь на родинѣ пробуждаютъ его творчество. Онъ это знаетъ и до конца жизни легаетъ мечту—навсегда водвориться дома. Чѣмъ ближе конецъ, тѣмъ неохотѣе покидаетъ онъ Россію, тѣмъ чаще жалобы—на связи съ чужой страной.

И врядъ ли Тургеневу можно было порвать эти связи. Онъ сознавался: «не жить въ Россіи по обстоятельствамъ всесильнымъ я не могу»... Онъ утѣшалъ себя, какъ могъ: «Я люблю семейство, семейную жизнь,—но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства, и я прирѣпился, вошелъ въ составъ чуждой семьи и случайно выпало, что это семья французская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи» ²⁰⁶)...

Онъ *прикрѣпился* — и уже не было силъ отстать, хотя въ этихъ прикрѣпахъ не было ни одной нити, исцѣляющей тоску одиночества. Здѣсь глубокая, неизбывная драма; предъ нею должны умолкнуть всякій судъ и осужденіе.

Намъ теперь понятно, почему баденская счастливая жизнь оказалась такой бесплодной для литературной дѣятельности Тургенева. Онъ, можетъ быть, испытывалъ временами удовлетвореніе, какъ человѣкъ, но какъ поэтъ—онъ томился жаждой, и его творческія стремленія были скованы. У него пока не было ни впечатлѣній, ни образовъ, а выдумывать онъ считалъ недостойнымъ художника, и былъ не способенъ на фантастическое сочинительство.

Тургеневъ съ совершенной ясностью раскрылъ намъ процессъ своей творческой работы и подтвердилъ общіе выводы фактами.

Онъ не признавалъ, чтобы можно было сочинить при помощи воображенія истинно-художественный образъ, сцену, моментъ. Мастерство художника состоитъ въ томъ, чтобы умѣть «принаблюдать явленіе въ жизни и затѣмъ уже это дѣйствительное явленіе представить въ художественныхъ образахъ».

Въ письмѣ къ одному изъ друзей онъ съ поразительной искренностью объяснилъ свойства своего таланта: «Такъ какъ я въ теченіе моей сочинительской карьеры никогда не отпавлялся отъ

²⁰⁵) Письма. 154, 196, 329, 339.

²⁰⁶) Письма. 196. Р. Ст. XL, 207.

идей, а всегда отъ образовъ, — то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ образовъ музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картинки. Тогда я — кисть подъ замокъ и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются».

Есть извѣстіе, будто Тургеневъ даже такъ опредѣлялъ количество дѣйствительныхъ образовъ, необходимыхъ для его творчества: въ теченіе года ему необходимо было сдѣлать пятьдесятъ знакомствъ для изученія типовъ и новыхъ чертъ извѣстнаго характера.

Уже въ концѣ жизни Тургеневъ въ кругу знакомыхъ рассказывалъ, какъ у него создавалось то или другое литературное произведеніе. Онъ прежде всего возставалъ противъ весьма распространеннаго взгляда, будто онъ часто писалъ съ предвзятой мыслью, тенденціозно проводилъ излюбленную идею. Такого рода обвиненія преслѣдовали Тургенева съ перваго его романа до послѣдняго. Тургеневъ на это отвѣчалъ въ высшей степени любопытнымъ объясненіемъ.

«У меня выходитъ литературное произведеніе такъ, какъ растетъ трава.

«Я встрѣчаю, напримѣръ, въ жизни какую-нибудь Оеклу Андреевну, какого-нибудь Петра, какого-нибудь Ивана, и представьте, что вдругъ въ этой Оеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное — то, чего я не видѣлъ и не слышалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь; на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе; вдумываюсь, затѣмъ эта Оекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣеть. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлый особый мірокъ... Затѣмъ, неожиданно, негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ, и я удовлетворяю этой потребности съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ.

«Такимъ образомъ никакая *предвзятая тенденція* мною совершенно и никогда не руководить» ²⁰⁷⁾.

Мы не знаемъ, на сколько точно записаны подлинныя слова Тургенева, но только-что приведенное разсужденіе вполне согласно съ прямыми заявленіями Ивана Сергѣевича, согласно съ его личнымъ разсказомъ, какъ у него создавались извѣстные типы. Разсказъ касается прежде всего *Отцовъ и Дѣтей*.

²⁰⁷⁾ *Ист. В. XIV, 384. Гаршинъ. Восп. о Т—вѣ. Письма. 154. Р. Ст. XLII, 395. И. С. Т—вѣ въ 1839—82 гг. (записки нѣмца, товарища Т—ва по берлинскому университету). Р. Ст. XL, 214.*

Въ основаніе главной фигуры, Базарова, болѣе всего возбуdivшей нареканій на автора, легла поразившая автора личность молодого провинціального врача. Иначе Базарова и не существовало бы, потому что, говоритъ авторъ, «я... никогда не покушался «создавать образъ», если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы. Не обладая большою долею свободной изобрѣтательности, я всегда нуждался въ данной почвѣ, на которой я бы могъ твердо ступить ногами».

Немало нападали на автора за главу о Оомушкѣ и Оимушкѣ, но оказалось эта «сѣренькая чета» — личное воспоминаніе автора ²⁰⁸). Что касается «стариковъ дворянъ», — оригиналовъ для нихъ, какъ мы видѣли, Тургеневъ указывалъ множество. Очевидно, романъ при такихъ условіяхъ выходилъ художественной исторіей дѣйствительности, а не иллюстраціей для какой-либо преднамѣренной идеи. Процессъ творчества свободенъ отъ внѣшнихъ соображеній — и мы знаемъ, съ какимъ постоянствомъ Тургеневъ твердилъ молодымъ писателямъ объ этой свободѣ, считая ее первымъ и основнымъ условіемъ истинно-художественной дѣятельности.

Намъ теперь ясно, почему у Тургенева иные годы бывали такъ «неурожайны». Этотъ фактъ свидѣтельствовалъ не объ усталости и истощеніи таланта, а о недостаткѣ впечатлѣній, встрѣчъ и случаевъ, способныхъ вызвать у автора творческой процессъ. Именно такой періодъ отдѣляетъ романъ *Отцы и Дети* отъ романа *Дымъ*.

Дымъ вызвалъ споры и упреки на счетъ тенденціозности, и упреки, даже несравненно болѣе жестокіе, чѣмъ раньше. А между тѣмъ авторъ и при созданіи этого романа не отступилъ отъ прежней программы.

Прежде всего очевидецъ свидѣтельствуетъ, съ какою точностью воспроизведено въ романѣ русское общество, каждое глѣто посѣщающее Баденъ-Баденъ. Даже въ точности описано мѣсто и фонъ дѣйствія ²⁰⁹). Потомъ самъ авторъ указалъ оригиналы главныхъ героевъ: Губарева, Потугина. Наконецъ, героиня Ирина — имѣла свой прототипъ.

Всѣхъ этихъ лицъ авторъ видѣлъ и, очевидно, прекрасно изучилъ. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній немедленно поднялись творческія силы. Весной 1867 года Тургеневъ пишетъ: «я развиваю ужасающую дѣятельность». Въ это время печатается *Дымъ* въ мартовской книгѣ *Русскаго Вѣстника*.

²⁰⁸) *Письма*, 310.

²⁰⁹) *Иностр. крит.* 169—170. Пичъ.

Романъ, несомнѣнно, весь пропитанъ страстнымъ полемическимъ чувствомъ. Онъ въ этомъ отношеніи единственное произведеніе Тургенева. Спокойное художественное воспроизведеніе дѣйствительности часто прерывается жесткими сатирическими выходками. Эти выходки не противорѣчаютъ психологической правдѣ, но уже самый выборъ главнаго героя съ такимъ направленіемъ мысли характеризуетъ настроеніе автора. Бичъ сатиры разитъ двумя концами: однимъ концомъ по аристократической пошлости, другимъ— по тупоумію и самонадѣянности молодежи, нарядившейся въ прогрессивныя идеи. Такая молодежь, какъ увидимъ ниже, до глубины души возмущала Тургенева. Онъ не ограничился сатирой въ романѣ,—въ письмахъ онъ не переставалъ жестоко развѣнчивать глупцовъ и невѣждъ, бьющихъ на эффектъ. Очевидно, многія страшицы въ романѣ написаны подъ вліяніемъ страстнаго негодованія на людей, позорящихъ русское имя своими нравственными уродствами.

Но Тургенева приводили въ гнѣвъ не только скудоумныя обезьяны европейскихъ радикальныхъ авторитетовъ. Едва-ли не мучительнѣе для него было другое теченіе русской общественной мысли, китайская самоувѣренность и первобытная національная гордость. Онъ не прощалъ этихъ пороковъ французамъ,—не могъ не указать на нихъ и въ русскомъ обществѣ.

Мы имѣемъ въ виду идеи Потугина на счетъ крайнихъ славянофильскихъ воззрѣній. Переписка Тургенева съ Аксаковыми бросаетъ въ высшей степени любопытный свѣтъ на эти идеи.²¹¹⁾

Тургеневъ въ пятидесятыхъ годахъ увлекался русскимъ эпосомъ, дѣятельно сообщалъ С. Аксакову и, случалось, въ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ вычитывалъ смыслъ, какого его корреспондентъ и не подозрѣвалъ. Тургеневу это было извѣстно и онъ съ обычной скромностью предоставлялъ послѣднее слово «людямъ знающимъ», т. е. тому же Аксакову. Тургеневъ въ народномъ творествѣ черпаетъ матеріалъ для характеристики духа и историческихъ судебъ народа. По его мнѣнію, мало восхищаться красотами пѣсенъ, перечислять ихъ литературныя достоинства,—это значитъ не доканчивать картины. А между тѣмъ она бьетъ въ глаза всякому, кто желаетъ проникнуть въ сущность народнаго міросозерцанія.

Наприжѣръ, Тургеневъ говоритъ о любимой славянофильской идеѣ,—о презрѣніи къ Западу, и совѣтуетъ Аксакову почерпнуть истинное поученіе на этотъ счетъ въ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ.

²¹¹⁾ Письма напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы* за 1894 годъ.

«Мы обращаемся съ Западомъ, какъ Васька Буслаевъ съ мертвой головой», пишетъ онъ Аксакову, «подбрасываемъ его ногой, а сами... Вы помните, Васька Буслаевъ взонелъ на гору, да и сломалъ себѣ въ прыжкѣ шею. Прочтите, пожалуйста, отвѣтъ ему мертвой головы».

Это было писано въ началѣ 1853 года. Четырнадцать лѣтъ спустя Тургеневъ воспроизвелъ ту же самую отвѣдь въ *Димъ*.

Сказаніе о Васькѣ Буслаевѣ, очевидно, глубоко западо въ его память и казалось ему необыкновенно краснорѣчивой исторіей, созданной притомъ самимъ народомъ. Впослѣдствіи онъ писалъ, что авторъ былины о Васькѣ Буслаевѣ въ новый періодъ литературы былъ бы однимъ изъ величайшихъ поэтовъ: столько художественныхъ и національных чертъ въ старинномъ сказаніи!.. Въ романѣ происходитъ бесѣда между Потугинымъ и Литвиновымъ, послѣдняя предъ разлукой. Потугину приходится высказывать въ романѣ не одну задушевную идею автора, но сходство личности писателя съ личностью героя нигдѣ до такой степени не подтверждается *фактически*, какъ въ этой сценѣ.

Потугинъ спрашиваетъ у Литвинова, читалъ ли онъ былину о Васькѣ Буслаевѣ, въ сборникѣ Кириши Данилова, и начинаетъ объяснять своему собесѣднику, что именно онъ, Потугинъ, вычиталъ въ этой книжкѣ.

«Васька Буслаевъ послѣ того, какъ увлекъ своихъ новгородцевъ на богомолье въ Ерусалимъ и тамъ, къ ужасу ихъ, выкупался нагимъ тѣломъ въ святой рѣкѣ Иорданѣ, ибо не вѣрилъ «ни въ чары, ни въ сонъ, ни въ птичій гай»,—этотъ эпическій Васька Буслаевъ взлетаетъ на гору Фаворъ, а на вершинѣ той горы лежитъ большой камень, черезъ который всякаго рода люди напрасно пытались перескочить... Васька хочетъ тоже свое счастье извѣдать. И попадаетъ ему на дорогѣ мертвая голова, человѣчья кость; онъ пихаетъ ее ногой. Ну и говоритъ ему голова: «Что ты пихаешься? Умѣлъ я жить, умѣю и въ пыли валяться, — и тебѣ то же будетъ». И точно, Васька прыгаетъ черезъ камень и совѣмъ-было перескочилъ, да каблукомъ задѣлъ и голову себѣ сломалъ. И тутъ кстати долженъ замѣтить, что друзьямъ моимъ, славянофиламъ, великимъ охотникамъ пихать ногою всякія мертвыя головы да гнилыя народы, не худо бы призадуматься надъ этою былиной».

На этотъ разъ устами Потугина Тургеневъ довелъ толкованіе аллегоріи до конца.

Онъ, очевидно, зналъ, что его ждетъ на родинѣ за такое упорство, чѣмъ встрѣтятъ его искреннюю вѣру въ европейскую цивили-

лизацію. Но, можетъ быть, именно полная увѣренность въ чувствахъ соотечественниковъ и побудила Тургенева вложить столько личной страсти, столько своего гнѣва въ рѣчи героя романа.

За романъ; по словамъ Тургенева, его ругали такъ дружно, какъ никогда и никого. Но авторъ отнюдь не раскаивается въ своей страстности.

«Представьте себѣ,—писалъ онъ Анненкову,—что я нисколько не конфужусь. Я, напротивъ, очень доволенъ появленіемъ моего забитаго Потугина, вѣрующаго единственно въ цивилизацію европейскую въ самый разгаръ этого всеславянскаго фанданго съ кастаньетками, въ числѣ котораго такъ потѣшно кувыркается По-годинъ»²¹²).

Но въ глубинѣ негодованія жило безсмертное горячее чувство любви автора къ родинѣ, ежеминутно готовое превратиться въ чувство боли при видѣ тѣней, омрачающихъ достоинство родины, въ чувство ненависти при видѣ соотечественниковъ, унижающихъ имя своей страны, своего народа. Трудно представить съ какою мукой встрѣчалъ Тургеневъ каждый фактъ, недостойный, по его мнѣнію, великаго русскаго народа.

Нѣкоторыя событія турецкой войны въ этомъ смыслѣ являлись для него истиннымъ испытаніемъ. Случайныя неудачи, замедленіе дѣйствій — все до глубины души волновало Тургенева. Одно время онъ пишетъ: «мнѣ хотѣлось бы забиться въ какую-либо нору, чтобы не видѣть никого и ничего не слышать»²¹³)... Очевидно, здѣсь совершенно естественно могли сливаться два противоположныхъ чувства; о нихъ и говоритъ тургеневскій герой.

Весьма многіе увидѣли только одно чувство—ненависть и не распознали любви. На Тургенева посыпались обвиненія — въ отсутствіи патриотизма, въ преступленіи предъ отечествомъ и русскимъ народомъ.

Во главѣ нападавшихъ оказались два перненствующихъ писателя—Достоевскій и гр. Толстой.

Достоевскій, жившій въ Баденѣ во время выхода въ свѣтъ *Дыма*, явился къ Тургеневу и заявилъ, что романъ слѣдуетъ сжечь рукой палача, что авторъ романа ненавидитъ Россію, не вѣритъ въ ея будущее. Тургеневъ молча выслушалъ обвинительную рѣчь. Но Достоевскій не удовольствовался ею и написалъ къ издателю *Русскаго Архива* письмо, излагающее преступныя убѣж-

²¹²) Письма къ Анненкову, относящіяся къ этой эпохѣ, въ *В. Евр.* 1887 янв. и февр. и въ *Русск. Обзор.* за 1894 годъ.

²¹³) *Письма*, 322.

денія Тургенева. Изложеніе велось отъ лица Тургенева: «я ненавижу Россію» и т. д... Достоевскій просилъ опубликовать письмо не ранѣе 10—15-лѣтняго срока. Издатель журнала написалъ объ этомъ Тургеневу и спрашивалъ, что ему дѣлать съ письмомъ Достоевскаго. Тургеневъ отвѣтилъ, что все это дѣло для него совершенно безразлично... ²¹⁴).

Такъ рассказано это происшествіе отчасти въ письмахъ Тургенева, отчасти въ его устныхъ бесѣдахъ. Всѣ ли факты здѣсь вполне точны—трудно ручаться, но несомнѣнно упреки были высказаны Достоевскимъ именно въ такомъ смыслѣ.

Тургеневъ отнесся къ вопросу крайне снисходительно: «это была бы просто-на-просто клевета», писалъ онъ о письмѣ Достоевскаго издателю *Русскаго Архива*, «если бы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ, — въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось. Но, Боже мой, какія мелкія дразги».

Но Достоевскій продолжалъ преслѣдованія. Онъ вывелъ Тургенева, въ своей повѣсти въ лицѣ героя съ предосудительными нравственными качествами и съ опасными убѣжденіями. Тургеневъ и на этотъ разъ не утратилъ обычнаго спокойнаго и терпимаго взгляда на своихъ враговъ. «Мнѣ сказывали, что Достоевскій «вывелъ» меня», писалъ онъ, «что жъ! пускай забавляется!» Тургеневъ только изумлялся, за что его ненавидитъ авторъ *Видныхъ людей*? «Я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя». Этими объясненіями и ограничился Тургеневъ. У него были письма Достоевскаго, ими онъ могъ подорвать вліяніе его сатиры и даже его авторитетъ. «Вотъ было бы забавно напечатать ихъ!» восклицаетъ Тургеневъ и здѣсь же прибавляетъ: «Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета».

Фигура Кармазинова, изображавшая, по замыслу Достоевскаго, его соперника, дѣйствительно, заставляетъ такой замыселъ признать памфлетомъ, результатомъ глубокой ненависти. Откуда она? Тургеневъ писалъ, будто Достоевскій возненавидѣлъ его еще въ то время, когда они оба были молоды и начинали литературную карьеру.

Въ *Воспоминаніяхъ* г. Григоровича и въ письмахъ Бѣлинскаго рассказано зарожденіе этого чувства. Еще былъ живъ Бѣлинскій

²¹⁴) *Письма*, 194. *Ист. В. XIV*, 387 (Е. Гаршинъ). *Письма*, 208.

и онъ отчасти былъ причиною злобы Достоевскаго на цѣлый кружокъ писателей-сверстниковъ. Бѣлинскій восторженно встрѣтилъ романъ Достоевскаго *Бѣдные люди*, провозгласилъ, что появилось новое свѣтило въ русской литературѣ. Тургеневъ раздѣлялъ восторги своего друга. Но эти восторги быстро охладѣли.

Произведенія, явившіяся послѣ *Бѣдныхъ людей*, повергли Бѣлинскаго въ негодованіе: критикъ горько сѣтовалъ на свое преждевременное увлеченіе. Въ февралѣ 1848 года онъ писалъ Анненкову: «Достоевскій написалъ повѣсть *Хозяйка*—ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подбогавши немного Гоголя. Онъ еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе—новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о *Бѣдныхъ людяхъ*. Я трепещу при мысли перечитать ихъ,—такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ—геніемъ. О Тургеневѣ не говорю: онъ тутъ былъ самимъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать».

Друзья Бѣлинскаго и на этотъ разъ послѣдовали за нимъ. Это должно было крайне сокрушать Достоевскаго, человѣка крайне впечатлительнаго и самолюбиваго. Необщительный и раньше, онъ теперь весь замкнулся въ себя и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени. Писатели, близко стоявшіе къ Бѣлинскому, стали ему ненавистны. Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій писалъ: Достоевскій «глубоко уоѣждень, что все человѣчество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его».

Столкновеніе произошло именно съ Тургеневымъ. По словамъ г. Григоровича, Достоевскій при встрѣчѣ съ другомъ Бѣлинскаго, далъ полную волю накипѣвшему негодованію, сказалъ, что «никто изъ нихъ ему не страшень,—дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ»²¹⁵).

Послѣ этой встрѣчи послѣдовалъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскимъ. Среди писателей ходило не мало эпиграммъ на самолюбіе и зависть автора *Бѣдныхъ людей*. Все это, конечно, только разжигало раздоръ. Съ теченіемъ времени злобныя чувства, повидимому, улеглись или были подавлены,—по крайней мѣрѣ относительно Тургенева.

Въ періодъ появленія романа *Отцы и Дети* происходитъ оживленный обмѣнъ писемъ между Тургеневымъ и Достоевскимъ. Послѣдній приглашаетъ Тургенева въ сотрудники своего журнала—*Время*. Тургеневъ принимаетъ приглашеніе, восхищается *Зани-*

²¹⁵) Анненковъ и его друзья. 610. Григоровичъ. Русск. М. янв. 1883, 13.

сками изъ мертвого дома. Въ свою очередь Достоевскій даетъ благоприятный отзывъ объ *Отцахъ и Дѣтяхъ* и своей характеристикой Базарова приводитъ Тургенева въ восторгъ: по его мнѣнiю, этотъ типъ только и поняли два человѣка—Достоевскій и В. Боткинъ. Но согласіе процвѣтало недолго. Причиной новаго взрыва было, можетъ быть, отчасти не особенно усердное выполненіе обѣщаній, какія Тургеневъ много разъ давалъ на счетъ сотрудничества въ журналѣ Достоевскаго, можетъ быть, денежныя отношенія:—Достоевскій одно время состоялъ должникомъ Тургенева, и этому факту придаетъ извѣстное значеніе самъ Тургеневъ... Но главная причина, вѣроятно, безпримѣрный успѣхъ *Отцовъ и Дѣтей*...²¹⁶⁾

Появился *Дилъ*—и Достоевскому представился удобный случай излить свои чувства. Мы видѣли, какъ Тургеневъ встрѣтилъ критику и пародію Достоевскаго. У него врядъ ли надолго осталось чувство негодованія. Весной 1877 года онъ рѣшается первый написать Достоевскому, рекомендуя ему француза,—составителя монографій о выдающихся представителяхъ русской словесности. Въ этой рекомендаціи читаемъ:

«Я рѣшился написать вамъ это письмо, не смотря на возникшія между нами недоразумѣнія, вслѣдствіе которыхъ наши личныя отношенія прекратились. Вы, я увѣренъ, не сомнѣваетесь въ томъ, что недоразумѣнія эти не могли имѣть никакого вліянія на мое мнѣніе о вашемъ первоклассномъ талантѣ и о томъ высокомъ мѣстѣ, которое вы по праву занимаете въ нашей литературѣ»²¹⁷⁾.

Несомнѣнно, въ талантѣ Достоевскаго были черты, которымъ Тургеневъ не могъ сочувствовать. Онъ не допускалъ въ романѣ слишкомъ подробнаго психологическаго анализа и порицалъ поэтому многія мѣста въ романѣ *Преступленіе и наказаніе*. Тургеневу было ненавистно все, что сколько-нибудь напоминало современный натурализмъ и даже въ художественномъ произведеніи, въ *Наканунѣ*—устами художника Шубина—счелъ умѣстнымъ выразить негодованіе на «новѣйшихъ эстетиковъ», предоставляющихъ художнику «завидное право воплощать въ себѣ всякія мерзости, возводя ихъ въ перлъ созданія». И Тургеневъ, естественно, съ особенной рѣзкостью отзывался о пристрастіи Достоевскаго къ психологическому натурализму, часто столь мучительному для читателей²¹⁸⁾.

Помимо этихъ ограниченій, Тургеневъ не думалъ отрицать та-

²¹⁶⁾ Письма. 116, 121. Ист. В. XIV, 387.

²¹⁷⁾ Письма. 315.

²¹⁸⁾ Фетъ. II, 88. Письма. 497.

«МІРЪ БОЖІЙ», № 5, МАЙ.

ланта у своего сверстника, и пожертвованіе на памятникъ Достоевскаго, при первомъ извѣстіи о смерти писателя, конечно, не свидѣтельствоваало о презрѣніи къ дарованію покойнаго.

Съ Достоевскимъ во мнѣніи о *Дымѣ*, въ общихъ чертахъ сошлись другіе два писателя — Фетъ и гр. Толстой. Подлиннаго отзыва Фета мы не знаемъ, но гр. Толстой въ письмѣ къ нему говоритъ о тождествѣ своего взгляда съ фетовскимъ. Оба судятъ на основаніи *ума сердца*—терминъ, изобрѣтенный Фетомъ и вызвавшій благодарность его корреспондента. Въ результатѣ—смертельный приговоръ литературной дѣятельности Тургенева.

Гр. Толстой пишетъ:

«Въ *Дымѣ* нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите — это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказывать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю; но, кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю» ²¹⁹⁾.

Гр. Толстой отчасти правъ, разсчитывая, что его впечатлѣніе раздѣляли если не всѣ, то очень многіе. Въ петербургскомъ обществѣ большой успѣхъ имѣла слѣдующая эпитаграмма:

И дымъ отечества намъ сладокъ и приятенъ!—
 Намъ вѣкъ минувшій говорить.
 Вѣкъ нынѣшній и въ солнцѣ ищетъ пятенъ,
 И смраднымъ *Дымомъ* онъ отечество коптитъ ²²⁰⁾:

Эта эпитаграмма могла быть мстью со стороны высшаго свѣта. Извѣстная часть «прогрессивной молодежи» немогла оставаться равнодушной къ другимъ героямъ романа — всѣмъ этимъ Губаревымъ, Воропиловымъ, Пищалкинымъ. Независимо отъ оскорбленія самолюбій—воинственный тонъ романа долженъ былъ поднять войну, еще болѣе жестокую, чѣмъ спокойно и безпристрастно разсказанная повѣсть объ *Отцахъ и дѣтяхъ*.

И война поднялась.

Въ общемъ противники Тургенева повторяли идеи, уже знакомыя намъ послѣ критическихъ отзывовъ Достоевскаго, Фета, гр. Толстого. Присоединялись, конечно, и личные, часто въ высшей степени недостойные наветы въ родѣ тѣхъ, какіе были

²¹⁹⁾ Фетъ. II, 121.

²²⁰⁾ *Ист. В. XLVII, 141. Галаховъ.*

вызваны Рудинымъ ²²¹). Тургеневъ, очевидно, сталъ уже привыкать къ такимъ выходкамъ: по крайней мѣрѣ, онъ не перестаётъ увѣрять своихъ друзей, что онъ вполне равнодушенъ къ суду критики. «Что же касается до критикъ», пишетъ онъ, «то я, грѣшный человѣкъ, питаю къ нимъ довольно большое равнодушіе, и не потому, чтобы я былъ убѣжденъ, что они неправы: напротивъ, я почти всякій разъ соглашаюсь съ моимъ распекателемъ,—но я слишкомъ уже старъ, чтобы передѣлать себя; тѣ, которымъ я по вкусу, должны меня глотать вмѣстѣ съ моими грѣхами» ²²²).

Но это равнодушіе, повидимому, не особенно легко дается писателю. Та или другая выходка «молодыхъ критиковъ» по временамъ все-таки раздражаетъ Тургенева, и въ самомъ заявленіи о равнодушіи слышится гнѣвная нота. «А что касается до лая мальчишекъ», пишетъ Тургеневъ, «пускай они потѣшаются... Это только доказываетъ, что мы подвигаемся впередъ. И пятокъ-то они не укусятъ». Пусть какъ угодно поносятъ, прибавляетъ онъ въ другомъ письмѣ, онъ «и ухомъ не поведетъ, и палецъ о палецъ не ударить».—«Все это суета суетствій» ²²³).

Наконецъ, Тургеневъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ доказываетъ вѣрность своему прежнему взгляду: «мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить». Онъ пишетъ знаменитую статью *по поводу «Отцовъ и дѣтей»* уже послѣ «Дыма», въ самый разгаръ нападокъ «молодыхъ людей».

Авторъ старается разъяснить недоразумѣнія и опровергнуть несправедливые упреки и, обращаясь къ своимъ юнымъ современникамъ, къ своимъ собратьямъ, заканчиваетъ любовнымъ напутственнымъ словомъ ихъ дѣятельность. Прославленный писатель произносилъ это слово не наставническимъ тономъ—онъ даже не признавалъ за собой права на такой тонъ,—а «тономъ стараго друга». Онъ зачислялъ себя въ число ветерановъ, обязанныхъ очистить путь «новымъ людямъ». «Благо тѣмъ», восклицалъ онъ, «которые вѣремя умѣютъ сами подать въ отставку». Авторъ одного хотѣлъ,—отстоять свое произведеніе, устранить всѣ недоразумѣнія и недомолвки. Цѣль, скромнѣе этой, трудно представить...

И все-таки статью постигла та же участь, какой подверглись романы Тургенева. Самъ авторъ заявляетъ объ этомъ фактѣ:

²²¹) Письма. 136: «какой-то баринъ, нисколько не стѣсняясь, увѣрять, что я для своего оскорбленнаго самолюбія пожертвовать... честью». Такой выводъ Т—въ дѣлаетъ изъ цитаты, сообщенной ему Полонскимъ.

²²²) Письма. 133.

²²³) Р. Ст. XLVII, 325. Письма. 160.

«Оказывается, что всё недовольны моей статейкой по поводу *Отцовъ и дѣтей*. Изъ этого я вижу, что не всегда слѣдуетъ говорить правду; ибо каждое слово въ этой статейкѣ—сама истина, въ отношеніи ко мнѣ, разумѣется» ²²⁴).

Съ этого времени Тургеневъ больше не выступаетъ съ публикой въ критическія бесѣды о своей литературной дѣятельности. Имъ на нѣкоторое время овладѣваетъ, дѣйствительно, полное равнодушіе къ общественному мнѣнію. Онъ сторонится отъ полемики и всевозможныхъ пререканій. Ему приходится отъ близкихъ знакомыхъ слышать неприятныя, ложныя мнѣнія, но онъ оставляетъ ихъ безъ энергическаго горячаго протеста, столь обычнаго въ бывшее время. «Къ сожалѣнію», пишетъ онъ, «я уже попрежнему спорить не могу и не умѣю; флегма одолѣла до того, что нѣсколько разъ въ день приходится съ нѣкоторымъ усиліемъ расклеивать губы, слышшіяся отъ долгаго молчанія» ²²⁵).

Но какъ бы глубока ни была эта флегма, Тургеневъ не можетъ не жить вопросами, завладѣвшими всей его жизнью и мыслью,—вопросами объ искусствѣ, о художественной дѣятельности. Вопросы эти разрѣшаются сообразно съ господствующимъ настроеніемъ и пережитымъ опытомъ. Онъ, кромѣ того, находитъ отвѣты у художника, своего учителя.

Тургеневъ въ теченіе всей своей жизни съ безграничнымъ уваженіемъ относился къ имени и генію Пушкина. «На смертномъ одрѣ», рассказываетъ иностранецъ, «онъ высказалъ своимъ друзьямъ, что жалалъ бы лежать возлѣ Пушкина, но что онъ чувствуетъ себя недостойнымъ такой великой чести и что такое желаніе слишкомъ дерзновенно съ его стороны» ²²⁶). Въ торжественныя минуты жизни Тургеневъ называлъ себя «ученикомъ Пушкина», и это право—мы видѣли—признали за нимъ даже его противники ²²⁷).

Великаго романиста, конечно, привлекалъ къ великому поэту прежде всего художественный геній. Но и личная жизнь Тургенева представила не мало чертъ и положеній, невольно напоминающихъ біографію Пушкина. Авторъ *Евгенія Онегина* также испыталъ, что значитъ произнести «новое слово» среди публики, пока неспособной воспринять его. Онъ не разъ слышалъ и «судъ глумца» и «смѣхъ толпы холодной», и изливалъ свой гнѣвъ въ бурныхъ

²²⁴) *Письма*, 168.

²²⁵) *Фетъ*, II, 207.

²²⁶) Рольстонъ. *Иностр. крит.* 190.

²²⁷) *Письма*, 346.

исполненныхъ презрѣнія рѣчахъ. Его ученикъ переживалъ такія же минуты. Развѣ могъ онъ не вспоминать о своемъ учителѣ—теперь—болѣе чѣмъ когда-либо?..

И онъ вспомнилъ.

Нѣсколько позже того періода, о которомъ говоримъ мы, возникло стихотвореніе въ прозѣ—*Услышишь судъ глупца*. Но время не имѣетъ здѣсь значенія. Стихотвореніе прекрасно характеризуетъ образъ мыслей Тургенева въ концѣ шестидесятыхъ годовъ,— оно даетъ намъ гораздо больше: объясняетъ отношеніе Тургенева къ виновникамъ всѣхъ своихъ огорченій на поприщѣ литературной дѣятельности.

Мы должны вспомнить это стихотвореніе съ буквальной точностью. Здѣсь каждая строка—яркій лучъ свѣта, озаряющій нравственный міръ гениальнаго художника и человѣка.

«Услышишь судъ глупца»... Ты всегда говорилъ правду, великій нашъ пѣвецъ; ты сказалъ ее и на этотъ разъ.

«— Судъ глупца и смѣхъ толпы... Кто не извѣдалъ и того и другого?»

«Все это можно—и должно переносить; а кто въ силахъ пусть презираетъ!»

«Но есть удары, которые болѣе бьютъ по самому сердцу... Человѣкъ сдѣлалъ все, что могъ, работалъ усиленно, любовно, честно... И честныя души гадливо отворачиваются отъ него; честныя лица загораются негодованіемъ при его имени. «Удались! Ступай вонъ!»—кричатъ ему честные, молодые голоса.—«Ни ты намъ не нуженъ, ни твой трудъ, ты оскверняешь наше жилище—ты насъ не знаешь и не понимаешь... Ты нашъ врагъ!»

«Что тогда дѣлать этому человѣку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться—и даже не ждать болѣе справедливой оцѣнки.»

«Нѣкогда землешцы проклинали путешественника, принесшаго имъ картофель, замѣну хлѣба, ежедневную пищу бѣдняка... Они выбивали изъ протянутыхъ къ нимъ рукъ драгоценный даръ, бросали его въ грязь, и топтали ногами.»

«Теперь они питаются имъ—и даже не вѣдаютъ имени своего благодѣтеля.»

«Пускай! На что имъ его имя? онъ и безъимянный спасаетъ ихъ отъ голода.»

«Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.»

«Горька неправая укоризна въ устахъ людей, которыхъ любишь... Но перенести можно и это.»

«Бей меня! но выслушай!» — говорилъ аеинскій вождь спартанскому.

«Бей меня, но будь здоровъ и сытъ!» — должны говорить мы.

Въ этомъ стихотвореніи заключается объясненіе художественныхъ и общественныхъ стремленій не одного Тургенева: здѣсь мы читаемъ отвѣтъ на столь обычные упреки, звучавшіе когда-то и до сихъ поръ не замолкшіе окончательно, противъ «учителя», противъ Пушкина. Въ заявленіяхъ поэта, сорвавшихся съ его устъ въ минуты гнѣва, на тупоуміе и равнодушіе толпы, хотѣли видѣть символъ вѣры художника-жреца, идущаго своей дорогой въ сторонѣ отъ людскихъ интересовъ, вдали отъ горя и радостей своихъ соотечественниковъ. Какъ опрометчивы и несправедливы были эти упреки! Было бы удивительно, если бы преобразователи — въ какой бы то ни было области духовнаго развитія — не испытывали по временамъ разочарованія, гнѣва на своихъ современниковъ. Именно это настроеніе и свидѣтельствуетъ о томъ, что цѣли и замыслы художника или мыслителя дѣйствительно велики и новы: толпа привѣтствуетъ съ первой же минуты только то, что уже давно составляетъ ея достояніе, что ей доступно безъ всякихъ усилій мысли, что отдаетъ запахомъ ея будней, ея мертваго инертнаго существованія. «Судь глупца» и «смѣхъ толпы холодной» часто поражаютъ именно то, чего не въ силахъ понять ни глупецъ, ни толпа. Геній всегда выше своихъ современниковъ, онъ всегда можетъ повторить, въ началѣ своего поприща, гордые, но справедливыя слова шиллеровскаго идеалиста:

Я — гражданинъ грядущихъ поколѣній!..

Таковъ смыслъ стихотвореній Пушкина о поэтѣ-царѣ и прерѣнной черни. Но идейный практическій выводъ и здѣсь такой же, какъ и въ тождественномъ произведеніи ученика:

«Бей меня — но будь здоровъ и сытъ...»

Эти слова обращаются къ той же толпѣ, и дѣятельность великихъ художниковъ совершается подъ этимъ девизомъ, совершается необходимо, стихійно, въ силу величія художниковъ, сколько бы терній ни встрѣчалось на ихъ пути и какой бы судъ они ни слышали отъ толпы, ими благодѣтельствуемой.

Все это съ поразительной точностью оправдывается жизнью и дѣятельностью Тургенева.

Онъ, утомленный борьбой, не видя успѣха своихъ искреннѣйшихъ усилій — объяснить свои цѣли и идеи — невольно вспоминаетъ драму, когда-то пережитую его учителемъ. «Что касается до литературной дѣятельности вообще», пишетъ онъ другу, «то должно каждому непремѣнно и неуклонно идти своей дорогой спо-

койно, и, по мѣрѣ возможности, зорко глядя кругомъ. Само дѣло покажетъ, правъ ли ты, а пока перечитывай пушкинскаго *Поэта*: «Поэтъ, не дорожи любовію народной» и т. д.

Позже Тургеневъ разбиралъ отношеніе публики къ его отдѣльнымъ произведеніямъ, и приходилъ въ изумленіе отъ ея неожиданныхъ приговоровъ. Напримѣръ, *Письмъ торжествующей любви*, написанная, повидимому, не для большинства читателей, имѣла «чуть не огромный успѣхъ». «Выводъ изъ этого такой», рассуждалъ Тургеневъ, «пиши, что тебѣ на душу придетъ, не справляясь заранѣе съ мнѣніями публики. Впрочемъ, я долженъ отдать себѣ справедливость, что я такъ и поступалъ до сихъ поръ. Да и какъ это писать для публики?»

Эти разсужденія находили опору въ непоколебимой увѣренности Тургенева, что дѣйствительно талантливые рано или поздно непременно будутъ признаны. Онъ любилъ повторять изреченіе Бѣлинскаго: «каждый рано или поздно попадаетъ на свою полочку». «Въ концѣ концовъ», пишетъ Тургеневъ, «никто не можетъ выдать себя за нѣчто большее, чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, точно также не бываетъ, чтобъ что-нибудь, дѣйствительно существующее, не было признано... современемъ»²²⁸).

Очевидно, при такой вѣрѣ Тургеневъ не могъ питать злобнаго чувства противъ молодого поколѣнія. Онъ ждалъ и надѣялся и, какъ увидимъ, дѣйствительно дождался. А пока онъ повторялъ свое:

«Бей меня, но будь здоровъ и сытъ».

Врядъ ли какому-либо предмету, за исключеніемъ развѣ народа, Тургеневъ посвящалъ больше и «тайныхъ думъ», и любовныхъ заботъ, чѣмъ молодежи.

Тургеневъ охотно заводитъ рѣчь о молодомъ поколѣніи, о дѣятеляхъ, только-что выступающихъ на сцену. Его сочувствіе всецѣло принадлежитъ этимъ новичкамъ. Онъ готовъ съ восторгомъ привѣтствовать новый талантъ. Онъ многое прощаетъ молодости, потому что вполне понимаетъ ее: самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый линизмъ, рѣзкія мнѣнія и угловатыя формы — все это Тургеневъ считаетъ неизбѣжной принадлежностью молодости и относится къ ея мимолетнымъ недостаткамъ и заблужденіямъ съ отеческою терпимостью. Онъ «шапку ломаетъ» предъ молодыми людьми, если только чувствуетъ въ нихъ дѣйствительное присутствіе силы, таланта, ума. Онъ такого рода будущимъ дѣателямъ уступаетъ «честь и мѣсто»,

²²⁸) *Письма*. 131, 399, 134.

первый радуется «приливу новыхъ силъ», сопровождаетъ успѣхи юноши горячимъ восклицаніемъ: «Впередъ, молодое поколѣніе!»²³¹⁾.

Впрочемъ, всѣ эти рѣчи, всѣ эти привѣтствія давно должна была знать русская молодежь. Еще устами одного изъ раннихъ героевъ—Лаврецькаго—Тургеневъ обратился къ грядущимъ поколѣніямъ съ такимъ напутствіемъ:

«Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы. Жизнь у васъ впереди; вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло!.. А вамъ надобно дѣло дѣлать, работать,—и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами»..

«И не было горечи въ его душѣ», замѣчаетъ авторъ.

То же самое онъ могъ сказать и о своихъ думахъ..

Одного только не могъ простить Тургеневъ молодежи: невѣжества, самонадѣянной бездарности, пошлаго самообожанія. А такихъ «новыхъ людей» нарождалось не мало съ каждымъ днемъ. Тургеневу приходилось разсуждать о всякихъ непризнанныхъ генияхъ, о ничтожностяхъ, взводимыхъ на пьедесталъ въ томъ или другомъ изъ многочисленныхъ отечественныхъ муравейниковъ.

Объ одномъ изъ такихъ «русскихъ Лео» Тургеневъ писалъ: «Это опьяненіе самообожанія рядомъ съ изумительной бездарностью!.. Этотъ догматическій тонъ при такомъ невѣжествѣ! все это просится въ карикатуру. И замѣйте—меня нисколько не смущаетъ рѣзкость мнѣній; меня изумляетъ эта пустота, воображающая, что она «на 20-мъ году жизни уже разрѣшила всѣ вопросы науки и жизни».. Изъ молодыхъ людей, подобныхъ ***^{***}, никогда ничего не выходитъ. Откиньте всѣ его разглагольствованія о собственной особѣ подъ предлогомъ *идеи* и вы удивитесь, какой тамъ останется нуль».

Тургеневъ издѣвается надъ торжественными приемами бездарнаго риемоплета: онъ сочинилъ двѣнадцать, никуда негодныхъ стишковъ, и съ одной стороны вставляетъ число, когда онъ ихъ задумалъ, а съ другой—число, когда онъ свершилъ это великое дѣло²³²⁾.

Иной образъ новаго дѣятеля рисовался Тургеневу—дѣятеля сознающаго свои силы и наклонности, скромнаго, мужественнаго, готоваго даже на незамѣтное дѣло, лишь бы оно было цѣнно въ общественномъ смыслѣ. Великій писатель въ концѣ своей жизни и

²³¹⁾ Русск. Ст. XL, 223, 224. Письма, 187.

²³²⁾ Р. Ст. XL, 240—2.

многоотрудной творческой дѣятельности высказывалъ глубокое убѣжденіе, что стремленія къ *общему* идеалу безплодны, — слѣдуетъ искать идеала *спеціальнаго*, указываемаго человѣку его «прирожденной способностью, талантомъ, говоря прямо, охотой, расположеніемъ къ извѣстному дѣлу». А такого рода *талантъ* есть у всякаго, только не всякій умѣетъ пользоваться имъ. «Многіе либо не стараются сознать его, либо находятъ его слишкомъ мелкимъ или недостойнымъ того, чтобы посвятить ему свою дѣятельность, и въ этомъ заключается большая ошибка. Спеціальный идеалъ не только не протѣиворѣчитъ общему, но оплодотворяется имъ и взаимно даетъ ему жизнь» ²³³).

Не легко пылкой, романтически-настроенной молодости помириться съ скромнымъ назначеніемъ въ жизни. А между тѣмъ, это часто единственный полезный и идеальный путь. Тургеневъ неоднократно останавливается на этомъ вопросѣ, и желаетъ новымъ дѣятелямъ «бодрости, спокойствія и терпѣнія», особенно терпѣнія: оно—по мнѣнію Тургенева—нужно особенно въ Россіи и именно молодымъ людямъ.

Терпѣніе—такая незамѣтная, непоэтическая добродѣтель. Здѣсь героизмъ не бросается въ глаза яркимъ блескомъ; здѣсь мало привлекательнаго для юныхъ мечтателей. Но Тургеневъ настаивалъ на самопожертвованіи, на дѣятельности—мирной, будничной, негероической. Въ семидесятыхъ годахъ такой взглядъ овладѣлъ писателемъ окончательно. Поколѣніе, проходившее предъ глазами писателя, общій строй жизни, наблюдаемый имъ,—все говорило объ иныхъ людяхъ и иныхъ подвигахъ.

Можетъ быть, творецъ блестящихъ, сильныхъ, оригинальныхъ образовъ рисовалъ пути, не особенно лестные для нашего времени, но человѣку, пережившему эпоху шестидесятыхъ годовъ, позднѣйшіе годы могли казаться удручающимъ затишьемъ и новые люди, въ сравненіи съ молодыми дѣятелями прошлаго, производили впечатлѣніе скромное и будничное.

Одна дама писала Тургеневу, что среди современной молодежи нѣтъ такихъ сильно-организованныхъ личностей, какою изображенъ Базаровъ. Она искала Базарова, не въ буквальномъ смыслѣ, не «нигилиста», а просто юношу, на столько же оригинальнаго, откровеннаго, смѣлаго. Тургеневъ отвѣчалъ:

«Времена переменялись: теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося,

²³³) Письма, 416.

слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеска и треска; нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы—я беру слово: жизненной — въ смыслѣ простоты, безхитростности, *tegge à tegge*. Что можетъ быть, напримѣръ, жизненнѣе учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ—тутъ даже о призваніи говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патриотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что нужно.

Тургеневъ, очевидно, увлекся своей идеей и слишкомъ во многомъ отказалъ будущимъ поколѣніямъ. Врядъ ли когда-либо наступаютъ такія эпохи, когда безличныя, обыкновенные люди полезнѣе выдающихся и даровитыхъ, когда даже «не особенно» умные являются образцовыми дѣятелями. Кромѣ того, учить мужика грамотѣ, помогать ему—едва ли возможно *безъ призванія*, если, конечно, и то, и другое будетъ выполняться честно и сознательно. Чувство долга безъ призванія становится источникомъ нравственнаго рабства, недовольства, наконецъ, полного равнодушія къ дѣлу. Самъ же Тургеневъ, мы видѣли, говорилъ объ идеалѣ, согласномъ съ наклонностями и способностями человѣка. И этотъ взглядъ справедливъ и законенъ. Дѣятельность, не соответствующая внутреннимъ влеченіямъ дѣятеля, грозитъ превратиться въ ненавистную, обязательно и насильственно отбываемую повинность.

Но это—подробности: въ общемъ, взглядъ Тургенева на роль и назначеніе молодыхъ поколѣній совершенно понятенъ. Совершился рядъ великихъ реформъ, создавшихъ новыя основы народной жизни. Общій планъ грядущаго развитія намѣченъ, путь указанъ, но каждый шагъ на этомъ пути долженъ сопровождаться борьбой стараго съ новымъ. Освобожденному народу нужны помощники, учителя, люди, способные стать въ уровень съ его жизнью, съ его интересами, сжиться съ его сѣрой дѣйствительностью, исполненной чернаго труда и часто незамѣтныхъ, но на самомъ дѣлѣ глубокихъ страданій. Великое дѣло совершено, могучій тонъ данъ, — оставалось выполнить множество подробностей, привести въ множество диссонансы, безпрестанно возникавшіе между идеями и преданіями. Для этихъ подробностей требовались другіе люди, чѣмъ творцы и участники преобразовательнаго движенія. На этомъ пути не требовалось блестящаго драматическаго героизма,—требовалась выносливость, любовь къ дѣлу, неутомимая муравьиная работа.

Именно въ такомъ смыслѣ писалъ Тургеневъ: «Народная жизнь

переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго, хороваго развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники,—не вожаки, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности... Мы вступаемъ въ эпоху только *полезныхъ* людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ—очень мало».

Тургеневъ совершенно послѣдовательно возставалъ противъ романтическихъ замысловъ молодого поколѣнія. Онъ требовалъ плѣсообразной дѣятельности, а не бесплодныхъ мечтаній. Онъ смѣялся надъ надеждами юношей «сдвигать горы съ мѣста», совершать крупныя, громкіе и красивые подвиги. Болѣе, по его мнѣнію, чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетвориться малымъ, назначать себѣ тѣсный кругъ дѣйствія... ²³⁴).

Здѣсь опять мы слышимъ отголосокъ давнишнихъ идей Лаврецакаго. Этотъ герой—столь близкій сердцу автора—ограничиваетъ «свой кругъ дѣйствій», онъ намѣренъ пахать землю «и стараться какъ можно лучше ея пахать». Въ противоположность этимъ честнымъ, практически обдуманымъ намѣреніямъ, легкомысленный канцеляристъ Паншинъ замышляетъ во мгновение ока передѣлать бытъ и исторію цѣлаго народа. И какъ смѣшенъ и жалокъ этотъ пылкій реформаторъ предъ скромнымъ землепашцемъ!.. И, конечно, авторъ, устами Лаврецакаго, «разбиваетъ его на всѣхъ пунктахъ».

Мы видимъ, сколько вниманія удѣлялъ романистъ своимъ юнымъ современникамъ. Вниманіе отнюдь не оставалось платоническимъ. Тургеневъ всегда и вездѣ обнаруживалъ искреннѣйшую готовность помочь молодымъ людямъ совѣтомъ, деньгами, рекомендаціей. Фактовъ безчисленное множество, имена облагодѣтельствованныхъ лицъ неизвѣстны даже ближайшимъ друзьямъ Тургенева. Онъ творилъ добро по евангельскому правилу: лѣвая рука не знала, что дѣлала правая.

Извѣстно, какое участіе Тургеневъ принималъ въ судьбѣ вольнослушателей петербургскаго университета. Студенты всегда оставались предметомъ его попеченія. Въ письмахъ мы читаемъ распоряженія—внести извѣстную сумму денегъ на стипендіи бѣднѣвшимъ студентамъ, заграницей въ пользу студентовъ Тургеневъ устраиваетъ концерты, г-жа Віардо поетъ, онъ читаетъ отрывки изъ своихъ произведеній, принимаютъ участіе даже французскіе писатели, — на примѣръ, Золя. Легко представить успѣхъ такого рода *matinées!* ²³⁵).

²³⁴) Р. Ст. XL, 226—7.

²³⁵) В. Е. апр. 1885, 501. *Шестъ лѣтъ переписки.* Р. Ст. XLII, 397.

Что касается рекомендацій, здѣсь Тургеневъ былъ неутомимъ. Всѣ наши источники переполнены сообщеніями объ изумительной готовности и искусствѣ Ивана Сергѣевича—помочь этимъ путемъ. Нѣкоторыя рекомендаціи его достигали поистинѣ наумительныхъ результатовъ.

Въ Парижѣ очутился юноша безъ всякихъ средствъ, знакомствъ и—что важнѣе всего—безъ всякихъ документовъ, а между тѣмъ юноша мечталъ попасть въ специальное учебное заведеніе—въ земледѣльческій институтъ въ Монпелье. Но для полученія аттестата требовалось метрическое свидѣтельство. Директоръ института предложилъ юношѣ представить удостовѣреніе отъ Тургенева въ томъ, что онъ—студентъ, родился тогда-то и тамъ-то. Тургеневъ немедленно исполнилъ просьбу, и юноша успѣшно окончилъ курсъ и сдѣлалъ очень счастливую карьеру.

Мотивъ большинства рекомендацій Тургенева выраженъ кратко и ясно, въ одномъ изъ рекомендательныхъ писемъ къ брату на счетъ нѣкогого юноши: «ѣсть ему нечего—вотъ его главное и очень почтенное право на участіе». Очевидецъ сообщаетъ, что Тургеневъ даже изощрилъ въ себѣ особенный талантъ—писать рекомендательныя письма и добродушно подсмѣивался надъ своимъ краснорѣчіемъ²³⁶⁾.

Послѣ *Дыма* творчество Тургенева на нѣкоторое время приняло направленіе нѣсколько иное, чѣмъ мы видѣли раньше.

И это направленіе, какъ и раньше неоднократно повторявшійся унадокъ творческой энергіи, было вызвано слишкомъ нервной отзывчивостью Тургенева на общественное и журнальное мнѣніе объ его произведеніяхъ.

Писатель сколько угодно могъ готовиться къ публичнымъ нападкамъ, съ какой угодно настойчивостью убѣждать себя, что все это «въ порядкѣ вещей», что правда возьметъ свое,—онъ не могъ спастись отъ тягостнаго впечатлѣнія при всякомъ новомъ обвиненіи, насмѣшкѣ. Въ натурѣ Тургенева не было энергіи для практической, будничной борьбы, находчивости для быстрого подавляющаго отпора. Среди многочисленныхъ воспоминаній о Тургеневѣ есть разсказы, подтверждающіе замѣчаніе одного изъ иностранныхъ знакомцевъ Тургенева. На Ивана Сергѣевича Тургенева можно было подчасъ даже «накричать»,—и гениальный писатель не находилъ, какъ отвѣчать первому встрѣчному смѣльчаку.

²³⁶⁾ *Письма*. 375, 387. *Отчетъ петерб. библ.* 37—8. *Р. Ст.* XLVII, 328—9; XLII, 401; XL, 272. Полонскій. 595.

²³⁷⁾ *Шестъ лѣтъ переписки*. Тв. 472.

²³⁸⁾ *Р. Ст.* XLVII, 216—7.

Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Тургенева къ нѣкому г-ну В. Этотъ господинъ, впоследствии попавшій въ домъ душевнобольныхъ, преслѣдовалъ Ивана Сергѣевича безконечными просьбами о вспоможеніи, получалъ его, но, наконецъ, написалъ Тургеневу крайне дерзкое письмо немедленно послѣ полученія отъ него денегъ. Иванъ Сергѣевичъ призналъ необходимымъ объяснить странному корреспонденту, что онъ не думалъ оскорблять его и что у него, Тургенева, «тоже есть своего рода гордость». И все вслѣдствіе того только, что Тургеневъ хотѣлъ получить отвѣтъ отъ своего корреспондента о полученіи денегъ...

Послѣ этого вѣроятно рассказъ и о встрѣчѣ Ивана Сергѣевича съ Писаревымъ. Пылкій критикъ буквально «накричалъ» на романиста за его намѣреніе печатать *Дымъ* въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Тургеневъ, по словамъ рассказчика, конфузился, блѣднѣлъ и «не могъ отвѣтить ни слова». И не потому, конечно, что чувствовалъ себя виноватымъ или не зналъ, что отвѣчать, а просто по органической неспособности къ боевымъ стычкамъ и воинственнымъ словопреніянь. Это обычное свойство гуманныхъ, глубококультурныхъ натуръ. Въ этомъ свойствѣ коренится также склонность Тургенева къ мрачнымъ, даже безнадежнымъ настроеніямъ по поводу слишкомъ страстныхъ выходокъ критиковъ и пріятелей

Мы уже не разъ встрѣчались съ подобнымъ настроеніемъ,—по вторилось оно и послѣ *Дыма*.

Тургеневъ въ слѣдующихъ словахъ вспоминаетъ объ этомъ времени:

«*Дымъ* хотя успѣхъ имѣлъ довольно значительный, однако, возбудилъ противъ меня большое негодованіе. Особенно сильны были упреки въ недостаткѣ патріотизма, въ оскорбленіи родного края и т. п. Опять появились эпиграммы. Самъ Ѳ. И. Тютчевъ, дружбой котораго я всегда гордился и горжусь донинѣ, счелъ нужнымъ написать стихотвореніе, въ которомъ оплакивалъ ложную дорогу, избранную мною. Оказалось, что я одинаково, хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, оскорбилъ и правую, и лѣвую сторону нашей читающей публики. Я нѣсколько усомнился въ самомъ себѣ и умолкъ на нѣкоторое время».

Но окончателно Тургеневъ замолчать не могъ. Онъ пока только выбралъ болѣе безобидную область литературы. Такъ, можетъ быть, ему казалось.

Мы знаемъ, сколько личнаго опыта и личныхъ воспоминаній вносилъ Тургеневъ въ свои произведенія. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ эта черта усиливается до такой степени, что каждое произведеніе Тургенева ничто иное, какъ точныя воспоминанія о

прошломъ. И это—лучшія произведенія за этотъ періодъ. Здѣсь сказала, можетъ быть, извѣстная усталость творческаго генія, и, можетъ быть, столь обычное стремленіе — въ извѣстный возрастъ—пережить вновь минувшее.

На слѣдующій годъ послѣ появленія *Дыма* Тургеневъ пишетъ: «Я сижу теперь надъ литературными своими *Воспоминаніями*, и мысленно переживаю давно прошедшее... Иногда грустно становится,—а иногда пріятно... но и пріятность эта не безъ грусти. Кто перевалился за 50 лѣтъ — не выйти тому изъ минорнаго тона» ²³⁹).

Съ особенно теплымъ чувствомъ Тургеневъ вспоминалъ о Бѣлинскомъ. По поводу статьи о великомъ критикѣ онъ писалъ Анненкову:

«Не знаю, какъ она вышла, но я все писалъ старательно, два раза все переписалъ и умилился... пришли и стали воспоминанія... сужѣлъ ли я схватить фізіономію нашего покойнаго друга — вы лучше меня можете судить объ этомъ».

Воспоминаніямъ въ критикѣ суждено было раздѣлить участь *Дыма*, не смотря на очевидный искренній тонъ авторскихъ разсказовъ. Но это было также естественно: такого рода произведенія всегда рискуютъ затронуть множество самолюбій и личныхъ чувствъ.

Въ концѣ 1869 года Тургеневъ писалъ:

«Давать мнѣ en passant плохо, повидимому, est très bien porté въ нынѣшней литературѣ, въ родѣ тирольскихъ шляпъ: послѣдняя мода!»

И почти въ каждомъ письмѣ онъ сообщаетъ о выходкахъ противъ него въ русскихъ газетахъ и журналахъ. Онъ даже поддается раздраженію и едва не бросается въ полемику.

Одновременно Тургеневъ работаетъ надъ разсказомъ *Несчастная*. Онъ былъ оконченъ въ сентябрѣ 1868 года, авторъ выражалъ опасеніе, не слишкомъ ли мрачно вышло новое произведеніе. По обыкновенію, Тургеневъ много передѣлалъ и прибавилъ, согласно съ отзывами друзей, раньше, чѣмъ отдать повѣсть въ печать. Многіе ему заявляли, что *Несчастная* производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе—Тургеневъ отвѣчалъ, что разсказъ—эпизодъ изъ его личной жизни и, создавая его, онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ мучительныхъ воспоминаній.

Фактъ относится къ студенческой жизни Тургенева. Онъ зналъ

²³⁹) Письмо г-ну В. *Письма*. 378 О встрѣчѣ съ Писаревымъ. Мартыновъ. И. В. XXII, 415. *Письма*. 146.

героиню, пережилъ вмѣстѣ съ ней трагическіе моменты ея печальной исторіи. «Эта дѣвушка», писалъ онъ, «дѣйствительно сидѣла на окнѣ: у меня въ комнатѣ московскаго дома и дѣйствительно царапала ногтями лѣдинки». Иностранецъ рассказываетъ, сколько страданій причиняли Тургеневу эти воспоминанія. Повѣсть приближалась къ развязкѣ,—авторъ въ теченіе цѣлаго дня былъ совершенно боленъ. Глубже невозможно переживать минувшее путемъ художественнаго творчества...

Тургенева, между прочимъ, упрекали за сцену «пира» на кладбищѣ. Авторъ считалъ эту сцену необходимой, потому что онъ раньше—на поминкахъ Грановскаго—далъ себѣ слово—«заклеймить гнусный, безобразный обычай»²⁴⁰).

Повѣсть, какъ бы печальна ни была, отвѣчала настроенію Тургенева въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Друзья замѣчали, что у него все больше стала развиваться склонность описывать печальныя событія. Онъ жалуется на жизнь и самъ объясняетъ свое настроеніе: его гнететъ старческая тоска. Пятьдесятъ лѣтъ онъ считаетъ кризисомъ жизни. Человѣкъ, перевалившійся за этотъ возрастъ, «живетъ какъ въ крѣпости, которую осаждаютъ смерть и непремѣнно возьметъ». И Тургеневъ будто чувствуетъ надъ собой ледяное дыханье смерти. Лѣтомъ въ 1869 году онъ пишетъ: «темная туча, которая у каждаго человѣка виситъ на горизонтѣ, надвинулась на меня своимъ передовымъ рукавомъ. Дѣлать нечего, но и говорить объ этомъ нечего». Мы слышимъ верѣдко сожалѣнія о минувшей молодости, но еще чаще самоотверженную рѣшимость—идти покорно путемъ, быстро и неумолимо ведущимъ къ концу. «Холодъ старости», пишетъ Тургеневъ, «съ каждымъ днемъ глубже проникаетъ въ мою душу, сильнѣе охватываетъ ее; равнодушіе ко всему, которое я въ себѣ замѣчаю, меня самого мучаетъ». Однажды въ кругу любимыхъ и близкихъ людей Тургеневъ говорилъ: «Вы знаете, что иногда въ комнатѣ пахнетъ мускусомъ, и отъ этого запаха ничѣмъ не отдѣлаешься. Мнѣ кажется, что у меня есть тоже присущій мнѣ запахъ уничтоженія, разрушенія, смерти»²⁴¹).

Съ такимъ настроеніемъ Тургеневъ вступилъ въ шестой десятокъ своей жизни. Онъ окончательно призналъ себя старикомъ, а «старость и веселость не идутъ другъ къ другу», говорилъ онъ.

²⁴⁰) Письма къ Анненкову. Р. Обозр. 1894. Письма. 141, 152—3. Русск. Ст. ХІІ, 395. Пичъ. Иностр. крит. 154.

²⁴¹) Фетъ II, 192. Пичъ. Иностр. кр. 178. Письма. 163, 212—3. Ист. В. ХІV, 450 (Гонкуръ). Письма. 219.

Душевная тяжесть усиливалась еще отъ другого чувства: мы его уже знаемъ, оно сопровождало Тургенева всю жизнь и, несомнѣнно, становилось мучительнѣе съ приближеніемъ старости: это—чувство одиночества. Тургеневъ безпрестанно говоритъ о немъ, оно для него своего рода прообразъ грядущей смерти, жесточайшій спутникъ преклонныхъ лѣтъ.

Внѣшнія событія именно къ концу шестидесятихъ годовъ сложились такъ, чтобы муки одиночества сдѣлать для Тургенева еще ядовитѣе и глубже.

Съ самаго переселенія въ Баденъ Тургеневъ принужденъ былъ заняться крайне хлопотливымъ вопросомъ — о бракѣ дочери. Вопросъ этотъ нѣкоторое время находился въ неопредѣленномъ положеніи и сильно волновалъ Тургенева. Въ мартѣ мы узнаемъ отъ Боткина, что бракъ разстроился «вслѣдствіе необыкновенной жажды къ деньгамъ, выказанной претендентомъ». Но почти въ то же самое время Тургеневъ пишетъ брату: «послѣ долгихъ колебаній, кажется, на этотъ разъ дѣло пойдетъ на ладъ съ свадьбой моей дочери; боюсь сглазить и, потому, не называю тебѣ еще имени будущаго жениха». Письмо относится къ началу марта 1863 года. Спустя нѣсколько дней мы узнаемъ о новомъ недоразумѣніи: «свадьба Полиньки разстроилась», пишетъ Тургеневъ, «т.-е. она не захотѣла, *et me voilà gros pègre comme devant!*» Только въ самомъ концѣ слѣдующаго года, именно 31-го декабря, Тургеневъ сообщаетъ брату, что дѣло окончательно слажено: свадьба должна совершиться въ Парижѣ, въ концѣ февраля, будущаго зятя зовутъ Gaston Brugère, это — молодой и образованный чело-вѣкъ, находящійся во главѣ значительной стеклянной фабрики. Приданое дочери Тургенева состояло изъ 100.000 франковъ, выданныхъ единовременно, и 50.000 фр. черезъ нѣсколько лѣтъ. Свадьба дѣйствительно состоялась 13 февраля.

Хлопоты Тургенева на этомъ не кончились. Въ началѣ семидесятихъ годовъ дѣла его зятя, очевидно, пошатнулись, дочь пишетъ письма, состоящія изъ одного вопля и мольбы о деньгахъ. Тургеневъ удовлетворяетъ эти мольбы, но спустя десять лѣтъ Брюэръ окончательно разоряется, его жена остается безъ всякихъ средствъ и снова, конечно, обращается къ отцу. Тургеневъ вынужденъ распродать свои картины, чтобы помочь дочери. Но на этомъ дѣло не кончается. Г-жа Брюэръ бѣжитъ отъ мужа и скрывается вмѣстѣ съ дѣтьми. Все это глубоко потрясаетъ Тургенева; на этотъ разъ онъ жалуется друзьямъ на свои неожиданныя семейныя дразги. Жалоба станетъ понятна, если мы вспомнимъ, что исторія происходила весной 1882 года, когда Тур-

геневу уже грозилъ смертельный недугъ и онъ не переставалъ страдать отъ множества другихъ болѣзней... ²⁴²).

Не одна дочь вносила разладъ въ жизнь Тургенева. Другой членъ его семьи причинилъ ему едва ли еще не больше огорченій, это—дядя Н. Н. Тургеневъ.

Онъ управлялъ имѣніями Ивана Сергѣевича съ 1853 года и предъ нами крайне любезное письмо, въ которомъ племянникъ проситъ дядю «взять на руки дѣла». Тургеневу только-что разрѣшили въѣздъ въ столицы послѣ ссылки за статью о Гоголѣ, и съ этого времени Н. Н. становится полноправнымъ хозяиномъ имѣній племянника. Г. Григоровичъ видѣлъ его вскорѣ послѣ вступленія въ должность управляющаго и такъ выражается о немъ: «къ завтраку и обѣду являлся всегда дядя Тургенева, человекъ старый, во крупный, служившій когда-то въ кавалеріи, большой весельмакъ и жуиръ, взявшій на себя всѣ хлопоты по хозяйству и, какъ оказалось, распорядившійся имъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ бы слѣдовало; онъ приходилъ обыкновенно съ женою, молодою женщиной, годившейся ему во внучки. Тургеневъ какъ-будто стѣснялъ ихъ своими наѣздами въ деревню».

Недоразумѣнія начались въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Управляющій высылалъ хозяину довольно скудныхъ средствъ съ громаднаго имѣнія. Предъ нами подробный расчетъ Ивана Сергѣевича суммъ, полученныхъ въ теченіе 11½ лѣтъ: ежегодный доходъ среднимъ числомъ достигалъ 5.500 руб. «Я нахожу», замѣчалъ на это Тургеневъ, «что съ имѣнія въ 5.500 десятинъ, изъ коихъ 3.500 совершенно свободны, этотъ доходъ слишкомъ малъ». Кромѣ того, имѣніе приходило въ упадокъ, скотъ исчезалъ, а братъ — Николай Сергѣевичъ — имѣлъ ежегоднаго дохода до 20.000 руб.

Ник. Ник. смотрѣлъ на дѣло иначе: ему, напротивъ, казалось, что племянникъ слишкомъ требователенъ, жаловался на безпрестанныя затрудненія въ хозяйствѣ и пригласилъ Ивана Сергѣевича лично ознакомиться съ дѣлами. Къ веснѣ 1867 года отношенія окончательно обострились. Тургеневъ рѣшилъ взять новаго управляющаго. Это страшно поразило старика, привыкшаго жить неограниченнымъ бариномъ. Онъ рѣшительно не хотѣлъ признать за племянникомъ права—передать обязанности управляющаго другому лицу и предлагалъ провѣрить счета и книги.

Боткинъ совершенно безпристрастно и даже рѣзко отзывался

²⁴²) Фетъ I, 415. *Р. Ст.* XLVII, 317, 319, 323. *Письма*, 122, 188, 402, 405, 410, 413.

о практической неопытности Ивана Сергѣевича, но и онъ безусловно оправдываетъ его поведеніе, считаетъ естественнымъ, что онъ рѣшилъ, наконецъ, освободиться отъ нравственной и матеріальной зависимости. Къ тому же, Ник. Николаевичу было уже 76 лѣтъ, и трудно было рассчитывать на него, какъ на хозяина.

Тургеневъ выказалъ обычное благородство въ расчетахъ съ дядей. Онъ еще раньше выдалъ ему два векселя на 10.000 рублей. Тургеневъ оплачивалъ эти векселя съ процентами, всего 16.500 руб. и объявлялъ въ *Московскихъ Видомостяхъ* печатную благодарность бывшему управляющему. Но этимъ Ник. Ник. не хотѣлъ удовольствоваться. Надо замѣтить, — эти векселя были выданы Иваномъ Сергѣевичемъ съ единственной цѣлью убѣдить дядю взять управленіе имѣніями. Никакихъ денегъ по этимъ векселямъ онъ не получалъ. Ник. Ник. принялъ самыя крутыя мѣры. Онъ написалъ русскому посланнику въ Парижъ требованіе — описать парижское имущество Ивана Сергѣевича, и кромѣ того грозилъ продать Спасское съ молотка. Пока шло дѣло, Ник. Ник. пользовался всѣмъ, чѣмъ могъ: по словамъ Тургенева, онъ въ одинъ годъ взял скотомъ, экипажами, деньгами 36.500 руб., оставивъ долгу 5.000 рублей, множество рабочихъ не рассчиталъ, такъ что въ теченіи перваго лѣта, проведеннаго въ Спасскомъ послѣ выѣзда дяди, Тургеневъ, по его словамъ, «уподоблялся зайцу на угонкахъ». Но все-таки дѣло было, наконецъ, кончено — и это доставляло Тургеневу истинное удовольствіе. На первыхъ порахъ онъ не могъ хладнокровно говорить о поступкѣ дяди; находились и на этотъ разъ люди, порицавшіе Тургенева, между прочимъ, поэтъ Фетъ. — Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ему на счетъ Ник. Николаевича: «онъ поступилъ какъ *безчестный человекъ*». — «Мнѣ жутко говорить такъ о человѣкѣ, котораго я такъ давно и такъ искренно любилъ и уважалъ, но истина вынуждаетъ меня именно такъ выразиться: Ник. Ник. Тургеневъ — *безчестный человекъ*».

Это чувство современемъ улеглось. Тургеневъ, по обыкновенію, не только забылъ «злодѣйство» дяди, даже счумѣлъ вновь почувствовать къ нему прежнее родственное любовное расположеніе. Въ апрѣлѣ 1872 года онъ писалъ брату:

«Картина Н. Тургенева — слѣпаго [въ больницѣ,] возбудила во мнѣ жалость... Все-таки я глубоко любилъ его — и не могу не дорожить этимъ прошедшимъ. Я непременно посѣщу его, да и ты, братъ, могъ бы то же сдѣлать, вспомнивъ, что мы всѣ люди — жалкія, слабыя, на смерть осужденныя существа. «Сегодня тотъ, завтра — я», какъ же не сострадать къ своему ближнему? И кто изъ насъ безгрѣшенъ? Кто имѣетъ право строго судить другого?

Я не сомнѣваюсь, что твое посѣщеніе будетъ для него отрадой въ теперешнемъ горестномъ его положеніи»²⁴³).

Конецъ шестидесятихъ годовъ принесъ Тургеневу еще одну ссору, едва ли не самую жестокою изъ всѣхъ его литературныхъ распрей,—ссору съ издателемъ. Мы знаемъ недоразумѣнія, возникшія между Тургеневымъ и Катковымъ по поводу *Отцовъ и дѣтей*. Пока они отошли на второй планъ: для *Русскаго Вѣстника* Тургеневъ былъ слишкомъ выгодный сотрудникъ. Но это затишье постоянно нарушалось мелкими придирками, притомъ журналъ постепенно измѣнялъ свои взгляды и все дальше становился отъ основныхъ убѣжденій Тургенева. Окончательный разрывъ послѣдовалъ въ самомъ концѣ шестидесятихъ годовъ. *Несчастная*, послѣднее произведеніе Тургенева, появившееся въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, напечатано въ январѣ 1869 года. Тургеневъ перешелъ въ *Вѣстникъ Европы* и оставался сотрудникомъ этого журнала до самой смерти.

Катковъ не могъ помириться съ этимъ фактомъ. Онъ велѣлъ передать Тургеневу, что онъ—Тургеневъ—не знаетъ, что значить нѣтъ его врагомъ. *Московскія Вѣдомости*, дѣйствительно, стали употреблять всѣ усилія, чтобы оправдать эту угрозу. Въ началѣ семидесятихъ годовъ по поводу одной изъ статей этой газеты Тургеневъ писалъ: «Ну ужъ онѣ пересолили—не могу жъ я быть такимъ подлецомъ!» Но впоследствии—мы увидимъ—Тургеневу пришлось серьезнѣе отнестись къ выходкамъ *Московскихъ Вѣдомостей* и свизойти до полемики съ ними.

Въ самомъ началѣ семидесятихъ годовъ внѣшняя жизнь Тургенева измѣняется. Онъ покидаетъ Баденъ и переселяется въ Парижъ. На этотъ разъ его пребываніе во французской столицѣ не прекращается до самой смерти, прерывается только обычными поѣздками на родину. Оно упрочиваетъ окончательно новыя общественныя отношенія русскаго писателя, придаетъ своеобразную психологическую и культурную окраску его послѣднимъ годамъ.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

²⁴³) *Письма*. 7, Григоровичъ. Р. М. февр. 1893, 60. Фетъ. II, 117, 53—4; I, 407; II, 113, 114. *Письма*. 126. Р. Ст. XLVII, 326—7.

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДТОВРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. БОРОДИНА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Развитіе и оплодотвореніе мховъ, папоротниковъ, хвощей, плауновъ и разноспоровыхъ растений.

Сдѣлаемъ теперь шагъ впередъ. Оставаясь, по прежнему, въ сферѣ такъ-называемыхъ споровыхъ растений, не выработавшихъ себѣ настоящихъ цвѣтовъ съ тычинками и пестиками и лишенныхъ сѣмянъ, обратимся къ болѣе сложнымъ представителямъ этого отдѣла. Это будутъ мхи, папоротники, хвощи и плауны. Что они по устройству своему совершеннѣе водорослей, грибовъ и лишайевъ, а слѣдовательно, ближе подходятъ къ сѣмяннымъ растеніямъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Уже внѣшняя форма указываетъ на болшую сложность организаціи ихъ. Тогда какъ грибы, лишайи и огромное большинство водорослей внѣшнимъ видомъ, обликомъ своимъ совершенно не походятъ на обыкновенныя высшія растенія, потому что лишены не только цвѣтовъ, но и стеблей съ листьями,—мохъ или папоротникъ на первый взглядъ не уклоняются отъ обычнаго типа. Переходъ отъ растений, лишенныхъ стеблей и листьевъ, къ такимъ, которыя снабжены ими, совершается въ группѣ мховъ. Въ наукѣ мхи раздѣляютъ на печеночные и листовые. Листовые мхи стоятъ выше печеночныхъ и всегда имѣютъ явственный стебелекъ, покрытый листочками (рис. 70). Напротивъ, печеночные мхи, въ общегити совершенно неизвѣстные, устроены гораздо разнообразнѣе. Нѣкоторые изъ нихъ производятъ вполне впечатлѣніе листовыхъ, тогда какъ другіе являются въ видѣ зеленой пластины, прихотливо разрѣзан-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

ной по краямъ и распростертой на землѣ (рис. 71); такіе печеночные мхи въ безплодномъ состояніи напоминаютъ нѣкоторыя изъ формъ лишаявъ. Но если группа мховъ уже выработала себѣ стебель съ листьями, то ей еще совершенно недостаетъ настоящихъ корней. Правда, стебель мха прикрѣпляется къ землѣ тоненькими ниточками (рис. 70), вполне замѣняющими корни и въ жизни растенія играющими совершенно ту же роль; но ниточки эти устроены до того просто, сравнительно хотя бы съ стеблемъ того же мха, что могутъ быть названы развѣ лишь корневыми волосками, но никакъ не настоящими корнями. А между тѣмъ еще ступенька вверхъ—и мы находимъ у папоротниковъ, хвощей и пр., подобно сѣмяннымъ растеніямъ, не только стебли и листья, но даже и несомнѣнные корни.

Присматриваясь къ высшимъ споровымъ растеніямъ съ интересующей насъ точки зрѣнія, т.-е. со стороны оплодотворенія, мы находимъ у нихъ замѣчательное однообразіе въ способѣ полового воспроизведенія. Однообразіе это поражаетъ въ особенности, если его сопоставить съ разнообразіемъ типовъ оплодотворенія у грибовъ и водорослей. Если мы допустимъ, какъ это обыкновенно дѣлается, что мхи, папоротники и пр. произошли нѣкогда изъ растеній болѣе простыхъ, а именно изъ водорослей (съ грибами сродство ихъ весьма отдаленное), то мы можемъ сказать, что между различными типами оплодотворенія, свойственными водорослямъ, оказался одинъ, особенно пригодный для дальнѣйшаго совершенствованія; онъ-то и поборолъ, такъ сказать, всѣ прочіе. Это типъ водорослей въ родѣ эдогоніевъ, вошерій, фукусовъ, гдѣ оплодотворяющимъ элементомъ служитъ мелкій, подвижный живчикъ, вышедшій изъ антеридія, а роль женскаго элемента играетъ неподвижное яйцо, заключенное въ оогоніѣ. Дѣйствительно, у всѣхъ мховъ, па-

Рис. 70.

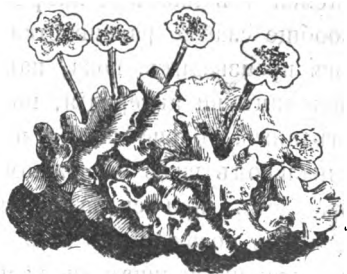

Рис. 71.

поротниковъ, хвощей и т. д. оплодотвореніе состоитъ въ сліяніи яйца, т.-е. голой шаровидной кѣточки, съ живчикомъ, на поминающимъ живчики животныхъ организмовъ. Выѣстилице, въ которомъ образуются живчики, получаетъ то же названіе *антеридія*, что и у водорослей. Напротивъ, органъ, заключающій внутри яйцо, въ виду особенности его строенія, называютъ не оогоніемъ, а *археоніемъ*. Итакъ, половые органы высшихъ споровыхъ растений будутъ антеридіи и археоніи. Первые соотвѣствуютъ тычинкамъ, вторые—пестику или яичку сѣмянныхъ растений, но устройство ихъ совершенно иное. Антеридій есть, во

Рис. 72

обще говоря, мѣшокъ, стѣнка котораго состоитъ изъ одного слоя сравнительно крупныхъ кѣточекъ, а внутренность изъ мелкихъ кѣточекъ; въ каждой изъ послѣднихъ формируется по одному живчику. Замкнутый вначалѣ, антеридій, со зрѣвши, лопается въ водѣ при вершинѣ и выпускаетъ свое содержимое, т.-е. живчиковъ. Рис. 72 изображаетъ, на примѣръ, антеридій листовянаго мха въ моментъ его раскрыванія, а рис. 73—антеридій папоротника. Первый дѣйствительно имѣетъ видъ продолговатаго мѣшка,

Рис. 73.

ка, тогда какъ второй скорѣе походитъ на бородавку и выпускаетъ, сравнительно, небольшое число живчиковъ. Чѣмъ болѣе мы поднимаемся отъ мховъ по направленію къ сѣмяннымъ растениямъ, тѣмъ вообще слабѣе развивается антеридій, тѣмъ меньше живчиковъ онъ производитъ, пока, наконецъ, у сѣмянныхъ растений мы не находимъ ни антеридія, ни живчиковъ. Что касается этихъ послѣднихъ, то рисунки 74 и 75 дадутъ читателю понятіе объ оригинальномъ видѣ и сложномъ строеніи ихъ. Первый рисунокъ изображаетъ (при сильнѣйшемъ увеличеніи) живчиковъ хвоща въ разныхъ положеніяхъ и на разныхъ стадіяхъ ихъ кратковременной жизни, начиная съ развитія такого живчика внутри шаровидной кѣточки (а), оболочку которой онъ впоследствии поки-

даетъ; это одна изъ тѣхъ мелкихъ клѣточекъ, что образуютъ внутренность антеридія. На рис. 75 мы видимъ еще болѣе курьез-

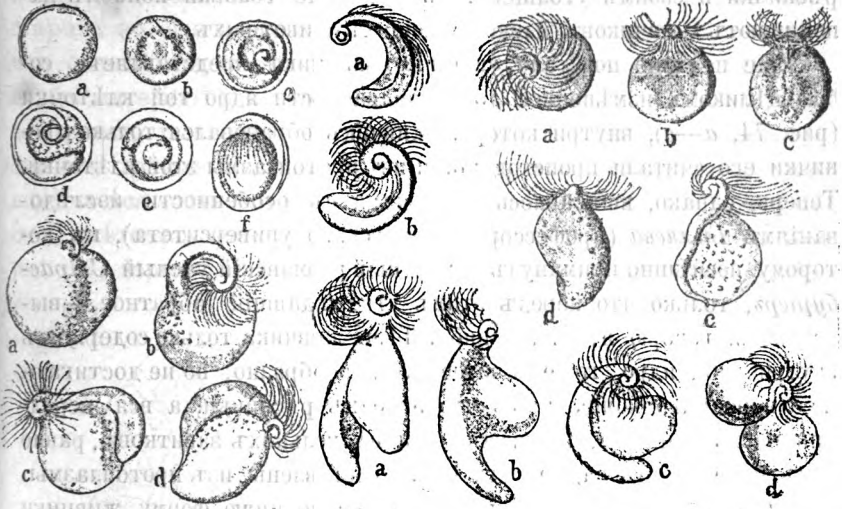

Рис. 74.

ныхъ живчиковъ тропическаго папоротника. Узкое тѣло живчика здѣсь изогнуто на подобіе штопора; передній конецъ его усаженъ на нѣкоторомъ протяженіи рѣсничками, задній же часто

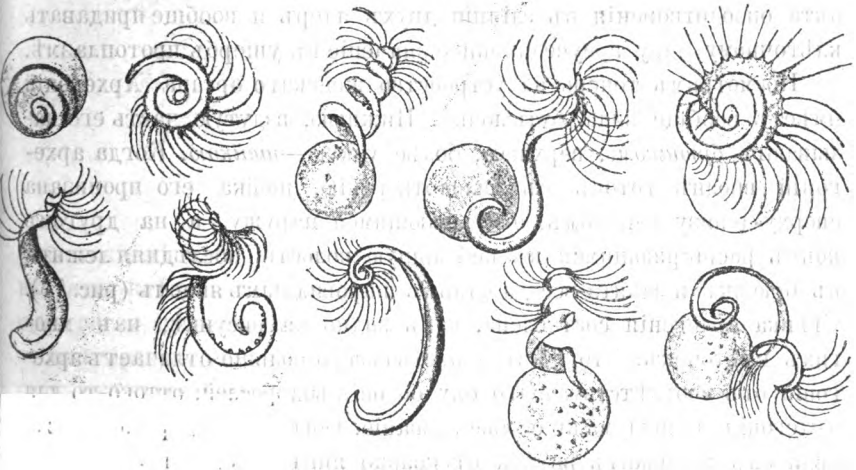

Рис. 75.

снабженъ особымъ придаткомъ, имѣющимъ видъ круглаго пузыря, который во время движенія волочится за живчикомъ; существеннаго значенія этотъ придатокъ, впрочемъ, не имѣетъ, судя по тому, что передъ входеніемъ въ архегоній, а иногда уже и рань-

ше, живчикъ теряетъ пузырь безъ всякаго для себя ущерба. У мховъ живчики устроены проще (рис. 72 с), имѣютъ всего двѣ рѣснички и своимъ утолщеннымъ наподобіе головки концомъ напоминаютъ живчиковъ млекопитающихъ животныхъ.

Еще недавно полагали, что тѣло живчика представляетъ собою цѣликомъ измѣненное до неузнаваемости ядро той клѣточки (рис. 74, а—с), внутри которой живчикъ образовался; только рѣснички его считали происходящими изъ протоплазмы этой клѣточки. Теперь, однако, выяснилось, благодаря въ особенности изслѣдованіямъ *Бьялева* (профессора варшавскаго университета), къ которому послѣдно примкнулъ извѣстный германскій ученый *Страсбургеръ*, только что передъ этимъ утверждавшій обратное,—выяснилось, говорю я, нѣчто иное. Тѣло живчика только содержитъ внутри себя ядро, тоже завитое штопорообразно, но не достигающее передняго конца, такъ что не однѣ рѣснички, а вся передняя часть живчика, на протяженіи нѣсколькихъ завитковъ, равно какъ поверхность задней его части составлены изъ протоплазмы. Другими словами, не смотря на совершенно иную форму, живчики высшихъ споровыхъ растений, въ сущности, сходны съ знакомыми уже намъ живчиками такихъ водорослей, какъ эдогоніи (ср. выше, рис. 16), на примѣръ; живчикъ не есть преобразованное клѣточное ядро, а цѣлая голая клѣточка. Обстоятельство это имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ лишаетъ насъ права видѣть всю суть акта оплодотворенія въ слияніи двухъ ядеръ и вообще придавать клѣточному ядру преувеличенное значеніе въ ущербъ протоплазмѣ.

Посмотримъ теперь на устройство женскаго органа. Архегоній имѣетъ вообще видъ бутылочки. Нижнюю, вздутую часть его называютъ *брюшкомъ*, верхнюю, болѣе узкую—*шейкою*. Когда архегоній вполне готовъ къ оплодотворенію, шейка его пронизана сверху-донизу каналомъ, открывающимся наружу, а на другомъ концѣ расширяющимся въ небольшую полость; послѣдняя лежитъ въ брюшкѣ и занята всегда однимъ шаровиднымъ яйцомъ (рис. 76). Стѣнка архегонія составлена, какъ видно на рисункѣ, изъ многихъ клѣточекъ. Это обстоятельство всего больше отличаетъ архегоній отъ соответствующаго ему оогонія водорослей; оттого-то для архегонія и придумали особое названіе. Оогоній у водорослей, даже если онъ содержитъ внутри нѣсколько яицъ, представляетъ одну клѣточку; слѣдовательно, женскій органъ мховъ и проч. сложнѣе по своему строенію. Въ молодости архегоній бываетъ сплошнымъ, но потомъ клѣточки, занимающія ось шейки, превращаются въ слизи, и получается каналъ, открывающій доступъ къ яйцу. Черезъ этотъ-то каналъ и проникаютъ живчики для оплодотворенія яйца. Разви-

вается архегоній съ большою правильностью и, въ сущности, одинаково у всѣхъ высшихъ споровыхъ растений. Рис. 77 изображаетъ два молодыхъ архегонія папоротника; нижній изъ нихъ постарше, но еще не созрѣлъ окончательно. Весь органъ возникаетъ изъ одной поверхностной клѣточки (тоже, впрочемъ, можно сказать и объ антеридіѣ), которая, разбившись перегородками на группу клѣточекъ, выпячивается наружу на подобіе бородавки; бородавка эта есть шейка будущаго архегонія. Внутри всей группы рано намѣчается одна клѣточка съ особенно густымъ содержимымъ. Эта клѣточка вскорѣ дѣлится на двѣ, какъ хорошо видно на рис. 77; верхняя *κ* (ее называютъ канальцевою клѣточкою) вытя-

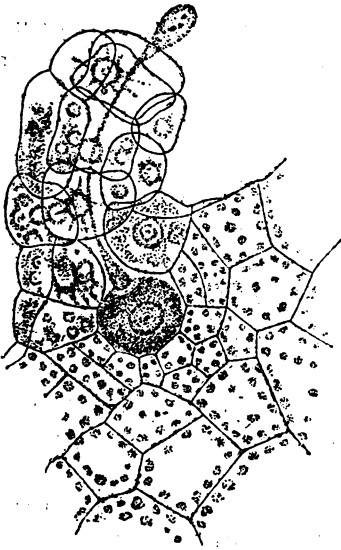

Рис. 76.

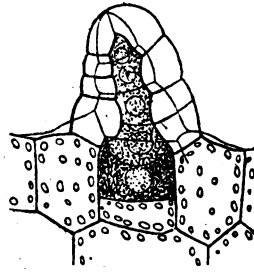
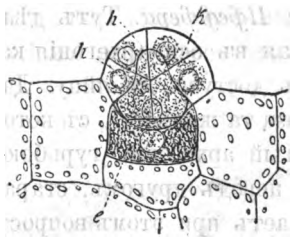

Рис. 77.

гивается вмѣстѣ съ шейкою, при чемъ часто дѣлится поперекъ на рядъ клѣточекъ, занимающихъ ось шейки; онѣ-то и превращаются со временемъ въ слизь. Что касается нижней клѣточки *ε*, то она превращается въ яйцо архегонія, однако не цѣликомъ: передъ окончательнымъ соврѣваніемъ архегонія она всегда еще разъ дѣлится на двѣ неравныя клѣточки: маленькая верхняя (вторая канальцевая) клѣточка превращается въ слизь, подобно осевымъ клѣточкамъ шейки, а крупная нижняя, закруглившись, окончательно даетъ яйцо, подлежащее оплодотворенію.

Я позволилъ себѣ нѣсколько остановиться на подробностяхъ развитія архегонія, главнымъ образомъ, потому что многіе склонны придавать имъ весьма важное значеніе. Въ томъ фактѣ, что клѣ-

точка е не превращается прямо въ яйцо, а сначала отдѣляется отъ себя маленькую клѣточку, какъ бы выталкивая небольшую часть своего вещества, усматривали явленіе, совершенно соответствующее выдѣленію такъ-называемаго направляющаго тѣла изъ животнаго яйца. Мы уже касались этого вопроса выше, говоря объ оплодотвореніи у фукусовыхъ водорослей. Тамъ факты мало благоприятны подобному толкованію, но здѣсь, для высшихъ споровыхъ, оно весьма соблазнительно, хотя и вполнѣ гадательно. Но если мы не въ состояніи удовлетворительно объяснить сложный процессъ развитія яйца, то значеніе слизи, въ которую превращаются канальцевыя клѣточки архегонія, блистательно разъяснилось любопытными изслѣдованіями извѣстнаго нѣмецкаго фізіолога *Пфееффера*. Тутъ дѣло не только въ томъ, что ослизненіе, создавая въ оси архегонія каналъ, тѣмъ самымъ открываетъ живчикамъ доступъ къ яйцу. Давно уже изслѣдователямъ бросилась въ глаза та жадность, съ которою живчики устремляются въ свѣже-открытый архегоній, гурьбою осаждаая отверстіе его и, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараясь проникнуть во внутрь. Невольно возникаетъ при этомъ вопросъ — что заставляетъ ихъ устремляться внутрь архегонія, указываетъ ли имъ что-нибудь дорогу, или все дѣло предоставлено слѣпому случаю? Въ недавнее время на этотъ счетъ удалось получить весьма любопытныя данныя. Оказывается, что въ слизи, выполняющей каналъ архегонія, заключается особенное вещество, служащее какъ бы приманкою для живчиковъ. Вещество это у растений разныхъ группъ неодинаково: живчики мховъ, напримѣръ, чувствуютъ особенное пристрастіе къ сахару, тогда какъ живчики папоротниковъ привлекаются кислотою (яблочною). Если въ стекляную трубочку набрать сахарнаго сиропа, а потомъ окунуть ее въ воду, гдѣ копошатся живчики мха, то послѣдніе со всѣхъ сторонъ устремляются во внутрь трубочки, какъ будто бы это былъ архегоній. Слизь, выполняющая каналъ архегонія, также способствуетъ оплодотворенію тѣмъ, что не даетъ заключенному въ ней приманивающему веществу (сахару или кислотѣ) слишкомъ быстро вымываться водою. Самое оплодотвореніе, разумѣется, только и возможно въ водѣ; зрѣлыя антеридіи и архегоніи вскрываются лишь при смачиваніи; только въ водѣ живчики въ состояніи пользоваться своими рѣсничками для движенія, приводящаго ихъ въ соприкосновеніе съ яйцомъ. Слизь архегонія, конечно, привлекаетъ у мховъ, напримѣръ, живчиковъ любого мха безъ разбора; поэтому въ архегоніи свободно могутъ проникнуть, вмѣстѣ съ собственными, и совершенно посторонніе живчики. Въ большинствѣ случаевъ, однако, эти послѣдніе, хотя и доходятъ до

яйца, но съ нимъ не сливаются. Яйцо какъ бы умѣетъ распознавать, живчики ли это того же вида мха, которому и оно само принадлежитъ, или другаго, чуждаго, и открываетъ доступъ въ свои нѣдра только первымъ, оставаясь равнодушнымъ къ усиліямъ вторыхъ. Подробности слиянія живчика съ яйцомъ у высшихъ споровыхъ растений еще не изучены; безъ сомнѣнія, и здѣсь ядро живчика сливается съ ядромъ яйца. Повидимому, въ яйцо проникаетъ только одинъ живчикъ, хотя бы внутренность архегонія была переполнена ими.

Но если строеніе половыхъ органовъ въ цѣломъ у высшихъ споровыхъ растений одинаково, то большія различія обнаруживаются въ томъ, гдѣ и въ какой моментъ жизни появляются эти органы и что получается изъ оплодотвореннаго яйца. Поэтому намъ нужно хоть вкратцѣ ознакомиться съ развитіемъ рассматриваемыхъ растений по группамъ.

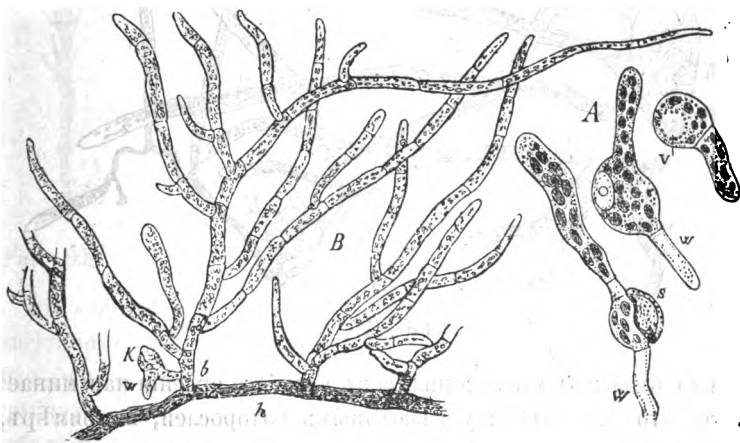

Рис. 78

Мы начнемъ съ мховъ и будемъ имѣть въ виду исключительно листовые мхи. Если посѣять спору мха, изъ нея вырастаетъ не прямо стебелекъ съ листочками, а сначала показывается тоненькая зеленая ниточка (рис. 78 А), которая постепенно вѣтвится и покрываетъ землю нѣжною зеленою паутиною (рис. 78 В); такую паутину часто можно наблюдать въ комнатахъ на землѣ цвѣточныхъ горшковъ. Подъ микроскопомъ ниточки паутины оказываются составленными изъ одного ряда клѣточекъ, совершенно какъ у нитчатыхъ водорослей. Долгое время эта паутина дѣйствительно считалась за особую водоросль, которая получила названіе — *протомемы*. Какъ мы увидимъ далѣе, не только у мховъ, но и у дру-

гихъ высшихъ споровыхъ изъ споры вырастаетъ не прямо вплояѣ развитое растеніе, а образованіе, устроенное чрезвычайно просто и называемое вообще *предросткомъ*. Оно не имѣетъ ни стебля, ни листьевъ, ни корней и само никогда не превратится въ совершенное растеніе, но послѣднее вырастаетъ на предросткѣ. Протонема и есть предростокъ мха. Рано или поздно на этой зеленой паутинкѣ показываются въ разныхъ мѣстахъ бугорки; скоро каждый изъ нихъ обозначается въ видѣ почки и постепенно превращается въ стебелекъ съ листочками. На рис. 79 мы видимъ два такихъ зачатка *k*, возникающихъ на протонемѣ. Такимъ образомъ, одна спора можетъ, при посредствѣ протонемы, породить сразу нѣсколько стебельковъ; вначалѣ они связаны другъ съ другомъ при основаніи, но потомъ протонема обыкновенно погибаетъ и получается

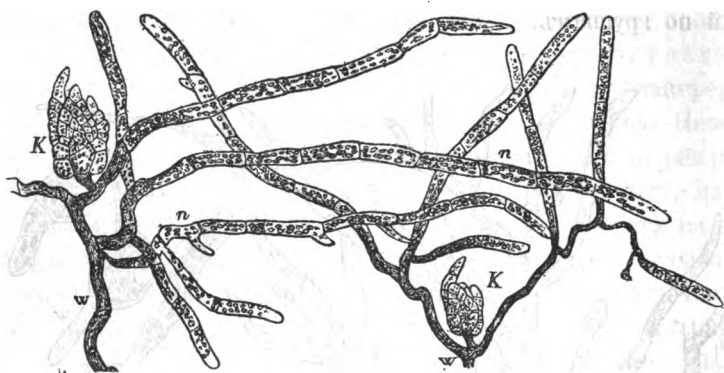

Рис. 79.

нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ мха. Это явленіе напоминаетъ намъ то, что мы видѣли у нѣкоторыхъ водорослей, напримѣръ, у эдогоніевъ, гдѣ спора, происшедшая половымъ путемъ (ооспора), производитъ, хотя и совершенно другимъ способомъ, сразу нѣсколько новыхъ экземпляровъ водоросли.

Только на вплояѣ развитомъ стеблѣ листованаго мха появляются органы оплодотворенія, т.-е. антеридіи и архегоніи. Такъ какъ вокругъ ихъ собираются особенные листочки, часто окрашенные не въ зеленый, а въ какой-либо другой цвѣтъ, то получается впечатлѣніе цвѣтка; съ нѣкоторою натяжкою можно сказать, что мхи цвѣтутъ подобно высшимъ растеніямъ. Вообще развитіе мховъ гораздо больше напоминаетъ сѣмянные растенія, нежели папоротники и т. п. Какъ и у высшихъ растеній, цвѣты мховъ могутъ быть обоопольными или одноопольными. Иногда въ одномъ и томъ же «цвѣткѣ» соединены какъ антеридіи, такъ и архегоніи, иногда

же оба рода половыхъ органовъ размѣщены отдѣльно, нерѣдко даже на разныхъ экземплярахъ, такъ что нѣкоторые мхи дву-

Рис. 80.

го изъ обыкновеннѣйшихъ нашихъ мховъ (кукушкинъ ленъ); стебелекъ заканчивается цвѣткомъ, внутренность котораго при большемъ увеличеніи передаетъ рис. 81. Здѣсь видны три антеридія, средній изъ нихъ лопнулъ при вершинѣ, остальное же — парафизы.

домны. Кромѣ антеридіевъ или архегоніевъ внутри «цвѣтка» обыкновенно сидятъ еще особенныя волоски или ниточки, называемыя *парафизами* (какъ у грибовъ) и неизвѣстно для чего развивающіяся. На рис. 80 изображенъ мужской экземпляръ одно-

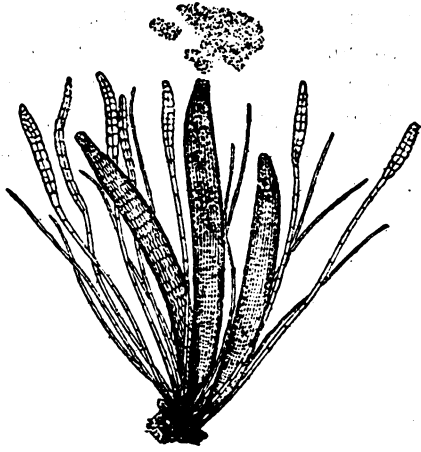

Рис 81.

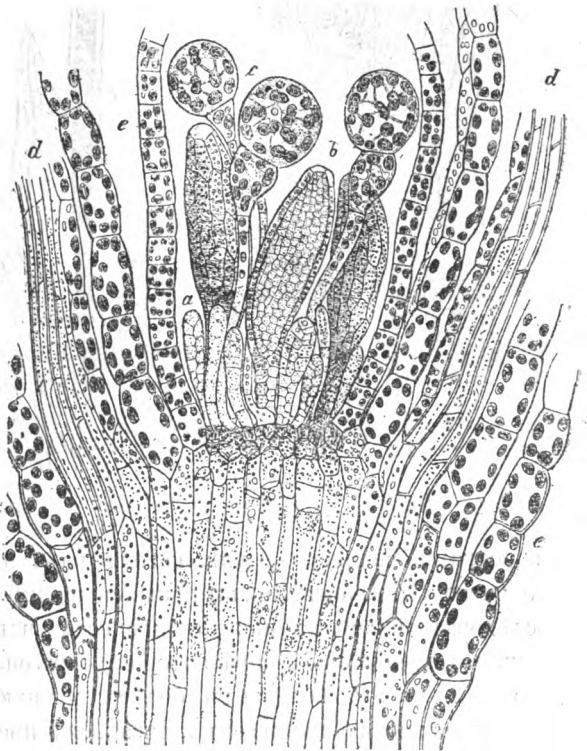

Рис. 82.

Рис. 82 изображаетъ продольный разрѣзъ мужскаго цвѣтка другого мха; *a*—молодой, *b*—почти зрѣлый антеридій въ разрѣзѣ, *c*—парафизы другой формы, чѣмъ у кукушкина льна, *d* и *e*—разрѣзы листьевъ. На рис. 83 мы видимъ въ *A* продольный разрѣзъ женскаго цвѣтка того же мха и различаемъ въ центрѣ его четыре архегонія, одинъ изъ которыхъ отдѣльно изображенъ въ *B*, а *C*—верхушка вскрытаго архегонія.

Оплодотворенное живчикомъ яйцо архегонія облекается оболочкою, а затѣмъ начинаетъ оживленно разрастаться, распадаясь пе-

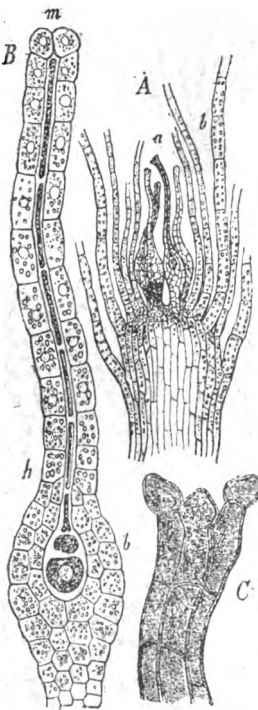

Рис. 83.

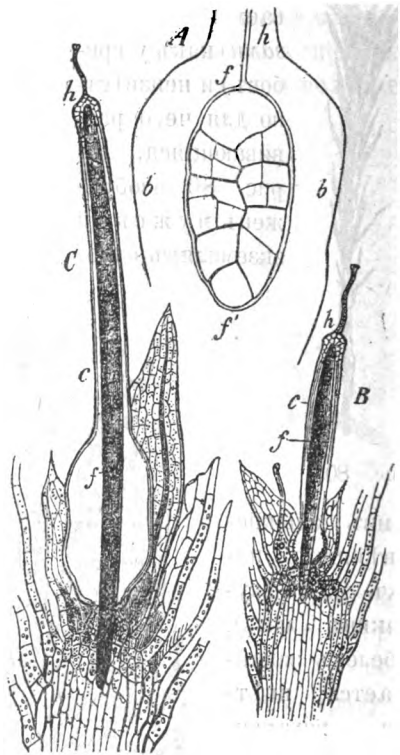

Рис. 84.

регородками, сначала на двѣ, потомъ на 4 и т. д.—на все большее число кѣлочекъ, и вытягиваясь преимущественно въ длину. Последовательныя стадіи этого процесса видны на рис. 84, гдѣ *f* означаетъ именно тѣло, образовавшееся изъ оплодотвореннаго яйца. Вскорѣ тѣло это получаетъ болѣе сложную форму; небольшая верхняя часть его начинаетъ вздуваться и превращается въ плодъ, содержащій внутри споры, тогда какъ вся прочая часть остается тонкою и образуетъ длинную ножку, несущую плодъ на концѣ:

своемъ. То и другое вмѣстѣ ученые называютъ у мховъ *спорогоніемъ*. Сначала архегоній, внутри котораго совершилось оплодотвореніе, самъ разрастается сильно въ длину, и на рис. 84 мы видимъ его еще облекаящимъ заключенный въ немъ спорогоній; растеть, впрочемъ, только брюшко архегонія, а бывшая шейка, сослужившая свою службу, виднѣется въ формѣ ниточки *h* при вершинѣ всего образованія. Рано или поздно спорогоній, однако, разрываетъ свой покровъ на двѣ части и затѣмъ растеть дагѣе одинъ; нижняя часть образуетъ футляръ при основаніи ножки, а верхняя прикрываетъ самый плодъ наподобіе чехла (рис. 85) или башлычка (рис. 70). Плодъ этотъ имѣетъ видъ коробочки, въ зрѣлости открывающейся крышечкою. Строеніе его очень сложно, какъ видно изъ рис. 86, представляющаго коробочку кукушкина льна въ продольномъ (А) и поперечномъ (В) разрѣзѣ, но мы въ эти подробности входить не станемъ. Замѣтимъ только, что споры заключены въ особомъ мѣшкѣ *s*. Съ этихъ-то споръ мы и начали описаніе развитія мха.

Въ итогѣ оказывается, значитъ, для мховъ слѣдующее: спора даетъ водорослеобразный проростокъ (протонему); на немъ возникаютъ листоносные стебельки, которые цвѣтутъ, принося антеридіи и архегоніи, а изъ оплодотвореннаго яйца архегонія развивается спорогоній, т.-е. коробочка со спорами, сидящая на длинной ножкѣ.

Перейдемъ къ *папоротникамъ*. У нихъ тоже есть проростки, стебли и листья, да настоящіе корни въ придачу, антеридіи, архегоніи, плоды со спорами; а между тѣмъ трудно представить себѣ большую противоположность въ развитіи, какъ мхи съ одной, па-

Рис. 85.

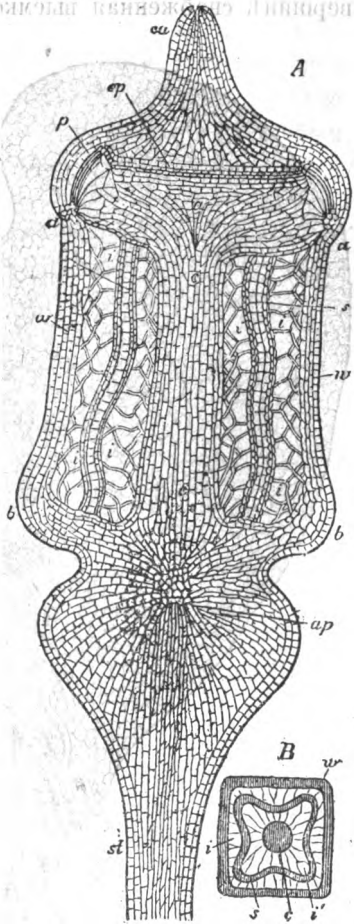

Рис. 86.

поротники съ другой стороны. Карты тѣ же, да стасованы онѣ иначе. Изъ споры папоротника тоже вырастаетъ предростокъ, совершенно непохожій на взрослое растеніе, но онъ другой формы, чѣмъ у мховъ; вмѣсто паутины здѣсь получается нѣжная зеленая пластинка, къ основанію сѣуженная кливышкомъ, а къ широкой вершинѣ снабженная выемкою какъ на червонномъ тузѣ (рис. 87).

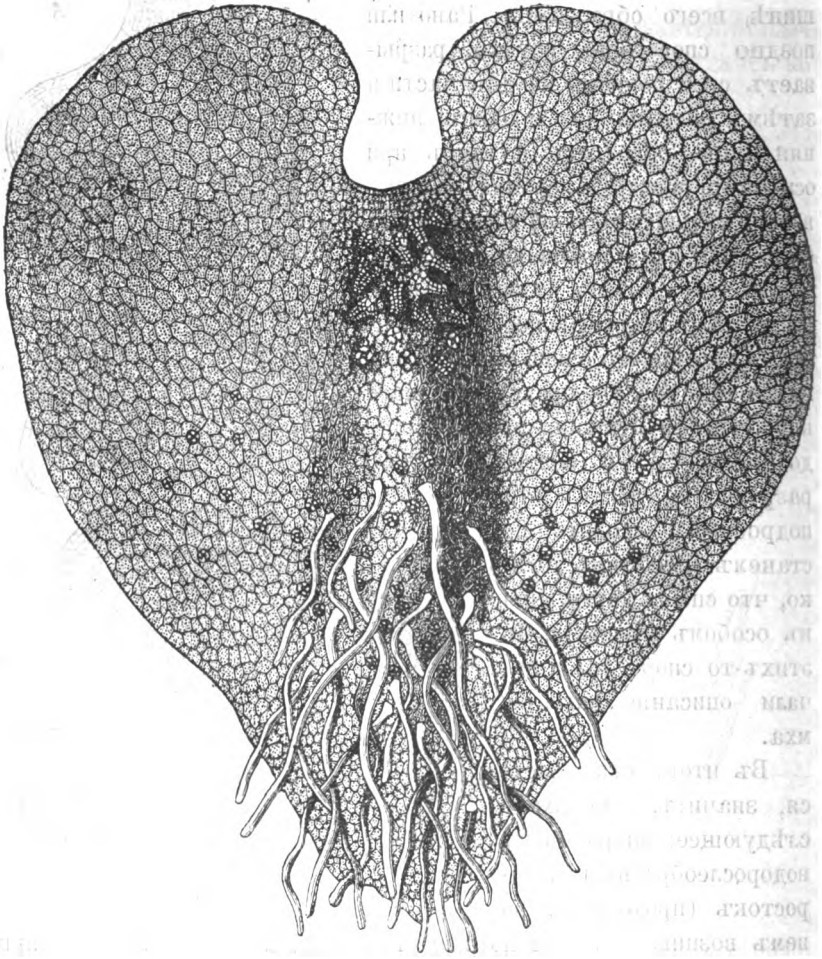

Рис. 87.

Въ цѣломъ этотъ предростокъ производитъ впечатлѣніе нѣжнаго листочка, въ наклонномъ положеніи прикрѣпленнаго къ землѣ. Главный интересъ сосредоточивается на нижней, обращенной къ землѣ поверхности его; которая и изображена, въ грандіозномъ масштабѣ, на рис. 87. Она выпускаетъ при основаніи тоненькія

бездѣтныя ниточки, играющія роль корневыхъ волосковъ, но всего важнѣе то, что на ней появляются половыя органы папоротника—антериди и архегоніи. Тутъ-то и сказывается все различіе съ мхами. Молодое растенъце, т.-е. стебелекъ съ листочками, у папоротниковъ тоже возникаетъ на предросткѣ, но не иначе, какъ послѣ оплодотворенія, которое происходитъ, слѣдовательно, здѣсь на первыхъ же порахъ. Одинъ и тотъ же предростокъ производитъ обыкновенно какъ антеридіи, такъ и архегоніи, но сначала появляются первые, а если предростокъ слабый, то до образованія архегоніевъ дѣло вообще не доходитъ. Антериди возникаютъ въ большомъ числѣ на болѣе старой, основной части предростка. Это мелкія безцвѣтныя бородавочки, строеніе которыхъ мы уже видѣли на рис. 73; дополненіемъ можетъ служить рис. 88, гдѣ въ I и II

представлены болѣе молодые, еще не вскрывшіяся антеридіи папоротника; по сравненію съ антеридіями мховъ они—суще карлики, и каждый изъ нихъ выпускаетъ, сравнительно, не большое число живчиковъ. Архегоніи появляются въ меньшемъ числѣ ближе къ вершинѣ предростка, тоже снизу, непосредственно

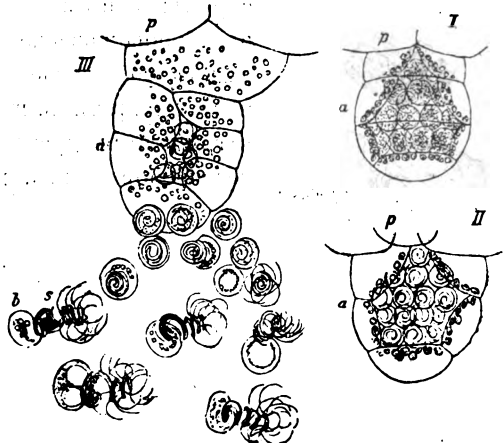

Рис. 88.

подъ упомянутую выемкою передняго края (рис. 87). Въ этомъ мѣстѣ предростокъ значительно толще, потому что составленъ изъ нѣсколькихъ слоевъ кѣлочекъ, тогда какъ вообще онъ однослойный. Архегоніи устроены совершенно какъ у мховъ, только погружены брюшкомъ въ ткань предростка, такъ что выставляется наружу одна шейка, какъ видно на рис. 76, гдѣ одинъ архегоній изображенъ въ моментъ вскрытія своего; изъ канала выдѣляется слизь, кислотою своею привлекающая живчиковъ. Оплодотворенное яйцо архегонія разрастается въ настоящій папоротникъ; хотя архегоніевъ на предросткѣ нѣсколько и каждый изъ нихъ можетъ быть оплодотворенъ, обыкновенно развивается далѣе только одинъ изъ ростковъ. Вначалѣ онъ, разумѣется, органически связанъ съ предросткомъ, на счетъ котораго питается.

Рис. 89 изображаетъ именно молодой папоротникъ, возникающій на предросткѣ *p*, *b* — первый листъ растеніица, *w* — первые настоящіе корни его, не чета тѣмъ волоскамъ, которые выпускалъ предростокъ. Корни, листъ, равно какъ незамѣтный еще стебель, все это произошло изъ оплодотвореннаго яйца архегоніи, все это развивается далѣе въ совершенное растеніе папоротника. Рис. 90 изображаетъ то же, но въ разрѣзѣ, чтобы показать связь молодого растенія съ предросткомъ, на которомъ онъ возникъ; значеніе буквъ такое же, какъ на рис. 89; на нижней сторонѣ предростка видно нѣсколько архегоніевъ *a*, оставшихся неоплодотворенными.

По мѣрѣ развитія листочковъ и корней, предростокъ становится ненужнымъ и постепенно гибнетъ. Формы взрослыхъ стеблей и листьевъ, разумѣется, чрезвычайно разнообразны. Папоротники нашихъ странъ обладаютъ незамѣтнымъ снаружи стеблемъ, скрытымъ въ землѣ и выпускающимъ крупные, обыкновенно разрываемые перистолистья, собранные большею частью въ пучекъ. Напротивъ, въ тропическихъ странахъ встрѣчаются древовидные папоротники съ колоннообразнымъ, не вѣтвящимся стволомъ,

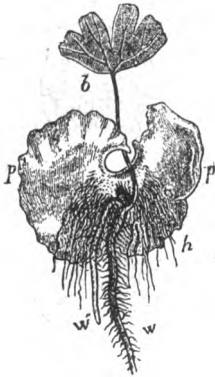

Рис. 89

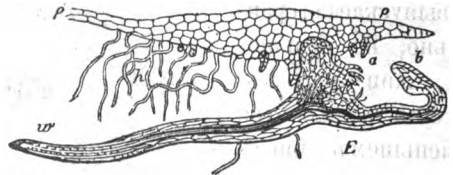

Рис. 90.

какъ у пальмъ (рис. 91). Прекрасная коллекція такихъ гигантовъ составляетъ гордость С. Петербургскаго Императорскаго ботаническаго сада.

Мѣшечки, содержащіе внутри споры, появляются у папоротниковъ на листьяхъ, именно на нижней поверхности ихъ. Обыкновенно, впрочемъ, не всѣ листья приносятъ подобные мѣшечки или *спорангии*; большею частью нижніе листья остаются безплодными и только слѣдующіе оказываются плодущими. Иногда тѣ и другіе листья имѣютъ одинаковую форму и одинаковый цвѣтъ; только вывернувъ листъ на изнанку, можно сказать—безплоденъ ли онъ или служить для размноженія. Таково именно большинство папоротниковъ нашихъ странъ. У другихъ же плодущіе листья рѣзко отличаются отъ безплодныхъ. Каждый мѣшечекъ, т.-е. спорангій,

настолько мелко, что едва замѣтенъ простымъ глазомъ, но спорангіи эти никогда не располагаются въ одиночку, а собираются на нижней сторонѣ листа тѣсными группами или кучками, которыя замѣтны сразу, особенно въ зрѣломъ видѣ, подъ осень. Очертанія этихъ кучекъ, равно какъ положеніе ихъ — чрезвычайно разнообразны, какъ это видно изъ сопоставленія въ рис. 92. Кучки, то круглыя, то вытянутыя наподобіе черточекъ, лежатъ то вдали отъ края, въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ жилками листа, то, напротивъ, пріютились на самомъ краю. У однихъ папоротниковъ

Рис. 91.

кучка обнажена и въ зрѣломъ видѣ образуетъ бурое пятно на зеленомъ фонѣ листа, у другихъ же каждая кучка прикрыта особо безцвѣтною пленочкою. Всѣми этими признаками преимущественно пользуются, чтобы отличать другъ отъ друга разные роды чрезвычайно обширной группы папоротниковъ. На рис. 93 мы видимъ листъ одного изъ обыкновеннѣйшихъ нашихъ папоротниковъ; за нижней сторонѣ правильно расположены кучки, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ это особенно ясно видно въ *a*, гдѣ изображена небольшая часть листа въ увеличенномъ видѣ. Кучка прикрыта здѣсь особенною пленочкою почковидной формы, изъ-за которой не видно самыхъ спорангіевъ. Одна такая кучка въ разрѣзѣ пред-

ставлена на рис. 94: сверху видна ткань листа, снизу—разрѣзъ плевочки, а между ними мы замѣчаемъ самые спорангіи (s) на тоненькихъ ножкахъ, прикрѣпленныхъ къ листовой жилкѣ. На рис. 95 изображенъ одинъ такой спорангіи, черезъ прозрачную стѣнку

Рис. 92.

котораго просвѣчиваютъ заключенныя въ немъ споры. Отъ воды зрѣлый спорангіи лопаются и выпускаетъ эти споры, дальнѣйшая судьба которыхъ намъ уже извѣстна. Едва-ли нужно прибавить, что спорангіи возникаютъ на листѣ безъ всякаго намека на половой процессъ; оплодотвореніе уже разъ совершилось на предросткѣ; дважды же оно въ циклѣ развитія организма не повторяется.

Итакъ, папоротники развиваются слѣдующимъ образомъ: спора даетъ предростокъ, на немъ появляются антеридіи и архегоніи, а изъ оплодотвореннаго яйца вырастаетъ самый папоротникъ, приносящій спорангіи со спорами. Сравнивая съ ходомъ развитія

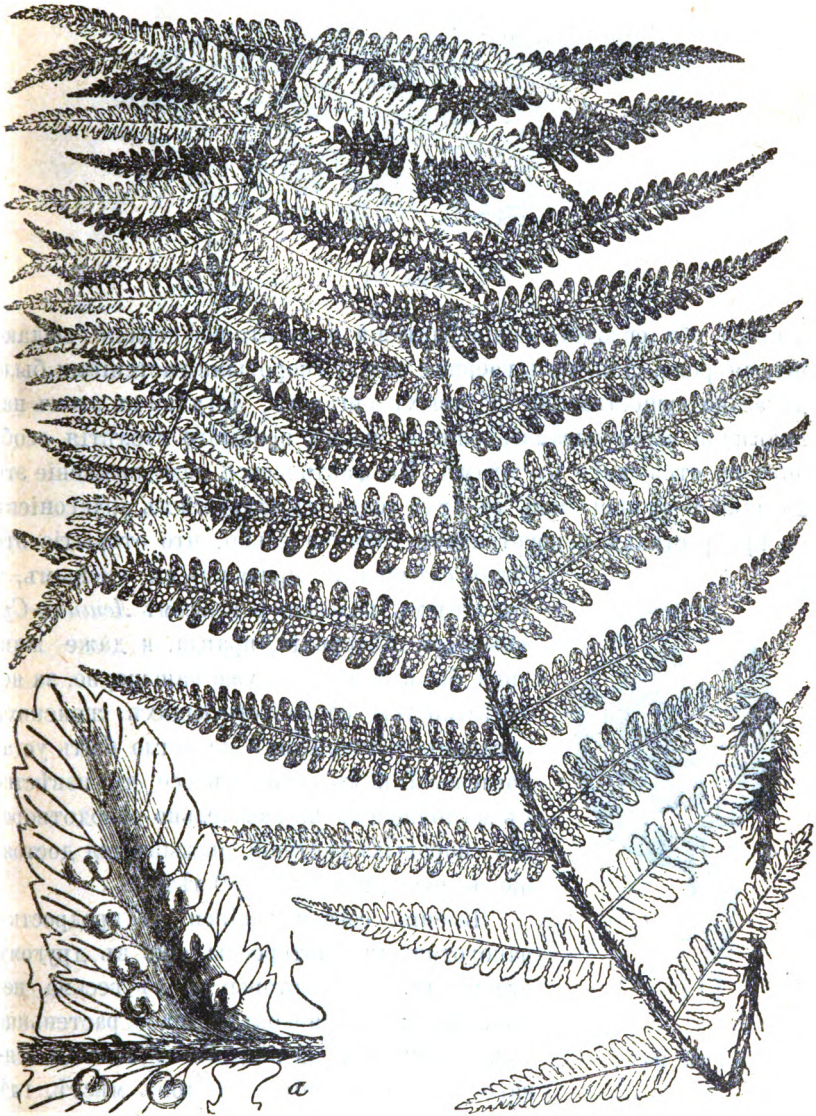

Рис. 93.

мховъ, мы находимъ перестановку двухъ членовъ: у мховъ сначала развивается взрослое растеніе, потомъ половые органы, у папоротниковъ же послѣдніе предшествуютъ первому.

У мховъ мы встрѣтили нѣчто вродѣ цвѣтковь, свойственныхъ высшимъ растеніямъ. У папоротниковъ нѣтъ ничего подобнаго. Цвѣтокъ папоротника, по народному повѣрью распускающійся подъ Ивановъ день, ботаикамъ неизвѣстенъ. Между тѣмъ въ исторіи

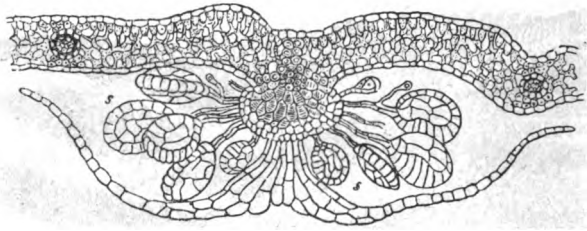

Рис. 94.

вопроса объ оплодотвореніи растеній папоротники играли выдающуюся роль. Для нихъ впервые между споровыми растеніями было доказано существованіе половыхъ органовъ. Догадки въ этомъ направленіи высказывались еще въ концѣ прошлаго столѣтія, особливо по отношенію къ мхамъ. Но фактическое подтвержденіе эти догадки получили лишь въ 1848 году—съ открытіемъ архегоніевъ на предросткахъ папоротниковъ. Замѣчательно, что открытіе это было сдѣлано не присяжнымъ ученымъ, а любителемъ, польскимъ графомъ *Лещицъ-Суминскимъ*. Антеридіи, правда, и даже живчики были замѣчены уже раньше, но, за неизвѣстностью соотвѣствующихъ женскихъ органовъ, значеніе ихъ не могло быть установлено. Такимъ образомъ все, что извѣстно въ настоящее время касательно оплодотворенія споровыхъ растеній, оказывается достояніемъ послѣднихъ 40—50 лѣтъ.

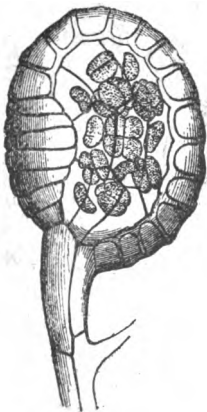

Рис. 95.

Явленія, совершающіяся на предросткѣ папоротниковъ, интересны еще въ другомъ отношеніи. У нѣкоторыхъ, но весьма немногихъ, папоротниковъ молодое растеніице тоже возникаетъ на предросткѣ, но безъ всякаго оплодотворенія. На томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно помѣщаются архегоніи, показывается бородавочка, которая производитъ корень, стебель, листья, словомъ превращается въ настоящее растеніе, архегоніи же или вовсе не показываются, или остаются неоплодотворенными и гибнутъ, прежде чѣмъ вскроется шейка ихъ. Очевидно, эти папоротники утратили

почему-то способность къ половому воспроизведенію, хотя на даль-
нѣйшемъ ихъ развитіи такая ненормальность не отражается за-

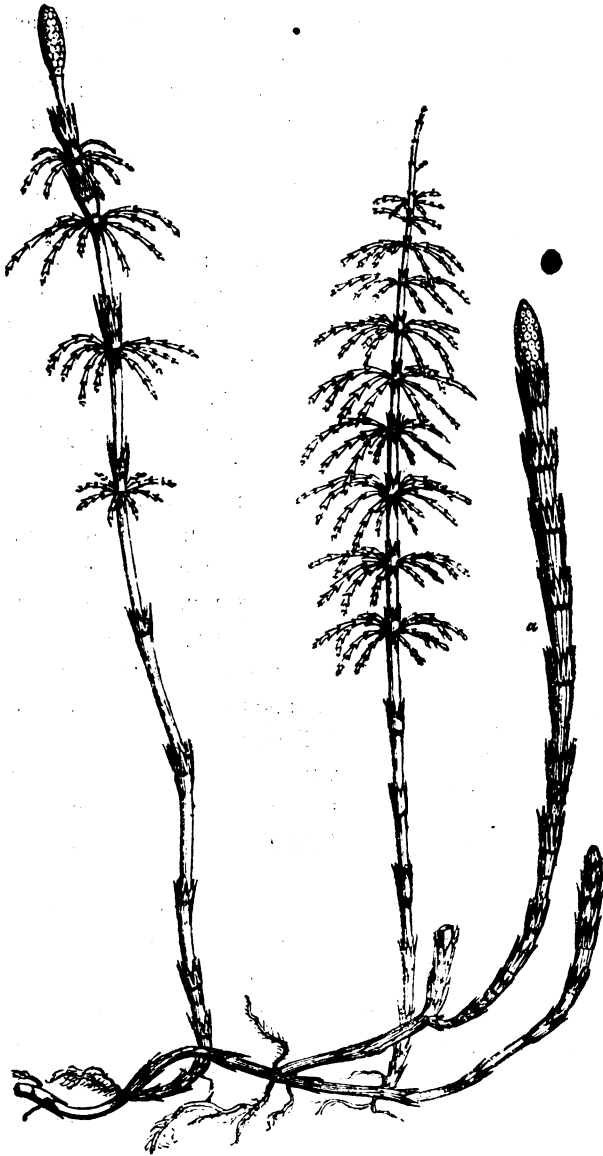

Рис. 96.

мѣтнымъ образомъ. Это—то самое явленіе *апогамии*, съ которымъ
мы встрѣтились у высшихъ грибовъ, но тамъ алогамія является
лишь болѣе или менѣе вѣроятною догадкою, тогда какъ для па-

поротниковъ она установлена прояно, хотя, разумеется, непонятна теоретически.

Совершенно также какъ папоротники развиваются и *хвощи*, хотя по внѣшнему виду они не представляютъ съ первыми ничего общаго. Всякому знакомы, конечно, эти оригинальныя растенія; одинъ изъ обыкновеннѣйшихъ хвощей изображенъ на рис. 96. Совершенно особенный видъ получаютъ они вслѣдствіе

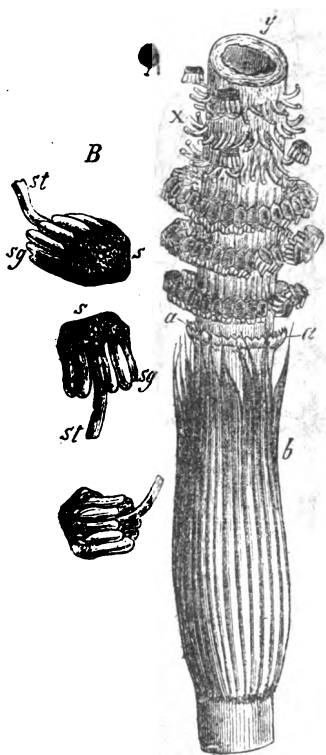

Рис. 97.

сильнаго развитія стеблей въ связи съ необычайно слабымъ развитіемъ листьевъ, отчего получается впечатлѣніе простыхъ или вѣтвистыхъ зеленыхъ прутиковъ. Въ этомъ отношеніи хвощи составляютъ прямую противоположность папоротникамъ, у которыхъ обыкновенно бросаются въ глаза только листья, крупныя, красиво разрѣзанныя, зеленые. У хвощей же листья образуютъ мелкіе зубчики, собранные колечками и плотно прижатые къ стеблю. Нѣкоторые стебли остаются безплодными, другіе приносятъ на концѣ нѣчто въ родѣ колоса, составленнаго изъ правильныхъ шестигульныхъ щитковъ. Съ внутренней стороны каждый изъ этихъ щитковъ несетъ продолговатыя мѣшечки, заключающіе споры (рис. 97). При прорастаніи спора хвоща производитъ тоже предростокъ въ видѣ зеленой пластиночки, но менѣе правильной формы, чѣмъ у папоротниковъ. Оплодотвореніе совершается и здѣсь на предросткѣ, только антеридіи и архегоніи возникаютъ отдѣльно на двухъ разныхъ предросткахъ, а не на одномъ и томъ же. Итакъ, хвощи ничего существенно новаго намъ не доставляютъ: внѣшность другая, развитіе тоже, если сравнить ихъ съ папоротниками.

Еслибъ на землѣ не существовало другихъ спорныхъ растений, кромѣ уже описанныхъ, то не было бы никакого перехода къ высшимъ растеніямъ и мы рѣшительно не могли бы представить себѣ, какимъ путемъ изъ растений споровыхъ, образующихъ антеридіи и архегоніи, могли возникнуть сѣмянные растенія съ ты-

чинками и пестиками. Къ счастью, оказываются, однако, такія растенія, которыя позволяютъ, хотя и съ грубыхъ пополамъ, шагнуть отъ одного большаго отдѣла растительнаго царства къ другому. Подобныхъ растений и вообще-то немного, да къ тому же въ общезитіи они почти совершенно неизвѣстны, но научный интересъ они представляютъ громадный.

Изъ числа такихъ вышнихъ споровыхъ растений, которыя

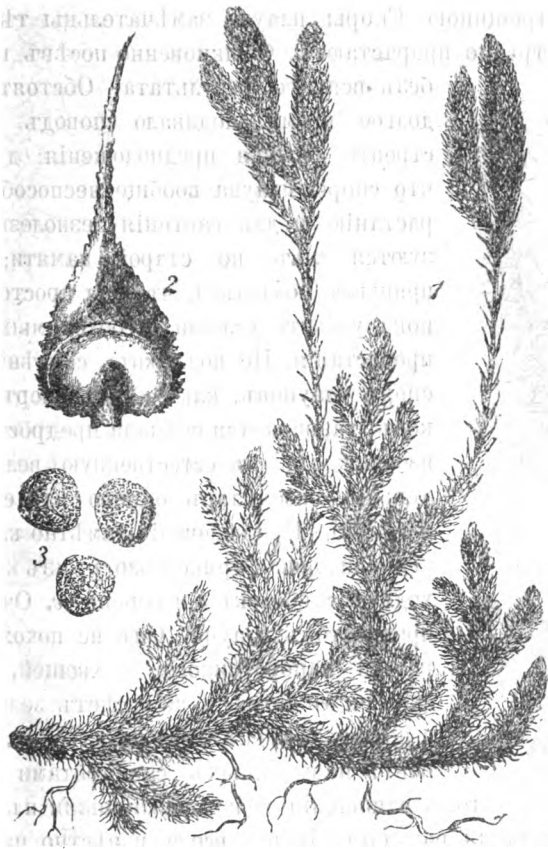

Рис. 98.

имѣютъ корни, стебли и листья, но не могутъ быть отнесены ни къ папоротникамъ, ни къ хвощамъ, наиболѣе извѣстенъ въ общезитіи *плаунъ* (рис. 98) — весьма обыкновенная, стелющаяся по землѣ, сухошавая трава, густо покрытая небольшими узенькими листочками. Восходящіе стебли ея заканчиваются колосьями, изъ которыхъ, когда они созрѣли, высыпается при сотрясеніи мельчайшая желтая пыль, доставляющая такъ-называемую дѣтскую

присыпку. Въ аптекахъ она извѣстна подъ названіемъ *semen Lycopodii*, т.-е. «сѣмя плауна». Въ дѣйствительности это не сѣмена, а споры. Каждая пылинка или спора есть особая клѣточка съ красиво узорчатою оболочкою, какъ показываетъ рис. 98₃. Эти споры заключены въ большомъ числѣ въ особыхъ мѣшечкахъ или спорангіяхъ, имѣющихъ почковидную форму и расположенныхъ густо въ колосѣ, каждый подъ прикрытіемъ особой чешуйки (рис. 98, 2); зрѣлый спорангій лопается на вершинѣ дугообразною трещиною. Споры плауна замѣчательны тѣмъ, что необычайно трудно прорастаютъ. Обыкновенно посѣвъ ихъ остается

Рис. 99.

безъ всякаго результата. Обстоятельство это долгое время подавало поводъ ботаникамъ строить разныя предположенія; думали даже, что споры плауна вообще неспособны къ прорастанію и для растенія бесполезны, а образуются такъ, по старой памяти; но теперь пришлось сознаться, что мы просто не умѣемъ пока уловить условій, необходимыхъ для ихъ прорастанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ споръ плауновъ, какъ и изъ споръ папоротниковъ, развивается сначала предростокъ. Рис. 99 изображаетъ въ естественную величину молоденькій экземпляръ одного изъ европейскихъ плауновъ. При основаніи замѣтно клубневидное, неправильной формы тѣло *p*, изъ котораго выходятъ стебелекъ *l* и корень *w*. Очевидно, это предростокъ плауна. Онъ не похожъ на предростки папоротниковъ и хвощей, такъ какъ скрытъ въ землѣ и не имѣетъ зеленого цвѣта, а потому долженъ былъ питаться на подобіе грибовъ, называемыхъ сапрофитами (см. выше).

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи между различными плаунами существуютъ большія различія. Лучше всего извѣстно намъ развитіе нѣкоторыхъ тропическихъ плауновъ, благодаря изслѣдованіямъ *Трейба*, давно переселившагося изъ Европы на островъ Яву и устроившаго тамъ при ботаническомъ саду въ Бьютенцоргѣ, на границѣ дѣвственнаго лѣса, научную станцію, вскорѣ снискавшую себѣ громкую извѣстность; въ настоящее время Бьютенцоргъ сталъ своего рода Меккою для европейскихъ ботаниковъ. Рис. 100 поясняетъ намъ развитіе тропическаго плауна. Предростокъ *A* здѣсь только нижнимъ клубневиднымъ концомъ своимъ скрытъ въ землѣ, верхняя же часть его выставляется наружу, раздѣлена на

лопасти и яркозеленаго цвѣта. На этомъ предросткѣ находятся какъ антеридіи (*an*), такъ и архегоніи (*ar*); въ *C* представлень

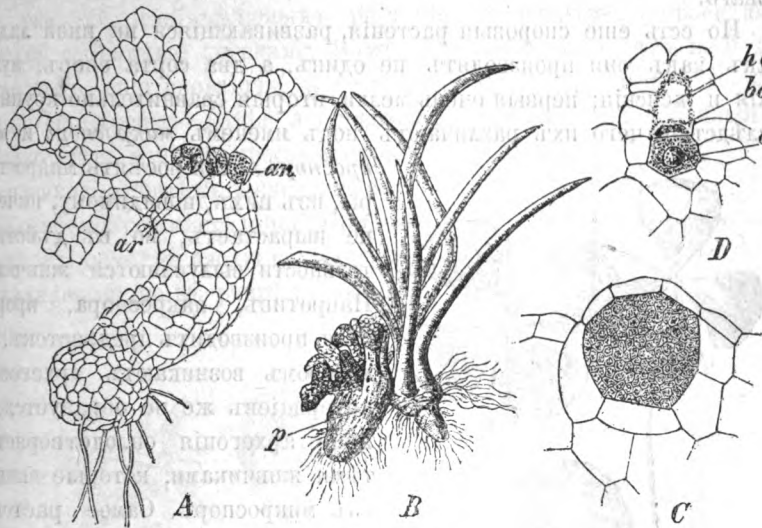

Рис. 100.

отдѣльно сильнѣе увеличенный антеридій, а въ *D* — архегоній; *o*—яйцо, а *hc* и *bc*—ослизняющіяся каналцевыя кліточки. Въ *B*

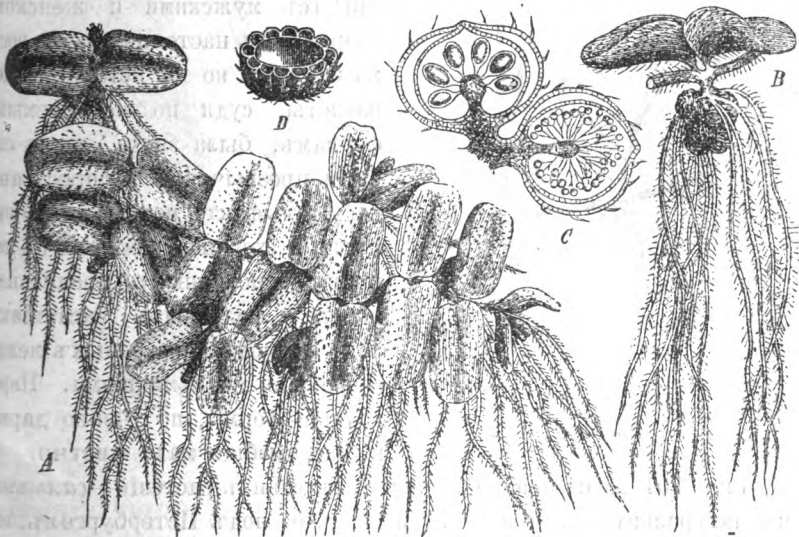

Рис. 101.

мы видимъ молодой ростокъ въ связи съ предросткомъ *p*, на которомъ онъ возникъ. Такимъ образомъ въ итогѣ цикла развитія

плауна вообще сходенъ съ цикломъ развитія папоротниковъ, и въ этомъ отношеніи плауны не даютъ намъ ничего существенно новаго.

Но есть еще споровыя растенія, развивающіяся на иной ладъ, такъ какъ они производятъ не одинъ, а два сорта споръ, мужскія и женскія; первыя очень мелки, вторыя сравнительно крупны, вслѣдствіе чего ихъ различаютъ подъ именемъ *микроспоръ* и *макроспоръ*.

Если посѣять микроспоры, изъ нихъ, повидимому, ничего не вырастаетъ, но въ дѣйствительности вылупляются живчики. Напротивъ, макроспора, прорастая, производитъ предростокъ, на которомъ возникаютъ архегоніи, антеридіевъ же не образуется, и яйцо архегоніи оплодотворяется тѣми живчиками, которые вышли изъ микроспоръ. Самое растеніе формируется, какъ и у папоротниковъ или хвощей, изъ оплодотвореннаго яйца.

Такихъ *разноспоровыхъ* растеній (съ мужскими и женскими спорами) въ настоящее время весьма немного, но въ исторіи нашей планеты, судя по ископаемымъ формамъ, была эпоха, когда они были чрезвычайно распространены. Этотъ фактъ постепеннаго вымиранія хорошо вяжется съ нашимъ современнымъ представленіемъ о подобныхъ растеніяхъ, какъ формахъ переходныхъ между споровыми и сѣянными. Переходныя формы, по ученію дарвинизма, вообще мало живучи.

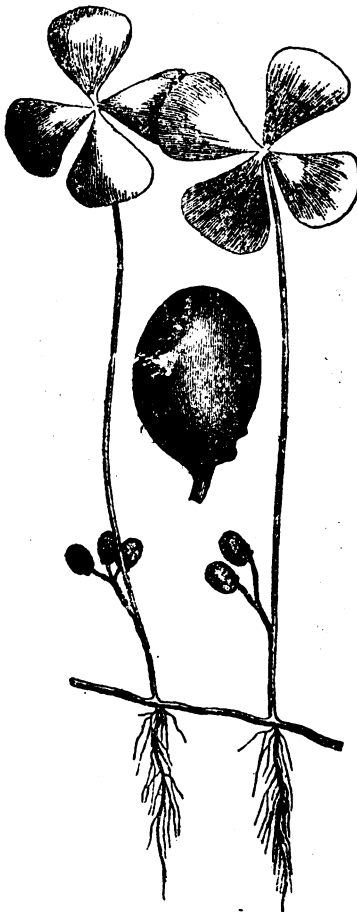

Рис. 102.

Рис. 101 А изображаетъ одно изъ такихъ растеній—*сальвинію* въ натуральную величину. У насъ, т.-е. подъ Петербургомъ, его нѣтъ, но оно встрѣчается на югѣ. Сальвинія живетъ въ водѣ; красивые бархатисто-зеленые листья ея расprostерты на поверхности воды, а снизу плавучій стебель выпускаетъ многочисленныя ниточки, совершенно сходныя съ корнями, хотя ботаники, по

нѣкоторымъ соображеніямъ, признають ихъ за особые подводные листья. При основаніи этихъ мнимыхъ корней сидятъ, какъ видно на рис. *B*, изображающемъ растение въ разрѣзѣ, шаровидные плоды, собранные группами. Каждый такой шарикъ самъ не представляетъ еще спорангія, а соответствуетъ одной изъ тѣхъ кучекъ спорангіевъ, какія мы видѣли на листьяхъ папоротниковъ; только здѣсь кучка не просто прикрыта пленкою, а совсѣмъ закупорена внутри особеннаго вмѣстилища. При наружномъ осмотрѣ плоды кажутся все одинаковыми, но въ разрѣзѣ обнару-

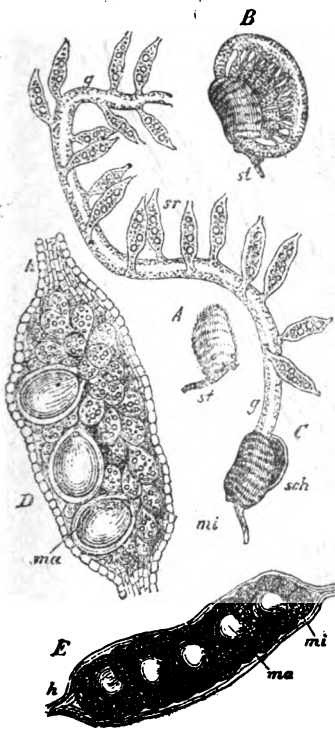

Рис. 103.

Рис. 104.

живается, что они двухъ сортовъ: въ однихъ заключены макроспорангіи, въ другихъ—микроспорангіи. На рис. *C* представлено по одному плоду обоихъ родовъ въ разрѣзѣ и при слабомъ увеличеніи. Со дна плода вдается въ полость его столбчекъ, къ которому прикрѣплено въ одномъ случаѣ, сравнительно, небольшое число болѣе крупныхъ мѣшечковъ—макроспорангіевъ—на короткихъ ножкахъ, а въ

другомъ много мелкихъ мѣшечковъ — микроспорангіевъ — на длинныхъ ножкахъ. Каждый изъ макроспорангіевъ заключаетъ внутри себя только одну крупную женскую макроспору, тогда какъ въ микроспорангіяхъ содержится по нѣскольку микроспоръ, чего, впрочемъ, на рисункѣ замѣтить нельзя.

Другое растеніе той же категоріи — *марсилія* изображено на рис. 102, также въ натуральную величину. Оно растеть въ сред-

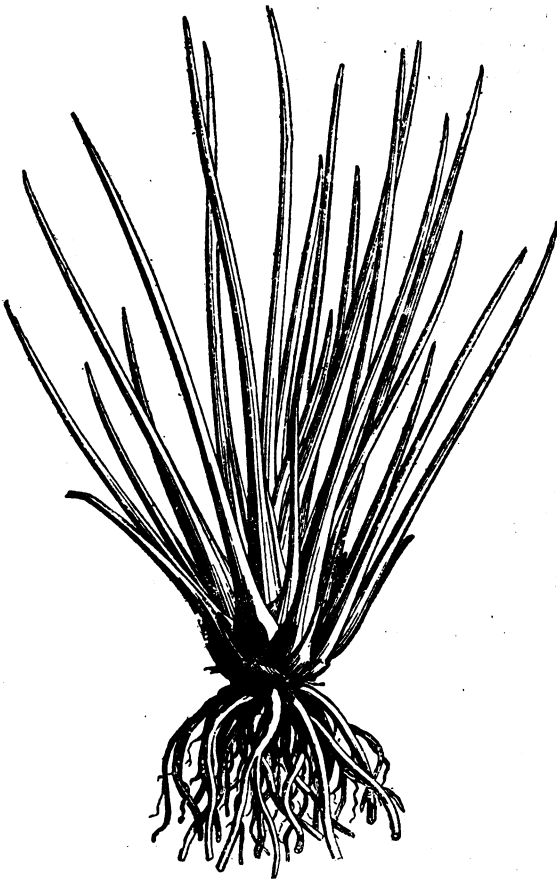

Рис. 105.

ней и южной Европѣ на болотистыхъ мѣстахъ и своими листьями нѣсколько напоминаетъ нашу кислицу или заячью капусту; только листочковъ помѣщается на длинномъ черешкѣ не три, а четыре, откуда и видовое названіе ея — марсилія четырехлистная. Плоды сидятъ на особыхъ ножкахъ и прикрѣпляются одиноко или группами къ основанію листовыхъ черешковъ. Они устроены несравненно сложнѣе, нежели у сальвиніи, и, если ужъ сравнивать съ

папоротниками, соотвѣтствуютъ не кучкѣ спорангіевъ, а цѣлому плодущему листу папоротника со всеми его многочисленными кучками. Въ каждомъ плодѣ заключено большое число какъ макро-, такъ и микроспорангіевъ въ очень сложной группировкѣ, лучше всего выясняющейся изъ рис. 103, изображающаго измѣненія, которыя совершаются въ плодѣ марсиліи подѣ влияніемъ проникающей въ него воды. Стѣнка плода раскрывается на двѣ створки и выпускаетъ студенистую, все болѣе и болѣе разрастающуюся дугу, несущую справа и слѣва выростки *sr* (рис. C), изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ одной кучкѣ папоротниковъ. Такой выростокъ, изображенный отдѣльно при болѣе сильномъ увеличеніи на рис. D и E усаженъ частью макроспорангіями (*ma*) съ одною женскою

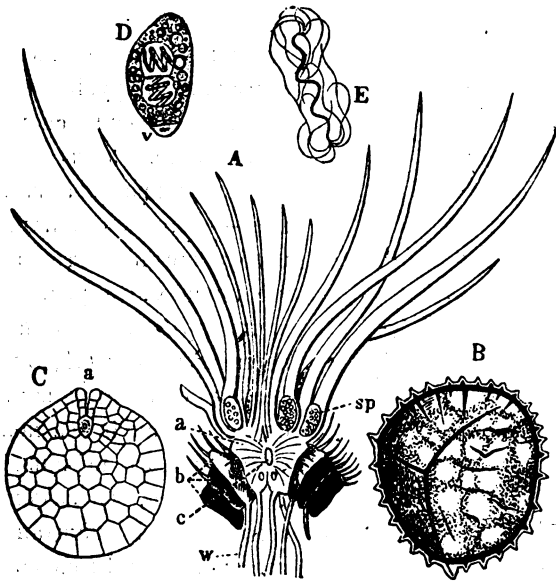

Рис. 106.

спорую внутри, частью микроспорангіями (*mi*) съ большимъ числомъ мужскихъ споръ въ каждомъ.

Близко къ марсиліи стоитъ *пильюльникъ* (*Pilularia*), европейское болотное растеніе съ шиловидными листочками (рис. 104). Плоды его тоже сложнаго устройства и заключаютъ внутри оба рода споръ въ отдѣльныхъ спорангіяхъ.

Единственное разнospоровое растеніе, встрѣчающееся даже подѣ Петербургомъ, это *расходникъ* (*Isoetes*), общій видъ котораго передаетъ рис. 105. Онъ растетъ подѣ водою, на днѣ озеръ, но въ южной Европѣ встрѣчаются и сухопутные виды того же рода.

Характерные плоды (спорангіи) расходника, раздѣленные внутри перегородками на нѣсколько камеръ, сидятъ при основаніи шиловидныхъ листочковъ съ внутренней стороны, такъ что снаружи незамѣтны. Они видны на рис. 106 *A* (въ *sp*), гдѣ растеніе изображено въ продольномъ разрѣзѣ. Макро- и микроспоры заключены здѣсь въ отдѣльныхъ плодахъ, но на одномъ и томъ же растеніи.

Наконецъ, сюда же относятся весьма обыкновенныя въ нашихъ оранжереяхъ, благодаря ихъ изящной мелкой листвѣ, *селягинеллы*. Въ плодущемъ состояніи на концахъ ихъ вѣтвей образуются тонкіе колосья (рис. 107 *A*).

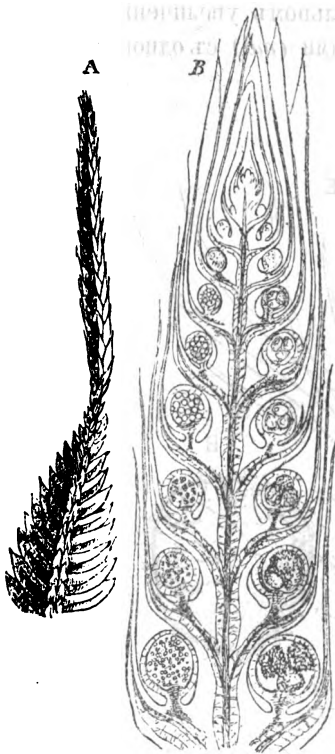

Рис. 107.

зуются тонкіе колосья (рис. 107 *A*).

Въ этомъ колосѣ подъ прикрытіемъ каждого листочка сидитъ по одному спорангію. Последніе двухъ родовъ: они содержатъ внутри большое число мелкихъ мужскихъ, а другіе—всего четыре крупныя женскія споры. На разрѣзѣ *B* колоса съ одной стороны видны микроспорангіи, съ другой — макроспорангіи. Рис. 108 изображаетъ постепенное развитіе первыхъ, а рис. 109—одинъ, почти зрѣлый макроспорангіи. На первыхъ порахъ (*A, B* въ рис. 108) нельзя еще отличить, получится ли спорангіи съ мелкими мужскими или съ крупными женскими спорами, но затѣмъ въ первомъ случаѣ каждая изъ внутреннихъ кѣлочекъ молодого спорангія дѣлится на четыре кѣлочка и всѣ эти четверки развиваются далѣе одинаково, образуя мелкія споры, вначалѣ склеенныя по четыре: (рис. *D*), а

потомъ разъединяющіяся. Въ макроспорангіяхъ, напротивъ, изъ всѣхъ внутреннихъ кѣлочекъ только одна подвергается четвертованію и развиваетъ четыре крупныя споры, всѣ же прочія кѣлочка глоснутъ. На рис. 109 видны лишь три женскія споры съ ихъ красивою бугорчатою шкуркою; потому что четвертая спора прикрыта ими. Нужно замѣтить, что развитіе споръ четверками—явленіе, можно сказать, всеобщее у высшихъ споровыхъ растеній. Мы встрѣтимся съ нимъ же далѣе и у растеній сѣмянныхъ.

Что касается дальнѣйшей судьбы мелкихъ и крупныхъ споръ, то, какъ уже сказано, мелкія выпускаютъ при прорастаніи живчиковъ. Микроспора дѣлится внутри перегородками на нѣсколько клѣточекъ. Наблюденія *Блэва* показали, что это дѣленіе слѣдуетъ разсматривать какъ образованіе внутри мужской споры совершенно зачаточнаго предростка, нерѣдко сводящагося къ одной всего клѣточкѣ, и одного или двухъ антеридіевъ. Рис. 110, на примѣръ, представляетъ прорастаніе микроспоры сальвиніи, изображенной на рис. 101. Микроспора при этомъ чуть-чуть вытяги-

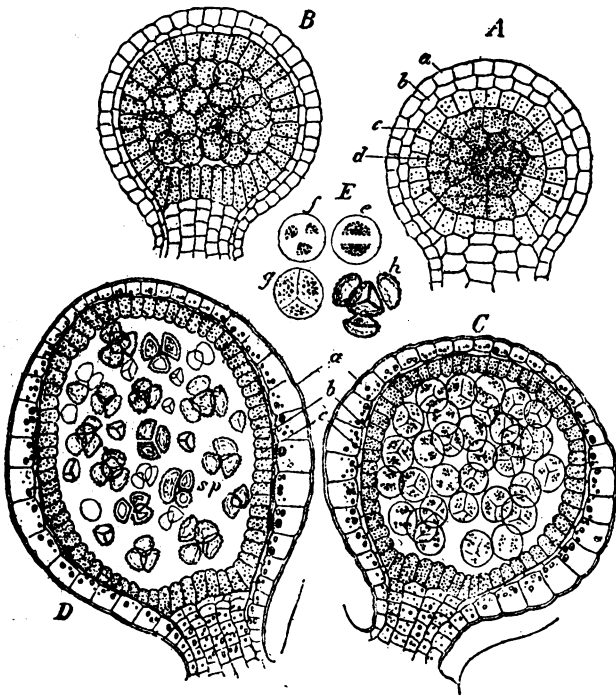

Рис. 108.

вается въ длину и дѣлится внутри перегородками сначала на три (A), а потомъ на большее число клѣточекъ; изъ нихъ только двѣ пары (s_1 и s_2) служатъ для образованія живчиковъ, причемъ изъ каждой получается по парѣ послѣднихъ (на рисункахъ B и C, гдѣ прорастающая микроспора изображена съ разныхъ сторонъ, замѣтно лишь половинное число тѣхъ круглыхъ клѣточекъ, изъ которыхъ вылуцится по живчику). Такимъ образомъ у сальвиніи микроспора даетъ всего восемь живчиковъ двумя группами, по четыре въ каждой. Здѣсь образуются какъ бы два антеридія, но

«миръ воиъ», № 5, май. 13

въ другихъ случаяхъ получается всего одинъ. Такъ, на рис. 111 мы видимъ внутри прорастающей микроспоры селягинеллы (ср. рис. 107) всего одну группу (*s*) круглыхъ кліточекъ, производящихъ по живчику. Здѣсь, можно сказать, внутри микроспоры об-

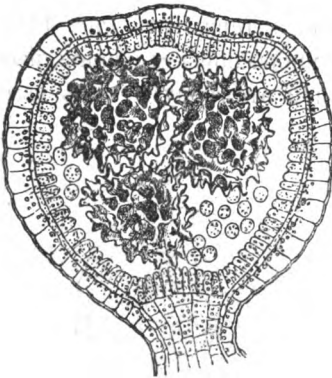
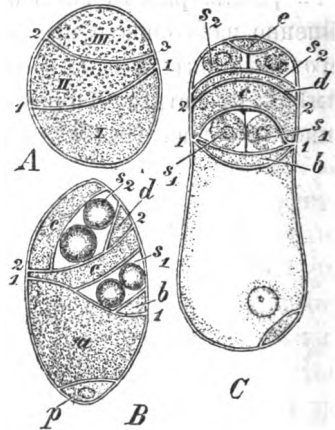

Рис. 109.

, Рис. 110.

разуется всего одинъ антеридій; бесплодныя клітки *w* представляютъ его стѣнку, что особенно ясно при сравненіи съ молодымъ антеридіемъ папоротника, напр., на рис. 88. Крошечную клітку *p*, замѣтную и въ другихъ случаяхъ (рис. 110 *B*), рассматриваютъ обыкновенно какъ жалкій намекъ на проростокъ, породившій антеридій. Передъ окончательнымъ созрѣваніемъ живчиковъ бесплодныя клітки сливаются, оттого на рис. 111 *E*

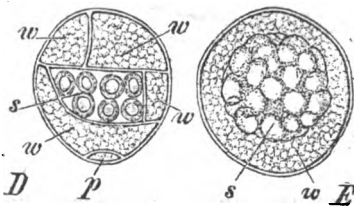

Рис. 111.

мы ихъ не видимъ; въ *F* нарисованы два готовыхъ живчика селягинеллы. Хотя у этихъ растений микроспора даетъ лишь одинъ антеридій, общее число выпускаемыхъ ею живчиковъ значительно больше, чѣмъ у сальвиніи съ ея двумя антеридіями. Однако у расхрдника, напимѣръ, гдѣ тоже получается всего одинъ антеридій (рис. 106 *D*) изъ каждой микроспоры выходитъ всего 4 живчика. Въ сущности, это все мелочи, но мелочи, совершенно постоянныя для каждаго растенія.

Крупная женская спора, прорастая, даетъ проростокъ и на

немъ архегоніи, но предростокъ получаетъ обыкновенно лишь слабое развитіе и по размѣрамъ своимъ далеко уступаетъ со-
 отвѣтственному образова-
 нію мховъ, папоротниковъ
 и хвощей, хотя сравни-
 тельно съ полу-мифиче-
 скими предростками ми-
 кроспоръ, о которыхъ
 только что была рѣчь, они
 представляются гиганта-
 ми. Особенно рѣзко вы-
 ражено это относительно
 слабое развитіе предрост-
 ка у селягинелъ. Рис. 112
 изображаетъ прорастаю-
 щую макроспору послѣд-
 няго растенія въ продоль-
 номъ разрѣзѣ. Внутри все
 еще замкнутой крупной
 споры сформировалась въ

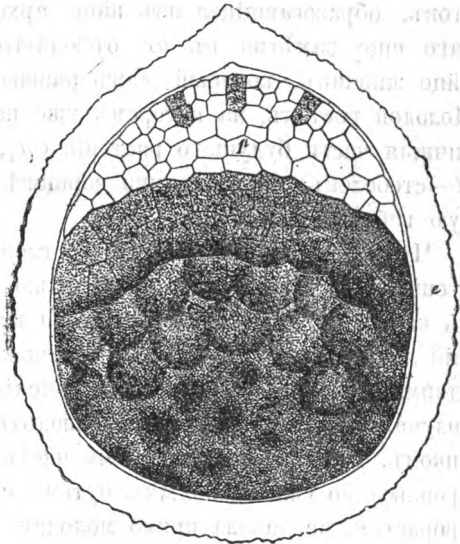

Рис. 112.

верхней части кѣлочатая
 ткань *p*; это и есть пред-
 ростокъ. Въ трехъ мѣ-
 стахъ на поверхности ея,
 непосредственно подъ
 шкуркою, обозначились
 три архегоніи, которые
 у развеспоровыхъ вообще
 погружены въ ткань пред-
 ростка. Такимъ образомъ
 здѣсь предростокъ остана-
 вляется заключеннымъ во
 внутренность женской споры.
 Разумѣется, впоследствии
 оболочка макроспоры при
 вершинѣ вскрывается, а,
 чтобы дать доступъ жив-
 чикамъ во внутренность
 архегоніевъ. Самое ра-
 стеніе образуется, какъ и
 у папоротниковъ, изъ
 оплодотвореннаго яйца

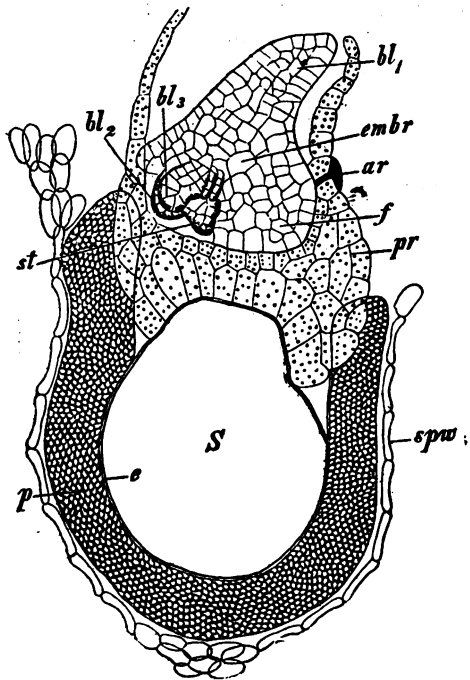

Рис. 113.

*

архегонія. На рис. 113, напримѣръ, мы видимъ дальнѣйшее развитіе оплодотворенной макроспоры сальвиніи, представленной въ продольномъ разрѣзѣ: *pr*—клетчатая ткань предростка, *embr*—ростокъ, образовавшійся изъ яйца архегоніи, мертвая шейка котораго еще замѣтна въ *ar*; отсюда-то проникъ оплодотворившій яйцо живчикъ, который самъ развился въ особой мелкой спорѣ. Молодой ростокъ, на которомъ уже начинаютъ обозначаться различныя части будущаго растенія (*bl*₁, *bl*₂, *bl*₃—первые листья, а *st*—стебелекъ) прорвалъ при вершинѣ ткань обреченнаго на скорую гибель предростка.

Что же дали намъ въ общей сложности высшія споровыя растенія? Мы встрѣтили у нихъ рѣзко выраженное оплодотвореніе; въ качествѣ мужскаго органа, мы нашли антеридій, производившій живчиковъ, въ качествѣ женскаго — архегоній всегда съ однимъ яйцомъ внутри. За исключеніемъ мховъ, взрослое растеніе получалось изъ этого яйца, оплодотвореннаго слияніемъ съ живчикомъ. Развивъ присущія ему части: корни, стебли, листья, оно производило уже безполымъ путемъ спорангій со спорами. Спора, прорастая, не давала прямо молодаго растенія, а развивала сначала особое, просто устроенное образование—предростокъ, но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ болѣе предростокъ терялъ свою самостоятельность и подъ конецъ совершенно скрывался внутри породившей его споры. У папоротниковъ и хвощей мы встрѣтили лишь одинъ сортъ споръ, но далѣе подмѣтили образованіе отдѣльныхъ мужскихъ и отдѣльныхъ женскихъ споръ. Какъ совершился этотъ скачекъ, остается неяснымъ. Еще одинъ таковой же—и мы очутимся въ сферѣ *спьмниныхъ* растеній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

XVIII.

Окончивъ безсвязный свой рассказъ, Антошка спохватился, что не подалъ „графу“ записки княгини и, вынувъ изъ полупубка смятый длинный конвертикъ съ золотой коронкой и факсимиле княгини на той сторонѣ, гдѣ конвертъ заклеивается,—подалъ его со словами:

— Вотъ, графъ, прочтите, что она тутъ еще набрехала, ваша княгиня...

„Графъ“ внимательно прочелъ записку разъ, прочелъ другой, положилъ ее на столъ и, къ удивленію Антошки, задумался, точно эта записка произвела на него большее впечатлѣніе, чѣмъ Антошкинъ рассказъ.

Въ ней княгиня въ самой деликатной формѣ сообщала то, что болѣе откровенно выразила Антошеѣ на словахъ относительно неудобства пребыванія у „графа“. Выражая увѣренность, что онъ самъ понимаетъ это и не захочетъ подвергать несчастнаго мальчика „всѣмъ ужаснымъ случайностямъ нищеты и порока“, княгиня надѣялась, что „графъ“ обрадуется, что она беретъ мальчика въ пріютъ, и обѣщала въ послѣдствіи лично позаботиться объ его судьбѣ.

Предложеніе во всякомъ случаѣ было заманчивое. По крайней мѣрѣ, на первые годы мальчикъ будетъ во всемъ обез-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

печень и получить какое-нибудь образованіе. Потомъ ему легче найти занятія да еще при покровительствѣ княгини.

А при всемъ горячемъ желаніи, что можетъ сдѣлать для мальчика онъ, всѣми отверженный нищій и вдобавокъ больной? Не понадѣялся ли слишкомъ онъ на свои силы и на чужія подачи, самонадѣянно рассчитывая устроить Антошку, не отпуская его отъ себя?.. Всѣ эти дни грудь нѣтъ, нѣтъ, да и заноеть. Что, если онъ заболѣетъ настолько, что не въ состояніи будетъ выходить по вечерамъ на работу? Что будетъ тогда съ Антошкой? Не права-ли кузина со своими „случайностями нищеты и порока“, и вправдѣ-ли онъ отказываться отъ предложенія только ради того, что ему хочется имѣть на сълонѣ своей, вѣроятно, недолгой уже жизни, любимое и любящее существо, которое озарило свѣтомъ горемычное его существованіе и словно бы придало ему новый смыслъ?

Такія мысли бродили въ головѣ „графа“ и вызывали душевную борьбу. И брови его хмурились, и въ лицѣ было что-то угрюмое и страдальческое.

Ужели судьба бросила ему этотъ лучъ свѣта, согрѣла его сердце привязанностью къ такому же оброшенному существу, какъ и онъ самъ, чтобы немедленно же отнять его, и оставить снова его одного, какъ персть, на свѣтѣ съ провлятіями прошлой жизни, съ озлобленіемъ на людей и съ вѣчнымъ мракомъ на душѣ. А онъ такъ привязался къ Антошкѣ, и этотъ мальчишъ такъ любить его!..

И „графъ“ невольно вспомнилъ рассказъ мальчика о томъ, какъ онъ „отчекрыжилъ“ изъ-за него княгиню, и съ скорбною нѣжностью посмотрѣлъ на Антошку.

А Антошка, притихшій и встревоженный, не спускалъ глазъ съ графа, недоумѣвая, отчего это онъ вдругъ сдѣлался такой печальный.

Что могло быть въ этой запискѣ?

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Наконецъ „графъ“ проговорилъ съ рѣшительнымъ видомъ человѣка, принявшаго героическое рѣшеніе:

— А знаешь, что я тебѣ скажу, Антошка?

— Что, графъ?—съ тревогой въ голосѣ стремительно перебилъ Антошка.

— Положимъ, и княгиня, и всѣ эти дамы и мужчины,

что засѣдали въ комитетѣ и разглядывали тебя, какъ рѣдкость, порядочные шуты гороховые... Положимъ... Но все-таки въ пріютѣ вовсе не такъ скверно, какъ ты думаешь... Это совсѣмъ не то, что у „дяденьки“...

При этихъ словахъ Антошка такъ-таки и обомлѣлъ.

Не находя словъ, онъ растерянно выпучилъ испуганные глаза и застылъ на табуретѣ въ позѣ отчаянія.

— Право, братецъ, не дурно, — продолжалъ „графъ“, стараясь въ шутовомъ тонѣ голоса скрыть свое волненіе и отводя взглядъ отъ поблѣднѣвшаго лица мальчика, — и квартира, и одежда, и пища, однимъ словомъ все, какъ слѣдуетъ... ни о чемъ не заботься... Всталъ, одѣлся: — пожалуйста чай пить... А тамъ обѣдь, вечеромъ ужинъ... И обучать тебя всему — только была бъ охота... Выйдешь изъ пріюта, всякую штуку будешь знать: и грамматику, и ариметику, и географію... всему выучать... А я буду заходить къ тебѣ въ пріютъ... Вѣрно, пускаютъ?.. Навѣрное даже пускаютъ... Два, три года, братецъ, скоро пройдутъ... А потомъ ты найдешь себѣ мѣсто и опять мы вмѣстѣ будемъ жить, если я буду живъ... Право, вѣдь недурно, Антошка? Раскинъ-ва умомъ!

Но Антошка молчалъ, подавленный и грустный. Слезы стояли въ его глазахъ, и на сердцѣ была безпредѣльная горечь.

„Одинъ близкій человѣкъ у него на свѣтѣ и тотъ его гонить отъ себя?“

— Графъ, — проговорилъ наконецъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, — не гоните меня... Я... я ничего не буду вамъ стоить... Я сейчасъ же найду работу. Ей Богу, найду!

— Глупый! Развѣ я тебя гоню? Я для твоей же пользы хочу, чтобъ ты былъ въ пріютѣ! — воскликнулъ графъ, самъ взволнованный этимъ отчаяніемъ мальчика и его словами.

— Но вы раньше говорили, что я буду при васъ.

— Говорилъ и очень хотѣлъ бы не разставаться съ тобой, а не то, что гнать тебя, но пойми ты, голубчикъ мой, я вотъ болѣю, могу слечь въ постель, мало ли что можетъ случиться...

— А я буду при васъ... Буду ходить за вами! — съ порывистою страстностью воскликнулъ Антошка. — Развѣ я оставлю васъ одного, когда васъ всѣ бросили? Графъ! Доб-

реный графъ! Не отдавайте меня въ княгинямъ, въ пріютъ... Вѣдь вы одинъ на свѣтѣ у меня... А я самъ выучусь всему, что нужно... А въ пріютъ я не хочу... не хочу... Что я тамъ безъ васъ буду дѣлать?.. И никто не смѣетъ взять меня въ пріютъ... Я убѣгу оттуда... Графъ, графъ! Что жъ вы молчите?..

Антошка не могъ продолжать и зарыдалъ.

Слезы катились по изможденнымъ щекамъ графа, радостныя, признательныя слезы, и вздрагивавшій голосъ его звучалъ необыкновенною нѣжностью, когда онъ говорилъ:

— Ну, ну... полно, Антошка... Не реви, какъ бѣлуга... Не хочешь въ пріютъ—оставайся у меня... Какъ-нибудь да проживемъ... И ты станешь человѣкомъ, добрый, хорощій мой мальчикъ... Не будемъ больше говорить о пріютѣ! Ну его, къ чорту.

И графъ нѣжно погладилъ Антошкину голову.

Безпрѣдѣльно счастливый и благодарный Антошка припалъ къ его руцѣ.

Съ слѣдующаго же дня „графъ“ каждое утро занимался съ Антошкой, заставляя его читать и писать, и обучалъ его ариметику, въ которой, впрочемъ, Антошка былъ достаточно подготовленъ недавнею своею торговою дѣятельностью. Антошка лѣзъ, что называется, изъ кожи, и своею понятливостью и успѣхами приводилъ въ изумленіе учителя. Онъ все еще не совсѣмъ поправился и могъ не выходить по вечерамъ на работу, благодаря деньгамъ, присланнымъ племянницей. Такимъ образомъ, графъ и Антошка проводили вмѣстѣ вечера, во время которыхъ „графъ“, рассказывая своему внимательному слушателю различные эпизоды своей бурной жизни, съ критическими къ нимъ комментаріями, и оцѣнивая явленія и людей, давалъ Антошеѣ уроки прагматической философіи и этики. И, право, не смотря на грѣховное прошлое и весьма горемычное настоящее „графа“, Антошка въ этихъ урокахъ отверженца и пропойцы почерпнулъ не мало хорошаго, и назидательнаго, что запало ему на всю жизнь.

Теперь, благодаря взаимной привязанности этихъ двухъ несчастныхъ существъ, крошечная каморка, въ которой они жили, казалась имъ милой, уютной и точно просвѣтлѣвшей, и сами они чувствовали себя не такими одинокими и забро-

шенными какъ прежде и были полны надеждъ на лучшее будущее.

Такъ прошло нѣсколько счастливыхъ дней, и этой нищенской идилліи наступилъ конецъ.

Послѣдняя бумажка была отдана хозяйкѣ на расходы, и „графъ“, не смотря на собачій холодъ, рѣшилъ вечеромъ снова выйти на работу.

Антошка со страхомъ глядѣлъ на легкое пальто „графа“ и заикнулся, было, предложить свои услуги „походить около вокзала“, но „графъ“ такъ сердито замахалъ головой, что Антошка не смѣлъ продолжать.

XIX.

Будь княгиня Моравская болѣе счастлива въ личной своей жизни и не „неси она креста“, бѣдному Антошкѣ едва ли грозила опасность быть облагодѣтельствованнымъ помимо его желанія, такъ какъ княгиня не отдалась бы всей душой дѣлу благотворительности и не находила бы времени дѣйствовать столь рѣшительно, энергично и неуклонно.

Искренно возмущенная и разговоромъ Антошки о несчастныхъ дѣтяхъ и искренно желавшая не дать Антошкѣ завязнуть въ „когтяхъ порока“, княгиня на другой же день послѣ засѣданія комитета Общества „Помогай ближнему!“, окончивъ свой долгій туалетъ, передъ тѣмъ, что идти на прогулку, по обыкновенію, справилась въ своей записной книжкѣ о программѣ дня.

Въ числѣ многихъ отмѣтокъ, значились и слѣдующія: „навести справки объ ужасномъ заведеніи несчастныхъ дѣтей“ и „узнать въ пріютѣ: явился ли мальчикъ отъ Опольева“.

Мысль о спасеніи Антошки крѣпко засѣла въ голову княгини.

Не смотря на не совсѣмъ благонравное его поведеніе въ концѣ визита, Антошка понравился ей. Понравились княгинѣ и его умное, выразительное лицо, и его бойкіе отвѣты, а эта горячая, страстная защита пріотившаго его „графа“, просто-таки восхитила ее, и она рѣшила, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе комитетское постановленіе, если мальчикъ не явится въ пріютъ.

„Въ такомъ случаѣ уже не можетъ быть сомнѣнія въ

томъ, что этотъ пропойца взялъ мальчика къ себѣ, чтобы его эксплуатировать!“ разсуждала княгиня и прошептала:

— Бѣдный мальчикъ!

Ровно въ часъ княгиня была уже въ пріютѣ. Тамъ дождался ея секретарь Евгеній Аркадьевичъ, вызванный телеграммою, чтобы изъ пріюта сопутствовать княгинѣ. Вхвать одной въ заведеніе Ивана Захаровича она не рѣшалась.

— Мальчика нѣтъ?—спросила княгиня, входя въ пріютъ.

— Нѣтъ, княгиня!—отвѣчалъ Евгеній Аркадьевичъ, и прибавилъ:—я думаю, что онъ и не явится...

— Почему вы такъ думаете?

— Мнѣ кажется, что онъ предпочтетъ нищенствовать... Слишкомъ ужъ онъ испорченъ... Эта его манера себя держать...

— Я съ вами не согласна, Евгеній Аркадьевичъ!—рѣшительно и властно перебила княгиня, вообще не любившая слушать чужія мнѣнія, если они не сходились съ ея собственными.—Вы слишкомъ поспѣшны въ приговорахъ, Евгеній Аркадьевичъ.

Нѣсколько смущенный что попалъ въ просакъ, Евгеній Аркадьевичъ поспѣшилъ оговориться, что онъ позволилъ себѣ судить по первому впечатлѣнію. Разумѣется, княгиня, говорившая съ мальчикомъ, имѣетъ болѣе вѣрныя сужденія.

— Ну, покажите мнѣ пріютъ, Римма Михайловна!—обратилась княгиня къ пожилой, одѣтой во все черное, худой и облизанной начальницѣ пріюта, которая всегда, при посѣщеніи строгой предсѣдательницы, замирала въ почтительномъ трепетѣ подневольнаго существа, боявшагося лишиться куска хлѣба.

Княгиня обошла пріютъ. Все найдено было въ порядкѣ. Четырнадцать пріютскихъ, подъ гребенку остриженныхъ мальчиковъ, похожихъ въ своихъ форменныхъ черныхъ курточкахъ на маленькихъ арестантовъ, были выстроены въ залѣ и на привѣтствіе княгини: „здравствуйте, дѣти!“, отвѣтили съ такимъ оглушительнымъ согласіемъ: „здравія желаемъ, ваше сіятельство!“, что княгиня даже слегка вздрогнула.

Она прошла по фронту, потрепала по щекамъ самыхъ маленькихъ, спросила о здоровьѣ двухъ худыхъ, блѣднолицыхъ, съ синевою подъ глазами, подростковъ и, пожелавъ

всѣмъ хорошо учиться и хорошо вести себя, простилась съ дѣтьми, сопровождаемая тѣмъ же оглушительнымъ ревомъ четырнадцати голосовъ: „Счастливо оставаться, ваше сіятельство!“

Княгиня была не въ духѣ. Этотъ Антошка, не явившійся въ пріютъ, положительно безпокоилъ ее, и Евгений Аркадьевичъ напрасно старался занять княгиню, сидя около нея въ каретѣ. Давно ужъ онъ ухаживалъ за пышной, красивой княгиней съ почтительностью втайнѣ влюбленнаго, не смѣющаго, разумѣется, обнаружить своихъ чувствъ, но княгиня, какъ будто, и не замѣчала этого.

И теперь Евгений Аркадьевичъ, посматривая сбоку на княгиню, рѣшительно приходилъ въ недоумѣніе. „Эта безсовѣстно-холодная женщина положительно недоступна чувствамъ!“ подумалъ Евгений Аркадьевичъ, тщетно стараясь обратить на себя какое-либо вниманіе княгини Марьи Николаевны, расположеніе которой было бы крайне выгодно, по мнѣнію молодаго человѣка, для его карьеры... Она вліятельная, со связями...

— Положительно дурацкій темпераментъ! — мысленно проговорилъ онъ, взглядывая на строгое безстрастное лицо молодой женщины.

Наконецъ, карета остановилась у воротъ одного изъ невзрачныхъ домовъ въ дальней улицѣ Песковъ. Городовой выпучилъ глаза съ почтительнымъ удивленіемъ на подѣхавшихъ.

Евгений Аркадьевичъ высочилъ изъ кареты и пошелъ отыскивать дворника.

Черезъ нѣсколько минутъ княгиня вмѣстѣ съ секретаремъ поднималась по отвратительной лѣстницѣ, въ квартиру Ивана Захаровича и часто подносила къ носу надушенный платовъ. Старшій дворникъ слѣдовалъ на ними, по требованію Евгения Аркадьевича, который сообщилъ дворнику о цѣли посѣщенія такой важной особы, какъ княгиня Моравская. Признаться, Евгений Аркадьевичъ, немножко трусилъ— мало ли на какой можно нарваться скандалъ!— и потому присутствіе дворника казалось ему необходимо.

Въ эту минуту по лѣстницѣ быстро взбѣжала маленькая Анютка, закутанная въ платѣ, и при видѣ княгини растерялась.

- Ты кто такая, дѣвочка?—остановилась княгиня.
- Анютка...
- Куда идешь?
- Къ дяденькѣ, вотъ сюда,—указала она на дверь.
- А гдѣ ты была?
- Милостыньку собирала...

Княгиня значительно переглянулась съ секретаремъ. Улига была на лицо.

— Какъ же ты, дворникъ, говорилъ мнѣ, что не знаешь, что дѣти собираютъ милостыню?—строго замѣтилъ Евгений Аркадьевичъ.

— Почемъ же я могу знать, что дѣлаютъ жильцы!—отвѣчалъ дворникъ.

Позвонили. Двери отворила супруга Ивана Захаровича. Его самого не было дома.

При видѣ посѣтителей и старшаго дворника молодая женщина видимо струсила и не знала, какъ ей быть: пускать ли непрошенныхъ гостей или нѣтъ. Но старшій дворникъ, мигнувъ ей глазомъ, проговорилъ:

— Ея сіятельство желаютъ узнать на счетъ дѣтей, что живутъ у васъ. Дозвольте осмотрѣть квартиру...

Княгиня вошла, сопровождаемая Евгениемъ Аркадьевичемъ и дворникомъ. Анютка шмыгнула вслѣдъ за ними.

По приказанію княгини, была отперта маленькая комната, гдѣ помѣщались племянники и племянницы Ивана Захаровича, и княгиня просто ахнула—до того ея поразила грязь этого помѣщенія. Никого изъ обитателей не было дома. Всѣ были на работѣ.

— Сколько тутъ помѣщается дѣтей?—спросила княгиня.

— Семь человѣкъ...

— Чьи это дѣти?

— Сродственники мужа.

— Не лгите... Я все знаю... Мнѣ рассказалъ одинъ мальчикъ, убѣжавшій отъ васъ... Какъ вамъ съ мужемъ не стыдно заниматься такимъ постыднымъ дѣломъ и истязать дѣтей?

Дворникъ дѣлалъ какіе-то таинственные знаки „рыжей вѣдьмѣ“.

Та бросилась въ ноги.

— Ваше сіятельство... по бѣдности... Самимъ кормиться нечѣмъ...

— Гдѣ эта дѣвочка... Анютка, которую и встрѣтила?..
Дворникъ привелъ Анютку. Худенькая дѣвочка съ большими черными глазами дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я беру ее съ собой... Ея бумаги сегодня же доставить ко мнѣ!—обратилась она къ дворнику.

Евгеній Аркадьевичъ поспѣшилъ сообщить адресъ.

Никто не возражалъ. Подобное самоуправство нисколько не удивило дворника.

Княгиня на минуту задумалась и продолжала тѣмъ же рѣшительнымъ и властнымъ тономъ, обращаясь къ дворнику:

— Завтра къ часу дня приведите ко мнѣ всѣхъ дѣтей, принесите ихъ документы и сообщите: кто ихъ родители и гдѣ они живутъ.

— Слушаю-сь, ваше сіятельство!

— Ну, ѣдемъ со мной, дѣвочка!—сказала княгиня, обращаясь съ Анюткѣ.

Дворникъ повелъ дѣвочку. Ее, недоумѣвающую и испуганную, посадили въ карету.

— А вамъ, извините, мѣста нѣтъ, Евгеній Аркадьевичъ!—промолвила княгиня.

— Не безпокойтесь, княгиня, я поѣду на извозчикѣ.

И, прощаясь съ ней, прибавилъ:

— Какой для васъ счастливый день, княгиня! И какъ будутъ благословлять васъ всѣ эти спасенныя дѣти!

— Это ужасно... ужасно!—возбужденно проговорила княгиня, и красивое лицо ея сіяло отъ внутренняго довольства.— Мы, право, сдѣлали сегодня воистину доброе дѣло, Евгеній Аркадьевичъ,—прибавила она съ чувствомъ.— Завтра къ часу, прошу васъ, будьте у меня!—прибавила княгиня, протягивая ему руку.—Прикажите кучеру ѣхать домой!

Княгиня ѣхала вполне удовлетворенная сегодняшнимъ днемъ и предстоящими хлопотами по устройству всѣхъ этихъ дѣтей. Ея дѣятельной натурѣ было дѣла на нѣсколько дней, и это ее радовало. Завтра же она увидится съ градоначальникомъ и расскажетъ все, что видѣла.

— Ужасно... ужасно!—повторяла княгиня.

Завтра же она поговоритъ и о несчастномъ мальчикѣ.

Она попросить вытребовать Антошку отъ Опольева и водворить въ пріютѣ.

Поглощенная этими мыслями, полная разныхъ добрыхъ намѣреній, княгиня словно и забыла объ Аняутѣ, которая испуганно прижалась въ своихъ лохмотьяхъ въ уголь кареты и тихо, совсѣмъ тихо, всхлипывала.

Ей было страшно. Зачѣмъ ее взяли? Куда везетъ эта красивая, важная дама въ богатой шубѣ?

Княгиня между тѣмъ вспомнила о своей спутницѣ и взглянула на нее.

— Ты что же плачешь, дѣвочка? Не бойся! Тебя больше обижать не будутъ... Никто не обидитъ... Тебѣ хорошо будетъ!—ласково говорила княгиня, любуясь миловиднымъ личикомъ дѣвочки и особенно ея большими черными испуганными глазами, осѣненными густыми рѣсницами.

Ласковый голосъ княгини нѣсколько успокоилъ Аняутку.

— Теперь не боишься?—продолжала княгиня.

— Не бо-юсь!—протянула Аняутка, вытирая грязнымъ булачкомъ слезы.

И вслѣдъ затѣмъ пугливо спросила:

— А куда вы везете меня?

— Къ себѣ пока. Тебя накормятъ, напоютъ чаемъ... Тебя вымоютъ, причешутъ и одѣнутъ въ хорошенькое платье. Хочешь?

— Хочу!—отвѣтила дѣвочка.

И ея личико просвѣтлѣло.

Нѣсколько минутъ княгиня смотрѣла на это крошечное созданье въ какомъ-то раздумьи, точно о чемъ-то вспоминая. И черты ея строгаго, холоднаго лица смягчились...

Обыкновенно дѣти, которыхъ спасала и призрѣвала княгиня Марья Николаевна, по долгу благотворительницы, не возбуждали въ ней особенно теплыхъ чувствъ. Она никогда ихъ не ласкала, не согрѣвала нѣжнымъ словомъ.

Но въ эту минуту эта маленькая Аняутка почему-то возбудила въ ней не одну только жалость, а что-то другое, болѣе нѣжное и сильное, неожиданно для нея самой охватившее ея сердце.

И эта уравновѣшенная, сдержанная женщина, отъ которой вѣяло всегда холодомъ, вдругъ наклонилась къ грязной

дѣвочкѣ и стала цѣловать ее съ страстной порывистостью внезапно пробудившагося неудовлетвореннаго материнскаго инстинкта.

Анютка широко раскрыла глаза, болѣе пораженная, чѣмъ тронутая этою неожиданною ласкою.

А въ глазахъ княгини блестяли слезы. Ея красивое, румяное лицо было задумчиво и грустно. Голосъ ея прозвучалъ необычною нѣжностью, когда она спросила Анютку:

— Тебѣ холодно, дѣвочка?

И, не дожидаясь отвѣта, она закрыла Анютку полой своей роскошной ротонды, подбитой чернобурыми лисицами.

Прошло нѣсколько минутъ, и этотъ порывъ чувства какъ будто неприятно удивилъ княгиню своею неожиданностью.

„Нервы“ — подумала она, недовольно пожимая плечами.

И княгиня, съ тонкимъ чутьемъ эгоистической природы, оберегавшая себя отъ какихъ бы то ни было волненій, могущихъ нарушить спокойствіе ея великолѣпной особы, — рѣшила и теперь, что давать поблажки нервамъ не слѣдуетъ.

Когда карета подъѣхала къ подъѣзду ея особняка на Сергіевской, княгиня уже справилась съ собою, больше Анютку не цѣловала и вышла изъ кареты тою же холодною, строгою и безукоризненною княгиней, какою ее всѣ привыкли видѣть.

Прежнее рѣшеніе на счетъ Анютки было отмѣнено. Нечего держать ея нѣсколько дней въ домѣ, какъ княгиня прежде хотѣла.

И она, поднявшись къ себѣ, велѣла горничной накормить Анютку и немедленно отвезти ея въ пріютъ для дѣвочекъ Общества „Помогай ближнему“. Послѣ этого она приняла валеріановыхъ капель и пошла переодѣваться, чтобъ ѣхать съ визитами.

Иванъ Захаровичъ вернулся домой только къ вечеру и былъ порядочно пьянъ. Дѣти, увидѣвшия дяденьку, предчувствовали, что сдача выручекъ не обойдется сегодня безъ ремня и испуганно притаились въ своей комнатѣ.

Весь хмѣль сразу выскочилъ у Ивана Захаровича изъ головы, когда достойная его супруга сообщила ему о посѣщеніи княгини и объ увезѣ Анютки, и онъ совсѣмъ упалъ духомъ, когда старшій дворникъ отобралъ отъ него всѣ дѣт-

скіе документы и объявилъ, что на слѣдующій день отведеть всѣхъ его питомцевъ къ княгинѣ.

Надо было спасти собственную шкуру, и Иванъ Захаровичъ послѣ бесѣды съ дворникомъ, на слѣдующее же утро имѣлъ конфиденціальное совѣщаніе съ письмоводителемъ участка въ трактирѣ.

Результатомъ всѣхъ этихъ конференцій было то, что Иванъ Захаровичъ въ вечеру того же дня съѣхалъ съ квартиры и былъ отмѣченъ выбывшимъ за городъ.

Такимъ образомъ, когда, дня черезъ три послѣ посѣщенія княгини заведенія Ивана Захаровича, въ участкѣ было получено строжайшее предписаніе о производствѣ немедленнаго дознанія, — Ивана Захаровича не оказалось, и розыски его въ городѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Онъ уже былъ въ Москвѣ и намѣревался тамъ заняться другой профессіей — открыть питейное заведеніе.

Супруга его осталась въ Петербургѣ, чтобы распродать вещи и затѣмъ пріѣхать къ мужу...

Но Иванъ Захаровичъ напрасно писалъ своей „Машенькѣ“ умоляющія письма. Она не ѣхала къ нему.

XX.

Въ этотъ вечеръ „графъ“, не смотря на дьявольскій холодъ, не очень-то располагающій людей къ благотворительности, „работалъ“ довольно недурно.

Какой-то студентъ, къ которому „графъ“ обратился съ просьбой „ссудить его гривенникомъ“, взглянувъ при свѣтѣ фонаря на страшно изможденное лицо „графа“ съ лихорадочно блестящими глазами, какъ-то торопливо опустилъ руку въ карманъ своего теплаго пальто и, кладя въ руку „графа“ нѣсколько серебряныхъ монетокъ, участливо проговорилъ:

— Вы въ больницу бы пошли...

— Вы, полагаете, молодой человекъ? Очень благодаренъ за помощь и за совѣтъ. Очень!..

И, приложившись къ цилиндру, „графъ“ побрелъ далѣе.

„Въ самомъ дѣлѣ, этотъ студентъ, пожалуй, и правъ!“ горько усмѣхнулся онъ, чувствуя, какъ холодъ прохватываетъ его всего, какъ ноетъ грудь и ломитъ все тѣло.

„Неужто машина окончательно испорчена!“ съ тоскою думалъ онъ и, пересиливая боль, продолжалъ свой путь, озирая зоркимъ взглядомъ проходящихъ.

— Madame! Quelques sous, s'il vous plait?—произнесъ онъ, нагоняя какую-то даму.

И та, взглянувъ на „графа“, торопливо вынула изъ портмонне двугривенный и подала ему.

„Положительно, видъ мой внушаетъ сегодня сочувствіе... Должно быть, я похожъ на умирающаго... Еслибъ умирающіе могли ходить по улицамъ—они собирали бы себѣ на приличные похороны!“—размышлялъ графъ въ какомъ-то угрюмомъ озлобленіи.

Черезъ два часа прогулки на морозѣ въ костюмѣ, который согрѣвалъ очень мало, „графъ“ имѣлъ полтора рубля и поспѣшилъ домой.

Продрогшій и посинѣвшій отъ холода, чувствуя себя очень скверно, онъ вошелъ въ свою комнатку и, кивнувъ Антошкѣ, снялъ съ себя пальто, раздѣлся и легъ на постель.

— Вы нездоровы, графъ?—тревожно спрашивалъ Антошка.

— Нѣтъ, ничего... Прозябъ немного... За ночь все пройдетъ... Накрой-ка меня, Антошка, моимъ пальто... Вотъ такъ, хорошо...

— Сейчасъ я самоваръ подамъ... Чаемъ согрѣтесъ...

Ни чай, ни нѣсколько стакановъ горячей малины, предложенной Анисьей Ивановной, ни полшубокъ, которымъ Антошка заботливо накрылъ „графа“, не согрѣвали избыткаго тѣла. Графа жестоко трясло въ ознобѣ.

Озабоченный Антошка выбѣжалъ къ Анисѣ Ивановнѣ и сказалъ:

— Страхъ, какъ трясетъ графа, Анисья Ивановна... Нѣтъ ли у васъ, чѣмъ бы накрыть его.

Анисья Ивановна предложила свою шубейку и промолвила:

— Простудился нашъ Александръ Ивановичъ... Теперь его лихорадка и бьетъ...

— А она пройдетъ, эта самая лихорадка?—испуганно спрашивалъ Антошка...

— Какъ Богъ дастъ... Больной онъ... Ишь вѣдь вышелъ въ какую погоду.

— А я, Анисья Ивановна, еще печку стоплю... Можно?

— Топи, Антошка.

— А ежели завтра графу не станетъ лучше, надо бы за докторомъ... какъ вы думаете?

— То-то лучше бы за докторомъ...

— Дорого поди стоитъ?..

— Ничего не стоитъ... Тутъ недалеко барышня—докторша квартируетъ... казенная, значитъ... отъ города... Завтра сбѣгаешь за ней, Антошка... Она разъ лечила меня... Славная такая, даромъ, что изъ жидовокъ,—прибавила она.

Антошка вернулся въ комнату „графа“ нѣсколько успокоенный. Онъ еще накрылъ графа и не пожалѣлъ дровъ, накладывая печку.

Къ ночи ознобъ прошелъ, и все тѣло „графа“ пылало.

— Согрѣлись, графъ?—обрадовался Антошка, замѣтившій, что „графъ“ сбрасываетъ съ себя все, чѣмъ былъ накрытъ.

— Согрѣлся, Антошка... Слишкомъ даже согрѣлся!—промолвилъ, тяжело дыша „графъ“ и улыбнулся...—А ты чего не спишь?.. Ложись спать, Антошка... Только принеси холодной воды... Пить хочется...

Антошка сбѣгалъ за водой и присѣлъ на табуреткѣ около „графа“.

„Графъ“ съ трудомъ приподнялся и жадно отпилъ воды.

Только теперъ, при слабомъ свѣтѣ свѣчки, Антошка разглядѣлъ осунувшееся лицо „графа“ и его страдальческое выраженіе.

— Графъ! Гдѣ же у васъ болитъ?—спросилъ онъ испуганнымъ голосомъ.—Вѣрно очень болитъ?

— Порядочно... Грудь болитъ и спина болитъ... А ты спи, Антошка. Завтра мнѣ лучше будетъ... Меня, братъ, не скоро проберешь... Мы, Ополевы, живучіе... Спи, добрый мой мальчикъ... И я засну...

Антошка легъ на свою кровать, но заснуть не могъ, прислушиваясь къ прерывистому дыханію „графа“. Сухой, рѣзкій кашель заставлялъ его вскакивать съ постели и подходить къ больному.

„Графъ“, казалось, не узнавалъ Антошки, хотя и глядѣлъ на него блестящими глазами. Онъ по временамъ стоялъ, схватываясь за грудь, и просилъ пить.

Антошка подавалъ графу пить и испуганно глядѣлъ на него. Онъ никогда не видалъ близко больныхъ, и ему казалось, что графъ непременно помретъ... И слезы текли по его щекамъ...

— Ты что жъ не спишь, Антошка? И чего плачешь, мой голубчикъ?.. Не безпокойся... Спи. . спи... Еще какъ мы съ тобой заживемъ... Отлично заживемъ... Ужъ я больше не буду ходить на работу!—возбужденно, въ полубреду говорилъ „графъ“... Не буду... Совершенно достаточно... *Quelques sous s'il vous plait*... И такъ всю жизнь... И умирать не желаю съ тѣхъ поръ, какъ ты... со мной... А ты не плачь... Я тебя въ пріютъ не отдамъ... Княгиня останется съ носомъ... Охъ, какъ болить грудь... Ахъ, какъ жарко... Пить, пить...

Антошка не отходилъ весь остатокъ ночи отъ графа, и когда въ окно заглянулъ сѣренькій свѣтъ петербургскаго утра, „графъ“ увидалъ Антошку, спавшаго на полу у его кровати.

Вошедшая вскорѣ Анисья Ивановна разбудила Антошку.

— Ночью ухаживалъ за мной!—проговорилъ растроганный „графъ“.

— Ему что—отоспится днемъ!—промолвила Анисья Ивановна.—Ну, а ваше здоровье какъ, Александръ Ивановичъ?

— Отлежусь, Анисья Ивановна!..

— Малинки не дать-ли?

— Ничего не хочется... Вотъ деньги,—проговорилъ „графъ“, указывая на столъ,—мальчика накормите...

— И такъ накормлю... Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ... Теперь вамъ самимъ понадобится, а послѣ сочтемся...

— Ну, спасибо... Добрая вы...

Графъ снова погрузился въ дремоту. Отъ него такъ и пышало жаромъ.

Анисья Ивановна вызвала Антошку и приказала ему идти въ докторшѣ.

Черезъ четверть часа Антошка уже вбѣгалъ въ третій этажъ и вошелъ въ отворенную дверь квартиры думскаго врача. Въ прихожей дожидалось нѣсколько человекъ бѣднаго люда. Это былъ часъ пріема больныхъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Изъ кабинета вышла какая-то баба, а вслѣдъ за нею на порогъ показалась небольшого

роста брюнетка съ умнымъ и выразительнымъ, нѣсколько возбужденнымъ, лицомъ еврейскаго типа и живыми блестящими черными глазами. Вся ея маленькая фигура въ бѣломъ балахонѣ, одѣтомъ поверхъ чернаго платья, дышала какою-то вызывающею энергіей.

— Смотрите же... Не забудьте, что я вамъ сказала, — говорила она быстро и точно, рѣшительнымъ, нѣсколько авторитетнымъ голосомъ. — Три раза въ день по чайной ложкѣ и мазь... Чья очередь?.. Пожалуйте...

Въ эту минуту Антошка подбѣжалъ къ ней и проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Госпожа докторша, будьте добреньки, зайдите поскорѣй къ графу... Онъ опасно заболѣлъ...

— Къ какому графу? — изумилась докторша, взглядывая на взволнованнаго Антошку. — Графъ можетъ позвать другого врача...

Антошка поспѣшилъ объяснить, что заболѣвшій не графъ, а только такъ прозывается. Онъ Александръ Ивановичъ Ополевъ и бѣдный, совсѣмъ бѣдный... Вчера выходилъ въ одномъ пальтецѣ и вернулся весь заколѣвши... А всю ночь, горѣлъ... И сейчасъ горитъ... Грудь болитъ и ломитъ спину.

— Помогите, госпожа докторша, а то неравно помретъ! — прибавилъ Антошка упавшимъ голосомъ.

Докторша записала адресъ и обѣщала придти тотчасъ же, какъ окончатъ пріемъ больныхъ.

— Въ десять часовъ буду! — прибавила она.

— Спаси васъ Богъ! — воскликнула, полный благодарности, Антошка и побѣжалъ домой.

Въ десять часовъ явилась докторша. Ее встрѣтила Анисья Ивановна и сочла почему-то нужнымъ сообщить ей, кто такой ея жилецъ, какъ онъ оставленъ богатыми своими родственниками и принужденъ побираться. Не преминула Анисья Ивановна рассказать и о томъ, какъ Александръ Ивановичъ пригрѣлъ такого же нищенку-сиротку Антошку...

Только послѣ этого предисловія Анисья Ивановна ввела докторшу въ комнату жильца и, подойдя къ его кровати, сказала:

— А я вамъ, Александръ Ивановичъ... докторшу привела...

„Графъ“ недовольно повелъ глазами на вошедшую. Его нѣсколько смущало появленіе женщины-врача, и онъ надвинулъ на себя одѣяло.

— Напрасно вы безпокоиди, Анисья Ивановна, госпожу докторшу... У меня, собственно говоря, ничего серьезнаго...

„Графъ“ храбрился нарочно, нѣсколько стѣсняясь осмотромъ женщины, а самъ хорошо сознавалъ серьезность болѣзни и жаждалъ помощи.

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ. А все-таки не позволите ли васъ выслушать?

Докторша сказала это такъ просто, такъ участливо, и живые, умные ея глаза глядѣли съ такою ласковою серьезностью что „графъ“ проговорилъ:

— Что жъ... Если вы находите нужнымъ...

И онъ застегнулъ воротъ сорочки.

Докторша долго и внимательно выслушивала и выстукивала все еще богатырскую грудь „графа“ и, предложивъ ему поставить термометръ, проговорила:

— Болѣзнь ваша серьезнѣе, чѣмъ вы думаете... Конечно, опасности нѣтъ, но вамъ придется нѣсколько времени пролежать въ постели.

„Графъ“ пристально посмотрѣлъ на докторшу.

Его ввалившіеся большіе черные глаза, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, глядѣли съ выраженіемъ какой-то грустной насмѣшливости.

— Вы полагаете... опасности нѣтъ? — прошепталъ онъ и, замѣтивъ, что Антошка жадно и испуганно прислушивается, прибавилъ: — вы говорите по нѣмецки?

— Говорю! — отвѣтила докторша, нѣсколько смущенная этимъ взглядомъ и ироническимъ тономъ его словъ.

И „графъ“ продолжалъ по нѣмецки:

— Не скрывайте отъ меня правды. Я знаю, что я опасенъ... Я бывалъ въ рукахъ докторовъ... Воспаленіе легкихъ въ мои годы и при такой обстановкѣ... *Finita la comedia?* Не правда ли?.. Если такъ, то не лучше ли меня свезти въ больницу, чтобъ не стѣснять эту добрую хозяйку... И кромѣ того, мнѣ надо распорядиться на счетъ этого мальчика...

Это—единственное существо на свѣтѣ, ради котораго я хотѣлъ бы еще жить...

Докторша замѣтила, что въ настоящее время было бы опасно перевозить его въ больницу и снова повторила, что не отчаивается въ его выздоровленіи...

— Ну, спасибо вамъ... спасибо!—проронилъ по русски усталымъ голосомъ „графъ“.—Я жить все-таки хочу!—прибавилъ онъ...

Докторша прописала рецептъ, велѣла поставить мушки и оставила термометръ, чтобы три раза въ день измѣрять температуру.

— А вы будете записывать ее! Съумѣете? — обратилась она къ Антошкѣ.

— Онъ съумѣетъ! — не безъ горделиваго чувства вставилъ графъ.

— Ну до свиданія... Вечеромъ я опять найду.

— Благодарю васъ...

Она протянула ему руку и, ласково кивнувъ головой, вышла изъ комнаты больного и, сдѣлавъ Амисью Ивановнѣ соответствующія наставленія, проговорила, вынимая изъ портмонне деньги:

— Вотъ возьмите десять рублей... Понадобятся... Купите больному вина... мадеры... давайте по немногу...

Но Авсинья Ивановна горячо протестовала... У нея есть деньги... Она сама купить, что нужно... И наконецъ можно дать знать родственникамъ графа... Они помогутъ...

Взволнованная вышла докторша изъ этой квартиры. Этотъ нищій больной, заботившійся о такомъ же нищемъ приемышѣ... Эта добрая женщина, отказывающаяся отъ денегъ... все это произвело на чуткую отзывчивую докторшу сильное впечатлѣніе...

Она спускалась по лѣстницѣ, когда ее нагналъ Антошка и спросилъ:

— Госпожа докторша... Какъ графъ?.. Не помретъ?..

— Съ чего вы взяли?.. Надѣюсь, что онъ поправится...

— О, вылечите его... вылечите его, добренькая барыня!.. Еслибъ вы знали только, какой онъ добрый... Мнѣ вотъ справилъ полшубокъ, а самъ...

И съ этими словами Антошка бѣгомъ побѣжалъ въ аптеку за лекарствами и въ лавку за виномъ.

XXI.

Сила живучести оказалась дѣйствительно большой у „графа“. Не смотря на его распатанный организмъ и долгіе годы пьянства, онъ выдержалъ воспаленіе легкихъ. Черезъ нѣсколько дней острый періодъ болѣзни миновалъ, и докторша, навѣщавшая его ежедневно по два раза и привозившая ему сама лекарства, радостная и веселая, объявила ему, что теперь онъ внѣ опасности.

Растроганный „графъ“ благодарилъ Елизавету Марковну и называлъ ее своей спасительницей. Антошка, всѣ эти дни ухаживавшій за „графомъ“, чуть не прыгалъ отъ радости и глядѣлъ на докторшу съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ.

Когда она ушла, „графъ“ въ первый разъ съ аппетитомъ поѣлъ бульона и, присаживаясь на кровати, сказалъ:

— Ну теперь, Антошка, надо и о дѣлахъ подумать... Не бойсь, много мы задолжали, Анисья Ивановнѣ?.. Дай-ка мнѣ сюда перо и бумаги... Напишу-ка племянницѣ... Она добрая, не откажетъ... А ты снесешь ей письмо... Только смотри, по черному ходу неси... А то на парадной швейцарь—большая бестія и не пуститъ тебя. Постарайся самой барышнѣ въ руки отдать письмо...

— Будьте сповойны, графъ! Все, какъ слѣдуетъ, обдѣлаю!—не безъ гордости отвѣчалъ Антошка.

„Графъ“ принялся за письмо, какъ въ комнату вошла Анисья Ивановна и смущенно проговорила:

— Александръ Ивановичъ... Околоточный зачѣмъ-то хочетъ васъ видѣть... Ужъ онъ два раза приходилъ... Такъ я упростила его подождать... Говорю: совсѣмъ вы больны... Ну а теперь... настоятельно требуетъ...

— Околоточный!?.. Что ему нужно?.. Попросите его сюда, Аक्सинья Ивановна.

При имени „околоточнаго“ Антошка струхнулъ.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой, довольно представительный и чистенькій околоточный и, бросая взглядъ на Антошку, вѣжливо поклонился „графу“ и проговорилъ:

— На счетъ васъ бумага изъ участка... Не угодно ли прочесть...

— Удивляюсь, что нужно отъ меня полиціи? — промолвилъ „графъ“, растягивая для важности слова и щурия глаза. — Дайте, пожалуйста, эту бумагу.

Околоточный вынулъ ея изъ портфеля и подалъ „графу“. Тотъ пробѣжалъ ея и измѣнился въ лицѣ.

Въ этомъ предписаніи частному приставу предлагалось объявить отставному гвардіи штабсъ-ротмистру Александру Опольеву о томъ, чтобы онъ немедленно отправилъ проживающаго у него незаконнаго крестьянскаго сына Антона Щигрова, 14 лѣтъ, въ пріютъ Общества „Помогай ближнему!“ Въ случаѣ же оказанія названнымъ Опольевымъ какого-либо препятствія отобрать отъ него Антона Щигрова, объявивъ Опольеву, что за уклоненіе отъ распоряженій начальства онъ будетъ подвергнутъ строжайшему взысканію.

— Но по какому же это праву!? — воскликнулъ „графъ“, бросая тоскливый взглядъ на Антошку. — Если онъ не желаетъ въ пріютъ...

Антошка понялъ, что околоточный пришелъ изъ за него и сталъ бѣлѣе рубашки...

— Извините-сь... Я ничего не знаю... Я подчиненный чинъ... Потрудитесь росписаться...

Но, вмѣсто того, „графъ“ снова воскликнулъ:

— Эта дура княгиня... моя двоюродная сестра, хочетъ насильно тащить въ пріютъ мальчика, о которомъ я просилъ... Это она затѣяла всю эту подлую... исторію... Но я... я не позволю... Слышишь, Антошка?.. Мы не позволимъ... Ты не будешь въ пріютѣ!.. Экіе мерзавцы, эти благодотворители! — кипятился возмущенный графъ.

И, обращаясь къ околоточному, проговорилъ:

— Послушайте... Прошу васъ повременить день, другой... Даю вамъ слово, что мальчикъ не убѣжить, а я сейчасъ же напишу этой княгинѣ и еще одной родственницѣ... попрошу ихъ, чтобы онѣ немедленно просили объ отѣнѣ этого нелѣпаго распоряженія.. Если на то пошло, я усыновлю этого мальчика, и, надѣюсь, тогда никто не посмѣетъ взять у меня... О, какіе же они мерзавцы!.. Отвернулись всѣ отъ меня и теперь хотятъ отнять единственное, близкое мнѣ со-

зданіе... Послушайте, г. околоточный, вы молоды, у васъ, вѣроятно, еще не заглохли чувства... Умоляю васъ, повремените день, другой...

— Повремените!—просила и Анисья Ивановна.

— Что жъ... я... пожалуй... доложу, что вы еще больны и находитесь въ безсознательномъ состояніи

— Благодарю васъ... Вы — человекъ! — промолвилъ „графъ“, протягивая околоточному руку.

Черезъ нѣсколько минутъ Антошка бѣжалъ въ домъ Ополева съ письмомъ къ Нинѣ, передавъ другое письмо къ княгинѣ Моравской посильному.

Ахъ какія краснорѣчивыя были эти письма горемычнаго „графа“!

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе *).

Глава VII.

Самовоспитаніе.

Воспитаніе, это—гармоничное развитіе всѣхъ нашихъ способностей. Оно начинается въ дѣтской и продолжается, но не кончается—въ школѣ. Желаемъ мы или нѣтъ, но оно проходитъ черезъ всю нашу жизнь. Вопросъ заключается единственно въ томъ, мудро ли мы выбираемъ то, чему учимся впослѣдствіи, или хватаемъ наугадъ, что попадется? «Всякій человѣкъ,—говоритъ Гиббонъ,—получаетъ двоякое воспитаніе: одно отъ другихъ, другое же, самое важное,—отъ себя».

Дѣйствительно, то, чему мы учимся сами, должно быть всегда полезнѣе того, чему мы научаемся у другихъ. «Никто не выдвигался на поприщѣ знанія и науки,—говоритъ Локкъ,—кто только слѣпо слѣдовалъ указаніямъ и повелѣніямъ учителя».

При всемъ желаніи, нельзя сохранить сердце въ полномъ невѣдѣніи; но важно умѣть его подготовить къ воспріятію добра и зла.

Не слѣдуетъ огорчаться школьными неудачами. Далеко не всѣ великіе умы зрѣютъ рано. Человѣку, конечно, можетъ быть совѣстно, если онъ не трудился, хотя отчаяваться все-таки напрасно; но, если онъ дѣлалъ все, что могъ, и все-таки терпѣлъ неудачу, то ему остается только продолжать работать также бодро и упорно: въ концѣ-концовъ онъ добьется успѣха. Многіе, которые не могли отличиться въ школѣ, имѣли въ позднѣйшей жизни блестящій

*) См. «Миръ Вожей», № 4, апрѣль.

успѣхъ. Веллингтонъ и Наполеонъ, говорятъ, были заурядные мальчики; то же было въ дѣтствѣ съ И. Ньютономъ и со многими выдающимися людьми. Очевидно отсюда, что школьныя неудачи не обусловливаютъ неудачъ и въ будущемъ.

Есть одно очень вѣрное опредѣленіе генія: «Геній, это—безконечная способность трудиться». Лайли говоритъ: «если природа не помогаетъ, то трудъ напрасенъ, но и природа безсилна, если ученіе не помогаетъ».

Съ другой стороны, многіе блестящіе и способные мальчики сдѣлались, по недостатку здоровья, трудолюбія или характера, неудачниками въ послѣдующей жизни, и уподобились, какъ говорить Гёте, «махровымъ бесплоднымъ цвѣтамъ». Такіе люди часто очень жалко кончали свою жизнь, въ то время какъ не блестящіе, но трудолюбивые и выдержанные мальчики постепенно достигали высокаго и честнаго положенія, работая на пользу себѣ и родинѣ.

Др. Арнолдъ замѣчаетъ, что возникали нерѣдко сомнѣнія относительно пользы и желательности образованія, вслѣдствіе страннаго смѣшенія понятій «невѣжество» и «невинность». Ясно, между тѣмъ, если отнять у человѣка знаніе, онъ впадетъ не въ дѣтство, а въ состояніе животнаго, и одного изъ худшихъ и злѣйшихъ животныхъ, потому что, разъ человѣкъ не управляется разумомъ, онъ дѣлается рабомъ своихъ страстей и остается съ невѣжествомъ ребенка и пороками взрослого.

Всѣ, у кого школьное воспитаніе было хорошо начато, не удовлетворялись имъ, а желали продолжать учиться. Смотрѣть на образованіе съ исключительно практической точки зрѣнія и предполагать, что мы учимся единственно ради будущаго куска хлѣба, могутъ только люди, проникнутые мѣщанскимъ взглядомъ на жизнь.

Соломонъ говоритъ, что воспитаніе должно дать знаніе и мудрость, которыя непременно скажутся въ справедливомъ и кроткомъ отношеніи къ людямъ.

Торо замѣчаетъ, что человѣкъ часто дѣлаетъ большой крюкъ, чтобы подобрать серебряный долларъ, а между тѣмъ пренебрегаетъ золотыми словами мудрѣйшихъ людей древности, о достоинствахъ которыхъ намъ твердили всѣ мудрые люди послѣдующихъ эпохъ.

Есть печальная французская пословица: «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!» (если бы юность знала, если бы старость могла!). Мудрое воспитаніе стремится именно дать знаніе въ молодости и силу въ зрѣломъ возрастѣ. «Опытъ,—говоритъ Франклинъ,—дорогая школа, но дураки ни въ какой другой не хотятъ учиться».

Поле сраженія выиграно, если человѣкъ хорошо началъ свою

жизнь. Начинайте хорошо, а дальше будетъ все легче и легче. Если же начнете худо, то будетъ очень трудно встать затѣмъ снова на вѣрный путь. Трудно учиться, но еще труднѣе разучиться.

Пытайтесь удержатъ въ умѣ все, что есть лучшаго въ книгахъ, людяхъ, идеяхъ и учрежденіяхъ. Нечего стыдиться, если другіе знаютъ больше насъ, но мы должны стыдиться, если не научились всему, чему могли.

Воспитаніе не заключается въ одномъ изученіи языковъ и въ запоминаніи извѣстнаго числа фактовъ. Воспитаніе не есть образованіе; оно гораздо выше его. Образованіе снабжаетъ насъ полезными знаніями, которыя намъ пригодятся въ будущемъ, но воспитаніе съетъ сѣмя, которое взойдетъ и принесетъ плодъ, одно во сто кратъ, другое въ шестьдесятъ, иное же въ тридцать.

Мудрость, т.-е. пониманіе вещей, важнѣе всего, и къ ней нужно стремиться.

Но часто нападаютъ на знаніе, упрекая его въ заносчивости и въ высокоуміи, тогда какъ мудрость всегда смиренна. Въ этомъ отношеніи упрекъ далеко не всегда справедливъ. Мы всѣ знаемъ, что тѣ, кто больше всего учились, лучше всего понимаютъ, какъ мало они знаютъ.

Епископъ Бутлеръ говоритъ, что люди, одаренные любознательнымъ и глубокимъ умомъ, не всегда дѣлаютъ полезное дѣло, предаваясь своимъ изысканіямъ и изслѣдованіямъ. По его мнѣнію, они полезны только тогда, когда ихъ открытія служатъ религиознымъ или добродѣтельнымъ цѣлямъ, когда они ведутъ къ улучшенію человѣческой жизни. Выясненіе же вещей и изученіе ихъ безъ опредѣленной цѣли—совершенно бесполезный трудъ, точно также какъ всякая пустая забава или развлеченіе.

Также несправедливо мнѣніе, будто бы знаніе представляетъ изъ себя одну грубую, бесполезную массу, одинъ матеріалъ, изъ котораго создается мудрость.

Плохъ архитекторъ, если онъ не заботится о хорошемъ выборѣ матеріала; никто не можетъ предвидѣть, какія послѣдствія могутъ имѣть выясненіе, изученіе вещей. Многія открытія казались сперва практически бесполезными, а впоследствии сдѣлались очень цѣнными.

Знаніе—сила. Знаніе электрическаго телеграфа ведетъ къ выигрышу времени; знаніе письма—къ экономіи рѣчи и движенія; знаніе домоводства—къ денежной экономіи; знаніе санитарныхъ законовъ—къ сохраненію здоровья и жизни; знаніе законовъ разума—къ уменьшенію усталости и мозговаго напряженія, а знаніе душевныхъ законовъ—безконечно выгодно для человѣка.

Гербертъ Спенсеръ говоритъ: «Для прямого самосохраненія, для поддержанія жизни и здоровья, самое важное знаніе даетъ наука; для косвеннаго самосохраненія, которое мы называемъ заработкомъ, самое цѣнное знаніе даетъ наука. Указаніе для правильнаго исполненія родительскихъ функцій можно найти только въ наукѣ. Необходимый ключъ къ пониманію настоящаго и прошлаго національной жизни, безъ котораго граждане не могутъ правильно регулировать свое поведеніе, даетъ наука. Точно также, для наилучшаго производства и высочайшаго наслажденія искусствомъ во всѣхъ его формахъ, необходимую подготовку даетъ все та же наука. И для дисциплинарныхъ цѣлей интеллекта, морали и религіи, ничего нѣтъ лучше и полезнѣе—науки».

«Когда я оглядываюсь на свою жизнь,—говоритъ д-ръ Фичъ,—и думаю о давно прошедшихъ школьныхъ и гимназическихъ годахъ, я хорошо знаю, что нѣтъ факта въ исторіи, нѣтъ формулы въ математикѣ, нѣтъ правила въ грамматикѣ, нѣтъ красиваго и вѣжнаго стиха въ поэзіи, нѣтъ ни одной научной истины, которая бы мнѣ не пригодилась впоследствии, иногда самымъ неожиданнымъ образомъ. Знаніе мнѣ помогало сознательнѣе относиться и къ чтенію, и къ историческимъ происшествіямъ, совершающимся вокругъ меня, оно вообще расширило и придало больше интереса моему взгляду на жизнь».

Наконецъ, я приведу слова Д. Станлей. «Какъ рѣдко встрѣчается чистая любовь истины,—говоритъ онъ,—и какъ она благотворно дѣйствуетъ! Мы не сразу замѣчаемъ ея услуги: пройдетъ, можетъ быть, не одно поколѣніе, покуда мы убѣдимся, сколько счастья въ мірѣ прибавили открытія людей науки, работавшихъ надъ ними единственно въ силу безкорыстной любви къ истинѣ и правдѣ». Соломонъ правъ, говоря: «все, что слышитъ мудрый человѣкъ, увеличиваетъ его знанія».

Едва ли есть такой обрывокъ свѣдѣній, который бы не оказался полезнымъ, такая вещь, которую не стоило бы хоть разъ посмотреть. Въ сущности, нѣтъ мелочей: есть только мелочные умы.

«Знаніе,—говоритъ лордъ Биконсфильдъ,—нѣчто вродѣ мистической лѣстницы въ сновидѣніи патріарха. Она стоитъ на первородной землѣ, верхняя же часть ея теряется въ великолѣпнои сіяніи небесъ, а великіе умы, держащіе въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ цѣпь науки, философіи, поэзіи и учености, это—ангелы, восходящіе и нисходящіе по священной лѣстницѣ и поддерживающіе общеніе между землею и небомъ».

Печально думать, что столько авторовъ великихъ открытій остались неизвѣстными; это печально, главнымъ образомъ, не для

нихъ, а для насъ, потому что мы желали бы вспоминать ихъ о благодарностью. Сами же великіе изобрѣтатели рѣдко работали для себя или для славы.

«Ибо они искали истину съ безустаннымъ усердіемъ;
 «Они шли по безотрадномъ пути,
 «Не заботясь ни о похвалѣ, ни о сужденіи людскомъ,
 «Предоставивъ остальное Богу.
 «Но хотя ни одинъ поэтъ не увѣковѣчилъ ихъ имени
 «Въ бессмертныхъ пѣсняхъ или повѣстяхъ,—
 «Воспоминаніе о нихъ запечатлѣно на небѣ:
 «Они увѣнчаны вѣнцами славы» (Дэуартъ).

Вниманіе и стараніе при ученіи—необходимые элементы наслажденія жизнью. Если вы отдаете только полъ-души тому, что дѣлаете, то оно потребуетъ отъ васъ вдвое больше труда.

Печально, что до сихъ поръ интеллектуальныя радости такъ мало прибавили къ счастью человѣчества, а между тѣмъ, само слово «школа» означало въ первоначальномъ своемъ толкованіи отдыхъ, наслажденіе. «Для счастья и для долга,—говоритъ Молей,—очень важно жить всегда съ мудрыми мыслями и справедливыми чувствами».

Мозгъ человѣка, по прекрасному выраженію Байрона, долженъ быть «домомъ мысли, дворцомъ души».

«Мы только свои фермеры,—говоритъ Доннъ,—но, при хорошемъ трудѣ и экономіи, мы можемъ приготовить цѣлое сокровище на дно уплаты».

Со многимъ въ вѣрѣ позитивистовъ я не могу согласиться, и у нихъ благородный мотивъ: «L'amour pour principe, l'ordre pour base, et le progrès pour but» (Любовь, какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе, и прогрессъ, какъ цѣль).

Эмерсонъ говоритъ, что много невинныхъ людей поклоняются Богу по примѣру отцовъ, но мало кто считалъ бы своимъ долгомъ пользоваться всѣми своими способностями.

Человѣкъ все измѣряетъ собой. Самыя высокія горныя вершины и глубину океана онъ измѣряетъ футами (футъ = стопа); самая наша ариметическая система исчисленія основана на числѣ нашихъ пальцевъ. И все-таки, какія мы жалкія созданія! Какъ мы жалки и какъ мы могли бы быть велики! Что такое человѣкъ? И чѣмъ тодько не можетъ быть человѣкъ?

Человѣкъ,—говоритъ Паскаль,—это «res cogitans, id est dubitans, affirmans, negans, pauca intelligens, multa ignorans, volens, nolens, imaginans etiam, et sentiens» (человѣкъ есть существо мыслящее, т.-е. сомнѣвающееся, утверждающее, отрицающее, мало

понимающее, многого не знающее, желающее, нежелающее, а также воображающее и чувствующее).

«Человѣкъ,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—это тростникъ, и самый слабый тростникъ въ природѣ; но онъ—мыслящій тростникъ (un roseau pensant); вселенной нечего вооружаться, чтобы его уничтожить. Дуновения, капли воды достаточно для его гибели. Но если даже вселенная уничтожить его, человѣкъ все-таки благороднѣе вселенной, потому что онъ знаетъ, что умираетъ, а вселенная, побѣждая его, не сознаетъ своей власти».

Какія качества необходимы для совершенствованія человѣческаго существа? Холодная голова, горячее сердце, здравое сужденіе и здоровое тѣло. Если голова не холодна, мы склонны дѣлать поспѣшные выводы; если сердце не горячее, мы навѣрное эгоисты; безъ здоровья почти ничего нельзя сдѣлать, а самые лучшія намѣренія, при отсутствіи здраваго сужденія, могутъ причинить больше зла, чѣмъ добра.

Если мы желаемъ похвалить друга, мы говоримъ, что онъ—настоящій джентльмэнъ. Что такое значить быть джентльмэномъ? Текнеръ отвѣчаетъ: «Это значить—быть честнымъ, добрымъ, смѣлымъ, мудрымъ; это значить—обладать всѣми этими качествами и проявлять ихъ красиво и непринужденно. Джентльмэнъ,—прибавляетъ онъ,—встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно думаютъ». А мы всё можемъ сдѣлаться благородными, если этого пожелаемъ.

«Приблизиться къ совершенству,—говоритъ А. Фарраръ,—насколько это осуществимо на землѣ, можетъ только человѣкъ, тѣло котораго сохранилось сильнымъ и здоровымъ, благодаря умѣренности, воздержанію и цѣломудрію, умъ котораго представляетъ богатый складъ мудрости, приобретенной опытомъ и усвоеніемъ благороднѣйшихъ мыслей своихъ собратьевъ,—воображеніе котораго походитъ на картинную галерею всего чистаго и прекраснаго,—совѣсть котораго въ мирѣ съ собой, съ Богомъ и со всѣми людьми, а въ душѣ котораго, какъ въ храмѣ, живетъ Духъ Божій».

«Истинный методъ самовоспитанія,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль,—состоитъ въ вопрошеніи всего: никогда не слѣдуетъ отворачиваться отъ какого-нибудь затрудненія; никогда не слѣдуетъ принимать какое-нибудь ученіе на вѣру, не подвергнувъ его сперва строгой критикѣ; ни одна негѣдность, неясность или залутанность мысли не должна пройти незамѣченной; раньше, чѣмъ употребить слово, нужно его ясно понять, а раньше, чѣмъ согласиться съ какимъ-нибудь предложеніемъ, нужно совершенно ясно дать себѣ отчетъ во всемъ его значеніи: вотъ какіе уроки мы должны выучить»,—и эти уроки мы всё можемъ выучить.

Въ ранніе періоды воспитанія, люди, во всякомъ случаѣ, еще равны; ни богатство, ни положеніе не даютъ никакихъ особенныхъ преимуществъ. Сэръ W. Джонъ говорилъ о себѣ, что, «обладая крестьянскимъ состояніемъ, онъ далъ себѣ княжеское воспитаніе». Велика награда хорошаго воспитанія! Воспитаніе освѣщаетъ исторію міра и дѣлаетъ изъ нея одну блестящую тропу прогресса: оно раскрываетъ намъ книгу природы и создаетъ источники интереса, гдѣ бы мы ни находились.

Можетъ быть, не о каждомъ изъ насъ скажутъ, какъ у Шекспира:

«Человѣкъ онъ былъ; я второго такого не увижу». (Горацио о Гамлетѣ).

Но у каждого изъ насъ можетъ и ежедневная жизнь быть прекрасной: вѣдь у насъ, у всѣхъ, стремленія—безсмертны.

Если воспитаніе не всегда имѣло успѣхъ, то въ этомъ виновато не оно, а духъ, въ которомъ оно было предпринято. «Люди,—говоритъ Бэконъ,—иногда стремятся къ знанію изъ любопытства или любознательности, иногда ради развлеченія и удовольствія, иногда ради славы и блеска; но рѣдко—съ искреннимъ желаніемъ развить и обогатить свой разумъ, дабы онъ послужилъ на благо и пользу людей. И выходитъ, что въ знаніи они искали удобное ложе, гдѣ могъ бы отдохнуть ихъ безпокойный, тревожный умъ, или террасу, гдѣ измѣнчивый, неустойчивый ихъ умъ могъ бы гулять, наслаждаясь красивой перспективой, или башню, гдѣ бы могъ отдохнуть ихъ гордый умъ, или крѣпость или поле брани для схватокъ и борьбы, или лавку, для купли и продажи, а не богатый складъ, который бы послужилъ во славу Творца и на улучшение человѣческаго существованія».

Глава VIII.

О библіотекахъ.

Одинъ великій англичанинъ, дюрэмскій епископъ, Ричардъ де-Бюри, писалъ пять вѣковъ тому назадъ о книгахъ: «Книги—добрые учителя; онѣ насъ учатъ безъ розогъ и линеекъ, безъ брани и гнѣва; платя и деньги не имѣютъ для нихъ значенія. Онѣ не спятъ, когда вы къ нимъ подходите; онѣ не скрываютъ ничего, когда вы имъ предлагаете вопросы; онѣ не ворчатъ, если вы ошибаетесь; онѣ не смѣются надъ вашимъ невѣжествомъ. Слѣдовательно, библіотека мудрости цѣннѣе всѣхъ богатствъ и желательнѣе всего, потому что ничто не можетъ съ ней сравниться. Всякій, кто считаетъ себя пламеннымъ послѣдователемъ истины,

счастья, мудрости, науки или даже вѣры, непремѣнно долженъ сдѣлаться любителемъ книгъ».

Если эти слова выражали правду столько лѣтъ тому назадъ, то въ настоящее время, они имѣютъ еще болѣе значенія. Посмотримъ, насколько они подвинулись съ тѣхъ поръ. Прежде всего, не говоря уже о печатаніи, книги стали гораздо дешевле. За стоимость кружки пива или двухъ трубокъ табаку, человѣкъ можетъ себѣ накупить книгъ на цѣлый мѣсяць *); а въ то время книги были очень дороги. Кромѣ того, книги были тогда тяжелы и громадны; читать и держать ихъ было очень неудобно, а наши книги маленькія и удобныя. Самыя ученныя наши книги читаются, до известной степени, легко. Но важнѣе всего то, что количество книгъ со времени де-Бюри безконечно увеличилось, и мы имѣемъ въ настоящую минуту богатый и интересный выборъ. Даже изъ древней литературы многое утерянное было найдено вновь. Въ тѣ времена; можно сказать, и повѣсть не существовала. Что касается до поэзіи, то де-Бюри жилъ раньше Шекспира, Мильтона, В. Скотта и Байрона, не говоря уже о современныхъ авторахъ. Мы имѣемъ интересныя и увлекательныя путешествія капитана Кука, Дарвина, Гумбольдта и многихъ другихъ путешественниковъ и изслѣдователей. Въ области науки родились химія и геологія; всѣ же другія науки, естественная исторія, астрономія, географія, и т. д., сдѣлались особенно интересными послѣ новѣйшихъ открытій.

Шопенгауеръ сказалъ, что, хотя наука и не давала ему никакого дохода, но зато избавила его отъ большихъ расходовъ. Какъ нація, мы должны сознаться, что наука не только увеличила въ громадной степени наши доходы, но во многомъ сократила значительно наши расходы. Деньги, употребляемыя на школы, бібліотеки и музеи, не издерживаются, а только принимаютъ другую форму. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы мы защищали школы и публичныя бібліотеки съ точки зрѣнія карманной; мы стоимъ за нихъ, потому что онѣ вводятъ свѣтъ и радость въ жизнь нашихъ собратьевъ. Жизнь бѣдняковъ скупа на развлеченія.

Надо мною не разъ смѣялись, потому что я высказывалъ мнѣ, нѣ, что въ будущемъ поколѣніи больше всего будутъ читать рабочіе.

Но развѣ постоянный ростъ публичныхъ бібліотекъ не подтверждаетъ моего мнѣнія? Открытіе публичныхъ бібліотекъ рѣшается народнымъ голосованіемъ, а мы знаемъ, что духовенство

*) Читатель долженъ помнить, что дѣло идетъ объ Англій, гдѣ книги крайне дешевы. *Ред.*

юристы, врачи и купцы составляютъ лишь небольшую часть подающихъ голосъ. Рабочій и мелкій лавочникъ—вотъ кто вызываетъ къ жизни бібліотеки, и ему онѣ больше всего и нужны. Больше всего нуждаются въ книгахъ городскіе рабочіе. Ихъ жизнь страшно однообразна. Жизнь дикаря гораздо разнообразнѣе и интереснѣе. Онъ долженъ наблюдать за жизнью дичи, за которою охотится; онъ долженъ знать время ея переселенія и мѣстность, гдѣ она промышляетъ себѣ кормъ; онъ долженъ знать, гдѣ и когда слѣдуетъ ловить рыбу; каждый мѣсяцъ приносить ему какое-нибудь новое занятіе и какую-нибудь перемѣну въ пищѣ. Онъ долженъ сдѣлать себѣ орудіе и построить себѣ домъ; даже добыть огня стоитъ ему много труда и ловкости. Земледѣльческій трудъ тоже полонъ разнообразія. Земледѣлецъ пашетъ, сѣетъ, жнетъ и молотитъ. То онъ копается въ огородѣ, то работаетъ топоромъ. Онъ ходитъ за овцами, свиньями и коровами. Между тѣмъ, идти за плугомъ, поставить изгородь или связать снопъ хлѣба—совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется. Говорятъ, однажды кто-то пожелалъ видѣть комнату Уордсворта; его прислуга сказала: «Вотъ комната барина, но онъ учится въ полѣ». Земледѣлецъ многому учится въ полѣ. Онъ гораздо больше знаетъ, чѣмъ мы предполагаемъ; только знаніе его—полевое, а не книжное, и нисколько не хуже нашего.

Но работа въ лавкѣ или на фабрикѣ страшно однообразна. Она сводится къ какому-нибудь одному исключительному процессу, или даже къ одной лишь части его,—и такъ цѣлый годъ, непрерывно и неизмѣнно. Онъ пріобрѣтаетъ, несомнѣнно, удивительную ловкость въ своей области, но эта область страшно узка. Чтобы не обратиться въ живую машину, онъ долженъ взяться за книги, которыя однѣ могутъ внести необходимый интересъ и нѣкоторое разнообразіе въ его жизнь. Бываетъ печальное время, когда работа прекращается, но часы досуга не должны проходить въ праздности; досугъ—величайшее благословеніе, онъ—источникъ счастья, праздность же—проклятіе и источникъ несчастья. Что долженъ дѣлать бѣднякъ, который остается нѣсколько дней безъ работы? Какъ ему провести время? Время его не будетъ потеряно, если онъ можетъ пойти въ бібліотеку.

Воспитаніе нужно взрослымъ, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ оно нужно дѣтямъ. Въ настоящее время вся наша страна покрыта прекрасными начальными училищами. Мы дѣлаемъ все, что можемъ, чтобы дать воспитаніе нашимъ дѣтямъ. Мы ихъ учимъ читать и стараемся ихъ пріохотить къ чтенію. Почему мы это дѣлаемъ? Потому что мы думаемъ, что ученіе никогда не пропадаетъ даромъ, что оно дѣлаетъ человѣка лучшимъ работникомъ,

а работника—лучшимъ человѣкомъ. Но воспитаніе никогда не должно останавливаться, и бібліотека—школа взрослыхъ. Рассказываютъ, что королю Альфреду въ дѣтствѣ очень понравилась одна книга. Мать его сказала: «Онъ получить ее, когда научится читать». Альфредъ постарался скорѣй научиться читать и получилъ ее. Наши дѣти научились читать; не даетъ ли это одно ужъ имъ право на книги? Одна бѣдная женщина пришла въ восторгъ, когда въ первый разъ увидѣла море. «Какъ хорошо,—сказала она,—видѣть что-нибудьтакое, чего хватаетъ на всѣхъ!» Книгъ достаточно для всѣхъ, и лучшія книги—самыя дешевыя. Богатство, въ этомъ отношеніи, даетъ мало преимуществъ. Это вѣрно и относительно нѣкоторыхъ другихъ вещей. Въ дѣловой сутолокѣ человѣкъ всегда жаждетъ большаго и большаго. Но книги даютъ намъ больше, чѣмъ мы можемъ желать, и чѣмъ мы можемъ воспользоваться.

Мы начинаемъ понимать, что воспитаніе должно продолжаться всю жизнь, что воспитаніе нашихъ дѣтей не должно ограничиваться однимъ обученіемъ грамматикѣ и словамъ, что оно должно также развить ихъ руку и глазъ, а съ другой стороны, взрослые мужчины и женщины не должны исключительно предаваться ручному труду и погонѣ за наживой: они должны имѣть время для приобрѣтенія знанія и для усовершенствованія своего ума. Отчего бы каждому человѣку не прибавить что-нибудь къ общей суммѣ человѣческаго знанія? Какъ бы ни было скромно его положеніе въ жизни, онъ можетъ это сдѣлать. Мы недостаточно еще уважаемъ достоинство ручного труда и представляемъ себѣ науку, какъ нѣчто заоблачное; мы говоримъ: «Все это хорошо для философовъ, для геніевъ или тѣхъ, кто имѣетъ средства покупать дорогіе аппараты!» Но это большая ошибка. Кому мы обязаны нашимъ національнымъ прогрессомъ? Отчасти, конечно, мудрымъ правителямъ и государственнымъ мужамъ, отчасти нашей храброй арміи и нашему флоту, отчасти предприимчивымъ искателямъ, которые пробили путь въ наши колоніи, отчасти ученымъ и философамъ. Но, вспоминая съ благодарностью все, что они для насъ сдѣлали, мы не должны забывать, что британскій рабочій не только работалъ своими сильными руками на общее благо, но и не мало потрудился умственно.

Уаттъ былъ механикъ-инженеръ; Генрихъ Кортъ, который своими улучшеніями на фабрикѣ больше увеличилъ богатство Англіи, чѣмъ стоимость всего національнаго долга, былъ сынъ каменщика; Гунтсманъ, изобрѣтатель литой стали, былъ бѣдный часовой мастеръ; Кромптонъ былъ ткачъ; Уэдждудъ былъ горшечникъ; Бриндлей, Телфордъ, Мусгэтъ и Нейлсонъ были простые рабочіе; Джоржъ Стефенсонъ началъ свою жизнь пастухомъ, съ заработ-

комъ въ два пенса въ день, и былъ до восемнадцати лѣтъ безграмотный; Дальтонъ былъ сынъ бѣднаго ткача; Фэрдей былъ сынъ кузнеца; Ньюкоменъ также; Аркрайтъ началъ жизнь парикмахеромъ; сэръ Гумфрэй Дэви былъ ученикомъ аптекаря; Бултонъ, «отецъ Бирмингэма», дѣлалъ пуговицы, а Уаттъ былъ сынъ столяра. Этимъ людямъ и подобнымъ имъ міръ долженъ быть безконечно благодаренъ. Мы должны были бы ими столько же гордиться, сколько и нашими великими полководцами и политиками.

Часто говорятъ о «цивилизованныхъ націяхъ»; конечно, нѣкоторые народы цивилизованнѣе другихъ, но, въ сущности, ни одна страна не имѣетъ еще права считать себя цивилизованной. Мы должны стремиться создать у себя настоящую цивилизацію; учрежденіе библиотекъ и читаленъ—несомнѣнный шагъ въ этомъ направленіи.

Лордъ Шербрукъ сказалъ, что мы должны воспитывать своихъ учителей; но гораздо важнѣе еще—дать имъ самимъ возможность воспитывать себя.

Многіе обречены отъ рожденія на тяжелый, пожизненный трудъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ жизнь непременно была несчастной и неинтересной. Правда, ихъ жизнь однообразна и представляетъ очень мало развлеченій, но тѣмъ желательнѣе, чтобы имъ были доступны хорошія книги.

Одинъ изъ великихъ нашихъ ученыхъ, сэръ Джонъ Гершель, сказалъ: «Если бы я просилъ у Бога чего-нибудь, что могло бы поддерживать меня при всевозможныхъ обстоятельствахъ, что было бы для меня, не смотря на всякія неудачи, не только источникомъ счастья, но и прибѣжищемъ въ минуты страданій, я бы просилъ Его—дать мнѣ страсть къ ученію. Дайте человѣку эту страсть и возможность удовлетворить ее, и вы непременно сдѣлаете изъ него счастливаго человѣка, конечно, если только ему не попадутся дурныя книги. Онъ становится въ соприкосновеніе съ лучшимъ обществомъ во всѣ періоды исторіи, въ общеніи съ самыми мудрыми, остроумными, нѣжными и смѣлыми людьми, которые когда-либо украшали человѣчество. Онъ дѣлается гражданиномъ всѣхъ народовъ, современникомъ всѣхъ вѣковъ. Весь міръ какъ будто созданъ для него».

Книги—почти живыя существа. Мильтонъ говоритъ: «Книги заключаютъ такое же активное потомство жизни, какъ та душа, которой они составляютъ потомство». Во всякомъ случаѣ, великіе писатели никогда не умираютъ.

«Тотъ, чей славный умъ возвышаетъ твою душу, не умеръ; жить въ сердцахъ людей, не значить—умереть».

Урбинскій герцогъ, основавшій громадную библіотеку въ Урбино, требовалъ, чтобы каждая книга была въ ярко-красномъ переплетѣ и съ серебряными украшеніями.

Книги—собранныя сокровища прошедшихъ вѣковъ. Лэмбъ часто говорилъ, что молитва передъ чтеніемъ имѣла бы больше смысла, чѣмъ молитва передъ обѣдомъ.

Если вспомнить, сколько денегъ тратится на вино, то нашъ взглядъ на книги не покажется преувеличеннымъ. Какъ мало намъ стоятъ наши библіотеки и читальни въ сравненіи съ нашими погребями! Многіе люди долго не рѣшаются дать за лучшую книгу цѣну бутылки вина. Довольно печально, что, говоря о трактирѣ, мы всегда думаемъ о выпивкѣ. Но я радуюсь, что въ настоящее время трактиры стараются приобрести больше книгъ, чѣмъ пива *).

Глава IX.

О ч т е н і и.

Книги—тоже для человѣчества, что память для индивида. Онѣ содержатъ исторію нашей расы, сдѣланныя открытія и вѣками накопленныя знанія и опытъ; онѣ рисуютъ намъ чудеса и красоты природы; онѣ помогаютъ намъ въ затрудненіяхъ, утѣшаютъ въ горѣ и страданіи, превращаютъ скучные часы въ минуты наслажденія, обогащаютъ нашъ умъ идеями, наполняютъ душу хорошими и счастливыми мыслями и, дѣйствуя возвышающимъ образомъ, отвлекаютъ насъ отъ дурного.

Есть восточное сказаніе о двухъ людяхъ: одинъ изъ нихъ былъ королемъ, но каждую ночь видѣлъ себя во снѣ нищимъ; другой же былъ нищимъ, но каждую ночь видѣлъ себя во снѣ королемъ. Я не увѣренъ, былъ ли король счастливѣе бѣдняка. Воображеніе иногда жизненнѣе дѣйствительности. Но, какъ бы тамъ ни было, мы можемъ, читая, не только быть королями и жить во дворцахъ, но можемъ переноситься на горы или на морской берегъ и бывать въ самыхъ красивыхъ частяхъ свѣта, не испытывая утомленія или неудобства, и не тратя денегъ.

Флетчеръ говоритъ: «Дайте мнѣ наслаждаться одному. Здѣсь у меня мои лучшіе товарищи, книги; онѣ составляютъ мнѣ блестящій дворъ, гдѣ я часами разговариваю съ древними мудрецами и философами; иногда, для разнообразія, я бесѣдую съ королями и императорами и взвѣшиваю ихъ слова; строго сужу ихъ

*) Въ Англійи.

несправедливыя побѣды и развѣнчиваю мысленно незаслуженно-воздвигнутые имъ памятники. Могу ли я разстаться съ такими вѣрными удовольствіями и обратиться къ измѣнчивой суетѣ? Нѣтъ! пусть накопленіе богатства составляетъ вашу заботу; я же буду заботиться о накопленіи знанія».

Книги часто сравнивали съ друзьями. Но неумолимая смерть часто уноситъ лучшихъ и любимѣйшихъ нашихъ живыхъ товарищей. Въ книгахъ, напротивъ, время убиваетъ дурное и очищаетъ хорошее.

Бульверъ Литтонъ говоритъ: «Умирая, поэты и мудрецы превращаются въ прахъ, но въ книгахъ они встаютъ изъ своихъ могилъ и сопровождаютъ насъ, на нашемъ пути, какъ ангелы-хранители. Мы называемъ нѣкоторыя книги — безсмертными. Если онѣ живутъ, то время ихъ очистило; въ книгахъ все злое спитъ въ покоѣ, потому что Богъ не желаетъ, чтобы зло жило; какъ прахъ спадаетъ съ безтѣлесной души, такъ все грубое исчезаетъ изъ книгъ, и остается одно чистое».

Многіе счастливыя, обладавшіе всѣмъ, что міръ можетъ дать, признались, что самымъ чистымъ счастьемъ они обязаны книгамъ. Въ «Школьномъ Учителѣ», Асчэмъ трогательно рассказываетъ о своемъ послѣднемъ посѣщеніи леди Джэнь Грэй. Онъ засталъ ее сидящей на окнѣ и читающей чудный рассказъ Платона о смерти Сократа. Ея отецъ и мать охотились въ это время въ паркѣ, и собачій лай весело раздавался вдали. Онъ удивился, что она не была съ ними. Но она сказала: «Мнѣ кажется, все ихъ удовольствіе въ паркѣ лишь тѣнь того удовольствія, которое я нахожу въ Платонѣ».

Маколэй имѣлъ богатство, славу, высокое положеніе, власть, и, не смотря на это, говоритъ въ своей біографіи, что счастливейшими часами въ жизни—онъ обязанъ книгамъ. Въ одномъ прелестномъ письмѣ къ маленькой дѣвочкѣ онъ говоритъ: «Спасибо тебѣ за твое милое письмо. Я всегда радуюсь радостямъ моей маленькой дѣвочки, и ничто меня такъ не радуетъ, какъ то, что она любитъ книги. Когда она выростетъ и будетъ такъ же стара, какъ я, она увидитъ, что книги—лучше всѣхъ пирожныхъ, игрушекъ, игръ и представленій въ мірѣ. Если бы кто-нибудь предложилъ мнѣ сдѣлаться величайшимъ королемъ, который когда-либо царствовалъ, и имѣть дворцы, сады, великолѣпныя обѣды, вина, кареты, богатую одежду и сотню слугъ, съ тѣмъ, чтобы я не читалъ книгъ,—я не захотѣлъ бы сдѣлаться королемъ. Я предпочелъ бы быть лучше бѣднякомъ и жить на чердакѣ, только бы имѣть много книгъ, чѣмъ быть королемъ, не читающимъ книгъ».

Книги, дѣйствительно, насъ переносятъ въ волшебный дворецъ мыслей. «Съ Парнаса,—говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ,—перспектива шире, чѣмъ съ престола». Идеи, которыя намъ даютъ книги, бываютъ даже иногда ярче дѣйствительности; какъ отраженія бываютъ иногда красивѣе самой природы. «Всѣ зеркала,—говоритъ Джоржъ Макдональдъ,—волшебны. Самая обыденная комната дѣлается поэтичною, когда я ее вижу въ зеркалѣ».

Если книга насъ не интересуеть — въ этомъ не она виновата. Есть извѣстное искусство читать. Пассивное чтеніе приноситъ мало пользы. Мы должны стараться усвоить себѣ, что читаемъ. Всѣ думаютъ, что умѣютъ читать и писать; между тѣмъ, очень мало, кто пишетъ хорошо или кто, дѣйствительно, умѣетъ читать. Недостаточно—произносить слова по бумагѣ, читать безостановочно и механически; нужно стараться представить себѣ, въ галлерей воображенія, описанныя сцены и изображенныя лица». «Ученіе,—говоритъ Асчэмъ,—большему научаешь въ одинъ годъ, чѣмъ опытъ въ двадцать лѣтъ; и ученіе дѣлаетъ это безопасно, тогда какъ опытъ чаще дѣлаетъ человѣка несчастнымъ, чѣмъ мудрымъ. Кто достигаетъ мудрости путемъ опыта, многимъ рискуеть. Несчастенъ капитанъ, который наловчился лишь послѣ нѣсколькихъ кораблекрушеній, и торговецъ, который сдѣлался богатымъ или мудрымъ лишь послѣ нѣсколькихъ банкротствъ. Дорога та мудрость, которая покупается опытомъ. Опытъ намъ показываетъ, сколько труда, сколько напрасной ходьбы стоитъ отысканіе кратчайшаго пути. Кто захотѣлъ бы набратъ мудрости только путемъ опыта, можетъ быть очень остроумнымъ, и все-таки онъ будетъ похожъ на человѣка, бѣгущаго очень легко и быстро, но не знающаго—куда. Очень ограничено число тѣхъ, которыхъ опытъ сдѣлалъ болѣе мудрыми или болѣе счастливыми. Всмотритесь же хорошенько въ прежнюю жизнь этихъ немногихъ, юныхъ или старыхъ, которые путемъ долгаго опыта достигли немного мудрости и нѣкотораго счастья, и вы увидите, сколько зла они надѣлали, какія опасности они миновали (притомъ же двадцать изъ двадцати одного погибаютъ въ борьбѣ). Обдумавъ все это, скажите, желали ли бы вы, чтобы вашъ сынъ достигъ мудрости и счастья путемъ такого опыта?»

Выборъ книгъ, какъ и выборъ друзей,—серьезный долгъ. Мы столько же отвѣчаемъ за то, что читаемъ, какъ за то, что дѣлаемъ. Хорошая книга, по благородному выраженію Мильтона,—драгоценная, жизненная кровь выдающагося духа, собранная и сохраненная для жизни послѣ его жизни.

Въ главѣ о женскомъ воспитаніи, Рускипъ хорошо говоритъ:

«Дѣвушка не должна держать на колѣняхъ книги въ такомъ же безпорядкѣ, какъ онѣ сложены на угадъ въ бібліотекѣ; подборомъ ихъ не должно руководить безуміе».

Для того, чтобы извлечь изъ книгъ не только наибольшую пользу, но и наибольшее наслажденіе, мы должны читать больше для совершенствованія, чѣмъ для развлеченія. Сахаръ — важная составная часть пищи, особенно дѣтской, но жить исключительно имъ нельзя; также и легкія, занимательныя книги, хотя имѣютъ свою цѣну, не должны стоять на первомъ планѣ.

Кромѣ того, есть книги, которыя совѣмъ — не книги, и читать ихъ только потеря времени; есть и такія дурныя книги, которыя мы не можемъ читать безъ вреда для себя, и которыя слѣдовало бы выбросить за окно. Полезно знать объ искушеніяхъ и опасностяхъ, которыя могутъ встрѣтиться въ жизни, но все то, что намъ помогаетъ освоиться со зломъ, само по себѣ уже зло.

Но зато есть много такихъ книгъ, которыя нельзя прочесть, не почувствовавъ себя добрѣе и чище. Говоря о полезной литературѣ, мы не имѣемъ въ виду однѣ дѣловыя или профессиональныя книги. Такія книги, безъ сомнѣнія, полезны, но есть болѣе высокая польза. Лучшія книги тѣ, которыя насъ уносятъ въ область безкорыстной, чистой мысли, гдѣ исчезаетъ все личное, гдѣ почти забываются мірскія заботы и требованія.

Отрывать человѣка отъ такого чтенія — положительно жестоко, и Гамертонъ, по этому поводу, горячо протестуетъ. «Представьте себѣ, — говоритъ онъ, — читателя, погруженнаго въ какого-нибудь древняго автора, принадлежащаго къ вѣку и къ цивилизаціи, совершенно чуждой нашимъ. Представьте себѣ, что вы читаете «Защиту Сократа» у Платона, и что предъ вами развернулась вся картина этой сцены: судилище пятисотъ, чистая греческая архитектура, взволнованная аѳинская публика, отвратительный Мелитій, завистливые враги, любящіе и огорченные друзья, дорогія имена которыхъ бессмертны, и въ центрѣ вы видите человѣческую фигуру, задрапированную въ простое платье бѣдняка, одно и тоже лѣтомъ и зимой, и простое, почти безобразное, лицо его сіяетъ такимъ искреннимъ мужествомъ и самообладаніемъ, что ни одинъ актеръ не могъ бы воспроизвести это выраженіе, и вамъ слышится твердый голосъ:

«Человѣкъ не долженъ бояться смерти».

Вы только-что начинаете великолѣпный параграфъ, гдѣ Сократъ присуждаетъ себя къ заключенію въ Пританеумъ, и если ваше чтеніе не будетъ прервано до конца, вы испытаете одну изъ тѣхъ благородныхъ минутъ возвышеннаго удовольствія, которыя составляютъ награду умственнаго труда».

Человѣкъ не можетъ себя не почувствовать лучше и счастливѣе, почитавъ хоть одинъ часъ хорошую и интересную книгу. И наслажденіе простирается дальше минуты, потому что остается воспоминаніе, и мы можемъ всегда вызвать, по желанію, свѣтлыя и счастливыя мысли.

«Ихъ призраки встають передъ нами; они выше насъ, но все же они наши собратья по крови; они насъ сопровождаютъ за столомъ и въ постели, осѣняя насъ прекрасными и добрыми словами».

Бретъ Гартъ, описывая сцену въ лагерѣ рудокоповъ, на далекомъ Западѣ, говоритъ:

«Огонь Ревущаго стана освѣщалъ грубыя, измученныя лица, горящія лихорадкой, алчностью въ погонѣ за богатствомъ, и придавалъ имъ здоровыя краски. Вдругъ одинъ изъ сидящихъ всталъ и вытащилъ книгу изъ своего скуднаго имущества; тотчасъ карты выпали изъ рукъ, и всѣ приготовились слушать новую повѣсть. И въ то время, какъ тѣни кругомъ сгущались, а огонь понемногу погасалъ, онъ громко читалъ повѣсть о «малюткѣ Нель». Можетъ быть, это фантазія, но казалось, сами сосны и кедры превратились въ слухъ; и тишина кругомъ не нарушалась, а весь станъ уносился съ «малюткой Нель» въ англійскіе луга».

Англійская литература составляетъ достояніе и наслѣдіе англійской націи. Англія дала и даетъ много величайшихъ поэтовъ, философовъ и ученыхъ. Ни одна нація не можетъ похвалиться болѣе свѣтлой, чистой и благородной латературой, которая богаче нашей торговли и могущественнѣе нашего оружія. Она составляетъ истинную гордость и славу нашей страны,—благодарность наша должна быть ей безгранична.

А. Н.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» П. А. Тверскаго.— Двѣ главныя отличительныя черты американской культуры.— Обывательскій патріотизмъ «чисто-русскаго» человѣка и его мистическая подкладка.— «Гимназисты» г. Гарина.— Два рода живописи.— Отчего у насъ такъ мало настоящихъ людей.— Вліяніе семьи и школы.— Въ защиту старости—брошюра А. Ф. Кони «Предѣльный возрастъ для судей».

«Мы лѣнны и не любопытны», говорятъ Пушкинъ, и крайне самодовольны, чѣмъ и объясняется отчасти наша удивительная неподвижность. Можно ли найти другую страну, гдѣ бы, какъ у насъ, напр., въ Петербургѣ, люди ни разу въ жизни не выѣзжали дальше окрестностей, или цѣлыя поколѣнія проводили всю жизнь въ какомъ-нибудь глухомъ городишкѣ, за предѣлами котораго для нихъ кончается міръ? Это отражается и на нашей литературѣ, въ которой отдѣлъ путешествій почти отсутствуетъ. Иногда на пространствахъ нѣсколькихъ лѣтъ не появится ни одного очерка, посвященнаго описанію жизни другихъ народовъ. Впрочемъ, за послѣдніе два-три года интересъ къ заграничной жизни нѣсколько оживился. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ нѣсколько, появившихся почти одновременно, болѣе или менѣе любопытныхъ, очерковъ, какъ-то: «Дважды вокругъ Азіи» г. Южакова,—безспорно, одно изъ самыхъ талантливыхъ и живыхъ описаній, какія существуютъ въ нашей литературѣ путешествій, «По бѣлу свѣту» г. де-Воллана, г. Елисеѣва, «Путешествіе Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича» кн. Ухтомскаго, и нѣсколько бѣглыхъ очерковъ въ журналахъ изъ поѣздокъ въ Америку на Чикагскую выставку.

Совсѣмъ въ сторонѣ, по содержательности и оригинальности, слѣдуетъ поставить «Очерки Соединенныхъ Штатовъ» г. Тверскаго, печатавшіеся въ «Вѣстникѣ Европы» и вышедшіе теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Это не бѣглыя замѣтки любознательнаго туриста, всегда одностороннія и слишкомъ незначительныя, сдѣланныя наскоро, изъ оконъ мчащагося поѣзда, со словъ двухъ-

трехъ знакомцевъ. Г. Тверской прожилъ больше десяти лѣтъ въ Америкѣ, побывалъ въ различныхъ положеніяхъ, переѣздивъ нѣсколько профессій, извѣздилъ Штаты, по дѣламъ, изъ конца въ конецъ, словомъ, «объамериканился» настолько, что частная и общественная жизнь этой страны, стала ему родственной, понятной и доступной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. И лишь послѣ такого многосторонняго знакомства съ Америкой выступилъ онъ съ «Очерками», которые, дѣйствительно, даютъ богатый и любопытный матеріалъ для сужденія объ этой оригинальной жизни, далекой и чуждой для насъ.

Двѣ черты этой жизни выдвигаетъ г. Тверской, какъ наиболѣе любопытныя и заслуживающія вниманія по своей важности и значенію, какія онѣ имѣютъ для всего склада американской культуры. Первая, еще 50 лѣтъ отмѣченная и подчеркнутая Токвилемъ въ его знаменитой книгѣ «Демократія въ Америкѣ», заключается въ томъ, что запасъ знаній распространенъ равномерно между всѣмъ населеніемъ. По словамъ г. Тверскаго, несмотря на всѣ успѣхи по пути прогресса, сдѣланные съ тѣхъ поръ, поднявшіе Штаты на кажущуюся намъ недоступной высоту,—масса американскаго народа, какъ и 50 лѣтъ назадъ, при всей разницѣ положенія и матеріальныхъ условій, находится на одномъ уровнѣ умственнаго развитія. Невѣжды и высоко образованные люди, выдающіеся изъ общаго уровня, есть и тамъ, но главная масса народа, «быть можетъ, цѣлыхъ 90 процентовъ всего населенія», проходитъ одну и ту же школу, получая одинаковое образованіе и развитіе». «Дѣти поденщика и богача-банкира ходятъ въ одну и ту же школу въ теченіи 5, иногда 10 лѣтъ, такъ сказать, растутъ и развиваются умственно подъ одними и тѣми же вліяніями, въ одной и той же атмосферѣ, какъ бы ни были различны условія ихъ домашней жизни и обстановки». Далѣе, въ жизни, ихъ дороги разойдутся, но «въ громадномъ большинствѣ случаевъ ихъ нравственная и умственная жизнь сложится подъ вліяніемъ народной школы, и тотъ духъ взаимнаго уваженія, съ которымъ они освоятся въ этой школѣ, останется неприкосновеннымъ до смерти». И чѣмъ бы ни занимался впоследствии каждый изъ нихъ, ихъ умственная жизнь одинакова, они понимаютъ другъ друга, живутъ общими интересами, читаютъ тѣ же газеты и книги и участвуютъ совмѣстно въ общественной жизни.

Въ этомъ г. Тверской видитъ главную причину успѣховъ страны, въ которой каждый знаетъ все, поскольку оно доступно всѣмъ. Писатель, стоящій на высотѣ умственнаго развитія времени, и наборщикъ, печатающій и пускающій въ оборотъ его мысли, вполне

понимають другъ друга и идутъ рука объ руку къ общей цѣли. Они встрѣчаются и дѣйствуютъ на равныхъ правахъ въ литературныхъ, музыкальныхъ, читальныхъ и состязательныхъ обществахъ и клубахъ, подають вмѣстѣ голосъ за или противъ по любому вопросу, соединяются для осуществленія практическихъ задачъ дня, и все различіе между ними основано на большей или меньшей обеспеченности и личныхъ талантахъ каждаго. Благодаря одинаковому уровню общихъ, основныхъ, знаній, духъ времени понятенъ каждому, и личнымъ свойствамъ открыты двери къ самому широкому, всестороннему развитію и использованію силъ возможно экономнымъ и цѣлесообразнымъ путемъ.

Вторая отличительная черта американской культуры—*индивидуальность*, проявляющая себя такъ, какъ нигдѣ. «Человѣческая натура вообще безконечна,—говоритъ г. Тверской,—а въ такой странѣ, каковъ Сѣверо-Американскій Союзъ, индивидуальность отдѣльныхъ личностей, никогда въ жизни не знавшихъ нравственнаго гнета въ какой бы то ни было формѣ, исключая вліяній общественной школы, повсюду равномѣрныхъ и однообразныхъ, неизбежно чрезвычайно сильна». Школа—та атмосфера, которою дышуть всѣ, но каждый воспринимаетъ ее и развивается по своему, и школа не стѣсняетъ, а напротивъ—усиливаетъ оригинальность каждаго, дѣлая ее устойчивѣе и еще цѣльнѣе. Въ результатѣ получаются личности, не изломанныя, избитыя, не-приспособленныя, а приспособляющіяся къ жизни,—получаются люди, которые сами приспособляютъ жизнь. «Здѣсь нельзя навязать кому-нибудь чего-нибудь; нужно убѣдить въ цѣлесообразности предлагаемаго, нужно выслушать противорѣчія, согласить ихъ, словомъ—нужно придти къ допускаемому совѣстью и убѣжденіями противниковъ компромиссу», и путемъ соглашеній выработать «не абстрактное положеніе, а то сочетаніе, которое наиболѣе пригодно въ данный моментъ для большинства».

Американецъ, съ своей рѣзко-выраженной индивидуальностью, самъ по себѣ, и когда дѣлаетъ уступку, то лишь получая взаменъ тоже уступку. Онъ не спрашиваетъ, каково ваше profession de foi, потому что ему нѣтъ дѣла до того, во что вы вѣруете. «Только по чисто политическимъ вопросамъ, въ сущности чрезвычайно рѣдкимъ, какъ американскій конгрессъ, такъ и легислатура отдѣльныхъ штатовъ, рѣзко раздѣлены на партіи; по всѣмъ остальнымъ, составляющимъ громадное большинство и несомнѣнно имѣющимъ наибольшее вліяніе на народную жизнь, они состоятъ изъ множества группъ, множества меньшинствъ, такъ сказать мыслящихъ и дѣйствующихъ самостоятельно; партійный деспотизмъ рѣдко рас-

пространяется на политико-экономическіе и социальныя вопросы, и каждый членъ вотируетъ, какъ ему Богъ на душу положить».

Любопытное, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе авторъ, по мнѣнію котораго «эта-то индивидуальность, это-то сознаніе необходимости уступокъ и компромиссовъ, это-то уваженіе къ индивидуальности и служатъ неодолимою преградой распространенію въ Америкѣ различныхъ доктринъ, потрясающихъ старую Европу». Но въ дѣйствительности, по его словамъ, оказывается, что нигдѣ такъ широко не распространены на практикѣ тѣ блага, которыя составляютъ *ria desideria* именно всѣхъ этихъ ученій. Общее массовое развитіе, о которомъ говорилось выше, на ряду съ всестороннимъ проявленіемъ личности и оригинальныхъ качествъ каждаго, привело къ тому, что американецъ на дѣлѣ пользуется почти всѣмъ, о чемъ ему хотѣлъ бы проповѣдывать европейскій доктринеръ. Очень понятно, что послѣдняго мало кто слушаетъ, когда на каждомъ шагѣ жизнь наталкиваетъ американца на такіе, напр., факты. Въ городѣ Лосъ-Анжелосъ, средней руки по населенности и промышленности, произошелъ крахъ мѣстнаго банка, что вызвало большой переполохъ среди работницъ и рабочихъ прачечнаго заведенія г. Тверскаго. «Оказалось, что изъ 42 рабочихъ только у двухъ не было вкладовъ, и что общая сумма всѣхъ вкладовъ достигаетъ 15 тысячъ долларовъ, простираясь отъ 100 до 1.800 дол. на одно лицо».

«Какъ это вамъ понравится, читатель», спрашиваетъ г. Тверской, «и много ли прачекъ съ такими деньгами? Не забывайте при этомъ, что, сберегая такія деньги, мои прачки живутъ по-человѣчески, ѣдятъ и пьютъ по-человѣчески, одѣваются по-человѣчески, что у каждой имѣется хотя маленькій, но настоящій брилліантикъ, хотя одно, но непременно шелковое, или бархатное платье, и что на улицѣ, бьюсь объ закладъ, вы ни за что не отличите ни одну изъ этихъ прачекъ отъ великосвѣтской дамы: и шляпка на ней модная, и лайковыя перчатки на рукахъ, и золотыя часики, и модныя кофточки съ многоэтажными выкрутасами на рукавахъ и вокругъ шеи, и держатъ онѣ себя какъ настоящія «лэди».

Такая «прачка-лэди» прошла общественную даровую школу, работаетъ 8 часовъ въ сутки, получая отъ 2 до 5 долларовъ въ день (отъ 4 до 10 р.) и состоитъ членомъ того или иного клуба, въ которомъ она учится, читаетъ или проводитъ свободное время въ обществѣ подругъ и знакомыхъ. Въ такой аудиторіи проповѣдь Луизы Мишель врядъ ли встрѣтитъ сочувствіе...

Эти-то двѣ черты—одинаковый уровень развитія, сближающій и равняющій всѣхъ, и чрезвычайно сильная индивидуальность личности—и составляютъ главныя основы американской культуры, ея духъ, смыслъ, значеніе и сущность, предметъ справедливой гор-

дости американца. Благодаря имъ, эта культура быстро нивелируется и поглощает массы самаго разношерстного народа, ежегодно выбрасываемаго старой Европой, и въ нѣсколько лѣтъ претворяетъ бѣднаго человѣка «безъ языка», мытарства котораго въ Новомъ Свѣтѣ такъ художественно описаны г. Короленко *),—въ человѣка не только съ языкомъ, но и съ сознаниемъ своего члвческаго достоинства.

Если богатство наблюдений, вдумчивость автора и мѣткость характеристикъ выгодно выдѣляютъ книгу г. Тверскаго изъ ряда другихъ заграничныхъ очерковъ, то есть въ ней также и та специфически-русская черта, «тонкій нѣкій запахъ», которая сближаетъ автора съ прочими нашими бытописателями.

Чувство патріотизма, безспорно, весьма почтенное чувство, облагораживающее и возвышающее человѣка сознаниемъ общности его интересовъ съ жизнью всего народа, къ которому онъ имѣетъ честь принадлежать. Нерѣдко оно служило и служитъ источникомъ благороднѣйшихъ побуждений, но, къ сожалѣнію, оно же подъ часъ, какъ сплошь и рядомъ бываетъ съ нами, побуждаетъ насъ къ самымъ удивительнымъ заключеніямъ относительно всего, что намъ чуждо или непонятно въ жизни другихъ народовъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется, почему у насъ оказывается такъ много «патріотовъ своего отечества», выражаясь языкомъ героевъ Островскаго, всегда готовыхъ превозносить свое въ ущербъ логикѣ и фактамъ. Если же дѣйствительность слишкомъ противорѣчила бы такому самоиѣнію, а наблюдаемая жизнь, какъ въ данномъ случаѣ—въ Америкѣ, слишкомъ «великолѣпна» сравнительно съ нашей, то нашъ русскій бытописатель и тутъ не теряется. Побитый фактами, онъ ударяется въ мистицизмъ, гдѣ широкое поле для самыхъ произвольныхъ построений, и непремѣнно откроетъ въ себѣ ту или иную черту, въ созерцаніи которой успокоится и воспоетъ себѣ хвалебный гимнъ.

Не удержался отъ этого и г. Тверской, въ книгѣ котораго вы вдругъ наталкиваетесь на слѣдующее, не вяжущееся со всѣмъ содержаніемъ его очерковъ, славословіе въ честь «чисто-русскаго» человѣка:

«Я терпѣть не могу нѣмца, индифферентенъ къ итальянцу или испанцу, люблю француза, уважаю англичанина и очень неравнодушенъ къ настоя-

*) «Безъ языка». Разсказъ изъ заграничныхъ очерковъ В. Г. Короленко. «Русское Богатство» 1895 г., кн. 1, 2, 3 и 4. — Разсказъ очень не сложенъ:—трое польскихъ крестьянъ изъ д. Лозицы отправляются въ Америку. Здѣсь, въ Нью-Йоркѣ, одинъ изъ нихъ, Матвѣй, отбивается отъ товарища и, не зная языка, попадаетъ въ очень затруднительное положеніе. Его настроеніе и пережитыя имъ ощущенія и составляютъ содержаніе разсказа.

щему американцу; но сердце мое бьется сильнѣе, и, такъ сказать, всѣ поры души моей открываются только въ бесѣдѣ съ настоящимъ русскимъ человѣкомъ, не думающимъ, что онъ можетъ закидать шапками всю вселенную и заткнуть ее за поясъ. Я достаточно-таки поклонялся по лицу земного шара, не разъ имѣлъ случай видѣть, какъ поступаютъ люди разныхъ націй въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ относятся они къ немощамъ человѣческимъ, какъ они судятъ людскіе мотивы и дѣйствія,—и всегда, на мои глаза, одни *чисто-русскіе* люди обладали и всепрощеніемъ, и удивительною способностью забывать самихъ себя и отдавать все свое существо въ пользу ближняго. Безотчетное умѣніе на самопожертвованіе, удивительная, бездонная доброта и теплота душевная—то нѣчто, что не только оживляетъ и согрѣваетъ утомленнаго живнью, выбившагося изъ силъ человѣка, но и открываетъ для него новый цѣлый міръ,—дѣтская, чистая, не отъ міра сего, вѣра въ человѣка и въ его высшія способности—все это можно найти только въ *чисто-русскомъ* человѣкѣ» (стр. 425—26)...

«Чисто-русскій» человѣкъ, польщенный такимъ дирирамбомъ, воспаряетъ духомъ и начинаетъ уже смотрѣть на господъ американцевъ со всѣми ихъ диковинами нѣсколько покровительственно, какъ оно и подобаешь существу, обладающему такими драгоценными свойствами, какъ «всепрощеніе, самопожертвованіе и бездонная доброта».

Американецъ, конечно, не остался бы въ долгу, если бы прочелъ эту тираду. Онъ замѣтилъ бы, что этимъ прекраснымъ качествамъ онъ предпочитаетъ другія, по его мнѣнію, не менѣе цѣныныя, въ чемъ онъ убѣдился на опытѣ. «Всепрощеніе» онъ замѣняетъ всесторонней критикой, основанной на знаніи и логикѣ. Такая критика помогаетъ ему вѣрно отдѣлять зло отъ добра, беспощадно преслѣдовать первое и беззавѣтно служить второму. «Бездонную доброту» онъ замѣнилъ строго-опредѣленными учрежденіями, помогающими добрымъ быть еще добрѣе, и удерживающими злыхъ въ предѣлахъ закона. А «самопожертвованіе» онъ превратилъ въ «самостоятельность». Такимъ путемъ онъ достигъ того, что его прачка—«настоящая леди», а не забитое, изможденное, вѣчно полупьяное существо, которому отъ нашего «всепрощенія» съ «бездонной добротой и самопожертвованіемъ» ничуть не легче.

«Если каждому изъ насъ отрѣшиться отъ своего я—мы и для народа не будемъ ни на что годны. Не жертвы надо приносить, а быть нужнымъ, необходимымъ», говорить одинъ изъ героев послѣдняго романа г. Боборыкина «Ходокъ».

Но не такъ-то легко сохранить это «я», какъ разъясняетъ намъ послѣднее произведеніе г. Гарина—«Гимназисты», печатавшееся въ прошломъ году въ «Рус. Богатствѣ» и вышедшее теперь отдѣльнымъ изданіемъ.

За послѣдніе два-три года въ нашей литературѣ не появлялось ни одного произведенія, болѣе свѣжаго, по таланту, съ которымъ оно написано, и болѣе значительнаго по содержанію. Правда, были вещи болѣе художественныя, отдѣланныя съ большимъ мастерствомъ, быть можетъ, съ большей силой и умѣньемъ. Но всѣ онѣ относятся къ безчисленнымъ «очеркамъ», «эскизамъ», «разсказамъ», представляющимъ одну черту, характеръ, много—типъ, то или иное явленіе въ личной, рѣдко въ общественной жизни.

«Гимназисты», напротивъ, охватываютъ цѣлую полосу жизни, и самую интересную,—«вѣкъ юный, прелестный», когда вырабатывается основа будущаго человѣка. И охватываютъ эту полосу не въ жизни одной единичной личности, а цѣлаго поколѣнія, представители котораго, дѣвушки и юноши, различные по характеру, склонностямъ и стремленіямъ, проходятъ предъ вами, такіе веселые, жизнерадостные—и всѣ «обреченные»...

Прежде два слова о художественной сторонѣ произведенія.

Г. Гарина часто упрекали, да и теперь упрекаютъ, въ небрежной манерѣ исполненія, находили его слогъ, языкъ его героевъ недостаточно отдѣланнымъ. Намъ кажется, этотъ упрекъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени несправедливымъ. То, что признаютъ небрежностью, составляетъ своеобразную манеру такого оригинальнаго художника, какъ г. Гаринъ. Безъ этой «небрежности» его также трудно представить, какъ г. Рѣпина безъ его «небрежныхъ», и въ то же время почти гениальныхъ, мазковъ. Есть два рода живописи. Въ одной все тщательно написано, каждая мелочь отдѣлана, доведена до возможнаго совершенства. Сколько ни приглядывайтесь, не найдете никакихъ шероховатостей. Великими мастерами, недостижимыми по совершенству въ технику такой живописи, были художники временъ возрожденія. Изъ нашихъ современныхъ художниковъ такъ пишетъ г. Бакаловичъ свои небольшія, удивительно изящныя, сцены изъ жизни античнаго міра. Въ живописи другого рода, наиболѣе яркимъ представителемъ которой можетъ служить г. Рѣпинъ, нѣтъ этой вышечности, гладкости, изящества. Если начнете всматриваться, вамъ покажется, будто краски просто разбрызганы по холсту безъ всякой правильности и цѣли. И только въ нѣкоторомъ отдаленіи, когда отдѣльные штрихи сливаются, выступаетъ съ необычайной яркостью и рельефностью образъ. Образцомъ такой живописи служитъ картина г. Рѣпина «Іоаннъ Грозный у трупа сына». Главное въ ней—глаза Іоанна и умирающаго, притягивающіе вниманіе зрителя неудержимо. Слѣпой, леденящій ужасъ въ глазахъ отца и потухающій, тусклый стеклянный взглядъ умирающаго—не забу-

дуга вами никогда. Подъ вліяніемъ ихъ вы не обращаете вниманія ни на неправильности рисунка, ни на неотдѣланность многого, только намѣченнаго на картинѣ. Но лучше не всматриваться, какъ достигъ такого эффекта художникъ: комки краски будто набросаны на полотно съ ножа.

Какой изъ этихъ двухъ родовъ живописи предпочтительнѣе, не беремся судить. Каждый художникъ правъ, выбирая то, что больше отвѣчаетъ его характеру и силамъ, лишь бы достигалось требуемое впечатлѣніе.

То же самое можно отмѣтить и въ художественной литературѣ. Г. Короленко, напр., какъ г. Бакаловичъ, отдѣлываетъ свои образы до мельчайшихъ подробностей, слагая изъ нихъ до осязательности живую картину. Такова, напр., сцена рабочаго митинга въ его послѣднемъ произведеніи «Безъ языка», которую мы позволимъ себѣ привести цѣликомъ, за что, безъ сомнѣнія, читатели не посѣтуютъ; художественная красота выписки выкупаетъ ея длину.

«...Въ это время, съ другой стороны, съ площади послышались вдругъ звуки музыки. Повернувъ туда голову, ловианинъ (герой разсказа) увидѣлъ, что изъ переулка, на той сторонѣ площади, около большой постройки, выкатился клубъ золотистой пыли и покатился къ парку. Точно гнали стадо, или шло большое войско. А изъ облака неслись звуки музыки, то порой стихая,—и тогда слышался какъ будто одинъ только гулкій топотъ тысячи ногъ,—то вдругъ вылетая впередъ визгомъ кларнетовъ и мѣдныхъ трубъ, стукомъ барабаномъ и звономъ литавровъ. Впереди бѣжали двумя рядами уличные мальчишки, а за ними шель высокой тамбуръ-мажоръ, выдѣлывая тактъ большимъ желомъ. За нимъ двигались рядами музыканты съ раздутыми и красными щечками, въ каскахъ съ перьями, въ цвѣтныхъ мундирахъ съ огромными эполетами на плечахъ, расшитые и изукрашенные до такой степени, что, кажется, не оставалось на нихъ ни клочка, чѣмъ-нибудь не расцвѣченнаго, не завѣшаннаго какимъ-нибудь галуномъ или повументомъ.

Матвѣй думалъ, что дальше онъ увидитъ отрядъ войска, и у него мелькнула даже мысль, какъ бы—кто ихъ знаетъ,—не вышло у этихъ людей какой-нибудь неприятели. Но, когда пыль стала ближе и прозрачнѣе, онъ увидѣлъ, что за музыкой идутъ сначала рядами, а потомъ какъ попало, въ безпорядкѣ—все такіе же пиджаки, такія же мятыя шляпы, такія же пыльные и подинаялыя фигуры. А впереди всей этой пестрой толпы, высоко надъ ея головами плыветъ и колышется знамя, укрѣпленное на высокой платформѣ. Кругомъ знамени, точно стража, стояло съ десятковъ людей, которые, такимъ образомъ, двигались вмѣстѣ съ толпой...

Гремя, стуча, колыхаясь, подъ яркіе звуки марша, подъ неистовые крики и свистъ ожидавшаго народа, знамя подошло къ фонтану и стало. Складки знамени колыхнулись и упали и только ленты стали шевелиться по вѣтру, да порой полотнище плескалось и на немъ струились золотыя буквы...

Тогда въ толпѣ поднялся настоящій шабашъ. Одни звали новыхъ пришельцевъ къ дереву, гдѣ висѣлъ недавно самоубійца, другіе хотѣли остаться. Знамя опять колыхнулось, платформа поплыла за толпой, но скоро вернулась назадъ, какъ будто кто отразилъ оттуда приступъ этого отряда...

Когда пыль, поднятую этой толкотней, пронесло дальше къ площади,—знамя опять стояло неподвижно, а подъ знаменемъ стоялъ человѣкъ, широко разѣвалъ ротъ и что-то кричалъ шумѣвшему кругомъ народу.

Потомъ, на край платформы выступилъ другой—и тотчасъ же все смолкло. Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ выразительнымъ лицомъ и черными глазами южанина. У него былъ удивительный голосъ, сразу, безъ всякихъ усилій покрывшій шумъ этой толпы...

Молчаніе стало еще глубже, когда онъ, продолжая говорить, протянулъ руку къ большому дереву, склонившемуся надъ кустами, гдѣ недавно висѣлъ самоубійца.

Въ груди у Матвѣя что-то дрогнуло. Этотъ человѣкъ говорить о немъ, о томъ, кто ходилъ этой ночью, по парку, несчастный и безпріютный, какъ и онъ, Ловинскій, какъ и всѣ эти люди съ истомленными лицами; о томъ, кого, какъ и ихъ всѣхъ, выкинулъ сюда этотъ безжалостный городъ, о томъ, кто спрашивалъ у него недавно глухимъ голосомъ: джермень, тѣдеско, итальяно?—о томъ, кто бродилъ недавно со своей глубокой тоской и кого теперь уже нѣтъ—на этомъ свѣтѣ.

Было слышно, какъ вѣтеръ тихо шелеститъ листьями, было слышно, какъ порой грянется и глухо ударитъ по вѣтру своими складками огромное полотнище знамени... А рѣчь человѣка, стоявшаго подъ знаменемъ, съ обнаженной головой, продолжалась, плавная, задушевная и печальная...

Потомъ онъ повернулся и протянулъ руку къ городу, гнѣвно и угрожающе.

И въ толпѣ будто стукнуло что-то разомъ во всѣ сердца,—произошло внезапное движеніе. Всѣ глаза повернулись туда же, а итальянцы поднимались на цыпочкахъ, сжимая свои грязные, загорѣлые кулаки, вытягивая свои жилистые руки.

А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею обычною, ничѣмъ не возмутимую, жизнью. По площади тянулись вагоны, грохотали экспрессы, пылъ гдѣ-то въ туннели быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью облако отъ парка. Облако это точно лента, пронизанная солнцемъ,—повисло въ половинѣ огромнаго недостроеннаго дома, напоминавшаго вавилонскую башню. Вверху среди дѣсовъ и настилокъ копошились, какъ муравьи, занятые постройкой рабочіе, а снизу то и дѣло подымались огромныя тяжести... Подымались, исчезали въ облакѣ и опять плыли кверху, между тѣмъ какъ внизу гигантскіе краны безшумно ворочались на своихъ основаніяхъ, подхватывая все новыя платформы съ глыбами кирпичей и гранита...

И на все это свѣтило яркое солнце веселаго яснаго дня.

Такова эта мастерская картина, съ которой можно сравнить развѣ описанія Флобера въ его «Саламбо» жизни Кароагена. Вы не замѣчаете, какъ, по мѣрѣ накопленія подробностей, васъ охватываетъ настроеніе толпы, и вамъ кажется, будто вы сами присутствуете тутъ же, переживая ея волненіе...

Иначе пишетъ г. Гаринъ, но изъ этого «иначе» вовсе не слѣдуетъ, что онъ пишетъ небрежно. Онъ пишетъ мазками, намѣчаетъ характеры и положенія рѣзкими, сильными штрихами. Въ его талантѣ есть что-то стремительное. Волнуясь и спѣша, смѣлымъ размахомъ кисти онъ набрасываетъ сразу массу фигуръ,

цѣлую картину жизни, яркую, широко задуманную и захватывающую глубокие жизненные интересы.

Въ «Гимназистахъ», составляющихъ продолженіе «Дѣтства Тѣмы», центральными фигурами являются Тѣма Карташевъ и его мать, Аглаида Васильевна. Онъ — нервный, живой, необычайно воспримчивый и неустойчивый, она — спокойная, уравновѣшенная, умная, безконечно любящая и въ этой любви безконечно тираническая. Она, безспорно, наиболѣе удавшійся типъ въ произведеніяхъ г. Гарина. Въ лицѣ ея предъ нами современная мать семейства, не знающая предѣла жертвъ для счастья этой семьи и въ то же время, сама измученная вѣчнымъ страхомъ за своихъ беспокойныхъ, куда-то порывающихся, дѣтей, — систематически, сознательно подавляющая въ нихъ все, что въ нихъ есть энергичнаго, оригинальнаго и возвышеннаго.

«Вы читали Гулливера, когда его лиллипуты привязали за каждый волосъ?» — жалуется въ одномъ мѣстѣ Карташевъ. — «Вотъ и мнѣ кажется, что я такъ привязанъ. Пока мѣсть лежишь спокойно — не больно, а только поворачишься какъ-нибудь...»

Только Аглаида Васильевна не «лиллипутъ». Натура сильная и цѣльная, она съ необыкновеннымъ тактомъ забываетъ бѣдныя Коргашева, изводя его во имя долга.

«Надо полагать, — говорить Тэккерей *), — что девять десятыхъ тиранствъ, совершающихся на землѣ, были учинены людьми, убѣжденными въ томъ, что они исполняютъ свой долгъ. Исходя изъ этого успокоительнаго убѣжденія, алжирскій дей рубилъ по двадцати головъ каждое утро, патерь Доминикъ жегъ на крестахъ въ присутствіи наикатолическаго короля шутку по двадцати жидовъ сразу, а толедскій и саламанкскій архіепископы возсылали за это Богу благодарственные гимны. Если поджаривали протестантовъ, вѣшали и четверговали иезуитовъ въ Смитфильдѣ и жгли вѣдьмъ въ Салемѣ, то это все дѣлалось людьми самыми благонамѣренными, убѣжденными въ томъ, что у нихъ имѣются наисновательнѣйшія причины поступать именно такимъ образомъ».

Такъ и Аглаида Васильевна, у которой тысячи «наисновательнѣйшихъ причинъ» вытравлять въ душѣ сына все искреннее, честное, хорошее, замѣняя это однимъ: умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ. И главная изъ нихъ — постоянный страхъ (и не безосновательный), какъ бы Тѣма съ своими порывами, благородство которыхъ она втайнѣ признаетъ и даже гордится ими, — не попалъ въ бѣду, не испортилъ бы себѣ карьеры. Карьера — вотъ что прежде всего, а «разсужденія» только мѣшаютъ.

И какая изъ современныхъ матерей не посочувствуетъ ей !!

*) «Четыре Георга». Собр. сочиненій В. Тэккерей. Т. 4-й. Изд. Г. О. Пантелеева. Спб. 1895 г.

не узнаеть себя въ этихъ, неподражаемо описанныхъ, стычкахъ матери съ сыномъ.

«— Я тебя серьезно, Тёма, прошу,— сказала она, позвавъ сына на свою половину, — оставить всякія обшениа съ мужиками: вы можете себя здѣсь (т.-е. въ комнатѣ) хоть весь міръ вверхъ ногами ставить, но ты видишь уже послѣдствія вашихъ неосторожныхъ разговоровъ. Полторы тысячи рублей въ этомъ году дохода уже нѣтъ. Эта скирда предназначалась для приданого Зины.

— Какое же приданое, когда у нея и жениха-то еще нѣтъ?

— Ты до глупости доходишь со своими вѣчными разсужденіями, — я больна отъ нихъ. Пойми же, наконецъ, что они несносны! Ты просто глупѣешь отъ этого вѣчнаго напряженія обо всемъ разсуждать, разсуждать во что бы то ни стало. Пойми же, наконецъ, что нѣтъ несноснѣе, нѣтъ отвратительнѣе, нѣтъ пошлѣе, наконецъ, человѣка, всю жизнь изощряющагося надъ бесплодными рѣшеніями вопросовъ...»

Въ концѣ концовъ она даже внушаетъ вамъ симпатію, эта бѣдная мать, вся жизнь которой—постоянный страхъ. У кого подымется рука бросить въ нее камень, когда она и сама понимаетъ, къ какимъ результатамъ приводитъ это «коверканіе» здоровой и симпатичной природы сына? И вы вмѣстѣ съ нею готовы заплакать, когда послѣ окончательнаго экзамена, на которомъ Тёма, «ставъ на заднія ноги», — по его выраженію, — ловко «сдулъ» у товарища письменный отвѣтъ, — она плачетъ намъ нимъ, надъ его невольнымъ проступкомъ, надъ его ранней измученностью.

«Такъ безконечно дорогъ онъ былъ ей и такъ безконечно жаль было его въ эту минуту: сколько мученья, неправды... Вѣдь этотъ человѣкъ былъ ея сынъ, для котораго мечтала она же когда-то небо достать! Что испыталъ онъ, что выстрадалъ безсознательно въ этой каторгѣ непередаваемыхъ мелочей, называемой обученіемъ ума и воспитаніемъ души?!

— О, бѣдный, бѣдный мой мальчикъ!—И Аглаида Васильевна горячо цѣловала лицо и глаза сына.

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣзжай въ Петербургъ,—заговорила она, когда Карташевъ немного оправился и перешелъ на диванъ.—И я, можетъ быть, также виновата и тоже помогала коверканью!.. Ахъ, какъ мнѣ ясна вдругъ стала вся эта уродливая картина нашей жизни... О, какая гадость... сколько жи, фальши...

Карташевъ утомленно слушалъ:

— Гадость, мама!—произнесъ онъ, и слезы закапали у него изъ глазъ.— Ахъ, какъ хотѣлось бы быть честнымъ, хорошимъ, безупречнымъ.

Карташевъ судорожно прижалъ руки къ глазамъ и тихо, горько плакалъ. Плакали мать, Зина, Наташа, Маня...»

Вы видите, что Аглаида Васильевна такая же жертва, какъ и Тёма, жертва обстоятельствъ, условій жизни, въ которыхъ она жила и еопитывалась, всю тяжесть которыхъ испытала на себѣ, и приспособить къ нимъ сына заранѣе, чтобы ему легче жилось, — вотъ задача, которую она преслѣдуетъ неуклонно. Въ другой обстановкѣ какая идеальная воспитательница вышла бы изъ нея!

«Аглаида Васильевна съ большимъ тактомъ сѣумѣла позаботиться о томъ, чтобы никому не было скучно: было и свободно, но въ то же время чувствовалась какая-то незамѣтная, хотя и пріятная рука». Это умѣнье «незамѣтно, хотя и пріятно» вести свою молодежь она и примѣняетъ, хотя и ведетъ не туда, куда слѣдуетъ. Но въ этомъ не ея вина.

Отъ этого любовнаго, тѣмъ не менѣе тираническаго, гнета Карташевъ спасается въ гимназію, въ среду товарищей, гдѣ ему легче дышется.

«Въ гимназіи было веселье, чѣмъ дома, хотя гнетъ и требованіе гимназіи были тяжелѣе, чѣмъ требованія семьи. Но тамъ жизнь шла на людяхъ. Въ семьѣ каждаго интересъ былъ только его, а тамъ гимназія связывала интересы всѣхъ. Дома борьба шла глазъ на глазъ и интереса въ ней было мало: всѣ новаторы каждый порознь въ своей семьѣ чувствовали свое безсиліе.— въ гимназіи чувствовалось такое же безсиліе, но тутъ работа шла сообща: былъ полный просторъ критики и никому не дороги были тѣ, кого разбирали».

И Карташевъ съ компаніей, уже не въ одиночку, а сообща приспособляются ко всякимъ положеніямъ, потому что и всѣ были подъ такимъ же любовнымъ гнетомъ семьи, котораго не выносила молодость, требовавшая простора, свѣта, воздуха, а вмѣсто того загнанная въ маленькія, затхлыя, душныя каморки. Въ средѣ молодежи немного такихъ, какъ «первый ученикъ Яковлевъ, пассивная натура котораго и не толкала его никуда:—онъ стоялъ у того окошечка, которое прорубили ему другіе, и никуда его больше не тянуло»;—или такихъ, какъ образцовый «бѣлоподкладочникъ» Семеновъ, навсегда порѣшившій со всѣми разсужденіями, какъ съ «мальчишествомъ, и опаснымъ мальчишествомъ, которое можетъ привести ни больше, ни меньше, какъ къ исключенію».

Результатомъ такого приспособленія къ семьѣ и школѣ получилась какая-то двойственная жизнь,—одна на показъ, другая—про себя, жизнь, полная лжи и обмана, глубоко растлѣвающая юныя души. Искренность и откровенность, эти основныя черты юности, не находили себѣ примѣненія и чахли незамѣтно для самихъ героевъ и ихъ наставниковъ. Спасали отчасти отъ окончательнаго огрубѣнія взаимныя товарищескія симпатіи, дружба, чтеніе и поэтическое увлеченіе любовью.

Страницы, посвященныя описанію этихъ юношескихъ романовъ, однѣ изъ лучшихъ въ произведеніи г. Гарина. Вотъ предъ нами «она».

«Они вошли подъ тѣнь акацій.—На нихъ пахнуло сильнымъ ароматомъ цвѣтовъ.

— Ахъ, какъ хорошо пахнетъ,—сказала Корнева.

Рыльскій подпрыгнувъ и сорвалъ бѣлую кисть цвѣтовъ.

— Дайте...

Она оглянулась и, пропустивъ свидѣтелей, прикрѣпила цвѣтокъ у себя на груди. Она прикрѣпляла и смотрѣла на цвѣтокъ, а Рыльскій смотрѣлъ на нее, пока ихъ взгляды не встрѣтились и въ ея душѣ загорѣлось вдругъ что-то. Она закрыла и открыла глаза. Ея сердце сжалось такъ. будто онъ, этотъ красавецъ съ золотистыми волосами и сѣрыми глазами, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Она пошла дальше, потерявъ ощущеніе всего: что-то веселое, легкое точно уносило ее на своихъ крыльяхъ.

— Ахъ, я хотѣла бы,—вдохнула она всей грудью и замерла.

Нѣтъ, нельзя передать ему, что хотѣла бы она увестись съ нимъ вмѣстѣ далеко, далеко... въ волшебную сторону вѣчной молодости... Хотѣла бы вѣчно смотрѣть въ его глаза, вѣчно гладить и цѣловать золотистые волосы.

— Нѣтъ, ничего я не хочу... Я хотѣла бы только, чтобы вѣчно продолжалась эта прогулка...

Но они уже стояли у зеленой калитки ихъ дома. Сквозь ажурную рѣшетку увидала она брата, спину уныло облокотившагося о столъ Карташева и, оглянувшись назадъ, провнесла упавшимъ голосомъ:

— Уже?

Эхо повторило ея вдохъ въ веселомъ днѣ, въ залитой солнцемъ улицѣ и понесло назадъ въ ароматную тѣнь бѣлыхъ акацій, въ безмятежное синее море, въ искристый воздухъ лѣтнаго дня.

«Онъ» также мечтаетъ о счастьѣ съ любимой дѣвушкой, горитъ желаніемъ подвига, чего-то необычайнаго, впадаетъ въ пессимизмъ,—словомъ, такъ или иначе отвлекается отъ дѣйствительности, не дающей матеріала для ума и души...

Но «судьба жертвъ искупительныхъ просить», и не проходитъ даромъ эта, бессмысленная по существу, затаенная борьба, которую приходится вести въ такой двойственной жизни. Первыми падаютъ болѣе слабые, не умѣющіе приноровиться къ виѣшнимъ условіямъ, и погибающіе при первомъ случайномъ столкновеніи. Такимъ неумѣлымъ, неловкимъ, негоднымъ къ самозащитѣ, безвольнымъ субъектомъ оказывается злополучный философъ «Діогенъ», поэтъ и артистъ въ душѣ. Постоянно витая въ мірѣ фантазій и отвлеченной мысли, онъ скатывается отъ перваго толчка съ «высоты своей обсерваторіи», съ которой смотрѣлъ въ безконечную даль, и летитъ стремглавъ внизъ, спѣшить уйти изъ этой жизни, въ которой не съ его слабыми силами можно добиться того, чего такъ жаждало сердце бѣднаго «Діогена»: «правды, уваженія, любви, вѣчной свободы».

Другихъ, болѣе стойкихъ, пожалуй, даже самыхъ стойкихъ, жизнь выбрасываетъ за бортъ, какъ не укладываемыхъ на общее прокрустово ложе, на которомъ привольно только вполне приспособившимся. Эти выдерживаютъ до конца, и вы видите ихъ въ туманѣ будущей жизни, какъ они становятся то «на заднія», то «на переднія ноги», смотря по надобности, то вскакиваютъ на

чужую спину, чтобы поудобнѣе «схватить кусокъ», то подставляя собственную болѣе ловкимъ и сильнымъ прыгунамъ.

«Самимъ собой» ни одинъ изъ нихъ не остается. Семья и школа наложила на нихъ свой неизгладимый отпечатокъ. Ихъ индивидуальность развѣ во внѣшности да въ большей или меньшей ловкости, которую они проявятъ въ борьбѣ за существованіе.

Рецензентъ «Русской Мысли», какъ особенно правдивую черту, отличаетъ въ произведеніи г. Гарина то, что выведенная имъ женская молодежь болѣе устойчива и оригинальна. Это совершенно невѣрно. Если бы это было такъ, г. Гарину измѣнило бы его художественное чутье правды. Женщина всегда болѣе нервна, чутка и неустойчива, чѣмъ мужчина, а потому больше поддается условіямъ своей среды и времени. Въ эпохи передовыхъ движеній она всегда впереди, увлекая за собою другихъ, но и въ поворотное время она тоже впереди и стремительно опускается внизъ, гдѣ «будетъ ли ея жизнь счастливая, — это будетъ эгоистичное, сухое счастье сытаго человѣка, будетъ ли она несчастлива — ея несчастье нравственный хлѣвъ съ точки зрѣнія иной жизни, — хлѣвъ, въ которомъ она задохнется, не сѣмѣвъ даже осмыслить общія причины несчастья своей жизни», какъ характеризуетъ одну изъ своихъ героинь г. Гаринъ. Или вотъ, напримѣръ, старшая сестра Карташева Зина, вполне и навсегда покончившая со всѣмъ, что выходитъ изъ рамокъ будничной жизни, и беззащитно приспособляющаяся къ нѣкому Неручеву, о которомъ его же пріатели говорятъ: «Ну, ловокъ! Не пропадетъ!»

«— Охота твоей сестрѣ за такую выходить замужъ? — спрашивалъ Корневъ Карташева.

— Ты меня что жъ спрашиваешь? Ее спроси... — пожималъ плечами Карташевъ»...

Нѣтъ, г. Гаринъ слишкомъ художникъ, чтобы не подмѣтить явленія, наблюдаемаго ежедневно, что современныя женщины, если не превзошли, то и не уступятъ намъ въ желаніи прилаживаться къ «своему шестку». Не въ осужденіе имъ и не въ оправданіе себѣ подчеркиваемъ это...

Такова эта «обреченная» молодежь, выступающая въ жизнь безъ принциповъ, безъ идей, безъ того, что Леббокъ считаетъ первѣйшей необходимостью — безъ цѣли жизни. Что будетъ съ ней дальше?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы получимъ въ новомъ произведеніи г. Гарина «Студенты», которое служитъ продолженіемъ «Гимназистовъ» и только что начато въ «Русскомъ Богатствѣ». Судя по началу, «студенты» оправдаютъ то, что обѣщали «гимназисты».

«— Ну, и было дѣло, — сказала Корневъ, присѣдая предъ Аглаидой Васильевой.

«— Слышала.

«— Видѣть надо было, что только было!

«— Было и мохомъ поросло, — задумчиво встала Зина, смотря въ окно.

«— Да, уже прошло... — быстро, съ какимъ-то сожалѣніемъ повернулся къ ней Корневъ. — Когда прошло, какъ мигъ одинъ...

«— Такъ и вся жизнь, — грустно наклонила голову Аглаида Васильевна.

«— Если бы люди всегда помнили, что жизнь только мигъ, — вздохнулъ Корневъ, поднося ногу къ рту.

«Всѣ замолчали...»

Какимъ безотраднымъ пессимизмомъ вѣетъ отъ этой заключительной сцены романа! Она — послѣдній штрихъ, которымъ художникъ подчеркиваетъ имъ нарисованную печальную картину.

Все пройдетъ, исчезнетъ, какъ дымъ разбѣется, — одна правда останется. И такую правду, горькую, неприглядную, но и глубоко поучительную, раскрываетъ г. Гаринъ въ своихъ «Гимназистахъ».

«Благо тѣмъ, которые во время умѣютъ сами подать въ отставку», говоритъ Тургеневъ — уступая мѣсто свѣжимъ, молодымъ силамъ. Но есть старость и старость, «и у насъ, даже въ туманномъ Петербургѣ», говоритъ г. Кони *), «при всей неравномѣрности распредѣленія умственного труда, при тяжелыхъ условіяхъ физической жизни, вызываемыхъ дурнымъ климатомъ, отсутствіемъ свѣта и тепла, при скудости яркихъ оживляющихъ впечатлѣній, — живутъ и дѣйствуютъ старцы, у которыхъ молодость можетъ научиться энергіи и «дѣятельной любви» къ своему труду».

Старять людей не столько прожитые годы, сколько отсутствіе живой и полезной дѣятельности, отсутствіе бодрящаго сознанія, что жизнь проходитъ не даромъ, что каждый день запечатлѣн борьбою за никогда не меркнущіе идеалы добра и правды. Только жизнь дѣятельная и осмысленная развиваетъ и обостряетъ душевныя силы, доводя ихъ до совершенства, какое мы наблюдаемъ у такихъ «безсмертныхъ старцевъ», какъ Гладстонъ или Вирховъ.

Что такое, въ сущности, вопросъ о «предѣльномъ возрастѣ»? Въ бюрократическихъ рамкахъ онъ сводится къ тому, насколько человѣкъ способенъ живо откликаться на запросы жизни. Разъ исчезла эта способность, и прошлое заслоняетъ для него настоящее, такой человѣкъ достигаетъ «предѣльнаго возраста».

*) А. О. Кони — «Предѣльный возрастъ для судей». Изъ журнала министерства юстиціи, Печатано съ разрѣшенія г. министра юстиціи. 1895 г.

И мало ли приходится встрѣчать такихъ старыхъ юношей, отжившихъ прежде, чѣмъ начали жить, молодыхъ декадентовъ на всякихъ поприщахъ? Въ общественной дѣятельности они—Протопоповы, которыхъ г. Кони такъ мѣтко заклеилъ названіемъ «кандидаты безправья», въ литературѣ—«молодые поэты», отрицаніе жизни возводящія въ принципъ, въ наукѣ—маленькіе Вагнеры, стоящія неизмѣримо ниже своего прототипа. Они—какъ «безводныя облака, носимыя вѣтромъ, осеннія деревья, безплодныя, дважды умершія, исторгнутыя». Ихъ участь—забвеніе: «взгляни на нихъ и проходи мимо», какъ Виргилій совѣтуетъ Данте...

Но, и помимо того, правъ г. Кони, задаваясь вопросомъ:

«Дѣйствительно ли старость ужъ такъ беспомощна сама по себѣ и бесполезна для окружающихъ? Развѣ «охлажденныя дѣты» безусловно обрекаютъ человѣка на жизнь въ прошломъ, въ области воспоминаній, дѣлая его въ дѣятельной и быстро бѣгущей жизни настоящаго лишь докучнымъ гостемъ, заповдавшимъ уйти? Ужели старику только и остается, что перебирать бесполезными руками засохшіе цвѣты съ забытыхъ могилъ и взирать мертвыми и безучастными взорами на то, какъ вокругъ него, окруженнаго нетерпѣливымъ внѣшнимъ почтеніемъ, кипитъ молодая кровь и прилагается къ живому дѣлу избытокъ бодрыхъ силъ? Жизнь говоритъ намъ другое».

Приведя затѣмъ выдающіеся примѣры дѣятельной старости, г. Кони энергично отрицаетъ необходимость установленія предѣльнаго возраста для судей и священниковъ, хотя и допускаетъ его, правда, съ существенными оговорками, для другихъ общественныхъ обязанностей. Въ доводахъ его особенно интересна характеристика судебной дѣятельности, которую онъ сопоставляетъ съ дѣятельностью научной.

«Традиціи, преданія, неизбежность приѣмовъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ иногда могутъ быть вредны, тормозя свободу научнаго мышленія. Но то, что не полезно для работы ученаго, необходимо и неизбѣжно въ дѣятельности судьи. Въ ней особенно цѣнны профессиональныя традиціи, создающія обязательный образъ поведенія и отношенія къ своему дѣлу въ рядѣ практическихъ случаевъ; въ ней должны соблюдаться преданія, устанавлиющія преемственность взглядовъ на нравственныя обязанности судьи. Въ ней приемы и способы изслѣдованія должны видоизмѣняться медленно и осторожно, лишь подъ давленіемъ насущныхъ потребностей жизни—и быстрая ихъ смѣна зачастую была бы признакомъ внутренней несправедливости тѣхъ или другихъ изъ нихъ. По существу своему наука прогрессивна, судебная дѣятельность—консервативна, взоръ ученаго устремленъ впередъ, къ новому, къ отысканію законовъ того или другого явленія; взоръ судьи обращенъ назадъ, къ отравнымъ точкамъ правосудія, къ освященнымъ вѣками началамъ общечеловѣческаго, къ народному правосознанію, выраженному въ твердомъ словѣ закона, къ урокамъ собственнаго житейскаго опыта. Чѣмъ больше этого опыта, чѣмъ больше званія жизни и чѣмъ дольше приходилось имѣть дѣло съ толкованіемъ и приложеніемъ закона, тѣмъ глубже, и, слѣдовательно, полезнѣе дѣятельность судьи. А многое изъ этого достигается годами этой дѣятельности и, накопляясь въ зрѣломъ возрастѣ, образуетъ опредѣленное цѣлое къ годамъ,

такъ называемой, старости, той старости, которая, по выраженію великаго поэта, «ходить осторожно и подозрительно глядить». Но эта осторожность и осмотрительность въ работѣ, касающейся судьбы человѣка, его имущества, его чести — суть главныя, необходимыя свойства судьбы, внутренняя гарантія правильности его рѣшеній.

Хотя «внутреннюю гарантію», какъ нѣчто въ высокой степени неопредѣленное, мы бы предпочли замѣнить такой «внѣшней» гарантіей, какъ несмѣняемость судей. Конечно, разъ нѣтъ послѣдней, то установленіе предѣльнаго возраста отразилось бы на судебной дѣятельности отрицательнымъ образомъ, ибо, заканчивается г. Кони,

«судебная служба есть *служеніе* въ настоящемъ и глубокомъ смыслѣ слова. Вступая въ судебную семью, приходится отрѣшиться отъ многихъ житейскихъ вождедѣній и обречь себя на упорный трудъ въ самой скромной обстановкѣ. Чтобы сдѣлать это легко и безъ молодужнаго раскаянія въ будущемъ, надо сознавать, что этому труду можетъ быть посвящена *вся жизнь*, что подъ кровомъ этой семьи пройдутъ и тихо догорятъ всѣ «судьбой отсчитанные дни». Безъ поддержанія этого сознанія легко получить, вмѣсто судей—чиновниковъ, избравшихъ судебную службу случайно, потому лишь, что въ данный моментъ имъ не представилось другого мѣста, болѣе выгоднаго въ смыслѣ карьеры или обезпеченія «Предѣльный возрастъ» можетъ убить это сознаніе и создать для судей, вмѣсто спокойнаго и самостоятельнаго *служенія правосудію*, обыкновенную заурядную службу, имѣющую характеръ *личнаго найма на срокъ* для писанія рѣшеній и приговоровъ, за установленную по штатамъ плату».

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На Родинѣ.

Женскій медицинскій институтъ. Со времени закрытія женскихъ медицинскихъ курсовъ въ 1882 г. не прекращались ходатайства земскихъ, городскихъ и другихъ общественныхъ учреждений объ устройствѣ такого высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ женщины могли бы получать медицинское образованіе, равное получаемому мужчинами. Вопросъ объ открытіи такого женскаго медицинскаго института, переживъ съ тѣхъ поръ много различныхъ измѣненій, близокъ теперь къ разрѣшенію, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ обширная статья, помѣщенная въ № 100 «Московскихъ Вѣдомостей», откуда мы и заимствуемъ слѣдующія данныя.

Сдѣлавъ краткую историческую справку о медицинскомъ образованіи женщинъ до открытія высшихъ курсовъ, «Московскія Вѣдомости» отмѣчаютъ, какъ особую заслугу военнаго министерства, что оно взяло на себя починъ въ практическомъ осуществленіи высшаго женскаго медицинскаго образованія, учредивъ въ маѣ 1872 г. сначала четырехлѣтніе, а потомъ пятилѣтніе, курсы для женщинъ при medico-хирургической академіи.

«Если принять во вниманіе,—говоритъ газета,—что программы преподаванія на курсахъ были весьма приближены къ академическимъ, и что изъ этого преподаванія было исключено лишь немногое, и притомъ по второстепеннымъ предметамъ, то нель-

зя не придти къ заключенію, что и практической вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи получилъ благоприятное рѣшеніе. Къ сожалѣнію, однако, курсы просуществовали весьма недолго, всего десять лѣтъ, и въ 1882 году были закрыты; но и за этотъ срокъ они успѣли принести посильную пользу. На курсы поступило въ теченіи десяти лѣтъ 1.309 лицъ, причемъ наименьшее число поступившихъ составляло 99 (въ 1873 г.) и наибольшее 196 (въ 1879 г.). Общее число слушательницъ, со времени открытія въ 1876 г. пятаго курса, составляло постоянно около 450, а за послѣдній 1881 г.—460.

«Практическая дѣятельность воспитанницъ началась во время послѣдней восточной войны. Въ 1877 г., еще до наступленія перваго выпускнаго экзамена, 25 слушательницъ, окончившихъ пятилѣтній курсъ, отправились на театръ военныхъ дѣйствій: 20—въ дѣйствующую армію, 5—въ учрежденія Краснаго Креста въ тылу арміи. О дѣятельности ихъ полевой военно-медицинскій инспекторъ отзывался въ своемъ отчетѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и ходатайствовалъ о награжденіи нѣкоторыхъ изъ слушательницъ курсовъ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами, или другимъ знакомъ отличія».

По окончаніи курсовъ, большинство слушательницъ посвятили себя службѣ земству. Въ 1882 г., во время

эпидеміи дифтерита и скарлатины въ Петербургѣ, городская дума временно пригласила женщинъ-врачей для подаванія помощи приходящимъ больнымъ, а въ 1883 г. дума пригласила женщинъ-врачей исполнять обязанности думскихъ участковыхъ врачей. Въ 1887 г. изъ 24 участковыхъ врачей, женщинъ было 14. Въ теченіи семи лѣтъ (съ 1883 по 1889 г.) думскими врачами было принято около 1.200.000 амбулаторныхъ больныхъ, и сами врачи посѣтили больныхъ на дому болѣе 362.000 разъ. На долю каждой женщины-врача изъ этого числа приходится 49.645 амбулаторныхъ посѣщеній и 14.970 визитовъ къ больнымъ; на долю мужчинъ — первыхъ 47.970, вторыхъ — 13.946.

Изъ донесеній врачебной инспекціи за 1888 г. видно, что изъ 698 женщинъ-врачей состояли въ Петербургѣ думскими врачами и при больницахъ — 66, находились на земской службѣ — 92 и занимались вольной практикой 540. По Высочайшему повелѣнію 1880 г. женщинамъ-врачамъ присвоенъ нагрудный знакъ съ буквами Ж. В. (женщина-врачъ), въ знакъ довѣрія къ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ.

Послѣ закрытія курсовъ, вопросъ о высшемъ медицинскомъ женскомъ образованіи перешелъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія. Была учреждена особая коммиссія, которая въ 1891 г. представила слѣдующій проектъ *С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института*:

«Институтъ имѣеть цѣлью доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ акушерской дѣятельности и къ лѣченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; при немъ полагается интернатъ для неимѣющихъ возможности жить при родителяхъ и близкихъ родственикахъ; институтъ содержится на частныя средства; упра-

вленіе его состоитъ изъ директоръ, Совѣта преподавателей, правленія, и печительнаго комитета, инспектора и ея помощницъ; директоръ назначается изъ числа профессоровъ-медиковъ и преподаетъ одинъ изъ предметовъ; преподавателями назначаются лица, имѣющія право преподаванія медицинскихъ наукъ въ университетахъ и равныхъ съ ними высшихъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ и руководство клиническими занятіями возлагается преимущественно на главныхъ и старшихъ врачей больницы; служащіе въ институтѣ по учебной части пользуются всѣми правами государственной службы, кромѣ права на полученіе пенсіи изъ казны. Въ слушательницы принимаются лица христіанскаго исповѣданія не моложе двадцати и не старѣе тридцати лѣтъ: комплектъ ихъ опредѣляется Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Лица, окончившія полный курсъ женскихъ гимназій и другихъ равныхъ съ ними женскихъ учебныхъ заведеній, принимаются на курсы послѣ испытанія въ мужскихъ гимназіяхъ изъ области древнихъ языковъ въ объемѣ гимназическаго курса, а окончившія курсы на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, по выдержаніи тамъ же установленнаго испытанія по латинскому и греческому языкамъ, а также лица, получившія аттестаты зрѣлости отъ женскихъ гимназій, которымъ предоставлено право выдаваться таковыя, принимаются въ институтъ безъ экзамена. Въ институтѣ будутъ преподаваться слѣдующіе предметы: а) анатомія; б) нормальная гистология и эмбриологія; в) физиологія; г) общая патологія; д) частная патологія, терапия, врачебная діагностика; е) медицинская химія; ж) физика; з) минералогія, ботаника и зоологія (съ сравнительною анатоміей); и) фармакогнозія и фармація; і) фармакологія съ рецептурой, токсикологія и

не о минеральных водахъ и воченіи; в) патологическая анатомія патологическою гистологіей; л) акуштво (съ клиниками); м) женскія зни (съ клиниками); н) дѣтскія зни (съ клиниками); о) гигиена; и) акушерство (въ акушерской анекологической клиникахъ); с) андологія и дерматологія (съ клими); т) офтальмологія (съ клими); у) нервныя и душевныя бои (съ клиниками). Курсъ преподаванія продолжается 4 года и расѣляется на 8 полугодій *). За полугодій, полукурсовыя и окончательныя испытанія производятся на акowychъ основаніяхъ съ медицинскими факультетами, причемъ общій цинскій курсъ зачитывается за 8 годій, а время, проведенное въ тическихъ занятіяхъ—за девятое есятое полугодія. Окончившимъ въ институтѣ предположено выдавать дипломы на званіе «женщина», предоставляющій имъ: а) право всемѣстной свободной практики; б) выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства; в) въ качествѣ специалистовъ женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, мать повсемѣстно должности врапри женскихъ учебныхъ, воспитательныхъ и богоугодныхъ заведеній, а равно при женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ, и г) право допускаемыми къ завѣдыванію всеми медицинскими участками, всеми больницами и приѣмными ями. Въ кругъ дѣятельности женскихъ-врачей не входитъ завѣдываніе всеми больницами въ городахъ и селѣнствѣ въ нихъ, а также обязан-

По окончаніи общаго медицинскаго образованія, слушательницы обязаны одного года до трехъ лѣтъ заниматься практикой въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ институтахъ и клиникахъ женскихъ и дѣтскихъ.

ности врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и производство судебно-медицинской экспертизы по требованію судебныхъ учреждений. Наконецъ, при институтѣ можетъ быть учрежденъ особый курсъ для приготовленія лицъ женскаго пола къ фармацевтической дѣятельности.

«Особое совѣщаніе, которое рассмотрѣло сдѣланный специалистами медиками и архитекторами, при ближайшемъ участіи доктора В. М. Тарновскаго, подробный расчетъ всѣхъ предстоящихъ расходовъ, причемъ на устройство зданія, на землѣ, уступаемой С.-Петербургскимъ городскимъ обществомъ при Обуховской женской больницѣ, и первоначальное обзаведеніе института исчислено 220.238 руб. и на его содержаніе 63.000 руб. въ годъ.

«На покрытие этихъ расходовъ имѣется: 1) обязательство С.-Петербургской городской думы о ежегодномъ отпускѣ по 15.000 рублей, 2) пожертвованныхъ капиталовъ: а) въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія 120.859 рублей, преимущественно пожертвованныхъ Л. А. Шанявскою, рожденною Родственною, и А. Л. Шанявскимъ; в) въ С.-Петербургской городской думѣ 192.429 руб.; г) въ Военно-Медицинскомъ управленіи 77.487 руб.; д) отчислено по завѣщанію подполковника Берха 185.715 р.—всего 576.490 р. и 3) обязательства частныхъ лицъ на 173.000 руб., по которымъ предвидится ежегодныхъ поступленій по 17.300 руб. въ годъ (въ теченіе 10 лѣтъ).

«Производя изъ этой суммы отпускъ денегъ по третямъ на постройку зданій и первоначальное обзаведеніе, и начисляя на остающуюся сумму лишь 4%, Министерство, за израсходованіемъ 223.870 руб. на постройку, будетъ имѣть въ остаткѣ къ январю 1897 года 387,000 руб., а къ іюлю того же года, когда можно приступить къ открытію института — 397.740 руб.»

Смѣта на содержаніе института можетъ выразиться слѣдующимъ образомъ: въ 1-мъ году существованія института доходъ предполагается—51.089 р., расходъ—25.300 р., остатокъ—25.789; 2-й годъ—доходъ—56.121 р., расходъ 40.220, остатокъ 15.901 р., 3-й годъ—доходъ—61.757 р., расходъ—52.400 р., остатокъ—9.357 р.; 4-й годъ—доходъ—70.131 р., расходъ 63.000, остатокъ—7.131 р.

Такимъ образомъ, какъ показываетъ этотъ расчетъ, содержаніе института вполне обеспечено наличными средствами, не говоря уже о томъ, что со дня открытія института можно ожидать новаго прилива частныхъ пожертвованій.

Необходимость женщинъ - врачей достаточно выяснена жизнью, и остается пожелать, чтобы открытіе института не замедлилось. Что же касается самого проекта, то въ общемъ онъ вполне отвѣчаетъ цѣли, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Такъ, странностямъ представляется условіе—«принимаются лица христіанскаго вѣроисповѣданія». При наличности у насъ 5 мил. евреевъ и до 30 мил. магометанъ, едва ли оправдывается жизнью такое исключеніе евреекъ и мусульманокъ, такъ какъ, по условіямъ ихъ религіи, именно для евреекъ и мусульманокъ больше всего нужны женщины-врачи. Далѣе, требованіе аттестата зрѣлости очень затруднить многихъ, въ виду отсутствія у насъ женскихъ гимназій, отвѣчающихъ программамъ мужскихъ. Наконецъ, 4-лѣтній курсъ съ слѣдующей отъ одного до трехъ лѣтъ практикой при больницахъ, послѣ чего только женщины допускаются къ самостоятельной практикѣ, ставить женщинъ въ невыгодное, сравнительно съ мужчинами, положеніе. Разъ къ тѣмъ и другимъ предъявляются одинаковыя требованія при поступленіи, то отсюда вытекаетъ и равенство условій и

правъ. Впрочемъ, лишь бы не тутъ былъ открытъ, а тамъ, и слѣдствіи, жизнь сама все это угулируетъ *).

Всеобщее народное образованіе
По заявленію тульскаго губернатара что въ школахъ обучаются преимущественно мальчики, между тѣмъ весьма желательно привлечь къ образованію возможно большее число вочекъ, такъ какъ на грамотныя женщины-матери поводитъ образованіе народа, послѣдовала Высочайшій отмытка: *«Совершенно согласен этимъ. Вопросъ этотъ чрезвычайной важности».*

Это новое Высочайшее указаніе чрезвычайную важность вопроса, связи съ приведенными у насъ апрѣльской книжкѣ, свидѣтельствуя что дѣятельнымъ факторомъ въ пространеніи грамотности явилось государство, на ряду съ нынѣ дѣйствующими на этомъ поприщѣ—земствомъ и обществомъ. Помнивши «Видника Европы», для облегченія задѣланнаго государству, было бы необходимо, «приступа къ подготовительнымъ работамъ по введенію всеобщаго обученія гдѣ онъ еще не начаты, а затѣмъ для повсемѣтнаго ихъ окончанія назначить въ земскихъ губерніяхъ не слишкомъ продолжительный срокъ по истеченіи котораго работы, исполненныя земствомъ и городами должны были бы перейти въ руки Министерства Народнаго Просвѣщенія. Тѣмъ же министерствомъ, конче-

*) Настоящее сообщеніе было напечатано, когда въ номерѣ отъ 2 апрѣля «Нов. Времени» появилось известіе, что 22-го апрѣля Государственный Совѣтъ утвердилъ приведенный въ проектѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, вмѣсто четырехлѣтняго права необходимымъ пятилѣтній курсъ. Уширены права женщинъ-врачей. И тутъ будетъ находиться въ вѣдѣніи Мин. Народн. Просвѣщ.

этотъ трудъ долженъ быть исполненъ въ губерніяхъ не-земскихъ (за исключеніемъ городовъ, гдѣ введено городское самоуправленіе). По окончаніи изслѣдованія, или даже ранѣе, на основаніи данныхъ о земскомъ городскомъ и мірскомъ обложеніи и объ отношеніи затратъ на начальную школу къ общей цифрѣ земскихъ, городскихъ и мірскихъ расходовъ,— не трудно опредѣлить *минимумъ* обязательнаго участія земствъ, городовъ и земскихъ обществъ въ содержаніи начальныхъ школъ. Всѣ расходы, превышающіе этотъ минимумъ и необходимые для введенія всеобщаго обученія, государству слѣдовало бы принять на свой счетъ».

Что касается размѣра предстоящихъ расходовъ, то онъ далеко не такъ великъ, какъ высчитывали раньше. Напр., по расчету г. Страннолюбскаго, на введеніе всеобщаго обученія понадобилось бы слишкомъ 100 мил. ежегодно. Теперь, въ земствѣ и литературѣ преобладаетъ другой, болѣе правильный взглядъ. Такъ, по расчету г. Вахтерова, подтвержденному расчетами нѣкоторыхъ земствъ (московскаго и нижегородскаго), дополнительные расходы къ тѣмъ 6 милліонамъ которые тратятся теперь земствами на начальныя школы, составятъ, какъ для земскихъ, такъ и не-земскихъ губерній (не считая городовъ), всего 8,4 мил. рублей, при условіи, что всеобщее обученіе вводится только для мальчиковъ. «Если бы даже всѣ эти *восемь съ половиной* милліоновъ приняты были на счетъ государства,—замѣчаетъ «Вѣстникъ Европы»,—то это не такая сумма, передъ которой надолго могъ бы остановиться въ раздумьи нашъ милліардный бюджетъ» (1.214 мил. по росписи на 1895 г.). Но принятіе всѣхъ или почти всѣхъ расходовъ на счетъ казны установило бы фактически ничѣмъ не оправдываемую льготу для тѣхъ земствъ и сельскихъ обществъ,

которыя сравнительно мало тратятъ на начальную школу. Поэтому, почтенный журналъ находитъ болѣе правильнымъ установленіе *минимальнаго* участія въ расходахъ на начальную школу, *обязательнаго* для земствъ и сельскихъ обществъ. «При осуществленіи такого минимума не будетъ мѣста для несправедливыхъ привиллегій, и въ то же время ни одно земство, ни одно сельское общество не будетъ обременено расходами, для него непосильными. Правда, нѣкоторыя земства и сельскія общества, особенно усердныя въ дѣлѣ народнаго образованія, все-таки будутъ тратить на него, сравнительно, больше, чѣмъ другія—но съ этой неравнобѣрностью, зависящей отъ доброй воли заинтересованныхъ учрежденій, не трудно примириться, тѣмъ болѣе, что предупредить ее можно было бы только путемъ установленія неподвижныхъ, безусловно - однообразныхъ нормъ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо желательныхъ въ живомъ дѣлѣ народнаго образованія».

Переходя затѣмъ къ вопросу объ обязательности, «Вѣстникъ Европы» полагаетъ, что *всеобщность* обученія нельзя теперь еще связывать съ *обязательностью*. «Сначала нужно поставить школьное дѣло такъ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста *могли* посѣщать школу, а затѣмъ уже принять мѣры къ тому, чтобы они дѣйствительно ее посѣщали. Сознаніе пользы, приносимой образованіемъ, глубоко проникло въ умы народа. Если дѣвочки посѣщаютъ школу гораздо меньше, чѣмъ мальчики, то это зависитъ не только отъ того, чтобы родители считали обученіе ихъ излишнимъ, сколько отъ недостаточности школъ, отъ отдаленности ихъ и, наконецъ, отъ причинъ чисто экономическаго свойства». Полагая, что при современныхъ условіяхъ нельзя рассчитывать сразу завести вездѣ школы нормальнаго типа, журналъ

допускаетъ на первое время школы грамотности, но «само собою разумѣется, что руководящимъ началомъ при введеніи всеобщаго обученія постоянно должно служить сознание превосходства правильно организованной школы надъ школою грамотности, допустимою лишь въ видѣ суррогата, лишь въ видѣ уступки требованіямъ жизни. Вездѣ, гдѣ только возможно, должны быть открываемы нормальныя школы; вездѣ и всегда нужно имѣть въ виду, что школа грамотности, рано или поздно, должна быть замѣнена школою болѣе совершенной».

Въ этомъ смыслѣ высказались и многія земства, ходатайствуя о разрѣшеніи открывать, въ видѣ «младшихъ параллельныхъ классовъ», особыя отдѣленія при своихъ земскихъ нормальныхъ школахъ, какъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ есть земскія школы, такъ и въ сосѣднихъ, съ назначеніемъ учителями въ параллельные классы, подъ руководствомъ учителя земской школы, бывшихъ учениковъ ея, хотя бы и не выдержавшихъ установленнаго испытанія.

Въ заключеніе журналъ указываетъ на необходимость устраненія, по меньшей мѣрѣ, главныхъ препятствій, задерживающихъ, безъ всякой надобности, естественный ростъ народной школы. Къ числу ихъ относится совершенно неправильный, хотя и очень распространенный, взглядъ на взаимныя отношенія начальныхъ школъ различныхъ вѣдомствъ. Согласно распоряженіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Св. Синода отъ 1884 г., при открытіи начальныхъ школъ требуется только предварительное *сношеніе* между вѣдомствами, а отнюдь не обязательное *соглашеніе*, т.-е. не запрещается открытіе церковно-приходской школы рядомъ съ свѣтской, если на то несогласна учебная администрація, и наоборотъ—свѣтской школы рядомъ съ

церковно-приходской, если на то несогласно духовное начальство. Затѣмъ, упомянутыя распоряженія вовсе не касаются школъ грамоты, иными словами, въ мѣстѣ существованія школы грамоты можетъ быть открыта свѣтская школа безъ всякихъ предварительныхъ сношеній. Между тѣмъ, на практикѣ порядокъ, установленный правилами 1884 г., понимается иногда совершенно иначе. «Въ Черниговской губ., напр., духовное вѣдомство еще недавно держалось той мысли, что безъ его разрѣшенія не можетъ быть открыта земская школа ни въ одной изъ мѣстностей; гдѣ существуетъ школа церковно-приходская, такъ какъ открытіе первой наноситъ ущербъ послѣдней. Въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губ., инспекторъ начальныхъ школъ отказалъ земству въ разрѣшеніи открыть четыре школы на томъ основаніи, что въ намѣченныхъ земствомъ деревняхъ существовали въ предыдущемъ учебномъ году школы грамоты».

«Незачѣмъ объяснять, — говоритъ журналъ, — докакой степени подобное отношеніе тормазитъ развитіе народнаго образованія. Открытіе новой школы рядомъ съ существующею можетъ *«нанести ущербъ»* школьному дѣлу развѣ тогда, когда потребности населенія вполнѣ, и количественно, и качественно, удовлетворяются одною прежнею школою, а средства, идущія на новую школу, болѣе производительно и цѣлесообразно могли бы быть употреблены въ другомъ мѣстѣ».

Новый типъ общины. По сообщенію «Одесскаго Листка», среди крестьянскаго населенія южныхъ губерній, замѣчается любопытное направленіе, выражающееся въ желаніи массы построить свою хозяйственную и общественную жизнь на началахъ новой общины. До сихъ поръ къ такому рѣшенію пришло болѣе 30 сельскихъ обществъ Александрійскаго уѣз-

да, Херсонской губерніи; эти общества, въ поискахъ за выходомъ изъ «тяготы» современной жизни, заключили коллективный договоръ, устанавливающий новый экономическій порядокъ въ общинѣ, рѣзко отличающійся отъ формъ современнаго хозяйства.

Въ ред. «Мира Божьяго» полученъ отъ присяжнаго повѣреннаго г. Левитскаго артельный договоръ, заключенный обществомъ, съ девизомъ «что посеешь, то пожнешь». Сущность этого юридическаго акта, уже получившаго практическое примѣненіе, сводится къ слѣдующему. Община владѣетъ въ основу своего существованія элементы любви и братства.

«Мы должны жить,—говоритъ 39-я статья договора,—въ добромъ согласіи и любви, какъ братья, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, ибо гдѣ любовь, тамъ и Богъ, тамъ и счастье, а гдѣ нѣтъ любви, тамъ горе вѣчное». «Мы убѣдились, что терпимъ много горя потому, что между нами нѣтъ любви, а много злобы, и что одно только дружеское соединеніе для общей работы въ добромъ согласіи и во взаимной братской любви можетъ помочь намъ лучше устроить наши хозяйство и жизнь вообще».

Только трудъ даетъ право на участіе въ качествѣ члена общины.

«Если же кто-либо будетъ лѣниться работать, будетъ ругаться, заводить споры и ссоры, то если не исправится послѣ перваго выговора ему отъ артели, удаляется изъ нея, такъ какъ при пьянствѣ, лѣни и спорахъ невозможно совмѣстная дружеская работа».

Только трудъ даетъ члену право участія въ распредѣленіи продукта, добываемаго коллективнымъ трудомъ общины.

«Послѣ молотбы,—говоритъ п. 19 договора,—зерно и другіе хозяйственные продукты раздѣляются слѣдующимъ образомъ: прежде всего оставляется хлѣбъ и прочее на сѣмена, а также и на запасъ, для всякаго слу-

чая, если урожай позволитъ; оставшая же часть урожая раздѣляется между всеми дѣйствительными участниками въ артельной работѣ, по числу рабочихъ душъ, безъ различія пола, поровну между всеми».

Въ общинѣ, такимъ образомъ, строго проводится трудовое начало въ коллективной собственности; исключенія дѣлаются только для больныхъ и впавшихъ въ несчастіе, получающихъ, не смотря на неспособность къ работѣ, свою долю общаго продукта.

Хозяйственные отношенія опредѣляются слѣдующимъ образомъ.

«Чтобы отвыкать отъ злобы другъ къ другу,—гласитъ п. 6 договора,—и учиться взаимному уваженію и любви, мы, посовѣтовавшись между собою, порѣшили соединиться всемъ вмѣстѣ въ одно товарищество на слѣдующихъ условіяхъ: 1) вся земля наша соединяется въ одно цѣлое и находится въ нераздѣльномъ общемъ владѣніи и пользованіи всей артели, т. е. орется, засѣвается и убирается вся земля подъ рядъ, безъ различія, въ чемъ она надѣлѣ, какъ будто земля одного хозяина, а хозяиномъ всей нашей земли считается вся наша артель, и никто самъ по себѣ не можетъ отдѣльно отъ артели обрабатывать свой надѣлъ и скрывать свою землю отъ товарищей; 2) по общему соглашенію, мы выбираемъ одинъ дворъ, наиболее удобный для артельнаго хозяйства, и тамъ должно непремѣнно находиться все наше артельное хозяйство, т. е. всѣ наши земледѣльческія орудія и машины, лошади, овцы, свиньи, хлѣбъ, кормъ и пр.».

Какъ недвижимое, такъ и движимое имущество въ общинѣ терлетъ индивидуальный характеръ и дѣлается достояніемъ одного хозяина—общины.

«Если артель пожелаетъ,—говорится въ 6 пунктѣ договора,—то всѣ товарищи могутъ для своей выгоды покупать сообща всякіе необходимые предметы домашняго обихода, напри-

мѣръ, товары для сапогъ, для одежды, керосинъ и пр. Все указанное имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, принадлежит нераздѣльно и находится въ общемъ владѣніи и пользованіи всей артели, и никто самъ одинъ не имѣетъ права пользоваться артельнымъ имуществомъ безъ согласія другихъ товарищей.

Что касается имущества, бывшаго во владѣніи крестьянъ до учрежденія новой общины, то послѣдняя имѣетъ по отношенію къ нему право выкупа.

«Если кто даетъ въ артель какое-либо свое имущество, то она уплачиваетъ ему три четверти цѣны, и тогда уже это имущество принадлежит не ему одному, а всей артели. Напримѣръ, за лошадь, стоящую 40 рублей, артель уплачиваетъ ему 30 рублей, такъ какъ и онъ будетъ пользоваться лошадью въ артели».

Таковы существенныя стороны въ жизни общины новаго типа. «Что сулитъ ей будущее?»—спрашиваетъ газета, откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія.—«Пышный расцвѣтъ и въ результатъ побѣду надъ индивидуализмомъ, или быстрое увяданье «въ утро пасмурныхъ дней», подъ гнетомъ веѣхъ общихъ условій? Это покажетъ будущее».

Новая секта «тайныхъ духовныхъ христіанъ». По сообщенію «Новаго Времени» (въ номерѣ отъ 16-го апрѣля), съ нѣкоторыхъ поръ среди рабочаго населенія Петербурга появилась слабая сначала, а затѣмъ все болѣе и болѣе усиленная пропаганда новой религіозной секты подъ названіемъ «тайнаго духовнаго христіанства».

Основателемъ новой секты оказался прибывшій въ столицу, въ началѣ 1893 г., изъ Оренбурга крестьянинъ Михаилъ Рябовъ. Какъ личность, не имѣющая никакихъ опредѣленныхъ занятій, Рябовъ въ ноябрѣ того же года былъ высланъ изъ столицы къ

мѣсту своей приписки. Та же участь постигла одновременно и помощника Рябова, крестьянина Шлиссельбургскаго уѣзда Николая Комякова, молодого парня, по ремеслу басонщика, совращеннаго Рябовымъ на первыхъ порахъ и сдѣлавшагося горячимъ приверженцемъ сектатора. Въслѣдъ за высылкою основателя секты и помощника его, Комякова, пришлось закрыть басонную мастерскую, въ которой работалъ послѣдній. Мастерская эта, принадлежавшая нѣкоему Александру Бо, вся поголовно передана новому лжеученію, начиная отъ хозяина и его жены, до послѣдняго рабочаго и ученица включительно, и, находясь въ мѣстности, населенной преимущественно рабочимъ людомъ, главнымъ образомъ, фабричными (на Пескахъ, около Смольнаго), служила удобнымъ мѣстомъ для пропаганды, и въ ней собирались многіе для поученія и на «раднія». Но и послѣ указанныхъ мѣръ пропаганда не прекратилась. Бо и нѣкоторые изъ его рабочихъ поступили въ мастерскую крестьянина Ивана Григорьева, въ д. № 11, по Можайской улицѣ, и вскорѣ квартира Григорьева превратилась въ форменную молельню «духовныхъ христіанъ», причемъ первенствующую роль въ пропагандѣ въ это время приняла на себя одна изъ мастерицъ, совершенно безграмотная дѣвушка Василиса Григорьева.

Здѣсь «раднія» происходили почти каждую ночь, собиралось на нихъ до 40 и болѣе человекъ и между ними, какъ руководитель и учитель, высланный полиціей, но вернувшійся самовольно Комяковъ и, въ качествѣ помощницы его, Василиса Григорьева. Сектанты называли основателя новаго ученія, Рябова, своимъ «папашинкой», Комякова и Василису—«папой и мамой», другъ друга—«братцами» и «сестрами». Они называли себя истинными христіанами, или христіанами, «живущими по духу», проше-

вбывали цѣломудріе и безбрачіе, не употребляли въ пищу мясное, отказывались отъ табака и водки и высказывали нерасположеніе ко всѣмъ, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ, которыхъ считали грѣшными и грязными. Самихъ себя сектанты признавали святыми и угодными Богу. На собраніяхъ ихъ происходило слѣдующее: учитель или учительница читали сначала что-либо изъ Евангелія, псалтиря или какой-либо книги духовнаго содержанія, затѣмъ начиналось объясненіе прочитаннаго, сначала тихимъ голосомъ, затѣмъ съ криками и жестивуляціей въ сильной степени экстаза. Вскорѣ все собраніе выражается этимъ экстазомъ, экзальтированные слушатели начинаютъ пѣть молитвы церковныя, искажаемыя ими по малограмотности, или же вымышляемыя самими пѣвцами, наконецъ, экзальтація достигаетъ крайней степени, и тогда въ собраніи поднимается крикъ, рвутъ себя за волосы, ломаютъ руки, бросаются на полъ съ пѣною у рта, ползутъ къ ногамъ своихъ учителей, цѣлуютъ имъ ноги и руки. Въ то же время нѣкоторые изъ экзальтированныхъ сектантовъ начинаютъ говорить безсвязно, какъ бы въ трансѣ, выкрикиваютъ представлявшихъ имъ видѣніяхъ, предсказываютъ скорое наступленіе страшнаго суда и проч.

Во второй половинѣ апрѣля чины сысской полиціи обнаружили одно изъ такихъ радѣній въ квартирѣ басонщика Григорьева. Собравшіеся сектанты казались утомленными до изнеможенія и лежали въ полудремотѣ на постеляхъ, скамьяхъ и даже на полу. При появленіи полиціи, руководитель сектантовъ Комяковъ спрятался въ студиу, стоявшемъ въ задней комнатѣ квартиры, но, при обыскѣ ея, мѣстоахожденіе Комякова было открыто и его арестовали.

Основатель секты «тайныхъ духовныхъ христіанъ» Рабовъ ранѣе при-

надлежалъ къ сектѣ молоканъ, въ 1891 г. онъ принялъ православіе, но уже два года спустя занялся пропагандой собственнаго ученія, сущность котораго до сихъ поръ никому неизвѣстна.

Разбой на Кавказѣ. Мирная культура Кавказа до сихъ поръ еще не далеко подвинулось, какъ показываетъ характерное дѣло, разбившееся 16 февраля въ г. Кубѣ, военнополовымъ судомъ, о шайкѣ разбойниковъ въ 13 человекъ, въ теченіе 4 лѣтъ державшихъ весь Кубинскій округъ въ своей власти. Разбой на Кавказѣ дѣло обычное, составляя, такъ сказать, *couleur local*, но это дѣло представляетъ явленіе исключительное.

Какъ передаетъ «Развѣдчикъ», шайка имѣла правильную организацію. Въ шайку принимался не всякій, заявившій желаніе присоединиться къ разбойникамъ, а принимался только тотъ, кто совершилъ завѣдомо хотя одно убійство. Это была гарантія отъ шпионовъ. Въ шайкѣ былъ предводитель, популярный какъ между разбойниками, такъ и въ народѣ, бѣглый изъ каторги Шихъ-Заде. Шайка эта, существующая съ 1888 года, получила въ послѣднее время легендарную извѣстность, держа населеніе всего Кубинскаго уѣзда въ страхѣ. Вся шайка была прекрасно вооружена дорогимъ холоднымъ оружіемъ и имѣла кавалерійскія берданки. Этотъ страшный отрядъ съ невѣроятной быстротой передвигался по кубинскимъ лѣсамъ съ одного конца уѣзда на другой, совершая на пути преступленія за преступленіемъ. Шайка имѣла свою особенную форму, которую зналъ всякій мальчишка въ аулѣ. Поступившій въ шайку не тотчасъ же вооружался берданкой, а нѣкоторое время ходилъ съ своимъ ружьемъ, такъ что берданку надо было еще заслужить. Шихъ-Заде часто раздѣлялъ шайку на два и на три отряда, назначая

туда старшаго, одного изъ старыхъ разбойниковъ, приказанія котораго исполнялись такъ же точно и безпрекословно, какъ и самаго атамана Шихъ-Заде. Самый лѣсной участокъ Кубинскаго уѣзда—мюшкурскій, отъ гор. Кубы къ морю, былъ раздѣленъ разбойниками на три части и туда посылались отряды за сборомъ особенной, разбойниками установленной подати.

Всѣ жители, выдающіеся скольконибудь по своимъ средствамъ, были обложены взносомъ, пропорціонально средствамъ, отъ 5 до 500 р. Не внести этой своеобразной подати никто даже подумать не смѣлъ, а о жалобахъ объ этомъ начальству разбойники тотчасъ же увѣдомлялись, и дни жалобщика были сочтены. Посланный атаманомъ разбойникъ подходилъ къ воротамъ, вызывалъ хозяина и объявлялъ ему, что Шихъ-Заде приказалъ внести такую-то сумму, и за отказъ, случалось, виновный тутъ же лишался жизни, такъ какъ Шихъ-Заде, посылая за деньгами, отдавалъ такое приказаніе: «дать—отпустить, не дать—убить!» За жалобы и доносы полиціи отрубивали и выкручивали пальцы, калѣчили вообще, а чаще просто убивали, гдѣ бы доносчикъ ни встрѣтился. Всѣ почти убійства совершены близъ ауловъ: въ садахъ, на посѣвахъ, такъ что выстрѣлы всегда были слышны въ аулахъ и видны были убѣгающіе разбойники.

Въ 1891 г. въ помощь полиціи была отряжена, по распоряженію вышшаго начальства, охотничья команда, въ составѣ 60 человекъ нижнихъ чиновъ при трехъ офицерахъ отъ III—скаго пѣхотнаго полка. Команда въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ преслѣдовала разбойниковъ, и хотя не успѣла поймать, но разсѣяла шайку, и разбойники утихли, не было ихъ слышно до 1893 г.—не было опытнаго атамана. Въ 1893 г. появляется бѣглый изъ каторги Шихъ-Заде, человекъ рѣшительный и смѣлый до

дерзости. Онъ даетъ шайкѣ правильное устройство, даетъ цѣль дѣйствій: «собрать денегъ и бѣжать въ Персію», и съ этихъ поръ шайка начинаетъ дѣйствовать съ такою дерзостью и свирѣпостью, что наводитъ ужасъ на все населеніе уѣзда. О сопротивленіи и рѣчи быть не могло. Въ каждомъ аулѣ у разбойниковъ были агенты, которые сообщали имъ все, что дѣлается въ аулахъ, что говорится и что предпринимается администраціей, а потому они прекрасно маневрировали и аккуратно собирали свои налоги. Одинъ изъ разбойниковъ былъ на Сахалинѣ при айтекѣ, выучился говорить, читать и писать по-русски и въ шайкѣ былъ за казначея. При поимкѣ у него была отобрана записная книжка Notes; на первой страницѣ начинающимъ почеркомъ подпись: «Кнышки убитый свой субствый распысался Салманъ», и дѣйствительно, на первой страницѣ былъ списокъ убитыхъ, а дальше графы и списокъ, сколько наложено пени, сколько получено и сколько осталось, такъ что, судя по этому, допускалась разсрочка платежа.

26-го мая 1894 года, пятая вражда къ одному почтенному старику, старшинѣ селенія Габиккентъ, разбойники подложили мину и взорвали его домъ, гдѣ погибло подъ развалинами все его семейство, а самъ онъ чудомъ спасся изъ-подъ развалинъ весь израненный. Ахмедъ,—такъ звали старшину,—былъ хорошаго рода, почтенная и уважаемая личность между туземцами, поклялся на коранѣ или самому умереть, или отомстить разбойникамъ. Врагомъ разбойниковъ былъ еще мѣстный богатый помещикъ Коджа-бекъ. Эти два лица клинули кличь въ народѣ и предложили свои услуги администраціи для поимки разбойниковъ. Распоряженіемъ кубинскаго начальника, подполковника Языкова, была сформирована изъ всадниковъ земской стражи охотничья

команда въ 12 человекъ, подъ начальствомъ удалаго джигита, чиновника при полициі Мирза-Мамедъ-Валиева. Коджа-бекъ собралъ шесть человекъ лихихъ наѣздниковъ, платилъ имъ отъ себя жалованье и давалъ все содержаніе, а Ахмедъ, съ своей стороны, руководилъ охотниками, собранными приставомъ сосѣдняго съ Мюшкерскимъ Кусарскаго участка и съ мая мѣсяца прошлаго года, т. е. сейчасъ послѣ взрыва, началось преслѣдованіе разбойниковъ, настолько энергичное, какого ни сами разбойники, ни жители не запомнятъ. Населеніе все встрепенулось, приняло открыто сторону администраціи, и участь разбойниковъ 7-го сентября была рѣшена. Шихъ-Заде ночью на 7-е сентября послалъ къ одному помѣщику Махмудъ-беку дать знать, что онъ съ шайкой будетъ у него, и чтобы былъ самоваръ и зарѣзавъ баранъ. Махмудъ-бекъ все приготовилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даль знать приставу, Коджа-беку и Валиеву, что разбойники будутъ у него. Ночь была темная и шелъ дождь со свѣгомъ. Въ лѣсу объ эту пору было нехорошо, почему Шихъ-Заде и рѣшилъ остаться у Махмудъ-бека до утра.

Передъ разсвѣтомъ заревѣлъ буйволъ, Махмудъ-бекъ подъ предлогомъ, яе волкъ ли забрался на скотный дворъ, схватилъ ружье и выбѣжалъ во дворъ.

Освободившись, онъ заперъ снаружи всѣ двери въ домѣ. Тутъ же явился приставъ со всадниками, Валиевъ съ охотничьей командой и Коджа-бекъ. Окружили домъ и предложили разбойникамъ сдаться.

Услышавъ голосъ своего врага Коджа-бека, разбойники сдѣлали въ залѣ дѣртыя двери залпъ, но безуспѣшно. Затѣмъ, взломавъ двери, Шихъ-Заде вышелъ на крыльцо, а за нимъ и разбойники, но тутъ же раненый Шихъ-Заде упалъ, разбойники отхлы-

нули назадъ въ домъ, втащивъ туда своего раненаго атамана.

Раненый Шихъ-Заде сълзъ на колѣно и нѣкоторое время еще продолжалъ стрѣлять, но раненый вторично упалъ, и всѣмъ окружающимъ домъ были слышны его предсмертныя слова: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ!» Послѣ этого разбойники, раздѣлившись на двѣ партіи, ожесточенно начали стрѣлять въ окна, въ двери; по показаніямъ свидѣтелей, въ домѣ нашли до 400 гильзъ.

Охотники стояли за деревьями, строеніями, но, не смотря на это, одинъ всадникъ былъ убитъ пулей въ лобъ и два ранены въ правую руку, т. е. въ тѣ части тѣла, которыя только и видны были. Послѣ шестичасовой перестрѣлки Коджа-бекъ влѣзъ на крышу (плоская) дома и предложилъ одно изъ двухъ: сдаться или ихъ обложить соломой, и они будутъ сожжены живыми. Тогда разбойники отдали ружья Коджа-беку въ трубу и вышли во дворъ. Очевидно, послѣ смерти Шихъ-Заде они растерялись и отдались въ руки живыми, что при жизни атамана трудно было допустить.

Такимъ образомъ, населеніе вздохнуло свободно за цѣлыя чуть не двадцать лѣтъ. Военный судъ 19-го февраля, — какъ сообщаютъ «Развѣдчику», — приговорилъ всѣхъ тринадцать къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Какъ характеристику нравовъ туземцевъ, приведемъ послѣднее слово одного разбойника Бала бекъ-Агабека, личнаго врага Коджа-бека: «Я всѣмъ доволенъ: царемъ, который законы писалъ судить насъ; судомъ, который эти законы исполнялъ, — не доволенъ только однимъ нашимъ Богомъ, который поступилъ несправедливо. Коджа-бекъ убилъ брата моего, двухъ родственниковъ, и я теперь долженъ умереть по его же показаніямъ не отмщеный».

Изъ русскихъ журналовъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» продолжается глубоко интересная статья г. Пынина о Ломоносовѣ, къ которой мы вернемся, когда она будет закончена. Теперь же обращаемъ вниманіе читателей на статью г. Шиперовича въ томъ же журналѣ: «Медицинская помощь въ Уральской области». Авторъ безпристрастно рисуетъ намъ картину безпомощности населенія въ медицинскомъ отношеніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учреждений, создавшихъ у себя въ полномъ смыслѣ слова «народную медицинскую организацію».

«Многое, — говоритъ г. Шиперовичъ, — въ моемъ сообщеніи можетъ съ перваго взгляда показаться невѣроятнымъ и преувеличеннымъ, многія страницы могутъ показаться принадлежащими не настоящему времени, а давнымъ-давно прошедшей эпохѣ. Къ сожалѣнію, надо сознаться, однако, что все, представляемое мною въ настоящемъ очеркѣ, есть одна лишь горькая дѣйствительность, цѣпь голыхъ фактовъ, случайно нашедшихъ себѣ незваного свидѣтеля».

Уральская область занимаетъ площадь въ 362.402 квадратныхъ километра, превосходя, такимъ образомъ, своимъ пространствомъ значительныя королевства, въ родѣ Италіи или Пруссіи. Всего населенія въ ней до 560 тысячъ, изъ которыхъ на долю христіанъ приходится только около 118 тысячъ. Раздѣляется христіанское населеніе на казаковъ и «иногороднихъ», мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ-рабочихъ. Общая хозяйственная обстановка болѣе чѣмъ зажиточная, земли много, скота тоже; кромѣ того, богатая рыбная ловля даютъ значительный доходъ. Казакъ-уралецъ самъ не пойдетъ ни пахать, ни косить, ни пасти скотъ. Для этого у него есть всегда наемные рабочіе, русскіе крестьяне либо киргизы. Женщины

не несутъ никакихъ тяжелыхъ работъ, занимаясь домашнимъ хозяйствомъ и руководящимъ. Все почти населеніе поголовно грамотно.

Не смотря на такія условія, смертность населенія изъ году въ годъ возрастаетъ, и всевозможныя заразные болѣзни свили себѣ прочное и постоянное гнѣздо въ Уральской области, что, по мнѣнію автора, зависитъ исключительно отъ плохой постановки врачебно-санитарнаго дѣла въ области.

Всѣхъ врачей въ области 5:1 областной врачъ, постоянно живущій въ г. Уральскѣ, и 4 уѣздныхъ врача, по одному на каждый громадный уѣздъ, — или одинъ врачъ приходится на 93.260 человѣкъ. «Если же исключить областного врача, принужденнаго посвящать все свое время канцелярскимъ занятіямъ, и уѣздныхъ врачей, обреченныхъ на постоянные разъѣзды по своимъ необозримымъ районамъ, для исполненія несомыхъ ими чисто судебныхъ обязанностей, то мы придемъ къ печальному выводу, что въ области собственно врачебной помощи нѣтъ, и что приходится лечить однимъ лишь фельдшерамъ».

Фельдшеровъ на каждую станицу, состоящую изъ 10 или болѣе поселковъ, отстоящихъ другъ отъ друга иногда на разстояніи 30 верстъ, полагается *одинъ*. Фельдшеръ — простой казакъ, по спеціальному образованію стоящій ниже военныхъ ротныхъ фельдшеровъ. Какъ казакъ, онъ занимается своимъ полевымъ хозяйствомъ, скотоводствомъ и рыболовствомъ, и медицинскому дѣлу посвящаетъ свободныя минуты, лѣчить на досугѣ. Можно себѣ представить, что это за лѣченіе! Во время холеры 1892 г. фельдшеръ Чижинской станицы расказывалъ по больнымъ съ 4-мя пузырями (опійная настойка,

капли Иноземцева, капли Боткина, касторовое масло), предлагая ихъ больнымъ на выборъ. На протестъ больныхъ, что они-де въ этомъ дѣлѣ не понимаютъ, что надо принимать, онъ отвѣчалъ: «ничего, братъ, выбери любой—всѣ отъ холеры!»

Аптекъ во всей области двѣ, и тѣ находятся въ г. Уральскѣ. На руки фельдшеровъ отпускается только самое ничтожное количество необходимыхъ препаратовъ, да и то такого качества, которое оставляетъ желать многого. Такъ, автору, по его требованію, была прислана іодоформная марля, въ которой, по его словамъ, «не было признаковъ іодоформа». Вслѣдствіе недостаточности медикаментовъ у фельдшеровъ и отсутствія аптекъ, развилась торговля лѣкарствами по лавочкамъ, гдѣ вы можете всегда найти такія сильныя и опасныя средства, какъ сулема, мышьякъ, іодъ, іодистый и бромистый кали, которыми населеніе, особенно женщины, просто злоупотребляютъ, приписывая имъ самыя странныя свойства, будто «кали» придаетъ красоту и полноту формамъ. Сулема же идетъ на бѣлила, отчего у рѣдкой тридцатилѣтней казачки кожа лица не избѣдена и не синевато-багрового цвѣта. Затѣмъ идутъ всякіе спирты, употребляемые населеніемъ совсѣмъ не ради лѣченія.

Въ виду недостаточности медицинской помощи, лѣченіемъ, можно сказать, не занимается только лѣнивый: и ветеринары, и коновалы, и фельдшерскія жены, и лавочники, и кабатчики. Есть и профессионалисты, снискивающіе себѣ этимъ славу и обильное пропитаніе. Это — знахари, киргизы, бабы-повитухи, и т. п. «умственные люди». Смертность новорожденныхъ громадна. Оспа не прививается у большей части дѣтей, отчасти потому, что почти все населеніе — раскольническое, а отчасти потому, что фельдшера, которымъ довѣрена эта операція, дѣлаютъ ее съ

пьяныхъ глазъ крайне неловко, грязно, небрежно, заражая дѣтей и прививая имъ подчасъ не оспу, а нѣчто похуже, что отбиваетъ у населенія всякую охоту обращаться къ нимъ за помощью.

Борьба съ эпидемическими заболѣваніями ведется въ области только номинально, на бумагѣ, т.-е. вовсе не ведется. Да и вести ее почти невозможно, за отсутствіемъ въ краѣ больницъ, куда можно было бы уединять заразныхъ больныхъ. На всю область существуетъ только одна больница въ г. Уральскѣ. Поэтому, заразные болѣзни ежегодно разгуливаютъ по области, унося тысячи жертвъ. Единственная дезинфекція, употребляемая здѣсь, состоитъ въ сжиганіи на черепкѣ кусочковъ сѣры («обжуриваніе»). Другихъ дезинфекціонныхъ средствъ въ распоряженіи фельдшеровъ не имѣется. Да это, пожалуй, къ лучшему, такъ какъ въ рукахъ невѣжественныхъ фельдшеровъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ развитія съ массой населенія, эти средства принесли бы больше вреда, чѣмъ пользы. Во время холеры, за исключеніемъ одного лишь Уральска, нигдѣ во всей области не было построено ни бараконъ, ни больницъ, не было поставлено даже на случай надобности киргизскихъ кибитокъ.

Въ области нѣтъ, между прочимъ, помѣщенія для душевнобольныхъ, которые, поэтому, или остаются на свободѣ, или этапнымъ порядкомъ препровождаются съ мѣста на мѣсто, изъ одного станичнаго управленія въ другое.

«Изъ этого краткаго очерка,—заканчиваетъ авторъ,—можно видѣть, въ какомъ печальномъ положеніи находится врачебно-санитарная часть въ области, и какъ мы далеки еще отъ мысли, что однимъ изъ залоговъ могущества и экономического благосостоянія страны служить здоровое и крѣпкое населеніе!»

А вѣдь въ такомъ, какъ только что описанное, положеніи находились почти всѣ мѣстности Россіи до введенія земскихъ учреждений. Въ уѣздахъ и деревняхъ вовсе не было медицинской помощи, а въ губернскихъ городахъ существовали больницы, находившіяся въ завѣдываніи приснопамят-

ныхъ приказовъ общественнаго приарѣнія, которыми управлялъ знаменитый Земляника, съ его классическимъ правиломъ лѣченія: «больной человекъ если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ».

За границей.

Бисмаркъ на судъ европейскаго общественнаго мнѣнія. Нѣмецкій журналъ «Gegenwart» обратился къ разнымъ нѣмецкимъ и иностраннымъ писателямъ и ученымъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе о Бисмаркѣ. Такого рода обращенія въ большомъ ходу въ европейской печати, и журналы и газеты часто по поводу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ устраиваютъ подобные спеціальныя плебисциты. Въ данномъ случаѣ плебисцитъ, устроенный нѣмецкимъ журналомъ, является вполне своевременнымъ. Бисмаркъ только что отпраздновалъ 80-ти-лѣтнюю годовщину своего дня рожденія. Празднованіе было необыкновенно торжественнымъ и явилось настоящимъ апофеозомъ Бисмарка. Въ силу особенныхъ условий политическаго положенія Германіи, чествованіе Бисмарка приняло характеръ грандіозной демонстраціи. Насильственно удаленный съ политической сцены, Бисмаркъ, тѣмъ не менѣе, не оставался безучастнымъ зрителемъ политическихъ событій. Вокругъ него группировались всѣ недоброжелательные «новымъ курсомъ», и онъ сдѣлался сердцемъ и душою оппозиціи, причиняя не мало непріятностей германскому правительству своими рѣчами и статьями въ своихъ «рептіяхъ» — газетахъ, получающихъ отъ него субсидіи. Но въ послѣднее время произошла внезапная перемѣна въ отношеніяхъ германскаго императора и правительства къ Бисмарку. Желая измѣнить направленіе своей

политики и вернуться къ прежнему режиму, молодой германскій монархъ счелъ нужнымъ не только примириться съ Бисмаркомъ, но и особенно подчеркнуть свое преклоненіе передъ нимъ, какъ передъ олицетвореніемъ стараго режима. Такимъ образомъ положеніе сразу измѣнилось; въ оппозиціи правительству оказался уже не Бисмаркъ со своими восторженными поклонниками и сторонниками, а народные представители въ рейхстагѣ, отказавшіеся вотировать чествованіе Бисмарка отъ имени германскаго народа въ лицѣ его представителей въ парламентѣ. Въ силу названныхъ условий, многіе германскіе ученые и писатели очутились въ довольно щекотливомъ положеніи, вслѣдствіе обращенія къ нимъ нѣмецкаго журнала. Не даромъ извѣстный нѣмецкій романистъ Шпильгагенъ сказалъ, что нѣмецкимъ писателямъ легче высказать свое мнѣніе о чемъ угодно, о религіи, идеѣ братства и т. д. нежели о Бисмаркѣ! Осложняющимъ обстоятельствомъ является еще и то, что въ Бисмаркѣ воплощается идея нѣмецкаго патриотизма, онъ считается творцомъ германскаго единства, олицетвореніемъ величія Германіи. Можетъ ли поэтому хорошій нѣмецъ, не рискуя прослыть врагомъ отечества, не восхищаться Бисмаркомъ?

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что мнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, отозвавшихся на приглашеніе «Gegenwart», представляютъ

рядъ димрамбовъ по адресу Бисмарка. Приводить ихъ, поэтому, нѣтъ надобности. Но такъ велико еще обаяніе силы и могущества, окружавшихъ нѣкогда желѣзнаго канцлера, что даже многіе изъ иностранцевъ не въ состояніи освободиться изъ подъ вліянія этого обаянія и взглянуть безпристрастнымъ окомъ на дѣятельность Бисмарка, создавшую ему тотъ пьедесталъ, на которомъ онъ такъ гордо возвышается. Блескъ славы Бисмарка до сихъ поръ еще дѣйствуетъ ослѣпляющимъ образомъ и мѣшаетъ разглядѣть, изъ чего сдѣланъ вѣнецъ, которымъ увѣнчана глава великаго государственнаго человѣка Германіи. Этимъ, конечно, объясняется тотъ фактъ, что лишь немногіе изъ иностранцевъ рѣшились высказать такое мнѣніе о Бисмаркѣ, которое вноситъ диссонансъ въ общій хоръ голосовъ, восхваляющихъ его. Разумѣется, можно было ожидать, что главный контингентъ смѣлыхъ и строгихъ судей Бисмарка составятъ французы, но большинство французскихъ писателей и ученыхъ, къ которымъ обратилась редакція нѣмецкаго журнала, воздержались, въ силу особеннаго чувства деликатности, высказывать свое мнѣніе о Бисмаркѣ въ такой моментъ, когда чуть ли не во всѣхъ нѣмцы на свѣтѣ, во всѣхъ уголкахъ земного шара, охваченные чувствомъ «нѣмецкаго» патриотизма, спѣшатъ поклониться человѣку, бывшему для нихъ олицетвореніемъ этой идеи. Замѣчательно, что три французскихъ писателя, Додэ, Вогюэ и Анатоль Леруа-Больё, отозвавшіеся на призывъ «Gegenwart», прибѣгли къ латинскому языку (къ которому, какъ замѣчаютъ одинъ французскій журналъ, прибѣгаютъ обыкновенно въ особенно затруднительныхъ случаяхъ) для выраженія своего мнѣнія о Бисмаркѣ. Додэ говоритъ: «Ненавижу и люблю. Если спросить меня почему? Не знаю». Вогюэ высказываетъ мнѣніе, что девизомъ всей жизни

Бисмарка можетъ быть слѣдующее изреченіе, находящееся въ гербѣ одного стариннаго дома въ Магдебургѣ: «И въ счастьѣ не забывай о судьбѣ».

Анатоль Леруа-Больё выражается гораздо опредѣленнѣе. Онъ говоритъ, что главною характеристичною чертою всей политики Бисмарка было презрѣніе права. Идея права никогда ни передъ чѣмъ не останавливала Бисмарка. «Кромѣ того,—прибавляетъ французскій писатель,—политика Бисмарка лишена всякихъ принциповъ; она основывается на силѣ и управляется исключительно интересами, и это-то мѣшаетъ намъ восхищаться имъ такъ, какъ того заслуживаетъ его гений».

Изъ другихъ иностранцевъ, высказавшихъ довольно нелюбезныя сужденія о Бисмаркѣ, заслуживаютъ вниманія: Ломброзо, проводящій параллель между Гладстономъ, Бавуромъ и Бисмаркомъ и заявляющій, что человѣчество всегда будетъ на сторонѣ Бавура и Гладстона; знаменитый итальянскій романистъ Фогаццаро, находящій, что «мелочной патриотизмъ, подчиняющій все интересамъ минуты, носить самъ въ себѣ зародыши смерти... Таковъ именно патриотизмъ Бисмарка»; польскій писатель Сенкевичъ, говорящій, что «Бисмаркъ не изъ тѣхъ людей, которые являются творцами идей и приносятъ ихъ въ даръ человечеству. Политикъ практикъ,—прибавляетъ Сенкевичъ,—убилъ въ Бисмаркѣ великаго человѣка. Бисмаркъ знаетъ только одинъ культъ—культъ силы. Чѣмъ болѣе разрослось дѣло Бисмарка, чѣмъ болѣе торжествовала его сила, тѣмъ болѣе онъ становился неспособнымъ понимать, что сила должна обладать душой, нравственной и чистой, и что безъ этой души вся его дѣятельность принесетъ только вредъ германской цивилизаціи».

Сенкевичъ полагаетъ, что Германіи нельзя будетъ идти въ будущемъ по слѣдамъ Бисмарка.

Гербертъ Спенсеръ находитъ, что Бисмаркъ достаточно уже прославленъ. Впрочемъ, прибавляетъ онъ, я не думалъ о немъ опредѣленнымъ образомъ.

Георгъ Брандесъ говоритъ: «Да, Бисмаркъ представляетъ счастье Германіи, хотя его и нельзя назвать благодѣтелемъ человѣчества. Для Германіи онъ составляетъ то же, что составляютъ очки для человѣка, страдающаго слабостью зрѣнія. Конечно, для этого человѣка большое счастье, что у него есть очки, но въ то же время большое несчастье, что онъ въ нихъ нуждается!»

Таковы нѣкоторыя смѣлыя сужденія о Бисмаркѣ, и если прибавить къ нимъ еще мысли, высказываемыя оппозиціонною нѣмецкою печатью и серьезными иностранными органами печати, а также манифестацію большинства въ германскомъ парламентѣ, высказавшагося противъ апофеоза Бисмарка, то получится впечатлѣніе, что культъ силы не совсѣмъ еще заглушилъ идею права и справедливости не только въ Европѣ, но и въ самой Германіи.

Негры въ Америкѣ. Прошло уже болѣе 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ несчастные чернокожіе, оторванные отъ своей родной почвы и насильственно завезенные въ Америку, были объявлены свободными и надѣлены политическими и гражданскими правами. До этого времени на нихъ смотрѣли не какъ на людей, а какъ на вьючныхъ животныхъ, и уничтожить такой взглядъ было не легко. Много было пролито крови прежде, чѣмъ удалось разрѣшить негритяскій вопросъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ и уничтожить рабство, лежавшее темнымъ пятномъ на американской цивилизаціи. Но лучшіе люди въ Америкѣ, стремившіеся къ уравниенію чернокожихъ съ прочими американскими гражданами, къ уничтоженію пред-

разсудка, заставлявшаго смотрѣть на негровъ, какъ на низшія существа, и мечтавшіе, путемъ уничтоженія рабства, добиться прекращенія расовой розни, должны испытывать тяжелое чувство разочарованія и возмущенія при видѣ того, какъ разростается съ каждымъ годомъ расовая вражда и какими она выражается возмутительными фактами преслѣдованій и насилій, жертвою которыхъ являются негры. Бѣлые все-таки, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, смотрятъ на негровъ съ предубѣжденіемъ, и хотя положеніе негровъ во многихъ отношеніяхъ улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ они стали свободными, но нитъ и теперь живется не легко, такъ какъ на нихъ продолжаютъ смотрѣть, какъ на отверженное племя, малѣйшее соприкосновеніе съ которымъ составляетъ позоръ для бѣлаго. Разумѣется, такое отношеніе выражается всего сильнѣе въ южныхъ штатахъ, но и въ сѣверныхъ, тѣхъ самыхъ штатахъ, которые нѣкогда были очагомъ антиневольничьяго движенія, общество, да и самые законы, далеко не снисходительно относятся къ неграмъ. Такъ, напримѣръ, почти во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ запрещены браки между бѣлыми и чернокожими. Въ Массачузетсѣ, который нѣкогда такъ горячо возставалъ противъ рабства, чернокожимъ разрѣшается занимать лишь должности, считающіяся бѣлыми унижительными. Въ Бостонѣ, гдѣ пропаганда противъ невольничества была такъ энергична, владѣльцы модныхъ магазиновъ не рѣшаются брать чернокожихъ приказчиковъ и продавщицъ, изъ боязни потерять своихъ кліентовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ негры составляютъ отдѣльные военные отряды, подъ командою бѣлыхъ офицеровъ. На многихъ желѣзныхъ дорогахъ для негровъ существуютъ отдѣльные вагоны. Въ южныхъ штатахъ дѣти чернокожихъ не имѣютъ права посѣщать школы бѣ-

лыхъ. Въ Алабамѣ чернокожіе не допускаются въ общественныя библіотеки, а въ театрахъ они могутъ занимать только самыя послѣднія мѣста. Трикомъ, въ своихъ статьяхъ о положеніи негровъ, напечатанныхъ въ «Journal des Economistes», рассказываетъ слѣдующій фактъ, указывающій, какъ глубоко коренится расовая рознь. Въ Бруклинѣ ветераны, участвовавшіе въ войнѣ за освобожденіе, праздновали годовщину этой войны, и негры, нѣкогда сражавшіеся рядомъ съ ними не были допущены на эти празднества, такъ какъ бѣлые находили невозможнымъ сидѣть рядомъ съ чернокожими, хотя это и были ихъ прежніе собратья по оружію.

И такъ, спустя тридцать лѣтъ послѣ смерти Линкольна, погибшаго за дѣло освобожденія и уравнинія правъ чернокожихъ, эти послѣдніе все-таки остаются отверженными въ обществѣ бѣлыхъ. Законъ, напримѣръ, не запрещаетъ неграмъ добиваться ученыхъ степеней, быть докторами, адвокатами, священниками, но кліентами ихъ будутъ только негры, такъ какъ бѣлые считаютъ унижительнымъ для себя обращаться за помощью или совѣтомъ къ негру. Но если такъ относятся къ неграмъ образованные люди, то чего же можно ожидать отъ народныхъ массъ, въ глазахъ которыхъ негры, благодаря цвѣту своей кожи, представляются существами низшими, не имѣющими ничего общаго съ остальными людьми. Народъ возмущается, что они требуютъ для себя равныхъ правъ съ бѣлыми, и когда въ конкуренціи съ ними негры одерживаютъ верхъ, то это вызываетъ страшное негодованіе и нерѣдко бываетъ причиною возмутительныхъ насилій. Негры и сами понимаютъ, что, несмотря на всѣ ихъ успѣхи въ области культурной и умственной жизни, на нихъ еще долго будутъ смотрѣть, какъ на существа низшей породы. Поэтому многимъ изъ представителей негритян-

ской интеллигенціи въ Америкѣ приходится на мысль, что не лучше ли имъ покинуть Америку и образовать гдѣ-нибудь на берегахъ Африки самостоятельное государство. Это мнѣніе раздѣляютъ даже многіе изъ американцевъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ ими руководитъ до извѣстной степени чувство страха, что очень быстро размножающаяся черная раса, въ концѣ концовъ, окажется численно преобладающимъ элементомъ, особенно въ южныхъ штатахъ. Въ американской печати не разъ уже подымался вопросъ о поголовномъ выселеніи негровъ. Боязнь возможнаго преобладанія негровъ заставляетъ даже культурныхъ американцевъ забывать всякое чувство справедливости по отношенію къ своимъ чернокожимъ собратьямъ, и побуждаетъ ихъ къ преслѣдованію негровъ съ подчасъ возмутительною и ничѣмъ не мотивированною жестокостію. Негритянской вопросъ по истинѣ составляетъ темное пятно американской цивилизаціи. Но къ чести американскаго общества слѣдуетъ сказать, что въ немъ обнаруживается въ настоящее время довольно сильное движеніе въ пользу негровъ. Образовалось цѣлое общество, во главѣ котораго стоитъ женщина, миссъ Ила Уэлльсъ, для борьбы съ преслѣдованіемъ негровъ, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось. Надо надѣяться, что эта реакція противъ жестокаго отношенія къ неграмъ приметъ широкіе размѣры, такъ какъ пропаганда общества ведется очень энергично, и на сторонѣ его находится сочувствіе всѣхъ лучшихъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ. Всего труднѣе, конечно, будетъ побѣдить расовое предубѣжденіе, но несомнѣнно, что и оно исчезнетъ, когда идеи гуманности и чувство общечеловѣческой солидарности глубже проникнутъ въ сознаніе людей.

Негры, между тѣмъ, доказали вполне свою способность къ прогрессу и

высшей культурѣ, и, несмотря на все притѣсненія, внесли свою, и притомъ не малую, лепту въ область умственной жизни страны. Тридцать лѣтъ свободы не пропали для нихъ даромъ. Прежнее поколѣніе рабовъ смѣнилось новымъ поколѣніемъ, выросшимъ уже при совершенно другихъ условіяхъ, болѣе благоприятствующихъ развитію умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Новое поколѣніе негровъ уже не питаетъ къ бѣлымъ той озлобленной ненависти, какую питало прежнее. Въ лучшихъ представителяхъ новаго поколѣнія уже исчезли совершенно слѣды того гнета, который тяготѣлъ надъ неграми въ теченіи столѣтій вѣковъ. Конечно, этого нельзя сказать о всей массѣ негритянскаго населенія, но, какъ бы тамъ ни было, негры все-таки доказали, что они способны быть полезными членами общества и честными работниками и гражданами. Въ научной области негры также уже успѣли зарекомендовать себя; нѣкоторые изъ ученыхъ негровъ пользуются даже извѣстностью за предѣлами Америки, напр., астрономъ Веньяминъ Боннекеръ, труды котораго цѣнятся высоко въ ученномъ мірѣ. Въ области искусства негры также имѣютъ своихъ представителей, пользующихся репутаціей перво-классныхъ художниковъ. Среди негровъ встрѣчаются также очень блестящіе ораторы. Въ журналистикѣ негры занимаютъ довольно видное положеніе; въ ихъ рукахъ находится до 200 газетъ и журналовъ, изъ которыхъ 60 издаются, редактируются и набираются неграми. Нѣкоторые изъ газетъ, издаваемыхъ неграми, пользуются вліяніемъ и имѣютъ обширный кругъ читателей. Негры-работчие и негры-ремесленники во многихъ случаяхъ берутъ верхъ надъ бѣлыми. Однимъ словомъ, нѣтъ такой области въ настоящее время, въ которой негры не заявили себя способными работниками. Въ дѣлѣ народнаго образо-

ванія негры также сдѣлали не мало; въ ихъ школахъ преподаваніе ведется не хуже, чѣмъ въ школахъ для бѣлыхъ. Правда, высшихъ школъ у нихъ еще не такъ много, но, во всякомъ случаѣ, негры обнаружили несомнѣнное стремленіе къ образованію, и число безграмотныхъ среди негритянскаго населенія уменьшается съ каждымъ годомъ. Изъ высшихъ школъ, устроенныхъ исключительно для негровъ, первое мѣсто занимаютъ: нормальная школа въ Новомъ Орлеанѣ, ежегодно выпускающая до 500 учителей, и земледѣльческій институтъ въ Гамптонѣ, въ штатѣ Віржінія.

Соціально-экономическій музей. Въ Парижѣ состоялось недавно торжественное открытіе музея соціальной экономіи, основаннаго по инициативѣ профессоровъ и экономистовъ Андре Лиссо, Эспинаса, Шессона и организатора каедры соціальной экономіи, графа Шамбрена, щедрости котораго музей, главнымъ образомъ, обязанъ своимъ существованіемъ.

Въ своей рѣчи на миланскомъ конгрессѣ Шессонъ изложилъ идею новаго полезнаго учрежденія, названнаго имъ «Musée social», и прибавилъ: «Мы помѣстимъ въ этомъ музей всѣ тѣ инструменты и приборы, цѣль которыхъ предупреждать несчастные случаи на фабрикахъ, рудникахъ и заводахъ; мы будемъ изучать въ этомъ музей всѣ вопросы, касающіеся рабочихъ, мы учредимъ тамъ бюро консультаций, куда могутъ обращаться хозяева, желающіе ввести у себя какія-нибудь улучшенія, касающіяся быта рабочихъ, и гдѣ они могутъ найти образцы контрактовъ, планы устройства вспомогательныхъ кассъ и др. учреждений, направленныхъ къ обезпеченію и облегченію участи рабочихъ».

На выставкѣ 1889 года была устроена отдѣльная секція соціальной экономіи, въ которой было собрано все,

что относится къ вопросам коопераціи, взаимопомощи, предусмотрительности и участія рабочихъ въ прибыли, а также къ устройству дешевыхъ жилищъ для рабочихъ и народнаго кредита и все, что можетъ содѣйствовать нравственному и матеріальному улучшенію рабочихъ, такъ какъ все это входитъ въ область той отрасли политической экономіи, для которой были учреждены отдѣльныя кафедры при парижскихъ факультетахъ. По окончаніи выставки, собранные съ такимъ тщаніемъ документы по отдѣлу социальной экономіи были пожертвованы экспонентами государству, которое и предполагало воспользоваться ими съ цѣлью учрежденія музея социальной экономіи, справедливо рассуждая, что изученіе всѣхъ этихъ документовъ можетъ быть не только полезнымъ подспорьемъ при занятіяхъ этою наукой, но и дать возможность сдѣлать практическіе выводы, примѣненіе которыхъ принесетъ пользу самому государству.

Несмотря, однако, на такія благія намѣренія государственныхъ дѣателей, музей все-таки не открывался и, быть можетъ, не открылся бы совсѣмъ, если бы не частная инициатива. Графъ Шамбрень предоставилъ въ распоряженіе музея цѣлый отель и для обезпеченія его существованія внесъ 200.000 франковъ, прибавивъ ежегодную ренту въ 100.000 фр. Такимъ образомъ, всѣ препятствія къ устройству музея были устранены, и онъ былъ открытъ для посѣтителей, интересующихся вопросами социальной экономіи.

Музей помѣщается въ такомъ кварталѣ (rue Las Cases № 5), гдѣ городской шумъ не будетъ мѣшать занятіямъ. Административный совѣтъ музея состоитъ изъ бывшаго министра, депутата Зигфрида; Шарля Роберта, президента Общества въ пользу участія рабочихъ въ прибыли (Société pour la participation aux bénéfices); инженера Шессона; Пико, президента

Общества дешевыхъ жилищъ для рабочихъ; Бутини, директора школы нравственныхъ и политическихъ наукъ (École des sciences morales et politiques); Альберта Жюго, бывшаго префекта полиціи, и Грюнера. Всѣ эти лица были указаны самимъ основателемъ музея, графомъ Шамбреномъ.

Музей въ настоящее время состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: постоянной выставки всѣхъ предметовъ и документовъ, относящихся къ социальной экономіи; библіотеки и комнаты для занятій; отдѣла свѣдѣній и всякаго рода консультаций, относящихся къ социальной экономіи, и отдѣла конференцій и публичныхъ чтеній. Кроме того, при музее учреждены коммиссіи со специальною цѣлью производить разслѣдованія въ области социальной экономіи, какъ во Франціи, такъ и за границей; имѣется въ виду также популяризація и распространеніе свѣдѣній по социальной экономіи, путемъ періодическихъ изданій и популярныхъ брошюръ. Въ статутѣ музея находится также параграфъ, касающійся учрежденія конкурсовъ и наградъ.

Изъ этого краткаго перечня отдѣловъ видно уже, какія цѣли преслѣдуетъ музей. До сихъ поръ во Франціи существовало только одно Общество—«Общество дешевыхъ жилищъ», куда могъ обратиться за справками каждый, желающій устроить дешевыя и удобныя помѣщенія для рабочихъ. Общество снабжало его планами, доставляло ему всѣ необходимыя техническія и др. свѣдѣнія, въ которыхъ онъ нуждался, и все это, разумѣется, безвозмездно. Теперь новый музей будетъ также безвозмездно снабжать свѣдѣніями и компетентными указаніями и совѣтами cadaго, обращающагося къ нему, но эти свѣдѣнія и указанія будутъ захватывать гораздо болѣе широкую область и будутъ опираться, главнымъ образомъ, на данныя, полученные путемъ сравнительнаго опыта.

Симпатичная идея, заложенная въ основу этого музея, привлекла къ нему сочувствіе общества. Французская печать почти всѣхъ отѣнковъ горячо привѣтствовала открытіе этого учрежденія, и торжество открытія было особенно блестящимъ. Всѣ выдающіеся государственные дѣятели, экономисты, ученые, публицисты присутствовали на церемоніи открытія. Къ сожалѣнію, великодушный основатель музея, такъ много сдѣлавшій для его устройства, графъ Шамбрень, не могъ участвовать въ торжествѣ, такъ какъ въ это время находился въ Ниццѣ, гдѣ его удерживало состояніе его здоровья.

Музей открытъ; теперь надо ждать результатовъ его дѣятельности и, безъ сомнѣнія, они не замедлятъ обнаружиться, если общество и печать придутъ къ нему на помощь. Быть можетъ, путемъ распространенія свѣдѣній по соціальной экономіи удастся сдѣлать многое для облегченія участи рабочихъ классовъ и урегулированія и улучшенія отношеній, существующихъ между хозяевами и рабочими.

Воспитаніе женщинъ въ Нидерландахъ. Женское движеніе народилось въ Нидерландахъ не болѣе трехъ - четырехъ лѣтъ тому назадъ, но, пожалуй, ни въ одной странѣ въ мірѣ это движеніе не сдѣлало такихъ быстрыхъ успѣховъ и въ такой короткій промежутокъ времени, какъ въ Бельгіи и Голландіи. Заимствуемъ слѣдующія данныя изъ статьи Луи Франка въ «*Indépendance Belge*», посвященной этому предмету.

Въ 1892 году впервые состоялось собраніе голландскихъ женщинъ, съ цѣлью обсужденія вопросовъ, касающихся правъ женщины. Можно было предвидѣть, что этотъ первый толчокъ къ организаціи женскаго движенія не останется безъ результата, и пропаганда равноправія женщины распространится очень быстро, благодаря

существующей въ Голландіи воспитательной системы. Въ Нидерландахъ, въ большинствѣ школъ, введено совмѣстное воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ первоначальныхъ школахъ мальчики и дѣвочки воспитываются вмѣстѣ, начиная съ шестилѣтняго возраста до двѣнадцати и четырнадцати лѣтъ. Въ младшихъ классахъ преподаютъ, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ, учительницы. Никакого неудобства отъ этой системы совмѣстнаго воспитанія до сихъ поръ не обнаружено, и, наоборотъ, констатированы ея хорошія стороны, такъ какъ мальчики и дѣвочки, съ малыхъ лѣтъ, пріучаются къ товарищескимъ отношеніямъ и научаются относиться другъ къ другу, какъ равный къ равному. Въ Голландіи пока еще не существуетъ закона обязательнаго обученія, но, тѣмъ не менѣе, почти всѣ дѣти посѣщаютъ первоначальныя школы. Въ странѣ существуютъ въ настоящее время 4.324 первоначальныхъ школъ, посѣщаемыхъ 348.873 мальчиками и 323.415 дѣвочками. Учебный персоналъ этихъ школъ состоитъ изъ 12.019 учителей и 4.571 учительницы. Но до сихъ поръ еще, несмотря на существующій законъ, государство не открыло ни одной нормальной школы для образованія учительницъ, хотя для учителей давно уже открыто шесть такихъ школъ. Общины, однако, пополнили этотъ пробѣлъ. Въ Амстердамѣ и Лейденѣ учреждены совмѣстные нормальные школы для учителей и учительницъ, въ Гронингѣ же существуетъ отдѣльная школа для учительницъ. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ организованы нормальные курсы какъ для учителей, такъ и для учительницъ.

Сторонники женскаго движенія настаиваютъ на томъ, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитаніе было совмѣстнымъ, чтобы программа женскаго воспитанія ничѣмъ не отличалась отъ программы мужскихъ

школь. Въ Голландіи существуетъ 29 гимназій, изъ которыхъ только четыре не получаютъ субсидій отъ правительства. Всѣ эти гимназіи учреждены общинами, которымъ предоставлено право рѣшать, ввести ли въ нихъ совмѣстное обученіе или нѣтъ. Въ Амстердамѣ и Роттердамѣ мальчики и дѣвочки вмѣстѣ посѣщаютъ гимназію, и вездѣ между ними существуютъ самыя хорошія товарищескія отношенія. Единственная шалость, которую позволяютъ себѣ гимназисты по отношенію къ своимъ товарищамъ женскаго пола, заключается въ томъ, что они даютъ имъ мужскія прозвища.

Четыре нидерландскихъ университета открыты для женщинъ. Съ 1890 по 1894 годъ 118 женщинъ записались на слушаніе лекцій въ знаменитомъ Утрехтскомъ университетѣ. Въ 1894 году были приняты въ число студентовъ 55 дѣвушекъ: 13 въ Гронингъ, 16 въ Утрехтъ, 11 въ Лейденъ и 15 въ Амстердамѣ.

Въ Голландіи практикуютъ въ настоящее время четыре женщины доктора медицины: Алетта Жакобсъ, блестяще окончившая курсъ въ Гронингѣ въ 1879 г., г-жа Саоръ, пользующаяся славою превосходнаго окулиста, г-жа Туменброкъ, считающаяся первымъ гинекологомъ въ Амстердамѣ, и Юганна Спрюйтъ. Масса женщинъ занимаются въ аптекахъ въ качествѣ фармацевтовъ, но почему-то до сихъ поръ еще ни одна женщина не открыла своей аптеки, несмотря на имѣющіяся у нихъ права. Нѣкоторыя изъ женщинъ, имѣющія дипломы фармацевтовъ, завѣдуютъ аптеками въ госпиталяхъ.

Множество женщинъ занимаютъ должности на желѣзныхъ дорогахъ, почтовыхъ и телеграфныхъ управленіяхъ. Въ 1893 году было окончательно установлено, что треть служащихъ въ почтовомъ и телеграфномъ вѣдомствѣ должны быть женщины.

Повсюду въ Голландіи разбросаны

женскія ассоціаціи, организованныя съ цѣлью пропаганды женскихъ правъ. Въ прошломъ году основана женская ассоціація въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ, имѣющая два отдѣленія, одно въ Амстердамѣ, другое въ Роттердамѣ. Эта ассоціація насчитываетъ въ настоящее время 300 членовъ. Большинство органовъ печати относится съ сочувствіемъ къ женскому движенію; въ газетахъ то и дѣло появляются статьи, обсуждающія ту или другую сторону женскаго вопроса и притомъ въ духѣ, благопріятномъ для женщинъ. Кромѣ того, женскія ассоціаціи имѣютъ свои органы печати; такихъ органовъ въ настоящее время четыре: «Evolutie», ежедневная газета, издаваемая и редактируемая съ большимъ искусствомъ г-жами Дрюкеръ и Шукъ Гаверъ; «Huisvuouw», основанная либерально-консервативною партіей; «Huismaeder»—органъ либерально-религіозной партіи, выходящій въ Роттердамѣ, и «Het Vredig Thuis», основанный недавно и пока еще не имѣющій особеннаго значенія.

Въ Амстердамѣ организованъ комитетъ, цѣль котораго—содѣйствовать всѣми средствами улучшенію положенія женщины. Предсѣдателемъ комитета состоитъ женщина, г-жа Ботъ Бемперъ, но членами его состоятъ и мужчины, профессора, сенаторы и депутаты и т. д. Вообще, среди депутатовъ существуетъ не мало сторонниковъ женскаго движенія. Бывшій первый министръ Ванъ Хутенъ былъ горячимъ сторонникомъ правъ женщины. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ палатѣ депутатовъ онъ говорилъ о необходимости реформъ въ пользу женщинъ. «Подчиненное положеніе, въ которомъ находится мать и жена,—сказалъ онъ,—является причиною многихъ бѣдствій въ обществѣ. Нужны серьезныя реформы и основательный пересмотръ законовъ для уничтоженія этого зла».

Бывшій министръ постоянно указывалъ на то, что нельзя относиться легко къ такимъ вопросамъ, которые касаются положенія женщины въ государствѣ. Степень культурности государства, говорилъ онъ, всегда опредѣляется тѣмъ положеніемъ, которое въ немъ занимаютъ женщины, и отношеніемъ къ нимъ. Въ высшемъ голландскомъ обществѣ женское движеніе очень распространено, и это тѣмъ болѣе характерно, что всего лишь два года тому назадъ, въ томъ же самомъ обществѣ, тѣхъ женщинъ, которыя проповѣдывали идеи равноправности, называли «торговками». Теперь эти самыя идеи имѣютъ многочисленныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ и сторонницъ въ голландской аристократіи, и такая быстрая эволюція, конечно, очень знаменательна.

Психологическія особенности нѣкоторыхъ писателей. Въ «Archives d'anthropologie criminelle» напечатаны отвѣты нѣкоторыхъ французскихъ писателей на вопросы, касающіеся ихъ духовной жизни, предложенные имъ лионскимъ обществомъ судебной медицины. Альфонсъ Додэ сообщилъ о себѣ слѣдующее: «Я близорукъ съ дѣтства, ношу очки № 2¹/₂ или 3, но это не мѣшаетъ мнѣ имѣть прекрасную зрительную память. Я превосходно запоминаю мѣстность и расположение предметовъ и въ музеяхъ, даже черезъ десять лѣтъ, припоминаю прежде размѣщеніе картинъ и мысленно начинаю передвигать старыя картины на тѣ мѣста, которыя заняты теперь новыми. Слухъ у меня превосходный, какъ у слѣпого, и уши выполняютъ мнѣ недостатки зрѣнія. Слуховая память у меня также хороша, но отличается непроизвольностью и непостоянствомъ. Мнѣ припоминается музыкальная фраза или аккордъ, когда я о нихъ не думаю, если же я стараюсь ихъ припомнить, то ничего не выходитъ. Если мнѣ

надо вспомнить какое-нибудь прежнее настроеніе, обстановку и всё обстоятельство, уже изгладившіяся изъ памяти за давностью времени, то я стараюсь припомнить мотивъ, который нагѣвалъ въ тѣ времена, и если мнѣ это удастся, то предо мною возстанавляется все прошлое. Въ моемъ умѣ никогда не укладывались отвлеченныя понятія: безконечность, вѣчность, совершенство; я не могу ихъ себѣ представить... Привычка наблюдать у меня развилась съ самаго дѣтства и, благодаря этой привычкѣ, у меня образовалась способность даже къ собственнымъ дѣйствіямъ относиться какъ наблюдатель. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я употребляю наркотическія средства, чтобы спать. Прежде я постоянно видѣлъ сны и особенностью ихъ было то, что всё мои сновидѣнія представлялись мнѣ озаглавленными. Эта странность объясняется тѣмъ, что постоянно моею заботой въ то время было прискиваніе красивыхъ заглавій для моихъ еженедѣльныхъ разсказовъ».

Додэ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай; иллюстрирующій значеніе музыкальной памяти. Будучи молодымъ, онъ путешествовалъ по Германіи съ однимъ пріателемъ, который совершенно не зналъ по нѣмецки, и Додэ, какъ ни старался, не могъ заставить его выучить даже обыкновенныхъ словъ. И вотъ ему пришла въ голову блестящая мысль составить изъ обыкновенныхъ нѣмецкихъ фразъ, напримѣръ: «Ich will essen. Ich will Bier trinken» и т. п. цѣлую арію на какой-нибудь популярный мотивъ. Такъ какъ у пріателя Додэ былъ прекрасный музыкальный слухъ, то онъ очень легко запомнилъ, при помощи мелодіи, нѣмецкія фразы, которыя и пѣлъ нѣмцамъ, къ ихъ величайшему изумленію.

Затѣмъ Золя сообщилъ о себѣ, что онъ обладаетъ превосходною памятью и всегда зналъ очень хорошо

свои уроки, хотя учился не особенно усердно, а лишь настолько, насколько это было необходимо. Онъ повторялъ въ постели выученные уроки и на другой день зналъ ихъ слово въ слово. Но изъ памяти его также быстро все исчезало, какъ быстро усвоивалось. Свою способность памяти Золя сравниваетъ съ губкой, которая также быстро выпускаетъ изъ себя свое содержимое, какъ быстро всасываетъ, или съ рѣкой, воды которой все уносятся, теряясь сами въ песчаной отмели. Впрочемъ, способность запоминанія, по словамъ Золя, вполне зависитъ отъ его желанія. Онъ обладаетъ хорошо зрительною памятью, но если глядѣть безъ желанія запомнить, то все забывается само собой. Онъ легко запоминаетъ всѣ подробности, нужныя ему для задуманнаго романа. «Моя память громадна, чудодѣйственна и она меня просто стѣсняетъ,—говоритъ Золя.— Когда я припоминаю какой-нибудь видѣнный мною предметъ, то онъ представляется мнѣ совершенно ясно и я вижу не только очертаніе, форму и цвѣтъ предмета, но слышу звукъ и ощущаю запахъ. Это какая-то чрезвычайная матеріализація. Мнѣ необходимо извѣстное время, чтобы овладѣть цѣлымъ. Когда я писалъ «Лурдъ», то могъ утилизировать свои замѣтки лишь по прошествіи года, такъ какъ только тогда все стало на свое мѣсто и выяснилось цѣлое... Способность вызывать живыя воспоминанія существуетъ, однако, не долго. Сначала воспоминанія мои очень рельефны, точны; образы отличаются необыкновенною силой, но затѣмъ они стираются, блекнутъ и пропадаютъ совершенно... Это очень благоприятно для меня, такъ какъ иначе воспоминанія задавили бы меня своею тяжестью—вѣдь я собралъ такое громадное количество матеріаловъ для моихъ романовъ! Еще быстрее я забываю основу романа и обыкновенно,

когда я пишу его окончаніе, то уже забылъ его начало. Для всякой главы я составляю отдѣльный и вполне разработанный планъ, и когда эти планы у меня готовы, то я уже не боюсь заблудиться въ дорогѣ и смѣло трогаюсь въ путь. Я постоянно заглядываю въ свою программу, покрытую всевозможными указаніями, напоминаніями и отмѣтками. И такъ, моя память отличается громадною силой, но воспоминанія непрочны. Но я никогда не упражняю своей громадной памяти ради одного только удовольствія. Меня тотчасъ же усыпляетъ все, что не требуетъ творчества, чтеніе, исправленіе корректуръ, но какъ только дѣло коснется творческой силы, то я тотчасъ же чувствую возбужденіе. Всѣмъ извѣстно, какъ я пишу свои романы: я собираю какъ можно больше документовъ, ѣду на мѣсто дѣйствія задуманнаго мною романа, такъ какъ мнѣ нужна, для того, чтобы писать, атмосфера, соотвѣтствующая сюжету. Я спрашиваю свидѣтелей - очевидцевъ о фактахъ, которые желаю изобразить въ романѣ; я не сочиняю, а романъ самъ собою складывается и развивается отъ собранныхъ матеріаловъ. Съ каждымъ своимъ дѣйствующимъ лицомъ я сближаюсь вполне и живу съ нимъ. Порою написанное слово меня самого удивляетъ, точно я его никогда не видалъ, и оно мнѣ вдругъ кажется страннымъ, некрасивымъ и даже ужаснымъ... Когда я составляю фразу, то мною руководитъ всегда чувство евфоніи; меня охватываетъ музыка и я слушаю. Мальчишомъ я обожалъ стихи и самъ много писалъ, но настоящая музыка никогда меня не трогала, такъ какъ у меня нѣтъ, по видимому, хорошаго музыкальнаго слуха. Но ритмъ фразы всегда увлекаетъ меня, и я смѣло начинаю фразу, увѣренный, что евфонія поможетъ мнѣ заключить ее. Сколько мнѣ извѣстно, у романистовъ это рѣдко встрѣчается

ся. Всѣ писатели, которыхъ я зналъ, отдѣлываютъ свою фразу, прежде чѣмъ написать ее. Начало всегда бываетъ трудно для нихъ, тутъ они идутъ еще ошупью, но вскорѣ для нихъ все выясняется, и работа ихъ увлекаетъ. У меня же наоборотъ. Я дѣлаю хорошо то, что дѣлаю сначала. Я скоро устаю и, написавъ четыре-пять страницъ, бросаю перо. Я не пишу больше трехъ часовъ въ день. Меня считаютъ работающимъ человекомъ, но это невѣрно; я аккуратень, но лѣнивъ, и работаю быстро лишь для того, чтобы скорѣе кончить работу и ничего не дѣлать. Я близорукъ и ношу очки № 9. Близорукость началась у меня съ 19 лѣтъ; я вдругъ замѣтилъ, что не могу изъ своего окна прочесть, какъ бывало, уличныхъ афишъ. Органы чувствъ у меня достаточно развиты. Я обладаю великолѣпнымъ обоняніемъ. Я вижу довольно часто сны, но въ нихъ не бываетъ полного свѣта: я никогда не вижу во снѣ солнца, яркаго дневного освѣщенія, и всѣ сновидѣнія мои окутаны какимъ-то расплывчатымъ сѣроватымъ свѣтомъ».

Третій французскій писатель, Жюль Кларенъ, рассказалъ, что онъ окрашиваетъ свои ощущенія. Нѣкоторыя, случающіяся у него неприятели, кажутся ему «красными», другія, не столь сильныя, «зелеными». Зрѣніе и слухъ у него очень хороши; зрительная память также.

Дезинфекція посредствомъ солнца. Извѣстно, что солнечные лучи обладаютъ антисептическими свойствами, и въ очень короткое время убиваютъ зародыши многихъ болѣзней. Работы Дюкло, Арлуэна, Сактори, Савери и др. подтвердили это благотворное вліяніе солнечнаго свѣта, доказавъ путемъ опытовъ, что бактеріи холеры, бугорчатки, тифа и нѣкоторыя другія погибаютъ, подвергнутыя дѣйствию солнечныхъ лучей. Въ на-

родѣ давно уже образовалась привычка выставлять на солнце одежду и вещи больныхъ и умершихъ, и эта привычка, какъ мы видимъ изъ наблюдений ученыхъ, въ высшей степени цѣлесообразна. Профессоръ Эсмархъ, желая провѣрить на опытѣ, дѣйствительно ли солнечный свѣтъ въ состояніи убивать патогенные (болѣзнетворные) зародыши, находящіеся на поверхности матеріи, бралъ подушки, одеяла и мѣховыя вещи, пропитывалъ ихъ культурами патогенныхъ бактерій и затѣмъ выставлялъ на солнце. Оказалось, что солнечные лучи дѣйствуютъ очень сильно на поверхностные слои, но, по мѣрѣ удаленія вглубь тканей, дѣйствіе ихъ ослабляется, и бактеріи, находящіяся въ глубинѣ, уже не подвергаются ихъ вліянію. Тонкій слой полотна вполне достаточенъ, чтобы защитить отъ дѣйствія солнца бактеріи, находящіяся внутри подушки. По наблюдениямъ Эсмарха, дифтеритическая бактерія погибала даже внутри подушки послѣ 29-ти-часового непрерывнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. На этомъ основаніи Эсмархъ считаетъ себя вправе признать солнечный свѣтъ весьма энергичнымъ антисептическимъ факторомъ, и рекомендуетъ утилизацію этихъ свойствъ солнечнаго свѣта во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ уничтоженіи бактерій въ поверхностныхъ слояхъ. Такимъ образомъ, бѣлье, салфетки, простыни и т. п. предметы всегда могутъ быть избавлены отъ всѣхъ вредныхъ зародышей посредствомъ солнечныхъ лучей.

Безъ сомнѣнія, это свойство солнечныхъ лучей имѣетъ въ практической жизни большое значеніе, и, какъ мы уже говорили, дезинфекція посредствомъ солнца давно практикуется въ народѣ. Но ученыхъ интересовалъ, главнымъ образомъ, вопросъ, которые изъ цвѣтныхъ лучей, входящихъ въ составъ солнечнаго свѣта, обладаютъ по преимуществу антисеп-

тическими свойствами. Английскій физикъ, Маршалъ Уордъ, разрѣшилъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: онъ подвергнулъ колонію микробовъ послѣдовательному дѣйствию отдѣльных лучей солнечнаго спектра въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Красный, оранжевый, желтый и зеленый свѣтъ оказались безъ всякаго дѣйствія, микробы продолжали жить и развиваться. Но когда онъ подвергнулъ микробовъ дѣйствию голубыхъ лучей, то они быстро погибли. Фиолетовые и ультрафиолетовые лучи солнечнаго спектра оказались безъ всякаго дѣйствія. Антисептическое свойство голубыхъ лучей подтвердилось еще слѣдующимъ опытомъ. Уордъ пропустилъ лучъ бѣлаго свѣта черезъ растворъ двухромистаго потассія, имѣющаго свойство поглощать голубые лучи, и затѣмъ уже направилъ его на культуру бациллъ. Солнечный свѣтъ, лишенный голубыхъ лучей, терялъ свои антисептическія свойства и уже не оказывалъ больше никакого дѣйствія на бактеріи.

Низшія животныя вообще очень чувствительны къ дѣйствию лучей солнечнаго спектра. Вліяніе этихъ лучей очень различно. Но не только животныя, а и растенія относятся не одинаково къ этимъ лучамъ. Поль Беръ своими опытами доказалъ, что хотя солнечный свѣтъ и необходимъ для жизни, но дѣйствіе его обуславливается присутствіемъ лишь извѣстныхъ лучей, входящихъ въ составъ его спектра. Если-бы, вслѣдствіе какихъ-нибудь перемѣнъ на солнцѣ, солнечный свѣтъ вдругъ лишился бы этихъ специальныхъ лучей, то жизнь на землѣ быстро бы прекратилась.

Виллонъ изслѣдовалъ недавно вліяніе различныхъ цвѣтныхъ лучей на произрастаніе растеній и пришелъ къ заключенію, что наиболѣе благотворное вліяніе на ихъ ростъ и развитіе имѣютъ красные и фиолетовые лучи спектра, и притомъ тогда, когда они

дѣйствуютъ совмѣстно. Оранжевый свѣтъ дѣйствуетъ также хорошо на растенія и вмѣстѣ съ фиолетовымъ свѣтомъ способствуетъ не только произрастанію, но и цвѣтенію, причѣмъ цвѣты достигаютъ максимума своего развитія. Многіе садовники уже извлекли практическую пользу изъ этого открытія и достигаютъ прекрасныхъ результатовъ, употребляя цвѣтные лучи при культурѣ растеній и цвѣтовъ.

«Revue des Deux Mondes». Наиболѣе характеристичною чертою современной англійской литературы является, безъ сомнѣнія, преобладаніе въ ней женскаго элемента. Одинъ американскій статистикъ вычислилъ, что въ Англии существуетъ 650 романистовъ женскаго пола; въ Соединенныхъ же Штатахъ болѣе 700 женщинъ занимаются беллетристикой. Среди этихъ женщинъ романистовъ встрѣчаются очень талантливыя писательницы, пользующіяся по справедливости извѣстностью далеко за предѣлами своей страны. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ современная англійская писательница Гэмфри Уордъ, дѣятельности которой посвященъ очеркъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Revue de deux Mondes». Первое произведеніе Гэмфри Уордъ, ея романъ «Робертъ Эльсмеръ», написанный въ 1888 году, разошелся въ 130,000 экземплярахъ. Два слѣдующіе романа: «Исторія Давида Грива» (1892) и «Марчелла» (1894) окончательныо составили ей репутацію первокласснаго романиста, и со временъ «Хижины дяди Тома» не выпадало на долю ни одного беллетристическаго произведенія такого успѣха, какой имѣли романы Гэмфри Уордъ.

Мэри Августа Уордъ происходитъ изъ семьи Арнольдъ, давшей уже Англии первокласснаго поэта и педагога. Отецъ Мэри Уордъ былъ инс펙то-

ромъ школъ въ Тасманіи, и Мэри родилась въ Австраліи. Въ настоящее время отецъ ея профессоръ въ дублинскомъ университетѣ. Но Мэри Уордъ можетъ быть названа дѣтищемъ оксфордскаго университета, гдѣ она провела болѣе двадцати лѣтъ своей жизни. Тамъ она приобрѣла всѣ свои разнообразныя знанія; тамъ она научилась строгому методу въ области исторической критики и нравственной философіи. Задолго до открытія доступа женщинамъ къ высшему образованію, молодая Мэри Арнольдъ слушала и поучалась у знаменитыхъ профессоровъ университета и обогатила свой умъ познаніями, рѣдкими для женщины въ тѣ времена. Особенное пристрастіе у нея было къ испанской литературѣ и исторіи, и въ 18 лѣтъ она уже была такимъ знатокомъ этой области, что ее назначили въ число жюри на конкурсѣ, для назначенія премии за лучшее сочиненіе по этому предмету.

Въ Оксфордѣ она познакомилась со своимъ будущимъ мужемъ, который былъ титоромъ (tutor) въ коллегіи. Молодыхъ людей сближала общность интеллектуальныхъ вкусовъ и интересовъ, поэтому бракъ ихъ былъ очень счастливымъ и не только не помѣшалъ, но, благодаря взаимному воздѣйствію, способствовалъ развитію ихъ талантовъ и способностей. Мужъ писалъ статьи по художественной части въ «Times», жена — въ «Quarterly Review», статьи по литературѣ. Первые беллетристическіе опыты г-жи Уордъ прошли незамѣченными, но когда появился ея первый романъ «Робертъ Эльмеръ», то онъ сразу составилъ репутацію автору.

Преобладающая идея трехъ главныхъ романовъ г-жи Уордъ, это — облегченіе нравственныхъ и матеріальныхъ страданій общества. То зло, отъ котораго страдаетъ современное поколѣніе, не можетъ быть излѣчено традиціонными догматами или благо-

творительными учрежденіями. Частная благотворительность не можетъ разрѣшить социальный вопросъ. Это рѣшеніе г-жа Гэмфри Уордъ ищетъ, повидимому, въ ученіи такъ называемаго «неохристианства». Г-жа Гэмфри Уордъ мечтаетъ о такомъ нравственномъ ученіи, которое объединило бы всѣхъ людей. Эта мечта, главнымъ образомъ, обнаруживается въ ея первомъ романѣ. Она проповѣдуетъ необходимость ассимилировать и оживить все, что есть лучшаго въ древнихъ доктринахъ нравственной философіи. «Для того, чтобы нравственныя и религіозныя истины евангельскаго ученія сдѣлались доступны народу, — говоритъ она, онѣ должны быть высказаны ему современными, понятными языкомъ». Г-жа Гэмфри Уордъ стремится извлечь ядро христіанскаго ученія изъ подтѣхъ наслоеній, которыя на немъ образовались вѣками, и явить его людямъ во всемъ блескѣ первобытной ясности и чистоты. Такимъ образомъ, въ своихъ произведеніяхъ она является болѣе проповѣдницей, нежели романисткой, и эта проповѣдь, несомнѣнно, играетъ нѣкоторую роль въ томъ необыкновенномъ успѣхѣ, который имѣютъ ея романы.

Г-жа Гэмфри Уордъ заявила себя не только какъ писательница, но и какъ общественный дѣятель. Главную отличительную черту англосаксонской расы составляетъ именно стремленіе реализовать свои идеи, въ формѣ ли ассоціацій, законовъ, всевозможныхъ учрежденій — однимъ словомъ, англичанинъ не довольствуется платоническими мечтами, онъ стремится воплотить ихъ въ чемъ-нибудь. Доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, романъ Вальтера Безанта «Тайна богатой наслѣдницы», давший толчокъ могущественному движенію, которое привело къ учрежденію Народнаго дворца, Тойнби Голаза и образованію въ разныхъ городахъ студенческихъ ассоціацій, съ цѣлью

улучшенія нравственнаго воздѣйствія на рабочіе классы и улучшенія ихъ матеріальнаго состоянія. Такъ и романъ «Робертъ Эльсмеръ» послужилъ толчкомъ къ подобному же движенію, и черезъ полтора года послѣ его появленія, вокругъ г-жи Гэмфри Уордъ образовался уже цѣлый кружокъ, основавшій вскорѣ такъ называемый «University Hall», гдѣ, по собственному выраженію г-жи Гэмфри Уордъ, народу излагаются истины христіанскаго ученія, примѣннаго къ потребностямъ практической и социальной жизни. «Спеціальныи отпечатокъ, который мы желали бы придать нашему дѣлу, — сказала г-жа Гэмфри Уордъ въ своей рѣчи на открытіи «University Hall», — заключается въ комбинаціи спекулятивной мысли съ дѣятельною жизнью и воспитаніемъ народа. И эта комбинація выразилась въ томъ, что Общество «University Hall» одновременно съ организаціей конференцій для распространенія новаго нравственнаго ученія, основало еще такъ называемое «дѣло социальнаго возрожденія», для чего также приспособило цѣлое отдѣльное и обширное помѣщеніе, въ которомъ, въ настоящее время, устроены отдѣльные клубы женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ, а также воскресная школа и зала для народныхъ концертовъ и гимнастическихъ упражненій. Кромѣ того, основана еще ассоціація — «Gilde», гдѣ собираются три раза въ мѣсяцъ бѣдные и богатые, ученые и учащіеся изъ рабочихъ, для дружественнаго обсужденія социальныхъ вопросовъ. Двери всѣхъ этихъ учрежденій равно открыты для всѣхъ, каковы бы ни были ихъ религіозныя воззрѣнія. Г-жа Гэмфри Уордъ старательно избѣгаетъ всякаго сектанства и религіозной нетерпимости. «Исповѣданіе тѣхъ или другихъ догматовъ не имѣетъ значенія, — говоритъ г-жа Уордъ, — не въ этомъ заключается религія человѣка, а въ его поступкахъ, въ томъ, какъ

онъ ведетъ себя въ жизни. Мы полагаемъ, что люди не въ состояніи будутъ измѣнить свое положеніе къ лучшему, не измѣнившись прежде всего сами и не измѣнивъ своихъ чувствъ въ отношеніи другъ друга. Вотъ почему всѣ мы, съ одинаковымъ сочувствіемъ къ этому дѣлу, но съ разнообразною опытностью, собираемся для обсужденія социальныхъ и религіозныхъ вопросовъ, въ надеждѣ, что, научившись лучше познавать другъ друга, мы разбудимъ въ себѣ чувство солидарности и общенія».

Народная пропаганда, предпринятая г-жею Гэмфри Уордъ, разрослась и увеличилась въ теченіе пяти лѣтъ. Она развивается въ двухъ направленіяхъ: устройство конференцій и такъ называемыхъ социальныхъ собраній. Въ конференціяхъ трактуются не одни только библейскіе сюжеты, а обсуждаются вопросы политической экономіи и естественной исторіи. По прошествіи трехъ лѣтъ капиталъ, собранный подпискою, изсякъ, и для поддержанія своего дѣла г-жа Гэмфри Уордъ предприняла зимою поѣздки въ Манчестеръ, Лидсъ и Ливерпуль, гдѣ говорила рѣчи и горячимъ словомъ убѣжденія такъ подѣйствовала на своихъ слушателей, что приобрѣла массу сторонниковъ, обезпечившихъ существованіе основанному ею дѣлу пропаганды. Теперь пожертвованія къ ней стекаются со всѣхъ сторонъ, и такъ какъ первоначальное помѣщеніе общества, учрежденнаго англійскою романисткой, становится тѣснымъ, то уже подумываютъ о постройкѣ новаго зданія, вродѣ Тойнби Голла, въ одномъ изъ сѣверныхъ кварталовъ Лондона, гдѣ рабочее населеніе такъ же скучено и такъ же бѣдно, какъ и въ Истѣ-Эндѣ.

«Revue des Revues». Очень интересный, хотя и давно извѣстный фактъ, представляетъ изумительная способность нашихъ органовъ чувствъ

замѣнять другъ друга, въ случаѣ, если который - нибудь изъ нихъ оказывается неспособнымъ выполнять свою функцію. Ученые американскіе физиологи въ послѣднее время особенно много занимались вопросомъ о солидарности, существующей между нашими чувствами, и собрали по этому поводу много интересныхъ фактовъ. «Revue des Revues» въ статьѣ, посвященной этому предмету, приводитъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, иллюстрирующихъ взаимную поддержку нашихъ органовъ чувствъ. Если мы лишаемся, вслѣдствіе какой-нибудь случайности, котораго-нибудь изъ нашихъ чувствъ, то другія чувства настолько развиваются и ихъ нормальная сила настолько увеличивается, что они въ состояніи бывать, въ предѣлахъ возможнаго, замѣнить отсутствующее чувство. Историкъ Уильямъ Прескоттъ изъ Бостона, лишившійся зрѣнія, имѣлъ обыкновеніе говорить, что «слѣпой ничего не видитъ за предѣлами круга, въ области котораго онъ можетъ коснуться предметовъ вытянутыми руками, но въ этой области онъ видитъ даже лучше, чѣмъ зрячіе».

Тѣ, кто постоянно занимается со слѣпыми, говорятъ, что потеря зрѣнія всегда ведетъ за собою значительное обостреніе осязанія. Кромѣ того, у слѣпыхъ замѣчаются, большею частью, значительныя способности къ музыкѣ, они весьма легко запоминаютъ и схватываютъ музыкальные мотивы, что объясняется сильно развитою у нихъ способностью сосредоточенія вниманія. Такая способность является для нихъ роковою необходимостью. Точно также слѣпые, какъ оказывается, весьма легко научаются лѣпить изъ глины и достигаютъ въ этомъ дѣлѣ очень большого искусства. Имъ даютъ какую-нибудь модель, они тотчасъ же ощупываютъ ее, такъ какъ руки имъ замѣняютъ глаза, и затѣмъ вылепливаютъ изъ глины совершенно такую же.

Примѣръ удивительнаго развитія музыкальнаго слуха послѣ потери зрѣнія представляетъ Генрихъ Чуди, юноша 18 лѣтъ, получившій лучшія отмѣтки въ американской музыкальной школѣ по всемъ предметамъ. Онъ прекрасно выдержалъ экзаменъ по теоріи музыки, гармоніи и контрапункту и исполнялъ пьесы Генделя, Мендельсона, Баха и др. композиторовъ.

Другой ученикъ, которымъ очень гордится ньюіоркскій институтъ слѣпыхъ, нѣкто Льюисъ Карль, слѣпорожденный. Онъ былъ подготовленъ институтомъ въ коллегію «Колумбія», гдѣ, вскорѣ сдѣлался вторымъ ученикомъ по математическимъ наукамъ. Въ настоящее время онъ даетъ уроки математики въ Нью-Йоркѣ и два раза въ недѣлю читаетъ публичныя лекціи. Онъ живетъ въ Нью-Джерсеѣ и ежедневно приходитъ въ Нью-Йоркъ одинъ, безъ посторонней помощи.

Съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ способъ обученія глухонѣмыхъ—читать по движенію губъ слова и произносить ихъ, для нихъ также сдѣлались доступными многія занятія. Такъ, на примѣръ, въ Огіо есть адвокатъ, пользующійся большою извѣстностью и съ большимъ успѣхомъ ведущій дѣла, несмотря на абсолютную глухоту. Онъ по движенію губъ узнаетъ, что говорится на судѣ, и рѣчи, произносимыя имъ, отличаются краснорѣчіемъ. Въ Америкѣ не мало служитъ чиновниковъ глухонѣмыхъ, отлично читающихъ по губамъ, что говорятъ посѣтителю. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ одинъ человекъ, абсолютно глухой, занималъ довольно видное мѣсто въ администраціи Соединенныхъ Штатовъ. Несмотря на свой недостатокъ, онъ могъ, читая по губамъ профессоръ, слушать ихъ лекціи и пройти весь курсъ университета. Онъ сдалъ блестящимъ образомъ всѣ свои экзамены, и, по всей вѣроятности, многіе изъ его товарищей и профессоровъ

даже не подозрѣвали, что имѣютъ дѣло съ глухимъ. И до сихъ поръ онъ сохраняетъ свою тайну такъ хорошо, что одинъ изъ репортеровъ, желавшій узнать, кто изъ чиновниковъ глухой, такъ и не узналъ ничего, такъ какъ никто изъ коллегъ глухого не подозрѣвалъ о его недостаткѣ и поэтому не могъ дать никакихъ указаній репортеру.

Существуютъ еще и другіе, не менѣе удивительные факты. Напримѣръ, англійскій адвокатъ Лоуэ, съ которымъ можно разговаривать цѣлыми часами, не подозрѣвая о его недостаткѣ. Этотъ адвокатъ не только пользуется извѣстностью какъ юристъ, но и какъ замѣчательный лингвистъ, такъ какъ онъ владѣетъ многими языками въ совершенствѣ; онъ говоритъ по латыни и по гречески, затѣмъ онъ превосходно знаетъ нѣмецкій, итальянскій, португальскій, голландскій, датскій, ирландскій, польскій, шведскій, русскій, финскій и др. языки. Даже индустанскій и санскритскій не были ни оставлены безъ вниманія. Въ тридцать пять лѣтъ онъ принялся изучать древнееврейскій языкъ, и эти занятія пошли у него также успѣшно. Въ Канадѣ также практикуютъ съ большимъ успѣхомъ два брата адвоката, оба глухіе отъ рожденія.

Устная система обученія глухонѣмыхъ дала уже превосходные результаты. Зрѣніе у глухихъ до такой степени обостряется, что восполняетъ отчасти недостатокъ другихъ чувствъ. Относительно нѣкоторыхъ глухихъ можно почти сказать, что они достигли крайнихъ предѣловъ остроты зрѣнія.

Извѣстенъ еще болѣе удивительный случай: Елена Келлеръ, глухонѣмая и слѣпая отъ рожденія, была выучена говорить посредствомъ той же системы, которая употребляется съ другими глухонѣмыми, и зрѣніе ей въ данномъ случаѣ замѣнило осязаніе—она пальцами прикасалась къ губамъ говорившаго и посредствомъ осязанія

узнавала, что говорится. Она почти никогда не ошибается и не принимаетъ одного слово за другое.

Эти факты и многіе другіе указываютъ, что чувства человѣка при обыкновенныхъ условіяхъ не достигаютъ той силы развитія, какой они въ состояніи достигнуть въ томъ случаѣ, если имъ приходится восполнять потерю и замѣнять другъ друга. У нормальнаго человѣка дѣятельность чувствъ распределяется довольно равномерно, и только при потерѣ какого-нибудь чувства обнаруживается эта удивительная способность органовъ развиваться до крайнихъ предѣловъ и дополнять другъ друга.

«Revue internationale de sociologie». Развитіе международныхъ сношеній, безъ сомнѣнія, не можетъ не отразиться на социальныхъ условіяхъ, такъ какъ уничтожаетъ преграды, существующія между отдѣльными человѣческими обществами и порождаетъ между ними социальныя связи, которыя, такимъ образомъ, ведутъ къ исчезновенію территориальной замкнутости и къ образованію чисто человѣческихъ отношеній—такова мысль, высказываемая Декюфи въ его статьѣ «De l'influence du progrès de communications sur l'évolution des sociétés» (О влияніи развитія сношеній на эволюцію обществъ), напечатанной въ «Revue internationale de sociologie». Авторъ статьи говоритъ о томъ распространеніи, которое имѣютъ въ наше время всякаго рода путешествія, устраиваемыя ли ради удовольствія, или съ научною цѣлью, и старается опредѣлить влияніе возникающихъ при такихъ условіяхъ сношеній отдѣльныхъ личностей и народовъ на развитіе общества. По его мнѣнію, всѣ подобныя сношенія ведутъ мало-помалу къ единенію народовъ. Авторъ, уже видитъ признаки такого стремленія къ единенію. Прежде всего оно отражается на языкѣ народовъ; въ

каждомъ изъ европейскихъ языковъ замѣчается тенденція заимствовать выраженія другъ у друга, причемъ эти выраженія сохраняютъ свой національный характеръ, свою орфографію и произношеніе. И число такихъ словъ въ каждомъ языкѣ все увеличивается съ каждымъ годомъ и при этомъ они не ассимилируются, а остаются большею частью въ томъ же видѣ, въ какомъ были введены въ обращеніе. Кромѣ того, многія спеціальныя области у европейскихъ народовъ всецѣло сохраняютъ выраженія одного какого-нибудь языка, который, такимъ образомъ, становится какъ бы присущимъ этой области. Такъ, напримѣръ, въ области спорта всегда и вездѣ употребляются англійскія выраженія; въ музыкѣ — итальянскія или нѣмецкія; въ кулінарномъ искусствѣ — французскія и т. д. Въ научной области существуютъ выраженія, одинаковыя на всѣхъ языкахъ, такъ, напримѣръ, слова: «вольтъ», «амперъ», «динамо», «омъ» и т. п. всегда и у всѣхъ народовъ служатъ для обозначенія однихъ и тѣхъ же понятій въ области электричества.

Такимъ образомъ, во многихъ областяхъ человѣческаго знанія, искусства и т. д. получили право гражданства международныя выраженія, одинаковыя для всѣхъ языковъ. Но, кромѣ этого, существуетъ еще множество международныхъ интересовъ, способствующихъ объединенію народовъ. Характерною чертою послѣдняго времени является образованіе разнаго рода международныхъ ассоціацій, имѣющихъ цѣлью защиту идей и общихъ интересовъ. Финансовыя сношенія также способствуютъ объединенію народныхъ интересовъ. Движеніе населенія вліяетъ подобнымъ же образомъ. Въ поискахъ лучшаго, люди переселяются изъ одного мѣста въ другое, и нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы не было иностранцевъ, совершенно акклиматизи-

ровавшихся въ своемъ новомъ отечествѣ, но сохранившихъ все-таки свой языкъ и національный характеръ. Во Франціи, по словамъ Декюжи, три процента населенія составляютъ иностранцы, и, что всего замѣчательнѣе, число нѣмцевъ во Франціи, несмотря на событія 1870 года, послужившія источникомъ национальной вражды, достигаетъ внушительной цифры 80.000.

«И такъ, — говоритъ Декюжи, — дѣла, интересы, свѣтскія и общественныя сношенія, и т. д. все ведетъ къ ослабленію въ насъ расовыхъ и национальных предубѣжденій и къ объединенію народовъ. Тѣ же расы, которыя будутъ противиться сліянью и объединенію, осуждены современемъ исчезнуть».

Декюжи видитъ рѣшеніе социальной проблемы именно въ этомъ единеніи народовъ, которое должно, по его мнѣнію, наступить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Приводимыя имъ данныя, дѣйствительно, указываютъ, что такая тенденція къ единенію существуетъ у европейскихъ народовъ и обнаруживается въ области человѣческихъ знаній, литературы, искусства, гуманитарныхъ учреждений и т. п. Но, рядомъ съ этимъ, въ противоположность идеи объединенія народовъ, мы видимъ возрожденіе националистскихъ стремленій. Давно уже уснувшія, и даже умершія національности, какъ бы просыпаются, воскресаютъ и начинаютъ заявлять о своихъ правахъ. Напримѣръ, въ Бельгіи мы видимъ возрожденіе фламандскаго элемента, а въ той части Европы, которая простирается отъ Венеціи до Константинополя, просыпаются такія національности, которыя казались давно уже заглушенными и подавленными, громко требуя для себя отдѣльнаго мѣста на картѣ Европы и въ европейскомъ обществѣ. вмѣстѣ съ этимъ обостряется и национальная вражда. Это одно изъ про-

творѣчій, которыми такъ богатъ конецъ нашего вѣка. Къ сожалѣнію, Дежюзи не касается его въ своей интересной статьѣ. Во всякомъ случаѣ, высказанныя имъ идеи въ высшей степени интересны и заслуживаютъ вниманія, такъ какъ онѣ должны подействовать ободряющимъ образомъ на людей, желающихъ бороться съ равными предубѣжденіями и націоналистскимъ духомъ и выдающихъ въ усиленіи взаимныхъ сношеній и болѣе близкомъ знакомствѣ народовъ другъ съ другомъ лучшей способъ къ уничтоженію національной вражды и тяготящаго надъ Европою милитаризма.

«Revue scientifique». Извѣстно, что зачастую великія открытія, вызвавшія цѣлый переворотъ въ ученomъ мѣрѣ и оказавшія громадное вліяніе на жизнь общества, производились при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ окружающей обстановки, далеко не способствовавшей научнымъ занятіямъ. Ученымъ приходилось бороться съ самыми разнообразными препятствіями, затруднявшими ихъ изысканія. Такъ было въ отдаленныя времена, но и сравнительно недавно, лѣтъ тридцать тому назадъ, какъ говоритъ Дюкло, профессоръ биологической химіи въ Сорбоннѣ, ученикъ и сотрудникъ Пастера, въ своей статьѣ въ «Revue Scientifique», ученые изслѣдователи не только не встрѣчали поощренія въ своихъ изысканіяхъ, но ихъ занятія тормазились на каждомъ шагѣ чисто вѣшними неблагоприятными условіями обстановки. Дюкло рассказываетъ исторію лабораторіи Пастера въ парижской нормальной школѣ, столѣтіе которой праздновалось въ прошломъ мѣсяцѣ, и эта исторія въ высшей степени поучительна, такъ какъ доказываетъ, какихъ огромныхъ результатовъ можетъ достигнуть энергія, настойчивость и глубокая любовь къ наукѣ.

Назначенный администраторомъ и руководителемъ научныхъ работъ въ нормальной школѣ, Пастерь не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни помощника, ни лабораторіи. Между тѣмъ онъ уже началъ тогда свои знаменитыя работы надъ ферментами, и ему во что бы то ни стало нужна была лабораторія для того, чтобы продолжать ихъ. Но, хотя онъ и назначенъ былъ директоромъ въ этой школѣ (directeur des études scientifiques), онъ не занималъ въ ней никакой каѳедры, а лабораторія полагалась только профессорамъ для занятій съ учениками и подготовки опытовъ. Для научныхъ специальныхъ занятій не было нигдѣ отведено мѣста, профессора не могли дѣлать никакихъ изысканій, потому что на это имъ не отпускалось ни денегъ, ни пособій. Когда кто хотѣлъ работать «для себя», то прибѣгалъ ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ и примащивался вездѣ, гдѣ только находилъ свободное мѣсто. Знаменитый химикъ Баларъ ухитрился какъ-то очистить себѣ мѣстечко для своихъ химическихъ изысканій въ одной изъ залъ, предназначенныхъ администраціей школы для коллекцій, и такъ обрадовался, что велѣлъ даже перенести туда свою походную кровать, чтобы не терять время на хожденіе домой. Если бы Баларъ былъ еще въ нормальной школѣ, когда туда поступилъ Пастерь, то, конечно, онъ бы оказалъ ему гостепримство въ своемъ уголкѣ. Но Балара уже не было, и Пастеру пришлось помѣстить свою лабораторію на чердакѣ, подъ самую крышею—помѣщеніе, на которое администрація школы не заявляла никакихъ претензій.

Но мало имѣть помѣщеніе,—для лабораторіи нужны еще инструменты и средства. По части инструментовъ Пастерь довольствовалась самыми первобытными. Свои первыя кристаллографическія изысканія онъ сдѣлалъ при помощи деревянныхъ и картон-

ныхъ поляриметровъ. «Это были по истинѣ сказочныя времена,—восклицаетъ Дюкло,—мы находились тогда въ началѣ бронзоваго періода!» Но хотя для работъ надъ ферментами Пастеру нужны были только вѣсы, микроскопъ, химическіе препараты и стеклянная посуда, все-таки онъ не могъ получить этого безъ денегъ. «Въ бюджетѣ нѣтъ рубрики, которая дозволила бы мнѣ ассигновать вамъ хотя бы только пятьдесятъ сантимовъ на ваши собственные изысканія», отвѣчалъ Пастеру министръ просвѣщенія на его скромную просьбу отпустить ему нужную для опытовъ сумму. Пастеру пришлось поискать въ другомъ мѣстѣ, и онъ нашелъ то, что ему было нужно, употребивъ для этого остатки хозяйственныхъ сбереженій.

Еще хуже было то, что у Пастера не было помощника. Большихъ трудовъ стоило Пастеру добиться, чтобы ему назначили такового. Министерство было очень удивлено, когда Пастеръ вошелъ съ ходатайствомъ о назначеніи ему помощника въ его частную лабораторію, однако, на этотъ разъ просьба была уважена, хотя въ приказѣ по этому поводу было упомянуто, что назначаемое лаборантомъ къ Пастеру лицо должно находиться въ полномъ распоряженіи администраціи школы. Какъ бы тамъ ни было, но назначеніе помощника было большимъ шагомъ впередъ. Такимъ же шагомъ впередъ было перенесеніе лабораторіи Пастера съ чердака въ крошечное помѣщеніе возлѣ ложи привратника. Какъ ни микроскопично было это помѣщеніе, все же въ сравненіи съ тѣмъ, которое занимала лабораторія Пастера подъ крышей, оно казалось чуть ли не дворцомъ. Много труда стоило Пастеру устройство химической бани, необходимой для его опытовъ надъ ферментами. Вынужденный экономизировать мѣсто, Пастеръ устроилъ ее подъ лѣстницей и туда онъ могъ влѣзть не иначе, какъ на колѣняхъ,

но это не мѣшало ему проводить въ ней цѣлыя часы. Въ этой-то маленькой канурѣ, въ которой, пожалуй, затруднились бы помѣститься даже кроликовъ въ настоящее время, произведены были Пастеромъ всѣ тѣ замѣчательныя изслѣдованія, которыя называли цѣлый переворотъ въ биологической наукѣ.

Шумъ, произведенный открытіями Пастера, заставилъ наконецъ администрацію школы обратить вниманіе на его лабораторію и отвести для нея лучшее помѣщеніе. Въ распоряженіе Пастера была предоставлена хорошая, свѣтлая зала, украшенная бюстомъ Лавуазье. Бюджетъ Пастера, однако, не дозволялъ ему нанять слугу для мытья посуды и стиранія пыли, и онъ самъ, вмѣстѣ со своимъ лаборантомъ, производилъ эту работу ежедневно. Не смотря на это, слава Пастера росла; его лабораторію посѣщали принцы, ученые, публицисты и промышленники. Всѣ интересовались по-смотреть мѣръ «безконечно малыхъ», открытый Пастеромъ.

Но Пастеру еще много разъ потомъ приходилось дѣлать свои изысканія въ самой примитивной обстановкѣ. Опыты надъ виннымъ броженіемъ Пастеръ производилъ въ Арбуа, въ импровизированной лабораторіи, устроенной въ залѣ кофейни. Такъ какъ вывѣска у входа не была снята, то очень часто въ кофейню заходили посѣтели, съ цѣлью выпить и закусить, и, изумленные, останавливались у входа. Вѣроятно, многимъ изъ поселянъ приходило въ голову, что тутъ занимаются колдовствомъ. Удобства въ этой импровизированной лабораторіи отсутствовали совершенно; не было газа, такъ что приходилось употреблять угли и раздувать огонь вѣражи. Воды также не было, и Пастеру со своимъ помощникомъ Дюкло приходилось ходить самому за водою къ обществу фонтану и мыть въ рѣкѣ всѣ свои приборы и инструменты.

Лабораторные столы имъ замѣняли прилавки, а аппараты и инструменты всѣ были изготовлены мѣстнымъ жестяникомъ и кузнецомъ, такъ что можно себѣ представить, каковы они были. Не разъ Пастеръ и Дюкло, отправляясь за водою или за виномъ, для своихъ опытовъ, возбуждали веселость населенія маленькаго городка своимъ страннымъ видомъ, когда они шествовали по улицѣ, бережно неся въ рукахъ кувшины и приборы мѣстнаго изготовленія.

Дюкло вспоминаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ о своемъ пребываніи въ Понъ-Жиске, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Пастеромъ, производилъ изысканія надъ болѣзнію шелковичныхъ червей. Въ сравненіи съ тѣмъ, какъ имъ приходилось помѣщаться при своихъ предшествующихъ опытахъ, это былъ настоящій рай. Пастеръ и Дюкло жили въ саду; кругомъ была зелень, вода, лабораторію же они помѣстили въ оранжереѣ, Пастеръ дѣлалъ свои изысканія вмѣстѣ со своими учениками и помощниками, которыхъ было четверо. «Я не думаю, чтобы когда-либо существовала болѣе сплоченная и болѣе трудолюбивая маленькая община, — говоритъ Дюкло, — чѣмъ та, которую представляли мы съ Пастеромъ во главѣ!» Дюкло вспоминаетъ съ восторгомъ о томъ, какъ онъ и его товарищи старались угадывать идеи своего учителя, съ какимъ интересомъ

они отдавались дѣлу, съ какою заботливостью ухаживали за своими разводками шелковичныхъ червей. И когда внезапно начинался дождь, съ какою лихорадочною торопливостью они собирали листья тутоваго дерева. Всѣ тутъ являлись къ нимъ на помощь: г-жа Пастеръ, ея дѣти, шелководы, и даже садовникъ, который сначала относился къ нимъ очень недружелюбно и не хотѣлъ ихъ пускать въ свою оранжерею.

По мѣрѣ того, какъ постепенно опыты Пастера захватывали все большую и большую область, и росла его слава, исчезали и тѣ препятствія, съ которыми ему приходилось такъ бороться въ самомъ началѣ своей научной дѣятельности. Теперь уже къ услугамъ его были прекрасныя лабораторіи, множество помощниковъ и всѣ пособія. Не было уже и рѣчи о какихъ-нибудь стѣсненіяхъ въ денежномъ отношеніи, и такимъ образомъ крошечная лабораторія, помѣщавшаяся на чердакѣ, на которую администрація нормальной школы взирала недовольнымъ окомъ, въ концѣ концовъ привела къ великолѣпному зданію, на фасадѣ котораго стоитъ имя того, къ кому должна гордиться современная наука. Мы говоримъ о Пастеровскомъ институтѣ, учрежденіе котораго достойнымъ образомъ увѣнчало карьеру знаменитаго ученаго.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*Wir Frauen und unsere Dichter*» von *Laura Marholm. Berlin.* (Мы, — женщины, и наши поэты). Г-жа Лаура Маргольмъ, супруга извѣстнаго скандинавскаго писателя Ола Гансона, въ свою очередь, пользуется солидною литературною репутациею, и главное ея достоинство — искренность. Она не признаетъ никакой условной лжи и всегда прямо говоритъ то, что думаетъ. Въ своей книгѣ «*Buch der Frauen*», вышедшей за нѣсколько времени передъ этимъ, она представила рядъ литературныхъ портретовъ нѣкоторыхъ выдающихся современныхъ женщинъ, и теперь, въ новомъ своемъ сочиненіи, излагаетъ мнѣнія о женщинахъ большинства выдающихся современныхъ писателей. Если со взглядами самой Лауры Маргольмъ на женщину и ея задачи и не всегда можно согласиться, то, во всякомъ случаѣ, представленная ею характеристика современныхъ писателей и ихъ отношеній къ женщинѣ, очень интересна и, въ общемъ, очень мѣтка. Сужденія о женщинѣ, высказываемыя современными писателями, очень разнообразны, это правда, но большинство все-таки относится къ женщинѣ враждебно, и даже злобно, какъ, напримѣръ, Стриндбергъ. Нѣсколько односторонній взглядъ Лауры Маргольмъ высказываетъ на современныхъ французскихъ писателей, въ произведеніяхъ которыхъ женщина является бездушною, эгоистическою и безсодержательною натурою. Въ своемъ разборѣ возрѣній на женщину современныхъ писателей Лаура Маргольмъ, конечно, не могла обойти Толстого. Къ сожалѣнію, она лишь мелькомъ касается его произведеній, но высказанное ею мнѣніе все-таки нельзя не признать очень мѣткимъ.

(Die Zeit).

«*Pages Choisies des Grands Ecrivains, S. M. Guyau*» par *A. Fouillés. Paris.*

Colin. 1895. (Избранныя страницы изъ великихъ писателей: Гюйо). Новый томъ серіи «*Lectures Littéraires*», выходящей отдѣльными выпусками, заключаетъ въ себѣ избранныя мѣста изъ сочиненій Гюйо, поэта-философа, слишкомъ рано похищеннаго смертью (онъ умеръ 33 лѣтъ), но успѣвшаго, все-таки, стяжать себѣ репутацію крупнаго писателя, умѣвшаго съ такою искренностью и искусствомъ передать вѣрованія и сомнѣнія, уныніе и надежды и всѣ разнообразныя стремленія, нравственныя и социальныя, нашего времени. Въ выше-названной книгѣ выдержки изъ его сочиненій сгруппированы въ слѣдующіе четыре отдѣла: «Искусство и литература», «Нравственность и воспитаніе», «Философія и религія», «Поэзія». Въ ранше вышедшихъ томахъ серіи «*Lectures Littéraires*» находятся слѣдующіе выпуски: «*Pages choisies de George Sand*», «*Pages choisies d'Alfred Musset*», «*Pages choisies de J. Michelet*», «*Pages choisies d'Ernest Renan*», «*Pages choisies de Jean Jacques Rousseau*», «*Pages choisies d'Adolphe Thiers*». Готовятся къ печати: Рабле, Бальзакъ, Шатобрианъ, Бомарше, Флоберъ, Теофиль Готье и Лесаажъ.

(Revue de Paris).

«*Notes d'un etudiant français en Allemagne*» par *Jean Breton; Paris, Calmann Levy.* (Жизнь французскаго студента въ Германіи). Авторъ описываетъ свое пребываніе въ гейдельбергскомъ и берлинскомъ университетахъ и свою жизнь среди нѣмецкихъ студентовъ. Онъ отправился въ Германію изучить философію и социологію, и слушалъ лекціи Куно Фишера, Пальсена, Вагнера и Зиммеля. Описанія автора очень интересны и мѣстами блестящъ юморомъ. Авторъ рисуетъ студенческую жизнь очень живо и знакомитъ читателя со всѣми сторонами германской универси-

тетской жизни. Его замѣтки о Лейпцигѣ и Мюнхенѣ также не лишены интереса. (Revue des deux Mondes).

«*Les auteurs polaires*» par Alfred Angot, avec gravures; Felix Alcan, Paris. (Сѣверныя сѣнья). Новый выпускъ серіи «Bibliothèque scientifique internationale», въ которомъ авторъ собралъ всѣ научныя данныя, касающіяся сѣверныхъ сѣний и теорій, предложенныхъ для объясненія этого явленія. Къ книгѣ приложены превосходныя гравюры. (Revue des deux Mondes).

«*L'organisation de la liberté et le devoir Social*» par Adolphe Prins, professeur à l'université de Bruxelles. Paris. Alcan. (Организация свободы и социальный долгъ). Политическія и социальныя идеи автора составляютъ какъ разъ середину между крайностями индивидуализма и увлеченіями социализма. Идею долга авторъ считаетъ нераздѣльной съ идеей права и говоритъ, что главнымъ условіемъ социальнаго прогресса является прогрессъ нравственный. Общій характеръ труда автора: возвышенность его взглядовъ, искренность и горячность, съ которою онъ относится къ важнѣйшимъ вопросамъ нашей эпохи, вполне оправдываетъ успѣхъ его книги среди всѣхъ интересующихся вопросами интеллектуальной культуры и современнаго индивидуализма. (Indépendance Belge).

«*L'écriture et le Caractère*» par Crepieux-Samin. Paris. Alcan. (Почеркъ и характеръ). Эта книга, выходящая уже третьимъ изданіемъ, можетъ быть названа классическимъ трудомъ по графологии. Авторъ съ большимъ искусствомъ излагаетъ свои взгляды на отношенія между характеромъ и почеркомъ, на измѣненія почерка во время болѣзней и т. п. Къ тексту приложены многочисленные рисунки. (Indépendance Belge).

«*Reminiscences of Medical missionary Work*» W. Burn Thomson. London (Hader and Stoughton), with biographical Chapters by J. C. D. and preface by J. L. Maxwell. (Воспоминанія о медицинской миссіонерской дѣятельности). Авторъ, вмѣстѣ съ своею женою, началъ свою медицинскую миссіонерскую дѣятельность въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ и грязнѣйшихъ кварталовъ Эдинбурга. Сначала онъ былъ просто только проповѣдникомъ, старавшимся дѣйствовать сиюю краснорѣчіемъ и убѣжденіемъ на заблудшія души, но убѣдился вскорѣ, что этимъ путемъ онъ немногаго достигнетъ, и что ему надо уметь быть имъ полезнымъ. Медицинская дѣятельность по-

казалась ему наиболѣе пригодной для этого, и онъ принялся изучать медицину. Впослѣдствіи онъ учредилъ лечебницу, въ которой молодые миссіонеры получали необходимыя для нихъ медицинскія познанія. Многіе изъ миссіонеровъ востока, дѣятельность которыхъ была особенно успѣшна, обязаны этимъ тѣмъ знаніямъ, которыя они приобрѣли подъ руководствомъ автора. Въ книгѣ заключается много любопытныхъ подробностей о дѣятельности медицинскихъ миссій въ Палестинѣ, Индіи и Мадагаскарѣ. (Daily News).

«*Arnold Toynbee, a Reminiscence*» by Alfred Millner (Arnold) London. 1895. (Воспоминанія о Тойнби). Эта брошюра публичная лекція, прочитанная авторомъ, въ ноябрѣ прошлаго года, въ собраніи членовъ Тойнби Голла. Авторъ мастерски изобразилъ фигуру замѣчательнаго энтузіаста Тойнби, всю жизнь стремившагося къ тому, чтобы создать такія социальныя условія, которыя обезпечили бы счастье человѣчеству. Въ краткомъ очеркѣ авторъ знакомитъ съ биографіей этого замѣчательнаго чловека, его дѣятельностью и пропагандою, положившею началозамѣчательному филантропическому учрежденію, извѣстному подъ именемъ Тойнби Голла. (Daily News).

«*The Story of the Solar System; or the Sun, Planets and Comets popularly described*» by G. T. Chambers, London. Newness. (Исторія солнечной системы или солнце, планеты и кометы въ популярномъ описаніи). Маленькая книжка, предназначенная для того, все возрастающаго числа обыкновенныхъ читателей, которые стремятся къ приобрѣтенію физическихъ знаній. Принимая во вниманіе именно этотъ кругъ читателей, авторъ старался какъ можно популярнѣе и понятнѣе изложить свой предметъ, и вполне достигъ своей цѣли. (Daily News).

«*Sir Samuel Baker. A Memoir*» By T. Douglas, Murray and A. Silva White. (Macmillan) London. (Сэръ Самюэль Бекеръ). Въ этой книгѣ очень живо и интересно разказаны жизнь и приключенія знаменитаго англійскаго путешественника Бекера, открывшаго второй источникъ Нила. Какъ извѣстно, Бекера всюду сопровождала его жена, раздѣлявшая съ нимъ всѣ опасности и невзгоды далекихъ странствованій. Особенно интересно описаніе путешествія Бекера къ источникамъ Нила, которое онъ совершилъ также въ сопровожденіи своей героической супруги, своимъ присутствіемъ духа и находчивостью не

разъ помогавшей ему выбраться изъ затруднительнаго, и подчасъ опаснаго положенія. Книгу эту можно рекомендовать всѣмъ любителямъ путешествій, такъ какъ они найдутъ въ ней много интересныхъ для себя свѣдѣній.

(Daily News).

«*After Five years in India*» by Anne C. Wilson. London. Blockie and Son. 1895. (Пять лѣтъ въ Индіи). Авторъ этой книги, мистриссъ Вильсонъ, описываетъ свою жизнь и дѣятельность въ Индіи, въ Пенджабѣ. Свои первыя впечатлѣнія въ Индіи она описываетъ особенно живо и оригинально въ первыхъ главахъ книги, знакомитъ читателя съ англійскимъ методомъ управленія Индіей, законами, общественною и воспитательною дѣятельностью и т. п. Очень интересны главы, описывающія жизнь сельскаго населенія въ Индіи, его обычаи, кастовые предразсудки, мелкія дрязги и ссоры, возникающія между отдѣльными семействами и деревнями, принимающія иногда характеръ настоящей миниатюрной войны, и т. п.—все это изложено очень живо и увлекательно и даетъ ясное представленіе о томъ, какъ слагается жизнь поселенія въ Индіи.

(Daily News).

«*Linguet, un avocat journaliste au dix-huitième siècle, par Jean Cruppi. Paris. Hachette.* (Ленгэ, адвокатъ-журналистъ въ XVIII вѣкѣ). Имя Ленгэ почти уже совершенно изгладилось изъ памяти, хотя вѣкогда онъ много шума надѣлалъ въ Европѣ своими рѣчами, приключеніями и статьями. Самъ Вольтеръ вступалъ съ нимъ въ переговоры, какъ равный съ равнымъ, и Ленгэ вступалъ въ борьбу не только съ сословіемъ адвокатовъ, но и съ парламентомъ и академіей. Онъ, по справедливости, можетъ считаться основателемъ политическаго журнализма и участвовалъ рѣшительно во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ конца XVIII вѣка. Исторія его жизни — это настоящій романъ, полный самыхъ изумительныхъ приключеній. Въ своемъ очеркѣ авторъ не только рисуетъ, въ лицѣ своего героя, одну изъ любопытнѣйшихъ личностей XVIII столѣтія, но въ то же время изображаетъ и великія историческія событія, среди которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Ленгэ, какъ извѣстно, сложившій свою голову на гильотинѣ.

(Daily News).

«*L'amitié antique, d'après les moeurs populaires, par L. Ducan (Alcan). Paris. 1895.* (Античная дружба). Чувства имѣютъ также свою исторію, и нравственная природа народовъ также подчиняется законамъ эволюціи. Авторъ

названной книги задался цѣлью представить эволюцію дружбы, начиная съ самыхъ древнихъ временъ. Онъ излагаетъ взглядъ на дружбу Платона, Эпикура и Сократа, воззрѣнія стоиковъ и т. д.; затѣмъ касается психологическихъ теорій дружбы, предоставляющихъ этому чувству отдѣльное и независимое мѣсто среди человѣческихъ чувствъ. Дружба служитъ не только украшеніемъ человѣческой жизни, но составляетъ нравственное благо и добродѣтель. Трудъ автора представляетъ настоящій историческій трактатъ, посвященный исторіи развитія дружбы и ея апологіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она была заведена намъ древними.

(Revue des Revues)

«*The English in Ireland*» by M. Froude (Longmans) London. (Анличане въ Ирландіи). Книга извѣстнаго англійскаго историка объ ирландскомъ вопросѣ вышла дешевымъ изданіемъ, въ трехъ изящныхъ томикахъ, и ея появленіе очень своевременно, такъ какъ въ ней очень рельефно изображено положеніе Ирландіи и послѣдствія англійскаго управленія. Интересующіеся ирландскимъ вопросомъ найдутъ въ этомъ трудѣ англійскаго историка много цѣнныхъ свѣдѣній, освѣщающихъ ирландскій вопросъ.

(Daily News).

«*A History of Slavery and serfdom*» by Dr John Kells Ingram (A. and C. Black) London. (Исторія рабства и крѣпостничества). Авторъ изображаетъ эволюцію рабства и развитіе современной системы свободнаго труда. Специальное вниманіе обращено авторомъ на тѣ страны, гдѣ рабство продолжаетъ существовать въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ, напримѣръ, въ Африкѣ. Авторъ говоритъ о значеніи рабства въ исторіи и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ этомъ позорномъ учрежденіи въ разныя времена и у разныхъ народовъ.

(Daily News).

«*Aspects of the Social Problem*» by various writers, under the editorship of M-r Bernard Bosanquet (Macmillan) London. (Положеніе социальной проблемы). Въ книгѣ собраны статьи разныхъ писателей, высказывающихъ свой взглядъ на социальные вопросы и способы ихъ разрѣшенія. Въ краткомъ предисловіи издатель, хотя сжато, но вполне ясно и понятно для cadaго, излагаетъ основные общіе принципы, на которыхъ сходятся писатели, статьи которыхъ помѣщены въ книгѣ. Изъ этихъ статей заслуживаетъ особеннаго вниманія статья миссъ Денди, затрогивающая важные вопросы о воспитаніи дѣтей и юношей,

о положеніи женщины въ промышлен-ности и о бракахъ среди бѣднѣйшаго населенія Истѣ-Дэнди. Миссъ Дэнди болѣе другихъ авторовъ этой интересной группы писателей занимается вопросомъ о взаимномъ вліяніи характера и обстоя-тельствъ другъ на друга и старается прослѣдить это взаимное вліяніе въ различныхъ проявленіяхъ соціальной жизни. Въ статьяхъ миссъ Дэнди видно основательное знакомство съ жизнью бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона, изъ которой она и заимствуетъ свои при-мѣры, подтверждающіе ея взглядъ на то, что какъ характеръ можетъ вліять на обстоятельства и измѣнять ихъ, такъ и обстоятельства вліяютъ на характеръ и кладутъ на него свой отпечатокъ— слѣдовательно, надо стремиться не толь-ко къ воспитанію и развитію характера, но и къ измѣненію обстоятельствъ. Дру-гая статья, особенно заслуживающая вниманія читателей, это статья Лоха о пауперизмѣ и лучшихъ схемахъ борьбы съ нимъ. Какъ и всѣ статьи сборника, она проникнута яснымъ сознаніемъ сво-его долга передъ обществомъ и стремле-ніемъ найти рѣшеніе соціальныхъ во-просовъ, которое могло бы удовлетво-рять всѣхъ жаждущихъ его.

(Daily News).

«On the future Society or the effect of cooperation» by Alfred Offermann. (О бу-дущей обществѣ и результатахъ коопе-раціи). Авторъ высказываетъ очень оптимистическіе взгляды на будущій строй общества, въ которомъ отдѣльные индивиды гораздо рѣже будутъ подвер-гаться притѣсненіямъ, и сила не будетъ имѣть такого первенствующаго значенія, какое она имѣетъ теперь. Авторъ стоитъ за экономическую систему коопераціи и возстаеъ противъ всякой тиранніи, въ чемъ бы она ни проявлялась, въ по-кровительственномъ ли тарифѣ, или въ соціаль-демократическихъ тенденціяхъ.

(Daily News).

«The Religions of Japan» by Dr. W. G. Griffis (Hodder and stoughton) Lon-дон. (Религія въ Японіи). Религіозная жизнь въ Японіи, въ противоположность ея соціальной жизни, до сихъ поръ про-тивостоитъ намѣстію западныхъ идей, поэтому для изслѣдователя она пред-ставляетъ особенный интересъ. По этой-то причинѣ авторъ названной книги, нью-іоркскій профессоръ, и принялся основательно изучать положеніе рели-гіи въ Японіи, пользуясь своимъ пре-бываніемъ въ Токио, куда онъ былъ прикомандированъ къ университету. Изложивъ въ своей книгѣ исторію япон-скихъ религій, развитіе религиозныхъ

воззрѣній у японцевъ, начиная съ са-мыхъ раннихъ мнѣевъ, авторъ гово-ритъ о вліяніи на японцевъ китайской этической системы и о развитіи среди нихъ различныхъ формъ буддизма. О христіанской пропагандѣ въ Японіи ав-торъ говоритъ лишь мелькомъ, хотя и высказываетъ мнѣніе, что японцы, бла-годаря особенностямъ своей примитив-ной религіи, подготовлены уже къ усвое-нію высшихъ формъ вѣры.

(Daily News).

«China, Past and Present» by R. S. Gundry (Chapman and Hall). London. (Китай въ прошедшемъ и настоящемъ). Рядъ очерковъ, не находящихся между собою въ непосредственной связи, обри-совываетъ передъ читателемъ различ-ныя стороны китайской жизни, кото-рую авторъ, повидимому, изучилъ очень основательно. Хотя тонъ автора впол-нѣ безпристрастный, тѣмъ не менѣе, цѣль его книги въ томъ, чтобы уни-чтожить во мнѣніи современнаго обще-ства нѣкоторые предубѣжденія противъ Китая и бросить свѣтъ на многія сто-роны китайской жизни, мало извѣстныя внѣшнему міру. Замѣчанія же автора, относящіяся къ миссіонерской дѣятель-ности въ Китаѣ, заслуживаютъ специаль-наго вниманія.

(Daily News).

«Mental development in the child and the Race» by J. M. Baldwin (Macmil-ian and Co). (Развитіе ума ребенка). Съ самыхъ древнихъ временъ люди съ большимъ интересомъ слѣдили за раз-витіемъ умственныхъ способностей у своихъ дѣтей, но лишь въ недавнее время систематическое наблюденіе надъ развитіемъ интеллектуальныхъ процес-совъ у ребенка составило отдѣльную отрасль знанія и содѣйствовало расши-ренію нашихъ психологическихъ позна-ній. Въ своей книгѣ авторъ старается прослѣдить шагъ за шагомъ постепен-ное развитіе умственныхъ и физиче-скихъ способностей у ребенка и воз-никновеніе въ его умѣ чувствъ и идей. Многое еще темно въ этой области и многое остается еще на границѣ физи-ки и метафизики, но все же наблюде-ніе освѣтило уже въ достаточной сте-пени нѣкоторые изъ важнѣйшихъ пси-хологическихъ процессовъ и дало воз-можность сдѣлать выводы, имѣющіе не-маловажное значеніе въ дѣлѣ воспита-нія ребенка и разъясненія тѣхъ влія-ній, которыя дѣйствуютъ на пѣлое по-колѣніе.

(Daily News).

«From the Greeks to Darwin. An outline of the Development of the Evolution idea». Columbia University Biological Series. I. By Henry Fairfield Osborne. New-

York (Macmillan and Co). (Отъ грековъ до Дарвина; очеркъ развитія идеи эволюціи). Профессоръ Осборнъ предпринялъ въ этой книгѣ, входящей въ составъ біологической бібліотеки, издаваемой колумбійскимъ университетомъ, задачу прослѣдить, съ самыхъ древнихъ временъ до нашего времени, весь ходъ мысли и открытій, приведшихъ въ концѣ концовъ къ знаменитой дарвиновской теоріи происхожденія видовъ. Съ этой задачей авторъ справился вполнѣ удовлетворительно, и историческій очеркъ раз-

витія идеи эволюціи, который онъ желалъ представить читателямъ, сдѣланъ очень тщательно и даетъ полное и правильное понятіе о трудахъ предшественниковъ Дарвина. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать автору, заключается въ томъ, что онъ лишь вскользь упоминаетъ о трудахъ Герберта Спенсера въ дѣлѣ развитія идеи эволюціи, и нѣкоторыхъ другихъ современныхъ эволюціонистахъ не упоминаетъ совсѣмъ.
(Popular Science Monthly.)

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

одъ IV-й.

№ 6-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛІТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

І Ю Н Ъ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гипографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го мая 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). Ив. Иванова	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ФР. КОППЕ. Вл. Ладыженскаго.	29
3. НА ХЛѢБАХЪ. Разсказъ Густава афъ Гейерстама. (Изъ Сборника «Разсказы Кронфогта»). Переводъ со шведскаго М. Лучицкой.	30
4. О СВОЙСТВАХЪ МАТЕРІИ. Д-ра Готлиба Адлера, привать-доцента Императорскаго вѣнскаго университета.	49
5. НАУЛАБА. Романъ Рюдіарда Киплинга и Уольнотта Балестриера	59
6. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. Проф. П. Н. Милюкова. (Продолженіе).	77
7. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). К. М. Станюковича.	101
8. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). Проф. И. П. Бородина	120
9. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). А. Валенберга. Пер. съ шведскаго В. Фирсова	155
10. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. Джона Леббона. Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). А. К.	182
1. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. А. Б.	212
2. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи.— Народныя чтенія.— Народныя бібліотеки въ Николаевскомъ уѣздѣ.— Летучка.— Секта душителей.— Человѣческія норы.— А. С. Елисеѣвъ (некрологъ).— Пoesія гр. Алексѣя Толстого.— Смерть Пушкина.— Воспоминанія о московскомъ университетѣ	227
3. За границей. Женщины въ европейскихъ университетахъ.— Столѣтіе Парижской нормальной школы.— Деревенская жизнь въ Америкѣ.— Тайныя и явныя общества въ Китаѣ.— Землетрясенія; катастрофа въ Лайбахѣ (Люблянахъ).— «Revue des Deux Mondes».— «Revue scientifique».— «Popular Science Monthly»	243
4. Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г.	261
5. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) БНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ Іосифа-Игнатія Крашевскаго. Переводъ съ польскаго Л. В—снаго	103
2) ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. Г. Дюнудрэ. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго А. Позень, подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго	137
7. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Отъ редакціи.— Беллетристика.— Критика, исторія литературы и публицистика.— Исторія и біографія.— Политическая экономія.— Сельское хозяйство.— Народныя изданія.— Новости иностранной литературы.— Новыя книги, поступившія въ редакцію.	1
8. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Продолженіе *).

VI.

Судьба связала Тургенева на всю жизнь съ французской семьей, но эта связь оказалась безсильной воспитать въ его сердцѣ прочное сочувствіе къ французской націи.

Мы уже знакомы съ тяжелыми впечатлѣніями, какія неизмѣнно вызывалъ у Тургенева Парижъ, парижскіе литераторы и въ особенности политическій порядокъ, созданный второй имперіей.

Благородная честная мысль Тургенева не могла помириться съ цезаризмомъ, возникшимъ изъ клятвопреступленія. Личность Наполеона III казалась русскому писателю столь же ничтожною, какъ и жесточайшему врагу декабрьскаго переворота — Виктору Гюго.

А между тѣмъ, съ этой личностью и новою властью мирилось французское общество, Парижъ еще усерднѣе принялся выполнять свое назначеніе — международнаго увеселителя, среди лучшихъ представителей общественныхъ наукъ и литературы обнаружился упадокъ нравственной энергіи и глубокое разочарованіе въ завѣтныхъ стремленіяхъ дѣятелей сорокъ восьмого года. Историки въ родѣ Тэна предпринимали спеціальныя научныя работы съ цѣлью предостеречь современниковъ отъ идейныхъ увлеченій, съ возможной основательностью развѣнчать героевъ прошлаго и въ человѣческой исторіи выставить на первый планъ бѣшеный разгулъ животныхъ инстинктовъ и роковое безсиліе — построить жизнь на основахъ разума или просто даже здраваго смысла.

Тургеневъ не могъ сочувствовать ни подобнымъ философамъ, ни средѣ, ихъ воспитывавшей. Впослѣдствіи, уже послѣ франко-прусской войны онъ такъ опредѣлялъ прославленный историческій талантъ автора *Старою порядкомъ*.

*) См. «Міръ Вождій» № 5, май.

«Міръ вождій», № 6, июнь.

«Сравненіе мое не изящное, —обращался онъ къ своимъ пріятелямъ французамъ,—но позвольте мнѣ, господа, сравнить Тэна съ бывшей у меня охотничьей собакой: она искала, дѣлала стойку изумительно, вообще все, что дѣлаетъ охотничья собака, — ей только не доставало чутья, и я долженъ былъ продать ее» ²⁴⁴).

Еще менѣ лестнаго мнѣнія могъ быть Тургеневъ о другомъ современномъ ученомъ—Ренанѣ: этого даже французы обвиняли въ отсутствіи какихъ бы то ни было убѣжденій, и поднимали на смѣхъ его эпикурейскій скептицизмъ, свободно мирившійся съ какими угодно людьми, порядками и принципами.

Вторая имперія давала широкій просторъ такъ-называемому положительному образу мыслей, превращая своихъ подданныхъ въ идолопоклонниковъ предъ фактами по всѣмъ направленіямъ умственной и практической дѣятельности. Историкъ кропотливо собиралъ подробности внѣшней, матеріальной жизни и провозглашалъ исключительную неограниченную власть «пищи» и «почвы» надъ судьбой отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй. Философъ встрѣчалъ насмѣшливой улыбкой всякое горячее заявленіе о какомъ бы то ни было принципиальномъ убѣжденіи и жалъ руку всякому, кого волна удачныхъ аферъ выносила на поверхность житейскаго моря. Писатель старался поддѣлаться подъ чувственные вкусы плотоядной публики и, прикрываясь ложнымъ знаменемъ науки, рисовалъ животныхъ вмѣсто людей и съ современной дѣйствительностью производилъ тѣ самые опыты, какимъ историкъ подвергалъ прошлое...

Представьте, всѣ эти «властители думъ» собрались вмѣстѣ, у какого-нибудь пріятеля, или въ кафе: разговоръ ихъ не стѣсняется посторонней публикой, они предоставлены своимъ темпераментамъ и наклонностямъ... О чемъ же пойдетъ бесѣда?

Раскройте *Дневникъ Гонкуровъ* (*Journal des Goncourt*), возьмите наугадъ описаніе какого-нибудь литературнаго собранія въ самый разгаръ наполеоновскаго правленія, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, и оцѣните «мысли и дѣла» талантливѣйшихъ собесѣдниковъ.

Готье—знаменитый писатель—убѣжденъ, что «развратъ—нормальное состояніе женщины». Сентъ-Бэвъ—еще болѣе знаменитый критикъ—разсказываетъ, какъ онъ ежегодно продаетъ по тому своихъ сочиненій для подарковъ женщинамъ. Здѣсь же мы узнаемъ, что тотъ же Сентъ-Бэвъ совѣтовался обо всѣхъ вопросахъ по испанской литературѣ съ нѣкоей г-жей W. Она убѣдила критика, будто она испанка, и даже снабдила его примѣчаніями

²⁴⁴) *Journal des Goncourt*. Tome V. Paris 1891. p. 174.

на сочиненія Кальдерона, а послѣ ея смерти оказалось, что она изъ Пикардїи. Авторъ *Дневника*—Гонкуръ—объяснить вамъ, что женщина почти всегда является причиной безчестія мужа, — въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Именно она, во имя матеріальныхъ нуждъ, толкаетъ его на униженія, подлость, презрѣнныя сдѣлки съ совѣстью. Шестнадцатаго января 1864 г. читаемъ извѣстіе о поразительномъ упадкѣ нравовъ, о необыкновенной дерзости общественнаго разврата. Вѣчная тема для разговоровъ у этихъ учителей молодежи — *женщина*: они изучаютъ «ея глаза, какъ загадку, какъ сфинкса», и готовы писать цѣлыя страницы наблюденій надъ этой «тайной»... И только развѣ на французскомъ языкѣ Гонкура можно выразить разнообразныя рѣшенія этой задачи, какія приходили въ голову разшалившимся философамъ, критикамъ и романистамъ наполеоновской эпохи...²⁴⁵⁾.

Тургеневъ, конечно, превосходно зналъ эту психологію французскихъ знаменитостей, — ему часто приходилось бывать въ Парижѣ при второй имперїи, — но въ его письмахъ мы не находимъ ни одного добраго слова о парижской жизни и парижскомъ обществѣ. Во время войны его сочувствіе скорѣе на сторонѣ нѣмцевъ, такъ какъ побѣда французской арміи была бы побѣдой Наполеона III, и, кромѣ того, русскаго писателя по прежнему раздражаетъ національное фанфаронство французовъ.

Въ концѣ 1870 года, когда результаты войны начинали выясняться, онъ пишетъ слѣдующее письмо изъ Баденъ-Бадена:

«У насъ здѣсь третьяго дня, вечеромъ, былъ ужаснѣйшій ураганъ, который переломалъ чуть не половину Шварцвальда, и, между прочимъ, свалилъ у меня страшнѣйшую трубу, во вкусѣ Людовика XIII, которая паденіемъ своимъ продавila всю крышу и чуть не изуродовала весь мой домъ. Я во время постройки позволилъ себѣ замѣтить моему архитеткору-французу, именемъ Olive, превеличайшей бестїи и скотинѣ, что при здѣшнихъ вѣтрахъ такія трубы опасны. «Monsieur, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — ces cheminées sont aussi solides que la France». Во-первыхъ, этотъ отвѣтъ напоминалъ мнѣ отвѣтъ другого француза, петербургскаго куафера, Гелю, который утверждалъ, что его репутація — plus solide que la colonne Alexandre, а кончилъ тѣмъ, что попалъ въ Тулонъ на галеры за отравленіе жены, а во-вторыхъ, съ начала нынѣшней войны ручательство въ солидности Франціи казалось мнѣ сомнительнымъ. Оно такъ и вышло: моя труба была именно aussi solide que la France»²⁴⁶⁾.

²⁴⁵⁾ *Лб.* Tome II. Paris 1888. pp. 124, 125, 186, 193, 176, 80.

²⁴⁶⁾ Письма въ Анненкову. *Русск. Об.* 1894. *Ср.* *Июстр. критики*, 173.

Тургеневъ могъ, по крайней мѣрѣ, ожидать, что на французъ благотѣтельно подѣйствуетъ рядъ безпрямѣрныхъ военныхъ неудачъ. Но и на этотъ счетъ вѣра Тургенева была не тверда. «Остается вопросъ», писалъ онъ въ августѣ 1870 года, «сумѣютъ ли они, такъ какъ мы это сдѣлали (послѣ крымской кампаніи), извлечь пользу изъ собственнаго несчастія, и пойдетъ-ли имъ этотъ урокъ въ прокъ? При самоиѣнни французовъ, при ихъ малой любви къ истинѣ—это сомнительно»²⁴⁷).

Во всякомъ случаѣ, участь Франціи не могла не тронуть гуманнаго чувства Тургенева. Онъ привѣтствовалъ «паденіе гнусной имперіи Наполеона»: «нравственное чувство во мнѣ удовлетворялось—послѣ такого долгаго ожиданія», писалъ онъ, но тутъ-же не скрывалъ своего безпокойства за будущее. Побѣдоносная Германія была слишкомъ воинственно настроена, и вмѣстѣ съ ней, очевидно, торжествовала не шіровая цивилизація, а узко-національный задоръ²⁴⁸). Роли французовъ и нѣмцевъ перемѣнились, и побѣжденные внушали невольное сочувствіе.

Доде увѣряетъ, что бѣдствія Франціи въ 1870 году съ особенной силой привязали Тургенева къ Франціи²⁴⁹). Это, конечно, преувеличеніе. Иванъ Сергѣевичъ отнюдь не помышлялъ забыть свою родину и «довольствоваться Буживалемъ и берегами Сены». Ему просто было жаль народа, увлеченнаго въ позорную войну «новымъ Геліогабаломъ», а на переселеніе его въ Парижъ вліяла все та же старая *личная* причина.

Семья Віардо немедленно послѣ паденія имперіи рѣшила переѣхать въ Парижъ: мужъ г-жи Віардо до конца оставался убѣжденнымъ республиканцемъ, и возстановленіе республики являлось естественнымъ поводомъ для переѣзда. Что-же касается Тургенева, онъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ, путешествуя вмѣстѣ съ Віардо по Германіи, писалъ: «я съ ними не разстанусь», и если семейство Віардо не знало, какъ устроиться въ Парижѣ, то и онъ также «ничего не зналъ»²⁵⁰).

Сначала Віардо и Тургеневъ поселились въ Парижѣ на rue de Douai, спустя нѣсколько лѣтъ они купили вмѣстѣ въ Буживалѣ *Les Frênes* съ прекраснымъ паркомъ, Тургеневъ построилъ себѣ здѣсь павильонъ, и съ осени 1875 года это владѣніе стало его постоянной дачей.

²⁴⁷) И. С. Т.—во въ запискахъ и письмахъ къ М. А. и Н. А. Милютинымъ. Рус. Ст. ХІІ, 185.

²⁴⁸) Письма. 183.

²⁴⁹) Иностран. критика. 198.

²⁵⁰) Письма. 179, 190.

Тургеневъ и раньше знавалъ главнѣйшихъ французскихъ писателей, — теперь онъ близко сошелся съ ними. Жоржъ Зандъ свела его съ Флоберомъ, и вскорѣ образовалось «общество пятерыхъ» — *société des cinqs*. Въ первый разъ мы слышимъ объ этомъ обществѣ 14-го апрѣля 1874 года. Гонкуръ пишетъ: «Обѣдъ въ *Café Riche*, съ Флоберомъ, Тургеневымъ, Золя, Альфонсомъ Додэ. Обѣдъ талантливыхъ людей, уважающихъ другъ друга. Такіе обѣды намъ хотѣлось бы устраивать ежемѣсячно, каждую зиму»²⁵¹).

Эта компанія иногда собирается у одного изъ членовъ или принимаетъ экскурсіи въ парижскіе рестораны, въ поискахъ за оригинальными и экзотическими блюдами. Центральныя фигуры кружка — Флоберъ и Тургеневъ. Между обоими писателями установилась тѣсная дружба. Тургеневъ давно восхищался талантомъ Флобера и еще въ 1864 году *Madame Bovarie* называлъ единственнымъ хорошимъ романомъ во французской литературѣ. Личность Флобера также должна была вызывать искреннюю привязанность Тургенева. Остроумный, неутомимый говорунъ, талантливый рассказчикъ, неистощимый юмористъ и добрый, душевный, человѣкъ — все это какъ нельзя лучше умѣлъ оцѣнить Тургеневъ. Кромѣ того, едва ли не у одного только Флобера Иванъ Сергѣевичъ могъ встрѣтить честное, искреннее отношеніе къ дѣлу писателя, правдивую органическую преданность искусству²⁵²).

По смерти Флобера Тургеневу пришлось выдержать ожесточенную вражду и укоры своихъ соотечественниковъ за свое неизгнѣнное чувство любви и уваженія къ покойному другу. Ивану Сергѣевичу пришла злосчастная мысль обратиться къ русской публикѣ «за нѣсколькими грошами въ пользу памятника Флоберу». Журналисты и читатели возмущались такой заботливостью русскаго писателя о французскомъ романистѣ. Тургеневъ рассказываетъ о «градѣ анонимныхъ писемъ», о «статьяхъ» — исключительно ругательнаго содержанія. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ получаетъ корреспонденцію, носящую его невѣроятной бранью. Въ одномъ журналѣ его обзываютъ «рьянымъ западникомъ», котораго «обуялъ рабскій духъ», даже дамы заявляютъ въ письмахъ Тургеневу, что онъ «безчестный человѣкъ». Это происходитъ въ концѣ 1880 и началѣ 1881 года. Тургеневъ, конечно, не отвѣчаетъ на упреки и доношенія, но дамы, укоровшей его въ безчестности и пожелавшей знать мотивы его обращенія къ рус-

²⁵¹) *Июстр. крит.* 173. *Письма.* 263.

²⁵²) *Journal.* V, 118.

²⁵³) *Июстр. критика.* Пячъ. 175. Додэ. 203.

ской публикѣ, онъ отвѣчалъ съ обычной сдержанностью и искренностью:

«Отчего не отвѣчать на собственный вопросъ такъ: Тургеневъ былъ задушевный пріятель Флобера, высоко цѣнилъ его талантъ, и видя, что денегъ на его памятникъ набирается мало, вздумалъ обратиться къ русскимъ его почитателямъ за недостающею бездѣльной суммой, такъ какъ онъ знаетъ, что въ Россіи находятся люди, которые уважаютъ покойника? Тургеневъ никакъ не воображалъ, что русская публика вломится въ амбицію, будетъ требовать, какъ торгоши, сдачи: «ты молъ прежде для меня что-нибудь сдѣлай, а тамъ посмотримъ»²⁵⁴).

Негодование соотечественниковъ, разумѣется, не перемѣнило взгляда Тургенева на Флобера, какъ человѣка и писателя. Среди французскихъ литераторовъ-пріятелей у Тургенева это былъ единственный другъ и душевно близкій человѣкъ.

Подобное чувство Иванъ Сергѣевичъ питалъ къ Жоржъ Зандъ, но она не принимала участія въ литературныхъ обѣдахъ и не пользовалась уваженіемъ новыхъ свѣтилъ, вродѣ Золя и Гонкура. Отзывы Тургенева о Жоржъ Зандъ постоянно исполнены трогательнаго и глубокаго почтенія. «На мою долю», пишетъ онъ послѣ смерти писательницы, «выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ Зандъ—пожалуйста, не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ, дѣйствительно, долженъ почестъ себя счастливымъ»... Дальше приводится длинное письмо француженки, коротко знавшей покойную: письмо свидѣтельствуетъ о «неистощимой добротѣ» Жоржъ Зандъ, ея «золотомъ сердцѣ», ея изумительной способности привлекать къ себѣ сердца людей—высокопросвѣщенныхъ и простыхъ, крестьянъ...

Тургеневъ, переписавъ это письмо, говоритъ:

«Мнѣ почти нечего прибавлять къ этимъ строкамъ: могу только поручиться за ихъ совершенную правдивость. Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбуждала во мнѣ, давно исчезло — я ужъ не поклонялся ей; но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни — и не сдѣлаться ея поклонникомъ, ея другомъ, быть можетъ, въ лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей природы, въ которой все эгоистическое давно и до тла было

²⁵⁴) *Ист. Вѣст.* XIV, 453. *Письма.* 368, 370, 372.

²⁵⁵) *Письма.* 292.

выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью и участіемъ. И надо всѣмъ этимъ какой-то бессознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ, Жоржъ Зандъ — одна изъ напихъ святыхъ»....

Слѣдовательно Флоберъ и Жоржъ Зандъ были несомнѣнно близкими и дорогими друзьями для Ивана Сергѣевича. Но этими двумя писателями и ограничивались сердечныя привязанности Тургенева.

Замѣчательно положеніе Флобера и Жоржъ Зандъ среди соотечественниковъ въ то время, когда процвѣтало «общество пята-терыхъ». Относительно Флобера Тургеневъ писалъ по поводу той же исторіи съ подпиской на памятникъ: «Флоберъ совершенно непопуляренъ во Франціи—и ни одинъ французъ мнѣ за мои хлопоты спасибо не скажетъ»²⁵⁶). Эти слова слѣдовало понимать въ томъ смыслѣ, что слава Золя и Гонкура далеко оставляла за собой извѣстность Флобера.

Что касается Жоржъ Зандъ—ея личность и писательская дѣятельность играли довольно странную роль у обѣдненныхъ собесѣдниковъ Тургенева. Имя писательницы постоянно вызываетъ ироническія замѣчанія, смѣются надъ ея манерой писать по ночамъ и непременно на почтовой бумагѣ, въ каррикатурной формѣ рисуютъ ея жизнь въ замкѣ Ноганѣ. Готье, напримѣръ, прогостивъ у романистки нѣсколько дней, рассказываетъ пріятелямъ забавныя исторіи о непрерывномъ сомнамбулическомъ состояніи Зандъ, о постепенномъ превращеніи ея въ мумію, о полномъ равнодушіи прославленной писательницы и ея окружающихъ къ литературѣ. Вообще, въ глазахъ знаменитостей второй имперіи Жоржъ Зандъ—старушка, впавшая въ дѣтство и воплощающая старческое ребячество женщинъ XVIII вѣка. Единственнымъ дѣнителемъ ея таланта является Ренанъ, но за то онъ постоянно возбуждаетъ гомерическій хохотъ всей застолицы своими похвалами романамъ Жоржъ Зандъ²⁵⁷).

Любопытнѣе всего, что веселые и литературные гости Жоржъ Зандъ вынесли изъ Ногана только представленіе о сомнамбулизмѣ

²⁵⁶) *Ист. Вѣст.* XIV, 455.

²⁵⁷) *Journal.* II, 145; V, 79; II, 122. Гонкуръ пересказываетъ, между прочимъ, такую сцену:

Renan. M-me Sand, la plus grande artiste de ce temps-ci, et le talent le plus vrai!

La Table. Oh!.. Ah!.. Oh!.. Ah!..

хозяйки и не примѣтили одной оригинальной черты въ жизни писательницы. Эта черта достаточно разъясняется въ томъ же письмѣ Тургенева:

«Когда хоронили Жоржъ Зандъ, одинъ изъ крестьянъ окрестностей Ногана приблизился къ могилѣ и, положивъ на нее вѣнокъ, промолвилъ: «Отъ имени крестьянъ Ногана, — не отъ имени бѣдныхъ; по ея милости здѣсь бѣдныхъ не было». А вѣдь сама Жоржъ Зандъ не была богата—и, трудясь до послѣдняго конца жизни, только сводила концы съ концами».

Очевидно, эти свойства, какъ и общественное содержаніе романовъ Жоржъ Зандъ, были совершенно чужды и непомятны питомцамъ наполеоновскихъ порядковъ. Они видѣли только «расплывчатый стиль», «голубыя чернила», «почтовую линованную бумагу», и прочіе курьезы, столь важные для собирателя анекдотовъ или газетнаго репортера.

Мы остановились на отношеніи французскихъ писателей къ Жоржъ Зандъ, потому что это отношеніе прямымъ путемъ приводитъ насъ къ отвѣту на въ высшей степени важный для насъ вопросъ: какъ долженъ былъ чувствовать себя Тургеневъ въ обществѣ Золя, Гонкура, Додэ и Флобера—писателей, ближе всего стоявшихъ къ нему въ теченіе почти десяти лѣтъ?

Обратимся снова къ *Дневнику Гонкуровъ* и посмотримъ, что собственно занимало Тургенева во время его бесѣдъ съ французскими пріятелями и чѣмъ они отвѣчали на его интересы?

Эдмондъ Гонкуръ познакомился съ Тургеневымъ 23 февраля 1863 г.—и вотъ его первое впечатлѣніе:

«Это обаятельный великанъ, крѣпкій гигантъ съ бѣлыми волосами; онъ имѣетъ видъ какого-нибудь благодѣтельнаго горнаго или лѣснаго генія. Онъ красивъ, величественно красивъ, неизмѣримо красивъ, съ небесной синевою въ глазахъ, съ очаровательной нѣвучестью русскаго говора, съ особенными переливами въ голосѣ, напоминающими не то ребенка, не то негра»²⁵⁸).

Описаніе, повидимому, очень лестное, но въ немъ, несомнѣнно, слышится тонъ, какимъ говорятъ о заморской диковинкѣ, обитателѣ антиподовъ, явившемся на всеобщее позорище.

Внѣшность Тургенева—самая популярная тема въ разсказахъ иностранцевъ, — но какая разница во впечатлѣніяхъ Гонкура и, на примѣръ, нѣмца Пича. Того также поразила и очаровала фигура Ивана Сергѣевича, еще въ 1846 году, въ случайной встрѣчѣ, когда Пичъ еще и не подозрѣвалъ имени незнакомца. Но, гово-

²⁵⁸) *Journal*. II, 95.

и сдѣлалась его хозяйкою. Поэтому она не вправѣ была и ничего требовать, и понимала, что дѣти считаютъ милостивымъ даромъ то, что даютъ ей на содержаніе. Она была бѣдная старуха, живущая изъ милости у собственныхъ своихъ дѣтей, и они выдавали ей должное съ возрастающимъ недовольствомъ по мѣрѣ того, какъ время шло, а она все жила и жила. Если бы Грета могла, она бы охотно пошла въ домъ бѣдныхъ.

Доживи старикъ Андерсъ до этого времени, онъ увидалъ бы, что если жатвенная машина шла хорошо, за то многое другое шло, чѣмъ дальше, все хуже и хуже. Августъ Сьегренъ заключилъ заемъ въ хорошія для хозяйства времена; часть этихъ денегъ онъ дѣйствительно употребилъ на улучшенія по хозяйству, и эта часть расходовъ доставляла теперь доходъ. Но вмѣстѣ съ полученными деньгами возникло и желаніе лучше жить, а это желаніе привело въ свою очередь къ разнаго рода улучшеніямъ, къ покупкѣ мебели, дорогихъ платьевъ и т. д. А часть денегъ, употребленная на такого рода расходы, не приносила ренты. Напротивъ того, банкъ требовалъ, чтобы за нихъ уплачивались проценты, и уплачивались въ точно опредѣленный срокъ.

Жизнь приняла совершенно другой характеръ: во всемъ дворѣ появился оттѣнокъ роскоши; Августъ Сьегренъ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ поступали воеругъ него всѣ другіе. Благодаря общему повышенію жизненныхъ требованій, онъ не замѣтилъ риска, которому подвергался. То обстоятельство, что и всѣ другіе позволяли себѣ это, служило оправданіемъ для отдѣльнаго лица; всегда остается въ полной силѣ старая неправда, что мы не можемъ быть хуже другихъ, разъ мы такіе, какъ всѣ.

Между тѣмъ наступили тяжелые для земледѣльцевъ годы. Хлѣбъ страшно палъ въ цѣнѣ, урожаи ухудшались годъ отъ году, трудно было одновременно поддерживать новый образъ жизни и уплачивать проценты въ банкъ. Недовольство и печаль воцарились въ домѣ. Чувство опасности и страхъ разоренія носились въ воздухѣ, а Августъ Сьегренъ привыкъ жить въ полномъ спокойствіи, наслаждаясь прочностью своего положенія.

И Грета также не хотѣла умирать. Это была маленькая, худая женщина, сторбившаяся подъ тяжестью лѣтъ; она все еще продолжала жить въ маленькомъ домикѣ около каменной стѣны. Когда дѣла приходятъ въ беспорядокъ, сердце

черствѣть, и Августъ Сьегренъ не принадлежалъ къ числу людей, которые особенно заботятся о томъ, чтобы быть всегда по отношенію ко всѣмъ справедливымъ. Пока все шло у него хорошо, онъ хотѣлъ жить такъ, чтобы не дать никому повода сказать о немъ что-либо дурное за глаза. Но теперь, когда въ карманѣ у него становилось пусто, а виды на будущее все ухудшались, въ немъ стало все сильнѣе и сильнѣе возбуждаться раздраженіе противъ этой старой женщины, точно онъ вынужденъ былъ отдать ей то, въ чемъ самъ нуждался. Его неудачи и ошибки, тяжелые годы, пережитые имъ, и уменьшившіеся доходы сдѣлали его раздражительнымъ, вспыльчивымъ, и всякій разъ, когда ему приходило въ голову, сколько онъ долженъ выплачивать матери, онъ чувствовалъ къ ней ненависть, которой не смѣлъ выразить, но которая становилась все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ въ немъ росло признаніе, что она ему въ тягость. Ему казалось даже, что мать сама должна понимать, какою тяжестью виситъ она у него на шеѣ, и разъ она ничѣмъ не могла ему помочь, она должна была сама лечь и умереть. Похороны не такъ ужъ дорого стоили бы, по крайней мѣрѣ, все было бы тогда кончено. Да, скоро дошло до того, что маленькое содержаніе, выдаваемое имъ матери, стало казаться ему настолько значительнымъ, что онъ сталъ приписывать ему свое затруднительное положеніе.

И вотъ онъ началъ мало-по-малу сокращать расходы на мать. Грета, бывшая обузой для хозяина дома, возбудила противъ себя и всѣхъ его домочадцевъ. Она не смѣла спорить, ограничивала свои потребности, довольствовалась тѣмъ немногимъ, что получала, и мало-по-малу привыкла меньше ѣсть. Ей приходилось выслушивать столько неприятныхъ замѣчаній всякій разъ, когда она заговаривала о томъ, что должна была получать, что она предпочитала молчать и сидѣть голодною цѣлый день одиноко въ своей комнатѣ, наблюдая за дымомъ, подымавшимся изъ трубы дома, гдѣ готовили обѣдъ. Денегъ она не получала уже цѣлый годъ.

Однажды осенью, когда стало холодно, она вынуждена была пойти во дворъ, попросить топлива. Она пришла въ недобрый часъ. Оставалось всего нѣсколько дней до уплаты процентовъ въ банкъ. Августъ Сьегренъ собралъ все, что могъ, и теперь у него ничего не оставалось на зиму, которая скоро должна была наступить.

Старуха вошла и молча сѣла у двери. Невѣства съ гнѣ-

вомъ посмотрѣла на нес, а черезъ открытую дверь въ спальню доносился голосъ ея сына. Онъ сидѣлъ, бормоча про себя какія-то цифры. Внуки играли на полу. Но они выросли и понимали, что старуха въ тягость родителямъ, и ни одинъ изъ нихъ не подошелъ къ бабушкѣ.

Старуха вздохнула. Она сама чувствовала, что лучше бы подождать до другого раза, но ей казалось такъ же трудно уйти, какъ и придти. Поэтому она предпочла переговорить сразу, чтобы не быть вынужденною возобновить свое посѣщеніе.

— Я хотѣла спросить, какъ мнѣ быть съ топливомъ на этотъ годъ?—начала она.

Кристина не отвѣчала, а изъ спальни слышался только монотонный голосъ, считавшій цифры.

— Мнѣ вѣжется, вы могли бы мнѣ хоть отвѣтить,—сказала старуха.

— Батюшка,—сказала Кристина,—матушка пришла и хочетъ поговорить съ тобой о топливѣ.

Счетъ на минуту прервался. Затѣмъ голосъ продолжалъ прежнимъ монотоннымъ образомъ считать.

— Я могу и подождать,—сказала старуха, съжившись на своемъ стулѣ, какъ бы отъ усталости. Вокругъ морщинистаго рта легло выраженіе гнѣва.

Скоро замолчалъ и голосъ въ спальнѣ. Раздался звукъ запираемаго замка, звонъ ключей. Августъ вышелъ въ кухню и остановился среди комнаты.

— Что тутъ такое?—спросилъ онъ.

— А вотъ, говоримъ о топливѣ,—отвѣтила жена.

Грета подняла на него глаза, и ея лицо приняло испуганно вопросительное выраженіе, точно она боялась, что ей придется отказываться отъ самаго необходимаго.

— Дровъ у насъ совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ Августъ.—То небольшое, что еще осталось, нужно для насъ самихъ.

Грета подавила гнѣвные слова, просившіяся у нея на уста, и смиренно, точно умоляя о милости, отвѣтила:

— Теперь холодно, и мнѣ нечѣмъ даже испечь картофель.

Августъ плюнулъ; онъ какъ бы задумался надъ тѣмъ, что ему отвѣтить.

— Говорятъ, что тотъ, кто ни на что больше не годенъ, годится для собиранія помета на пастбищѣ,—сказалъ онъ.

Маленькая старуха встала. Все ея хрупкое тѣло дрожало, лицо приняло злобное выраженіе въ то время, какъ она стояла, угрожая сыну своею худощавой рукою.

— Я не должна просить о томъ, на что имѣю право,— вскричала она;—потому что то, что я должна имѣть, то я и получу. Стоитъ мнѣ только пойти къ кронфогту—и вы дадите мнѣ дровъ и еще многое другое въ придачу.

Августъ Съегренъ съ угрожающимъ видомъ двинулся на мать. Глаза его вспыхнули гнѣвомъ.

— Не трогай меня! — закричала старуха. — Бей, бей, если смѣешь! Я тебя бить не буду! Но если бы я тебѣ давала столько шлепковъ, сколько должна была давать, когда ты былъ маленькимъ, ты не стоялъ бы теперь здѣсь и не угрожалъ бы своей матери. Теперь я требую всего, я требую денегъ за цѣлый годъ. Ты долженъ отдать мнѣ все, что задолжалъ. Я не двинусь съ мѣста, пока не получу всего.

Не говоря ни слова, Августъ взялъ мать за плечи, покраснѣвъ отъ злости, вытолкнулъ на лѣстницу и заперъ за ней дверь.

Старая Грета простояла нѣсколько минутъ неподвижно. Ея губы произнесли нѣчто въ родѣ проклятія, но ее сейчасъ же охватилъ смертельный ужасъ; внѣ себя отъ волненія, она отправилась домой и заперлась на ключъ. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, она успокоилась; но тутъ ей вспомнились слова сына.

Собирать пометъ на пастбищѣ! Какъ самая бѣдная изъ женщинъ своего прихода, она должна была бродить по лугу и подбирать пометъ, чтобы потомъ топить имъ печь. Но ничего другого нельзя было и придумать. Она не смѣла еще разъ подымать съ сыномъ вопроса о топливѣ. Она выбросила картофель изъ корзины и вышла съ нею изъ дому.

Поспѣшно шла она медвыми шажками по дорогѣ и свернула на боковую тропинку, ведущую черезъ паркъ. Много деревьевъ росло въ этомъ мѣстѣ, березъ и дубовъ, и на ихъ пожелтѣвшихъ листьяхъ играли холодные лучи осенняго солнца. Верхушки деревьевъ шумѣли надъ ея головою, и по мѣрѣ того, какъ она шла, гнѣвъ все съ большею и большею силою заговаривалъ въ ней. Здѣсь было не мало дровъ, но ни щепки не виднѣлось на землѣ, все было собрано и сложено въ дровникѣ. Она не нашла для себя и щепочки.

А за деревьями виднѣлось пустынное и обширное пастбище, простиравшееся на много миль вдаль; въ глубинѣ его

рить онъ, «никогда мое чувство не подсказывало мнѣ такъ непосредственно и инстинктивно: «это — необыкновенный человекъ». Вскорѣ послѣдовала бесѣда, конечно, о самомъ дорогомъ для Тургенева предметѣ, — о русской литературѣ, о русскихъ людяхъ, — и Пичъ прибавляетъ:

«Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, меня не обмануло. Русский гость съ перваго же вечера сталъ центромъ нашего кружка: всѣ его слушали съ благоговѣніемъ, какъ очарованные».

Мы снова вспоминаемъ о разсказѣ Пича, чтобы впечатлѣнія вѣмца сороковыхъ годовъ сопоставить съ обѣдами французскихъ литераторовъ.

Тургеневъ и здѣсь съ перваго же раза заговорилъ о своемъ отечествѣ, о писателяхъ и читателяхъ въ Россіи. Парижскіе слушатели еще менѣе знали объ этихъ диковинкахъ, чѣмъ вѣмцы, и имъ небезынтересно было слушать повѣствованіе компетентнѣйшаго наблюдателя и судьи. Потомъ Тургеневъ передалъ не мало подробностей изъ своей личной жизни, выставляя на первый планъ бытовую и общественную сторону разныхъ эпизодовъ и пережитыхъ впечатлѣній. Разсказалъ о тяжеломъ дѣтствѣ, о томъ, какъ онъ послѣ жестокихъ домашнихъ расправъ плакалъ въ саду, глотая слезы, описывалъ «вкусные часы своей молодости», «des savoureuses heures de sa jeunesse», когда онъ весь уходилъ въ созерцаніе природы, лежа на травѣ прислушивался къ «шуму земли»... И сколько въ этихъ разсказахъ разбросано тончайшихъ психологическихъ замѣчаній, разсыпано искръ мгновеннаго поэтического вдохновенія! Разсказъ часто переходилъ на русскій народъ, и Тургеневъ повѣрялъ французамъ свои многолѣтнія наблюденія надъ различными поколѣніями крестьянъ, надъ глубокимъ вліяніемъ освободительной реформы на бытъ и нравственное міросозерцаніе мужика... Легко иредетавить, въ какихъ живыхъ образахъ возставали предъ Гонкуромъ, Золя и Додэ—фигуры «дѣдовъ», старшаго поколѣнія, говорящаго своимъ особымъ языкомъ изъ престонародныхъ односложныхъ выраженій и поговорокъ, — и Тургеневъ при этомъ подражалъ говору стариковъ-крестьянъ, потому «отцы» съ своимъ плавнымъ, часто лукавымъ краснорѣчіемъ, наконецъ «дѣти» — поколѣніе сдержанное, дипломатичное, упорное и независимое... На замѣчаніе слушателей, что скучно вести разговоръ съ подобными людьми, — Тургеневъ отвѣчалъ: «Напротивъ, часто приходится кое-чему научиться у этихъ невѣжественныхъ мудрецовъ, вѣчно занятыхъ своими думами въ полномъ отчужденіи отъ культурнаго общества»... И великій писатель передавалъ

любопытные эпизоды, характеризующіе часто истинно-шекспировскую простоту и силу чувствъ простаго человѣка ²⁵⁹).

Все это были новости для французскихъ талантовъ. Но и за предѣлами Россіи, въ цивилизованной Европѣ Гонкуры и Золя являлись почти такими же наивными учениками, какъ и отчасти нашего отечества. Тургеневу безпрестанно приходилось знакомить своихъ слушателей съ произведеніями такого поэта, какъ Гёте, и откровенно заявлять имъ въ лицо, что они не имѣютъ представленія объ одномъ изъ величайшихъ геніевъ міровой литературы. Тургеневъ переводитъ имъ отрывки изъ сочиненій Гёте и поражаетъ французовъ смѣлостью и оригинальностью выражений, открываетъ имъ горизонты, гдѣ совершенно невѣдома верховная власть французской академіи... ²⁶⁰).

Никто не могъ сравниться съ Тургеневымъ въ искусствѣ рассказывать, вести бесѣду, умѣть выслушать и возразить. Представители трехъ націй ручаются намъ въ этой истинѣ: Пичъ—нѣмецъ, всѣ французы знавшіе Тургенева, а Рольстонъ англичанинъ увѣренъ, что «менѣе скучнаго собесѣдника трудно себѣ представить». Естественно, даже у Гонкура одновременно съ первымъ извѣстіемъ о смертельномъ недугѣ Ивана Сергѣевича невольно срывается прежде всего замѣчаніе о немъ, какъ «оригинальномъ рассказчикѣ» ²⁶¹). Очевидно, Тургеневъ всегда встрѣчалъ внимательныхъ слушателей, но, насколько вопросъ касается французовъ — вѣжливымъ вниманіемъ и ограничивались всѣ результаты бесѣды. Тургеневъ до конца оставался «интереснымъ варваромъ» для высокоцивилизованныхъ натуралистовъ и скептиковъ. Его душевные воззрѣнія на литературу, нравственность, на любовь и на женщину казались его пріятелямъ забавными пережитками патриархальной старины, признаками низшей культуры.

Мы уже знаемъ, какое безпредѣльное благоговѣніе питалъ Тургеневъ къ Пушкину. Объ этомъ благоговѣніи знали всѣ иностранцы, и Рольстонъ, на примѣръ, ссылается на него, какъ на краснорѣчивое свидѣтельство о благороднѣйшемъ патриотизмѣ Тургенева. Парижскіе писатели слышали слѣдующее заявленіе Ивана Сергѣевича: если ему дѣлалось грустно, онъ чувствовалъ себя дурно настроеннымъ, — двадцать стиховъ Пушкина возвращали ему бодрость, оживотворяли его, вызывали въ немъ такое изумительно нѣжное чувство, какого онъ не испытывалъ предъ

²⁵⁹) *Тб.* V, 24, 79, 233; VI, 101.

²⁶⁰) *Июстр. крит.* Додэ. 202. *Journal.* V, 197.

²⁶¹) Рольстонъ. *Июстр. крит.* 186. *Journal.* VI, 255.

самыми великими и благородными поступками. Только одна литература способна разгонять его душевный мракъ, дѣйствуя даже на его физическія ощущенія... ²⁶²).

Это по-истинѣ необыкновенное похвальное слово литературѣ вообще, и въ частности Пушкину, даже если Гонкуръ и не вполне точно передалъ выраженіе Тургенева.

Какъ же французы отвѣчали на подобныя рѣчи?

«C'est plat, mon cher», заявилъ одинъ изъ нихъ, когда Тургеневъ сталъ объяснять ему совершенство пушкинскаго произведенія ²⁶³).

То же самое и относительно другой литературы.

Викторъ Гюго, напримѣръ, не стѣснялся подвергать жестокому порицанію нѣмцевъ, о Гёте выражался, что «ровно ничего не видитъ въ его сочиненіяхъ, и что трагедія *Гёте—Лагерь Валленштейна*—ему, Гюго, вовсе даже не понравилась»... Гюго замѣтили, что *Валленштейна* написалъ не Гёте, а Шиллеръ, онъ немедленно заявилъ, что вообще «никогда не читаетъ этихъ нѣмцевъ» и, не читая, знаетъ, что могъ написать и написать Гёте или Шиллеръ, и вообще «это одного поля ягода» ²⁶⁴).

Золя относится совершенно также ко всему иноземному въ области искусства. Англійская и нѣмецкая литературы, по словамъ Тургенева, ему оставались совершенно неизвѣстными, а русская представляла своего рода мифъ ²⁶⁵).

И это невѣжество было не случайностью, а преднамѣренной системой. Для французскихъ писателей свѣтъ свѣтилъ только во французскомъ, точнѣе—въ парижскомъ окошкѣ. За предѣлами Франціи, для большинства даже за Булонскимъ лѣсомъ лежали «скинскія страны», безнадежно дикія и варварскія. Только для той же Жоржъ Зандъ Тургеневъ дѣлалъ исключеніе, признавалъ, что она понимала русскихъ, будто сама родилась русскою, но это потому, оговаривался Иванъ Сергѣевичъ, что «она все понимала» и была «совершенно исключительное созданіе, ни на кого не похожее».

Тургеневъ до конца оставался при такомъ взглядѣ на нежеланіе и неспособность французовъ отдавать должное литературѣ и образованности другихъ народовъ. Эта неспособность соединилась еще съ другими чертами, безусловно и лично ненавистными

²⁶²) *Journal*. V, 30.

²⁶³) *Ист. Вѣст.* XIV, 376. *Воспом. о Т—вѣ*. И. Берга.

²⁶⁴) *Р. Ст.* XL, 209. *И. С. Т—вѣ въ его разказахъ*. *Ист. Вѣст.* XIV, 381—2. *Воспоминанія о Т—вѣ*. Евг. Гаршина.

²⁶⁵) *Рус. Ст.* XL, 208.

Тургеневу. Въ одной бесѣдѣ съ заграничнымъ знакомымъ Тургеневъ поставилъ ихъ рядомъ.

На заявленіе собесѣдника, что французы отнеслись бы крайне горячо къ важному факту въ жизни знаменитаго русскаго писателя, Тургеневъ выразилъ энергическій протестъ и прибавилъ:

«Да они ничѣмъ не интересуются, кромѣ себя, и ничего не знаютъ и не понимаютъ въ нашихъ русскихъ дѣлахъ».

Въ подтвержденіе романистъ рассказалъ слѣдующій эпизодъ.

— Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ понимаютъ. Нѣднѣхъ я встрѣтилъ NN. (онъ назвалъ имя одного извѣстнаго французскаго историка); онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей *Нови*. Я, говоритъ, совсѣмъ дезориентированъ на счетъ вашихъ нигилистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного,—что они отрицаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты—единственные честные люди. Особенно поразило меня ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Маріанна и Неждановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу, хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отчего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?..»

Историкъ затрогиваетъ вопросъ, совершенно различно разъяснившійся Тургеневымъ и его французскими пріятелями,—вопросъ о жевщинахъ и о любви. Здѣсь, по мнѣнію ихъ, съ особенной яркостью сказывалось варварство русскаго романиста.

Послѣ обѣда безпрестанно поднимались разговоры на романическія темы, и Тургеневъ поражалъ пріятелей первобытною наивностью сужденій.

Прежде всего они считали возможнымъ разсуждать о любви, никогда въ дѣйствительности не любивъ—даже по своему, «по натуралистически». Гонкуръ сознается въ этомъ съ истинной наивностью парижскаго бласфера.

«Во всемъ этомъ (въ бесѣдахъ о любви) одно несчастіе—ни Флоберъ, при всей выпренности своихъ выраженій, ни Золя, ни я—никогда вполнѣ серьезно не любили и оказывались неспособными охарактеризовать чувство любви. Могъ бы это сдѣлать только Тургеневъ, но ему не достаетъ критическаго смысла, который мы примѣнили бы съ своей стороны, если бы любили, какъ любилъ Тургеневъ»²⁶⁶).

Но врядъ ли тургеневское чувство было доступно французскимъ романистамъ. Спустя нѣсколько времени мы читаемъ такое заявленіе того же Гонкура:

²⁶⁶) *Journal* V, 329.

Понедѣльникъ, 28 января (1878 г.). Женщина, любовь: это всегдашній разговоръ въ кругу интеллигентныхъ людей, во время питья и ѣды.

«Разговоръ идѣтъ сначала въ шаловливомъ направленіи, и Тургеневъ слушаетъ насъ съ какимъ-то окаменѣлымъ изумленіемъ варвара, который представляетъ любовь только въ совершенно естественной формѣ»²⁶⁷).

За точность этого впечатлѣнія можно поручиться. Ее подтверждаетъ самъ Тургеневъ. Онъ однажды разсказалъ своему другу, въ какія траги-комическія положенія попадалъ онъ среди французскихъ писателей—только благодаря своему сердечному и цѣломудренному понятію о любви. Когда онъ сознался, что ему недоступны многіе «натуралистическіе» вопросы, Альфонсъ Додэ сказалъ ему на ухо, полупшепотомъ:

— Никогда, mon cher, въ этомъ не признавайтесь, иначе вы покажетесь просто смѣшнымъ,—насмѣшите всѣхъ...

Другъ Тургенева совершенно основательно прибавляетъ отъ себя:

«Какъ одинъ этотъ анекдотъ рисуется нравы французскаго буржуазнаго общества! По мнѣнію наиобразованнѣйшихъ людей, не звать утонченностей разврата,—значить, людей смѣшнить»²⁶⁸).

Мы знаемъ взглядъ Гонкура на женщину; естественно, этотъ собесѣдникъ Тургенева спѣшитъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтить еще одну «варварскую черту» русскаго романиста—чувство уваженія къ женщинѣ, невольной благодарности за счастье, которое дается минутами увлеченія...²⁶⁹).

Все это французамъ казалось «не то дѣтскимъ, не то негриванскимъ». И разногласіе піло гораздо глубже. У Гонкура и въ воспоминаніяхъ друга Тургенева разсказанъ одинъ и тотъ же фактъ, превосходно изображающій жестокость лицемѣрной формальной законности французовъ и высоко-гуманное нравственное чувство русскаго.

Предъ нами два принципиально и органически враждебныхъ другъ другу міросозерцанія, и основы этой вражды показываютъ, какъ мало могло быть общаго въ *человѣческомъ смыслѣ* между Тургеневымъ и его парижскими друзьями.

Мы приведемъ разсказъ самого Тургенева.

²⁶⁷) «La conversation est d'abord polissonne et Tourgueneff nous écoute avec l'étonnement un peu *médusé* d'un barbare, qui ne fait l'amour que très naturellement». *Ib.* VI, 9.

²⁶⁸) Полонскій. 537.

²⁶⁹) *Journal.* V, 277.

«Разъ въ Парижѣ давали одну пьесу.. Я, Флоберъ и другіе изъ числа французскихъ писателей собрались на эту пьесу взглянуть, такъ какъ она не мало надѣлала шума: нравилась она и журналистамъ, и публикѣ. Мы пошли, взяли мѣста рядомъ и помѣстились въ партерѣ.

«Какое же увидѣлъ я дѣйствіе? А вотъ какое. У одного негодяя была жена и двое дѣтей—сынъ и дочь. Негодяй мужъ не только прокутилъ все состояніе жены, но на каждомъ шагу оскорблялъ ее, чуть не билъ. Наконецъ, потребовалъ развода—*separation de corps et de biens* (что, впрочемъ, нисколько не даетъ женѣ права выйти вторично замужъ). Онъ остается въ Парижѣ кутить; она съ дѣтьми, на послѣднія средства, уѣзжаетъ, если не ошибаюсь, въ Швейцарію. Тамъ знакомится она съ однимъ господиномъ, и, полюбивъ его, сходится съ нимъ, и почти-что всю жизнь свою до старости считается его женой.

«Оба счастливы. Онъ трудится и заботится не только о ней, но и о ея дѣтяхъ: онъ ихъ кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ, воспитываетъ. Они также смотрятъ на него, какъ на родного отца, и вырастаютъ въ той мысли, что они его дѣти. Наконецъ, сынъ становится взрослымъ—юношей, сестра—дѣвушкой-невѣстой. Въ это время состарившійся настоящій мужъ узнаетъ стороною, что жена его получаетъ большое наслѣдство. Провѣдавъ объ этомъ, старый развратникъ, безчестный и подлый во всѣхъ отношеніяхъ, задумываетъ изъ разсчета опять сойтись съ женой и съ этой цѣлью инкогнито пріѣзжаетъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ брошенная имъ мать его дѣтей.

«Прежде всего онъ знакомится съ сыномъ и открываетъ ему, что онъ отецъ его. Сыну же и въ голову не приходитъ спросить: отчего же, если онъ законный отецъ, онъ не жилъ съ его матерью, и если онъ и сестра его—его дѣти, то отчего, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, онъ ни разу о нихъ не позаботился? Онъ просто начинаетъ мысленно упрекать свою мать и ненавидѣть того, кто одинъ далъ ей покой и на свои средства воспиталъ его и сестру, какъ родныхъ дѣтей своихъ. И вотъ происходитъ слѣдующая сцена. На сценѣ братъ и сестра. Входитъ воспитавшій ихъ другъ ихъ матери, и, по обыкновенію, здороваясь, какъ всегда, хочетъ прикоснуться губами къ головѣ дѣвушки, на которую съ дѣтства онъ привыкъ смотрѣть, какъ на родную дочь.

«Въ эту минуту молодой человѣкъ хватается его за руку и отбрасываетъ его въ сторону отъ сестры.

«— Не осмѣливайтесь прикасаться къ сестрѣ моей!—выража-

еть его негодующее гнѣвомъ лицо.—Вы не имѣете никакого права такъ фамиллярно обходиться съ ней!»

Флоберъ и его друзья, бывшіе съ Тургеневымъ въ театрѣ, пришли въ восторгъ отъ этой сцены. А между тѣмъ Тургеневъ почувствовалъ отвращеніе...

Долго онъ потомъ разсуждалъ съ пріятелями и никакъ не могъ убѣдить ихъ, что простое чувство гуманности говорило противъ юнаго героя. Французы стояли за *honneur de la famille* и одновременно смѣялись надъ наивностью русскаго романиста на счетъ разныхъ утонченностей парижской жизни ²⁷⁰⁾...

Тургеневъ сколько угодно могъ прибѣгать къ общимъ соображеніямъ на счетъ различія нравственныхъ воззрѣній у разныхъ народовъ,—онъ одинаково не могъ помириться ни съ французскимъ понятіемъ о «семейной чести» и «законности», ни съ «цивилизованнымъ» взглядомъ на любовь и женщину.

Что касается литературной дѣятельности, Тургеневъ здѣсь оказывался въ еще болѣе сомнительномъ положеніи. Онъ былъ въ высшей степени популяренъ въ Парижѣ, его считали здѣсь замѣчательнымъ писателемъ, точнѣе, рассказчикомъ—*original conteur*, но ему все-таки далеко было до Золя и даже до Гонкура. У него, по мнѣнію тѣхъ же обѣдненныхъ пріятелей, не было смѣлости въ психологіи, широты въ наблюденіяхъ, вообще, собственно писательскій талантъ его не изъ блестящихъ... И это понятно: Тургеневъ не имѣлъ ничего общаго съ французскимъ натурализмомъ, болѣе чѣмъ «смѣлымъ» и «широкимъ», не понималъ также нравственнаго и общественнаго эпикурейства Гонкура и Золя. Въ результатѣ, драгоцѣннѣйшія созданія тургеневскаго таланта въ глазахъ французовъ являлись чаще всего просто недоразумѣніемъ и «варварской» диковинкой, и популярность Тургенева основывалась, главнымъ образомъ, на его личныхъ отношеніяхъ, на его обаяніи, какъ человѣка. Въ виду этого, въ восторженныхъ французскихъ отзывахъ, возникшихъ послѣ смерти романиста, предъ нами неизмѣнно его личность и лишь рѣдкіе намеки на его авторство, за исключеніемъ статьи Вогюэ.

Тургеневъ отлично понималъ свое положеніе и относился къ нему равнодушно и съ своей точки зрѣнія на французскую культурную отзывчивость совершенно справедливо.

Отцы и дѣти были переведены и объяснены Мериме, а потомъ тотъ же писатель перевелъ *Призраки*. Знаменитый романъ

²⁷⁰⁾ *Journal V*, 265—6. Полонскій. 535—6. Гонкуръ называетъ пьесу—*Madame Coverlet*. Спектакль происходилъ 4-го марта 1876 года.

могъ бы, конечно, стать извѣстнымъ французской публикѣ и найти должную оцѣнку. Но въ результатѣ происходитъ слѣдующее: «*Revue des deux mondes*», пишетъ Тургеневъ, «отказалъ въ помѣщеніи *Призраковъ*, какъ гили несуразной»²⁷¹⁾. И около этого же времени Гонкуръ, впервые встрѣтившись съ Тургеневымъ, знаетъ о немъ, какъ объ авторѣ такихъ произведеній: *Mémoires d'un seigneur Russe* и *Hamlet russe*²⁷²⁾. И только.

Много лѣтъ спустя вопросъ мало измѣнился. Въ концѣ 1875 г Тургеневъ по поводу просьбы о литературной рекомендаціи писалъ изъ Парижа: «Я въ глазахъ здѣшней публики не имѣю ровно никакого значенія. Едва знаютъ мое имя, да и съ чего имъ его знать?!»²⁷³⁾.

То же самое онъ подтверждаетъ Додэ. При первой встрѣчѣ французскій романистъ заявилъ ему, что читалъ *Записки охотника*.

«Тургеневъ,—разсказываетъ Додэ,—не могъ придти въ себя отъ удивленія.

«— Правда, вы читали меня?

«И онъ сообщилъ мнѣ разныя подробности о слабомъ сбытѣ его книгъ въ Парижѣ, о неизвѣстности его имени во Франціи. Издатель Гетцель издавалъ его просто изъ милости»²⁷⁴⁾...

Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, могло быть нѣкоторое преувеличеніе со стороны скромнаго писателя, но сущность—справедлива и вполнѣ естественна. Тургеневъ, какъ художникъ, стоялъ слишкомъ далеко отъ французскихъ собратьевъ и по своему міросозерцанію, и по литературнымъ пріемамъ.

Романы Золя и Гонкура, въ свою очередь, не могли рассчитывать на сочувствіе Ивана Сергѣевича. Мы знаемъ его впечатлѣнія въ шестидесятые годы. Они оставались такими же и послѣ его окончательнаго переселенія въ Парижъ.

Въ концѣ 1875 года онъ пишетъ Салтыкову горячее письмо по поводу уничтожающихъ отзывовъ сатирика о произведеніяхъ французскихъ натуралистовъ.

«Петръ Великій, говорятъ, когда встрѣчалъ умнаго человѣка, цѣловалъ его въ голову; я хоть и не Петръ, и не Великій — а, прочитавъ ваше письмо—охотно бы облобызалъ васъ, любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ—до того все, что вы говорите о романахъ Гонкура и Золя — мѣтко и вѣрно. Мнѣ самому все это смутно мерещилось—словно подъ ложечкой сосало; но только те-

²⁷¹⁾ Фетъ. II, 78. Письмо къ Фету отъ 10 окт. 1865.

²⁷²⁾ *Journal*. II, 95. 23 fevrier 1863.

²⁷³⁾ *Письма*. 275.

²⁷⁴⁾ *Иностр. крит.* 197, 198.

перь я произнесъ: А!—и ясно прозрѣлъ. И не то, чтобы у нихъ не было таланта, особенно у Золя; но идти они не по настоящей дорогѣ и ужъ очень сильно сочиняютъ. Литературой воняетъ отъ ихъ литературы: вотъ что худо...²⁷⁵⁾

Еще менѣ могъ Тургеневъ примириться съ отношеніемъ Золя и Гонкура вообще къ литературной дѣятельности. Гонкуръ неоднократно принимается изображать свой пессимизмъ, свое разочарованіе и въ жизни, и въ людяхъ. «Литература уже не занимаетъ меня», пишетъ онъ, хотя и продолжаетъ издавать свои произведенія. Зачѣмъ же?

Это въ достаточной степени объясняется разсужденіемъ того же Гонкура по поводу Золя. «Никогда», говоритъ онъ, «литераторы не казались болѣе *мертворожденными*, чѣмъ въ наше время, и, однако, никогда они не работали такъ дѣятельно и неутомимо. Золя—хилый и нервный—работаетъ ежедневно отъ девяти часовъ до двѣнадцати, и отъ трехъ до восьми. Именно столько теперь приходится трудиться писателю съ талантомъ, и даже съ именемъ, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба. «Это необходимо», твердитъ Золя, «и не думайте, что у меня есть воля, я отъ природы слабѣйшее существо и менѣ всего способное увлекаться. Волю заимѣняетъ у меня *idée fixe*, и я заболѣлъ бы, если бы не повиновался ея внушенію»²⁷⁶⁾.

Очевидно, въ этихъ рукахъ литература превратилась въ ремесло, въ промышленность и вовсе не для насущнаго заработка: невѣроятно, какъ Гонкуръ въ семидесятыхъ годахъ могъ изображать Золя труженикомъ, бьющимся изъ-за куска хлѣба. «Натуральные» романы просто были ходкимъ товаромъ и доставляли авторамъ цѣлыя состоянія. Тургеневъ неоднократно въ письмахъ жалуется, что *не можетъ писать, не въ силахъ принудить себя* и не считаетъ возможнымъ въ такія времена создать что-либо достойное литературы. Подобныхъ затрудненій для французскихъ писателей не существуетъ. *Il le faut*, говорятъ они, у насъ *l'idée fixe—gagner sa vie*, а вдохновеніе и всякія мысли и настроенія—предметы, совершенно лишніе въ писательствѣ.

Мы видимъ, въ какой чуждой средѣ пришлось жить русскому писателю. Мы не намѣрены доказывать, будто Тургенева, какъ писателя, вообще не умѣли цѣнить во Франціи. Были и здѣсь восторженные поклонники, вродѣ Мериме, — но его Тургеневъ не засталъ въ живыхъ послѣ франко-прусской войны. Остались

²⁷⁵⁾ Письма. 271.

²⁷⁶⁾ Journal. II, 201. V, 44.

почитатели и по смерти геніальнаго романиста, напримѣръ, Вогюэ, но это такія же единичныя явленія во французской критикѣ, какимъ Жоржъ Зандъ была, по мнѣнію Тургенева, въ художественной литературѣ. На *обычный* французскій взглядъ Тургеневъ представлялъ нѣчто странное, даже забавное, и какъ писатель, и какъ человѣкъ извѣстныхъ принциповъ. Его несравненно лучше понимали въ Германіи, Англии, въ Америкѣ. За океаномъ его впервые провозгласили геніемъ: это показалось Тургеневу совершенно неожиданнымъ происшествіемъ. Онъ былъ также глубоко тронуть, по словамъ очевидца, восхищенъ, когда ньюіорскій издатель Георгъ Гольтъ прислалъ ему чекъ за переводы его романовъ. Присылка сопровождалась восторженнымъ отзывомъ американца о произведеніяхъ русскаго писателя. Гольтъ свой чекъ называлъ «слабымъ знакомъ признательности» и заявлялъ, что «никогда ни одно изъ издаваемыхъ имъ сочиненій не доставляло ему такого наслажденія, какъ переводы романовъ Тургенева» ²⁷⁷). Въ Германіи предъ нимъ благоговѣли: по крайней мѣрѣ, никто изъ иностранцевъ не писалъ такихъ гимновъ во славу Тургенева, человѣка и *писателя*, какъ Пйтчъ и Юліанъ Шмидтъ. Оба единогласно свидѣтельствуютъ, какой могучій отголосокъ вызвали въ ихъ душѣ произведенія русскаго писателя. Именно *геній писателя* въ глазахъ нѣмцевъ окружалъ безсмертнымъ ореоломъ *сердце чловѣка*. Они ожидали отъ Тургенева «объясненія той загадки, которая называется Россіей» ²⁷⁸). У французовъ интересъ сосредоточивался на Тургеневѣ, какъ членѣ общества, дружескаго кружка или представителѣ оригинальнаго невѣдомаго «славянскаго типа». Къ новымъ культурнымъ горизонтамъ, какіе открывались въ тургеневскомъ творчествѣ, они, въ громадномъ большинствѣ, или снисходительно-равнодушны, или свѣтски-внимательны, съ оттѣнкомъ изумленія и ироніи.

Англичане ближе къ нѣмцамъ, и для нихъ Тургеневъ одинъ изъ великихъ дѣятелей цивилизаціи.

Оксфордскій университетъ даровалъ Тургеневу степень доктора обычнаго права. Посылая пріятелю послѣ этого эпизода новую фотографію, Тургеневъ писалъ: «Охъ! какъ плохо идетъ ученая шапка къ моей великорусской рожѣ!» Это происходило въ 1879 году, и у Тургенева числилось въ Англии уже множество друзей и горячихъ почитателей. Два года спустя, по случаю пріѣзда Тургенева въ Англію, они затѣяли банкетъ, но Иванъ Сергѣевичъ

²⁷⁷) Журналъ *Atlantic Monthly Review*. Письмо отъ 21 февр. 1873 года. *Письма*. 213. *Иностр. крит.* Ральстокъ. 185.

²⁷⁸) *Иностр. крит.* Шмидтъ. 12.

рѣшительно возсталъ противъ торжества, считая себя недостойнымъ такой чести и опасаясь кривотолковъ своихъ враговъ. Ограничились обѣдомъ, Тургеневъ; «путаюсь и запинаясь, произнесъ маленькій спичъ». Такъ рассказываетъ онъ самъ, но очевидецъ-англичанинъ говоритъ объ увлекательности, о глубокомъ чувствѣ, воодушевлявшихъ рѣчь Тургенева: «Для насъ, англичанъ», прибавляетъ рассказчикъ, «онъ былъ всею интереснѣе, когда говорилъ о вліяніи, оказанномъ англійской литературой не только на него одного, но и на русскую литературу вообще». Обѣдъ остался незабвеннымъ для всѣхъ участниковъ ²⁷⁹⁾.

Очевидно, это уже не французская болтовня на счетъ женщины и любви, напоминающая сцену изъ мопассановскаго романа: курительная комната, пропитанная сигарнымъ дымомъ и ликернымъ ароматомъ, и мужчины, представляющіе собой человѣчество безъ предразсудковъ...

Слѣдовательно, судьба, связавшая Тургенева съ французской семьей и съ французскимъ обществомъ, и въ томъ, и другомъ случаѣ менѣе всего проявила материнскихъ попеченій о талантѣ и нравственномъ мірѣ русскаго писателя. Мы знаемъ, въ чемъ состояло для Тургенева «семейное счастье» подъ кровлей Виардо; это въ сущности было долголѣтнее *недоразумѣніе*, плодившее въ его душѣ горечь душевнаго одиночества и тоску неудовлетвореннаго чувства. Мы видѣли теперь, какихъ радостей могъ ожидать Тургеневъ отъ парижскихъ товарищей по дѣятельности: дружба съ ними не болѣе, какъ условно-фамильярное, ресторанны-пріятельское компанейство. И на виллѣ *Les Frenes*, и въ *Café Riche* Тургеневъ одинаково былъ чужимъ, хотя и интереснымъ человѣкомъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Такое заключеніе какъ нельзя краснорѣчивѣе подтверждается настроеніями Тургенева послѣ переселенія въ Парижъ до самой смерти.

До окончательнаго прикрѣпленія къ французской столицѣ Тургеневъ въ теченіе десяти лѣтъ написалъ пять романовъ и еще нѣсколько рассказовъ и статей. А послѣ *Дыма* также за десять лѣтъ напечатанъ только одинъ романъ *Новъ*; среди же рассказовъ преобладаютъ мотивы, неизвѣстные раньше, — сверхестественное, таинственное, душевно-патологическое. Очевидно, творческая энергія писателя падаетъ—особенно съ семидесятыхъ годовъ, и—что еще важнѣе—былой реализмъ вдохновенія уступаетъ мѣсто фантастическому и мечтательному.

²⁷⁹⁾ Письма. 349, 388. *Иностр. крит.* 187—189.

Чѣмъ же объясняются эти явленія?

Ихъ прежде всего превосходно понимаетъ самъ Тургеневъ, постоянно говоритъ о нихъ своимъ друзьямъ, и отголоски его разговоровъ слышатся даже въ художественныхъ произведеніяхъ.

Смыслъ объясненій не трудно предугадать. Стоитъ только снова обратиться къ тѣмъ же пяти романамъ. Четыре изъ нихъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, но *Дымъ* уже отдѣленъ отъ *Отцовъ и Дѣтей* промежуткомъ въ пять лѣтъ. Этого мало. Пятый романъ — мы указывали — отличается отъ другихъ авторскимъ настроеніемъ, литературной манерой. Разсказъ часто переходитъ въ явно-личныя изліянія, характеры дѣйствующихъ лицъ принимаютъ преднамѣренно-рѣзкія формы, а одинъ изъ героев до очевидности представляетъ личность самого автора.

Какъ бы ни относиться къ общественному смыслу сатиры и положительнымъ выводамъ романа, самые приемы автора противорѣчатъ его обычному спокойно-художественному творчеству, и психологъ слишкомъ часто уступаетъ мѣсто публицисту, не въ томъ смыслѣ, что изъ его анализа вытекаютъ совершенно опредѣленные идеи: это отнюдь не наноситъ ущерба ни произведенію, ни поэтическому таланту, а сообщаетъ только тому и другому истинно-просвѣтительное значеніе. Нѣтъ. Авторъ — *жизненную картину* замѣняетъ отвлеченнымъ діалогомъ, *характеры* — быстро набрасываемыми рисунками, необходимыми для превращенія публицистическаго трактата въ драматическую сцену. Правда, эти рисунки постоянно обличаютъ гениальную кисть яркостью и реализмомъ красокъ, но у художника, очевидно, нѣтъ желанія и воли отдѣлывать ихъ съ былой артистической любовью и тщательностью. Онъ весь во власти нервныхъ ощущеній, и творческое созерцаніе жизни поминутно прерывается жгучимъ воплемъ душевной боли и страстнаго негодованія. И раньше читатели, вродѣ Фета, обвиняли Тургенева въ тенденціи. Но художникъ могъ совершенно искренно отвѣчать, что *идеи* въ его произведеніяхъ результатъ *образовъ, общіе выводы* создаются его *впечатлѣніями*, какъ наблюдателя и поэта.

«А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній, потому только, что они похожи на тенденціи», по мнѣнію Тургенева, «было бы странно и смѣшно»²⁸⁰). Очевидно, сама жизнь, прошедшая сквозь душу и творческій геній художника, естественнымъ путемъ приводили и самого автора, и читателей къ извѣстнаго рода заключеніямъ — нравственнаго и общественнаго содер-

²⁸⁰) *Фетъ*. I, 396. Письмо отъ 6 апр. 1862.

жанія. Это—писательская объективность, но соединенная съ особаго рода человѣческой и гражданской отзывчивостью. Одна и та же дѣйствительность у одного наблюдателя могла вызывать только робкое дыханіе и трели соловья, у другого—безсмертные историческіе образы. И весь вопросъ заключался въ духовной организациі того и другого поэта, въ богатствѣ почвы, на которую падали сѣмена жизни, въ благородной силѣ инструмента, который заставляли звучать внѣшніе звуки.

Тургеневъ могъ быть, и на самомъ дѣлѣ былъ, несравненно менѣе тенденціозенъ, чѣмъ Фетъ—фанатическій врагъ ума и разсудка, могъ писать, «какъ трава растеть», но вся его натура, всѣ его душевные процессы неудержимо органически стремились къ *идеѣ*, къ *значительному смыслу* творчески воспроизводимыхъ явленій. Въ этомъ прирожденномъ свойствѣ и кроется тайна геніальности. Кто самъ не обладаетъ тайной, тому мерещится тенденція, преднамѣренность тамъ, гдѣ совершается вполне естественное преобразование образовъ въ идеи.

Истинно-геніальный художникъ *идеенъ по природѣ*, потому что геній есть совершенная гармонія всѣхъ духовныхъ силъ—творчества и разума, чувства и мысли, впечатлѣній и идей. И всѣ толки о «чистомъ» и тенденціозномъ искусствѣ—результатъ недоразумѣнія. Настоящій художникъ, даже тоскуя о «звукахъ сладкихъ и молитвахъ», окажется тенденціознымъ въ глазахъ чистыхъ художниковъ: примѣръ Пушкинъ и Гоголь. Ни тотъ, ни другой не задавались публицистическими цѣлями, даже открепивались отъ «толпы» и ея насущныхъ нуждъ,—и оба стали во главѣ реального искусства, *стихийно* шли на встрѣчу жизненнымъ запросамъ той же толпы. Для этого имъ стоило только свободно отдаваться влеченіямъ своего генія, и онъ ихъ непремѣнно приводилъ къ общественнымъ образамъ, и, слѣдовательно идеямъ. Все равно, какъ розы сами собой растутъ на розовомъ кусту, а шиповникъ никогда не дастъ розъ, такъ и дѣйствительный художественный талантъ не можетъ приносить однихъ пустоцвѣтовъ, т. е. «звуковъ сладкихъ» безъ внутренняго содержанія. А это содержаніе всегда будетъ дѣтищемъ свѣтлаго разума, гуманнаго чувства, правды и справедливости: иначе—не было бы смысла ни въ жизни человѣчества, ни въ высшихъ по истинѣ божественныхъ дарахъ, выпадающихъ на долю избранныхъ.

Въ такомъ смыслѣ рѣшается основной вопросъ искусства произведеніями Тургенева,—рѣшеніе единственно возможное, когда оно идетъ о великомъ художникѣ. Но оно далеко не всегда было доступно автору *Отцовъ и дѣтей*. И это онъ, какъ и всегда, созналъ прежде всего самъ.

«Объективный писатель беретъ на себя большую ношу: нужно, чтобы его мышцы были крѣпки... Прежде я такъ работалъ, и то не всегда; теперь я облѣнился, да и устарѣлъ»²⁸¹). Такъ писалъ Тургеневъ въ іюнѣ 1876 года, т. е. наканунѣ появленія *Нови*. Но слова «и то» и «не всегда» должны быть отнесены къ болѣе раннему времени, именно къ *Дыму*. Авторъ, неизмѣнно пронидательный и строгій судья надъ самимъ собой, не могъ не признать особенностей этого романа, не имѣвшихъ ничего общаго съ «объективностью» — *тургеневской объективностью*, а не фетовской и другихъ самозванныхъ «чистыхъ» художниковъ.

Чѣмъ же объясняется такое нарушеніе давнишняго творческаго процесса?

Дымъ—первый романъ, написанный внѣ Россіи и по заграничнымъ наблюденіямъ. Этихъ наблюденій было много, но на чужой почвѣ, среди чужой жизни. Художника поражали случайныя встрѣчи, мимоходомъ услышанные разговоры, отдѣльныя фигуры и разбросанные штрихи, а самый фонъ картины и ея дѣло были скрыты отъ его глазъ. Сцена дѣйствія Бадень-Бадень и герои—русскіе туристы: въ результатъ романъ часто сбивается на курортныя впечатлѣнія и путевые очерки. Ничего подобнаго не могло бы происходить, если бы сценой по прежнему была Россія, а дѣйствующимъ лицомъ—русское общество въ настоящемъ смыслѣ слова.

Тургеневъ—внѣ своего отечества—такими словами можно совершенно точно выразить настроеніе писателя и охарактеризовать его литературную дѣятельность съ начала семидесятыхъ годовъ. Въ этомъ фактѣ источникъ всѣхъ его нравственныхъ недомоганій и творческихъ неудачъ.

Письма Тургенева съ 1871 года переполнены однимъ мотивомъ: нѣтъ силъ писать, нѣтъ ни къ чему интереса, потому что кругомъ чужая жизнь, чужіе люди — и нѣтъ пици поэтическому чувству. Въ маѣ 1871 года онъ пишетъ письмо, приведенное нами и раньше—о томъ, что «голосъ остался, да пѣть нечего», потому что «по обстоятельствамъ всеильнымъ» авторъ живетъ внѣ Россіи.

Друзья убѣждаютъ его «обратить вниманіе на современность»,—Тургеневъ отвѣчаетъ: «живя за границей, это—трудно»²⁸²).

Пессимистическое настроеніе часто переходитъ въ чувство безнадежности. Мы и раньше слышали отъ Тургенева жалобы на жизнь, на физическіе недуги, на одиночество, но именно съ се-

²⁸¹) *Письма*. 295.

²⁸²) *Письма*. 207.

мидесятихъ годовъ эти жалобы становятся какъ бы постояннымъ припѣвомъ въ его письмахъ, и даже въ художественныхъ произведеніяхъ.

Зимой въ 1873 году Тургеневъ пишетъ спокойное, но необыкновенно грустное письмо, увѣряетъ, что его душу все сильнѣе охватываетъ холодъ и равнодушіе ко всему: это даже его пугаетъ. Полтора года спустя то же самое. Ему, кажется,—онъ «скоро думать перестанетъ»; «буду прозябать,—и баста». Переписка съ друзьями, столь его всегда занимавшая, идетъ плохо, потому что ему нечего говорить о себѣ ²⁸³).

На первое время Тургеневъ усиливается создать себѣ интересъ, разжигая свою старинную любовь къ живописи. Онъ усердно посѣщаетъ выставки, покупаетъ картины, становится даже популярнымъ въ Парижѣ, какъ *Gogo russe*, т. е. покупатель, котораго легко надуть, но все это только—«при отсутствіи всякаго другого живого интереса», признается Тургеневъ. Вскорѣ онъ, видимо, охладѣваетъ и къ картинамъ и распродаетъ ихъ при первой нуждѣ въ деньгахъ. Рѣшаясь на распродажу, онъ пишетъ: «желалъ бы я найти что-нибудь, что бы меня занимало» ²⁸⁴).

Одновременно съ этимъ общимъ томительнымъ настроеніемъ, Тургеневу приходится сводить счеты съ русскими «пріятелями».

Весной 1871 года Тургеневъ узналъ о рассказанномъ выше поступкѣ Достоевскаго. Полгода спустя *Московскія Вѣдомости* разразились статьей, клеймившей позоромъ нравственную личность Тургенева, Гончаровъ продолжалъ обвинять въ посягательствахъ на его «литературную честь» ²⁸⁵). Наконецъ, произошелъ окончательный разрывъ съ Фетомъ.

Мы знаемъ, какъ мало общаго было во взглядахъ обоихъ писателей на существенные вопросы литературы и, слѣдовательно, общественной жизни. Тургеневъ держался на почвѣ общей полемики, но Фетъ не пропускалъ случая принять участіе въ личныхъ дѣлахъ Тургенева и непремѣнно во враждебномъ ему смыслѣ. Такъ, мы видѣли, было во время исторіи Ивана Сергѣевича съ дядей-управляющимъ. Поэтъ осыпалъ Тургенева жестокими упреками, явно не понимая дѣла, что ему и доказалъ Боткинъ ²⁸⁶). Ссора Тургенева съ гр. Толстымъ ободрила Фета на дальнѣйшія рѣшительныя дѣйствія. Тургеневъ все еще продолжаетъ толковать Фету о тенденціозности и намѣренъ продолжать толки при лич-

²⁸³) *Письма*. 264.

²⁸⁴) *Иностран. крит.* 176. Фетъ. II, 267. *Письма*. 215, 266.

²⁸⁵) *Письма*. 194, 203, 285.

²⁸⁶) Фетъ. II, 119.

номъ свиданія съ поэтомъ, но поэтъ уже начинаетъ дѣлать розыскъ на счетъ личныхъ недостатковъ Ивана Сергѣевича. Вотъ образчикъ этого розыска:

«Что Тургеневъ не чуждался своей дворянской роли, заключаю потому, что видѣлъ его въ Спасскомъ, охорашивающимся передъ зеркаломъ въ только-что полученномъ отъ портного дворянскомъ мундирѣ, въ которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ ѣдетъ въ экстренное дворянское собраніе»²⁸⁷⁾:

Съ такой основательностью и глубокомысліемъ поэтъ доказываетъ серьезнѣйшія выходки на счетъ своего стариннаго пріятеля!

Потомъ Фетъ увлекается философіей, преимущественно Шопенгауэромъ, встрѣчаетъ горячее сочувствіе гр. Толстого, и тотъ посылаетъ ему, въ августѣ 1869 года, восторженное письмо о «рядѣ духовныхъ наслажденій», о томъ, что «вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многого не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто», и что Шопенгауэръ «геніальнѣйшій изъ людей»²⁸⁸⁾. Одновременно Фетъ дѣлаетъ вылазки противъ литературы и литераторовъ, а гр. Толстой проникается полнымъ равнодушіемъ къ этимъ предметамъ. Тургеневъ не устаетъ возражать противъ резонерства друзей, преимущественно противъ «разсудительства» гр. Толстого, такъ какъ считаетъ его «единственной надеждой нашей осиротѣлой литературы», самого Фета въ шутивномъ стихотвореніи приглашаетъ бросить Шопенгауэра и пріѣхать лѣтомъ въ Спасское—взглянуть на крестьянское пиршество²⁸⁹⁾.

Но Фетъ идетъ своимъ путемъ, свободнымъ отъ всякой тенденціи.

Немного спустя Катковъ попалъ на трудъ Анненкова о Пушкинѣ, Фетъ присоединился къ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* и принялся обвинять Анненкова въ «шаткости» убѣжденій. Тургеневъ впервые замѣтно теряетъ терпѣніе, такъ какъ, помимо личности друга, затрогивается еще имя обожаемаго поэта. Это происходило въ октябрѣ 1874 года, въ ноябрѣ Тургеневъ сообщилъ Фету, что ему стала извѣстна совершенно бессмысленная клевета поэта. Клевета состояла въ томъ, будто Тургеневъ въ разговорѣ съ двумя юношами—сыномъ и родственникомъ своей знакомой—старался «заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь»... Тургеневу ничего не осталось, какъ порвать знакомство съ Фетомъ, но и здѣсь онъ не могъ выразить сожалѣнія о прошлыхъ отношеніяхъ.

²⁸⁷⁾ *Иб.* II, 191—2.

²⁸⁸⁾ *Иб.* II, 199, 200.

Фетъ оправдывается въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, но сущность не въ отдѣльныхъ фразахъ, а въ смыслѣ ихъ. А смыслъ Тургеневу былъ переданъ вѣрно. Но Фетъ и этимъ не удовольствовался; въ отвѣтъ Тургеневу онъ упрекнулъ его въ оскорбительныхъ выходкахъ противъ гр. Толстого. Тургеневъ счелъ нужнымъ отвѣчать; ему, конечно, ничего не стоило опровергнуть навѣтъ, и онъ даже обращался къ «чувству справедливости» поэта.

Въ *Воспоминаніяхъ* дальше слѣдуетъ настоящій обвинительный актъ о слабости, «самомъ дѣтскомъ самолюбіи безпощаднаго эгоизма» Тургенева, объ его невѣжливомъ отношеніи къ дамамъ, о «прозрачномъ козырѣніи» и «позорномъ искательствѣ», о «постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ», о поступкѣ съ дядей, о «заносчивыхъ выходкахъ съ Толстымъ и съ нимъ—Фетомъ», характеризующихъ Тургенева, какъ «пѣтушка-королька»...²⁹⁰⁾

Поэтъ, очевидно, отводилъ душу на полной свободѣ...

Спустя четыре года гр. Толстой обратился съ письмомъ къ Тургеневу; это произвело сильное отрезвляющее впечатлѣніе на Фета. Поэтъ сталъ соображать, что въ сущности ему не изъ-за чего ссориться съ Тургеневымъ, что оба они западники — одинъ «безъ всякой подкладки», а другой т. е. самъ Фетъ — «такой же западникъ на русской подкладкѣ изъ ярославской овчины, которую при нашихъ морозахъ покидать жутко».

Въ результатѣ Фетъ послалъ Тургеневу письмо, «очень милое», сообщалъ Тургеневъ, «хоть и не совсѣмъ ясное, съ цитатами изъ Канта»²⁹¹⁾.

Остается только неизвѣстнымъ, какимъ образомъ соображенія о «подкладкахъ» могли заставить поэта забыть объ удручающихъ личныхъ порокахъ и преступленіяхъ Тургенева.

Иванъ Сергѣевичъ не зналъ или не хотѣлъ знать Фетовскихъ уликъ и радостно привѣтствовалъ свое примиреніе съ оригинальнымъ западникомъ²⁹¹⁾.

Все это не могло разсѣять грусти писателя. Въ его личной жизни нѣтъ ни одного просвѣта. Правда, онъ именно въ годъ ссоры съ Фетомъ дѣятельно занялъ бракомъ дочери Вярдо, онъ въ восторгѣ отъ ея счастья, устраиваетъ ея судьбу, дѣлится своими радостями съ друзьями. Но, мы уже знаемъ, эти радости чередуются съ тѣмъ же, будто невольнымъ, воплемъ одинокой тоски, и когда хлопоты кончились, мы слышимъ такое призна-

²⁸⁹⁾ *Тб.* II, 235, 216—7.

²⁹⁰⁾ *Тб.* II, 279, 290, 300, 302, 307, 308.

²⁹¹⁾ *Тб.* II, 350. *Письма.* 335.

ніе: «...Теперь все снова вошло въ обычную колею — что лучше всего (подчеркиваетъ Тургеневъ). О! блаженная прелесть однообразія и сходства нынѣшняго дня со вчерашнимъ!.. Эту прелестью я наслаждаюсь вполне»²⁹²⁾.

Могла ли при такихъ условіяхъ развиваться творческая дѣятельность художника? Ежеминутное сознаніе своей отчужденности отъ родины, холодъ нравственной безпріютности, мелкія житейскія дразги:—ни новыхъ мотивовъ, ни вдохновенія, ни необходимаго душевнаго свѣта и мира... И Тургеневъ даже счастливъ, что онъ не работаетъ, что забросилъ литературу: ему было бы мучительно считаться съ своей авторской совѣстью, съ невольнымъ безсиліемъ творческихъ порывовъ.

Въ рѣдкіе дни и часы, когда къ нему возвращается воля работать, его не покидаетъ обычное настроеніе и направляетъ его мысль на соотвѣтствующіе образы и сюжеты.

Тургеневу приходилось писать на первое время въ Парижѣ подъ гнетомъ крайне тяжелыхъ впечатлѣній послѣ неудачи съ рассказомъ *Стенной король Лиръ*. Находя, что рассказъ имѣлъ только *succès d'estime* и считая это «хуже фіаско», Тургеневъ рѣшилъ, было, остановиться. Но годъ спустя онъ уже сообщаетъ о *Вешнихъ водахъ*, снова не рассчитывая на успѣхъ²⁹³⁾.

Это на самомъ дѣлѣ лучшее и крупнѣйшее произведеніе за цѣлыя шесть лѣтъ съ переселенія Тургенева въ Парижъ до появленія *Нови*, и именно на немъ прежде всего сказалась мрачная грусть, владѣвшая авторомъ.

«Ясная душа поэта отражала въ себѣ тяжелыя тучи и пасмурныя небеса», говоритъ Вогюэ про этотъ періодъ въ жизни Тургенева. «Въ концѣ *Вешнихъ водъ*, послѣ дивной сцены обольщенія, правдивой, какъ сама жизнь, въ которой такъ вѣрно выразилась слабость мужчины и дьявольское могущество женщины, слѣдуютъ нѣсколько страницъ, полныхъ такой горечи, что чувствуешь жалость къ писателю, который могъ создать ихъ»²⁹⁴⁾.

Положеніе Санина, разбившаго свою молодую любовь и загубившаго счастье безволіемъ и заблужденіемъ, будто отдаленный отголосокъ личной судьбы автора. Для него также не существовало молодости, озаренной прочной, счастливой, любовью, онъ также неоднократно могъ сѣтовать на «всесильныя обстоятельства», ставшія выше его воли, и не давшія ничего взамѣнъ, кромѣ знобщаго холода одинокой старости.

²⁹²⁾ Письма. 226, 227, 253

²⁹³⁾ Гб. 183, 200. Письма отъ 27 окт. 1870 и отъ 18 дек. 1871.

²⁹⁴⁾ Иностран. крит. 121.

У Санина остается впереди отраженіе чужого счастья, счастья дочери когда-то любимой дѣвушки, и онъ хватается за этотъ свѣтлый призракъ, лишь бы спастись отъ удручающей душевной пустоты...

И снова намъ представляется самъ авторъ, живущій радостями дочери г-жи Віардо, просиживающій ночи у ея постели во время болѣзни, съ замираніемъ сердца привѣтствующій ея перваго ребенка...

Единственные «старческія» радости, уступленные великому писателю «всесильными обстоятельствами!»

Но настоящая пѣснь одиночества—это рассказъ *Живыхъ мощей*.

Крестьянская дѣвушка, неизлѣчимо больная, на всю жизнь прикована къ постели. Кое-кто изрѣдка забредетъ поговорить съ ней. Важныя происшествія въ ея существованіи—воркованіе голубя на крышѣ, появленіе курочки-насъдки съ цыплятами, воробья или бабочки. Цѣлое событіе—забѣжавшій заяцъ. А безъ этихъ событийъ трудно одинъ день отличить отъ другого.

Людская жизнь идетъ гдѣ-то далеко, мимо, едва донося свой шумъ до «живыхъ мощей».

Но есть же у Лукерьи минуты, когда предъ ея глазами проходятъ нескончаемыя картины иного чуднаго міра.

Это—ея сны.

«Сплю я точно рѣдко, но всякій разъ сны вижу; хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу; такая я всегда во снѣ здоровая да молодая...»

И дальше исторія изъ невозвратной молодости, изъ беззаботной дѣвичьей жизни. А тамъ—смутныя грезы о близкомъ концѣ всѣхъ страданій.

И здѣсь снова авторъ повѣряетъ намъ свои настроенія.

«Многіе даже изъ ближайшихъ его друзей не знаютъ,—говоритъ Пичъ,— что въ это время, когда Тургеновымъ все болѣе и болѣе овладѣвала старческая тоска, онъ написалъ много поэтическихъ видѣній, воспоминаній и аллегорій глубоко пессимитического содержанія, замѣчательныхъ то грандіозной смѣлостью, то увлекательной граціей рисунка. Онъ называлъ эти произведенія «senilia», свидѣнія старца. Многія изъ нихъ онъ дѣйствительно видѣлъ во снѣ, какъ, напримѣръ, фантастическій рассказъ *Старуха*, въ которомъ такъ наглядно изображается неизбѣжность смерти...»

Эти слова ближайшаго друга Тургенева и извѣстныя намъ признанія самого писателя—лучшія объясненія творческаго процесса послѣдняго десятилѣтія его жизни. А такіе рассказы, какъ *Живыхъ*

мощи, *Странная исторія*, *Разсказъ отца Алексѣя*, *Сонъ* — подлинныя документы къ біографіи автора, вѣрнѣйшія свидѣтельства его личныхъ настроеній и глубокихъ страданій.

Только однажды за всѣ эти годы Тургеневъ снова приблизился къ современной общественной дѣйствительности, приблизился боязливо, будто противъ воли, долго не находя въ себѣ силъ выполнить давно задуманный планъ... Наконецъ, — всѣ колебанія исчезли, какъ бы подъ наитіемъ былого юношескаго вдохновенія, и всего въ три мѣсяца былъ начатъ и оконченъ послѣдній романъ Тургенева—*Новь*.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ФР. КОППЕ.

I.

Въ глубокой тишинѣ, за лампой трудовой
Сажу я и пишу,—любимая работа!
А рядомъ мать-старушка,—взоръ блеститъ слезой,
Но все же обо мнѣ въ немъ свѣтится забота...

О чемъ ты думаешь? О силѣ-ль роковой,
Что бросила меня въ недавнее изгнанье?
Вѣдь горе кончилось, и я опять съ тобой,
Забудь же прошлое: разлуку и страданья!

Въ каминѣ ты теперь прибавила огня,
И пламя вспыхнуло, и весело играетъ:
Любя, ты холодъ ночи гонишь отъ меня...
О, мама, сынъ тебя благословляетъ!

II.

Въ пять лѣтъ ей часто поручали
Малютку-брата, и его
Рученки дѣтскія ласкали...
Теперь не нужно ничего.

Мгновенья жизни пролетѣли;
Онъ не рожденъ былъ для земли,
И, снявши мѣрку съ колыбели,
Малютѣ гробикъ принесли.

Она ужъ больше не играетъ
И, хороня мечту свою,
Въ печали дѣтской повторяетъ:
— Я больше куколь не люблю.

Вл. Ладыженскій.

НА ХЛѢБАХЪ.

РАЗСКАЗЪ

Густава афъ Гейерстама.

(Изъ Сборника „Разказы Кронфогта“).

ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО.

Во дворѣ стояла большая липа вся въ цвѣту, ярко освѣщенная солнцемъ, и въ ея могучей коронѣ весело жужжали несмѣтные рои пчелъ и шмелей. Пріятный запахъ липоваго цвѣта разносился въ мягкомъ лѣтнемъ воздухѣ и проникалъ въ открытую дверь крестьянскаго домика, выкрашеннаго въ красный цвѣтъ.

Въ Оландѣ деревья крайне рѣдки, и старая липа пользовалась въ семьѣ большимъ почетомъ. Старый Перъ Сьегренъ посадилъ ее самъ, и при немъ она выросла и окрѣпла,—такъ что когда его внукъ, Андерсъ Сьегренъ, женился, липа была уже большимъ деревомъ, подъ вѣтвями котораго онъ сидѣлъ съ женою первое счастливое время, когда у нихъ было такъ много о чемъ разговаривать въ свѣтлыя лѣтнія ночи. Грета также отъ души радовалась, глядя на большую липу. Она раньше всего бросалась ей въ глаза, когда она выглядывала утромъ изъ своего окошка, и на нее послѣднюю она смотрѣла, когда запирала на ночь выходную дверь. Конечно, она не всегда думала о ней. Жизнь предъявляетъ много требованій, и не всегда можно сосредоточивать свое вниманіе на цвѣтахъ и деревьяхъ. Но старая липа срослась съ ея жизнью, и видъ ея возбуждалъ въ ней всегда тихую радость, думала ли она о ней, или нѣтъ. Она любила ее и зимою, когда она стояла, вся покрытая снѣгомъ, и лѣтомъ, когда ея вѣтви зеленѣли своими яркими листьями.

Когда на липѣ весною начинали показываться маленькія зеленыя почки, она радовалась, а когда листья осенью желтѣли и отрывались, медленно, одинъ за другимъ, падая на песокъ, гдѣ они образовывали сухой коверъ, отливающій разноцвѣтными красками,—коверъ, которымъ, шелестя, двигалъ вѣтеръ,—ее охватывало странное, грустное чувство, полное, въ то же время, глубокаго спокойствія. А когда она постарѣла, она даже любила смотрѣть на падающіе листья.

Теперь Грета была стара, и Андерсъ также. Они жили на хлѣбахъ у сына, въ маленькой комнатѣ, около каменной стѣны. Вѣдь нужно дать жить и молодымъ, а старики должны позаботиться о томъ, чтобы уйти во-время и уступить имъ мѣсто, если блѣдный косарь слишкомъ долго медлитъ съ своею косой.

И старая липа въ дворѣ тоже успѣла состариться. На ней были толстыя, узловатыя, крѣпкіе сучья, развѣтвлявшіеся во всѣ стороны; они образовывали большую, обширную бесѣдку, гдѣ птички распѣвали лѣтомъ, и куда лазили дѣти, чтобы поиграть. Была середина лѣта, и липа стояла вся въ цвѣту. Въ это именно время начинается нашъ разговоръ.

На скамейкѣ, вдѣланной въ землю подъ липою, сидѣлъ новый собственникъ, Августъ Сьегренъ, погруженный въ глубокія размышленія. Рядомъ съ нимъ помѣстился и старикъ Андерсъ съ грустнымъ, озабоченнымъ видомъ. Его морщинистое лицо выражало и испугъ, и недовольство, а губы были крѣпко сжаты, точно онъ боялся не во-время открыть ихъ.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказалъ наконецъ старикъ,—дворъ твой.

— Мой-то онъ мой,—отвѣтилъ сынъ съ чувствомъ собственнаго достоинства. — Но заемъ принесетъ двору только пользу. Если я куплю молотилку и жатвенную машину, и выкорчую всѣ камни съ поля, дворъ будетъ давать гораздо больше дохода, чѣмъ теперь. И въ концѣ концовъ получится только выгода.

Старикъ вздохнулъ. Онъ зналъ, что разъ молодые хотятъ идти своимъ путемъ, ихъ не переубѣдишь. Но онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы молчать, и поэтому пробормоталъ:

— Пять тысячъ кронъ—большія деньги.

— Не для теперешняго времени,—возразилъ сынъ.

Это задѣло старика за-живое: сынъ говорилъ о своемъ времени, точно время отца давно уже прошло. Но ему не хотѣлось ссориться, и онъ только сказалъ:

— Долговъ надѣлать не трудно, только платить ихъ тяжело.

Августъ посмотрѣлъ на отца. Между его бровями легла морщинка, и онъ отвѣтилъ рѣзкимъ, недовольнымъ тономъ:

— Вы же свое содержаніе будете получать, какъ бы тамъ ни было.

— Да, конечно,—отвѣтилъ отецъ.

Осталось поѣхать въ городъ и вернуться, осмотрѣть дворъ, написать нужныя бумаги, сдѣлать надлежащій расчетъ, и опять поѣхать въ городъ. Когда пришла весна, Августъ заключилъ въ банкѣ заемъ по пяти процентовъ, и довольный вернулся домой: въ карманѣ у него лежало пять тысячъ кронъ крупными бумажками.

— Вотъ такъ хорошо!—сказалъ онъ старику.

— Поживемъ—увидимъ,—возразилъ ѣдко Андерсъ.

Старикъ Андерсъ, ложась и вставая, не переставалъ грустить о томъ, что находился на изживеніи у сына. Когда случилась эта переменъна въ его жизни, ему было всего шестьдесятъ четыре года. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, и ему такъ хотѣлось отдохнуть. Но теперь прошло уже пять лѣтъ, какъ онъ отдыхалъ, и онъ начиналъ думать, что ему пріятно было бы вновь приняться за работу. Но если для молодыхъ совершенно естественно просить старика отстранить себя и уступить имъ мѣсто, то разъ старикъ уступилъ, ему уже почти невозможно явиться къ молодымъ съ просьбою отдать обратно принадлежавшее ему когда-то мѣсто. Въ этой истинѣ Андерсъ убѣдился опытомъ многихъ лѣтъ,—поэтому и молчалъ, хотя раздраженіе съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе накапливалось въ немъ.

— Да, да,—говорилъ онъ, сидя вдвоемъ съ женою въ своей комнатѣ.—Тяжело жить на свѣтѣ, когда приходится ждать только смерти.

— О, да, правда,—отвѣчала Грета.—Когда дѣти получаютъ свое, имъ уже хочется, чтобы родители поскорѣе убирались вонъ.

И нельзя сказать, чтобы старики были совершенно неправы, думая такъ. Конечно, имъ собственно не на что было жаловаться. Все, что должно было даваться имъ по уговору, они получали: и деньги, и хлѣбъ, и одежду, и сало, и картофель. Правда, когда имъ выдавали зерно, мѣра была всегда такая, какъ слѣдуетъ, но зерно оказывалось далеко не перваго сорта. Картофель была всегда проросшій, или во-

дьянистый, сало—всего одна кожица, а когда вопросъ шель о выдачѣ денегъ, то казалось, будто каждая копѣйка золотая, такъ медленно и съ такимъ трудомъ вынимались онѣ изъ ящика.

А тутъ наступили и нововведенія, и Андерсъ цѣлую зиму не находилъ покою, а все ходилъ да раздумывалъ. Всю свою жизнь онъ молотилъ цѣпами, и теперь никакъ не могъ взять въ толкъ, почему то, что годилось для него, не годится для сына. Сколько онъ помнилъ, люди всегда косили траву и хлѣбъ косами или жали ихъ серпами. А теперь изъ города выписали красивую машину, выращенную въ красный цвѣтъ.

На ней было сидѣніе, точно на господскомъ кабриолетѣ, большія плоскія косы спускались внизъ къ землѣ, словно ребра изъ хребта скелета, а когда машина стояла безъ употребленія, косы эти торчали въ воздухѣ, точно поломанный спинной хребетъ. Машина стояла всю зиму въ сараѣ, и всякій разъ, когда Андерсъ замѣчалъ, что дверь открыта, онъ заглядывалъ туда. Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, жуя между зубами табакъ, и клялся про себя, клялся такъ безбожно, что если бы кто посторонній услышалъ его, онъ подумалъ бы, что старый Андерсъ сошелъ съ ума.

Но когда Андерсъ видѣлъ, что за нимъ некому наблюдать, онъ бралъ съ собою и жену, чтобы и она полюбовалась на новинку. Оба старика стояли одни въ сараѣ и удивлялись безумствамъ молодого поколѣнія.

— Этакая чертовщина,—говорилъ Андерсъ.

— Да, скажи пожалуйста.—отвѣчала ему Грета.

— И они воображаютъ, что этимъ можно косить,—продолжалъ Андерсъ, сплунувъ въ сторону.—Во-первыхъ, ни одна лошадь не захочетъ тащить ее. Подумай только, какой подыметъ адскій шумъ, какъ только такое чудовище придетъ въ движеніе! Лошадь испугается отъ одного ея вида и ни за что не захочетъ двинуться съ мѣста. Косы будутъ биться одна о другую, или вкапываться въ землю, или совсѣмъ не захотятъ вертѣться, будетъ чортъ знаетъ что за гадость, вотъ и все!

— А что, если она пойдетъ,—сказала старуха.

— Никогда этого не будетъ,—отвѣтилъ Андерсъ.—Имъ придется опять взяться за косу. Помни мое слово, если имъ опять не придется приняться за старое.

И Грета согласилась. Оба старика стояли и качали своими

сѣдыми головами при мысли о современныхъ новинкахъ, а затѣмъ отправлялись въ свою комнату брюзжать на свое одиночество и на безконечную зиму.

Никогда еще ни одна зима не казалась Андерсу такою длинною. Онъ боялся, что ему не доведется дожить до того дня, когда его старая коса докажетъ свое превосходство надъ современными нововведеніями. Но сыну онъ ничего не говорилъ, боясь слишкомъ поспѣшно высказывать свое мнѣніе. Имъ овладѣвалъ по временамъ смутный страхъ, что онъ, чего добраго, ошибается.

Когда лѣто наступило, онъ сталъ шататься по полямъ и дугамъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера можно было видѣть маленькаго старика, какъ онъ пробирался мелкими стариковскими шагами по тропинкамъ и цѣлыми часами простаивалъ, рассматривая жатву. Августъ никакъ не могъ понять, что дѣлается въ это лѣто съ отцомъ, и спросилъ жену:

— Кристина, ты не знаешь, что такое съ отцомъ?

Кристина покачала головою и отвѣтила:

— Не знаю. Онъ, должно быть, впадаетъ въ дѣтство.

— Нѣтъ, — возразилъ Августъ, — онъ, вѣрно, горюетъ, что больше не хозяинъ.

— Ну, онъ ужъ довольно похозяйничалъ на своемъ вѣку, — отвѣтила жена.

Наконецъ наступилъ давно желанный день. Жатва должна была начаться, и Андерсъ еле спалъ въ эту ночь, съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, когда большая красная машина выѣдетъ въ поле жать.

— Ты собираешься сегодня косить, — сказалъ онъ съ лукавымъ видомъ, встрѣтившись поутру съ сыномъ.

— Да, — отвѣтилъ Августъ. — Можетъ быть, и вы желаете поработать?

— Спасибо, — сказалъ старикъ. — Я предпочитаю смотрѣть.

— Да, да, — сказалъ сынъ, — получать не работая пріятнѣе всего.

Съ этими словами онъ вошелъ въ сарай и вытащилъ изъ него красную машину.

При другихъ обстоятельствахъ Андерсъ не полѣзъ бы за словомъ въ карманъ, чтобы отвѣтить сыну, потому что если сынъ находилъ, что отецъ живетъ слишкомъ долго и только бременить собою землю, то и отецъ съ своей стороны превосходно зналъ, что если бы не его воля, сынъ бы до сихъ

поръ работаль на него въ качествѣ простаго батрака. И относительно этихъ вопросовъ у нихъ подымался уже не разъ разговоръ. Но сегодня старикъ не былъ расположенъ препираться изъ-за пустяковъ. Когда эта красивая машина завязнетъ въ полѣ, или лошадь откажется ее везти, или большія косы сломаются, — тогда старикъ вознаградитъ себя за все, что онъ до сихъ поръ терпѣлъ. И когда онъ вышелъ въ поле и сталъ въ уюромное мѣстечко, чтобы полюбоваться ожидаемымъ зрѣлищемъ, онъ чувствовалъ такую сильную радость, что забылъ и про утренній кофе, который не успѣлъ выпить.

Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе разрѣшеніе мучившаго его вопроса. Андерсъ сталъ у изгороди, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ машину должны были пустить въ ходъ. Лошадь вовсе не казалась такою испуганною, какъ Андерсъ воображалъ. Она шевелила ушами каждый разъ, когда машина издавала звукъ, но, вообще, казалась спокойною, какъ будто все это не имѣло къ ней никакого отношенія.

— Вотъ удивительная лошадь, совсѣмъ не пугается, — замѣтилъ Андерсъ. Онъ не въ силахъ былъ дольше молчать. Языкъ говорилъ самъ собою.

Сынъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца.

— Я, конечно, испыталъ ее, — отвѣтилъ онъ.

Андерсъ смутился: какъ это ему не пришло раньше въ голову? И онъ рѣшилъ молчать, чтобы не портить себѣ радости торжества, которое раньше или позже должно было несомнѣнно наступить.

Августъ все возился съ машиною. „Онъ приводитъ ее въ порядокъ“, подумалъ старикъ. И онъ отъ радости произносилъ мысленно самыя удивительныя клятвы. Но Августъ спокойно сѣлъ и погналъ лошадь.

Никогда старый Андерсъ не видѣлъ ничего болѣе удивительнаго. Лошадь шла впередъ, освѣщенная яркими лучами солнца, а тимофеева трава падала вокругъ колесъ красной машины. Она падала съ обѣихъ сторонъ ея, между тѣмъ какъ косы подымались и опускались, всякій разъ попадая на нужное мѣсто. Большими, красивыми полосами ложилась скошенная трава, вслѣдъ за легкимъ экипажемъ. Все дальше и дальше подвигалась машина. Далеко у изгороди она обернулась и поѣхала обратно, придерживаясь постоянно края. Теперь ее изъ за травы не было видно, и Андерсъ могъ только разглядѣть шляпу сына, которая то опускалась, то подымалась. Лугъ представлялъ красивое зрѣлище, но Андерсъ этого не

*

замѣчалъ. Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ маленькой странной экипажъ съ своимъ пружиннымъ сидѣньемъ двигался, описывая большой кругъ. Съ каждымъ разомъ кругъ этотъ дѣлался меньше, но по всему луку лежала трава, срѣзанная ровными, плоскими снопами, и притомъ такъ близко къ землѣ, что ни одна коса не могла бы сдѣлать этого. Прошло нѣсколько часовъ, а Андерсъ все стоялъ и смотрѣлъ на кусочекъ поля, гдѣ еще росла трава, и который выдѣлялся, точно островокъ на гладкой поверхности моря.

Но чѣмъ дольше Андерсъ тоялъ, тѣмъ больше оставляло его мужество, и когда солнце поднялось высоко, онъ, шатаясь, отправился домой, между тѣмъ какъ въ ушахъ его все еще раздавался шумъ работающей жатвенной машины.

Весь міръ представлялся ему въ другомъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ красная машина дѣйствовала, и онъ чувствовалъ во всемъ своимъ существомъ, что старое время косъ миновало безвозвратно.

Въ своемъ домигѣ онъ засталъ Грету, которая сидѣла и ждала его. На столѣ стояло сало, а картофель подогрѣвался въ печи.

— А что, пошла она?—спросила Грета.

— Чортъ его знаетъ, какъ это она можетъ идти,—отвѣтилъ Андерсъ, съ усталымъ лицомъ садясь за столъ.

— А я развѣ этого не говорила?—замѣтила старуха.

Но теперь Андерсъ серьезно разсердился.

— Держи языкъ за зубами!—закричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Ты говорила! Кой чортъ заботится о томъ, что ты тамъ говорила.

Грета замолчала, потому что она по опыту знала, что самый лучший способъ прекратить ссору—это если одна изъ сторонъ замолчитъ. Но Андерсъ продолжалъ кричать, точно у него въ самомъ дѣлѣ былъ поводъ сердиться. Онъ былъ такъ взбѣшенъ на машину, что гнѣвъ долженъ былъ непременно найти себѣ исходъ. И такъ какъ жена его была одна у него подъ рукою, то на нее и обрушилась вся буря. Онъ говорилъ, не переставая, все время, пока ѣлъ, и бранился такъ, что Грета пошла припереть дверь, изъ боязни, чтобы его словъ не услышали во дворѣ.

Но когда онъ облегчилъ свое сердце и, наконецъ, замолчалъ, молчаніе его долго не прерывалось. А открывъ ротъ, онъ сказалъ только слѣдующее:

— Чортъ меня побери, если она не шла!

Цѣлое лѣто проходилъ Андерсъ, разсматривая, не развалится ли на части машина. Она казалась такою хрупкою, а между тѣмъ держалась, и когда жатва была кончена и машина поставлена въ сарай, гдѣ она должна была отдыхать до слѣдующаго лѣта, Андерсъ заперся въ своемъ домикѣ и пересталъ выходить на дворъ.

Казалось, жатвенная машина отняла всѣ силы у стараго Андерса. Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣлъ и подъ конецъ даже пересталъ заботиться о томъ, что получалъ на иждивеніе. Онъ молча принималъ то, что ему давали, никогда не интересуясь знать, справедливо ли съ нимъ поступаютъ или нѣтъ. А въ одинъ зимній день онъ легъ и умеръ въ своей комнатѣ, и такъ какъ дѣти получили послѣ старика дворъ, то должны были справить ему хорошіе поминки...

Но когда стараго Андерса положили въ могилу, и кончилась суета, вызванная его погребеніемъ, Грета прошла къ себѣ и сѣла у окна съ библіею въ рукахъ, чтобы прочесть стихъ или два, раньше, чѣмъ наступятъ сумерки. Но дѣло у нея не спорилось. Мысли никакъ не могли сосредоточиться на печатныхъ буквахъ, и прежде чѣмъ она успѣла опомниться, она положила большую книгу на колѣни и устремила взоры на старую липу. На ней не видно было теперь ни одного листочка, а вокругъ ствола лежали сугробы снѣга, наваленные недавнею метелью. Голыя вѣтви грозно подымались къ сѣрому небу, а маленькія вѣтки сгибались подъ напоромъ вѣтра. Гретѣ пришло на мысль, что она прежде смотрѣла всегда на липу съ другой стороны. Она видѣла ее прежде, съ порога краснаго дома, черезъ дверь, липа была тогда гораздо ближе къ ней. Теперь же, когда она переселилась въ сѣрый домикъ, стоявшій у каменной стѣны, липу было видно и съ этого мѣста, но здѣсь она не доставляла матушкѣ Гретѣ такого удовольствія. Такъ, какъ она ее видѣла прежде, она уже никогда больше не увидитъ ея, развѣ въ томъ случаѣ, если зайдетъ къ дѣтямъ. Матушка Грета вздохнула и подумала, не пойти ли ей къ нимъ и сегодня вечеромъ. Но она тотчасъ прогнала эту мысль. Она не хотѣла, она боялась помѣшать имъ. И кромѣ того ей казалось, что Августу будетъ непріятно, если она заплачетъ по отцѣ.

Поэтому матушка Грета осталась сидѣть одна, и не замѣтила, какъ наступили сумерки, и какъ потемнѣло вокругъ большой липы и въ комнатѣ.

Но вдругъ дверь открылась, и вошелъ Августъ. Грета была

тронута. Она ужасно обрадовалась при мысли, что онъ вспомнилъ о ней, и въ волненіи не находила даже словъ, чтобы заговорить съ нимъ. Но когда Августъ сѣлъ, и свѣчка была зажжена, матушка Грета поняла, что онъ пришелъ съ цѣлюю переговорить съ нею о чемъ-то, и тотчасъ догадалась, что онъ хочетъ ей сказать.

— Отецъ умеръ, — началъ сынъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Да, — отвѣтила Грета, вздыхая.

— Хорошо, что онъ умеръ, — сказалъ Августъ. — Онъ уже былъ старъ.

Матушка Грета ничего не отвѣтила на это. Она жала губы и печально глядѣла передъ собою.

— Теперь вамъ придется получать половину содержанія, — продолжалъ Августъ спокойно.

— Конечно, — сказала успокоенная мать. Она боялась, чтобы сынъ не потребовалъ уменьшенія ея содержанія.

Сынъ просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, въ раздумьи. У него, очевидно, было еще что-то на умѣ, что не такъ-то легко было высказать.

Наконецъ онъ сказалъ:

— Видите ли что, мы подумали, — теперь, когда батюшка умеръ, у васъ здѣсь будетъ слишкомъ просторно. У насъ наверху стало страшно тѣсно съ тѣхъ поръ, какъ родилось столько дѣтей. Поэтому мы рѣшили, что вы, вѣроятно, не будете имѣть ничего противъ, если служанка будетъ приходиться къ вамъ ночевать.

Матушка Грета не сразу отвѣтила. Ее задѣло за живое, что дѣти не хотятъ дать ей дожить спокойно въ своемъ домикѣ, пока не наступитъ ея послѣдній часъ. Но она не желала выказать недовольства, а колеблясь, отвѣтила:

— Что же? Это можно.

— Да и для васъ лучше не быть одною на случай, если что-нибудь приключится съ вами, — прибавилъ Августъ.

Минуту спустя онъ ушелъ.

Если что-нибудь приключится! Онъ, конечно, ждетъ ея смерти. Да и ничего страннаго нѣтъ въ этомъ! Сначала онъ отдѣлался отъ старика, а теперь желаетъ, чтобы и старуха пошла тою же дорогою. Матушка Грета вздохнула, вспоминая, что и она сама думала такъ въ свое время.

Не весело жилось матушкѣ Гретѣ послѣ этого дня. У нея лично ничего не было, когда Андерсъ женился на ней: она бѣдною дѣвушкою вошла въ богатый крестьянскій домъ

выглядывалъ шпигъ церковной колокольни, возвышавшійся изъ-за лѣска.

Она оглянулася, пошла впередъ и начала свою работу. Наклоняясь надъ тощимъ дерномъ, она стала собирать пометъ, высушенный на солнцѣ, и класть его въ корзинку. Большое пространство прошла она, пересѣвая во всѣхъ направленіяхъ пастбище. Но много было другихъ, побывавшихъ здѣсь раньше ея. Чѣмъ дальше она шла, тѣмъ больше усиливалось ея раздраженіе, и она начала желать своимъ дѣтямъ зла.

Вдругъ она услышала голосъ, звавшій ее. Она подняла голову, и увидала передъ собою маленькаго старичка съ большою бѣлою бородою и живыми, добродушными глазами.

— Здравствуйте, матушка Грета, — сказалъ онъ. — Такъ вамъ приходится теперь ходить собирать по пастбищу?

Говорившій съ нею былъ крестьянинъ, который въ прежнее время часто посѣщалъ ея мужа. Онъ также жилъ на хлѣбахъ у своихъ дѣтей, и Грета часто видалась съ нимъ прежде. Но она никакъ не могла заставить себя сказать ему правду.

— Плохія настали теперь времена, — сказала она.

Было бы позорно для всего ея рода, если бы она сказала откровенно, зачѣмъ ей приходится бродить здѣсь по пастбищу. Кровь бросилась ей въ голову. Какъ ей ни было тяжело, но никто не долженъ имѣть право говорить, что она ходитъ по приходу и осуждаетъ своихъ собственныхъ дѣтей. Поэтому она прибавила:

— Пометь хорошо подмѣшивать къ дровамъ.

Старикъ стоялъ и смотрѣлъ на нее. Онъ лукаво улыбнулся.

— Я самъ живу на хлѣбахъ, — сказалъ онъ. — И я знаю, что это значить.

Грета подумала нѣсколько минутъ. Пріятно было бы поговорить по душѣ съ кѣмъ-нибудь. Но она опять вспомнила, что это можетъ бросить тѣнь на честь ея рода, и отвѣтила:

— Миѣ не на что жаловаться. То, что я должна получать, я получаю.

Старикъ посмотрѣлъ на нее недовѣрчиво.

— Вамъ, значить, хорошо живется, — сказалъ онъ и ушелъ.

Когда Грета наполнила свою корзину, она взяла ее въ руки и, тяжело ступая, отправилась домой.

Но въ ней пробудилось новое чувство. Она стала бояться, чтобы дѣти не сдѣлали ей зла. И каждый вечеръ, когда служанка являлась въ ней почевать, старуха запирала дверь своей спальни на замокъ и спала одна.

Между тѣмъ дѣла Августа Сьегрена приходили все въ бѣльшее и бѣльшее разстройство. Долги увеличивались; въ одинъ прекрасный день они приняли такіе крупныя размѣры, что ему пришлось продать дворъ со всѣмъ въ немъ находящимся.

Матушка Грета сидѣла въ день аукціона на порогѣ своего домика и испуганными глазами глядѣла на толпу людей, ходившихъ взадъ и впередъ по двору, производя оцѣнку домашняго скарба, который долженъ былъ продаваться съ молотка. Она знала, что тотъ, кто купитъ дворъ, возьметъ на себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязательство содержать ее, и что она можетъ, не заботясь о насущномъ хлѣбѣ, спокойно ждать смертнаго часа. Но если ей тяжело было жить у дѣтей, какъ-то будетъ жить у чужихъ? Со страхомъ смотрѣла бѣдная старуха на людей, проходившихъ мимо нея, раздумывая, кому-то изъ нихъ придется принять на себя заботу о ней. Ей казалось, какъ будто на аукціонѣ собираются выкрикивать ея имя и вызывать желающихъ ее купить.

Былъ ясный сентябрьскій день, и столъ для аукціона былъ поставленъ подъ старую липу. Аукціономъ заправлялъ звонарь прихода, веселый, толстый, краснощекій малый, извѣстный всему околотку и уже привышій въ такого рода дѣламъ.

Онъ стоялъ на столѣ съ молоткомъ въ рукѣ и выкрикивалъ предлагаемые предметы. Для каждаго у него находилось какое-нибудь веселое замѣчаніе. Сначала онъ скупился на нихъ, потому что, когда собственникъ вынужденъ расставаться съ своимъ домомъ и землею, на аукціонѣ царитъ всегда подавленное настроеніе. Но по мѣрѣ того, какъ время шло, и напитки, которые потреблялись изрядно, разсѣвали печальное настроеніе толпы, аукціонъ принялъ болѣе веселый характеръ; звонарь, замѣтивъ измѣненіе въ расположеніи духа своихъ слушателей, и самъ нѣсколько пріободрился, и съ каждымъ ударомъ молотка его веселость увеличивалась, пока наконецъ собравшаяся вокругъ него толпа не начала хохотать и громко вскрикивать отъ удовольствія.

Какъ только Грета узнала, что дворъ будетъ продаваться

съ аукціона, исчезъ и ея гнѣвъ противъ дѣтей. Все, что они дѣлали ей дурного, было забыто; разъ имъ грозило разореніе, они и не могли поступать иначе. Имъ самимъ много приходилось терпѣть, и они, очевидно, хотѣли до послѣдней минуты скрыть отъ другихъ печальное положеніе своихъ дѣлъ. Гретѣ казалось даже, что она сама поступала несправедливо относительно своихъ дѣтей, и старалась теперь удѣлить имъ все, что могла, изъ своего маленькаго имущества.

Августъ Сьегренъ и его жена также начали относиться лучше къ матери съ тѣхъ поръ, какъ надъ ними стряслась бѣда. Какъ ни много приходилось имъ думать о собственныхъ дѣлахъ, они не могли не понять, какъ дурно поступили относительно бѣдной старухи, и теперь, когда она не могла уже больше приносить имъ никакого убытка, не было и основанія косо смотрѣть на нее.

И вотъ матушка Грета сидѣла и смотрѣла, какъ все продавалось и переходило въ чужія руки. Хотя она давно уже не хозяйничала, но было же время, когда все это принадлежало ей, а многое изъ продаваемаго было прибрѣтено уже при ней. Но теперь все шло въ чужія руки: и старое бюро съ мѣдною отдѣлкою, и серебряныя ложки, и часы, стоявшіе въ парадной комнатѣ, и доханка, и красивыя чашки для кофе съ вензелями на нихъ, которыя дарились въ день ангела, и черное шелковое платье, лежавшее на днѣ сундука, и одностовка Андерса, и его рыболовные снаряды. Тяжелѣе всего было Гретѣ, когда дѣло дошло до животныхъ. Между продаваемыми коровами были такія, которыхъ матушка Грета сама всормила и воспитывала, еще когда онѣ были телятами, и рѣзвились и прыгали на лугу. Онѣ испуганно мычали, и мычаніе ихъ ножомъ рѣзало старое сердце матушки Греты. Ей казалось, что онѣ плачутъ, потому что все такъ измѣнилось и носило такой унылый видъ.

Но старая Грета сидѣла и ждала собственно одного, и съ каждымъ часомъ мучившее ее безпокойство только усиливалось. Она хотѣла узнать, кто купитъ дворъ, и кому она сама будетъ теперь принадлежать. Указывали, какъ на покупателя, на одного стараго, богатаго, крестьянина. Онъ всѣ эти послѣдніе дни рыскалъ по двору, заглядывалъ въ каморки и конюшню, копалъ землю на полѣ и изслѣдовалъ домъ съ погреба до чердака. Онъ побывалъ и въ маленькомъ домикѣ

старухи Греты. Молча, въ страхѣ стояла она подъ своею низкою кровлею, пока богатый крестьянинъ осматривалъ ея жилище.

Это былъ большой, коренастый малый съ спиною, шириною въ дверь. Про него говорили, что онъ страшно богатъ, но еще болѣе скупъ. Рассказывали, что онъ самый крутой хозяинъ въ дѣломъ околоткѣ, и что если его усадьба нѣсколько лѣтъ тому назадъ сгорѣла, такъ это потому, что онъ самъ поджегъ ее или подговорилъ кого-либо другого сдѣлать это. По крайней мѣрѣ, съ этого времени началъ онъ богатѣть. Впрочемъ, разговоры объ этомъ давно уже успѣли умолкнуть, никто не говоритъ о вчерашнемъ свѣгѣ. Богатый Магнусъ Бенгтссонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми непріятно вступать въ пререканія.

Его большая фигура приблизилась между тѣмъ къ аукціонному столу; какъ только кончилась продажа движимости, наступила пауза; въ это время многіе отошли отъ стола изъ чувства уваженія, которое толпа всегда питаетъ къ людямъ, дѣлающимъ крупныя дѣла. Только четверо, пятеро изъ самыхъ состоятельныхъ крестьянъ остались подъ липою.

Маленькій звонарь выпрямился и прокричалъ: дворъ! На этотъ разъ онъ не прибавилъ никакого остроумнаго замѣчанія. Онъ былъ очень серьезенъ, и его круглое, красное лицо приняло дѣловое, сосредоточенное выраженіе.

Грета также встала и приподнялась на цыпочки. Подобно тому, какъ крыса высматриваетъ изъ своей дыры, чтобы увидѣть, можно ли ей выйти или нѣтъ, ея маленькіе, внимательные глаза оглядывали небольшую вучку людей, группировавшуюся вокругъ стола. Звонарь громко назвалъ оцѣночную сумму, но молчаніе не прерывалось. Крестьяне глядѣли другъ на друга, но никто изъ нихъ не рѣшался первый начать. Звонарь сбавилъ сто риксдалеровъ. Но опять никто не двинулся. Магнусъ оглядывалъ поперебѣнно то одного, то другого изъ своихъ соперниковъ, но не раскрывалъ рта. Звонарь сбавилъ еще сто риксдалеровъ, и наконецъ маленькій, худой старикъ произнесъ: „идеть“.

Лицо Греты просвѣтлѣло. Говорившій былъ хорошій, добрый человекъ, котораго она давно уже знала.

Но Магнусъ Бенгтссонъ сейчасъ же набавилъ пятьдесятъ риксдалеровъ. И вотъ крестьяне начали одинъ передъ другимъ набавлять кто пять, кто десять риксдалеровъ. Магнусъ Бенгтссонъ сѣлъ на скамейку подъ липою, точно чув-

ствуя себя дома. Онъ прислушивался къ раздававшимся голосамъ, и какъ только кто-либо дѣлалъ надбавку, тотчасъ прибавлялъ съ самодовольною увѣренностью, подбивавшею другихъ еще больше возвышать цѣну.

Старуха съ возрастающимъ страхомъ слѣдила за объявленіемъ суммы и за надбавками. Ей казалось, что невыносимая тяжесть сдавливаетъ ей грудь, когда она стояла одинокая среди этой толпы людей, изъ которой никому не было до нея никакого дѣла. А между тѣмъ все ея дальнѣйшее существованіе зависѣло отъ того, кто получитъ дворъ. Для другихъ этотъ вопросъ не могъ имѣть такого важнаго значенія. Даже тотъ, кто собирался купить дворъ, не могъ слѣдить съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за торгомъ, какъ эта старая женщина, живущая на хлѣбахъ, которая стояла въ сумеркахъ въ углу двора, ожидая рѣшенія своей судьбы.

Наконецъ молотокъ громко ударилъ въ послѣдній разъ по столу—и старуха опустилась на порогъ, пораженная, закрывъ лицо руками. „Магнусъ Бенгтссонъ“, прокричалъ звонарь. По щекамъ матушки Греты текли слезы, но она забыла про нихъ и ни о чемъ не думала больше. Народъ сталъ расходиться; никто не обращалъ вниманія на плачущую старуху.

— Это та старуха, что живетъ на хлѣбахъ,—замѣтилъ кто-то.

Наконецъ во дворѣ, перемѣнившемъ хозяина, воцарилось глубокое молчаніе.

Но старуха не замѣчала этого. Слезы ея продолжали течь, и она все сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ головою, опущенною на худыя, морщинистыя руки. Вдругъ она вздрогнула. Ей точно во снѣ показалось, что кто-то заговариваетъ съ нею и, поднявъ голову, она увидѣла передъ собой богача Магнуса Бенгтссона; толстый и высокій, заложивъ руки въ карманы, стоялъ онъ передъ ней.

— Развѣ ты не слышишь, что съ тобою говорятъ?—сказалъ онъ.

Грета встала и вытерла, насколько могла, свои мокрыя щеки.

— Отчего ты реवेशь?—спросилъ крестьянинъ, не получивъ отъ старухи отвѣта на свой вопросъ.

— Тяжело мнѣ все это,—отвѣтила Грета и снова заплакала.

— Гм! Да! Конечно, тяжело,—подтвердилъ Магнусъ

Бенгтссонъ.—Теперь ты будешь жить у меня, пока не отправишься на тотъ свѣтъ.

— А этого, вѣрно, не долго придется ждать,—прибавилъ онъ. Съ тѣмъ Магнусъ Бенгтссонъ и ушелъ, сказавъ, что придетъ на другой день.

Новые люди поселились во дворѣ, именно врестьянинъ, взявшій его въ аренду у хозяина. Новые люди принесли съ собою и новые порядки, и все сдѣлалось чужимъ для Греты. Никто, положимъ, не жилъ въ ея домикѣ. Но отъ этого ей было не легче. Ей казалось, что она стоитъ поперекъ дороги у всѣхъ, и она молила каждый вечеръ Бога, чтобы онъ скорѣе послалъ ей смерть. Двадцать лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ она стала жить на хлѣбахъ, а Богъ, всегда такой милостивый, не желалъ принять въ себѣ старой женщины, которая никому уже не могла доставить радости, а напротивъ того, всѣмъ мѣшала, всѣмъ надоѣдала. Но у Господа свои пути, думала старая Грета. По крайней мѣрѣ, священникъ какъ-то разъ сказалъ ей это, а кому же знать, какъ не ему.

Однажды ночью Гретѣ приснилось, что къ ней пришла смерть, въ видѣ громаднаго скелета, влѣзшаго въ окно. Его глаза горѣли, точно угольки, и онъ наклонилъ свою косу надъ постелью, на которой она лежала. Тутъ Грета начала во снѣ горячо молить Бога, чтобы онъ избавилъ ее отъ смерти, и, проснувшись, отъ души поблагодарила Господа, что это былъ только сонъ.

Но Грета никакъ не могла сойтись со всѣми этими новыми людьми, поселившимися въ ея прежнемъ домѣ, и подобно тому, какъ она прежде боялась своихъ дѣтей, она начала теперь бояться ихъ. Магнусъ Бенгтссонъ устроилъ такъ, что содержаніе ей выдавалъ арендаторъ, и Грета вскорѣ замѣтила, что онъ относится къ ней далеко не дружелюбно. Она и ему была въ тягость, всѣмъ людямъ была она въ тягость.

А смерть все не приходила. Еще много лѣтъ видѣла Грета, какъ распускалась весною липа и какъ падали осенью ея листья. И ей самой пришлось читать въ газетахъ о себѣ, какъ о необыкновенно древней старухѣ.

Старая Грета вообразила, что это печатается въ упрекъ ей, и что въ газетѣ сказано, что ей слѣдовало умереть уже много-много лѣтъ тому назадъ.

М. Лучицкая.

О СВОЙСТВАХЪ МАТЕРІИ.

Д-ра Готлива Адлера, приватъ-доцента Императорскаго вѣнскаго
университета.

Лекція, прочитанная въ собраніи Общества для распространенія естественно-научныхъ знаній въ Вѣнѣ (Verein zur Verbreitung naturwissenschaftlichen Kenntnisse in Wien).

Всѣ тѣ затрудненія, которыя могутъ представиться философу при опредѣленіи понятія «матерія», разрѣшаются физикомъ весьма просто. Онъ прямо говоритъ: все, что мы видимъ или осязаемъ, все, что посредствомъ движенія теплоты, электричества, свѣта или звука можетъ стать доступнымъ нашему наблюденію — все это мы называемъ «матеріей».

Уже въ древнѣйшія времена тайна «матеріи» занимала чело-вѣческіе умы. Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся у грековъ, это вопросъ о первобытной матеріи, или объ элементахъ, изъ которыхъ состоитъ «матерія». И въ то время, какъ Фалесъ (Thales) считаетъ воду первобытной матеріей, Гераклитъ указываетъ на огонь, какъ на таковую, а въ 400 году до Р. Х. Эмпедоклъ первый установилъ ученіе объ элементахъ или стихіяхъ: вода, огонь, воздухъ и земля, изъ смѣшенія которыхъ образуется матерія. Такой взглядъ, съ нѣкоторыми оговѣреніями, принять былъ Аристотелемъ и господствовалъ вмѣстѣ съ аристотелевскою философіей въ теченіе средних вѣковъ; даже Галилей былъ увлеченъ имъ. Если мы станемъ доискиваться опытныхъ основаній подобной гипотезы, то найдемъ ихъ въ слѣдующемъ явленіи, болѣе всего поражающемъ насъ въ водѣ, а именно въ томъ, что эта матерія, смотря по тому, сообщаемъ мы ей тепло или отнимаемъ его отъ нея (понятія объ огнѣ и теплѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка считались однозначущими), дѣлается твердой, какъ земля, жидкой, или газообразной, какъ воздухъ. Галилей говоритъ такъ объ этомъ явленіи: «Когда матерія огня наполняетъ поры тѣло, то оно уже не можетъ болѣе оставаться твердымъ,—оно расплавляется. Когда

же огонь оставляет тѣло, то природа, не терпящая пустоты, сдвигаетъ частички, и тѣло становится твердымъ».

Мы знаемъ въ настоящее время, что физики, благодаря новѣйшимъ техническимъ усовершенствованіямъ, могутъ перевести всѣ твердыя тѣла, за исключеніемъ угля, въ жидкое и даже въ газообразное состояніе. Мы знаемъ также, что посредствомъ весьма высокаго давленія и чрезвычайно сильнаго холода можно всѣ безъ исключенія газы перевести сначала въ жидкое, а затѣмъ и въ твердое состояніе. Въ послѣднее время, профессору Вроблевскому въ Краковѣ удалось произвести этотъ опытъ съ обоими газами, составляющими нашъ атмосферный воздухъ, съ кислородомъ и азотомъ. Въ то же время химія учитъ насъ, что измѣненія, при которыхъ газъ дѣлается жидкимъ или твердымъ, не касаются самой сущности газа, его химическаго состава, или его химическаго отношенія къ другимъ тѣламъ. Даже болѣе того: для современнаго физика опредѣленія — твердый, жидкій, газообразный — давно перестали быть элементарными различіями, — слишкомъ разнообразны, слишкомъ постепенны эти переходы изъ одного состоянія въ другое.

Изъ длиннаго ряда произведенныхъ въ этомъ направленіи опытовъ я приведу здѣсь слѣдующій: профессоръ Томсонъ, въ Глазговѣ, укрѣпилъ матааллическую проволоку въ погребѣ, температура котораго изъ года въ годъ оставалась неизмѣнной, а къ проводкѣ привѣсилъ грузъ. Какъ извѣстно, тяжесть, привѣшенная къ проводкѣ, вытягиваетъ ее. Теперь является вопросъ: происходитъ ли удлиненіе проволоки сразу, или постоянная тяжесть удлиняетъ проволоку постепенно? Оказывается, что вышеупомянутая проволока, находящаяся подъ наблюденіемъ уже около 40 лѣтъ, продолжаетъ удлиняться еще до сихъ поръ подъ вліяніемъ тяжести. То, что происходитъ съ этой проволокой, очень похоже на вліяніе, происходящее съ каплей меда, когда ее спускаютъ съ ложки: капля вытягивается въ нитку, которая по мѣрѣ удлиненія все утончается. Точно также и проволока истончается и удлинняется подъ дѣйствіемъ оттягивающей ее силы. Другой примѣръ: глетчеры непрерывно, хотя весьма медленно сползаютъ съ горъ въ долины. Это движеніе, однако, отличается отъ движенія камня, брошеннаго съ обрыва, всѣ частички котораго съ совершенно одинаковой скоростью стремятся внизъ. Если вбить рядъ деревянныхъ кольевъ поперекъ глетчера, то увидимъ, что средній колышекъ всего скорѣе спустится подъ гору, а боковые гораздо медленнѣе. Другими словами, глетчеръ, несмотря на то, что онъ представляетъ собою сплошную массу, течетъ въ долину также, какъ водный потокъ, наибольшая ско-

рость движенія котораго приходится въ серединѣ, а наименьшая— у береговъ.

Я желаю только доказать этимъ, что различія, которыя привели древнихъ къ ученію о четырехъ стихіяхъ, не могутъ считаться существенными, съ точки зрѣнія современной физики, такъ какъ основываются лишь на внѣшнихъ формахъ проявленія матеріи. Если мы вообще хотимъ узнать что-либо *существенное* о ней, то должны избрать путь, который впервые указалъ Леонардо да-Винчи современному естествознанію, сказавъ: «нѣтъ ничего достовѣрнаго въ естественныхъ наукахъ, что не зависѣло бы въ извѣстной степени отъ математики». Другими словами: мы достигнемъ существенныхъ познаній о матеріи только тогда, когда намъ удастся выразить *въ цифрахъ* всѣ данныя, добытыя соответствующими опытами. Но какимъ образомъ мы можемъ опредѣлить количество матеріи? Отвѣтъ: посредствомъ *взвѣшиванія*. Съ тѣхъ поръ, какъ Ньютонъ впервые доказалъ, что всякая матерія вѣсома, и что вѣсъ ея тѣмъ больше, чѣмъ больше взято матеріи, съ тѣхъ поръ мысль о томъ, что количество матеріи можно опредѣлить ея вѣсомъ, завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе мѣста въ повседневной жизни. Покупаемъ ли мы теперь въ аптекѣ хининъ по граммамъ, или сахаръ и кофе по килограммамъ, мы всегда увѣрены, что получимъ желаемое количество вещества, если обозначимъ его вѣсъ. Каждая хозяйка знаетъ, что вѣрнѣе получить желаемое количество угля, покупая его на вѣсъ, чѣмъ мѣшками.

Послѣ того, какъ было установлено, что количество матеріи можно опредѣлить помощью взвѣшиванія, выступило на очередь рѣшеніе другого существеннаго вопроса: уничтожается ли матерія? Лавуазье изучалъ матерію во всѣхъ ея разнообразныхъ измѣненіяхъ, при которыхъ она, какъ, на примѣръ, въ растворахъ и химическихъ соединеніяхъ, можетъ совершенно исчезнуть изъ подъ нашего наблюденія. Особенно тщательно изслѣдовалъ онъ процессъ горѣнія. Взвѣсивъ не только сухой остатокъ сгорѣвшаго вещества, который оказался, конечно, легче, чѣмъ все вещество до сожженія, но собравъ даже тщательно дымъ и всѣ газообразные продукты горѣнія и опять-таки взвѣсивъ ихъ, онъ могъ доказать, что зола и летучіе продукты горѣнія въ совокупности вѣсятъ болѣе, чѣмъ сама матерія, и что этотъ излишекъ равняется количеству поглощеннаго кислорода, въ поглощеніи котораго и состоитъ процессъ горѣнія. На этомъ основаніи онъ выставилъ основное положеніе, составляющее первый пунктъ нашихъ познаній о матеріи,—положеніе, что матерія не можетъ быть уничтожена;

*

гими словами, что запасъ ея въ мірѣ неизмѣненъ. Это и есть законъ *сохраненія матеріи*.

Матерія имѣетъ еще одно существенное свойство, а именно: она является носителемъ извѣстнаго запаса силы, и наоборотъ, — всякій запасъ силы, существующій въ мірѣ, связанъ съ матеріей. Невольно является вопросъ: въ какой формѣ связаны запасъ силъ, или энергія, съ матеріей?

Леонардо да-Винчи говоритъ, каждое движущееся тѣло обладаетъ силой по направленію своего движенія, благодаря которой оно способно производить работу. По Лейбницу, впервые изучившему законы этой силы, мы называемъ способность къ работѣ, которую приобретаетъ матерія при видимомъ движеніи своихъ частицъ, *живой силой*. Одинъ изъ самыхъ выдающихся примѣровъ живой силы представляетъ намъ пуля ружья Маннлихера. Пуля этого новаго ружья вѣситъ не болѣе 15-ти граммовъ *). При такомъ вѣсѣ она едва могла бы проникнуть сквозь застывшее масло. Но если придать этой пулѣ ту скорость движенія, которая сообщается ей въ ружьѣ Маннлихера, то она приобретаетъ такую силу, что способна пробить сосновое бревно въ 80 сантиметровъ толщиной, разнести кучу песку въ 90 сантиметровъ толщиной или кирпичную стѣну, и еще послѣ того ранить находящагося подъ прикрытіемъ стѣны человѣка.

Теперь является вопросъ, отчего зависитъ величина этой живой силы? Отвѣтъ на это данъ уже Галилеемъ, и для васъ онъ также станетъ ясенъ, если вы представите себѣ, что одна и та же скорость сообщена ружейной пулѣ и пушечному ядру. Ясно, что, не смотря на одинаковую скорость, живыя силы ихъ будутъ разными, а именно: живая сила пушечнаго ядра во столько же разъ больше, во сколько его *масса* превосходитъ массу ружейной пули.

Гораздо труднѣе опредѣлить зависимость живой силы отъ скорости движенія. Споръ по поводу этого, длившійся много лѣтъ среди физиковъ, былъ рѣшенъ въ пользу ученія Лейбница, утверждавшаго, что живая сила возрастаетъ пропорціонально квадрату скорости.

Матерія можетъ содержать энергію еще въ другой формѣ. Представимъ себѣ пулю, пущенную изъ комнатнаго пистолета вертикально вверхъ. Она будетъ двигаться вверхъ съ постепенно уменьшающейся быстротой, такъ какъ скорости ея движенія противодействуетъ другая сила—притяженіе земли. Достигнувъ извѣстной высоты, скажемъ, на примѣръ, высоты собора св. Стефана,

*) 15 грам. равняется, приблизительно, $3\frac{8}{10}$ золотника.

пуля теряетъ всю свою скорость, и ее можно безопасно подхватить на этой высотѣ прямо рукой, потому что, съ потерей скорости, она потеряла и свою разрушительную силу. Повидимому, пуля, долетѣвшая до высоты колокольни св. Стефана, ничѣмъ не отличается отъ той, что находится внизу. А между тѣмъ, человѣку, стоящему на землѣ по направленію ея полета, будетъ вѣсколько жутко, потому что пуля, въ случаѣ паденія, приобретаетъ ту же скорость, которую она имѣла при вылетѣ изъ дула, а вмѣстѣ съ нею и прежнюю разрушительную силу.

Такимъ образомъ, пуля, находясь на известной высотѣ отъ земли, содержитъ въ себѣ способность къ работѣ, которая въ любой моментъ можетъ быть превращена въ живую силу. Эту-то способность къ работѣ, приобретаемую матеріей вслѣдствіе ея положенія, мы называемъ *энергіей положенія*.

Но матерія можетъ быть носителемъ силы еще въ третьей формѣ. Представьте себѣ, что пуля дѣйствительно упала съ высоты колокольни св. Стефана, и чѣмъ ниже она падаетъ, тѣмъ большую приобретаетъ скорость и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе возрастаетъ ея живая сила, такъ что при паденіи на гранитную мостовую, пуля превращается въ сплюсненную, неподвижную массу. Поверхностному наблюдателю покажется, что при этомъ исчезла и вся ея живая сила. Но дотроньтесь до этой сплюсненной массы термометромъ и вы увидите, что она согрѣлась, приблизительно, градусовъ на 10 по Цельсію. Сообщите пулѣ болшую скорость, выстрѣлите, напримѣръ, изъ ружья Манлихера въ стальную досщечку, при ударѣ о которую пуля несомнѣнно сплющится, — и отъ уничтоженія видимой живой силы получится такое повышеніе температуры, при которомъ пуля расплавится, что соответствуетъ температурѣ въ 325° по Цельсію.

Ученіе о томъ, что каждый разъ, когда уничтожается живая сила въ видѣ движенія матеріи, то вмѣстѣ съ нею, всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, появляется одна и та же сумма теплоты, — слѣдовательно, при потерѣ удвоенной живой силы развивается въ два раза больше теплоты и т. д., это положеніе было впервые установлено Робертомъ *Майеромъ* и доказано *Джойлемъ* посредствомъ опытовъ. Послѣ того Гельмгольцъ, а за нимъ и другіе изслѣдователи, вычисленіями и экспериментальными изслѣдованіями установили для всѣхъ разнообразныхъ случаевъ проявленія энергіи матеріи соотношеніе между исчезающей живой силой и возникающей теплотой. Этими изслѣдованіями было установлено второе фундаментальное положеніе, которое гласитъ: какъ бы разнообразны ни были тѣ измѣненія матеріи, благодаря которымъ могутъ измѣ-

няться ви́шнія проявленія энергіи, носительницей которой является матерія.—сумма энергіи всегда остается неизмѣнной, или иначе: сумма содержащейся въ матеріи силы также неизмѣнна, какъ количество самой матеріи. Это положеніе о *сохраненіи энергіи*. Эти оба положенія, которыя я старался изъяснить вамъ, составляютъ основу нашихъ знаній о матеріи.

А теперь я попрошу васъ оставить область опредѣленныхъ свѣдѣній о матеріи и терпѣливо послѣдовать за мной въ область гипотезъ. Прежде всего я коснусь той гипотезы, которая даетъ физики представленіе о томъ, въ какой формѣ матерія содержитъ въ себѣ теплоту. Физикъ полагаетъ, что теплота есть также живая сила, т.-е. есть ни что иное, какъ движеніе, но не видимое движеніе тѣла, какъ одного *цѣлаго*, а движеніе его малѣйшихъ частицъ—*молекулъ*. Характерно въ этомъ движеніи то, что молекулы движутся неправильно, беспорядочно, такъ что живая сила каждой отдѣльной молекулы стремится въ разныя стороны, вслѣдствіе чего тѣло, не смотря на интенсивность движенія молекулъ, ее составляющихъ, все-таки остается неподвижнымъ. Далѣе, физики полагаютъ, что чѣмъ выше температура тѣла, тѣмъ больше скорость, а слѣдовательно, и живая сила этого неправильнаго движенія. Что же касается до характера молекулярнаго движенія, то физикъ говоритъ, что движеніе это различно, смотря по тому, каково тѣло: твердое, жидкое или газообразное.

Въ твердомъ тѣлѣ, по представленію физиковъ, каждая молекула удерживается въ своемъ положеніи сосѣдней молекулой, такъ что онѣ могутъ производить лишь небольшія колебанія въ стороны, не особенно удаляясь отъ точки своего равновѣсія. Это движеніе сходно съ движеніемъ маятника.

Повысьте температуру тѣла, и эти движенія усилятся; молекулы все больше будутъ удаляться отъ точки равновѣсія, частицы тѣла раздвинутся, и мы скажемъ, что тѣло отъ теплоты расширилось. Наконецъ, дѣло можетъ дойти до того, что та живая сила, съ которою отдѣльныя молекулы стремятся выйти изъ положенія равновѣсія, будетъ равняться той, которая ихъ удерживаетъ вмѣстѣ. При такой температурѣ тѣло можетъ перейти въ жидкое или расплавленное состояніе. Повысьте еще его температуру, и живая сила молекулъ до того возрастетъ, что они окончательно отдѣлятся другъ отъ друга и будутъ двигаться по прямолинейному направленію до тѣхъ поръ, пока не наткнутся на препятствіе, могущее измѣнить это направленіе. Тогда тѣло будетъ испаряться, а состояніе устремившихся въ разныя стороны молекулъ мы называемъ газообразнымъ.

Физикъ представляетъ себѣ газъ слѣдующимъ образомъ: вообразимъ себѣ пустое пространство, замкнутое со всѣхъ сторонъ. Представимъ себѣ далѣе, что въ срединѣ помѣщается множество молекулъ—цѣлые биліоны. Сдѣленіемъ извѣстной силы эти молекулы удерживаются вмѣстѣ, но представимъ себѣ, что сила эта исчезла, и частички разлетаются въ разныя стороны (вслѣдствіе полной неправильности въ направленіи ихъ движеній). Онѣ ударяются о стѣнки сосуда, отскакиваютъ и носятся зигзагами. Совокупность этихъ частицъ бомбардируетъ стѣнки сосуда, стремясь разорвать ихъ. Толчки слишкомъ многочисленны и быстры, чтобы мы могли наблюдать ихъ въ *отдѣльности*. Мы только видимъ общій эффектъ такихъ толчковъ и этотъ эффектъ представится намъ въ видѣ давленія, которое производитъ газъ на стѣнки сосуда. Заключите въ это пространство двойное количество молекулъ, число толчковъ удвоится, другими словами: давленіе возрастаетъ вмѣстѣ съ плотностью газа (законъ Мариотта). Съ другой стороны, повысьте температуру газа и, согласно вышеизложеннымъ объясненіямъ о свойствахъ теплоты, вы увеличите живую силу отдѣльных молекулъ и интензивность производимыхъ ими толчковъ, другими словами: съ повышеніемъ температуры, возрастаетъ давленіе газа на стѣнки сосуда. Такимъ образомъ, на основаніи этой гипотезы о молекулярномъ строеніи газа, мы можемъ, путемъ вычисленій, сдѣлать цѣлый рядъ заключеній. Если *естъ* эти заключенія окажутся вполне совпадающими съ результатами соответствующихъ опытовъ и данными дѣйствительности, то тѣмъ самымъ въ глазахъ физика значительно увеличивается достовѣрность гипотезы о строеніи газовъ и о способѣ содержанія въ нихъ теплоты.

Я прошу позволенія вернуться къ одному пункту моего предыдущаго изложенія, такъ какъ боюсь, что онъ можетъ служить поводомъ къ неправильному истолкованію. Я пытался на взятомъ мною примѣрѣ пули доказать принципъ сохраненія энергіи. Я взялъ три случая: первый, когда пуля, находясь на высотѣ башни св. Стефана, содержитъ въ себѣ извѣстный запасъ энергіи, второй, когда она, падая съ нея, содержитъ въ себѣ видимую живую силу, и, наконецъ, третій, когда она, расплотившись при паденіи, вмѣсто потери этой силы, пріобрѣтаетъ теплоту. Во всѣхъ этихъ трехъ состояніяхъ пуля заключаетъ въ себѣ одинаковое количество энергіи. Теперь у васъ, навѣрное, явится вопросъ: но если это правда, то почему же невозможно всю теплоту, которую пріобрѣла сплюснутая пуля, снова превратить въ ту же живую силу, отъ которой она произошла? Почему невозможно принудить эту теплоту снова поднять на воздухъ сплюснутую пулю и превратить всю силу,

опустившую ее на землю, въ прежнее видимое правильное движеніе? И нельзя ли, а если нельзя, то почему именно, превратить всю энергію, содержащуюся въ видѣ теплоты, *цѣликомъ* въ видимую живую силу? Позвольте мнѣ сдѣлать одно маленькое сравненіе, чтобы лучше уяснить вамъ эту проблему. Представьте себѣ, что какому-нибудь милліонеру пришло въ голову раздѣлить свой милліонъ между ста тысячами индивидуумовъ, которыхъ онъ все не зналъ и отъ которыхъ не получилъ даже росписокъ. Каждому одолжилъ онъ по десяти гульденовъ.

Ясно, что и послѣ такого раздѣла милліонъ все же не пересталъ существовать, но, находясь въ рукахъ одного владѣльца, расходуясь только въ одномъ опредѣленномъ направленіи, по волѣ одного человѣка, онъ несомнѣнно былъ осязательнѣе, чѣмъ, будучи раздѣленъ по маленькимъ суммамъ между ста тысячами; выражаясь по просту, милліонъ былъ въ послѣднемъ случаѣ прямо растроченъ. И вдругъ милліонеру вздумалось снова собрать свой милліонъ. Не зная лично каждого должника, онъ опубликовалъ воззваніе, въ которомъ просилъ должниковъ вернуть ему милліонъ въ томъ же размѣрѣ, по десяти гульденовъ, какъ они его получили. Вы видите, что эта задача много труднѣе первой, которая разрѣшилась сама собой. Также точно и съ нашей пулей.

Пуля, падая съ башни св. Стефана, содержала въ своемъ видимомъ движеніи извѣстную живую силу, доступную нашему наблюденію, ибо всѣ молекулы двигались въ одномъ, опредѣленномъ направленіи. Пуля, неподвижно лежащая теперь у подножія башни, потерявшая, слѣдовательно, всю свою скорость движенія, но пріобрѣтшая взамѣнъ ея соотвѣтствующее количество тепла, имѣетъ точно ту же энергію или живую силу, какъ и прежде, и вся разница въ томъ, что теперь живая сила раздробилась по отдѣльнымъ молекуламъ. Наше требованіе, чтобы молекулы соединили свою энергію въ одномъ направленіи и пуля, какъ одно цѣлое, полетѣла снова вверхъ, сходно съ желаніемъ милліонера вернуть свой, розданный по маленькимъ суммамъ, милліонъ.

Правда, у насъ въ рукахъ есть средство превратить безпорядочное движеніе молекулъ, ихъ теплоту, въ правильное, т.-е. въ видимую живую силу. Такимъ средствомъ служитъ, на примѣръ, паровая машина. Послѣ того, какъ я разъяснилъ вамъ взглядъ физиковъ на свойства теплоты, вы легко можете представить, какимъ образомъ паровая машина обращаетъ теплоту въ рабочую силу. Вода въ паровомъ котлѣ нагрѣвается, отдѣльныя молекулы воды получаютъ такую громадную живую силу, что отдѣляются отъ своихъ сосѣдей и уносятся въ видѣ пара. Представьте себѣ,

что паръ этотъ выпускается въ другой котель, въ которомъ онъ подвергается дальнѣйшему нагрѣванію, или, по техническому выраженію, перегрѣвается; тогда скорость движенія, отдѣльныхъ молекулъ увеличивается еще больше. Такимъ образомъ, онѣ приобрѣтаютъ огромную скорость, съ которой устремляются черезъ особый клапанъ въ паровой цилиндръ, ударяются о его стѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о поршень, который его запираетъ, и, производя на него давленіе, двигаютъ его вверхъ. Если же посредствомъ клапана пустить паръ сверху въ тотъ моментъ, когда поршень поднялся, то молекулы, производя давленіе въ обратномъ направленіи, опустятъ его внизъ.

Значить, можно достигнуть того, что неправильное, безпорядочное движеніе отдѣльныхъ молекулъ—теплота, превращается въ правильное и, вслѣдствіе этого, доступное нашему зрѣнію, т.-е. въ видимое движеніе поршня вверхъ и внизъ, которое при механическомъ соединеніи съ маховомъ колесомъ, а отъ него посредствомъ системы приводовъ, можетъ передаваться далѣе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ средство обращать теплоту въ работу. Но чего мы никогда не достигнемъ въ нашихъ машинахъ, это того, чтобы молекулы отдавали всю свою силу исключительно поршню парового цилиндра и не растрачивали бы часть ея, ударяясь въ всеобщемъ безпорядочномъ движеніи объ его стѣнки. Наши усилія превратить теплоту, т.-е. безпорядочную живую силу *цѣликомъ* въ правильную энергію, разбиваются о несовершенство нашихъ машинъ, которыя не могутъ направлять отдѣльныя молекулы и заставлять ихъ превратить всю свою живую силу въ правильное движеніе. Кромѣ того, во всѣхъ нашихъ машинахъ, безъ исключенія, часть ихъ видимаго правильного движенія обращается въ неправильное, т.-е. въ теплоту, вслѣдствіе неизбежнаго взаимнаго тренія отдѣльныхъ составныхъ частей. Такъ какъ мы не въ состояніи обратить эту теплоту снова въ живую, то и не можемъ создать *Perpetuum mobile* *).

Я желаю бы еще обратить ваше вниманіе на одинъ пунктъ, на который напирала знаменитые изслѣдователи Томсонъ и Максвеллъ, что міръ одушевленный, снабженный органами съ безконечно тонкимъ строеніемъ, скорѣе имѣетъ возможность воздѣйствовать на каждую молекулу въ отдѣльности и обращать ихъ безпорядочную живую силу въ правильную энергію, чѣмъ это могутъ сдѣлать наши грубыя машины. Я указываю на это въ особенности для того, чтобы отгнать, насколько рисковано все то, что возможно или невозможно для неорганическаго, неодушевленнаго міра,

*) Непрерывное движеніе.

переносить цѣликомъ въ міръ органической, одушевленной, какъ это часто бываетъ съ крайними материалистами.

Въ послѣднихъ словахъ моей лекціи я дошелъ до предѣловъ физики, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи прочесть вамъ стихотвореніе римскаго поэта Лукреція—«О свойствѣ предметовъ»,—написанное имъ въ 60-мъ году до Р. Хр. въ его произведеніи «De natura rerum», гдѣ онъ въ поэтическихъ выраженіяхъ высказываетъ свой взглядъ на матерію. Онъ говоритъ:

«Частицы первобытной матеріи не находятъ покоя и отдыха въ пространствѣ вселенной, но неутомимо двигаются кругомъ. Такимъ образомъ происходитъ, что, встрѣчаясь, онѣ или далеко отлетаютъ другъ отъ друга, вслѣдствіе толчка, или, сплотившись, выдерживаютъ толчки. Первобытная матерія никогда ни умножается, ни уменьшается отъ разрушенія. Поэтому, движеніе, которое господствуетъ теперь въ первобытныхъ элементахъ, существовало съ незапамятныхъ временъ и всегда будетъ существовать, потому что нѣтъ мѣста въ мірѣ, куда частицы первобытной матеріи могли скрыться, нѣтъ мѣста, откуда явились бы новыя силы, могущія измѣнить природу и движеніе предметовъ».

Эти слова поэта звучатъ какъ переложенное въ стихи содержаніе сегодняшней лекціи, но если вы примете во вниманіе, что прошло двѣ тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Лукрецій написалъ ихъ, а едва пятьдесятъ лѣтъ назадъ тотъ же взглядъ, но подтвержденный опытами, высказали Майеръ и Гельмгольцъ,—вы увидите, что великія открытія въ области естествознанія не могутъ всегда слѣдовать за простымъ высказываніемъ какой-нибудь идеи. Каждая идея остается для физика воздушнымъ замкомъ, пока она не доказана опытами и, главнымъ образомъ, пока опыты, посредствомъ цифровыхъ данныхъ, каждую гипотезу не обратятъ въ теорію.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдарда Киплинга и Уольготта Балестриера.

I.

Николай Тарвинъ сидѣлъ на освѣщенномъ луною мосту, перекинутомъ черезъ ручей, неподалеку отъ Топаза, и болталъ ногами надъ водой. Рядомъ съ нимъ сидѣла маленькая, смуглая женщина съ печальными глазами и спокойно смотрѣла на луну. Она была смуглой отъ загара, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣвушками, не боящимися ни солнца, ни дождя, ни вѣтра, а въ глазахъ ея было грустное выраженіе, свойственное людямъ, живущимъ среди высокихъ горъ и безбрежныхъ равнинъ и знакомымъ съ жизнью и съ горемъ. У женщинъ Американскаго Запада часто бываютъ такіе глаза, и онѣ заслоняютъ ихъ рукой отъ заходящаго солнца, стоя по вечерамъ у дверей своихъ хижинъ и ожидая возвращенія домой мужей. Тяжелая жизнь всегда тяжелѣе ложится на женщину, чѣмъ на мужчину.

Кэтъ Шериффъ всю жизнь прожила среди пустынь Западной Америки. Она росла въ то время, когда желѣзныя дороги только еще начали прокладываться въ окружающей ея глуши. Пока она не поступила въ школу, ей ни разу не пришлось жить въ такомъ мѣстѣ, откуда желѣзная дорога шла бы въ обѣ стороны. Отецъ ея служилъ гражданскимъ инженеромъ, и Кэтъ вмѣстѣ съ родителями часто случалось жить въ какой-нибудь мѣстности до тѣхъ поръ, пока проведеніе желѣзнодорожной линіи не было окончено и надъ краемъ зажигались первые лучи цивилизаціи съ ея электрическими фонарями; но затѣмъ отца ея снова переводили на какой-нибудь новый пунктъ, гдѣ не было и простыхъ фонарей, гдѣ зачастую не было никакого даже жилья, кромѣ дома, въ которомъ они жили, и мать ея должна была иногда брать въ нахлѣбники людей, работавшихъ подъ началомъ ея мужа. Но не эти одни условія вліяли на молодую двадцати-трехлѣтнюю дѣвушка, которая

сидѣла теперь рядомъ съ Тарвинымъ и только-что заявила ему, что хотя онъ ей и нравится, но у нея есть другія обязанности, призывающія ее.

Обязанности, о которыхъ она упоминала, заключались въ ея стремленіи провести жизнь на востокѣ, стараясь улучшить положеніе женщинъ въ Индіи. Зародилось оно въ ней два года тому назадъ, когда она кончала курсъ въ Сентъ-Луи.

Это было въ одинъ апрѣльскій солнечный, теплый день. Хотя позеленѣвшія деревья, налитыя почки и яркій солнечный свѣтъ и манили ее изъ залы, гдѣ назначено было чтеніе одной индійской женщины объ Индіи, но въ концѣ концовъ она обязана была, какъ учащаяся, присутствовать на чтеніи Пундиты Рамабаи о печальномъ положеніи ея сестеръ на родинѣ. Это была раздирающая душу исторія, и дѣвушки, дѣлая послѣ чтенія сборъ, трогательно просили за несчастныхъ, пораженныхъ всѣмъ слышаннымъ; а потомъ долго ходили по корридорамъ и шептались.

Кэтъ вышла изъ залы съ задумчивымъ рѣшительнымъ взоромъ, съ разгорѣвшимися щеками и съ видомъ челоуѣка, на котораго точно сошелъ духъ святой. Она быстро пропѣла въ садъ, чтобы остаться одной, и ходила по дорожкамъ между цвѣтами, увлеченная, воодушевленная, довольная, счастливая. Она нашла то, чего жаждала. Ей хотѣлось плакать. Жилы въ вискахъ билась, кровь горячей струей разливалась по жиламъ, она безпрепятственно останавливалась, чтобы перевести духъ.

Эта минута вдохновила всю ея жизнь; и она посвятила ее на служеніе тому дѣлу, о которомъ только-что узнала, посвятила ему всѣ свои силы, умъ и сердце.

И теперь, когда, послѣ двухлѣтней подготовки къ своему призванію, она вернулась въ Топазъ знающей и хорошей фельдшерницей, готовой ѣхать трудиться въ Индію, Тарвинъ желалъ удержать ее въ Топазѣ и просилъ ее выйти за него замужъ.

— Назовите это какъ хотите, — говорилъ ей Тарвинъ въ то время, какъ она смотрѣла на луну, — можете назвать это долгомъ, женской сферой дѣятельности, или какъ называлъ сегодня въ церкви миссіонеръ: «просвѣщеніемъ людей, пребывающихъ во мракѣ». Я не сомнѣваюсь, что вы съумѣете придумать еще множество возвышенныхъ наименованій. Но, по моему мнѣнію, это просто бредни.

— Не говорите этого Никъ, это мое призваніе.

— Призваніе ваше должно заставить васъ остаться дома, и если вы не знаете этого, то мнѣ предназначено указать вамъ его, — сердито сказалъ Тарвинъ. Онъ бросилъ камешекъ въ ручей и нахмурилъ брови, смотрѣлъ на воду.

— Милый Никъ, какъ можете вы уговаривать меня остаться дома послѣ того, что мы слышали сегодня вечеромъ?

— И нужно же кому-то уговаривать дѣвушекъ поддерживать эту мертвую цивилизацію! Вы находите, что можете принести пользу, только бросивъ домъ? Это вы называете путемъ къ славѣ?

— Бросить!—проговорила Кэтъ, повернувшись къ нему.

— А какже иначе назовете вы это? Ахъ, дорогая Кэтъ, перенеситесь въ прежніе дни, вспомните, какой вы были тогда, и чѣмъ мы были другъ для друга, и подумайте, не можете ли вы переменить ваши воззрѣнія? У васъ есть отецъ и мать, такъ вѣдь? Не можете же вы сказать, что бросить ихъ—хорошо? Кромѣ того, существуетъ человѣкъ, который теперь сидитъ подлѣ васъ и любить васъ болѣе всего на свѣтѣ—любитъ васъ, васъ дорогую, до безумія. Вѣдь и вы любили его немного, не такъ ли?

Говоря это, онъ обнялъ ее, и она не отняла его руки.

— Неужели это не имѣетъ никакого для васъ значенія? Неужели вы не видите въ этомъ вашего призванія, Кэтъ?

Онъ заставилъ ее обернуться къ нему, и вопросительно посмотрѣлъ ей въ глаза, которые при свѣтѣ луны казались глубже и темнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Вы думаете, что имѣете права на меня?—спросила она, немного погодя.

— Я готовъ думать, что угодно, только бы удержать васъ. Нѣтъ—правъ у меня нѣтъ никакихъ, или, лучше сказать, у меня нѣтъ такихъ правъ, которыхъ вы не могли бы нарушить. Но всякій человѣкъ въ данномъ случаѣ имѣетъ права удержать васъ отъ этого безумія. Самое положеніе дѣлъ этого требуетъ. Вотъ что я хочу сказать.

-- Вы не довольно серьезно смотрите на вещи, Никъ, — сказала она, отстраняя его руку.

Тарвинъ не понялъ, зачѣмъ она это сказала, но весело проговорилъ:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Но, чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ все обратить въ шутку.

— Вотъ видите... я говорю, что вы шутите.

— Я не шучу только съ однимъ,—прошепталъ онъ.

— Будто?—Она отвернулась отъ него.

— Съ тѣмъ, что я не могу жить безъ васъ,—сказалъ онъ и, наклонившись къ ней, прибавилъ:—да и не буду.

Кэтъ сжала губы. Она была женщина съ характеромъ. Такъ сидѣли они на мосту и убѣждали другъ друга, пока не услышали, какъ часы въ одной изъ хижинъ по ту сторону ручья пробили

одиннадцать. Ручей бѣжалъ съ горъ, возвышавшихся передъ ними, за полмили отъ города. Тарвинъ болѣзненно почувствовалъ окружающую тишину и одиночество, когда Кэтъ встала и рѣшительно сказала, что отправляется домой. Онъ понималъ, что она твердо рѣшилась ѣхать въ Индію, и его воля на этотъ разъ безпомощно разбивалась объ ея рѣшеніе. Онъ спрашивалъ себя: развѣ не этой самой волей онъ добывалъ себѣ средства къ существованію, выдвинулся въ двадцать восемь лѣтъ изъ среды обитателей Топазы, и надѣялся достигнуть еще гораздо большаго?.. Онъ съ досадою вскочилъ, а Кэтъ повернулась и пошла по дорогѣ домой.

— Подождите же!—крикнулъ онъ.

Она ничего не отвѣчала и не останавливалась.

— Не удастся вамъ загубить свою жизнь съ вашей индійской миссіей,—продолжалъ онъ.—Я не допущу этого, отецъ вашъ не пуститъ васъ. Мать ваша будетъ убиваться и плакать, а я все время буду стоять на ея сторонѣ. Мы съумѣемъ съ пользою употребить вашу жизнь, если вы сами не знаете, что съ нею дѣлать. Вы не знаете своихъ силъ. Страна та пригодна только для крысъ, это скверная страна—да, да, скверная большаа страна—какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ, и въ земледѣльческомъ отношеніи скверная страна. Тамъ не мѣсто бѣлымъ людямъ, а тѣмъ менѣе бѣлымъ женщинамъ; тамъ нѣтъ хорошаго климата, нѣтъ правительствъ, нѣтъ ирригаціи, но зато есть холера, зной и вѣчныя войны, такъ что жить невозможно. Все это вы можете прочесть въ воскресныхъ газетахъ. Вамъ надо остаться дома!

Она остановилась на минуту и при свѣтѣ мѣсяца посмотрѣла ему въ лицо. Онъ взялъ ее за руку и, несмотря на всю силу своей воли, съ замираніемъ сердца ждалъ ея отвѣта.

— Вы хорошій человекъ, Никъ, — сказала она, опустивъ глаза,—но 31-го я сяду на пароходъ въ Калькутту.

II.

Чтобы выѣхать 31-го изъ Нью-Йорка, ей надо было отправиться изъ Топазы, по крайней мѣрѣ, 27-го. Теперь же было 15-е. Тарвинъ не терялъ времени. Онъ каждый вечеръ приходилъ къ ней, и у нихъ начинались безконечныя препирательства.

Кэтъ охотно слушала его убѣжденія, но складки у рта ея говорили, что рѣшимость ея непоколебима, она только сожалѣла о необходимости огорчать его.

— Это мое призваніе!—воскликнула она. — И уклониться отъ него я не могу. Не могу не слѣдовать ему, не могу не ѣхать.

И когда она съ тоской рассказывала ему, какъ ясно доносятся до ея сердца стоны несчастныхъ индійскихъ женщинъ, какъ муки и ужасы ихъ жизни не даютъ ей покою ни днемъ, ни ночью, то Тарвинъ не могъ не чувствовать уваженія къ причинѣ, заставившей ее покинуть его. Онъ умолялъ ее не внимать призывавшимъ ее голосамъ, но самъ въ глубинѣ души сочувствовалъ ея жаднѣ облегчать чужія страданія. Онъ могъ только горячо убѣждать ее, что существуютъ и другія бѣдствія, и другіе народы, которымъ тоже можно помогать. Онъ тоже былъ несчастенъ, потому что она была нужна для его счастья, и если бы она захотѣла только, то и онъ сдѣлался бы необходимъ для ея счастья. Они были нужны другъ другу и серьезнѣе этого ничего быть не могло. Индійскія женщины могутъ подождать, они вмѣстѣ поѣхали бы къ нимъ потомъ, когда въ Топазѣ водворится общество «Три К^о», и онъ составитъ себѣ состояніе. А теперь передъ ними было счастье, передъ ними была любовь!

Онъ былъ уменъ, былъ страшно влюбленъ, зналъ, чего хотѣлъ, и умѣлъ убѣдительно говорить. Кэтъ набиралась силъ въ его отсутствіи. Ей нечего было отвѣчать ему. Такимъ даромъ слова, какъ Тарвинъ, она не отличалась. У нея была глубокая, спокойная и молчаливая натура, которая умѣла только сильно чувствовать и дѣйствовать.

Въ ней было много смѣлости и молчаливой выдержанности, иначе она давно бы отказалась отъ мечты, родившейся въ ней два года тому назадъ. Первая преграда явилась ей въ лицѣ родителей. Они рѣшительно не позволили ей изучать медицину. Ей хотѣлось быть и врачомъ, и сестрой милосердія, въ надеждѣ, что въ Индіи она найдетъ случай примѣнить эти обѣ специальности; но разъ одна изъ нихъ была для нея закрыта, то она поступила въ Нью-іоркскую школу фельдшерницъ, и родители допустили это потому только, что имъ вообще было очень трудно отказывать ей въ чемъ бы то ни было.

Когда она высказала свои идеи матери, та пожалѣла, что они дали ей образованіе. Мать пожалѣла даже, что отецъ дѣвушки напелъ, наконецъ, занятія не по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожная линія шла теперь въ двѣ стороны отъ Топазы; и Кэтъ, вернувшись изъ школы, нашла, что дорога проведена уже за сто миль къ западу, а родныхъ своихъ застала на прежнемъ мѣстѣ. Имъ больше не пришлось передвигаться—отецъ ея приобрѣлъ цѣлые акры городской земли, и былъ слишкомъ богатъ, чтобы трудиться. Онъ бросилъ свою службу и ударился въ политику.

Шерифъ очень любилъ свою дочь и относился къ ней съ той

снисходительностью, которая часто выпадает на долю единственного ребенка. Онъ говорилъ обыкновенно, что все, «что бы она ни сдѣлала—хорошо», и всегда всѣмъ былъ доволенъ. Онъ желалъ, чтобы накопленнымъ имъ богатства принесли ей пользу, и у Кэтъ не хватало духа сказать ему, какъ она намѣревалась употребить ихъ. Матери своей она сообщила весь свой планъ, а отцу сказала только, что желаетъ быть фельдшерницей. Мать горевала втихомолку, съ грустною безнадежностью женщины, которую жизнь научила ждать всегда худшаго. Кэтъ было очень тяжело огорчать ее и сердце ея разрывалось отъ сознанія, что она не можетъ сдѣлать того, чего и мать, и отецъ ожидали отъ нея. Ожидали же они отъ нея очень немногаго—они хотѣли только, чтобы она вернулась домой и зажила такъ, какъ всѣ барышни. Она понимала, что, съ своей точки зрѣнія, они вполне правы, но въ то же время была убѣждена въ томъ, что ей предназначена совсѣмъ иная судьба.

Это была ея первая неприятность. Контрастъ между святыми минутами въ саду и суровой прозой, когда дѣло дошло до осуществленія ихъ, становился, съ теченіемъ времени, все сильнѣе и сильнѣе. Временами ей бывало очень тяжело; но она шла впередъ, не всегда твердо, не всегда храбро, но неизмѣнно въ одномъ и томъ же направленіи. Жизнь въ фельдшерской школѣ сильно разочаровала ее. Она, конечно, не думала, что путь ея будетъ усыянъ цвѣтами, но въ концѣ перваго же мѣсяца готова была горько смѣяться надъ разницей между ея мечтами о самопожертвованіи и дѣйствительностью, которая и вниманія не обращала на ея мечты. Она надѣялась облегчать страданія и изцѣлять недуги съ перваго же дня своего поступленія въ школу. А на дѣлѣ ей пришлось мыть только молочныя бутылки для дѣтей.

Стала она присматриваться къ другимъ дѣвушкамъ, чтобы увидать, какъ онѣ сохраняютъ свои идеалы среди работы, имѣющей такъ мало общаго съ ихъ будущей дѣятельностью, и увидала, что никакихъ идеаловъ у нихъ и нѣтъ. Когда же, съ теченіемъ времени, ее допустили до ухода за дѣтьми и затѣмъ до настоящихъ занятій, она увидала, какъ ея задача отдаляла ее отъ всѣхъ. Другія учились тутъ для профессіи. Онѣ смотрѣли на это, какъ на ремесло, и учились ему, какъ учились бы шить. Онѣ учились, чтобы зарабатывать по двадцати долларовъ въ недѣлю. Разсказъ одной арканзасской дѣвушки, какъ она кокетничала съ молодыми врачами въ клиникѣ, окончательно разочаровалъ ее.

Кромѣ обязательной работы въ школѣ, она брала уроки индустанскаго языка, и постоянно съ благодарностью вспоминала о

своемъ домашнемъ воспитаніи, доставившемъ ей здоровье и укрьпившемъ ея силы.

Черная работа при самомъ ухаживаніи за больными не отталкивала ее. Она не находила въ этомъ ничего противнаго, и когда къ концу перваго года ее назначили въ женскій госпиталь помощницей фельдшерицы, то она какъ бы выросла въ своихъ собственныхъ глазахъ и была счастлива, что могла оказывать помощь.

Съ этого времени она начала работать много и успѣшно. Прежде всего она хотѣла приобрѣсти какъ можно больше знаній. Предварительная работа была трудная, но она находила утѣшеніе въ томъ, что всѣ больныя любили ее и жили ею. Успѣхъ увлекалъ ее. Она всей душой отдалась дѣлу, и въ громадной, длинной палатѣ, гдѣ поддерживала столько страдалицъ въ послѣднія минуты жизни, гдѣ она жила со смертью и постоянно имѣла съ нею дѣло, успокаивая невыразимыя страданія и слыша только стоны—она убѣдилась, что дѣйствительно создана для этого дѣла.

Теперь же каждый вечеръ въ половинѣ девятаго шляпа Тарвина висѣла на крючкѣ въ прихожей ея дома.

Ничто не могло заставить его бросить попытку убѣдить ее въ томъ, въ чемъ онъ самъ былъ убѣжденъ; но онъ дѣлалъ это очень добродушно, и ей это даже нравилось. Ей многое въ немъ нравилось, и часто, когда они сидѣли такъ другъ противъ друга, она начинала мечтать, какъ мечтала много лѣтъ тому назадъ, о возможности провести съ нимъ всю жизнь. Но такія мечты она сурово отгоняла отъ себя. Теперь ей нужно было думать о другомъ; и все-таки она не могла заставить себя относиться къ Тарвину такъ же безразлично, какъ къ прочимъ мужчинамъ.

Тѣмъ не менѣе, она уѣзжала—уѣзжала, не смотря на все, что онъ говорилъ, не смотря на всю его любовь.

Когда она ему говорила, чтобы онъ не терялъ времени и не думалъ о ней, онъ просилъ ее не заботиться о немъ: она ему дороже дѣла и политики, и онъ самъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Я знаю,—отвѣчала Кэтъ.—Но вы забываете, въ какое неловкое положеніе вы меня ставите. Я вовсе не хочу, чтобы ваша партія послѣ выборовъ сказала, что вы невнимательно относились къ своимъ обязанностямъ, и что вслѣдствіе этого отецъ мой добился большинства голосовъ; еще скажутъ, пожалуй, что я это сдѣлала нарочно...

— Конечно,—прямо призналась она:—я бы очень хотѣла, чтобы отецъ попалъ въ законодательный корпусъ штата, и не хочу, чтобы вы избирались, потому что, если будете избраны вы, онъ не будетъ; но мѣшать вамъ я вовсе не хочу.

— Не заботьтесь, пожалуйста, объ избраніи вашего отца!—вскричалъ Тарвинъ. — Если только это мѣшаетъ вамъ спать, вы можете спать до тѣхъ поръ, пока въ городъ къ намъ не явится Общество «Три К^о». На этотъ разъ я самъ ѣду въ Денверъ, и поѣдемте лучше вмѣстѣ со мной. Вѣдьте! Хотите быть женою предсѣдателя палаты и жить въ Капитоль-Гилѣ?

Онъ на столько нравился ей, что она почти вѣрила его постоянному заявленію, что для него пожелать какую-нибудь вещь — значитъ добиться ея.

— Никъ!—насмѣшливо, но не вполне недовѣрчиво сказала она:— вамъ не быть предсѣдателемъ!

— Я добился бы даже губернаторства, если бы думалъ, что этимъ привлеку васъ. Произнесите хоть слово надежды, и вы увидите, на что я способенъ!

— Нѣтъ! нѣтъ!—качая головою, сказала она.—Мои губернаторы только раджи, и живутъ далеко отсюда.

— Позвольте, Индія не менѣе половины Соединенныхъ Штатовъ. Въ какую же область вы ѣдете?

— Какъ?..

— Въ какое попечительство, городъ, область, округъ? Куда вамъ слѣдуетъ адресовать письма?

— Въ Раторъ, въ провинціи Гокраль Ситарумъ, Раджпутана, Индія.

— Вотъ какъ!—съ отчаяніемъ повторилъ онъ. Адресъ былъ точенъ, и онъ вполне повѣрилъ, что она дѣйствительно ѣдетъ, что она исчезаетъ изъ его жизни и удаляется въ другой конецъ свѣта, о которомъ упоминается въ арабскихъ сказкахъ, и который населенъ какими-то сказочными лицами.—Полноте, Кэтъ! Не отважитесь же вы отправиться жить въ такую языческую, волшебную страну? Что же будетъ съ Топазомъ, Кэтъ? Что же будетъ съ вашимъ домомъ? Вы не можете сдѣлать этого, Кэтъ. Пусть онѣ лѣзутъ тамъ, какъ знаютъ. Оставьте ихъ! Или предоставьте ихъ мнѣ! Я поѣду туда самъ, обращу кое-какіе изъ ихъ языческихъ брилліантовъ въ деньги, и отправлю туда цѣлую корпорацію фельдшерницъ, организованную по плану, составленному вами. Затѣмъ мы обвиняемся, и я свезу васъ туда посмотрѣть на то, что я тамъ устрою. Я сдѣлаю все на славу. Недумайте, что они такъ бѣдны. Если только миссіонеръ вамъ не вралъ, то у нихъ есть такія ожерелья, которыя могли бы покрыть весь національный долгъ. Брилліанты въ куриное яйцо, громадныя жемчужины, сафиры чуть ли не въ кулакъ, и изумрудовъ столько, что пересчитать нельзя... и все это навѣшано на шею идола, или спрятано въ храмѣ, а они

призываютъ скромныхъ бѣлыхъ дѣвушекъ пріѣхать къ нимъ и ухаживать за ними! Это я называю просто мошенничествомъ.

— Точно деньги могутъ помочь имъ! Дѣло не въ этомъ. Въ деньгахъ нѣтъ ни милосердія, ни доброты, ни состраданія, Никъ; настоящая помощь заключается въ самопожертвованіи.

— Ну, прекрасно! Въ такомъ случаѣ, принесите и меня въ жертву. И я поѣду съ вами!—сказалъ онъ, впадая въ свой обычный веселый тонъ.

Она засмѣялась, но вдругъ остановилась.

— Вы не должны ѣхать въ Индію, Никъ! Пожалуйста, не вздумайте ѣхать, не вздумайте слѣдовать за мною! Вы не должны!

— Если я получу мѣсто раджи, я не откажусь. Это мѣсто довольно выгодное.

— Американца въ раджи не возьмутъ, Никъ.

Странно, что мужчины, считающіе жизнь свою шуткой, ищутъ успокоенія у женщинъ, которыя считаютъ ее серьезной, какъ молитва.

— Но американцу, можетъ быть, позволяютъ захватить раджу въ плѣнъ,—не задумываясь продолжалъ Тарвинъ,—и добыча эта была бы хорошая. Впрочемъ, положеніе раджи, вообще, считается небезопаснымъ.

— Почему вы думаете?

— Общества страхованія отъ несчастныхъ случаевъ берутъ съ нихъ двойную премію. Ни одно изъ моихъ обществъ не рискнуло бы застраховать ихъ жизнь,—задумчиво продолжалъ онъ.

— Все-таки, вы не должны пріѣзжать,—рѣшительно сказала она.—Вы не должны быть тамъ, помните это.

Тарвинъ вдругъ вскочилъ.

— Спокойной ночи! Спокойной ночи!—вскричалъ онъ.

Онъ поспѣшно поклонился и нетерпѣливо простился съ ней. Она пошла въ прихожую проводить его, онъ мрачно снялъ съ крюка свою шляпу и поспѣшно удалился.

Никто не можетъ преслѣдовать политическія цѣли и въ то же время заниматься любовью. Можетъ быть, увѣренность въ этой истинѣ и заставила Шерифа благосклонно относиться къ ухаживаніямъ Тарвина за его дочь. Тарвинъ всегда интересовался молодой дѣвушкой, но никогда такъ открыто не ухаживалъ за нею, какъ въ послѣднее время. Шерифъ разъѣзжалъ по округу, и рѣдко бывалъ дома, но, возвращаясь въ Топазъ, съ удовольствіемъ улыбался, видя, чѣмъ занятъ его соперникъ. Предвкушая легкую побѣду надъ нимъ на большомъ избирательномъ митингѣ въ Канонъ-Сити, онъ, можетъ быть, слишкомъ понадѣялся на увле-

*

ченіе молодого человѣка. А Тарвинъ привыкшій къ успѣху и знавая, что запустилъ, послѣднее время, дѣла своей партіи, встрепенулся отъ предсказаній и предостереженій Кэтъ — они подѣйствовали на него, какъ перецъ на открытую рану.

Митингъ въ Канонъ-Сити былъ назначенъ вечеромъ слѣдующаго дня, когда происходилъ вышеупомянутый разговоръ, и Тарвинъ вышелъ въ тотъ вечеръ на платформу, заваленную ящиками съ товарами, съ юношескимъ страстнымъ желаніемъ дать понять, что онъ явился, не смотря на то, что влюбленъ.

Шерифу предоставлено было говорить первому. Тарвинъ сидѣлъ сзади, безпокойно покачивая ногой, закинутой на колѣно. Толпа слушателей смотрѣла на нервнаго, сухого, мѣшковатаго человѣка съ добрыми, умными глазами и выдающимся впередъ подбородкомъ. Носъ у него былъ большой, а лобъ въ морщинахъ и съ рѣдкими волосами на вискахъ, что весьма обыкновенно даже среди молодыхъ людей на западѣ. Онъ окинулъ быстрымъ, пронизательнымъ взоромъ толпу, къ которой потомъ намѣревался обратиться съ рѣчью, и по глазамъ его можно было заключить, что этотъ человѣкъ способенъ добиться своего при какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствахъ, и умѣетъ повелѣвать людьми.

Слушая Шерифа, онъ удивлялся, какимъ образомъ у него хватало духу излагать разные невѣрные взгляды на серебро и тарифы собравшейся передъ нимъ толпѣ, въ то время, какъ дочь его замышляла дома такое возмутительное дѣло?.. Въ его головѣ все было такъ тѣсно связано съ Кэтъ, что, когда онъ всталъ, наконецъ, чтобы отвѣчать Шерифу, то едва удержался, чтобы не спросить, какъ могъ, чортъ возьми, человѣкъ предполагать, чтобы интеллигентная толпа согласилась съ его политико-экономическими взглядами, которые онъ намѣревался примѣнить къ управленію государствомъ, если онъ не могъ даже справиться съ своей собственной семьей? Зачѣмъ позволяетъ онъ своей дочери портить такимъ образомъ свою жизнь? Для чего же существуютъ отцы? Но замѣчанія эти онъ оставилъ про себя...

Тарвинъ обладалъ даромъ оратора, умѣющаго завоевывать сердца своихъ слушателей; онъ обвинялъ, упрекалъ, просилъ, настаивалъ, требовалъ; онъ поднималъ свои худыя, длинныя руки, призывалъ въ свидѣтели боговъ, и статистику, и республиканскую партію, и, въ случаѣ надобности, оживлялъ свою рѣчь анекдотами. «Это напоминаетъ мнѣ человѣка», кричалъ онъ, какъ кричатъ обыкновенно ораторы, «котораго мнѣ привелось встрѣтить, въ Висконсинѣ, который...» Человѣкъ въ Висконсинѣ служилъ доказательствомъ, хотя Тарвинъ никогда не бывалъ въ Висконсинѣ, и ни-

когда такого человѣка не зналъ; но исторія была отличная, и когда толпа застонала отъ восторга, то Шерифъ съежился и постарался улыбнуться, чего именно и желалъ Тарвинъ.

Въ толпѣ слышались однако и неодобрительные возгласы, но глухой одобрительный шепотъ дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на Тарвина; хотя, въ сущности, онъ не нуждался въ возбужденіи, такъ какъ подъ вліяніемъ страстнаго желанія своего сердца, и криковъ и свистковъ, пришелъ въ восторженное состояніе, удивившее его самого, и почувствовалъ, что вполне овладѣлъ всей толпой. Это были хорошія минуты. По окончаніи его рѣчи, всѣ поднялись съ мѣстъ и заявили свое одобреніе громкими восторженными криками, потрясавшими все зданіе. Шапки летѣли вверхъ, народъ толкалъ другъ друга, выражая желаніе вынести Тарвина на рукахъ.

Тарвинъ, задыхаясь, пробираясь сквозь толпу. Добравшись до уборной, позади эстрады, онъ заперъ дверь на задвижку и, растянувшись въ креслѣ, вытеръ себѣ лобъ.

— И человѣкъ, который въ состояніи побѣждать цѣлую толпу, — прошепталъ онъ: — не можетъ добиться, чтобы маленькая, худенькая дѣвушка вышла за него замужъ!

III.

На слѣдующее утро въ Канонъ-Сити всѣ открыто говорили, что Тарвинъ стеръ съ лица земли своего противника, и всѣ положительно утверждали, что когда, послѣ рѣчи Тарвина, Шерифъ всталъ, чтобы снова говорить, какъ было заявлено въ программѣ, то публика заставила его криками сѣсть на мѣсто. Но на станціи желѣзной дороги, когда оба отправлялись въ Топазъ, старикъ кивнулъ ему головой, улыбнулся, и положительно не выказывалъ нежеланія ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Повидимому, онъ не очень огорчился своимъ пораженіемъ. Тарвинъ объяснялъ это тѣмъ, что Шерифу было чѣмъ утѣшиться. Вслѣдъ за этимъ разсужденіемъ, у него явилась мысль, что самъ онъ сыгралъ дурака. Онъ, конечно, имѣлъ удовольствіе публично одержать верхъ надъ соперникомъ-кандидатомъ, несомнѣнно хорошимъ человѣкомъ, и доказалъ своимъ противникамъ, что онъ все-таки представляетъ силу, съ которой нельзя не считаться, несмотря на глухие толки прокакого-то миссіонера, завладѣвшаго головою извѣстной молодой дѣвушки. Но развѣ это сближало его съ Кэтъ? Онъ былъ увѣренъ теперь, что его выберутъ, но на какую должность? Онъ говорилъ ей даже о предсѣдательствѣ, но и это нисколько не тронуло ея. Тарвинъ желалъ получить предсѣдательство только въ сердцѣ Кэтъ.

Онъ боялся, что на этотъ высокій постъ теперь онъ скоро выбранъ не будетъ, и, глядя на расплывшуюся фигуру, стоявшую подлѣ него на краю пологна, зналъ, кому этимъ обязанъ. Она никогда не поѣхала бы въ Индію, если бы ея отецъ былъ другимъ человѣкомъ. Но чего можно ждать отъ такого мягкаго, эгоистичнаго, облѣнившагося богатаго человѣка? Тарвинъ простигъ бы Шерифу его мягкость, если бы за ней стояла сила. Но у него было свое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, случайно разбогатѣвшемъ въ такомъ городѣ, какъ Топазъ.

Шерифъ принадлежалъ къ ненавистному для Тарвина типу людей, разбогатѣвшихъ случайно, и которые потомъ болѣе всего стараются какъ бы только кого-нибудь не задѣть. Въ политикѣ онъ тоже держался этого принципа, и приводилъ въ восторгъ организаторовъ разныхъ благотворительныхъ базаровъ, домашнихъ спектаклей и ужиновъ. Онъ отправлялся на всѣ эти ужины и базары, устраиваемые въ Топазѣ, заставляя ходить съ нимъ и дочь, и жену, и коллекціи всевозможныхъ игрушекъ, вышивокъ, подушекъ и разныхъ рукодѣлій, приобретаемыхъ съ благотворительною цѣлью, наполняя весь домъ.

Но о добротѣ его говорили меньше, чѣмъ слѣдовало бы говорить. Дамы-благотворительницы брали его деньги, и не высказывали своего мнѣнія о немъ; а Тарвинъ, чтобы показать, какъ онъ думаетъ о политической системѣ своего соперника, открыто отказывался покупать эти билеты. Желаніе угодить всѣмъ лежало и въ основѣ отношеній Шерифа къ дочери. Китти непременно хотѣла ѣхать, и отецъ полагалъ, что нужно ее отпустить. Онъ говорилъ, что сначала онъ сильно возставалъ противъ ея желанія, и Тарвинъ, зная, какъ онъ любилъ дочь, охотно вѣрилъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ досадовалъ на него только за то, что онъ можетъ такъ мало.

Когда поѣздъ, направлявшійся въ Топазъ, подошелъ къ станціи, Шерифъ и Тарвинъ вошли вмѣстѣ въ вагонъ-салонъ. Тарвину не хотѣлось разговаривать, во время пути, съ Шерифомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось и показать этого нежеланія. Шерифъ предложилъ ему сигару, и когда кондукторъ Девъ Льюисъ проходилъ мимо нихъ, Тарвинъ окликнулъ его, какъ стараго пріятеля, и просилъ, кончивъ обходъ, придти къ нему. Тарвинъ любилъ Льюиса, какъ любилъ тысячу подобныхъ случайныхъ знакомыхъ, между которыми пользовался нѣкоторой популярностью, и пригласилъ онъ Дева не только потому, что хотѣлъ избавиться отъ разговора съ Шерифомъ — кондукторъ сообщилъ, что съ тѣмъ же поѣздомъ ѣдетъ въ отдѣльномъ вагонѣ председатель Общества «Три К°.» съ семействомъ.

— А!—проговорилъ Тарвинъ, и попросилъ кондуктора познакомиться его съ предсѣдателемъ, такъ какъ ему хотѣлось поговорить съ нимъ. Кондукторъ засмѣялся и сказалъ, что вѣдь онъ не подходящее лицо для этого, а потомъ, вернувшись, сказалъ, что предсѣдатель просилъ его рекомендовать ему толковыхъ и знающихъ людей изъ Топаза, съ которыми онъ могъ бы поговорить о Топазѣ. Кондукторъ сказалъ ему, что съ поѣздомъ ѣдутъ два такихъ джентльмена, и президентъ послалъ сказать черезъ него, что былъ бы очень радъ, если бы они были такъ добры и перешли къ нему въ вагонъ.

Уже цѣлый годъ желѣзно-дорожное общество «Трехъ Компаній» вело переговоры о томъ, чтобы провести линію черезъ Топазъ, но объ этомъ говорили вяло, какъ бы выжидая поддержки. Торговое сословіе Топаза тотчасъ же собралось и вотировало оказать поддержку. Поддержка эта выразилась въ видѣ отдачи городскихъ мѣстъ въ аренду и въ собственность и, наконецъ, въ намѣреніи приобрести акціи этой дороги по высокой цѣнѣ. Со стороны торговаго комитета это было хорошо, но подъ давленіемъ городского тщеславія и городской гордости Рустлеръ поступилъ гораздо лучше. Рустлеръ лежалъ за пятнадцать миль отъ Топаза, выше на горахъ, и, слѣдовательно, ближе къ рудникамъ; Топазъ признавалъ его своимъ соперникомъ и въ другихъ отношеніяхъ, а не только по отношенію къ Обществу «Трехъ Компаній».

Оба города выросли почти въ одно и то же время; затѣмъ волна отошла отъ Рустлера и подвела Топазъ. Это стоило Рустлеру нѣсколькихъ гражданъ, которые перебрались въ Топазъ, какъ въ болѣе цвѣтущій городъ. Многіе изъ гражданъ сложили свои дома на телѣги и, къ немалому огорченію своихъ согражданъ, перевезли ихъ въ Топазъ. Но затѣмъ Топазъ сталъ чувствовать, что теряетъ почву. Домъ или два оказались перевезенными обратно. На этотъ разъ выигрывалъ Рустлеръ. Если желѣзная дорога пройдетъ тамъ, то Топазъ погибнетъ. Если же дорога пойдетъ черезъ Топазъ, то городъ можетъ считать себя обезпеченнымъ въ дальнѣйшемъ процвѣтаніи. Оба города ненавидѣли другъ друга, какъ только на западѣ Америки ненавидятъ другъ друга города — коварно, преступно, злорадно. Если бы Топазъ могъ убить Рустлера, или Рустлеръ могъ убить Топаза съ помощью болѣе смѣлыхъ предприятий, то восторжествовавшій городъ устроилъ бы триумфальное побѣдоносное шествіе.

Гражданинъ Западной Америки всегда гордится своимъ городомъ. И въ основаніи такой гордости лежитъ ненависть къ другому городу—сопернику.

Тарвинъ дорожилъ своей любовью къ Топазу, какъ религіей. Онъ былъ для него дороже всего на свѣтѣ, за исключеніемъ Кэтъ, а иногда онъ казался ему даже дороже Кэтъ. Онъ съ идеальной готовностью исполнялъ свои обязанности относительно города. Для себя лично онъ желалъ успѣха, желалъ выдвинуться впередъ, но онъ не могъ имѣть успѣха, если бы городъ палъ. Эту любовь къ Топазу можно было назвать страстнымъ и личнымъ патріотизмомъ.

Онъ присутствовалъ при его рожденіи, зналъ его въ то время, когда могъ еще заключить его почти цѣликомъ въ свои объятія; онъ любовался имъ, ласкалъ его, нянчилъ его, и зналъ, что ему нужно. Ему нужно было общество «Три К^о».

Ковдукторъ, проводивъ Шерифа и Тарвина въ вагонъ председателя, представилъ ихъ ему, а председатель представилъ ихъ своей молодой женѣ—двадцатипятилѣтней блондинкѣ, создававшей, что она хорошенькая, около которой Тарвинъ тотчасъ же и усѣлся. Въ председательскомъ вагонѣ было помѣщеніе по обѣ стороны салона, въ который они были приглашены. Все это было чудомъ уюта и изящества при роскошной обстановкѣ. Въ салонѣ стояла мягкая мебель, обитая плюшемъ, и было множество зеркалъ.

Председатель только-что возникшаго общества центральной дороги Колорадо и Калифорніи очистилъ для Шерифа одинъ изъ соломенныхъ стульевъ, снявъ съ него цѣлую кучу иллюстрированныхъ газетъ, и устремилъ на него черные глаза изъ подъ густыхъ бровей. Самъ онъ сѣлъ на другой соломенный стулъ. У него были щеки въ пятнахъ и жирный подбородокъ пожившаго въ свое время пятидесятипятилѣтняго мужчины. Онъ слушалъ оживленныя объясненія, которыя тотчасъ же ему сталъ давать Шерифъ, а Тарвинъ вступилъ въ разговоръ съ м-съ Метри, вовсе не касающійся желѣзныхъ дорогъ. Онъ наго ворилъ ей любезностей, и сталъ разспрашивать объ ея свадебномъ путешествіи. Они только-что возвращались съ этого путешествія, и предполагали поселиться въ Денверѣ. Она не знала, понравится ли ей Денверъ. Тарвинъ далъ ей нѣкоторыя свѣдѣнія о городѣ. Онъ ручался за Денверъ, и яркими красками изобразилъ своей слушательницѣ всѣ достоинства этого города. Расхваливалъ его магазины и театры, утверждая, что они могутъ убить Нью-Йоркъ, и тутъ же замѣтилъ, что ей слѣдовало бы взглянуть на театръ въ Топазѣ. Выразилъ также надежду, что они останутся тамъ дня на два.

Тарвинъ не сталъ хвалить Топазу, такъ какъ онъ хвалилъ

Денверъ. Онъ постарался только доказать ей, что это очаровательный городъ, наиболѣе цвѣтущій на Западѣ, и затѣмъ тотчасъ же перешелъ на другую тему. Вообще, разговоръ ихъ имѣлъ, преимущественно, личный характеръ, и Тарвину хотѣлось прежде всего расположить м-съ Метри въ свою пользу и затѣмъ отыскать ей слабую струнку. Ему нужно было узнать, какимъ образомъ можно подѣйствовать на нее. *Этимъ* путемъ можно было добраться и до предсѣдателя. Тарвинъ увидалъ это лишь только вошелъ въ вагонъ. Онъ зналъ ея исторію, и зналъ даже ея отца, содержателя отеля, въ которомъ онъ останавливался, когда бывалъ въ Омага. Онъ спросилъ у нея, какія тамъ произошли перемѣны и кому проданъ отель; затѣмъ выразилъ надежду, что управляющій остался тотъ же самый. А поварь? У него слюнки текли при воспоминаніи объ этомъ поварѣ. Она сочувственно засмѣялась. Въ этомъ отелѣ она провела свое дѣтство, играла въ залахъ и корридорахъ, барабанила на фортепіано въ салонѣ, и лакомилась въ буфетѣ. Повара она знала—лично знала его. Онъ давалъ ей пирожное, которое она уносила въ дѣтскую. Да, да, этотъ поварь до сихъ поръ еще былъ тамъ.

У Тарвина было что-то привлекательное въ обращеніи и его веселость дѣйствовала заразительно. Его сердечность, открытый, довѣрчивый характеръ и серьезное отношеніе къ жизни были чрезвычайно симпатичны. Онъ относился съ безпристрастнымъ добродушіемъ ко всѣмъ людямъ. Его можно было назвать кузеномъ всего человѣчества и роднымъ братомъ всѣхъ извѣстныхъ ему лицъ.

Они очень скоро хорошо познакомились съ м-съ Метри, и она повела его къ окну вагона, откуда были видны рудники Арканзаса. Вагонъ былъ послѣднимъ въ поѣздѣ, и изъ окна открывался видъ на желѣзнодорожное полотно и горы, между которыми оно извивалось. Они встали у окна и стали смотрѣть на нависшія надъ ними высоты, и на ущелья, которыя, пропустивъ ихъ, тотчасъ же замыкались. Поѣздъ, грохотомъ своимъ профанировавшій красоту этой первобытной страны, чудеснымъ образомъ цѣплялся у отвѣснаго берега, съ рѣкой по одну сторону и скалистой стѣной по другую. Иногда м-съ Метри теряла равновѣсіе, при крутыхъ поворотахъ дороги, и, чтобы не упасть, схватывала Тарвина за рукавъ. Тогда онъ предложилъ ей руку, и они продолжали смотрѣть на гигантовъ, поднимавшихся у нихъ надъ головами.

М-съ Метри постоянно вскрикивала отъ восторга и удивленія, какъ дѣлаютъ обыкновенно женщины, восторгаясь красотой при-

роды, и затѣмъ тихо шептала похвалы. Ея веселость была подавлена этимъ зрѣлищемъ, какъ была бы подавлена присутствіемъ смерти; а Шерифъ все еще объяснялъ предсѣдателю всѣ выгоды Топаза, тотъ же не внимательно слушалъ его и искоса поглядывалъ на окно. Метри походилъ на смущеннаго людоѣда, когда подошедшая жена хлопнула его по спинѣ и прошептала что-то на ухо. Она опустилась на свое прежнее мѣсто, и приказала Тарвину занимать ее; и Тарвинъ охотно рассказалъ ей, какъ онъ ходилъ съ экспедиціей въ мѣстность за этими горами. Онъ не нашелъ того, чего искалъ, то-есть, серебра, но нашелъ необыкновеннаго качества аметисты.

— Да неужели? Аметисты? Настоящіе аметисты? Я и не знала, что въ Колорадо есть аметисты.

Глаза ея блеснули какимъ-то страннымъ огнемъ, огнемъ страсти и желаній. Тарвинъ тотчасъ же обратилъ на это вниманіе. Ужъ не *это* ли ея слабая струна? Если этотъ акъ... Онъ былъ большой знатокъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ, которые составляли часть естественныхъ богатствъ окрестностей Топаза. Онъ могъ до безконечности говорить съ ней о драгоцѣнныхъ камняхъ. Дикое предположеніе преподнести ей отъ купечества удивительную бриллиантовую діадему мелькнуло у него въ головѣ, но тотчасъ же было отброшено. Топазу не поможетъ такой подарокъ. Надо было дѣйствовать дипломатично, деликатно, спокойно, ловко, съ умѣньемъ фокусника. Онъ мысленно представлялъ себѣ неожиданное появленіе, по его инициативѣ, общества «Трехъ К^о» въ Топазѣ, а себя основателемъ будущаго города. Онъ видѣлъ Рустлеръ опрокинутымъ въ прахъ, а себя самого милліонеромъ.

Его мечты остановились на нѣкоторое время на двадцати акрахъ, составлявшихъ пока всю его собственность; деньги, на которыя онъ купилъ эти двадцать акровъ, не легко ему достались. Но предположеніе продать часть ихъ обществу «Трехъ К^о» для постройки вокзала, когда пройдетъ желѣзная дорога, а остальное раздѣлить на городскіе участки, не играло главной роли въ общемъ планѣ. Онъ мечталъ о выгодахъ, Топазѣ.

Глядя на руки м-съ Метри, онъ замѣтилъ, что пальцы у нея были унизаны необыкновенными кольцами. Кольцо было не такъ много, но камни въ нихъ были чудесные. Онъ не могъ налюбоваться на крупный солитеръ, надѣтый у нея на лѣвой рукѣ; когда они стали говорить о драгоцѣнныхъ каменьяхъ, она сняла кольцо съ руки, чтобы показать ему, и при этомъ сообщила, что у этого камня цѣлая исторія. Отецъ ея купилъ это кольцо у какого-то актера, трагика, съ которымъ случилась бѣда

въ Омахѣ, гдѣ онъ игралъ передъ пустымъ театромъ. Деньгами за кольцо была уплачена дорога всей труппы до Нью-Йорка. Это была единственная польза, принесенная камнемъ своимъ прежнимъ владѣтелямъ. Трагикъ выигралъ его отъ шуллера, который убилъ человѣка, поссорившись съ нимъ изъ-за этого солитера, а человѣкъ, заплатившій за него жизнью, купилъ его за бездѣнокъ у приказчика ювелира.

— Было бы недурно, если бы камень этотъ былъ украденъ въ Кимберлейскихъ рудникахъ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и проданъ дьяволу,—сказала она:—тогда исторія была бы полная. Какъ вы думаете, м-ръ Тарвинъ?

Спрашивая что-нибудь, она всегда поднимала брови и улыбалась, какъ бы требуя подтвержденія, на что Тарвинъ охотно соглашался. Онъ согласился бы принять гипотезу, опровергающую справедливость открытій Галилея и Ньютона, если бы м-съ Метри потребовала этого. Онъ сидѣлъ, вытянувшись и насторожившись, какъ собака, дѣлающая стойку.

— Я смотрю иногда на него и думаю, не увижу ли я преступленій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ,—сказала м-съ Метри.—Преступленія такъ привлекательны и страшны, не правда ли, м-ръ Тарвинъ, особенно убійство? Но болѣе всего я люблю самый камень. Не правда ли, какъ онъ хорошъ? Папа часто говорилъ, что онъ ничего не видалъ лучше этого камня, а вѣдь въ отелѣ приходится видѣть множество хорошихъ брилліантовъ.

Она любовно посмотрѣла на солитеръ.

— Что можетъ быть лучше хорошаго брилліанта—ничего!

Она вздохнула. Глаза ея загорѣлись. Въ голосѣ ея звучала искренняя нотка.

— Я могла бы безъ конца смотрѣть на хорошій брилліантъ, если бы только онъ былъ безусловно хорошъ. Папа зналъ, какъ я люблю драгоценные камни, и всегда покупалъ ихъ у пріѣзжающихъ въ отель. Ему удавалось выгодно покупать ихъ—прибавила она, сжимая свои хорошенькія губы, —но онъ оставлялъ для себя всегда только очень хорошіе камни. Иногда онъ отдавалъ два-три камня за одинъ, зная, что я люблю только очень хорошіе и настоящіе. Ахъ, какъ я люблю ихъ! Камни лучше людей! Они всегда могутъ быть при насъ и никогда не мѣняются!

— Я слышалъ объ одномъ ожерельѣ, которое вамъ понравилось бы, если вы дѣйствительно любите драгоценные камни, —спокойно сказалъ Тарвинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—проговорила она. —Гдѣ же оно находится?

— Очень далеко.

— Знаю! Въ Тифани?—сердито вскричала она.—Знаю я васъ!

— Нѣтъ, дальше!

— Гдѣ же?

— Въ Индіи.

Она съ любопытствомъ посмотрѣла на него.

— Скажите мнѣ, что это за ожерелье?—спросила она. Выраженіе лица ея и голосъ сразу измѣнились.—Такъ оно дѣйствительно хорошо?

— Лучшаго на свѣтѣ нѣтъ,—сказалъ Тарвинъ и остановился.

— Ну, не терзайте меня,—вскричала она.—Изъ чего оно сдѣлано?

— Изъ брилліантовъ, жемчуга, рубиновъ, опаловъ, бирюзы, аметистовъ, сапфировъ... цѣлой нитки сапфировъ. Рубины величиною въ вашъ кулакъ; брилліанты въ куриное яйцо. Оно стоитъ цѣлое царство.

Она перевела духъ, и нѣкоторое время молчала.

— А гдѣ же это ожерелье?—вдругъ рѣзко спросила она.

— На шеѣ у одного идола, въ провинціи Раджпутана. А вамъ хотѣлось бы имѣть его?—мрачно спросилъ онъ.

Она засмѣялась.

— Конечно,—отвѣчала она.

— Ну, такъ я достану вамъ его,—сказалъ Тарвинъ.

Она откинула назадъ свою бѣлокурую головку и засмѣялась, глядя на нарисованныхъ купидоновъ на потолокъ вагона. Она всегда откидывала назадъ голову, когда смѣялась, чтобы показать свою красивую шею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Миллюкова.

(Продолженіе *).

Очеркъ второй. Экономическій бытъ.

I.

Натуральное и денежное хозяйство. — Характеръ натурального хозяйства древней Руси. — Эксплуатація зоологическихъ богатствъ. — Истощеніе центра и перенесеніе зоологической эксплуатаціи на окраины. — Медленность перехода къ земледѣльческой культурѣ. — Экстенсивныя системы древне-русскаго земледѣлія. — Постепенное истощеніе почвы въ центрѣ и на окраинахъ. — Причины замедленія перехода къ интенсивнымъ системамъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Кузнецкомъ мосту, на самомъ бойкомъ мѣстѣ, стоялъ большой барскій домъ. Передъ домомъ оставался незастроеннымъ просторный дворъ, по обѣ стороны котораго, также какъ и позади барскаго дома, тянулись многочисленныя барскія службы: людскія, поварня, конюшни и сараи, кладовыя и амбары. Богатый владѣлецъ дома мало однако же приносилъ дохода московскимъ лавкамъ и магазинамъ, такъ какъ все у него было свое, а не покупное: провизія привозилась ему цѣлыми обозами изъ крѣпостныхъ деревень, прислуга была тоже своя, крѣпостная, и въ составъ ея входили не только лакеи и горничныя, но и кучера, и повара, и даже музыканты и парикмахеръ. Если бы какимъ-нибудь чудомъ вся Москва исчезла съ своего мѣста, и перестала бы существовать вся Россія, кромѣ крѣпостныхъ деревень владѣльца, то въ барскомъ домѣ на Кузнецкомъ мосту обычная жизнь хозяина съ многочисленными гостями могла бы продолжать свое теченіе, какъ будто нигдѣ ничего не измѣнилось.

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1895 г.

Не знаю хорошенько, что именно находится теперь на мѣстѣ стараго барскаго дома; вѣроятно, какой-нибудь грандіозный магазинъ, многоэтажная гостинница или банкирская контора. Но что бы тамъ ни находилось теперь, можно навѣрное сказать, что теперешній хозяинъ, будь это собственникъ дома или содержатель магазина и гостинницы, или квартирантъ послѣдняго,—уже не могутъ раздѣлять того философскаго равнодушія, съ какимъ имѣлъ возможность созерцать окружающее ихъ предшественникъ, владѣлецъ крѣпостныхъ деревень. Дѣло въ томъ, что никто изъ нихъ не можетъ быть сытъ предметами своего имущества,—зданіями, сукнами, лампами и т. д.; всѣмъ имъ приходится, чтобы существовать и пользоваться достаткомъ, обращать свой товаръ въ деньги и деньги опять въ товаръ и такъ далѣе до безконечности: другими словами, всѣ они зависятъ отъ покупателя, и всѣ ихъ предпріятія рассчитаны на болѣе или менѣе быстрый обмѣнъ.

Эта перемѣна въ центрѣ Москвы представляетъ намъ въ миниатюрѣ то, что случилось на протяженіи, главнымъ образомъ, нашего вѣка, во всей Россіи, а за много вѣковъ раньше и въ западной Европѣ. Вездѣ экономическая жизнь народовъ начиналась съ такъ-называемаго натурального хозяйства, то-есть такого, которое производитъ свои продукты для самого себя и само всѣ ихъ потребляетъ. Но въ Западной Европѣ уже при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, съ XIV вѣка началось распаденіе этого натурального хозяйства, и совершилась мало-помалу замѣна его хозяйствомъ мѣновымъ, при которомъ каждый производитель производитъ не все для себя нужное, а выбираетъ какую-нибудь одну спеціальность, нужную для всѣхъ, и продукты своей работы, конечно, уже болѣе совершенные,—обмѣниваетъ на нужные для себя продукты работы другихъ специалистовъ. Это хозяйство называется еще и денежнымъ, такъ какъ деньги служатъ необходимымъ орудіемъ общаго обмѣна, такъ сказать, общимъ знаменателемъ цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ, очень трудно сравнимыхъ безъ этого вспомогательнаго средства. Впрочемъ, когда обмѣнъ правильно и прочно устанавливается, тогда это вспомогательное средство постепенно становится излишнимъ: точнѣе говоря, излишнимъ становится всякій разъ мѣнять обмѣниваемые продукты на наличный драгоцѣнный металлъ,—оказывается достаточнымъ опредѣлить ту цифру металла, какую имѣетъ право получить за свой продуктъ владѣлецъ этого продукта, и дать ему документъ, который бы обеспечивалъ ему полученіе этого количества металла. Такимъ образомъ, деньги постепенно замѣняются денежными знаками, равноцѣнность кото-

рыхъ съ настоящими деньгами обезпечивается довѣріемъ къ тѣмъ учрежденіямъ или лицамъ, которыя даютъ эти знаки.

Всѣ перечисленныя явленія, свойственныя мѣновому хозяйству, получаютъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ дальше идетъ экономическій ростъ страны; раздѣленіе труда становится все болѣе и болѣе дробнымъ; сложность и быстрота обмѣна все болѣе увеличивается; въ результатѣ общественное довѣріе или кредитъ все болѣе вырастаетъ, и все болѣе расширяются примѣненія кредита къ различнымъ явленіямъ экономической жизни.

Предъидущій очеркъ долженъ былъ уже подготовить читателя къ тому, что въ исторической жизни Россіи всѣ эти явленія, сопровождающія экономическій ростъ страны, онъ встрѣтитъ гораздо менѣе развитыми и весьма запоздалыми сравнительно съ Западной Европой. Обмѣнъ является, конечно, на самыхъ низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія; но, въ общемъ, все наше экономическое прошлое есть время господства не мѣноваго, а натурального хозяйства; въ классѣ землевладѣльческомъ только освобожденіе крестьянъ вызвало окончательный переходъ къ мѣновому хозяйству, а въ классѣ крестьянскомъ натуральное хозяйство процвѣтало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный трудъ на рынокъ.

Но характеризовать экономическую жизнь Россіи преобладаніемъ натурального хозяйства—далеко еще недостаточно. Натуральное хозяйство можетъ быть разное, а въ нашемъ примѣрѣ помѣщичьяго дома на Кузнецкомъ мосту мы имѣли дѣло съ высоко развитымъ и весьма сложнымъ типомъ натурального хозяйства. Если мы углубимся въ русское прошлое, мы встрѣтимъ тамъ несравненно болѣе элементарные типы.

По свойству человѣческой природы люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо. Только возрастающее несоотвѣтствіе между потребностями людей и запасами природы заставляеть людей увеличить количество работы. Такое несоотвѣтствіе можетъ произойти или отъ увеличенія потребностей, или отъ уменьшенія запасовъ. Именно увеличеніемъ потребностей, происходящимъ отъ возрастанія числа жителей страны, мы и объясняли раньше необходимость усиливать трудъ, предполагая при этомъ, что количество запасовъ природы остается одно и то же. Но дѣло въ томъ, что и запасы природы не остаются одинаковыми, а параллельно съ увеличеніемъ населенія уменьшаются. Занявши страну съ непочатыми естественными богатствами, населеніе начинаетъ

съ того, наиболѣе легкаго средства,— что расхищаетъ эти дары или требующія наименьшаго приложенія труда богатства природы. При этомъ прежде всего пускаются въ оборотъ и постепенно истребляются зоологическія богатства края, животное население лѣсовъ и водъ. Затѣмъ подвергаются истощенію ботаническія и почвенныя богатства. Наконецъ, очередь доходитъ до ископаемыхъ минералогическихъ средствъ страны. Всѣ эти природныя ресурсы были тронуты въ Западной Европѣ и частью даже истощены еще въ доисторическомъ прошломъ. У насъ процессъ постепеннаго расхищенія ихъ составляетъ основной фонъ нашей прошлой экономической жизни и проходитъ красной нитью черезъ все наше экономическое развитіе вплоть до настоящаго времени. Чѣмъ долѣ занимало население извѣстную мѣстность, тѣмъ истощеніе природныхъ богатствъ должно было наступить въ ней раньше. Время, когда, напримѣръ, жители Кіевской области занимались звѣроловствомъ, уже древнѣйшему нашему лѣтописцу XI вѣка представлялось отдаленнымъ преданіемъ. На русскомъ сѣверѣ природныя зоологическія богатства сохранялись долѣе. Правда, для того, чтобы найти въ Поволжьи самыя рѣдкія и цѣнныя пушныя породы, вродѣ черныхъ соболей или чернобурыхъ лисицъ, намъ пришлось бы восходить къ первымъ вѣкамъ нашего государства, ко временамъ арабской торговли IX—XI вѣка. Но въ томъ же центральномъ Поволжьи въ XIV—XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ достаточно слѣдовъ, показывающихъ, что зоологическія богатства края продолжали служить основой экономической жизни. Въ старинныхъ грамотахъ постоянно попадаются цѣлыя селенія, специальностью которыхъ была эксплуатація этихъ зоологическихъ богатствъ: селенія *бобровниковъ*, *бортниковъ*, *рыболововъ*. На пустынныхъ тогда рѣчкахъ Московской и сосѣднихъ губерній въ большомъ еще количествѣ водились бобры. На мѣстахъ, богатыхъ бобрами, гдѣ-нибудь по Вожѣ или по Клязьмѣ, цѣлыми десятками садились деревни «бобровниковъ», распредѣлявшихъ между собою эти «бобровые гоны». Въ лѣсахъ Московской губерніи уже въ началѣ XV вѣка, по свидѣтельству Герберштейна, не было иныхъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ; горностая и куницу можно было найти тогда не ближе Волги. Но въ этихъ центральныхъ лѣсахъ, все еще обширныхъ, въ изобиліи водилась дикая пчела, сама себѣ создававшая въ дуплахъ деревьевъ естественныя ульи. Рядъ новыхъ поселковъ «бортниковъ» раздѣлилъ между собою эти борта (дуплистыя деревья съ медомъ) на «бортныя ухозя»; медъ и воскъ были однимъ изъ самыхъ распространенныхъ продуктовъ старинной русской добывающей промышленности.

Наконецъ, по всему теченію Волги и ея большихъ притоковъ, насколько этотъ бассейнъ былъ заселенъ, существовалъ цѣлый рядъ «рыбныхъ слободъ», населенныхъ «рыболовами».

Легко замѣтить, однако же, что бобры, медъ, воскъ, и даже рыба, если она добывается въ большомъ количествѣ, не могли же потребляться въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ добывались,— что, слѣдовательно, самое существованіе такихъ поселеній какъ бы противорѣчить господству натурального хозяйства. Это было бы такъ, конечно, если бы всѣ эти промышленники были свободными людьми и работали на себя. Но въ дѣйствительности всѣ они были слугами мѣстной власти: князья-владѣльцы и, можетъ быть, нѣкоторые крупные собственники давно уже разобрали между собою всѣ эти «бобровые гоны», «бортныя ухозя», «рыбные ѣзы» (затворы), словомъ, всѣ лакомые куски тогдашней народной экономіи. Продукты этихъ промысловъ всѣ, или почти всѣ, потреблялись въ княжескомъ хозяйствѣ. На поддержаніе же собственного существованія эти слуги княжескаго дворца должны были имѣть собственную небольшую запашку.

Къ XVII-му вѣку, однако же, упоминаніе о поселеніяхъ бобровниковъ, бортниковъ, становится все рѣже; новые поселки этого характера совсѣмъ перестали возникать въ московскомъ центрѣ. Дѣло въ томъ, что въ теченіи XVI вѣка и къ XVII-му вѣку зоологическія богатства центральной московской Россіи окончательно истощились. Владѣльцы старыхъ бобровыхъ гонровъ, рыбныхъ ловель и бортнаго лѣса расчищали теперь лѣсъ подъ пашню, ставили новые починки, и старыя зоолого-экономическія поселенія превращались въ «пашенныя села». Но, разставшись съ этой ступенью экономическаго развитія въ центрѣ, русское населеніе далеко не разставалось съ ней окончательно. Превратившись въ центрѣ въ населеніе по преимуществу земледѣльческое, оно перенесло теперь свою эксплуатацію зоологическихъ богатствъ на непочатыя окраины. Вслѣдъ за пушнымъ звѣремъ русскій звѣропромышленникъ пошелъ въ Сибирь; бортничество сохранилось у юго-восточныхъ инородцевъ (мордва, чуваша), а на всемъ вновь заселяемомъ юго-востокѣ начался новый періодъ зоолого-промышленной эксплуатаціи. Мы знаемъ изъ предъидущаго очерка, что колонизація юго-востока была вызвана политическими причинами: необходимостью борьбы съ кочевниками; но теперь мы можемъ прибавить и новую, внутреннюю, причину передвиженія населенія на новыя земли. Дѣло въ томъ, что эти новыя земли представляли непочатый край природныхъ богатствъ въ то самое время, когда богатства центра замѣтно оскудѣли. Конечно, эта большая

легкость жизни на свѣжей окраинѣ объясняетъ ту необычайную быстроту, съ которой приливалъ народный потокъ на эту окраину, какъ только она становилась сколько-нибудь безопасной отъ набѣговъ. Эти же обстоятельства заставляютъ предположить, что за вторую половину XVI вѣка, когда началась колонизація юго-востока, русское населеніе должно было значительно увеличиться; по крайней мѣрѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ открытіе новыхъ земель и ихъ заселеніе вело за собою усиленное размноженіе населенія.

Во всякомъ случаѣ, та же быстрота заселенія новыхъ окраинъ была причиной того, что періодъ эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ продолжался здѣсь сравнительно недолго, и полоса такой эксплуатаціи быстро отодвигалась все далѣе и далѣе на югъ. Въ срединѣ XVI вѣка югъ Кіевской губерніи, вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская—представляютъ такую полосу бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель: вездѣ тутъ звѣря бьютъ, бобровъ и рыбу ловятъ. Къ срединѣ XVII вѣка эти мѣстности уже заселены земледѣльческимъ населеніемъ, и полоса звѣропромышленныхъ угодій, такъ-называемыхъ «юртовъ», отодвигается на югъ—за Бѣлгородскую линію. Въ 1622-мъ году все теченіе Дона со всѣми притоками занято такими угодьями: вся середина Харьковской губерніи состоитъ изъ семи «юртовъ», которые эксплуатируютъ бѣлгородскіе служилые люди. Съ середины вѣка, однако, и сюда, какъ мы знаемъ, приходятъ новые колонисты и занимаютъ, съ согласія правительства, старые «юрты»,—не безъ предварительной борьбы съ ихъ старыми владѣльцами. Мы видѣли уже, что правительство пользовалось колонизаціей юга для своихъ военныхъ цѣлей: оно превращало поселенцевъ въ служилыхъ людей и поручало имъ оборону границы. Уже эта задача «юртовъ» въ помѣстья, вмѣсто пашни, служилымъ людямъ сокращаетъ періодъ эксплуатаціи зоологическихъ богатствъ края; но того же самаго сокращенія правительство добивается и прямо, заставляя всячески новопоселенныхъ служилыхъ людей заняться хлѣбопашествомъ и стараясь повсюду завести собственную казенную запашку. Правительство при этомъ преслѣдовало собственные интересы: значительная часть жалованья служилымъ людямъ платилась въ XVII вѣкѣ натурой—хлѣбомъ: отправляя въ новый край отряды служилыхъ людей, правительство должно было посылать имъ обозы хлѣба до тѣхъ поръ, пока не было или не хватало казеннаго и владѣльческаго хлѣба на мѣстѣ.

Вотъ почему правительство спѣшило здѣсь, какъ и въ Сибири, завести поскорѣе запашки на мѣстѣ. Но это удавалось ему

далеко не сразу. Изъ отведеннаго правительствомъ участка только самая небольшая часть разрабатывалась подъ пашню, а остальная оставалась «дикимъ полемъ», или продолжала эксплуатироваться, какъ угодно. Въ Воронежѣ, напримѣръ, въ 1615 году каждый владѣлецъ пахалъ только по $1\frac{1}{2}$ десятины (въ каждомъ полѣ, считая пашню «наѣздомъ»), а «дикаго» (то-есть, не распаханнаго) поля было у cadaго по 25 десятинъ. Въ Осколѣ (1615 г.) распахано на cadaго менѣе десятины, а дикаго поля приходится по 30 десятинъ. По столько же имѣли и бѣлгородскіе служилые люди; но пашня въ этомъ числѣ почти вовсе отсутствовала: «за пашню» имъ было дано въ помѣстье «1 островъ, 7 юртовъ съ озерки и съ упальми (то-есть, впадающими) рѣчками и съ бортными ухожьи и съ рыбными и съ звѣриными ловлями», разбросанными на разстояніи десятковъ верстъ отъ Бѣлгорода. Только постепенно въ теченіе XVII-го вѣка уголья и дикое поле разрабатывались подъ пашню.

Къ XVIII вѣку оставалось, однако, все еще много мѣста для звѣропромышленной и рыболовческой эксплуатаціи. Полный просторъ для такой эксплуатаціи представляли Екатеринославская губернія и нижнее Поволжье, тогда еще вовсе незаселенныя. Затѣмъ, два казачьихъ войска: Запорожская сѣчь на юго-западѣ и донское казачество на юго-востокѣ, на весь вѣкъ сохранили характеръ огромныхъ рыболовныхъ и звѣропромышленныхъ артелей. До самаго своего уничтоженія въ 1775 г., большая часть «войска запорожскаго низоваго» ежегодно весною собиралась и бросала между своими куренями «лясы» (жребіи) на рѣчки. Затѣмъ, вагаи промышленниковъ отправлялись въ тѣ мѣста, которыя доставались ихъ куренямъ по жребію и оставались тамъ на все лѣто. Для защиты промышленниковъ отъ возможныхъ нападений посылались каждое лѣто особыя команды куренныхъ казаковъ, получавшія за это на свою долю первые десятки наловленной рыбы. Пахали въ Запорожьѣ мало; въ составъ царскаго жалованья, посылавшагося запорожцамъ, входили мука и крупа. Въ 1755 г. кошевой просилъ у императрицы Елизаветы прибавки хлѣбнаго жалованья и мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что «войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашеть, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ». Не забудемъ, что это говорилось про мѣстности, принадлежація къ наиболѣе плодороднымъ во всей Россіи. То же самое преобладаніе промышленной эксплуатаціи и отсутствіе хлѣбопашества мы видимъ въ области Донскаго войска. Еще въ 1690 г. войсковою кругъ посылаетъ въ казацкіе городки по Хопру и Медвѣдицѣ грамоту,

*

въ которой прямо запрещается пахать землю и сѣять хлѣбъ, а «если стануть пахать, и того бить до смерти и грабить». Въ этомъ оригинальномъ распоряженіи выразился инстинктивный протестъ казачества противъ надвигавшейся изъ Москвы болѣе экстенсивной культуры. Защищая формы своего стараго экономического быта, донское войско этимъ самымъ какъ бы защищало свое право на обширные пустыри, которые въ концѣ XVII вѣка начало у него отнимать московское правительство и вольные колонисты. Величайшей измѣной со стороны своихъ былъ, съ этой точки зрѣнія, именно переходъ къ земледѣлю отъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ края.

Такимъ образомъ, донскому казачеству приходилось посылать изъ Москвы «хлѣбное жалованье», и здѣсь средства къ жизни добывались промышленной эксплуатаціей «юртовъ», подѣленныхъ тутъ разъ навсегда между «станциями»: каждый въ угоды своей станицы имѣлъ право «всякіе промыслы чинить», «запоръ запираеть» (на рѣкахъ для рыбной ловли), «звѣря бить», «рыбу ловить» и т. д. Такимъ образомъ, только уже въ нашемъ вѣкѣ эти богатѣйшія области Россіи сдѣлались земледѣльческими. И опять, исчезнувши здѣсь, разработка зоологическихъ богатствъ была перенесена на дальнѣйшую окраину: артельное производство рыболовнаго промысла всѣмъ войскомъ сохранилось до нашихъ дней у войска уральскаго; хлѣбопашество появилось, правда, и въ этомъ краѣ, но лишь въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка и до сихъ поръ еще стоитъ на низкой степени развитія.

Такимъ образомъ, къ нашему общему наблюденію, что экономическое прошлое Россіи представляется временемъ господства натурального хозяйства, мы можемъ теперь прибавить еще тотъ выводъ, что натуральное хозяйство древней Россіи было наименѣе интенсивнымъ, т.-е. требовало наименьшаго напряженія труда, что оно было, напротивъ, въ высшей степени экстенсивнымъ, довольствовалось потребленіемъ даровыхъ продуктовъ природы, истощило эти продукты въ центрѣ только къ концу XVI в., чѣмъ далѣе на югъ (и востокъ) тѣмъ позднѣе, а на нѣкоторыхъ окраинахъ далеко не истощило и понынѣ. Только истощивъ зоологическія богатства страны, населеніе сдѣлалось окончательно земледѣльческимъ, т.-е. перешло къ трудовому добыванію своихъ пищевыхъ продуктовъ.

Но и въ этой области, въ области земледѣльческой культуры, русское населеніе ограничивалось до сихъ поръ наименьшей затратой труда, и употреблявшіяся имъ системы земледѣлія суть наиболѣе экстенсивныя. Даровыя силы природы и здѣсь прежде

всего пускались въ оборотъ и расходовались безвозвратно, и только истощеніе почвы заставляло населеніе обратиться къ менѣе хищническому хозяйству. На всемъ русскомъ крайнемъ сѣверѣ мы не можемъ, впрочемъ, прослѣдить этого процесса, такъ какъ развитіе земледѣлія, по мѣстнымъ условіямъ края, не пошло тамъ до сихъ поръ дальше первыхъ шаговъ (подсѣчная система). Съ тѣхъ поръ, какъ Герберштейнъ отмѣтилъ тамъ «рѣдкость или почти совершенное отсутствіе хлѣбнаго потребленія», общее количество запашки, конечно, должно было увеличиться; но и до сихъ поръ площадь пашни и луга составляетъ въ Архангельской губерніи только 0,2⁰/₁₀, въ Вологодской—3,4⁰/₁₀, въ Олонецкой—3,8⁰/₁₀ общей площади, ⁸/₁₀ или ⁹/₁₀ которой покрыты лѣсами. Прежде, какъ и теперь, старая Новгородская область, даже включая самый Новгородъ, не могла прокармливаться собственнымъ хлѣбомъ и если не замѣняла хлѣба «рыбной и звѣриной пищей», по словамъ того же Герберштейна, то должна была питаться привознымъ хлѣбомъ Поволжья.

Другое дѣло въ центральномъ междурѣчьи. Здѣсь періодъ наиболѣе экстенсивнаго земледѣлія проходитъ раньше, чѣмъ начинаются показанія нашихъ источниковъ. По нашимъ, самымъ древнѣйшимъ свѣдѣніямъ, мы встрѣчаемъ уже здѣсь обычныя и въ наше время три поля: озимое, засѣваемое обыкновенно рожью, яровое, засѣваемое большею частью овсомъ, и паръ. Даже удобреніе пашни навозомъ встрѣчается уже въ извѣстіяхъ конца XV вѣка и начала XVI в., какъ явленіе вполне обычное. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что уже въ это время почва московскаго центра до нѣкоторой степени истощилась. Но далѣе на востокъ, во Владимірской, Нижегородской и Рязанской областяхъ, въ началѣ того же XVI в., почва оказывается гораздо свѣжѣе: по свидѣтельству Герберштейна, она превышала плодородіе Московской области и давала часто 20, а иногда и 30 зеренъ на одно зерно посѣва пшеницы; въ Рязанской области даже еще больше. Правда, необходимо вспомнить при этомъ, что Московская область расположена на суглинкѣ, тогда какъ въ Рязанской и Нижегородской области Московское государство захватывало единственный тогда въ его составѣ уголокъ хорошаго чернозема. Но, чтобы давать урожай, указываемый Герберштейномъ, этотъ черноземъ долженъ былъ быть неистощеннымъ. Тотъ же черноземъ въ наше время даетъ, самое большее, урожай самъ-пять пшеницы. Если вѣрить показаніямъ Герберштейна, плодородіе почвы за 3¹/₂ вѣка уменьшилось въ четыре раза *).

*) О такихъ же урожаяхъ самъ-20—30 вспоминаютъ старожилы и относительно степного чернозема въ первую половину нашего вѣка. Но нужно

Съ середины XVI вѣка русское хозяйство впервые передвинулось на полосу чернозема. Правительство, руководившее колонизаціей, при первомъ же заселеніи вводило здѣсь повсюду московское трехполье. Однако же и въ самомъ центрѣ трехпольная система не успѣла еще въ то время вытѣснить болѣе экстенсивныя культуры. Огромное количество земель, записанныхъ въ правительственныя описи подъ названіемъ «перелога» или «пашни, поросшей лѣсомъ», свидѣтельствуесть о томъ, что наряду съ трехпольемъ повсюду продолжала еще существовать переложная и подсѣчная система земледѣлія. Даже въ срединѣ XVII вѣка, въ такомъ рациональномъ по тому времени хозяйствѣ, какимъ было хозяйство Б. И. Морозова, и притомъ не только въ нижегородскихъ его имѣніяхъ, но подъ самой Москвой (въ Звенигородскомъ у.) шла ежегодная расчистка и сожиганіе лѣса подь новую пашню. Но тутъ, надо прибавить, дѣло шло уже объ эксплуатаціи оставшихся неудобныхъ участковъ: лѣсъ сѣкли, «выбирая низкія мѣста», и приказчикъ Морозова сохранилъ намъ одну сценку, живо рисующую характеръ этой эксплуатаціи. «Сѣкли пустошь», докладываетъ онъ какъ разъ изъ подмосковнаго села; «пришло болото и въ немъ вода въ иномъ мѣстѣ выше колѣна, и бочаги — вода по поясъ; какъ кустъ стануть сѣчь, такъ вода и забрызжетъ; а рабочіе говорятъ: мы-де нанялись не болото сѣчь и не въ водѣ; вотъ заработаемъ харчъ, да и пойдемъ».

На вновь колонизуемомъ юго востокѣ не было никакой надобности такъ выгадывать и тѣсниться. Если московское правительство и заводило здѣсь прямо трехполье на казенной запашкѣ, то это было скорѣе всего просто по старой привычкѣ. По обычаю, и надѣлы, отводившіеся служилымъ людямъ, дѣлились на три поля. Но мы видѣли, что новые колонисты вообще неохотно занимались земледѣліемъ на окраинѣ, предпочитая эксплуатировать непочатыя еще зоологическія богатства края. Естественно, что, поскольку они все-таки принимались за соху, они выбирали болѣе экстенсивную систему земледѣлія. Выбравъ участокъ нетронутого никѣмъ «дикаго» поля, они распахивали его «наѣздомъ» и возвращались къ нему нѣсколько лѣтъ подрядъ, до полного истощенія,

сказать, что вообще преданія о высокихъ урожаяхъ стараго времени не подтверждаются собранными до сихъ поръ, правда, весьма немногочисленными данными. Въ XVII вѣкѣ, можетъ быть, вслѣдствіе дурной обработки, урожай были значительно ниже теперешнихъ. Казенная запашка въ Елецкомъ у. дала 19 лѣтъ подрядъ самъ-2,2 урожай ржи и самъ-1,5 урожай овса. Урожай самъ-4 были большою рѣдкостью, а самъ-5 извѣстны только въ вотчинахъ Б. И. Морозова.

чтобы не поднимать новой цѣлины. Затѣмъ, истощенный участокъ на новый рядъ лѣтъ забрасывался, обращался въ перелогъ, или даже снова поростагъ лѣсомъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что эта «переложная» система преобладала надъ трехпольной на окраинѣ XVII-го вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, вслѣдъ за продвиженіемъ окраины на югъ, туда же продвинулась за нею и переложная система, опять-таки въ сообществѣ съ трехпольной. Официально землевладѣльцы Харьковской, Воронежской, Оренбургской губ. отвѣчаютъ въ срединѣ XVIII вѣка на запросъ Вольнаго Экономическаго Общества, что у нихъ господствуетъ трехполье; но тутъ же оказывается, что они сплошь и рядомъ, «вмѣсто тѣхъ десятигъ, которыя кажутся имъ неплодоносными, поднимаютъ залогъ, т.-е. вспахиваютъ новую землю и старую, покидая, закупаютъ, которая черезъ нѣсколько лѣтъ сама отъ себя утучняется». По наблюденіямъ нашихъ агрономовъ, въ этихъ мѣстностяхъ до самаго послѣдняго времени продолжала существовать улучшенная залежная система; въ своемъ же примитивномъ видѣ она опять передвинулась въ XIX вѣкѣ южнѣе, на новую окраину.

Какъ видимъ, постепенное истощеніе почвы идетъ полосами, слѣдуя за направленіемъ русской колонизаціи. Послѣдней ступенью въ этомъ длинномъ процессѣ расхищенія природныхъ богатствъ почвы было истощеніе—уже въ нашемъ вѣкѣ и почти въ наше время—новороссійскаго степного чернозема. Если вѣрить воспоминаніямъ старожилловъ, этотъ черноземъ еще въ первой половинѣ нашего вѣка, давалъ баснословные урожаи. Но съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предметомъ лихорадочной спекуляціи. Подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на пшеницу и удешевленія провоза хлѣба къ южнымъ гаванямъ (по вновь построеннымъ желѣзнымъ дорогамъ), хозяева спѣшили увеличить количество посѣвовъ пшеницы въ ущербъ качеству обработки земли подъ посѣвы; притомъ, отъ земли, плохо вспаханной и взбороненной, они требовали нѣсколько лѣтъ подрядъ урожая все той же пшеницы. Другими словами, они прижили къ этому случаю привычные имъ приемы переложнаго хозяйства, но безъ періодическаго отдыха пашни. Въ результатѣ получилось, конечно, быстрое истощеніе почвы, заростаніе ея негодными травами и рядъ неурожаевъ. Въ то же время цѣны хлѣба и преимущественно пшеницы, непрерывно возрастающія до середины 70-хъ годовъ, съ этого времени стали такъ же непрерывно падать. Американская пшеница перегнала русскую на англійскомъ и французскомъ рынкахъ, и русское хлѣбное производство, составляющее болѣе половины русскаго вывоза, очутилось передъ кризисомъ. Такимъ образомъ и здѣсь наступилъ, наконецъ, моментъ,

когда, истративъ даровыя силы природы, населеніе должно будетъ возмѣститъ ихъ усиленнымъ трудомъ. Въ центральныхъ мѣстностяхъ, какъ мы видѣли, этотъ моментъ долженъ былъ наступить гораздо раньше; но пока оставались въ европейской Россіи незанятыя земли и продолжался процессъ колонизаціи, это истощеніе природныхъ богатствъ повело за собою лишь пріостановку роста населенія въ центрѣ. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія съ правильнымъ сѣвооборотомъ, съ лучшимъ скотомъ и орудіями, съ искусственнымъ удобреніемъ и орошеніемъ,—словомъ, съ большей затратой капитала въ земледѣліе,—задерживался еще общимъ строемъ крѣпостного хозяйства. Но съ тѣхъ поръ, какъ крестьянское освобожденіе положило конецъ господству натурального хозяйства, улучшение культуры стало очередной задачей нашего земледѣлія. Если оно все еще задерживалось до сихъ поръ, то это лишь благодаря послѣдствіямъ того самаго соціального переворота, который сдѣлалъ его окончательно необходимымъ. Къ этимъ послѣдствіямъ мы еще вернемся; но въ нѣсколькихъ словахъ нелишне будетъ напомнить о нихъ теперь же, поскольку они могли повліять на развитіе земледѣльческой культуры. На владѣльческихъ земляхъ это развитіе было отсрочено кризисомъ помѣщичьяго хозяйства, сопровождавшимся ускореннымъ переходомъ изъ рукъ въ руки дворянской земельной собственности. Появленіе на рынкѣ новаго товара, земли, повело на первыхъ порахъ къ коммерческимъ спекуляціямъ на этотъ товаръ и къ самой хищнической эксплуатаціи купленныхъ имѣній новыми собственниками. Въ послѣдніе годы передъ реформой средняя цѣна десятины въ европейской Россіи была 15½ р. Въ 60-хъ годахъ она уже поднялась до 28 руб., въ 70-хъ—равнялась 45 руб., а въ 80-хъ—достигла 70 руб. Конечно, такой быстрый ростъ цѣны на землю объясняется не спекуляціей; напротивъ, самая спекуляція до нѣкоторой степени вызывалась возрастаніемъ цѣнъ. Стоимость земли, помимо общаго оживленія внутренняго рынка, поднималась, главнымъ образомъ, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на хлѣбъ подъ вліяніемъ международнаго рынка и вслѣдствіе усиленнаго спроса на землю со стороны крестьянъ. Положеніе крестьянъ послѣ освобожденія объясняетъ всего лучше, почему и усидѣвшіе на своихъ земляхъ хозяева не занялись улучшеніемъ земледѣльческой культуры. Рабочій трудъ крестьянъ, нуждающихся въ заработкѣ, такъ дешевъ, что владѣльцы предпочитаютъ не заводить машинъ. Съ другой стороны, потребность крестьянъ въ землѣ такъ велика, что они готовы дать землевладѣльцу больше, чѣмъ онъ самъ можетъ выручить, хозяйничая на своей землѣ: они уступаютъ ему

не только то, что онъ могъ бы получить въ качествѣ прибыли и процента на свой капиталъ, но и часть того, что ему пришлось бы заплатить имъ въ качествѣ заработной платы, если бы они пошли къ нему въ батраки. Такимъ образомъ, весьма значительная часть владѣльческихъ земель арендуется крестьянами; они, конечно, не имѣютъ ни возможности, ни желанія производить какія-либо улучшения на арендованномъ участкѣ, а всего чаще доводятъ его до полного истощенія, за которымъ должно послѣдовать паденіе арендной платы. Такимъ образомъ и этимъ путемъ, какъ всякимъ другимъ, мы приходимъ къ тому же неизбѣжному исходу: къ необходимости перейти къ болѣе интенсивной культурѣ. За послѣднее десятилѣтіе накопилось не мало фактовъ, показывающихъ, что на этотъ путь вступило не только владѣльческое, но даже и крестьянское хозяйство.

Разработка экономической исторіи Россіи едва началась въ наше время и не успѣла дать значительныхъ результатовъ. Основная мысль этого отдѣла (постепенное истощеніе природныхъ богатствъ Россіи) развивается въ статьяхъ *А. П. Щапова*: Историко-географическое распредѣленіе русскаго населенія въ «Русскомъ Словѣ», 1864, №№ 8—10; 1865, №№ 6—9. Отрывочныя данныя относительно промышленной эксплуатаціи юго-востока можно найти въ сочиненіяхъ по исторіи колонизаціи (см. выше).—См. также: *П. А. Соколовскаго*. Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб., 1878. Для очерка сельскохозяйственной исторіи послужили: *И. Н. Миклашевскій*. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М., 1894.—*И. Е. Забѣлинъ*. Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ («Вѣстн. Европы», 1871, 1 и 2); *имъ же* изданныя «Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя въ имѣніи Морозова» («Временникъ Общества Исторіи и Древностей», кн. VII).—*И. Н. Оглобинъ*. Обзорѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII вѣка. («Описаніе докум. и бумагъ моск. архива Мин. Юстиціи», кн. IV).—*Ал. Бѣлевскій*. Общинное землевладѣніе и землепользованіе, въ «Юрид. Вѣстникѣ», 1888, сентябрь.—*А. Ѳ. Фортунатовъ*. Сельскохозяйственная статистика европейской Россіи. М., 1893 и *его же*. Урожай ржи въ европейской Россіи. М. 1893.—*Н. Карышева*. Крестьянскія вѣнадцатилѣтнія аренды. Дерптъ, 1892 г.—*Кн. Васильчиковъ*. Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Спб. 1881.—*Е. Ермоловъ*. Организация полевого хозяйства, т. I-й.—Свѣдѣнія о цѣнахъ на земли, проданныя съ публ. торга 1854—1859 гг. Спб. 1859.—*Matthaei*. Die wirthschaftlichen Hülfsquellen Russlands. Dresden, 1883—4.

II.

Пропорція городского населенія Россіи и ея возрастаніе.—Роль домашней промышленности.—Происхожденіе фабричной промышленности; отношеніе къ ней государства въ послѣдніе два вѣка.—Причины устойчивости кустарной промышленности въ Россіи.—Измѣненія во внутреннемъ строѣ ея.

Самымъ нагляднымъ признакомъ развитія экономической жизни страны служитъ сосредоточеніе ея населенія въ городскихъ центрахъ. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности населенія, чѣмъ болѣе у него покупательныхъ средствъ, тѣмъ многочисленнѣе становится и классъ производителей и посредниковъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ,—другими словами, тѣмъ болѣе возрастаетъ торгово-промышленный классъ, составляющій главную часть городского населенія, и тѣмъ болѣе, вмѣстѣ съ этимъ, развиваются высшія сферы экономической жизни: промышленность, торговля и кредитъ. Въ наиболѣе передовыхъ въ этомъ отношеніи странахъ Европы населеніе быстро переходитъ отъ сельскихъ занятій къ городскимъ. Во Франціи въ срединѣ этого вѣка четверть всего населенія жила въ городахъ (25°/o); теперь земледѣліемъ занимается менѣе половины жителей (48°/o). Въ Германіи тоже только 42°/o остались при земледѣльческой культурѣ, а въ промышленной Саксоніи это число падаетъ до 20°/o. Въ Англіи уже въ срединѣ столѣтія число горожанъ не только сравнялось, но и превысило число сельскихъ жителей (50,8^o/o). Подобныя пропорціи городского населенія давно уже превосходятъ тотъ размѣръ, который необходимъ, чтобъ удовлетворить внутреннему потребленію страны; производительность главныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы давно уже рассчитываетъ на покупателей не на одномъ только своемъ національномъ, но также и на всемірномъ рынкѣ; въ свою очередь и продукты земледѣлія они должны прикупать у другихъ народовъ. Разъ перейдены такимъ образомъ границы внутренняго обмѣна, дальнѣйшему расширенію производительности почти нѣтъ предѣловъ, пока обезпеченъ сбытъ продуктовъ на международномъ рынкѣ.

Въ Россіи этотъ признакъ экономического развитія—количество городского населенія—даетъ очень невыгодныя показанія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (второй столбецъ означаетъ процентное отношеніе городского населенія ко всему населенію страны; третій столбецъ—абсолютныя цифры городского населенія).

1724	3%	328 тысячъ.
1782	3,1	802 »
1796	4,1	1.301 »
1812	4,4	1.653 »
1835	5,8	3.025 »
1851	7,8	3.482 »
1878	9,2	6.091 »
1890	12,8	13.948 »

Въ годъ смерти Петра, слѣдовательно, изъ каждыхъ 100 человѣкъ населенія только 3 человѣка жили въ городѣ: остальные 97 составляли сельское населеніе. Къ концу XVIII вѣка, несмотря на увеличеніе городского населенія въ 5 разъ, эта пропорція измѣнилась очень незначительно: на 4 человѣка горожанъ приходилось 96 сельскихъ жителей. Съ тѣхъ поръ пропорція городского населенія увеличилась втрое (и вчетверо, если считать со времени Петра): вмѣсто 4% и 3%, теперь живетъ въ городахъ 12,8% всего населенія*). Но и эта пропорція принадлежитъ къ наименѣе выгоднымъ въ Европѣ: только Швеція можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ Россіей.

Приведенныхъ пропорцій городского населенія, однако, далеко недостаточно для характеристики развитія русской промышленности. Онѣ показываютъ только, что промышленность не успѣла переселиться окончательно въ городъ, что раздѣленіе труда между добывающимъ и обрабатывающимъ классомъ не пошло, слѣдовательно, далеко, и что мы должны искать началъ русской промышленности внѣ русскаго города. Когда мы вернемся къ исторіи городского сословія, мы увидимъ, чѣмъ былъ первоначально этотъ городъ; но и теперь, разъ мы уже характеризовали экономическую жизнь старой Россіи, какъ періодъ натурального хозяйства, изъ этой самой характеристики мы можемъ вывести, что занятіе промышленностью носило въ древней Руси вполнѣ домашній характеръ, т. е. сосредоточивалось внѣ города: всякая крестьянская

*) Абсолютная цифра городского населенія увеличилась въ XIX вѣкѣ въ 8 разъ, а со времени Петра въ 40 разъ слишкомъ. Припомнимъ, что все населеніе за тотъ же промежутокъ возрасло въ 9 разъ.

семья сама ткала для себя холсты из собственного льна, сама дѣлала свою домашнюю утварь, даже орудія, и покупала только весьма немногое. Въ этомъ своемъ видѣ домашняя промышленность существовала всегда и вездѣ, и повсюду она постепенно вытѣснялась по мѣрѣ развитія мѣноваго хозяйства: въ Западной Европѣ раньше, у насъ позже. Но мы должны остановиться нѣсколько на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія той же домашней промышленности. И въ Западной Европѣ, и у насъ съ самыхъ давнихъ поръ домашняя промышленность стала работать не только для внутренняго потребленія семьи, а для сбыта: тамъ и здѣсь появились мѣстные спеціальныя производства, производимыя домашнимъ способомъ, по возможности, изъ своего матеріала и съ помощью доморощенныхъ орудій. Но судьба этихъ зародышей промышленности у насъ и въ Западной Европѣ была разная. Въ Европѣ быстрый ростъ промышленной жизни, быстрое развитіе техническихъ приспособленій скоро повели къ расширенію размѣровъ этихъ производствъ, къ увеличенію затратъ на матеріалъ и орудія; тѣмъ и другимъ скоро овладѣли лица, способныя производить эти затраты, владѣющія капиталами; капиталистъ сперва продолжаетъ давать работы на домъ, а потомъ соединяетъ работниковъ въ одномъ помѣщеніи и все болѣе замѣняетъ ихъ ручной трудъ, требовавшій личнаго искусства, машиною работой.

Такъ, домашняя форма промышленности превратилась на Западѣ въ капиталистическія формы мануфактуры и фабрики. У насъ же домашняя промышленность до сихъ поръ, уцѣлѣла въ своихъ старинныхъ формахъ: суздальскіе богомазы, павловскіе замочники, вологодскіе и устюжскіе мастера по черни и т. д. продолжаютъ работать, какъ работали въ XVII вѣкѣ, и все тѣ же владимірскіе офени разносятъ ихъ издѣлія по всей православной Руси. Наша мануфактура и фабрика не развилась органически, изъ домашняго производства, подъ вліяніемъ роста внутреннихъ потребностей населенія; она создана была поздно правительствомъ, руководившимся при этомъ какъ своими практическими нуждами (напр., сукнами для арміи), такъ и теоретическими соображеніями о необходимости развитія національной промышленности. И эту теорію и соотвѣтствовавшія ей мѣры правительство Петра заимствовало у господствовавшей тогда на Западѣ политико-экономической школы меркантилистовъ. Старинныя русскіе кустари при этомъ были забыты, и новая форма производства перенесена съ Запада готовою. Въ странѣ безъ капиталовъ, безъ рабочихъ, безъ предпринимателей и безъ покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продол-

жительному и усиленному покровительству. Рабочіе даны были фабрикантамъ даровые, въ лицѣ приписанныхъ къ заводамъ крѣпостныхъ; покупатели даны были обязательные, путемъ предоставленія монополіи и путемъ устраненія съ рынка однородныхъ иностранныхъ продуктовъ, облагавшихся тяжелыми ввозными пошлинами. Однако же, русская промышленность далеко не сразу воспользовалась предоставленными ей преимуществами. На первыхъ порахъ покровительственный тарифъ не столько поощрилъ промышленность, сколько стѣснилъ торговлю: первая еще не успѣла почувствовать его выгоды, тогда какъ послѣдняя испытывала очень реальные неудобства. Такимъ образомъ, первый нашъ охранительный тарифъ (1724 года) къ общему удовольствію замѣненъ былъ вскорѣ гораздо болѣе льготнымъ тарифомъ 1731 года. Какіе скудные плоды принесли первыя усилія создать путемъ покровительства національную промышленность, видно изъ результатовъ правительственнаго «освидѣтельствованія» фабрикъ въ 1730-хъ годахъ. Многіе фабриканты оказались при этой повѣркѣ «подложными»: они держали фабрики и заводы только для вида, чтобы пользоваться привилегіями, предоставленными мануфактуристамъ. Сенатъ «отрѣшилъ», было, этихъ «недѣйствительныхъ» фабрикантовъ, но кабинетъ рѣшилъ оставить за ними ихъ права и «обнадежить» продолженіемъ покровительства, если они захотятъ превратиться въ «дѣйствительныхъ». Это обстоятельство объясняетъ, почему въ списокъ 300 важнѣйшихъ фабрикъ, существовавшихъ въ 1780 году, мы находимъ, только 22 уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени; между тѣмъ, общее количество фабрикъ и заводовъ, открытыхъ при Петрѣ, доходило до сотни *). Двѣ трети фабрикъ 1780 года, почти 200 изъ трехсотъ, возникли въ промежутокъ отъ Петра до Екатерины II (включая 1762 годъ). Помимо усиленнаго покровительства отдѣльнымъ предпринимателямъ, это возрастаніе объясняется перемѣной въ тарифѣ 1731 года. По соображеніямъ болѣе финансовымъ, чѣмъ покровительственнымъ, на привозные товары была наложена новая 13⁰/₁₀₀ пошлина, долженствовавшая замѣнить собой уничтоженныя въ 1753 году внутреннія таможенныя пошлины. Благодаря этой прибавкѣ, значительно сократился ввозъ въ Россію заграничныхъ тканей (бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ) и галантерейныхъ товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность въ русскихъ издѣліяхъ этого рода. Изъ 211 фабрикъ, удовлетворявшихъ этому

*) Мы насчитали по Кириллову около 100 частныхъ фабрикъ и около 42 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ.

спросу въ 1780 году, только 17 возникло при Петрѣ, и 149—отъ Петра до Екатерины II.

Съ воцареніемъ Екатерины II русская промышленность вступила въ новый фазисъ развитія. Екатерина покончила съ системой личныхъ монополій и очень послѣдовательно проводила систему свободной внутренней конкуренціи. Правительство перестало смотрѣть на занятія фабрикой, какъ на своего рода службу, и, закрывая въ 1780 году Мануфактуръ-коллегію, Екатерина открыто заявила объ этой переи́нѣ правительственной точки зрѣнія. «Установленіе Мануфактуръ-коллегіи», говорилось въ указѣ, «имѣло начало свое въ такое еще время, когда къ распространенію полезныхъ рукодѣлій и фабрикъ недовольнымъ побужденіемъ казался собственный каждаго въ томъ прибытокъ, но старанія правительства простирались и на изысканія всякихъ предубѣжденій». Теперь напротивъ, «всѣмъ подданнымъ нашимъ въ заведеніяхъ становъ и рукодѣлій столь безпредѣльная дана отъ насъ свобода, что не стѣняются уже они ни частнымъ испрошеніемъ на то дозволенія, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ, гдѣ собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе». На этомъ основаніи Екатерина «подтверждаетъ», «чтобы принадлежація частнымъ людямъ собственно фабрики и мануфактуры не инако разумѣемы были, какъ собственное имѣніе, которымъ каждый можетъ свободно распорядиться, не требуя никакого дозволенія отъ начальства».

Этотъ характерный указъ отмѣчаетъ тотъ моментъ, когда для развитія русской фабричной промышленности перестало быть нужнымъ правительственное *понузденіе*. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта промышленность тогда же перестала нуждаться и въ правительственной *поддержкѣ*. Первый изъ тарифовъ Екатерины (1766), правда, нѣсколько понизилъ ввозныя пошлины; но слѣдующими двумя (1782 и 1797) ввозъ опять былъ затрудненъ; всѣми тремя одинаково поощрялся привозъ иностраннаго сырья, нужнаго для русскихъ фабрикъ, и задерживался привозъ иностранныхъ фабрикатовъ, которые могли конкурировать съ продуктами отечественной промышленности. Огражденная отъ иностраннаго соперничества и предоставленная внутренней конкуренціи, русская промышленность быстро двинулась впередъ: явилось значительное количество мелкихъ фабричныхъ предпріятій, успѣшно соперничавшихъ съ болѣе крупными и сбивавшихъ цѣну продуктовъ. При вступленіи Екатерины на престолъ въ Россіи было около 500 фабрикъ; въ годъ ея смерти ихъ уже насчитывалось 2.000.

Дальнѣйшій ростъ количества фабрикъ и наемныхъ рабочихъ въ нашемъ вѣкѣ виденъ будетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Фабрикъ.	Рабочихъ
1804	2.423	95.202
1825	5.261	210.568
1850	9.843	517.679
1887	25.865	866.238 *)

За все это время покровительство государства не только не ослабѣло, но, напротивъ, достигло своего апогея. «Либеральный», фритредерскій тарифъ 1819 года, ограничившій число запрещенныхъ товаровъ для ввоза пятью, для вывоза тремя, былъ единственнымъ исключеніемъ. Совпавши съ общей переменною политики имп. Александра, а также и съ экономическими послѣдствіями континентальной системы, сократившей спросъ на русское сырье, этотъ тарифъ не просуществовалъ и трехъ лѣтъ. «Продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ за-границей, мануфактуры ея крайне подавлены, монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности; сельское хозяйство и торговля, также какъ и фабричная промышленность стоятъ на краю банкротства»: такъ изображалъ положеніе дѣла правительственный циркуляръ, и выводилъ отсюда то заключеніе, что «Россія вынуждена оставить систему независимой торговли» **). Въ 1822 году изданъ былъ запретительный тарифъ графа Канкринна, дѣйствовавшій, съ нѣкоторыми измѣненіями, до середины нашего столѣтія. Этотъ тарифъ впервые создалъ наиболѣе значительную въ Россіи, и наиболѣе нуждающуюся всегда въ правительственной опекѣ, хлопчатобумажную промышленность. Это былъ первый опытъ русскихъ предпринимателей съ машиннымъ производствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ быстро повелъ за собою

*) Сверхъ того, мелкихъ заводовъ, производящихъ менѣе чѣмъ на 1.000 р., 54.468 съ 91.681 рабочимъ. Число рабочихъ въ текстѣ ниже дѣйствительности, такъ какъ изъ обложенныхъ акцизомъ отраслей промышленности нѣтъ данныхъ (въ Сборникѣ Центр. Стат. Комитета) о рабочихъ на винокуренныхъ, пивоваренныхъ и табачныхъ заводахъ и фабрикахъ. Общая цифра рабочихъ въ Россіи исчисляется почти въ 1½ милліона.

**) Въ одномъ, тоже официальномъ, документѣ мы находимъ такую характеристику послѣдствій тарифа 1819 года: «хотя многіе капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но зато, навыкъ и искусство, прибрѣтенное на нихъ, не только не погибло въ народѣ но, напротивъ, болѣе распространилось. Смышленные мастеровые, оставивъ упавшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними силами». Такъ думали, очевидно, народники двадцатыхъ годовъ.

и тѣ послѣдствія, которыя свойственны европейскому индустриализму, вскормленному тою же хлопчатобумажной промышленностью: перепроизводство и кризисы. Уже въ 30-хъ годахъ фабриканты должны были не разъ считаться съ паденіемъ цѣнъ и затрудненіемъ сбыта. Въ 1839 году ихъ спасло введеніе серебрянаго рубля; въ 1841 они выхлопотали себѣ возвышеніе запретительной пошлины въ полтора раза. Съ помощью такихъ героическихъ средствъ хлопчатобумажная промышленность продолжала процвѣтать. Представители русскаго капитала заботились, однако, не столько о развитіи и улучшеніи производства, сколько объ удержаніи за собой баснословнаго дохода, обезпеченнаго имъ запретительнымъ тарифомъ. Уже въ 30-хъ годахъ правительство собиралось принять противъ этого мѣры и грозило производителямъ допущеніемъ конкуренціи. Наконецъ, тарифъ 1850 года рѣшительно покончилъ съ господствомъ запретительной системы Канкрина и ограничилъ доходы фабрикантовъ половиной прежняго (15% вмѣсто 30%). Правительство снова, хотя и нерѣшительно, начинало склоняться къ свободной торговлѣ; тарифъ 1857 года пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше тарифа 1850 г. Одного ожиданія такого поворота было достаточно, чтобы русскіе предприниматели сократили свои обороты; а послѣдовавшее затѣмъ освобожденіе крестьянъ, поднявшее цѣну на трудъ, и хлопковый кризисъ, вызванный американской войной, привели къ закрытію многихъ фабрикъ и къ сокращенію числа рабочихъ въ другихъ. Всего этого было достаточно, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе фритредерскихъ тенденцій. Фабриканты были приглашены участвовать въ пересмотрѣ тарифа; въ результатъ этого пересмотра изданъ былъ новый, умѣренно-покровительственный, тарифъ 1869 года. Предприниматели добивались, однако, большаго: они хотѣли, чтобы высота пошлины на ввозные товары не зависѣла отъ колебаній русскаго рубля, т. е. не понижалась съ пониженіемъ его курса. Интересъ казны, получавшей пошлину, въ этомъ случаѣ совпадалъ съ интересами промышленниковъ: такимъ образомъ, въ 1876 году, въ ожиданіи войны и связанныхъ съ нею финансовыхъ затрудненій, рѣшено было взимать таможенныя пошлины золотомъ. При тогдашнемъ курсѣ кредитнаго рубля, это повышало размѣры пошлины на цѣлую треть сравнительно съ тарифомъ 1869 года; а при дальнѣйшемъ паденіи курса повышеніе становилось еще значительнѣе. Золотая пошлина возвращала, такимъ образомъ, русской промышленности то положеніе, котораго лишили ее тарифы 50-хъ годовъ; естественно, что она вызвала новое оживленіе промышленности, увеличеніе количества фабрикъ

и расширеніе ихъ оборотовъ. Достаточно вспомнить, однако, что оживленіе это поддерживалось усиленными выпусками бумажекъ, чтобы увидѣть, какъ оно было непрочно. Неурожай 1880 года снова грозилъ финансовымъ кризисомъ казначейству и экономическимъ кризисомъ—промышленности: и снова исходъ, благоприятный для обоихъ, былъ найденъ въ повышеніи пошлинъ (на 10% въ 1881 году).

Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго времени русская фабричная промышленность не вышла изъ-подъ правительственной опеки. Значить ли это, что она дѣйствительно еще не можетъ, или же только, что она не хочетъ обходиться безъ поддержки со стороны государства? Есть ли такое положеніе только временное,—и тогда, скоро ли оно кончится,—или же постоянное, и тогда стоитъ ли вообще поддерживать индустриализмъ въ Россіи? Эти вопросы ставились и возбуждали нескончаемые споры, по крайней мѣрѣ, втеченіе цѣлаго столѣтія. Жизнь шла своимъ чередомъ и существенно видоизмѣняла всѣ данныя для ихъ разрѣшенія. Вызванная къ жизни государственными потребностями и правительственными теоріями, русская фабрика уже ко времени Екатерины II стала отвѣчать дѣйствительнымъ потребностямъ русскаго населенія. Но тутъ какъ разъ начался исполинскій ростъ европейскаго машиннаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обострилась борьба за сбытъ продуктовъ этого производства на международномъ рынкѣ. Захваченная врасплохъ, русская промышленность поспѣшно оградаила себя высокимъ барьеромъ, за которымъ ей жилось еще лучше, чѣмъ прежде, и по прежнему не нужно было думать о завтрашнемъ днѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, русскій экономическій бытъ успѣлъ также совершенно преобразиться. Мѣновое хозяйство послѣ крестьянской реформы могло торжествовать окончательную побѣду надъ натуральнымъ. Съ каждымъ годомъ Россія все болѣе укрѣплялась на новой ступени экономической жизни, на которой индустриализмъ являлся необходимымъ продуктомъ *внутренняго* развитія. Облегченіе обмѣна и увеличеніе внутренняго потребленія, умноженіе капиталовъ и широкое развитіе кредита должны были постепенно приблизить русскую промышленность къ тому нормальному положенію, въ которомъ находится европейская. Вмѣстѣ съ тѣмъ и права ея на особое попеченіе со стороны государства должны были сильно уменьшиться.

При этихъ условіяхъ, декретировать отміну русскаго капитализма или предсказывать ему естественную смерть—было бы уже вѣсколько поздно. Факты, подбираемые въ доказательство этого утвержденія, могутъ доказать только, что русскій капитализмъ

все еще переживаетъ переходное время, и что ему, во всякомъ случаѣ, очень далеко до западно-европейскаго, Изъ этихъ фактовъ мы остановимся здѣсь только на одномъ, самомъ крупномъ: на русской кустарной промышленности.

Дѣло въ томъ, что на полтора милліона, самое большее, фабричныхъ рабочихъ—въ Россіи существуетъ до сихъ поръ никакъ не менѣе четырехъ милліоновъ крестьянъ, занимающихся обрабатывающей промышленностью у себя въ деревнѣ, и въ то же время не бросающихъ земледѣлія. Это—тотъ самый классъ, изъ котораго выросла, какъ мы говорили, европейская фабрика, и который нисколько не участвовалъ (вѣрнѣе сказать, очень мало участвовалъ) въ созданіи русской. Въмѣсто того, чтобы быть поглощеннымъ фабрикой, этотъ классъ не только продолжаетъ существовать, но даже увеличивается въ числѣ, овладѣваетъ новыми отраслями занятій, успѣшно соперничаетъ съ фабрикой, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее побиваетъ. Чѣмъ же объяснить такое видимое противорѣчіе факту развитія капитализма?

Исслѣдователи давно указали тѣ причины, которыми объясняется живучесть и способность къ развитію нашей кустарной промышленности. Помимо слабости экономического развитія и незначительности капиталовъ, которыми обусловливается существованіе домашней промышленности въ извѣстный періодъ во всѣхъ странахъ, въ нашемъ отечествѣ существуютъ особыя причины, заставляющія значительную часть земледѣльческаго населенія заниматься домашней промышленностью. Причины эти двоякія: климатическія и финансовыя. По свойству нашего климата русское земледѣліе поставлено въ менѣе благоприятныя условія, чѣмъ западное. Чѣмъ далѣе къ востоку на одной и той же географической широтѣ, тѣмъ лѣто позднѣе начинается и ранѣе кончается. Уменьшеніе продолжительности лѣта вознаграждается, правда, его большей знойностью, такъ что одни и тѣ же земледѣльческія растенія вызрѣваютъ на востокѣ скорѣе, чѣмъ на западѣ. Но это ведетъ къ тому неудобству, что приходится на короткомъ промежуткѣ времени напрягать гораздо больше рабочей силы: въ 4 мѣсяца нужно бываетъ сдѣлать тѣ же земледѣльческія работы, которыя на западѣ можно разложить на семь: въ результатѣ то же дѣло, которое тамъ можетъ быть сдѣлано четырьмя рабочими, у насъ требуетъ семерыхъ. Зато въ остальные 8 мѣсяцевъ не приходится дѣлать никакого дѣла, относящагося къ земледѣлію, и рабочей трудъ можетъ быть употребленъ на другое занятіе. Эта возможность вести наряду съ земледѣліемъ другія занятія становится необходимостью въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ земледѣліе мало даетъ дохода и не покрываетъ обязательныхъ расходовъ крестьянскаго хозяйства (т. е. прежде всего податей). Позднѣе мы увидимъ, что въ такомъ положеніи находится вся центральная полоса Россіи; вотъ почему домашняя промышленность и отхожіе промыслы наряду съ земледѣліемъ стали здѣсь уже съ давнихъ поръ необходимымъ вспомогательнымъ ресурсомъ крестьянина. Крестьянинъ-ярославецъ уже передъ крестьянскимъ освобожденіемъ изъ cadaго заработаннаго имъ рубля только 37 копеекъ получалъ собственно съ земледѣлія, остальными 63 копейками онъ былъ обязанъ промысламъ; а въ приволжскихъ мѣстностяхъ эта доля дохода, получавшаяся съ промысла, доходила до 88 копеекъ, и только 12 коп. оставалось на долю земледѣлія. И притомъ, чтобы заработать эти 63—88 копѣекъ, крестьянинъ вовсе не долженъ былъ идти въ городъ. Какъ разъ въ центральныхъ губерніяхъ было въ то время всего 6% городского населенія, тогда какъ въ земледѣльческой черноземной полосѣ число горожанъ доходило до 8¹/₂%; слѣдовательно, центральная промышленность оставалась по преимуществу сельской. Эта промышленность могла существовать и соперничать съ фабричной (и даже съ городскими ремесленниками), именно благодаря своей первобытной простотѣ, при которой отъ производителя не требовалось никакихъ почти предварительныхъ затратъ капитала на помѣщеніе, орудія и матеріалъ. Это обстоятельство, а также и то, что кустарныя издѣлія такого промышленника были для него не единственнымъ средствомъ существованія, а только вспомогательнымъ заработкомъ, занимавшимъ его досугъ, все равно пропадавшій даромъ, — эти обстоятельства и давали ему возможность продавать свои произведенія по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Вотъ почему не только удержалась, но даже продолжала развиваться въ Россіи такая, повидимому, архаичная форма промышленности, какъ кустарное производство.

Если, однако, ближе всмотрѣться въ дѣло, то окажется, что и архаичность вовсе не есть неизмѣнный спутникъ кустарныхъ промысловъ. Прежде всего, далеко не всѣ отрасли кустарнаго производства есть остатокъ отдаленной старины. Весьма многія возникли не раньше нашего столѣтія, какъ продуктъ общаго промышленнаго оживленія вѣка. Затѣмъ, примитивный характеръ кустарной техники большею частью держится только спросомъ на издѣлія привычнаго типа; слѣдующимъ измѣненіямъ спроса, кустарныя издѣлія могутъ достигать высокаго техническаго совершенства и снова возвращаться къ первобытной грубости работы. Наконецъ, что самое главное, домашняя форма промышленности цѣлымъ рядомъ

неуловимыхъ переходовъ можетъ приближаться къ капиталистической, и даже переходить въ нее. Кустари не участвовали, конечно, въ созданіи петровской фабрики; но процессъ превращенія мелкихъ заведеній въ крупныя совершается на всякомъ шагу и во всякое время. Точно также, какъ на западѣ, этотъ процессъ происходитъ двумя различными путями: путемъ непосредственнаго разрыва кустарей съ земледѣльемъ и превращенія ихъ въ фабричныхъ рабочихъ, и—еще чаще—замаскированнымъ путемъ раздачи работы на домъ. Одинъ изслѣдователь еще въ началѣ 80-хъ годовъ рассчитывалъ, что 86,5% кустарныхъ издѣлій Московской губерніи и 96% двухъ уѣздовъ Владимирской находятся въ рукахъ крупныхъ предпринимателей. Такимъ образомъ, будущему кустарной промышленности угрожаетъ въ настоящее время не столько фабричная конкуренція и развитіе машинной техники, сколько капитализація мелкихъ предприятий. Несомнѣнно, существуетъ въ кустарной промышленности стремленіе предупредить этотъ исходъ путемъ добровольной коопераціи; но до сихъ поръ попытки коопераціи встрѣчались не особенно часто и удавались еще рѣже. Во всякомъ случаѣ, и кооперативное, и капиталистическое «обобществленіе» кустарнаго труда одинаково ведетъ къ ослабленію связи его съ земледѣльческимъ трудомъ, составляющей сущность кустарной промышленности.

Наиболѣе полнымъ сводомъ данныхъ по исторіи русской промышленности остается сочиненіе *А. Семенова*. Изученіе историческихъ свѣдѣній о русской торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ. Спб. 1859 г., три части. Изъ многочисленныхъ сводовъ оффиціального статистическаго матеріала для нашего очерка послужили: *Кириллова*, Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства, М. 1831 г., 2 тома. *Hermann*. Statistische Schilderung von Russland. Ptsbg. 1790. *Schmitler*. Essai d'une statistique générale de l'empire de Russie. Paris. 1829 г. (и его же Empire des Tsars). *Пельчинскій*. О состояніи промышленныхъ силъ Россіи (1822—1832). Спб. 1833. *Reden*. Das Kaiserthum Russland. Berl. 1843. Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. Спб. 1863 г. т. II-й. Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, т. II-й. Спб. 1883 г. Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1890 г., изд. Центр. Стат. Комитета. См. также отдѣлъ «Финансовыя дѣятели въ XIX столѣтіи» въ сочиненіи: «Наши государственные и общественные дѣятели». Спб. 1890 г. О домашней промышленности см. замѣчанія *Найтхаузенъ* въ 1 томѣ его Etudes, Napoux, 1847 г. *А. Корсакъ*. О формахъ промышленности. М. 1861 г. Современное состояніе кустарной промышленности, во многомъ уясняющее ея исторію см. у *В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886 г.; его же. Артель въ мелкомъ промыслѣ. Спб. 1895 г. и *Н. Езерскаго*. Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. М. 1894 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

(Продолженіе *).

XXI.

Появившись въ большой кухнѣ Ополевыхъ, Антошка на этотъ разъ не интересовался наблюденіями. Онъ не обратилъ своего вниманія ни на обстановку, ни на количество мѣдной посуды, ни на низенькую, приземистую фигуру повара, стоявшаго у плиты и мѣшавшаго что-то въ кастрюлѣ большой ложкой, а, поглощенный одною мыслью—передать какъ можно скорѣе письмо по назначенію—обратился къ молодому кухонному мужику, который, недалеко отъ дверей, перемывалъ въ жестяной лохани тарелки.

Голосъ Антошки дрожалъ тревожнымъ нетерпѣніемъ, когда онъ спросилъ молодого парня:

— Скажите пожалуйста, барышня дома?

— Барышня? А тебѣ зачѣмъ барышня?

— Письмо имъ есть... Передать бы.

— Обожди. Кто-нибудь изъ комнать придетъ и возьметъ...

И дома-ли, нѣтъ-ли барышня—скажетъ...

— Должно быть, дома, еще не завтракали,—замѣтилъ, отворачиваясь отъ плиты, поваръ, довольно благообразный старикъ съ сѣдыми кудреватыми волосами, выбивавшимися изъ подъ бѣлаго колпака.

И, оглядѣвши Антошку своими добродушными и въ то же время любопытными небольшими глазками, спросилъ:

*) См. «Миръ Божій», № 5, май.

— А ты отъ кого съ письмомъ, мальчикъ?

— Отъ одного бѣднаго ихъ сродственника... Онѣ знаютъ...

— На бѣдность, значить, просить?

— Очень даже нуждаются...

Поваръ подумалъ и сказалъ:

— Вѣрно, это тотъ самый сродственникъ, котораго генераль приказалъ не пускать и писемъ отъ него не принимать...

— То-то отъ него письмо къ барышнѣ.

— А онъ какъ же доводится генералу... Ты не знаешь?— любопытно допрашивалъ старикъ.

— Родной братъ...

— Родной братъ?—воскликнулъ старикъ-поваръ, необыкновенно изумленный.—Ты это вѣрно знаешь?

— Очень даже вѣрно...

— А мы полагали, что такъ, какой-нибудь дальній... Однако! Родной братъ такого важнаго генерала, а швейцаръ говорилъ, что ходитъ въ родѣ нищаго въ самомъ послѣднемъ костюмѣ...

— И вовсе даже нищѣ... Изъ за своей легкой одежи чуть не умерли!—пояснилъ Антошка, замѣтивъ, что поваръ видимо не сочувствуетъ такому безсовѣстному отрицанію кровныхъ узъ.

— Нищій... братъ генерала Опольева!.. Нечего сказать... прокламація!.. Видно, на братца не надѣется, что къ племянницѣ пишетъ?

— Ужъ какая надежда,—съ сердцемъ проговорилъ Антошка,—ежели вашъ генераль вовсе отказался отъ родного брата... Пропадай, моль, какъ собака, а мнѣ наплевать... И сколько горя принялъ Александръ Ивановичъ, генеральскій-то братъ... Такого, можно сказать, важнаго званія господинъ, офицеромъ въ уланахъ служилъ и по улицамъ милостыню собиралъ... И всѣ сродственники отъ него отреклись за роднымъ братомъ... Допустили, чтобы человекъ терпѣлъ... А еще все графы да князья!—возмущенно закончилъ Антошка.

— Дда... времена!.. Родного брата и... въ шею! Очень даже просто!—протянулъ, ни къ кому не обращаясь, старикъ и вздохнулъ, покачавъ головой.

Онъ снова сталъ мѣшать въ кастрюль, черпнулъ ложкой и, попробовавъ соусъ, спросилъ:

— А ты какъ же знаешь генеральскаго брата?

Антошка въ короткихъ словахъ разсказалъ свою исторію.

Поварь, видимо удивленный и тронутый, промолвилъ раздумчиво.

— Ишь вѣдь какія бываютъ на свѣтѣ дѣла!.. Нищій, а призрѣлъ сироту... Богатый и родного брата въ шею... Ловко!

— Жалостливый!—вставилъ и кухонный мужикъ, необыкновенно сосредоточенно и словно бы сердито слушавшій разсказъ Антошки.

— А ты вотъ что, Аеанасій,—обратился къ мужику поварь,—возьми-ка отъ мальчика письмо да снеси Дуняшѣ, пусть, моль, самой барышнѣ передастъ, да у ней въ комнатѣ... Чтобы, значить, генераль не провѣдалъ... Да оботри прежде руки-то... Письмо замараешь... Вотъ такъ... носи теперь Дуняшѣ... И лакеямъ не показывай...

Когда Аеанасій ушелъ, поварь ласково сказалъ Антошкѣ:

— Пока присядь, мальчикъ. Богъ дастъ, барышня не откажетъ помочь горемычному дяденькѣ... Она у насъ добрая... не похожа на отца... Тотъ вовсе какъ будто каменный!—прибавилъ, понижая голосъ, поварь.

— Безпремѣнно поможетъ!—увѣренно подтвердилъ Антошка.

— Ты почему же полагаешь?

— Она разъ прислала двадцать пять рублей, быдто отъ отца... И велѣла въ письмѣ, ежели что, къ ней писать, а не къ отцу...

— Ишь ты! Папеньку своего не захотѣла оконфузить!—промолвилъ поварь.

Въ скоромъ времени, вслѣдъ за кухоннымъ мужикомъ, въ кухню вошла молодая горничная Дуняша и велѣла Антошкѣ идти за собой.

— Барышня хочетъ тебя видѣть! — привѣтливо сказала она.

Нина дожидалась въ маленькой комнатѣ Дуняши, находившейся въ корридорѣ, собираясь принять Антошку почти тайкомъ.

Необыкновенно участливо и внимательно, нѣсколько смущенная и точно чувствуя себя въ чемъ-то виноватою, слушала эта худощавая молодая дѣвушка съ большими темно-

сѣрыми глазами возбужденный рассказ Антошки, въ дополненіе къ письму, о „графѣ“, объ его болѣзни, объ его добротѣ, и когда Антошка окончилъ рассказъ мольбой о томъ, чтобъ его не отдавали въ пріютъ и не разлучали съ „графомъ“, который всѣми брошенъ,—молодая дѣвушка, потрясенная и возмущенная, обѣщала непременно сегодня же поѣхать къ княгинѣ и просить ея отмѣнить свое распоряженіе.

Она торопливо отдала Антошкѣ конвертъ съ двадцатью пятью рублями, и проговорила:

— Кланяйся отъ меня дядѣ. Извинись, что мало посылаю... Скоро еще пришлю... Успокой его... Скажи, что я буду просить княгиню... Она не возьметъ тебя въ пріютъ... я увѣрена... ты останешься при дядѣ... Ты вѣдь такъ его любишь...

— Еще бы не любить!..—воскликнулъ Антошка.

— И дядя, и ты, оба вы хорошіе!—возбужденно произнесла дѣвушка, и я сдѣлаю для васъ все, что могу...

— Спаси васъ Богъ, добрая барышня... Какъ графъ-то обрадуется, что вы жалѣете его... А то... вѣдь онъ чуть-было не умеръ...

— Зачѣмъ же онъ не написалъ мнѣ?

— Шибко боленъ былъ... Безъ памяти лежалъ, барышня...

— Бѣдный!.. Ну, иди же къ нему, Антоша... Кланяйся... Вотъ и тебѣ... возьми, возьми!—говорила она, доставая изъ портмоне послѣдній рубль, бывший тамъ, и отдавая его Антошкѣ.—Что-нибудь себѣ купишь...

Антошка вышелъ благодарный и обрадованный.

„Теперь „графъ“ не пропадетъ. Племянница его не чета всѣмъ этимъ княгинямъ и графинямъ. Сейчасъ видно, какава она простая да жалостливая!“—думалъ Антошка, торопливо возвращаясь домой...

Рубль, полученный имъ, заставилъ его задуматься о томъ, что бы такое купить графу на эти деньги, что доставило бы ему удовольствіе. Долго онъ ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову и наконецъ рѣшилъ, что вино очень полезно „графу“, тѣмъ болѣе, что и докторша во время болѣзни приказывала давать вина и сама его привозила, и Антошка, войдя въ погребъ, потребовалъ самой лучшей мадеры въ рубль.

XXII.

Разсказъ Антошки произвелъ на молодую дѣвушку сильное впечатлѣніе.

Первый разъ въ жизни она непосредственно услышала объ ужасахъ нищеты и горя несчастныхъ людей. До этого она, случалось, читала объ этомъ въ книгахъ или слышала мимоходомъ въ разговорахъ, что люди впадаютъ въ нищету по своей винѣ, но никогда не задумывалась надъ этимъ вопросомъ. Богатая, избалованная, получившая домашнее воспитаніе, жившая въ замкнутомъ кружкѣ такихъ же богатыхъ и чиновныхъ людей, она не могла себѣ представить, что за этимъ міромъ довольства, блеска и роскоши существуютъ на свѣтѣ люди, не имѣющіе ни пищи, ни платья, ни крова, нуждающіеся въ кускѣ хлѣба въ то время, когда ей шьютъ бальное платье, стоящее большихъ денегъ, или дарятъ дорогія бездѣлки.

А теперь эти мысли бродили въ ея головѣ, находили откликъ въ добромъ сердцѣ дѣвушки, и ей непремѣнно хотѣлось помочь и этому несчастному дядѣ, и этому мальчику.

Какъ ни было ей тяжело осуждать отца, но она осудила его въ душѣ за то, что онъ такъ жестоко отнесся къ родному брату, и она припомнила тѣ ужасныя слова отца, которыя онъ говорилъ по поводу письма, полученнаго мѣсяць тому назадъ отъ дяди, въ которомъ онъ молилъ о помощи для мальчика. И тогда она почувствовала правдивость этого письма. И тогда она подумала, что отецъ не правъ, считая своего брата лжецомъ... И тогда она находила жестокимъ поведеніе отца и, полная стыда за него, послала свои двадцать пять рублей. А теперь, послѣ того, какъ услышала эту трогательную исторію двухъ бездомныхъ, горемычныхъ существъ, молодая дѣвушка невольно еще строже судила отца, и слова его казались ей теперь безсердечными.

О, какъ бы хотѣлось ей помирить отца съ дядей... Откуда такое озлобленіе? Ужели отецъ недоступенъ жалости и не можетъ отнестись къ нему тепло и сердечно, ободрить его, помочь ему?..

Но при мысли объ этомъ ей становилось жутко, и невольныя сомнѣнія закрадывались въ ея голову. Отецъ—не-

преклоненъ и, что разъ рѣшилъ, не мѣняетъ. И смѣетъ ли она учить отца? И станетъ ли онъ ее слушать?

Но если отецъ не исполняетъ то, что велитъ и долгъ, и любовь, она должна исполнить. Она не допуститъ, чтобы родной братъ отца нищенствовалъ, собирая милостыню на улицахъ, и чтобы отъ него отняли этого мальчишка, котораго онъ такъ любитъ. Это безжалостно, возмутительно!

Возбужденная и радостная, что и у нея, скучающей и неудовлетворенной тою жизнью, которую заставляли ее вести, нашлось вдругъ дѣло, что и она можетъ быть полезной двумъ существамъ, молодая дѣвушка вышла изъ своей комнаты и прошла въ кабинетъ къ матери.

Нина рассказала ей то, что слышала отъ Антошки, и проговорила:

— Мама. Вѣдь необходимо помочь дядѣ и этому мальчику!

Госпожа Опольева, женщина добродушная, но благоговѣвшая передъ мужемъ, хотя и согласилась съ дочерью, что этотъ „несчастный дядя“ заслуживаетъ помощи, и что онъ всегда возбуждалъ въ ней жалость, но прибавила:

— А что скажетъ отецъ, Нина?

— Но развѣ, мама, мы-то сами не можемъ помочь помимо папы, его родному брату?.. И, наконецъ, вѣдь онъ во все не такой дурной... Напротивъ, эта исторія съ мальчикомъ... эти заботы о немъ...

— Но почему дядя обратился къ тебѣ, Нина?.. Онъ тебя совсѣмъ не знаетъ... Видѣлъ маленькой дѣвочкой...

Нина призналась матери, что раньше послала дядѣ отъ имени отца деньги, и теперь послала.

— Видишь, ты какая!—растроганно произнесла мать и нѣжно потрепала дочь по щекамъ своей бѣлой, пухлой рукой въ кольцахъ.— А если папа узнаетъ объ этомъ? Вѣдь онъ будетъ недоволенъ... Ты вѣдь знаешь его мнѣніе о дядѣ?..

— И пусть узнаетъ... Я тогда сама расскажу папѣ, что онъ ошибается... И папа, быть можетъ, убѣдится и... помирится съ дядей.

Опольева сдѣлала отрицательный жестъ.

— Этого никогда не будетъ!—произнесла она грустнымъ тономъ.

— Но если ты, мама, его попросишь...

— Я ужъ пробовала...

— Но за что же такая ненависть?.. Что же, наконецъ, сдѣлалъ такое дядя, что отъ него всѣ отшатнулись, и довели его до нищенства?—воскликнула Нина.—Разскажи мнѣ, мама...

Мать разсказала извѣстную читателю исторію „графа“.

— Что жъ тутъ такого ужаснаго, мама?.. Развѣ дядя не могъ исправиться? И развѣ многіе молодые люди не то же дѣлаютъ?.. И, однако, ихъ не изгоняютъ изъ общества.. Помнишь, еще недавно какую исторію разсказывали о графѣ Бѣжецкомъ... Онъ сдѣлалъ вещи похуже, чѣмъ бѣдный дядя, и тѣмъ не менѣе, его вездѣ принимаютъ... И папа, и ты съ нимъ любезны... Онъ остался въ полку...

— Положимъ, съ дядей сурово обошлись... не спорю,—замѣтила мать,—но все-таки такъ опуститься, сдѣлаться пьяницей, нищимъ...

— Но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ родные поддержали его тогда? Напротивъ, всѣ, какъ ты говоришь, его оставили и сами же обвиняютъ его. Ахъ, мама, мама, какъ это несправедливо и безжалостно!—воскликнула молодая дѣвушка.—Нѣтъ, мама, голубчикъ, милая, добрая, ты ужъ позволь мнѣ помогать дядѣ... я буду давать ему въ мѣсяцъ свои двадцать пять рублей... И свои непременно... Мнѣ на булавки и остальныхъ двадцати пяти за глаза довольно... И не нужно папѣ говорить... Пусть дядя будетъ думать, что это онъ посылаетъ... Не правда ли?..

— Ну, что жъ, дѣлай, какъ хочешь, добрая моя дѣвочка, возьми и отъ меня маленькую лепту... пошли ему еще десять рублей... Я буду давать каждый мѣсяцъ.

— Спасибо за дядю и за мальчика, мамочка... Теперь они, по крайней мѣрѣ, не будутъ нищенствовать... А за этого мальчика я буду просить тетю Мери... Я послѣ завтрака къ ней поѣду... Можно?

— Поѣзжай... только врядъ ли ее застанешь послѣ завтрака... Вѣдь, Магіе, ты знаешь, всегда занята... Время у нея распредѣлено...

— Я теперь поѣду...

— А завтракать?..

— Богъ съ нимъ съ завтракомъ... Потомъ позавтракаю...

— Такъ прикажи закладывать карету...

— Нѣтъ, я лучше въ саняхъ, мамочка...

И съ этими словами Цина вышла изъ кабинета матери и попросила Дуняшу приказать запретить сани.

Черезъ полчаса она уже ѣхала къ княгинѣ Моравской. Дорогой у нея явилась мысль послѣ визита къ Моравской поѣхать въ дядѣ. То-то онъ обрадуется! Непремѣнно надо навѣстить его. Мама навѣрное не разсердится! А отецъ не будетъ знать объ этомъ!

— Дома княгиня?

— Дома, пожалуйста!

Молодая дѣвушка быстро поднялась по лѣстницѣ.

Лакей встрѣтилъ ее у дверей почтительнымъ поклономъ и, проводивъ до гостиной, пошелъ докладывать княгинѣ.

XXIII.

Княгиня Марья Николаевна съ четверть часа тому назадъ вернулась съ прогулки, по обыкновенію, свѣжая, цвѣтушая и румяная, въ томъ спокойномъ, увѣренномъ и довольномъ расположеніи духа, которое бываетъ у счастливо-уравновѣшеннаго человѣка, сознающаго, что все, что онъ дѣлаетъ, хорошо и плодотворно, и что самъ онъ безупреченъ.

Сегодня во время прогулки именно такія мысли занимали княгиню, и она съ горделивымъ чувствомъ подумала, что она живетъ не такъ, какъ другія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, большую часть женщинъ ея круга занимаютъ выѣзды, наряды, сплетни, флиртъ и разныя сердечныя увлеченія, доводящія многихъ до забвенія всякихъ приличій,—а она вся поглощена дѣятельностью. Сколькимъ людямъ она благотворить, сколько несчастныхъ, благодаря ей, сдѣлались счастливыми, сколько дѣтей призрѣвается въ пріютахъ... А всѣ эти благотворительные концерты, спектакли и базары, устраиваемые, благодаря ея энергіи и настойчивости, какъ много даютъ они средствъ на добрыя дѣла?..

Благодаря ея дѣятельности, она не скучаетъ, не нервничаетъ, какъ эти свѣтскія дамы... Жизнь ея полна смысла, и она несетъ „крестъ свой“ безъ всякаго ропота... Да и Богъ съ нимъ, съ этимъ семейнымъ счастьемъ... Она обходится и

безъ него, и не надо ей какой-то любви, о которой такъ хлопчатъ многія женщины. Она и въ молодости никого не любила и вышла замужъ за старика по разсудку, такъ ужъ теперь...

Съ жестокостью женщины, никогда не увлекавшейся и всегда исполнявшей свой долгъ съ неумолимой строгостью, княгиня не отказала себѣ въ маленькомъ удовольствіи осудить тѣхъ, кто распускаетъ себя, мысленно назвать ихъ презрительной вличкой и брезгливо пожать плечами...

И сама она внутренно гордилась своею безупречностью, не подозрѣвая, конечно, что эта безупречность въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ ея уравновѣшенной, честолюбивой и холодной натуры, и съ самодовольнымъ чувствомъ думала, что она примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, благодаря твердымъ принципамъ, основаннымъ на религіозномъ фундаментѣ.

Съ такимъ заключеніемъ она вернулась домой, сдѣлавши свой узаконенный моціонъ, рекомендованный ей докторомъ, чтобы не полнѣть.

Письмо „графа“, которое княгиня только-что прочла, нѣсколько смутило молодую женщину и, главное, нарушило ея спокойное расположеніе духа и поколебало ея увѣренность въ томъ, что все, что она дѣлаетъ, хорошо и полезно.

Давно, давно не читала княгиня такихъ писемъ, хотя получала ихъ много.

Это было страстное, умоляющее, и вмѣстѣ съ тѣмъ негодующее письмо возмущеннаго и несчастнаго человѣка, полное ядовитыхъ сарказмовъ насчетъ желанія кузины спасти людей при помощи полиціи и дѣлать не добро, а зло. Искренностью и горемъ дышали эти строки, въ которыхъ „графъ“ объяснялъ, что такое для него этотъ мальчикъ, возродившій его къ жизни, его одинокаго и всѣми брошеннаго. Неужели милые родственники, не желающіе его знать, хотятъ отнять единственное преданное ему существо. „Это было бы бесовѣстно и бездушно, княгиня,—писалъ „графъ“.—Если вы это сдѣлаете, значитъ, вы сами никогда и никого не любили, кромѣ себя, и ваша благотворительность—ничего не стоитъ, она для васъ—удовлетвореніе тщеславія, и больше ничего. Ужели у васъ хватить жестокости нанести послѣдній ударъ

тому человѣку, который—помните?—когда-то былъ вашимъ искреннимъ почитателемъ. Впрочемъ, и тогда вы были всегда слишкомъ холодны и разсудительны, и если теперь эти качества получили полное развитіе, то отъ васъ ждать пощады нечего... Вы, конечно, думаете, что я, отверженный, буду виновникомъ гибели мальчика... У васъ вѣдь у сытыхъ, богатыхъ людей, и особенно у благотворителей... такая мораль... Вы воображаете, что ваши пріюты — спасаютъ... О, какъ вы ошибаетесь и какъ вы слѣпы, если бы только могли это понять... Простите за рѣзкость письма, но поймите, если не можете чувствовать, что вы хотите сдѣлать... Повремените, по крайней мѣрѣ. Соберите справки, узнайте обо мнѣ, посылайте своихъ благотворителей справляться о мальчикѣ, и если свѣдѣнія эти будутъ неблагопріятны, тогда... тогда берите его въ пріютъ, изъ котораго Антошка, конечно, убѣжить и, благодаря вамъ, дѣйствительно попадетъ, какъ вы выражаетесь, въ „когти порока“... Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, кузина... Не сдѣлаете“.

Прошла минута, другая, а княгиня все еще держала письмо въ рукахъ. Она хотѣла бы отнестись къ этому дерзкому письму съ презрѣніемъ и чувствовала, что не можетъ... Она хотѣла увѣрить себя, что это пишетъ „пропавшій человѣкъ“, пьяница, негодяй, и что на этотъ „пьяный бредъ“ не стоитъ обращать вниманія, и, тѣмъ не менѣе, чувствовала, что этотъ „бредъ“ задѣваетъ ее, и что онъ дышетъ правдой...

И ея красивое, спокойное, увѣренное въ себѣ лицо омрачилось тѣнью. Въмѣсто того, чтобы разорвать письмо, она положила его на письменный столъ и задумалась...

Въ эту минуту постучали въ двери.

— Войдите!

— Нина Константиновна Ополева!—доложилъ лакей.

— Просите сюда!—проговорила княгиня.

Она поднялась и пошла встрѣтить молодую дѣвушку.

Княгиня очень благоволила къ своей молодой родственницѣ. Она считала Нину серьезной дѣвушкой, а не обыкновенной свѣтской пустельгой, которая только ищетъ жениховъ и занимается кокетствомъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя, Нина?—гово-

рила княгиня, цѣлуя молодую дѣвушку. — У васъ всѣ здоровы: мама, отецъ?

— Всѣ здоровы, тетя Мери... А къ вамъ я, тетя, съ просьбой, съ большой просьбой.

— Да ты присядь прежде, Нина...

Нина опустилаcь на маленькій диванчикъ.

— Ну, теперь рассказывай, въ чемъ дѣло...

„Волнуясь и спѣша“, молодая дѣвушка стала просить княгиню не опредѣлять Антошку въ пріютъ.

— Если бъ вы знали, тетя, какъ любятъ они другъ друга: бѣдный дядя и этотъ мальчикъ!.. Онъ сейчасъ у меня былъ и рассказывалъ, что дяди былъ опасно боленъ, чуть не умеръ, простудился, когда вышелъ въ легкомъ пальто собирать милостыню... А этого своего приемыша ни за что не пускалъ... Его одѣлъ, а объ себѣ не подумалъ... Вообще, тутъ все необыкновенно, тетя, и доказываетъ, что дядя вовсе не такой дурной человѣкъ... Напротивъ...

— И твой папа такъ нынѣ думаетъ?

— Нѣтъ, тетя... Папа предубѣжденъ противъ дяди...

— А ты, Нина, увлекаешься... Я тоже получила сейчасъ письмо отъ вузена... и очень дерзкое и наглое... И онъ требуетъ, чтобъ я не опредѣляла его приемыша въ пріютъ... И какой тонъ.. Какія выраженія!..

— Но, тетя, онъ такъ несчастенъ... Полиція грозитъ отнять мальчика...

— Да, я просила объ этомъ, чтобы его спасти... Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе, этотъ мальчикъ. Въ пріютѣ ему было бы лучше! настаивала княгиня.

— Онъ убѣжить изъ пріюта... Онъ не хочетъ туда!

— И твой дядя пишетъ, что убѣжить... Вотъ дѣлай послѣ этого добро людямъ... Хлопочи о нихъ!—съ сердцемъ промолвила княгиня. — Что можетъ выйти изъ этого мальчика? Нищій, пьяница, воръ...

— О нѣтъ, тетя, нѣтъ... О немъ и о дядѣ будутъ заботиться... Дядя больше не станетъ просить милостыни... Нѣтъ!—энергично протестовала Нина, вся вспыхивая.

— Ты хочешь помогать ему?

— Да, тетя.

— Напрасно, моя милая... Надо помогать съ разборомъ...

Твои деньги пойдутъ на пьянство... Твой дядя совсѣмъ погибшій человѣкъ...

— Не думаю, тетя...

— А я увѣрена... Ужъ если помочь ему, то иначе...

— Какъ, тетя?

— А вотъ какъ: помѣстить его въ богадѣльню. Я берусь это устроить. Это было бы лучше всего!

И княгиня вся засіяла отъ этой, неожиданно осѣнившейся голову мысли. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше!

— Но если дядя не захочетъ, тетя, въ богадѣльню?— промолвила Нина и невольно улыбнулась этому неудержимому желанію княгини благодѣтельствовать людямъ, не спросивши у нихъ, хотятъ ли они этого.

— Ну и дуракъ, если не захочетъ!— категорически отрѣзала княгиня. Ему, значитъ, нравится жизнь, которую онъ ведетъ.

— Нѣтъ, милая тетя, ужъ вы исполните просьбу... Оставьте дядѣ мальчика... Не откажите, голубчикъ - тетя!— упрашивала Нина.

— Ну, хорошо... Я уступаю... Не хотятъ люди добра— какъ хотять, а я уываю руки! — проговорила, наконецъ, княгиня.

— И напишите поскорѣй кому тамъ нужно, а то полиція возьметъ мальчика.

— Я сейчасъ протелефонирую.

И княгиня подошла къ телефону, вызвала, кого слѣдуетъ, и просила отмѣнить распоряженія.

— Ну, теперь однимъ нищимъ на свѣтѣ будетъ больше... поздравляю! Ты довольна этимъ, Нина? — проговорила княгиня.

Но тонъ ея голоса звучалъ весело. Она, казалось, сама была рада, что исполнила просьбу и оставила Антошку при „графѣ“.

— А мнѣ кажется, что теперь двумя менѣ несчастными людьми будетъ болѣе!— замѣтила Нина, улыбаясь своими большими кроткими глазами.

— Ты, Нина, еще очень молода и потому смотришь въ розовые очки... Дай Богъ, чтобъ бѣдный кузенъ исправился, благодаря мальчику, хотя я мало вѣрю въ исправленіе та-

кихъ людей... Согласна, что это въ самомъ дѣлѣ трогательная исторія... Письмо его, хоть и дерзкое, а кажется искреннимъ и, признаюсь, произвело и на меня впечатлѣніе...

— Вотъ видите, тетя... Что онъ пишетъ?

— Онъ болѣе бранится... Ну довольно объ этомъ. Что кончено, то кончено... Расскажи о себѣ... Я тебя давно не видала... Что ты дѣлаешь? Надѣюсь, ты съ нами позавтракаешь? Я тебя не отпущу, слышишь? Довольна ты своей жизнью?

Молодая дѣвушка призналась, что та жизнь, которую она ведетъ, ея не удовлетворяетъ.

— Ну еще бы!.. Есть чѣмъ удовлетворяться? Эти ваши скучнѣйшіе балы, эти ваши глухие фиксы и глупые кавалеры... Надѣюсь, не влюбилась еще ни въ одного изъ этихъ господъ?

— Нѣтъ, тетя...

— И слава Богу... Я всегда считала тебя умной дѣвочкой... А что ты читаешь? Не одни романы, конечно?

— Нѣтъ, тетя... Я и журналы читаю...

— Тебѣ бы надо, Нина, дѣломъ заняться...

— Какимъ, научите, тетя...

— Сдѣлайся членомъ нашего Общества „Помогай ближнему“ и, если захочешь, дѣло найдется...

— Я охотно готова бы работать... Но только...

Она не договорила нѣсколько смущенная.

— Что же тебя останавливаетъ?

— Папа не особенно любитъ всѣ эти благотворительныя общества...

Княгиня вспыхнула.

— Твой отецъ—извини, а ужъ я прямо скажу—совсѣмъ сдѣлался въ послѣднее время чиновникомъ и не понимаетъ никакого живого дѣла... Мы съ нимъ не разъ ссорились изъ-за этого... По его мнѣнію, только то хорошо, что вышло изъ канцелярій, а свободная частная дѣятельность ему не по сердцу... Онъ и меня считаетъ вродѣ сумасшедшей... я знаю... Но я съ нимъ поговорю о тебѣ, и надѣюсь, что онъ позволитъ тебѣ работать подъ моимъ наблюденіемъ... Хочешь?..

— Съ большимъ удовольствіемъ!

— Очень рада... Ты, по крайней мѣрѣ, будешь полезна ближнимъ... А теперь ты что?.. Барышня съ хорошимъ при-

даннымъ, за которой охотятся женихи... Нечего сказать, пріятное положеніе... И знаешь, что я тебѣ сважу, Нина?..

— Что, тетя?..

— Не торопись выходить замужъ.

— Я и не тороплюсь.

— Тебѣ двадцать лѣтъ... Подожди еще лѣтъ пять...

— Охотно буду ждать, тетя!—разсмѣялась Нина.

— И—главное, Нина—не выходи замужъ по расчету, и особенно за старика... Избави тебя Богъ отъ этого!—какъ-то значительно и серьезно проговорила внягина... Ну, а теперь пойдемъ завтракать!—круто оборвала она разговоръ, когда вошедшій лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

XXIII.

— Куда, прикажете, барышня, домой?—спросилъ кучеръ послѣ того, какъ швейцаръ Моравскихъ усадилъ Нину въ санки и застегнулъ полость.

— Нѣтъ, Иванъ... Поѣзжайте въ Бердову мосту. Вы знаете, гдѣ Бердовъ мостъ...

— Какъ не знать, барышня.

Кучеръ натянулъ возжи, и рѣзвая вороная „Свѣтланка“ понесла санки крупною быстрою рысью.

Кучеръ любилъ „хорошо прокатить“ барышню, которую онъ, какъ и вся вообще прислуга въ домѣ Ополевыхъ, отличалъ за ея простоту и ласковое, привѣтливое обращеніе, показывавшее, что барышня не гнушается простымъ человекомъ. Это не то, что „самъ генералъ“, всегда ровный, никогда не возвышавшій голоса и въ то же время, съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ смотрѣвшій на прислугу. Никогда ни съ кѣмъ ни одного лишняго слова, кромѣ приказаній, точныхъ и короткихъ. Никогда ни малѣйшей фамильярности и никакой шутки, даже съ камердинеромъ, который жилъ у него шесть лѣтъ. И не даромъ всѣ трепетали Ополева, зная, что за малѣйшую неаккуратность и за неточное исполненіе его приказаній виновный будетъ немедленно расчитанъ и безъ всякихъ объясненій.

Иванъ пустилъ „Свѣтланку“ во всю. Снѣжная пыль обдавала закутанную Нину, и вѣтеръ рѣзалъ ея лицо. Она любила скорую ѣзду.

— Тихе, тихе, Иванъ... Кого-нибудь задавите!..

— Что вы, барышня... Не извольте беспокоиться...

Однако онъ попридержалъ лошадь, и только въ малолюдной Офицерской снова пустилъ „Свѣтланку“ полнымъ ходомъ.

Не доѣзжая Бердова моста, кучеръ круто осадилъ лошадь у воротъ большого дома, указаннаго Ниной.

Она вышла изъ саней и нерѣшительно дернула за звонокъ у воротъ.

Наконецъ явился дворникъ.

— Гдѣ здѣсь живетъ г. Ополъевъ?—спросила Нина.

— На заднемъ дворѣ, у прачки, третій этажъ... номеръ 50!—грубовато отвѣтилъ дворникъ.

— Да ты проводи-то барышню... Не видишь, кто съ тобой говорить!—сердито окрикнулъ кучеръ, находившій, что дворникъ отнесся не съ надлежащимъ почтеніемъ къ барышнѣ, да еще пріѣхавшей на собственной лошади.

— Я... что жь... Я провожу... Пожалуйте, барышня!—проговорилъ дворникъ уже болѣе любезно.

„Ишь вѣдь дядю ницаго своего пошла провѣдать“, сочувственно подумалъ кучеръ, который ужъ узналъ сегодня на кухнѣ, кто такой братъ ихъ генерала.

Не безъ нѣкоторой брезгливости поднялась Нина по темной, вонючей лѣстницѣ, съ мокрыми ступеньками и покрытыми сыростью стѣнами. Изъ многихъ квартиръ съ открытыми дверями шельскверный запахъ кухни и смрада. По лѣстницѣ шмыгнули какія-то подозрительныя мужскія фигуры, северно одѣтыя, съ испитыми физиономіями и удивленно озирали нарядно одѣтую барышню, и Нинѣ становилось жутко.

— Вотъ здѣсь, пожалуйста.

И дворникъ дернулъ звонокъ.

За дверями послышалось шлепанье туфель, и Анисья Ивановна въ кофтѣ и юбкѣ, съ засученными рукавами, показала въ дверяхъ.

— Вамъ кого?—удивленно спросила она.

— Александръ Ивановичъ Ополъевъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь... здѣсь... Пожалуйте, барышня!—привѣтливо встрѣтила Нину квартирная хозяйка, догадавшись по описанію Антошки, что это та самая племянница, которая помогла „графу“.

— Можно къ нему войти?—робко спросила Нина и невольно поморщилась, вдыхая отвратительный спертый воздухъ маленькой квартирки.

— Очень даже можно... Александръ Ивановичъ сегодня первый разъ встали и сидятъ... Не угодно ли? Входите... Вотъ ихъ комната...

Нина постучала.

— Войдите! — раздался изъ комнаты низкій сиповатый басокъ „графа“.

Молодая дѣвушка вошла и остановилась на мгновение, смущенная и взволнованная, пораженная и нищенской обстановкой маленькой комнатки, и видомъ этого блѣднаго, смертельно блѣднаго, осунувшагося лица, изрытаго морщинами, съ черными, глубоко сидящими, глазами, все еще красиваго и выразительнаго. Шалка кудрявыхъ, сѣдоватыхъ волосъ, покрывавшихъ большую голову „графа“, придавала ему видъ художника. Съ перваго же взгляда Нину поразило необычайное сходство его съ отцомъ, но только „графъ“ казался совсѣмъ старикомъ, хотя и былъ моложе. Одѣтъ онъ былъ въ свое знаменитое порыжѣлое пальто и въ туфляхъ...

— Съ кѣмъ имѣю честь,—съ изысканною вѣжливостью началъ, было, удивленный „графъ“, съ трудомъ приподнимаясь съ кровати и стараясь держаться прямо, но не докончилъ фразы и пристально взглянувъ на Нину, воскликнулъ:

— Нина... Нина Константиновна... Неужели это вы?

— Я самая, дядя!—проговорила закраснѣвшаяся дѣвушка, торопливо подходя къ „графу“ и протягивая ему руку.

— Не ожидалъ!—едва вымолвилъ онъ и горячо припалъ къ ея рукѣ.

Нина поцѣловала его въ голову...

— Не ожидалъ!—повторилъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе.—Спасибо вамъ, милая дѣвушка... Спасибо... Садитесь...

И „графъ“ хотѣлъ, было, подвинуть табуретъ...

— Не беспокойтесь, дядя... пожалуйста, сидите...

И, присѣвъ на табуретъ, она продолжала, все еще смущенная и взволнованная:

— Я непременно хотѣла побывать у васъ, узнать о вашемъ здоровьѣ и сообщить пріятную вѣсть и вамъ, и Анто-

шѣ, — обернулась она къ Антошкѣ, ласково ему улыбнулась. — Я только-что отъ княгини Моравской... Антошу отъ васъ не возьмутъ... Княгиня телефонировала градоначальнику...

Антошка весело улыбался.

— И за это спасибо вамъ, Нина Константиновна...

— Просто—Нина, дядя...

— Ну извольте: Нина... И за все, за все, что вы сдѣлали...

— Полноте, дядя... Стоитъ ли говорить... Много ли я сдѣлала?.. Я ничего не сдѣлала того, что бы слѣдовало, — какъ-то значительно и словно бы виновато проронила молодая дѣвушка, бросая робкій взглядъ, полный участья, на „графа“. Я вѣдь раньше рѣшительно ничего не знала о васъ, а теперь, какъ узнала отъ Антоши, какой вы хорошій!..

— Ну ему вѣрить нельзя... Онъ удивительно болтливый и, главное, увлекающійся мальчишка... Видите ли, Нина, дѣтство его было очень печальное, и когда его пригрѣли, онъ ужъ и раскисъ, являя рѣдкое качество чувства благодарности... Такъ княгиня смилостивилась?.. Отказалась отъ мысли силою облагодѣтельствовать Антошку и, конечно, полагаетъ, что онъ пропадетъ?.. Но вы, Нина, я увѣренъ, этого не думаете, и понимаете, что я постараюсь, чтобъ онъ не былъ похожъ на меня!—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой.

— Разумѣется, не думаю, дядя...

— И не ошибетесь... вѣрьте...

И, словно бы спохватившись и вспоминая что и онъ когда-то былъ свѣтскимъ человѣкомъ, „графъ“ поспѣшилъ освѣдомиться о здоровьѣ ея родителей.

— Благодарю васъ, здоровы...

Она хотѣла, было, прибавить: „вамъ кланяются“, но удержалась отъ этой лжи и прибавила:

— Я вѣдь къ вамъ, дядя, пріѣхала экспромтомъ... Ни папа, ни мама не знаютъ...

— Тѣмъ болѣе порадовали... Вѣдь вы первая изъ родственникововъ рѣшили посѣтить меня... Первая, и вѣроятно, послѣдняя...

— Я, дядя, если позволите, и еще пріѣду.

— Позволю?.. Я буду безконечно радъ васъ видѣть, но... какъ бы вамъ-то не досталось, милая племянница... Вашъ отецъ не очень-то обрадуется, если узнаетъ, а я... я не хочу,

что-бы изъ за меня вамъ сказали хоть одно неприятное слово!— прибавилъ графъ на превосходнѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Не бойтесь... Не достанется.. И я надѣюсь, что и папа примирится съ вами... пойметъ, какъ онъ передъ вами... виновать!..

— Виновать?.. Напрасно вы думаете, что онъ виновать... У брата своя точка зрѣнія... Онъ человѣкъ извѣстныхъ правилъ... вотъ и все...

Нина просидѣла полчаса и была просто очарована и изяществомъ „графа“, и его остроумными замѣчаниями, и его манерами, полными достоинства.

Наконецъ она поднялась и, крѣпко пожимая руку „графа“, горячо проговорила:

— Я очень-очень рада, дядя, что познакомилась съ вами...

И прибавила по французски съ робкою застѣнчивостью:

— И надѣюсь, дядя, что вы позволите мнѣ быть исключеніемъ изъ родственниковъ... и... и.. быть вамъ полезной,— чуть слышно прибавила она.— Видите ли... у меня есть свободныя и совсѣмъ ненужныя деньги... Не обидьте, дядя, меня отказомъ и позвольте ежемѣсячно присылать вамъ бездѣлицу... тридцать пять рублей... Больше я, въ сожалѣнію, не могу...

„Графъ“ не находилъ словъ...

— И кромѣ того... вамъ, дядя, необходимо перемѣнить квартиру и... сдѣлать кое-что... Вы больны, вамъ нуженъ уютъ... теплое платье... На-дняхъ я пришлю деньги... Они мнѣ совсѣмъ не нужны... право... двѣсти рублей... Вы перемѣните обстановку... Вамъ необходима чистая комната... Не правда ли... И вы возьмете отъ любящей васъ племянницы... Вѣдь да, да?..

— Милая! Добрая!..— проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ графъ.

— До свиданія, дядя... Будьте здоровы...

Она крѣпко пожала руку „графа“ и сказала Антошѣ:

— Проводи меня, Антоша... Прощайте, Анисья Ивановна...

Антошка проводилъ молодую дѣвушку до саней. Когда онъ ее подсаживалъ, то замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ.

— Прощайте, барышня... Дай вамъ Богъ всего хорошаго!—горячо проговорилъ онъ.

— До свиданія... Берегите дядю... Если заболѣтъ, дайте мнѣ знать...

Необыкновенно веселый и радостный вернулся Антошка къ „графу“ и думалъ встрѣтить и его такого-же веселаго. Но каково же было его удивленіе, когда, войдя въ комнату, онъ увидѣлъ „графа“, сидящаго за столомъ, съ закрытымъ руками лицомъ. Плечи его вздрагивали; словно бы онъ плакалъ.

И „графъ“ дѣйствительно плакалъ, потрясенный и тронутый сердечнымъ участіемъ, котораго онъ такъ долго не видалъ. Неужели это не сонъ, и впереди новая жизнь безъ этого опостылаго попрошайничества?

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОЦЕССЪ ОПОЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. БОРОДИНА.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Оплодотвореніе скрыто- и голосѣмянныхъ растеній.—Связь ихъ съ споровыми.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между высшими или, такъ называемыми, сѣмянными растеніями низшее мѣсто занимаютъ хвойныя, саговыя и немногія другія растенія, по строенію своихъ цвѣтовъ близкія къ хвойнымъ. Ихъ выдѣляютъ въ особую группу подъ названіемъ *голосѣмянныхъ* растеній, тогда какъ всѣ прочія составляютъ группу *скрытосѣмянныхъ*. Голосѣмянныхъ растеній весьма немного; въ общей сложности ихъ едва наберется четыреста видовъ, по крайней мѣрѣ, между нынѣ живущими формами, тогда какъ скрытосѣмянныхъ далеко за сотню тысячъ. Отличительный признакъ голосѣмянныхъ заключается въ отсутствіи у нихъ того, что называютъ завязью, т. е. полагаю внутри образованія, скрывающаго въ себѣ яички—будущія сѣмена; нѣтъ также столбика и рыльца, словомъ — недостаетъ вообще пестика. Яички у нихъ сидятъ или совершенно обнаженно, или же, чаще, прикрыты особыми чешуйками; стоитъ только отогнуть чешуйку—и прикрѣпленныя къ ней со внутренней стороны яички бросаются въ глаза, тогда какъ у скрытосѣмянныхъ можно увидать яички, только разрѣзавъ или разломавъ скрывающую ихъ завязь. Какъ уже сказано, голосѣмянныя несомнѣнно стоятъ ниже скрытосѣмянныхъ, т. е., организованы проще и больше ихъ приближаются къ споровымъ растеніямъ. Палеонтологическія данныя, т. е. изученіе ископаемыхъ растеній, вполне подтверждаютъ возрѣніе, согласно которому голосѣмянныя возникли на землѣ раньше

*) См. «Міръ Вожій», № 5, май.

скрытосѣмянныхъ; въ жизни нашей планеты была эпоха, когда голосѣмянныя являлись единственными представителями сѣмянныхъ растений вообще. Если бы не было между споровыми растениями формъ съ двоякими спорами, а съ другой стороны между сѣмянными растениями не было бы голосѣмянныхъ, то нельзя было бы вовсе связать другъ съ другомъ оба отдѣла растительнаго царства—растения со спорами и растения съ сѣменами.

Мы познакоимся сначала съ процессомъ оплодотворенія огромнаго большинства сѣмянныхъ растений, а затѣмъ уже съ особенностями, которыя представляютъ голосѣмянныя.

И такъ, теперь будетъ идти рѣчь о растеніяхъ, у которыхъ яички скрыты внутри настоящаго

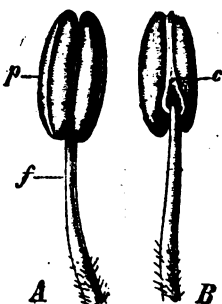

Рис. 114.

пестика. Мужскимъ оплодотворяющимъ органомъ является у сѣмянныхъ растений, какъ мы уже знаемъ, такъ называемая *тычинка*. Мы помнимъ также, что она составлена изъ двухъ различныхъ частей (рис. 114)—изъ нити (*f*) и пыльника (*p*), и что въ пыльникѣ внутри содержится плодотворная *пыльца* или, иначе, *цѣтень*. Въ самой ранней молодости, когда тычинка едва обозначилась вну-

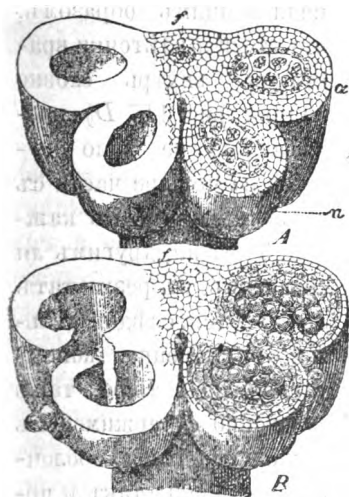

Рис. 115.

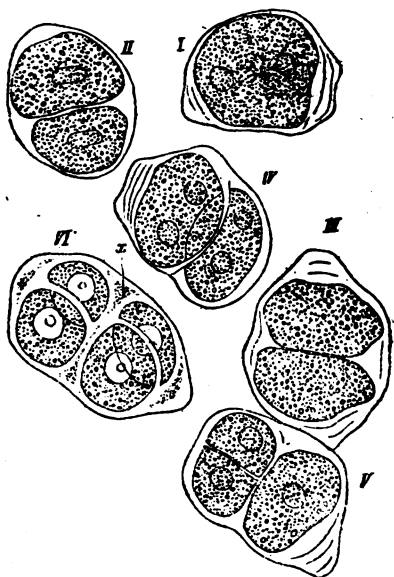

Рис. 116.

три завязывающагося бутона, весь пыльникъ составленъ сплошь изъ одинаковыхъ, нѣжныхъ клеточекъ. Но вскорѣ въ четырехъ мѣстахъ обозначаются,—какъ видно на рис. 115 А, на попереч-

номъ разрёзѣ молодого пыльника,—группы болѣе крупныхъ клѣточекъ, которыя специально предназначены для развитія пыльцы. Эти крупныя клѣточки, предварительно расклеившись, или, у другихъ растений, оставаясь плотно сомкнутыми, дѣлятся такъ, что внутри каждой изъ нихъ образуется по четыре клѣточки, изъ которыхъ каждая дастъ впоследствии одну пылинку. Процессъ дѣленія совершается или въ два темпа, т.-е. клѣточка сначала распадается перегородкою на двѣ, а затѣмъ вскорѣ каждая изъ нихъ производитъ еще по перегородкѣ (рис. 116), или же вся

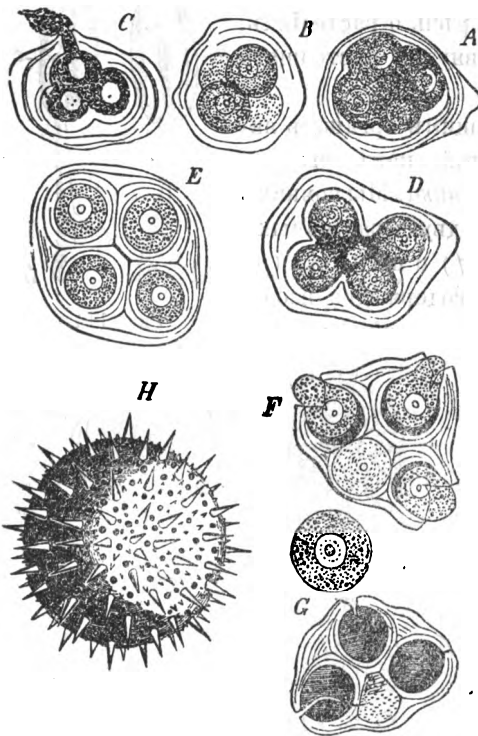

Рис. 117.

первоначальная клѣточка сразу распадается на четыре, подвергаясь, такъ сказать, четвертованію (рис. 117). Въ послѣднемъ случаѣ предварительно образуется въ клѣточкѣ четыре ядра, но не сразу, а чрезъ повторенное дѣленіе первоначальнаго ядра на двое, и только когда эти четыре ядра готовы и размѣстились надлежащимъ образомъ, отъ стѣнки клѣточки врастаютъ внутрь словно клинья (рис. 117 D), разрёзающіе ее мало-помалу на четыре части съ однимъ ядромъ въ каждой. Тѣмъ ли, другимъ ли способомъ, въ результатѣ получаются, слѣдовательно, — временно, конеч-

но, — клѣточки, связанныя другъ съ другомъ по четыре, такъ называемыя, тетрады или четверки. Обыкновенно содержимое въ каждой камерѣ облекается вскорѣ собственной тоненькою оболочкою, послѣ чего какъ общая оболочка всей четверки, такъ и перегородки, раздѣлявшія ее на камеры, растворяются, и молодые пылинки становятся свободными. Такимъ образомъ у огромнаго большинства сѣмянныхъ растений каждая пылинка составлена изъ одной клѣточки, но развивались онѣ группами по четыре сообща. Этотъ способъ развитія удивительно напоминаетъ способъ обра-

зованія споръ у большинства высшихъ споровыхъ растений; тамъ замѣчаются совершенно такія же четверки (рис. 108). Есть, впрочемъ, сѣмянные растения, у которыхъ готовая пыльца устроена сложнѣе въ томъ отношеніи, что пылинка состоитъ не изъ одной, а изъ нѣсколькихъ клѣточекъ. Тогда число послѣднихъ оказывается либо 4, либо 8, 16, 32 и т. д., потому что въ составъ пылинки входитъ одна или нѣсколько четверокъ, остающихся склеенными между собою. Случается даже, какъ, на примѣръ, у нѣкоторыхъ орхидей, что вся пыльца въ гнѣздѣ пыльника образуетъ одну связную массу, т. е. всѣ четверки остаются склеенными. Такія массы называютъ поллинаріями. Рис. 119 изображаетъ одинъ такой поллиарій, извлеченный изъ тычинки орхиднаго. Такъ какъ въ пыльникѣ тычинки обыкновенно

Рис. 118.

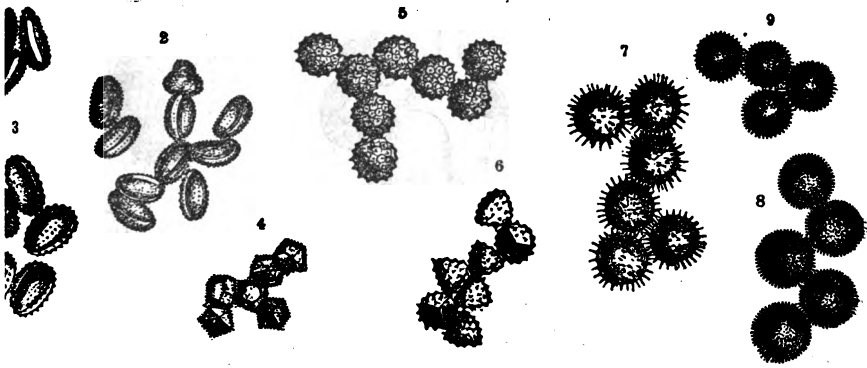

Рис. 119.

новенно бываетъ два гнѣзда, то каждая тычинка даетъ два поллиарія. Эта крупная, ясно замѣтная простымъ глазомъ масса, такъ и не рассыплется на отдѣльныя пылинки, а будетъ перенесена цѣликомъ на рыльце. Но вообще растения со сложною пылью составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Молодыя пылинки, разъединившись изъ четверокъ, увеличиваются въ объемъ и измѣняютъ строеніе своей оболочки. Мы рассмотримъ теперь строеніе пыльцы въ окончательномъ ея видѣ. Какъ уже сказано, почти всегда пылинка образуется одною клѣточкою. Величина пылинковъ у разныхъ растений чрезвычайно различна. Есть растения съ особенно мелкою пылью, есть другія, у которыхъ отдѣльная пылинка настолько крупна, что ясно различима простымъ глазомъ. Столь же разнообразна и форма: пылинки могутъ быть шаровидныя, эллипсоидальныя, тетраэдрическія и т. д., и все это признаки весьма постоянные для каж-

даго извѣстнаго растенія; у незабудки, напримѣръ, пыльца всегда необычайно мелкая, у тыквы, напротивъ, особенно крупная и т. д. Рисунки 119 и 120 наглядно показываютъ, какъ различно выглядятъ подъ микроскопомъ пылинки разныхъ растеній. На рис. 119 всѣ пылинки срисованы при одномъ и томъ же увеличеніи (въ 200 разъ) и сразу бросается въ глаза, какъ, напримѣръ, мелки пылинки одуванчика (фиг. 4) сравнительно съ пылинками мальвы (фиг. 8). Но впечатлѣніе еще усиливается при сопоставленіи рис. 119 съ рис. 120, гдѣ мы видимъ еще болѣе крупную пыльцу, несмотря на то, что увеличеніе здѣсь вдвое слабѣе; пылинки конопли (фиг. 7) кажутся карликами передъ гигантскими пылинками тыквы (фиг. 3). Въ связи съ этими различіями въ размѣрахъ пылинокъ стоитъ и различное число ихъ въ пыльникѣ; очень крупныя пылинки находятся въ числѣ всего нѣсколькихъ десят-

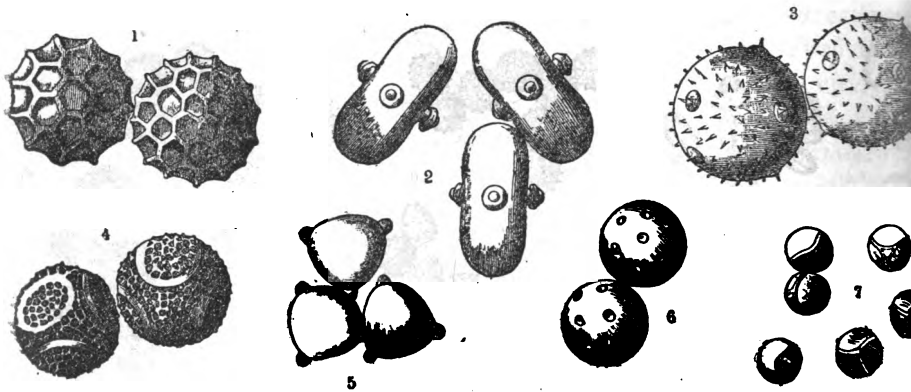

Рис. 120.

ковъ, тогда какъ мелкія насчитываются тысячами и даже десятками тысячъ. Особенное разнообразіе пыльцѣ придаетъ строение ея оболочки. Нужно вспомнить, что пылинка попадаетъ на рыльце и, оставаясь сама лежать тамъ, выпускаетъ изъ себя особую трубочку, называемую пыльцевою трубкою; послѣдняя, собственно, и производитъ оплодотвореніе, проникая въ яичко. Сообразно съ этимъ уже заранѣе оболочка пылинки принимаетъ особенное строеніе. Обыкновенно она составлена какъ бы изъ двухъ шкурокъ: внутренняя нѣжная, а наружная болѣе прочная; трубочка образуется чрезъ дальнѣйшее разрастаніе внутренней оболочки, при чемъ ей обыкновенно даже не приходится прорывать наружную, такъ какъ въ послѣдней имѣются заранѣе намѣченныя мѣста для пропуска будущей трубочки; это обыкновенно круглыя отверстія, сквозь которыя выглядываетъ, часто высовываясь въ видѣ бородавочки, внутренняя оболочка. Число такихъ мѣстъ въ пылинкѣ у раз-

ныхъ растеній неодинаково: на рис. 120 въ 2 и 5 и на рис. 121, напримѣръ, мы видимъ ихъ три и это очень обыкновенный случай, но бываетъ и гораздо больше, какъ, напримѣръ, на фиг. 6 того же рисунка, а нерѣдко и одно. Даже въ томъ случаѣ, если мѣсть, предназначенныхъ для выхода пыльцевой трубочки, имѣется въ пылинкѣ нѣсколько, въ дѣйствительности выходитъ, за весьма рѣдкими исключеніями, всего одна трубочка. Которая изъ бородавочекъ разрастется въ трубку—будетъ зависѣть отъ того, какъ пылинка ляжетъ на рыльце. Впрочемъ, пыльцевыя трубочки можно получить и безъ всякаго рыльца, напримѣръ, посѣявъ зрѣлую пыльцу на сочную поверхность арбузной корки или, еще проще, въ каплю сахарнаго сиропа, иногда даже просто въ воду, хотя въ большинствѣ случаевъ чистая вода такъ быстро поглощается пылинкою, что послѣдняя, вмѣсто вытягиванія въ трубочку, мгновенно лопается. Ко всему сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что очень часто поверхность пылинки бываетъ покрыта различнаго рода неровностями, шипами, бородавочками, гребешками и т. п., которыя въ своей совокупности образуютъ часто весьма оригинальные и красивые узоры, какъ это видно на рисункахъ 119 и 120. Эти узоры не лишены извѣстнаго значенія. Благодаря шипамъ и пр., пылинки легче пристають къ тѣлу насекомыхъ, играющихъ такую выдающуюся роль при переносѣ пыли на рыльце. Сопоставляя все сказанное, неудивительно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ по одной пылинкѣ можно узнать подъ микроскопомъ, какому растенію она принадлежитъ.

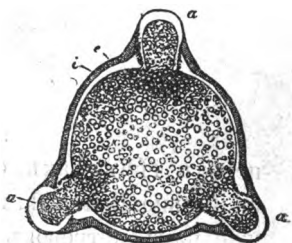

Рис. 121.

Но, какъ ни привлекательна бываетъ внѣшность пылинки, главный интересъ скрывается внутри ея, такъ какъ произвести оплодотвореніе можетъ, конечно, только содержимое пыльцы, а никакъ не оболочка. Мы видѣли, что микроспоры высшихъ споровыхъ растеній въ качествѣ оплодотворяющихъ элементовъ выпускаютъ изъ себя живчиковъ. Въ пылинкахъ сѣмянныхъ растеній, сколько ни искали, не могли замѣтить настоящихъ, подвижныхъ живчиковъ, но въ послѣднее время удалось найти нѣчто имъ равнозначащее, соотвѣтствующее, хотя, на первый взглядъ, и непохожее на нихъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Разъ пылинка представляетъ клѣточку, то внутри ея, естественно, должно находиться клѣточное ядро. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, однако, было замѣчено, что зрѣлая пылинка содер-

жить даже не одно, а два ядра, притомъ часто отличныхъ другъ отъ друга по формѣ (рис. 122 D). Долгое время этимъ ядрамъ внутри пылинки не придавали особеннаго значенія; сначала просто не замѣчали ихъ, а потомъ ошибочно утверждали, что они, хотя и существуютъ временно, и даже вступаютъ въ пыльцевую трубочку, но, въ концѣ концовъ, растворяются. Теперь, однако, несомнѣнно выяснилось, что въ нихъ-то и заключается главный интересъ дѣла и что оплодотвореніе отнюдь не вызывается простымъ прикосновеніемъ пыльцевой трубочки къ зачатку, съ которымъ мы далѣе познакомимся. Вотъ что происходитъ въ пылинкѣ

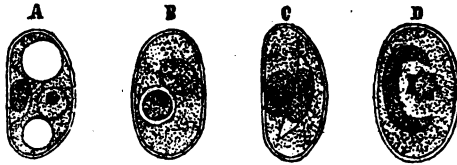

Рис. 122.

передъ тѣмъ какъ она высыпается изъ пыльника и переносится на рыльце. Вначалѣ, тотчасъ послѣ своего обособленія изъ знакомыхъ уже намъ четверокъ, она дѣйствительно заключаетъ лишь одно клеточное ядро. Мы видимъ, его, напримѣръ, на лѣвой фигурѣ рисунка 123, изображающаго пылинки лиліи, растенія, у котораго процессъ оплодотворенія изученъ особенно тщательно (французскимъ ботаникомъ *Гиньяромъ*). На любопытныхъ подробностяхъ строенія ядра, хорошо переданныхъ на рисункѣ, на оригинальныхъ змѣйкахъ, наполняющихъ его внутренность, мы теперь останавливаться не станемъ. Это ядро вскорѣ дѣлится на два и на средней фигурѣ того же рисунка 123 мы видимъ его въ этомъ переходномъ состояннн, но опять-таки не станемъ пока вдаваться въ разборъ сложной фигуры дѣлящагося ядра. Вслѣдъ за образованіемъ двухъ ядеръ вокругъ одного изъ нихъ скопляется небольшая часть протоплазмы и отграничивается отъ прочей ея массы. Можно сказать, что теперь пылинка разбилась внутри на двѣ очень неравномѣрныя клеточки, каждая съ своимъ ядромъ, хотя настоящей перегородки при этомъ не получается. Маленькая клеточка вначалѣ обыкновенно прилегаетъ къ оболочкѣ пылинки, что мы видимъ, напримѣръ, на рис. 122 А въ пылинкѣ традесканціи, но вскорѣ она отклеивается отъ стѣнки и помѣщается свободно въ полости, принимая чаще всего веретенообразную (рис. 122 С) или даже серповидную форму. Въ итогѣ, внутри совершенно зрѣлой пылинки оказывается два тѣльца различнаго

вида (рис. 122 D): одно изъ нихъ (въ данномъ случаѣ звѣздообразное) есть ядро большой кѣточки, другое же (серповидное)—не ядро, а цѣлая маленькая кѣточка, большую часть которой составляетъ ея ядро, что особенно ясно передано въ правой фигурѣ рис. 123 для пылинки лиліи. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что только эта маленькая, голая (т. е. не покрытая оболочкой) кѣточка имѣетъ, дѣйствительно, половой характеръ, представляя истинный оплодотворяющій элементъ; самая же пылинка является лишь вмѣстилищемъ его, подобно тому, какъ микроспора у высшихъ споровыхъ растений служитъ вмѣстилищемъ для живчиковъ. Вслѣдствіе того эту кѣточку называютъ *генеративною*, а большую, составляющую самую пылинку,—*вегетативною*. Иногда уже въ самой пылинкѣ, а чаще во время путе-

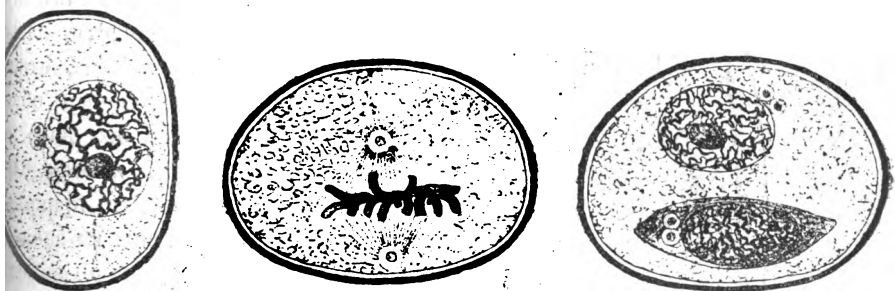

Рис. 123.

шествія по пыльцевой трубкѣ, генеративная кѣточка распадается на двѣ, повидимому, вполне равноправныя, тоже голыя кѣточки (рис. 127 A, g₂). Такъ вотъ они, истинные оплодотворяющіе элементы высшихъ растений, замѣняющіе собою живчиковъ и вполне имъ соответствующіе! И здѣсь также это не просто кѣточные ядра, а цѣлыя голыя кѣточки. Не нужно удивляться тому, что оплодотворяющіе элементы у высшихъ растений утратили свойственную имъ когда ихъ предкамъ подвижность. Это обстоятельство находится въ очевидной связи съ измѣненнымъ способомъ доставки оплодотворяющихъ элементовъ. Микроспора просто лопається и, безъ церемоніи, выбрасываетъ сформированныхъ ею живчиковъ, предоставляя послѣднимъ самимъ отыскивать себѣ дорогу къ яйцу, подлежащему оплодотворенію. Напротивъ, пылинка, съ помощью развиваемой ею пыльцевой трубочки, бережно проводитъ содержащіяся въ ней оплодотворяющіе элементы до самаго мѣста ихъ назначенія и выпускаетъ ихъ только въ рѣшительный моментъ, когда они уже не могутъ стинуть безъ пользы. Легко видѣть, что этотъ послѣдній способъ отличается большимъ совершенствомъ, лучше

обеспечиваетъ успѣхъ оплодотворенія, а потому неудивительно, что онъ получилъ въ растительномъ царствѣ такой рѣшительный перевѣсъ надъ типомъ споровыхъ.

Посмотримъ теперь, что такое *яичко*, внутри котораго собственно и разыгрывается процессъ оплодотворенія. Простому глазу яичко, извлеченное изъ завязи, гдѣ оно можетъ находиться, смотря по растенію, въ единственномъ или множественномъ числѣ, пред-

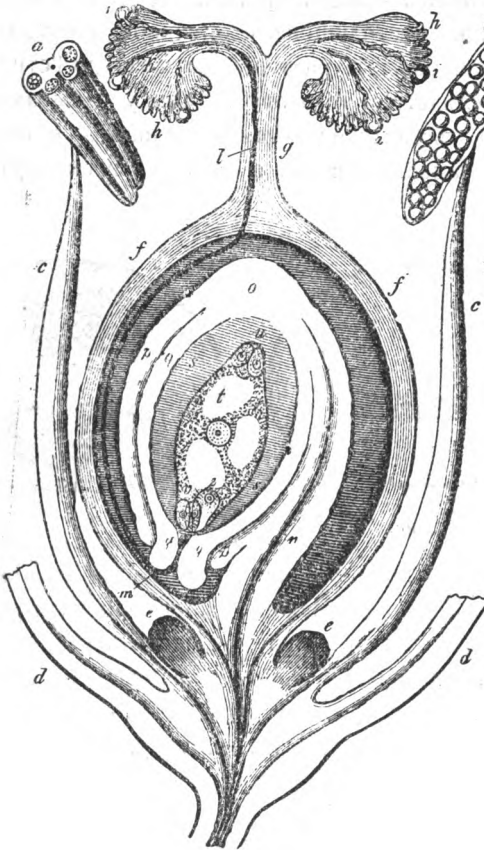

Рис. 124.

идеть рѣчь. Онъ изображаетъ, нарочно схематически, особенно простой случай строенія завязи, когда внутри ея содержится всего одно яичко, прикрѣпленное ножкою къ дну завязи. На рисункѣ представлены вообще половые органы цвѣтка, а именно двѣ тычинки и весь пестикъ въ продольномъ разрѣзѣ. На одной тычинкѣ с мы видимъ пыльникъ *a*, разрѣзанный поперекъ, пыльникъ еще не раскрывшійся, почему въ немъ видны еще четыре гнѣзда; на другой тычинкѣ пыльникъ *b* изображенъ рас-

ставляетъ бѣлоку, однородною крупинкою, но микроскопъ обнаруживаетъ въ ней весьма сложное строеніе. Вообще говоря, мы различаемъ въ яичкѣ внутреннюю часть, называемую *ядромъ*, одинъ или два *покрова*, облекающихъ это ядро, и, наконецъ, *ножку*, служащую для прикрѣпленія яичка къ завязи. Ядро яичка не имѣетъ ничего общаго съ знакомымъ уже намъ клеточнымъ ядромъ; это, сравнительно, массивное тѣло, составленное изъ многихъ клеточекъ и внутри каждой клеточки, разумѣется, находится свое клеточное ядро. Рис. 124 пояснитъ намъ строеніе яичка, о которомъ

крившимся, какъ обыкновенно, продольною щелью, и въ немъ очень грубо видѣются пылинки. Въ пестикѣ, занимающемъ средину, мы различаемъ рыльце *h*, столбикъ *g* и завязь *f*. Яичко занимаетъ почти всю полость завязи, *n*—его ножка, *p* и *q*—два покрова, а вся внутренность *ss*—то, что мы назвали выше ядромъ яичка. Въ этой части обрисовывается большой мѣшокъ или полость *t*, настолько значительная, что она бросилась въ глаза первымъ же изслѣдователямъ, которые примѣнили микроскопъ къ изученію растенія: на прозрачномъ яичкѣ ее можно иногда разглядѣть даже въ луну. Эта полость, называемая *зародышнымъ мѣшкомъ*, есть самая интересная часть всего яичка, такъ какъ въ ней содержится подлежащій оплодотворенію элементъ, и въ нее же долженъ проникнуть элементъ, производящій оплодотвореніе. Но, прежде чѣмъ говорить подробнѣе о *зародышномъ мѣшкѣ*, мы остановимся еще нѣсколько на покровахъ яичка. Въ данномъ случаѣ мы видимъ ихъ два, но у многихъ растеній яичко довольствуется однимъ, а есть нѣкоторыя, но весьма немногія растенія, которыя даже вовсе не имѣютъ покрова, такъ что яичко составлено изъ голаго ядра. Какъ видно на рисункѣ, покровы облекаютъ ядро не сплошь (нужно помнить, что рис. 124 изображаетъ яичко въ разрѣзѣ); въ одномъ очень узенькомъ мѣстечкѣ *m* ядро остается обнаженнымъ, такъ какъ въ покровахъ оказывается здѣсь небольшой каналъ, ведущій на незначительную, впрочемъ, глубину, внутрь яичка. Этимъ *сѣмявходомъ*, какъ его называютъ, почти всегда пользуется при оплодотвореніи выпущенная пылинкою трубочка, чтобы проникнуть къ *зародышному мѣшку*. Происхожденіе такого канала объясняется изъ исторіи развитія яичка. Яичко возникаетъ въ видѣ бугорка—это будущее ядро; скоро при основаніи такого бугорка показывается какъ бы складка или валикъ въ формѣ колечка—зачатокъ покрова; при дальнѣйшемъ разрастаніи молодаго яичка валикъ, показавшійся позже, растетъ быстрѣе ядра, обгоняетъ его, такъ сказать, и закрываетъ собою все большую его часть, а затѣмъ и все ядро, но вполнѣ не смыкается при вершинѣ, оставляя здѣсь упомянутый каналъ. Если покрововъ два, то вскорѣ за первымъ валикомъ показывается второй, колечкомъ обхватывающій основаніе перваго и постепенно его обрастающій, тоже не смыкаясь при вершинѣ. Такимъ образомъ изъ двухъ покрововъ яичка внутренній возникаетъ всегда раньше вѣшняго. То положеніе частей яичка, которое изображено на рисункѣ, особенно распространено, но не единственное вообще встрѣчающееся; здѣсь яичко обращено *сѣмявходомъ* внизъ, ко дну завязи, въ другихъ же случаяхъ *сѣмявходъ*, напротивъ, занимаетъ верхушку самаго яичка (*o*).

Обратимся теперь къ зародышному мѣшку, посмотримъ—что это такое и какъ онъ получается. Первоначально все ядро яичка составлено изъ одинаковыхъ нѣжныхъ клѣточекъ, но уже очень рано одна изъ внутреннихъ клѣточекъ начинаетъ усиленно разрастаться. Однако она не превращается прямо въ зародышный мѣшокъ, какъ долгое время думали. Достигнувъ известной вели-

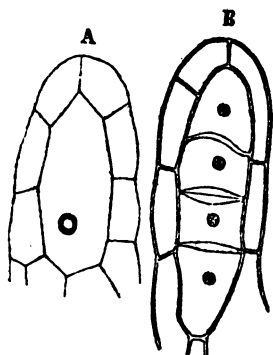

Рис. 125.

чины, она дѣлится поперечными перегородками на нѣсколько, все же сравнительно крупныхъ клѣточекъ. На рис. 125-мъ изображено ядро яичка (покровъ не нарисованъ) въ *A* до, въ *B* послѣ упомянутого дѣленія, которое превратило здѣсь прежнюю одну клѣточку въ четыре. Хотя это дѣленіе происходитъ у всѣхъ растений (мѣняется только число перегородокъ), смыслъ его совершенно теменъ, потому что вслѣдъ затѣмъ изъ всѣхъ этихъ клѣточекъ только одна, обыкновенно нижняя (считая за верхушку конецъ, обращенный къ сѣмявходу), начинаетъ усиленно расти, вытясняя прочія, и окончательно превращается въ зародышный мѣшокъ. И такъ, большая полость во внутренности яичка, называемая зародышнымъ мѣшкомъ, есть ничто иное, какъ очень большая клѣточка, но зачѣмъ она получается съ описанными церемоніями, а не прямо разрастаніемъ одной изъ начальныхъ клѣточекъ—это, повторяю, совершенно непонятно. Зародышный мѣшокъ иногда уже до оплодотворенія разрастается такъ сильно, что вытясняетъ всѣ прочія клѣточки ядра и, слѣдовательно, лежитъ прямо подъ покровами, составляя одинъ всю внутренность яичка. Еще до оплодотворенія въ зародышномъ мѣшкѣ происходятъ интересныя, подготовительныя процессы. Будучи клѣточкою, онъ, разумѣется, заключаетъ внутри клѣточное ядро. Это ядро дѣлится на два и оба ядра отходятъ къ противоположнымъ концамъ обыкновенно продолговатаго зародышнаго мѣшка; затѣмъ каждое распадается повтореннымъ дѣленіемъ на четыре ядра. Въ это время мы находимъ, слѣдовательно, внутри зародышнаго мѣшка четыре клѣточныхъ ядра близъ одного конца и столькоже близъ другаго. Скоро вокругъ трехъ изъ ядеръ каждой группы обособляется содержимое такъ, что получаются три нѣжныя, лишенныя оболочекъ клѣточки, прочія же два ядра, оставшіяся ни при чемъ, направляются, съ горя, другъ къ другу и сливаются въ одно; это сліяніе ядеръ хорошо замѣтно на трехъ послѣдовательныхъ фигу-

рахъ рисунка 126, изображающаго зародышный мѣшокъ одного изъ нашихъ паразитныхъ растений (*Monotropa*), яички котораго особенно удобны для изслѣдованія. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ мы находимъ передъ оплодотвореніемъ въ готовомъ яичкѣ внутри зародышнаго мѣшка, какъ показываетъ рис. 124, три клѣточки на одномъ концѣ, три на другомъ, а посрединѣ лежитъ клѣточное ядро. Въ такомъ видѣ зародышный мѣшокъ ожидаетъ оплодотворенія и безъ него дальше не тронется. Нужно сознаться, что смыслъ описанныхъ процессовъ отъ насъ пока совершенно ускользаетъ. Изъ шести клѣточекъ, заключенныхъ въ мѣшкѣ, мы понимаемъ значеніе только одной; въ сущности, она одна была нужна. Вся группа, занимающая конецъ, удаленный отъ сѣмявхода (*и* на рис. 124 и нижнія мелкія клѣточки рис. 126), не принимаетъ никакого участія въ оплодотвореніи и непонятно, зачѣмъ растеніе трудилось образовать эти три клѣточки. Вся драма разыграется въ томъ концѣ зародышнаго мѣшка, который обращенъ къ сѣмявходу. Но и здѣсь оплодотворенію подвергается только одна изъ трехъ клѣточекъ *z*; она вполнѣ заслуживаетъ названія *яйца*, такъ какъ вполнѣ соответствуетъ яйцу архегонія, напримѣръ. Что же касается другихъ двухъ клѣточекъ *v*, то мы называемъ ихъ вспомогательными, но въ чемъ выражается оказываемая ими, будто бы, помощь—рѣшительно не знаемъ. Эту же интересную группу изъ трехъ клѣточекъ мы видимъ на рис. 126. Двѣ клѣточки, расположенныя бокъ-о-бокъ въ верхней части фигуры 1 и 2, суть вспомогательныя клѣточки, примыкающая же къ нимъ снизу—яйцо. При извѣстномъ положеніи, переданномъ на фиг. 3, замѣтна лишь одна изъ вспомогательныхъ клѣточекъ, такъ какъ другая прикрыта ею. Этимъ отчасти объясняется, почему долгое время думали, что въ верхушкѣ зародышнаго мѣшка существуютъ вообще двѣ клѣточки; ихъ называли тогда зародышными пузырьками и считали равноправными въ томъ смыслѣ, что оплодотворенію можетъ подвергнуться любая изъ нихъ, но всегда которая-нибудь одна. Выходило, значить, что у высшихъ растений образуется рядомъ два яйца и одно изъ нихъ всегда гибнетъ безслѣдно. Между тѣмъ у споровыхъ растений мы видимъ въ этомъ отношеніи строгую экономію; растеніе не скупится только на оплодотворяющіе элементы, чтобы вѣрнѣе обезпечить оплодотвореніе сравнительно малочисленныхъ яицъ. Только въ 1878 году замѣчательныя изслѣдованія *Стрисбургера* выяснили существованіе не двухъ, а трехъ клѣточекъ и между ними одного только яйца. Едва ли нужно обращать вниманіе читателя на то, что термины «яйцо» и «яичко» отнюдь не синонимы. Яйцомъ вездѣ называется

*

клеточка, обыкновенно голая, подлежащая оплодотворенію, яичко же—сложный органъ, свойственный только сѣмяннымъ растеніямъ и составленный изъ очень большого числа клетокъ. Вслѣдствіе этой, надо сознаться, довольно неудачной терминологіи, не яичко заключено въ яйцѣ, а, наоборотъ, въ сравнительно крупномъ, ясно различаемомъ простымъ глазомъ «яичкѣ» содержится крошечное, съ трудомъ замѣтное лишь подъ микроскопомъ «яйцо». Послѣ оплодотворенія яйцо произведетъ молодое растеньце—зародышъ, а яичко превратится въ сѣмя, содержащее внутри этотъ зародышъ. Обыкновенно каждое яичко заключаетъ въ себѣ только одно яйцо, но есть и исключенія, такъ какъ у нѣкоторыхъ растеній въ яичкѣ образуется постоянно нѣсколько зародышныхъ мѣшковъ.

Теперь мы можемъ перейти къ самому *оплодотворенію*. Мы уже знаемъ, что пыльца, развившаяся въ тычинкахъ, должна пасть на рыльце пестика. Какъ это происходитъ, какъ совершается такъ-называемое *опыленіе*, этого мы теперь разбирать не станемъ. Обыкновенно на рыльце переносится сразу большое число пылинкъ. Каждая изъ нихъ, подъ вліяніемъ высачиваемой зрѣлымъ рыльцемъ липкой жидкости, выпускаетъ изъ себя пыльцевую трубочку, какъ это изображено, напримѣръ, на рис. 124, гдѣ *i*—пылинка, попавшія на рыльце *h*. Цѣлый пучекъ пыльцевыхъ трубочекъ врастаетъ въ самую ткань рыльца, направляясь сквозь столбикъ во внутренность завязи. Въ столбикѣ либо находится узенькій долевоу каналъ, ведущій въ завязь, либо клетки въ осевой части сплошнаго, повидимому, столбика, такъ слабо связаны между собою, что трубочки легко раздвигаютъ ихъ на своемъ пути въ завязь. Дальнѣйшій ихъ путь зараиѣ намѣченъ въ самомъ устройствѣ завязи, по внутренней стѣнкѣ которой тянутся полоски сочной ткани, расположенныя такимъ образомъ, что, слѣдуя имъ, пыльцевыя трубочки достигнутъ яичекъ. Что заставляетъ пыльцевую трубочку врастать затѣмъ въ сѣмяводъ яичка—пока еще не выяснено; возможно и здѣсь существованіе особой приманки, какъ мы это видѣли въ архегоніяхъ споровыхъ растеній. На рис. 124 можно прослѣдить пыльцевую трубочку *l* на всемъ пути ея слѣдованія отъ пылинки *k*, оставшейся на поверхности рыльца, до сѣмявода яичка *m*. Длина этого пути у разныхъ растеній, разумѣется, весьма различна, смотря по длинѣ, напримѣръ, столбика. По мѣрѣ роста пыльцевой трубочки, въ нее переливается содержимое пылинки; мало-по-малу совершенно опоражнивается не только самая пылинка, но и ближе къ ней лежащая часть трубочки, и этотъ пустой кусокъ можетъ даже отторгнуться

отъ живой сочной части трубочки особою пробочкою, хотя находящихся перегородокъ внутри пыльцевой трубки не образуется и она на всемъ протяженіи представляется одною клеточкою.

Какъ уже сказано, пыльцевая трубочка почти всегда забирается во внутрь яичка чрезъ каналъ, называемый сѣмявходомъ. Однако, правило это не безъ исключеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *Трейбъ* на островѣ *Явѣ* изслѣдовалъ подробно эмбриологію казуаринъ, оригинальныхъ деревьевъ тропическихъ странъ, по слабому развитію своихъ листьевъ напоминающихъ хвоци и приносящихъ шишки на манеръхвойныхъ. Ока-

залось, что, помимо цѣлаго ряда другихъ странныхъ особенностей въ процессѣ ихъ оплодотворенія, пыльцевая трубка у казуаринъ никогда не пользуется существующимъ и здѣсь сѣмявходомъ, а проникаетъ въ яичко съ противоположнаго конца (о въ рис. 124), издавна получившаго названіе *халазы*. Это обстоятельство побудило *Трейба* выдѣлить казуарины въ особый классъ подъ названіемъ *халазогамныхъ* ра-

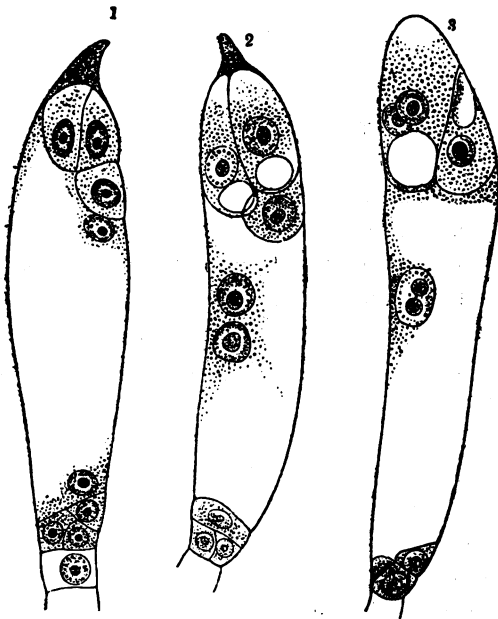

Рис. 126.

стеній, противопоставивъ ихъ всѣмъ прочимъ скрытосѣмяннымъ, которыхъ онъ предложилъ называть *порогамными*, такъ какъ у нихъ пыльцевая трубка проникаетъ въ яичко чрезъ пору—сѣмявходъ. Это открытіе *Трейба* надѣлало много шума. Однако, въ самое послѣднее время любопытныя изслѣдованія *Навашина* (нынѣ профессора кievскаго университета) показали, что халазогамія свойственна не однѣмъ казуаринамъ, а встрѣчается и у растений нашихъ странъ, на примѣръ, у березы, ольхи, лецины, вяза. Вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшія, еще не законченныя изслѣдованія того же русскаго ученаго порождаютъ сильныя сомнѣнія въ правильности толкованій *Трейба* и обѣщаютъ много интересныхъ разоблаченій въ будущемъ.

Проникнувъ въ сѣмявходъ, пыльцевая трубочка иногда непосредственно встрѣчаетъ зародышный мѣшокъ, а именно тотъ конецъ его, въ которомъ заключены яйцо и двѣ вспомогательныя клѣточки. Хотя зародышный мѣшокъ, какъ мы видѣли, возникаетъ всегда на нѣкоторой глубинѣ, но при разрастаніи своемъ онъ часто вытясняетъ клѣточки, отдѣляющія его вначалѣ отъ сѣмявхода; есть даже растенія, у которыхъ верхушка его высовывается чрезъ сѣмявходъ открыто въ полость завязи, какъ бы навстрѣчу оплодотворяющей трубочкѣ. Если же такого разрастанія не происходитъ, пыльцевая трубочка, пройдя сѣмявходъ, пробирается затѣмъ по ткани ядра, раздвигая клѣточки, лежащія на пути, и все-таки достигаетъ верхушки зародышнаго мѣшка, обыкновенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ вспомогательныя клѣточки. Даже тамъ, гдѣ пыльцевая трубка проникаетъ въ яичко не чрезъ сѣмявходъ, а снизу, чрезъ халазу (см. выше), она обыкновенно, обогнувъ зародышный мѣшокъ по всей его длинѣ, достигаетъ все-таки той его части, гдѣ лежитъ знакомая уже намъ тройка половыхъ клѣточекъ. Оболочка зародышнаго мѣшка здѣсь къ этому времени чрезвычайно размягчена; случается даже, что ея вовсе нѣтъ, т. е. она совершенно расплылась, такъ что голыя, нѣжныя вспомогательныя клѣточки просунуты словно сквозь отверстіе мѣшка. Быть можетъ, назначеніе вспомогательныхъ клѣточекъ заключается именно въ томъ, чтобы открыть пыльцевой трубочкѣ свободный доступъ къ яйцу. Какъ бы то ни было, во время оплодотворенія конецъ пыльцевой трубочки крѣпко прирастаетъ къ верхушкѣ зародышнаго мѣшка. Теперь-то наступаетъ рѣшительный моментъ. Мы видѣли выше, что клѣточное ядро и генеративная клѣточка, заключенныя въ пылинкѣ, остаются въ сохранности и переходятъ въ пыльцевую трубочку. Мало того, генеративная клѣточка, какъ уже было сказано, во время путешествія, дѣлится на двѣ. На рис. 127 А мы видимъ молодой растущій конецъ пыльцевой трубки, вмѣщающій въ себѣ оригинальную тройку. Впереди обыкновенно шествуетъ клѣточное ядро пылинки (*vk*) или, вѣрнѣе, ядро той крупной вегетативной клѣточки, которая вытянулась въ пыльцевую трубку. Этому ядру, однако, не суждено быть даже свидѣтелемъ процесса оплодотворенія его: по всѣмъ имѣющимся показаніямъ, оно постепенно растворяется и исчезаетъ безслѣдно прежде чѣмъ конецъ пыльцевой трубки успѣетъ достигнуть мѣста назначенія. Слѣдомъ за этимъ ядромъ тянутся одна за другою обѣ генеративныя клѣточки (*gz* въ рис. 127 А). Зачѣмъ ихъ образуется двѣ, это не совсѣмъ понятно. Про запасъ, что ли? Не та, такъ другая! Какъ бы то ни было, оплодотвореніе производить

лишь одна, безъ сомнѣнія, передняя, которая ближе къ цѣли. Когда конецъ пыльцевой трубки плотно приложился къ разрыхленной оболочкѣ зародышнаго мѣшка, генеративная клѣточка выдавливается изъ трубки въ яйцо и ядро ея сливается съ ядромъ яйца. Этотъ процессъ изображенъ, нѣсколько схематично, на фигурахъ *B*, *C* и *D* рисунка 127, представляющихъ яйцо въ разныхъ фазахъ оплодотворенія. Въ *B* оплодотворяющій элементъ (*sk*) еще заключенъ въ концѣ пыльцевой трубки, въ *C* онъ уже въ яйцѣ и подошелъ къ клѣточному ядру яйца (*ek*); наконецъ, въ *D* оба ядра

слились въ одно (*kk*). Разумѣется, наблюдать непосредственно подь микроскопомъ сліяніе мужскаго и женскаго элементовъ у высшихъ растений несмыслимо. Здѣсь нельзя, какъ у водорослей, напр., слѣдить воочию за ходомъ процесса, а можно только ловить моменты. Мы умерщвляемъ, почти на удачу, массу яичекъ, кладя ихъ, напримеръ, въ спиртъ, дѣлаемъ массу разрывовъ и затѣмъ, сравнивая получающіяся картины, стараемся выяснитъ послѣдовательность совершающихся измѣненій. А такая группировка—вещь щекотливая, потому что природа на нашихъ препаратахъ номеровъ не ставитъ, предоставляя намъ самимъ догадываться, который изображаетъ болѣе раннюю и который—слѣдующую затѣмъ стадію процесса. И тѣмъ не менѣе, бла-

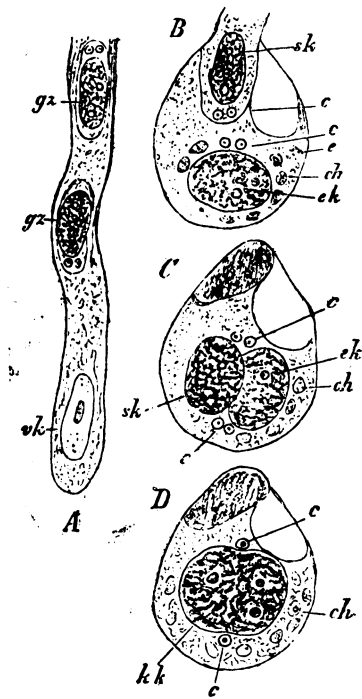

Рис. 127.

годаря сравнительной крупности ядеръ, нигдѣ процессъ оплодотворенія не изученъ съ такою подробностью, съ формальной, по крайней мѣрѣ, стороны, какъ именно у высшихъ, скрытосѣмянныхъ растений; классическимъ, можно сказать, растеніемъ въ этомъ отношеніи сдѣлалась, послѣ тщательныхъ изслѣдованій *Гиньяра*,—лилія.

Чтобы понять любопытныя подробности сліянія мужскаго и женскаго элементовъ, необходимо, хотъ въ самыхъ общихъ чертахъ, познакомиться съ процессомъ дѣленія клѣточныхъ ядеръ. Уже въ самомъ началѣ настоящаго очерка, когда зашла рѣчь о клѣточкѣ, было замѣчено, что образованіе двухъ ядеръ изъ одного

сопровождается чрезвычайно сложными измѣненіями, протекающими притомъ совершенно одинаково какъ въ растительныхъ, такъ и въ животныхъ клѣточкахъ. Правда, иногда тотъ же результатъ достигается весьма просто: ядро, слегка вытянувшись, перешнуровывается затѣмъ бисквитообразно надвое, но это случай рѣдкій; обыкновенно же при дѣленіи ядра наблюдается сложный процессъ, получившій названіе *каріокинеза*. Основу ядра, помимо заключенныхъ въ немъ одного или нѣсколькихъ ядрышекъ (ср. рис. 13), составляетъ плотный остовъ, на подобіе сѣти или губки, густо красящійся отъ анилиновыхъ красокъ, напимѣръ, вслѣдствіе чего вещество остова назвали *хроматиномъ*. Этотъ хроматинъ передъ дѣленіемъ ядра слагается въ одну нить, змѣеобразно извивающуюся внутри ядра по разнымъ направленіямъ, что можно видѣть на обѣихъ крайнихъ фигурахъ рис. 123, а еще лучше на рис. 128 I. Вскорѣ эта нить распадается на нѣсколько кусковъ, число которыхъ въ разныхъ случаяхъ различно, но вообще отличается большимъ постоянствомъ; ихъ бываетъ то 8, то 12, то 24, а иногда и еще больше (рис. 128 II, гдѣ ихъ 12). Куски эти, нерѣдко имѣющія дугообразную форму, вродѣ буквы U, разиѣщаются затѣмъ болѣе или менѣе въ одной плоскости поперекъ дѣлящагося ядра, къ тому времени обыкновенно утратившему прежній свой рѣзкій контуръ. Въ такомъ положеніи мы видимъ ихъ на средней фигурѣ рис. 123. вмѣстѣ съ тѣмъ, по обѣ стороны этой плоскости обозначаются два пучка тончайшихъ ниточекъ, замѣтныхъ на той же фигурѣ, сходящихся къ двумъ противоположнымъ точкамъ бывшаго ядра, называемымъ полюсами. Въ общемъ получается впечатлѣніе двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями, и въ плоскости сложенія размѣщены куски хроматина. Теперь, а иногда уже и раньше, каждый изъ этихъ кусковъ расщепляется по всей своей длинѣ надвое и вслѣдъ затѣмъ эти половинки расходятся въ противоположныя стороны, какъ бы карабкаясь по тонкимъ нитямъ и пробираясь по нимъ къ полюсамъ. Это расхождение поясняется рис. 129. Отъ каждаго куска хроматина одна половинка направится къ одному, а другая къ противоположному полюсу. Достигнувъ полюса, отдѣльные куски сливаются другъ съ другомъ сначала въ одну связную змѣвидную нить, а затѣмъ въ сѣтеобразный остовъ, вокругъ котораго появляется опять рѣзкій контуръ, вродѣ оболочки, а внутри снова показываются исчезнувшія временно ядрышки. Такимъ путемъ у каждаго изъ полюсовъ бывшаго ядра получается по одному новому ядру и... каріокинезъ оконченъ. Но въ самые послѣдніе годы выяснилась еще одна любопытнѣйшая подробность: клѣточное ядро, повидимому, по-

стоянно сопровождается двумя крошечными, чрезвычайно трудно уловимыми, шариками, получившими названіе *центрозома*. Они вначалѣ плотно сближены между собою и прилегаютъ къ ядру снаружи. Въ такомъ видѣ мы замѣчаемъ ихъ на рис. 128 I въ *a*, также въ двухъ крайнихъ фигурахъ рис. 123. Центрозома была открыта сначала въ животныхъ клѣточкахъ, а потомъ уже Гиньярь показалъ, что онѣ имѣются и въ растительныхъ. Происхожденіе ихъ до сихъ поръ еще не выяснено, но онѣ возбуждаютъ чрезвычайный интересъ въ ученыхъ характернымъ участіемъ своимъ въ процессѣ каріокинеза. Когда начинается дѣленіе ядра, центрозома, до сихъ поръ сближенная, расходится, удаляются другъ отъ друга и размѣщаются на прямо противоположныхъ пунктахъ окружности ядра,

какъ изображено на рис. 128 II. Это и будутъ такъ называемые полюсы дѣлящагося ядра (средняя фигура рис. 123); отъ нихъ будутъ расходиться конусообразно знакомыя уже намъ тончайшія ниточки, по которымъ станутъ взбираться къ полюсамъ половинки кусковъ хроматина. Послѣ того, какъ у cadaго полюса сформируется по новому ядру, центрозома раздвоится и

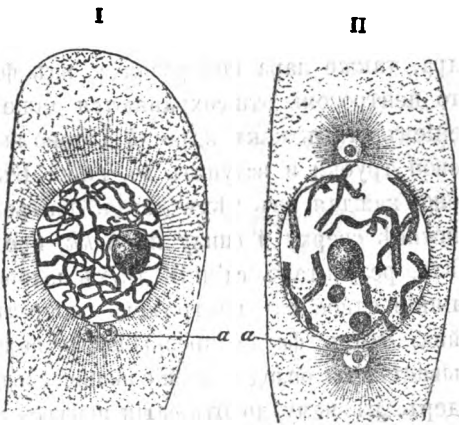

Рис. 128.

опять получится сближенная пара ихъ, какъ на рис. 128 I. Такимъ образомъ центрозома играетъ роль притягательнаго центра по отношенію къ кускамъ хроматина. Это ничтожное зернышко, съ величайшимъ трудомъ обнаруживаемое при сильнѣйшихъ увеличеніяхъ, какъ бы управляетъ дѣленіемъ ядра. Неудивительно, что ученые относятся къ нему съ такимъ уваженіемъ и интересомъ.

Все до сихъ поръ сказанное относится въ одинаковой мѣрѣ ко всякому дѣлящемуся ядру, въ какой бы клѣточкѣ оно ни встрѣчалось. Но въ ядрахъ половыхъ клѣточекъ, какъ показалъ Гиньярь, замѣчается любопытная особенность: какъ бы въ предчувствіи предстоящаго имъ взаимнаго сліянія, они уже заблаговременно уменьшаютъ вдвое число тѣхъ кусковъ, на которые распадается нить хроматина при дѣленіи ядра. Въ молодомъ, еще неготовомъ пыльникѣ лиліи, равно какъ и въ развивающемся яйчкѣ того же растенія, каждый разъ, какъ происходитъ дѣленіе ядра въ какой-

либо клѣточкѣ, въ немъ получается ровно 24 куска хроматина, но въ послѣдніе моменты приготовленія пылинокъ и окончательнаго развитія полового снаряда въ зародышномъ мѣшкѣ, вмѣсто 24, мы находимъ всего 12 кусковъ (рис. 128 II и 129). Послѣ сліянія ядра генеративной клѣточки, выскользнувшаго изъ конца пыльцевой трубочки, съ ядромъ яйца, получается ядро, которое при дѣленіи своемъ опять даетъ 24 куска, что повторяется и далѣе. Другое чрезвычайно важное обстоятельство, выяснившееся изъ изслѣдованій того же Гиньяра, заключается въ томъ, что при оплодотвореніи происходитъ не только сліяніе ядеръ, но также сліяніе соотвѣтственныхъ центрозомъ, какъ это можно видѣть на рис. 127, гдѣ центрозома обозначены буквами *cc*. Фигура *A* ясно показываетъ, что въ каждой изъ двухъ генеративныхъ клѣточекъ, содержащихся въ пыльцевой трубкѣ, находится, кромѣ ядра, также пара центрозомъ; изъ фигуры *B* можно заключить, что центрозома эти сохраняются даже передъ самымъ оплодотвореніемъ, такъ какъ ядро *sk* готово выскользнуть изъ конца пыльцевой трубки и вступить въ яйцо. Въ *D* сліяніе центрозомъ окончено; каждая изъ тѣхъ двухъ центрозомъ *c*, которыя лежатъ на рисункѣ сверху и снизу ядра *kk*, представляющаго, какъ мы видѣли, результатъ сліянія двухъ половыхъ ядеръ, получилась чрезъ сліяніе одной изъ центрозомъ генеративной клѣточки съ таковою яйца. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ ясно доказываетъ, что оплодотвореніе нельзя сводить только къ сліянію двухъ ядеръ, къ чему до открытія центрозомъ и до разъясненія строенія живчиковъ сильно склонялись весьма многіе ученые, какъ зоологи, такъ и ботаники, видѣвшіе всю суть въ хроматинѣ ядра и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относившіеся къ протоплазмѣ.

Наглядными признаками совершившагося оплодотворенія служатъ измѣненія, происходящія въ яйцѣ и вспомогательныхъ клѣточкахъ. Послѣднія становятся мутными, теряютъ прежнее рѣзкое очертаніе и постепенно расплываются безслѣдно. Напротивъ, яйцо, до тѣхъ поръ голое, облекается оболочкою и начинаетъ разрастаться. Вскорѣ оно дѣлится поперечною перегородкою на двѣ клѣточки; одна изъ нихъ обыкновенно повторяетъ тотъ же процессъ еще одинъ или нѣсколько разъ, такъ что въ результатѣ получается ниточка, состоящая изъ одного ряда клѣточекъ и однимъ концомъ прикрѣпленная къ оболочкѣ зародышнаго мѣшка. Клѣточка, лежащая на противоположномъ свободномъ концѣ этой нити, начинаетъ затѣмъ дѣлиться уже не поперекъ, а по разнымъ направленіямъ, вслѣдствіе чего на концѣ нити формируется шарикъ, постепенно разрастающійся и слагающійся все изъ боль-

шаго числа клѣточекъ, какъ видно на рис. 130. Этотъ шарикъ есть ничто иное, какъ новое растеніе или такъ называемый *зародышъ*. Что касается самой нити, то она имѣетъ лишь временное значеніе, служа для прикрѣпленія молодаго зародыша къ оболочкѣ зародышнаго мѣшка, внутри котораго формируется зародышъ; по этой нити доставляется послѣднему необходимый для его роста питательный матеріалъ; разъ зародышъ достигъ извѣстной стадіи развитія, нить дѣлается ненужною, сохнетъ, и въ зрѣломъ сѣмени мы ея обыкновенно уже не замѣчаемъ. Она соответствуетъ, можно сказать, той части зародыша у высшихъ споровыхъ, которую называютъ ножкою; та тоже служитъ для доставки развивающемуся зародышу пищи и не принимаетъ участія въ построеніи окончательнаго растенія. Степень развитія этого органа (его

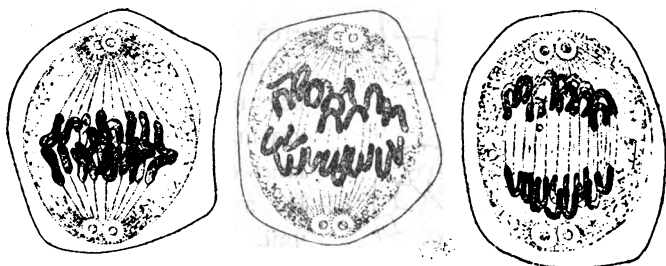

Рис. 129.

можно вообще назвать *подвѣскомъ*) у разныхъ сѣмянныхъ растеній весьма различна; иногда онъ является не въ видѣ нити, а образуетъ массивное тѣло, иногда, напротивъ, составленъ изъ одной только клѣточки; наконецъ, есть растенія, вовсе лишены его, у которыхъ оплодотворенное яйцо цѣликомъ превращается въ зародышъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что происхожденіе новаго растенія, въ сущности, одинаково какъ у сѣмянныхъ растеній, такъ и у папоротниковъ, хвощей, плауновъ и т. п.; вездѣ оно развивается изъ голыя клѣточки (яйца), оплодотворяемой въ одномъ случаѣ пыльцевою трубкою, въ другомъ—живчикомъ. Но въ самомъ ходѣ развитія обнаруживается характерная разница. У папоротника и т. п. разъ оплодотвореніе произошло, развитіе молодаго растенія идетъ себѣ непрерывно; напротивъ, у сѣмянныхъ растеній скоро происходитъ характерная остановка: едва начавшее свое развитіе молодое растенъце (зародышъ), вмѣстѣ со всѣмъ яичкомъ, сохнетъ и съжигается, теряя воду,—получается *сѣмя*, которое въ такомъ видѣ можетъ оставаться безъ измѣненія не только до слѣдующаго года, но даже нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, если сѣмя посадить,

т. е. дать ему, кромѣ воздуха, еще и воды, начинается прорастаніе, т. е., въ сущности, дальнѣйшее развитіе зародыша, само собою прервавшееся при созрѣваніи сѣмени. На какой именно стадіи развитія зародыша происходитъ такой перерывъ—это различно для разныхъ растений. Такъ, напримѣръ, на рис. 131 изображенъ разрѣзъ зрѣлаго сѣмени одного паразитнаго растенія; *f*—бывшій сѣмявходъ, чрезъ который проникла оплодотворяющая трубочка, а *e*—зародышъ. Здѣсь зародышъ, хотя и состоитъ изъ значительнаго числа клѣточекъ, но остался въ видѣ шарика (ср. рис. 130 *B*), на которомъ нельзя различить никакихъ частей будущаго растенія; корешокъ, стебелекъ, листочки—все это обозначится, развиваясь изъ шарика, только послѣ того, какъ сѣмя начнетъ проращать.

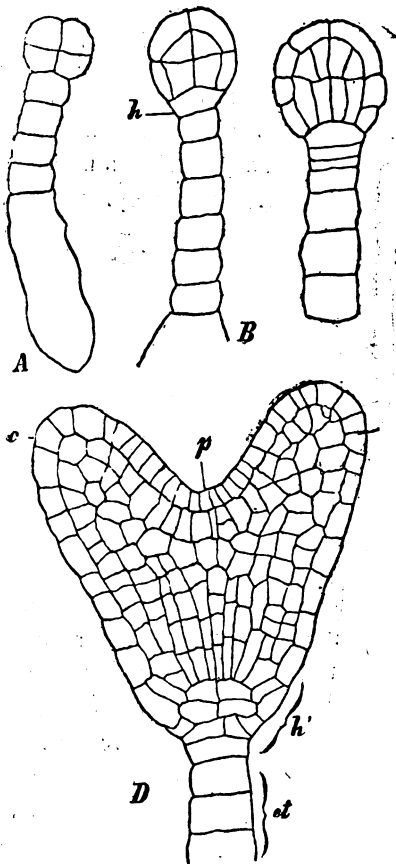

Рис. 130.

Но это исключительный случай. У большинства растений развитіе успѣваетъ зайти дальше, прежде чѣмъ сѣмя созрѣетъ. Такъ, на рис. 130-мъ мы видимъ прежній шарикъ принимающимъ въ *D* болѣе сложную форму: на немъ обозначаются корешокъ *h* и первые два листа особенной формы (такъ называемыя сѣмядоли) *cc* молодого растеньица. Корешокъ всегда обращенъ къ подвѣску (*et*)—слѣдовательно и къ сѣмявходу яичка; сѣмядоли же развиваются на свободномъ концѣ зародыша; значитъ, если яичко было обращено сѣмявходомъ вверхъ, то новое растеніе разовьется вверхъ корешкомъ. Нерѣдко развитіе идетъ еще дальше и изъ углубленія, лежащаго между сѣмядолями (*p* въ рис. 130), развивается такъ называемая почечка, т. е. бугорокъ, современемъ превращающійся въ стебель и иногда успѣвающій еще до созрѣванія сѣмени заложить одинъ или даже нѣсколько листочковъ. Таковую почечку мы видимъ, напримѣръ, въ *Kn* на рис. 132 *A*, изображающемъ про-

сѣмявходъ, чрезъ который проникла оплодотворяющая трубочка, а *e*—зародышъ. Здѣсь зародышъ, хотя и состоитъ изъ значительнаго числа клѣточекъ, но остался въ видѣ шарика (ср. рис. 130 *B*), на которомъ нельзя различить никакихъ частей будущаго растенія; корешокъ, стебелекъ, листочки—все это обозначится, развиваясь изъ шарика, только послѣ того, какъ сѣмя начнетъ проращать. Но это исключительный случай. У большинства растений развитіе успѣваетъ зайти дальше, прежде чѣмъ сѣмя созрѣетъ. Такъ, на рис. 130-мъ мы видимъ прежній шарикъ принимающимъ въ *D* болѣе сложную форму: на немъ обозначаются корешокъ *h* и первые два листа особенной формы (такъ называемыя сѣмядоли) *cc* молодого растеньица. Корешокъ всегда обращенъ къ подвѣску (*et*)—слѣдовательно и къ сѣмявходу яичка; сѣмядоли же раз-

дольный разрѣзъ зрѣлаго сѣмени бобовъ (русскихъ); *w*—корешокъ, а главную массу всего сѣмени образуютъ двѣ сѣмядоли, изъ которыхъ на рисункѣ видна одна *c*, другая же, прикрывавшая собою почечку *Ки*, удалена разрѣзомъ; все перечисленное, составляющее вмѣстѣ зародышъ, т. е. зачатокъ новаго растенія, прикрито снаружи шкуркою или кожурою. Изъ рис. 132 *B* ясно, что происходитъ при прорастаніи того же сѣмени: чрезъ трещину кожеры вытягивается корешокъ и пробивается почечка; первый даетъ подземную, вторая — надземную часть растенія. Что касается сѣмядолей, то особенная форма ихъ, непохожая на прочіе настоящіе листья того же растенія, вызвана спеціальнымъ назначеніемъ ихъ. Сѣмядоли служатъ складочнымъ мѣстомъ того запаса питательнаго матеріала, который всегда скопляется въ зрѣломъ сѣмени, съ тѣмъ, чтобы дать возможность ростку быстро развить на счетъ этого запаса корень, стебель и листья, необходимые для дальнѣйшаго самостоятельнаго питанія. Это какъ бы капиталъ, предназначенный на воспитаніе молодаго растенія, капиталъ, собранный материнскимъ организмомъ и, въ данномъ случаѣ, ввѣренный непосредственно самому ростку. Поэтому-то при прорастаніи легко видѣть, что, по мѣрѣ развитія корешка и почечки, сѣмядоли, крѣпкія, переполненные питательными веществами, постепенно истощаются, съеживаются и, наконецъ, опадаютъ. Въ данномъ случаѣ сѣмядоли остаются въ землѣ, но у нѣкоторыхъ растеній онѣ при прорастаніи выносятся наружу и тогда могутъ зеленѣть. На рис. 133 это видно, напримѣръ, на прорастающемъ сѣмени льна. Въ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ зародышъ, образовавшійся изъ оплодотвореннаго яйца, составляетъ одинъ почти все сѣмя; онъ только покрытъ кожурою. Но есть еще другаго рода сѣмена, гдѣ зародышъ занимаетъ лишь небольшую часть сѣмени, потому что самъ почти не заключаетъ въ себѣ питательныхъ веществъ; послѣднія находятся тогда вокругъ или возлѣ зародыша въ особой ткани, составленной изъ паренхиматическихъ клѣточекъ и органически не связанной съ молодымъ растеніемъ; ткань эту называютъ (очень неудачно) *бѣлкомъ*. Она можетъ, слѣдовательно, быть и не быть въ сѣмени, сообразно чему мы и отличаемъ сѣмена бѣлковыя и сѣмена безбѣлковыя. Бобы и ленъ

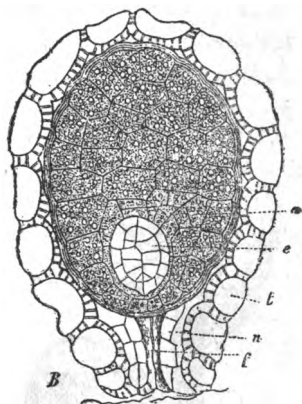

Рис. 131.

на воспитаніе молодаго растенія, капиталъ, собранный материнскимъ организмомъ и, въ данномъ случаѣ, ввѣренный непосредственно самому ростку. Поэтому-то при прорастаніи легко видѣть, что, по мѣрѣ развитія корешка и почечки, сѣмядоли, крѣпкія, переполненные питательными веществами, постепенно истощаются, съеживаются и, наконецъ, опадаютъ. Въ данномъ случаѣ сѣмядоли остаются въ землѣ, но у нѣкоторыхъ растеній онѣ при прорастаніи выносятся наружу и тогда могутъ зеленѣть. На рис. 133 это видно, напримѣръ, на прорастающемъ сѣмени льна. Въ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ зародышъ, образовавшійся изъ оплодотвореннаго яйца, составляетъ одинъ почти все сѣмя; онъ только покрытъ кожурою. Но есть еще другаго рода сѣмена, гдѣ зародышъ занимаетъ лишь небольшую часть сѣмени, потому что самъ почти не заключаетъ въ себѣ питательныхъ веществъ; послѣднія находятся тогда вокругъ или возлѣ зародыша въ особой ткани, составленной изъ паренхиматическихъ клѣточекъ и органически не связанной съ молодымъ растеніемъ; ткань эту называютъ (очень неудачно) *бѣлкомъ*. Она можетъ, слѣдовательно, быть и не быть въ сѣмени, сообразно чему мы и отличаемъ сѣмена бѣлковыя и сѣмена безбѣлковыя. Бобы и ленъ

принадлежать къ послѣдней категоріи: стоитъ снять съ сѣмени кожуру, что очень легко сдѣлать, если его предварительно размочить,—и мы прямо увидимъ зародышъ. Примѣрами сѣмянъ бѣлковыхъ могутъ служить зерна злаковъ. Зерно, напримѣръ, пшеницы, ржи, кукурузы, строго говоря, не сѣмя, а цѣлый плодъ, заключающій внутри одно сѣмя, такъ какъ зерно образуется не изъ яичка, а изъ цѣлой завязи, содержащей одно яичко; но вынуть самое сѣмя изъ зерна невозможно, потому что кожура его плотно

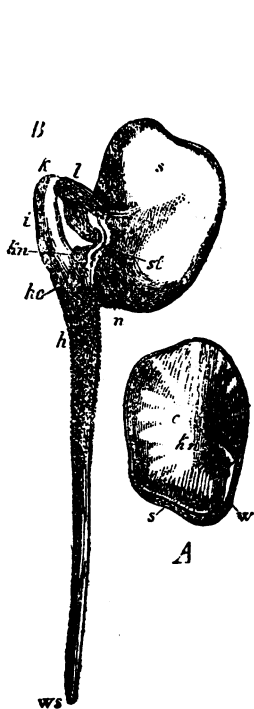

Рис. 132.

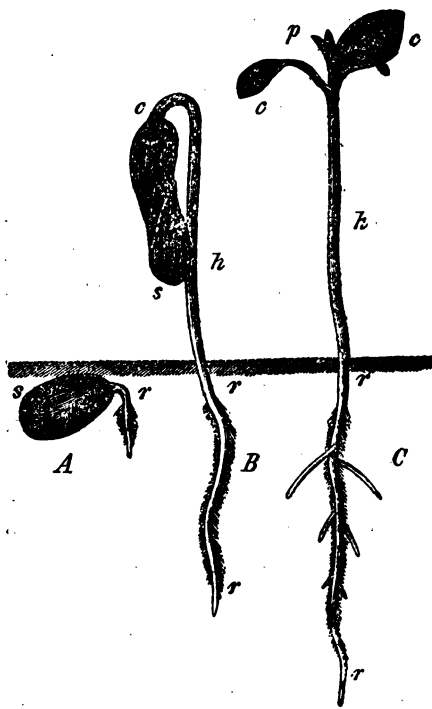

Рис. 133.

срастается въ одно цѣлое со стѣнкою плода. Въ такомъ зернѣ зачатокъ растенія, т. е. зародышъ, занимаетъ лишь незначительную часть—одинъ уголокъ всего зерна, какъ видно, напримѣръ, изъ рис. 134, гдѣ зерно пшеницы въ *A* разрѣзано вдоль. Зародышъ обозначенъ здѣсь буквою *e*; фигуры *B* и *C* поясняютъ прорастаніе зерна, ясно свидѣтельствуя о томъ, что растеньице съ его корешками *w* и почечкою *k*, составленною изъ листочковъ, прикрывающихъ другъ друга на подобіе колпачковъ или наперстковъ, развивается только изъ участка *e* фигуры *A*; даже первый листъ *s* зародыша (сѣмядоля), имѣющій здѣсь видъ щитка, плотно прилегающаго одною стороною къ бѣлку, не разрастается далѣе,

не говоря уже о массѣ бѣлка *d*. Сѣмядоля служитъ въ этомъ случаѣ для всасыванія питательныхъ веществъ, находящихся въ бѣлкѣ, и для передачи ихъ разрастающимся частямъ зародыша, корешкамъ и почечкѣ.

И такъ, особенность бѣлковыхъ сѣмянъ состоитъ въ томъ, что питательный матеріалъ, необходимый для быстрого развитія зародыша, отлагается у нихъ не въ самомъ зародышѣ, не въ сѣмядоляхъ его, какъ въ сѣменахъ безбѣлковыхъ, а въ особой ткани, называемой бѣлкомъ. Откуда же берутся паренхиматическія клѣточки, образующія эту ткань? Для разъясненія этого вопроса мы должны вернуться къ тому, что происходитъ въ зародышномъ мѣшкѣ послѣ оплодотворенія. Мы знаемъ, что вспомогательныя клѣточки расплываются,

а яйцо разрастается и даетъ зародышъ, укрѣпленный на подвѣскѣ. Но, кромѣ того, въ полости зародышного мѣшка начинаютъ развиваться новыя клѣточки, даже въ томъ случаѣ, если сѣмя получится безбѣлковое. Развитіе этихъ клѣточекъ можетъ быть двоякое.

Процессъ во всякомъ случаѣ начинается съ того, что клѣточное ядро самаго зародышного мѣшка дѣлится на два ядра. За этимъ можетъ послѣдовать образованіе между обоими ядрами поперечной перегородки, раздѣляющей зародышный мѣшокъ на двѣ клѣточки — верхнюю и нижнюю, послѣ чего или обѣ, или только

дальше одна изъ нихъ дѣлится по разнымъ направленіямъ, такъ что либо весь мѣшокъ, либо одна изъ его половинъ наполняется клѣтчатой тканью, среди которой формируется зародышъ изъ яйца. Это одинъ способъ образованія бѣлка. При другомъ способѣ, вслѣдъ за дѣленіемъ ядра, перегородки не получается, а каждое изъ двухъ

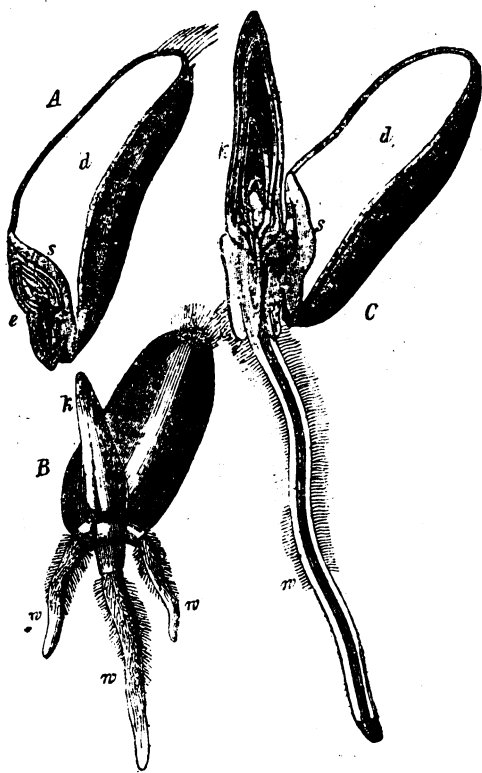

Рис. 134.

ядеръ, въ свою очередь, дѣлится надвое, и этотъ процессъ повторяется много разъ, такъ что внутри зародышнаго мѣшка получается большое число клѣточныхъ ядеръ, располагающихся по стѣнкѣ. Скоро между ядрами образуются перегородки, такъ что каждое ядро входитъ въ составъ особой клѣточки. Такимъ образомъ совнутри стѣнка зародышнаго мѣшка выстилается слоемъ плотно сомкнутыхъ клѣточекъ, которыя, размножаясь дѣленіемъ, могутъ наполнить весь зародышный мѣшокъ. Какъ уже замѣчено выше, развитіе бѣлка начинается во всякомъ случаѣ, но если сѣмя должно получиться безбѣлковое, то процессъ рано или поздно останавливается; иногда, напримѣръ, только покажутся ядра, но до образованія около нихъ клѣточекъ дѣло такъ и не доходитъ; въ другихъ случаяхъ образуются и клѣточки, но по мѣрѣ созрѣванія зародыша безслѣдно вытѣсняются послѣднимъ.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ происхожденіе различныхъ частей сѣмени. Все сѣмя образовалось изъ яичка. Только нужно помнить, что не каждое яичко, даже въ случаѣ успѣшнаго оплодотворенія, дѣйствительно даетъ сѣмя. У многихъ растений завязь, заключающая внутри нѣсколько яичекъ, даетъ, однако, постоянно плодъ съ однимъ только сѣменемъ. Въ жолудѣ дуба, напримѣръ, заключено, какъ и въ пшеничномъ зернѣ, всего одно сѣмя, но въ завязи дуба находилось шесть яичекъ, изъ которыхъ пять заглушены были шестымъ, а въ завязи пшеницы съ самаго начала было только одно яичко. Очевидно, что, будетъ ли сѣмя бѣлковое или безбѣлковое, почти все сѣмя образовалось изъ зародышнаго мѣшка бывшаго яичка; зародышъ сформировался изъ яйца, а бѣлокъ, если онъ сохранился, тоже возникъ внутри зародышнаго мѣшка. Послѣдній вообще, по мѣрѣ созрѣванія сѣмени, разрастается такъ сильно, что, если не сдѣлалъ этого уже раньше, совершенно вытѣсняетъ всю ткань ядра и даже часть покрововъ; сохраняются только нѣсколько наружныхъ слоевъ клѣточекъ, которые даютъ кожуру сѣмени. Въ простѣйшемъ случаѣ кожура можетъ состоять всего изъ одного слоя клѣточекъ.

Иногда случается, что въ одномъ сѣмени развивается два или даже болѣе зародыша. Это можетъ зависѣть отъ того, что въ яичкѣ находился не одинъ, а нѣсколько зародышныхъ мѣшковъ, но тотъ же результатъ можетъ получиться и другимъ способомъ при нормальномъ строеніи яичка. Въ послѣднее время появились указанія на то, что въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть оплодотворяемо не только яйцо, но и одна изъ вспомогательныхъ клѣточекъ, а не то даже и обѣ, такъ что начинаютъ развиваться два или три зародыша сразу въ одномъ и томъ же

зародышномъ мѣшкѣ. Если вспомнить, что пыльцевая трубка содержитъ (рис. 127 А) не одну, а двѣ генеративныя кѣточки (а иногда даже три), то съ этой стороны развитіе двухъ или трехъ зародышей представляется вполне возможнымъ; довольно неожиданною, однако, является равноправность вспомогательныхъ кѣточекъ съ яйцомъ. Если вспомогательныя кѣточки могутъ, хоть изрѣдка, подвергаться оплодотворенію, значитъ онѣ, въ сущности, тоже яйца. Въ извѣстномъ смыслѣ это возвращеніе къ прежнему представленію о двухъ (а теперь трехъ) равноправныхъ зародышныхъ пузырькахъ, изъ которыхъ почему-то лишь одинъ дѣйствительно оплодотворяется. Но нѣсколько, и притомъ даже больше трехъ, зародышей можетъ возникнуть внутри одного зародышного мѣшка еще совершенно инымъ способомъ. Зародыши формируются тогда не изъ яйца, а по сосѣдству съ нимъ изъ кѣточекъ яичка, прилегающихъ къ зародышному мѣшку*). Это странное явленіе, недавно только сдѣлавшееся извѣстнымъ, у нѣкоторыхъ, но весьма немногихъ растений наблюдается постоянно. Имъ объясняются, между прочимъ, нѣкоторые случаи такъ называемаго (мнимаго) партеногенеза или дѣвственнаго зарожденія.

Въ животномъ царствѣ встрѣчается, особенно между насѣкомыми, цѣлый рядъ примѣровъ того, что яйцо безъ оплодотворенія начинаетъ развиваться въ зародышъ. Это-то несомнѣнное, хотя и непонятное явленіе и называютъ *партеногенезомъ*. Въ растительномъ царствѣ подобные примѣры чрезвычайно рѣдки. Настоящей партеногенезъ, въ сущности, извѣстенъ лишь между споровыми растениями. Сюда можно отнести явленія, наблюдаемые при половомъ размноженіи сапролегни. У этихъ водяныхъ грибовъ, какъ мы видѣли, часто вовсе нѣтъ антеридіевъ и тѣмъ не менѣе яйца оогонія облекаются оболочками и превращаются въ ооспоры, способныя къ прорастанію; да и у тѣхъ сапролегни, которыя снабжены антеридіями, оплодотвореніе яицъ подлежитъ сомнѣнію. Довольно вѣроятнѣе, хотя строго еще не доказанъ, партеногенезъ для нѣкоторыхъ двудомныхъ мховъ. Такихъ мховъ весьма много, но обыкновенно мужскіе экземпляры съ антеридіями и женскіе съ архегоніями растутъ въ перемѣшку и оплодотвореніе вполне обезпечено. Есть, однако, и такіе мхи, мужскіе и женскіе экземпляры которыхъ удалены другъ отъ друга на огромныя разстоянія: въ одной мѣстности, напримѣръ, на Альпахъ, водятся исключительно

*) Надняхъ, можно сказать, въ лабораторіи московскаго профессора *Горжанкина* открыто было у одного изъ видовъ лука образованіе зародышей (безъ оплодотворенія, конечно) изъ антиподныхъ кѣточекъ (см. выше), покоющихся на днѣ зародышного мѣшка.

мужскіе, въ другой—на Карпатахъ, напริมѣръ, только женскіе экземпляры того же мха, и, несмотря на то, послѣдніе, хотя и очень рѣдко, приносятъ плоды. Но самое знаменитое въ этомъ отношеніи растеніе—*Chara crinita*. Хары—оригинальныя зеленыя водоросли, по внѣшности нѣсколько напоминающія хвощи своими нитевидными вѣточками, собранными въ кольца (нѣмцы называютъ ихъ канделябровыми растеніями). Они размножаются исключительно половымъ путемъ, причеиъ производятъ крупныя, сложнаго строенія оогоніи съ однимъ яйцомъ и еще болѣе сложныя антеридіи съ громаднымъ числомъ живчиковъ. Большинство харъ—однодомныя растенія, но *Chara crinita*—изъ двудомныхъ. Она растетъ часто массами въ солоноватой водѣ, причеиъ встрѣчается почти исключительно въ женскихъ экземплярахъ. На перечеиъ извѣстны немногія мѣстности Европы (между прочимъ, у насъ близъ Гурьева на берегахъ Каспійскаго моря), гдѣ были находимы мужскіе экземпляры ея. Въ особенномъ изобиліи она водится по берегамъ и на островахъ Нѣмецкаго моря и, несмотря на самыя тщательныя поиски, въ этой мѣстности, обшаренной вдоль и поперекъ наиаккуратнѣйшими нѣмцами, никому ни разу не удалось встрѣтить экземпляра съ антеридіями. А между тѣмъ каждый годъ это однолѣтнее растеніе снова появляется массами, развиваясь изъ яицъ, неоплодотворенныхъ за полнымъ отсутствіемъ живчиковъ. Вотъ это настоящій, несомнѣнный партеногенезъ! Что касается растеній сѣмянныхъ, то для нѣкоторыхъ двудомныхъ изъ нихъ давно уже существовали показанія, будто они способны давать сѣмена и безъ опыленія. Однако, въ большинствѣ случаевъ показанія касательно образованія зрѣлыхъ сѣмянъ при полномъ, будто бы, устраниеніи плодотворной пыльцы оказывались результатомъ недосмотра. Исключеніе составило только одно экзотическое растеніе (*Scolecobrye* изъ молочайныхъ), распространенное въ Европѣ исключительно въ женскихъ экземплярахъ и тѣмъ не менѣе аккуратно дающее всхожія сѣмена. Самыя тщательныя наблюденія не могли здѣсь открыть присутствія пыльцы, но, съ другой стороны, оказалось, что зародышъ получается при этомъ не изъ яйца, а, какъ упомянуто выше, изъ окружающихъ зародышный мѣшокъ кѣточекъ. Слѣдовательно, настоящаго партеногенеза здѣсь нѣтъ. Скорѣе это явленіе можно было бы подвести подъ одну категорію съ тѣмъ, которое наблюдается у нѣкоторыхъ папоротниковъ (см. выше), гдѣ растеніе развивается на предросткѣ не изъ яйца архегонія, какъ обыкновенно, а безъ участія послѣдняго. Другими словами, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ, названнымъ апогаміей, утратою половой воспроизводительности,—

форма (цвѣтокъ) сохранилась, но смыслъ, суть дѣла исчезли. Въ этой сферѣ, впрочемъ, еще много невыясненнаго, и можно ожидать важныхъ разоблаченій въ будущемъ.

Такъ вотъ какъ совершается оплодотвореніе у скрытосѣмянныхъ растений. На первый взглядъ не оказывается никакого сходства съ тѣмъ, что мы видѣли у споровыхъ: живчиковъ нѣтъ, архегоніевъ нѣтъ, какое-то яичко, какой-то зародышный мѣшокъ, предростка нѣтъ и т. д. Но обратимся теперь къ голосѣмяннымъ, именно къ хвойнымъ растеніямъ.

Мы уже знаемъ, что *голосѣмянная* получили свое названіе отъ того, что имѣютъ яички, но не имѣютъ завязи. Тычинки у нихъ расположены всегда отдѣльно отъ яичекъ, но обыкновенно на томъ же экземплярѣ. Когда цвѣтутъ сосна, ель и т. п., мы находимъ на деревѣ мягкія желтыя пишечки: это мужскіе цвѣты; у сосны (рис. 137 а) они собраны тѣсными кучками, у ели размѣщены поодиночкѣ. Каждый цвѣтокъ представляетъ стерженекъ, тѣсно усаженный тычинками, довольно похожими на тычинки другихъ растений, такъ какъ пыльникъ

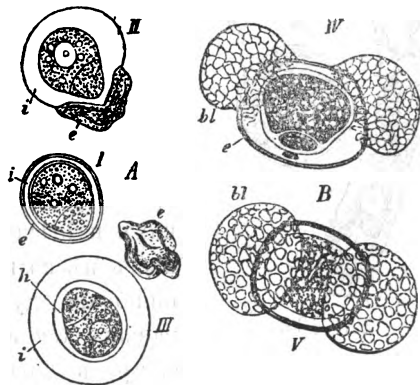

Рис. 135.

тоже составленъ изъ двухъ половинокъ (рис. 137, фиг. 2). Самая же пыльца имѣетъ нѣкоторыя особенности. У многихъ хвойныхъ, на примѣръ, у сосны, пылинка получаетъ своеобразный видъ, вслѣдствіе развитія по бокамъ ея пузырей, наполненныхъ воздухомъ (рис. 135 IV и V bl). Съ перваго взгляда можно подумать, что такая пылинка состоитъ изъ трехъ клѣточекъ, средней и двухъ боковыхъ, но въ дѣйствительности послѣднія лишены содержимаго и получились оттого, что на этихъ мѣстахъ наружная оболочка оттопырилась отъ внутренней; такіе воздушные мѣшки, очевидно, должны помогать пыли разноситься вѣтромъ. Кромѣ того, въ пылинкѣ хвойныхъ нѣтъ тѣхъ заранѣе предназначенныхъ для выхода пыльцевой трубки мѣстъ, съ которыми мы познакомились выше у скрытосѣмянныхъ растений. При прорастаніи пылинка хвойныхъ, или, вѣрнѣе, наружная ея оболочка лопається, подобно тому какъ лопаются микроспоры у высшихъ споровыхъ, чтобы выпустить живчиковъ. Это видно на рис. 135 для пыльцы туйи: I—зрѣлая свѣжая пылинка (здѣсь она безъ воздушныхъ пузырей), II и III —

*

она же въ водѣ; шкурка ея *l* лопнула и даже сброшена въ III. Но всего интереснѣе для насъ внутреннія особенности разсматриваемой пыльцы. Передъ окончательнымъ созрѣваніемъ пылинки, до тѣхъ поръ одноклѣточная, дѣлится на двѣ клѣточки весьма неодинаковой величины (рис. 135). Это, въ сущности, то же, что мы уже видѣли въ пыльцѣ скрытосѣмянныхъ, но тамъ маленькая (генеративная) клѣточка оставалась голою, здѣсь же она отдѣляется отъ крупной настоящею перегородкою. Мало того, на этомъ дѣло обыкновенно не останавливается, а дѣленіе повторяется еще одинъ или даже нѣсколько разъ, такъ что внутри пылинки получается группа изъ нѣсколькихъ мелкихъ клѣточекъ, прилегающая къ оболочкѣ и вдающаяся въ полость пылинки, какъ это передано на рис. 136 въ *y*.

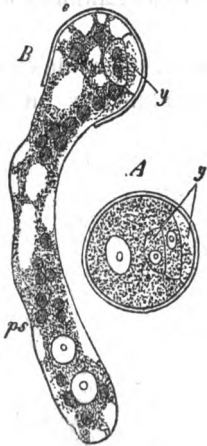

Рис. 136.

Съ тѣхъ поръ, какъ эти дѣленія стали извѣстными (еще въ сороковыхъ годахъ) воззрѣнія ученыхъ на дальнѣйшую судьбу мелкихъ клѣточекъ въ пылинкахъ голосѣмянныхъ нѣсколько разъ мѣнялись. Одно время ошибочно думали, что пыльцевая трубка развивается изъ верхней мелкой клѣточки, прорастающей насквозь чрезъ крупную. Потомъ выяснилось, что это не такъ; дѣйствительно, рис. 136 *B* ясно показывается, что пыльцевая трубка получается чрезъ разрастаніе крупной клѣточки. Тогда мелкія клѣточки стали считать не участвующими вовсе въ оплодотвореніи, и стали ихъ сравнивать съ безплодными клѣточками, образующимися въ микроспорахъ при развитіи въ нихъ живчиковъ. Наконецъ, только въ 1892 году дѣло, повидимому, окончательно разъяснилось замѣчательными изслѣдованіями варшавскаго профессора *Бяляева*, къ которому съ необычайною поспѣшностью примкнулъ и *Страсбургеръ*, только - что передъ этимъ утверждавшій противное. Оказывается, что послѣдняя изъ мелкихъ клѣточекъ, та, которая всего глубже впячивается въ полость пылинки, и которую нѣкогда считали производящею пыльцевую трубку, есть настоящая генеративная клѣточка; ей-то, или ея потомству, и суждено совершить оплодотвореніе, сыгравъ роль живчиковъ. При прорастаніи пылинки эта клѣточка дѣлается свободною, вслѣдствіе разрушенія другой мелкой клѣточки, соединявшей ее со стѣнкою, и, вмѣстѣ съ ядромъ послѣдней, направляется въ пыльцевую трубку. Точно также какъ и у скрытосѣмянныхъ, эта генеративная клѣточка еще до оплодотворенія дѣлится обыкно-

венно на двѣ. Такимъ образомъ, сравнительно съ хвойными и вообще голосѣмянными растеніями, у скрытосѣмянныхъ оказывается въ пыльцѣ значительное упрощеніе, такъ какъ не образуется вовсе безплодныхъ мелкихъ клѣточекъ, а все сведено къ абсолютно необходимому: крупной клѣточкѣ, дающей пыльцевую трубку, и мелкой, распадающейся на двѣ генеративныя, и даже не облекающейся оболочкою.

Но гораздо болѣе замѣчательныя особенности мы встрѣтимъ въ яичкѣ хвойныхъ и вообще въ женскихъ цвѣткахъ ихъ, начина-

вая съ того, что здѣсь очень трудно даже сказать, что слѣдуетъ считать за цвѣтокъ. Строеніе обыкновенно такое. То, что впоследствии превращается въ извѣстную каждому деревянистую шишку, имѣетъ во время цвѣтенія видъ гораздо болѣе мелкой и мягкой шишечки. Рис. 137, напримѣръ, изображаетъ анализъ цвѣтущей сосны. Въ *a* видна вѣточка съ мужскими цвѣточками, а

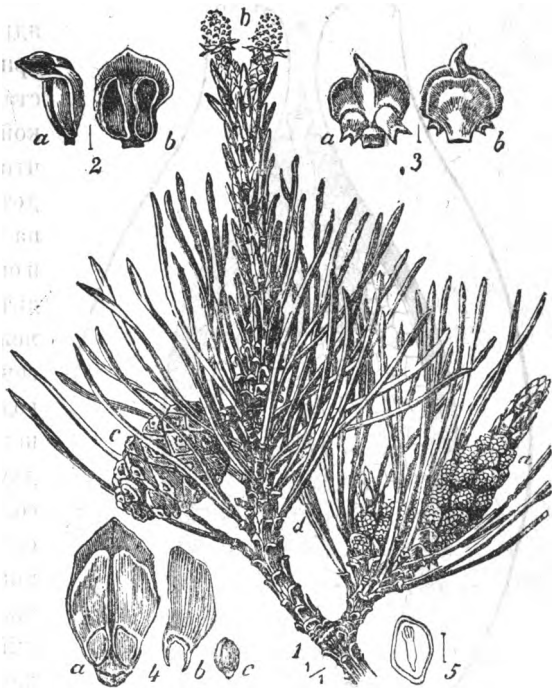

Рис. 137.

въ *b* двѣ (въ природѣ красноватая) женскія шишечки. На незамѣтномъ снаружи стерженькѣ въ шишечкѣ тѣсно собраны чешуйки, а подъ каждою изъ нихъ совнутри сидитъ по другой чешуйкѣ (3 *b*). Эти послѣднія чешуйки представляютъ особенно важными, такъ какъ онѣ-то несутъ, опять-таки совнутри, (фиг. 3 *a*) два яичка, обращенныхъ своими отверстиями (сѣмяходами) внизъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же чешуйки впоследствии, разрастаясь и деревенѣя, дадутъ собственно шишку (*c* на фиг. 1), тогда какъ прикрывавшія ихъ первоначально снаружи чешуйки сохнутъ и въ зрѣлой шишкѣ мы ихъ либо вовсе не увидимъ, напримѣръ, у

сосны, ели, либо замѣтимъ только ихъ кончики, какъ у пихты. И такъ, яички сидятъ попарно подъ прикрытіемъ особыхъ чешуекъ. Слѣдуетъ ли считать каждое отдѣльное яичко, каждую пару ихъ или, наконецъ, всю шишечку за образованіе, соотвѣтствующее цвѣтку,—это вопросъ чрезвычайно спорный.

Обратимся однако къ самому яичку хвойныхъ. Рис. 138 изображаетъ схематически его строеніе и ходъ оплодотворенія. Яичко состоитъ изъ ядра *b* и одного покрова *a*, сѣмявходъ котораго *k* настолько широкъ, что пылинка *h* проходитъ свободно сквозь него и

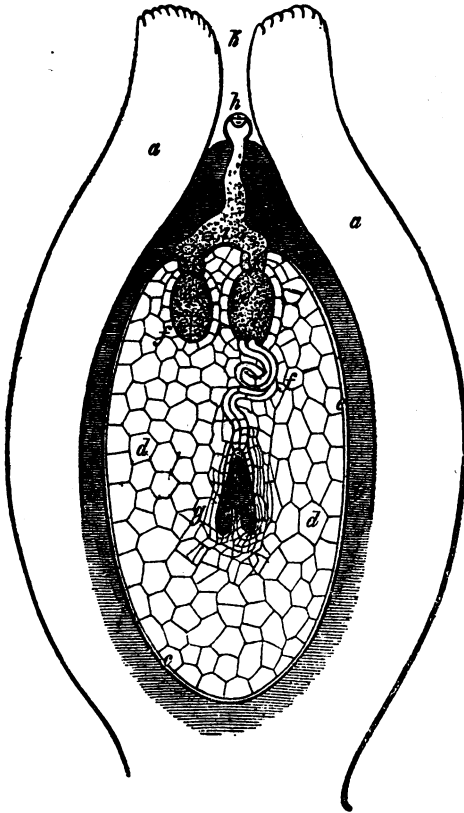

Рис. 138.

попадаетъ здѣсь прямо на ядро яичка. Понятно, что при такихъ условіяхъ достаточно очень коротенькой пыльцевой трубочки, чтобы совершить оплодотвореніе. И несмотря на это, между опыленіемъ и оплодотвореніемъ проходитъ иногда длинный промежутокъ времени, у сосенъ, напримѣръ, цѣлый годъ, вслѣдствіе чего сосновая шишка требуетъ двухъ лѣтъ для своего созрѣванія. Внутри ядра обозначается, какъ обыкновенно, одинъ зародышный мѣшокъ *ss*, развивающійся совершенно такъ же, какъ у скрытосѣмянныхъ. Но вмѣсто того, чтобы внутри себя произвести знакомыя намъ шесть клѣточекъ, зародышный мѣшокъ у хвой-

ныхъ уже до оплодотворенія наполняется весь паренхиматическими клѣточками *dd*, подобно тому, какъ это происходитъ у скрытосѣмянныхъ послѣ оплодотворенія при развитіи такъ называемаго бѣлка. Нѣкоторыя изъ этихъ клѣточекъ на концѣ мѣшка, обращенномъ къ сѣмявходу, сильно разрастаются. На рис. 138 мы находимъ всего двѣ такія клѣточки *e* и *e'*, но у можжевельника, напримѣръ, ихъ можетъ быть штукъ 10—15 и тогда онѣ вплотную приле-

гаютъ другъ къ другу (рис. 139). Эти клѣточки назвали *корпускулами*; въ нихъ-то и произойдетъ оплодотвореніе. Опуская нѣкоторыя подробности, замѣтимъ только, что и здѣсь замѣчается сліяніе двухъ клѣточныхъ ядеръ (рис. 140). Изъ конца пыльцевой трубочки (*p* въ фиг. *B*), плотно приложившагося къ вершинѣ корпускулы или даже вторгшагося во внутрь ея на нѣкоторую глубину, выскользаетъ ядро (*sn*) генеративной клѣточки и сливается съ ядромъ (*on*) самой корпускулы ¹⁾, которое послѣ этого

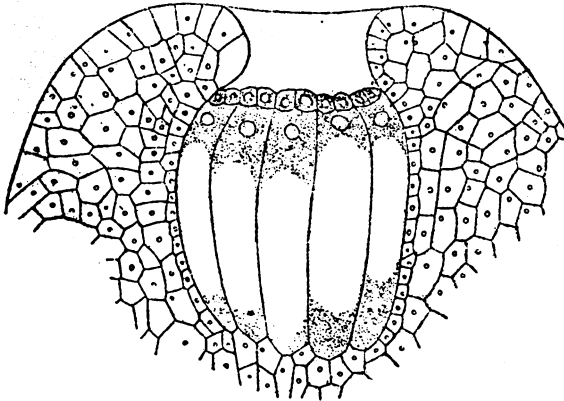

Рис. 139.

опускается на дно и здѣсь дѣлится на 2, 4, 8 ядеръ; ядра скоро входятъ въ составъ клѣточекъ, какъ это видно на рис. 138 при *f* въ нижней части корпускулы *e* и на фигурахъ *D—T* рис. 140. Дальнѣйшую судьбу ихъ изображаетъ тотъ же рисунокъ для корпускулы *e'*: клѣточки частью вытянулись въ длинныя извилистыя нити *f*, соотвѣтствующія подвѣску другихъ растений, частью пошли на образованіе зародыша *g*, тоже обращеннаго корешкомъ къ сѣмявходу. Такъ какъ въ ячкѣ хвойныхъ всегда бываетъ нѣсколько корпускулъ и каждая изъ нихъ развиваетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ зародышъ (у нѣкоторыхъ изъ одной корпускулы образуется даже четыре зародыша), то, въ отличіе отъ прочихъ сѣмянныхъ растений, у хвойныхъ всегда возникаетъ нѣсколько зародышей внутри одного яичка; при дальнѣйшемъ развитіи однако одинъ беретъ перевѣсъ, вытѣсняетъ прочіе, и въ результатѣ

¹⁾ Этотъ переходъ клѣточного ядра изъ пыльцевой трубки въ корпускулу былъ впервые подмѣченъ *Горожанкинымъ* (въ 1884 году) и наблюденіе это имѣло рѣшающее значеніе. До тѣхъ поръ полагали, что у высшихъ растений оплодотвореніе совершается простымъ прикосновеніемъ пыльцевой трубки къ зародышному мѣшку. Только послѣ удачнаго препарата *Горожанкина*, достигшаго ядро на мѣстѣ преступленія, *Страсбургеръ* переслѣдовалъ еще разъ пыльцу скрытосѣмянныхъ и исправилъ свое ошибочное показаніе о мнимомъ раствореніи заключенныхъ въ ней генеративныхъ клѣточекъ еще до оплодотворенія.

получается сѣмя обычнаго типа съ однимъ зародышемъ, лежащимъ среди бѣлка (фиг. 5 въ рис. 137), какъ это всякій легко можетъ провѣрить, напимѣръ, на кедровыхъ орѣшкахъ.

Теперь, познакомившись съ самыми фактами, мы можемъ обратиться къ ихъ истолкованію. Относительно пыльцы это не представляетъ особенныхъ затрудненій. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пылинка сѣмянныхъ растений вполне соотвѣтствуетъ

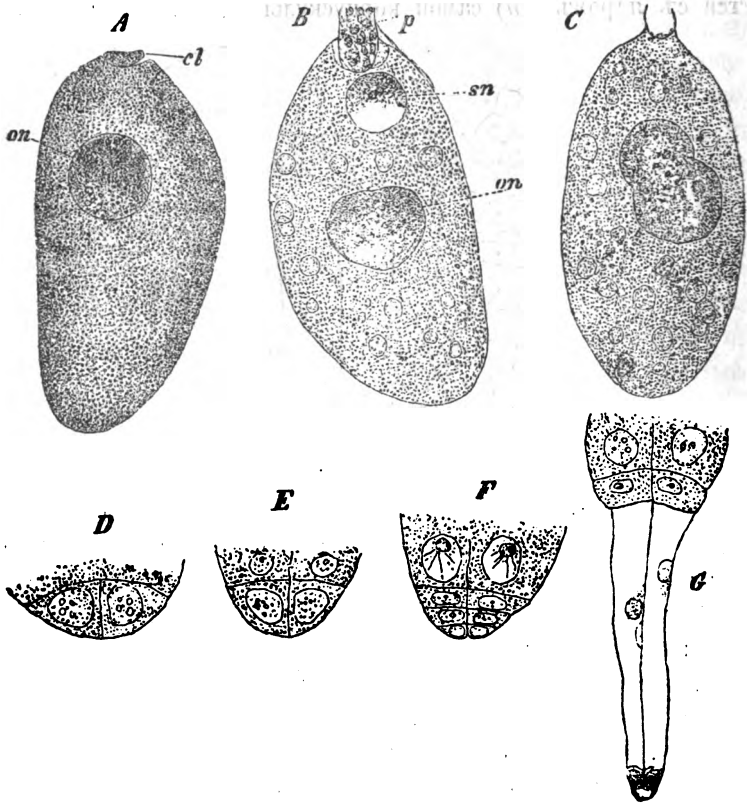

Рис. 140.

микроспорѣ высшихъ споровыхъ; только живчиковъ здѣсь не получается или, вѣрнѣе, живчики утратили свою подвижность, что, какъ уже замѣчено было раньше, обуславливается, безъ сомнѣнія, особымъ усовершенствованнымъ способомъ доставки оплодотворяющихъ элементовъ къ мѣсту назначенія, т.-е. образованіемъ пыльцевой трубочки.

Труднѣе выяснитъ себѣ, какое соотношеніе существуетъ между макроспорами и яйцками. Съ помощью хвойныхъ и это однако удается въ значительной мѣрѣ. Общепринятое въ настоящее время толкованіе заключается въ слѣдующемъ. Яичко сѣмянныхъ

растений слѣдуетъ уподобить макроспорангію, производящему внутри себя одну только макроспору, и макроспора эта—зародышный мѣшокъ. Подобно тому, какъ макроспора, прорастая, развиваетъ клѣтчатую ткань—предростокъ, а затѣмъ изъ отдѣльныхъ клѣточекъ послѣдняго образуетъ архегоніи, такъ и зародышный мѣшокъ хвойныхъ наполняется клѣтчатую тканью—обѣломъ и превращаетъ нѣкоторыя клѣточки въ корпускулы. Стоитъ только сравнить нашъ рис. 138 съ рис. 112, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей аналогіи. Такимъ образомъ корпускулы хвойныхъ—тѣ же архегоніи, и теперь даже ихъ стали прямо называть этимъ именемъ. Только архегоній здѣсь сильно упростился и состоитъ главнымъ образомъ изъ самаго яйца: есть, впрочемъ, и небольшая шейка, большею частью изъ четырехъ мелкихъ клѣточекъ, прикрывающихъ сверху каждую корпускулу, какъ это можно замѣтить и на рис. 138. Замѣчено даже отдѣленіе такъ называемой канальцевой клѣточки, которую мы видимъ на рис. 140 въ фиг. А (с) при вершинѣ корпускулы. У скрытосѣмянныхъ растений произошло дальнѣйшее, сильное упрощеніе: макроспора, т. е. зародышный мѣшокъ, вове не производитъ предростка, развѣ считать за остатокъ такового тѣ три, неизвѣстно зачѣмъ возникающія клѣточки, которыя называютъ антиподами; кромѣ того, вмѣсто архегоніи или корпускулы здѣсь образуется только самое яйцо, значеніе же вспомогательныхъ клѣточекъ остается неяснымъ.

Мы видѣли выше, что при развитіи изъ оплодотвореннаго яйца зародыша, т. е. новаго растенія, у сѣмянныхъ растений замѣчается характерная пауза, перерывъ въ развитіи, влекущій за собою образованіе того, что мы называемъ сѣменемъ. Присматриваясь въ этомъ отношеніи къ споровымъ растеніямъ, мы и у нихъ встрѣчаемъ подобную же паузу; тамъ тоже есть части, которыя, подобно сѣменамъ, сохраняются долгое время въ сухомъ видѣ безъ измѣненія, а при посѣвѣ производятъ растеніе, но перерывъ происходитъ здѣсь въ другомъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего спора не вполне соотвѣтствуетъ сѣмени. Спора есть результатъ остановки до оплодотворенія, а потому понятно, что въ ней не можетъ быть внутри никакого зародыша; напротивъ, сѣмя получается вслѣдствіе временнаго перерыва въ развитіи уже послѣ оплодотворенія, а потому заключаетъ зачатокъ новаго растенія. Другими словами это можно выразить такъ: у споровыхъ сначала отдѣляется отъ материнскаго растенія клѣточка, предназначенная для размноженія (спора), и потомъ уже происходитъ оплодотвореніе; у сѣмянныхъ, оплодотвореніе и первоначальное развитіе зародыша совершаются еще въ связи съ материнскимъ организмомъ, а затѣмъ уже отъ послѣдняго отдѣляется сложный комплексъ съ новымъ

зачаткомъ внутри, т.-е. сѣмя. Если обратиться за аналогіями къ животному царству, то сѣмя скорѣе всего можетъ быть уподоблено птичьему яйцу, тоже представляющему результатъ уже совершившагося оплодотворенія и тоже заключающему внутри зародышъ новаго организма. Для споры подходящаго сравненія не оказывается.

Нѣсколько разъ въ теченіи этой главы, мы, не довольствуясь изложеніемъ современнаго состоянія вопроса объ оплодотвореніи у высшихъ растений, касались его исторіи. Но повѣствованіе наше въ этомъ отношеніи было бы неполнымъ, еслибъ мы прошли совершеннымъ молчаніемъ любопытную эпоху сороковыхъ годовъ, когда въ наукѣ велся оживленнѣйшій споръ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, который изъ половыхъ органовъ растенія слѣдуетъ считать мужскимъ, который женскимъ. Заварилъ эту кашу Шлейденъ, выступивъ въ 1838 году съ оригинальною теоріею, по которой зародышъ хотя и развивается въ зародышномъ мѣшкѣ яичка, но образуется при этомъ изъ конца пыльцевой трубки, а въ такомъ случаѣ приходилось признать пылинку не за оплодотворяющую, а, напротивъ, за оплодотворяемый (зародышнымъ мѣшкомъ) элементъ и яичко изъ женскаго органа превращалось въ мужской. Поднялся невыразимый переполохъ, особенно когда въ 1843 году итальянскій ученый Амичи, за 30 лѣтъ до того, впервые замѣтившій, что пылинки на рыльцѣ выпускаютъ трубочку, открылъ теперь въ зародышномъ мѣшкѣ зародышные пузырьки. Спроста они тутъ или не спроста? Конецъ ли пыльцевой трубки, или одинъ изъ этихъ пузырьковъ превращается въ зародышъ? Ученые сѣзжались, показывали и пересылали другъ другу убѣдительные, по ихъ мнѣнію, препараты, спорили до изнеможенія. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ теоріи Шлейдена, Шахтъ получилъ даже академическую премію за сочиненіе, доказывавшее, что зародышъ дѣйствительно возникаетъ изъ пыльцевой трубки, а зародышные пузырьки служатъ только благородными свидѣтелями. Въ 1855 году, однако, тотъ же Шахтъ окончательно призналъ свое заблужденіе, послѣ чего наступило продолжительное затишье въ этомъ вопросѣ. Для насъ, русскихъ, эта эпоха сороковыхъ годовъ имѣетъ еще свое спеціальное значеніе, такъ какъ она совпала съ зарожденіемъ на Руси микроскопической ботаники. Наши несторы въ этой области, покойные Желтновъ и Ценковский, дебютировали оба въ наукѣ работами по оплодотворенію хвойныхъ. Внимательный читатель, безъ сомнѣнія, уже замѣтилъ, какую видную роль играли съ тѣхъ поръ въ исторіи занимающаго насъ вопроса русскія имена. Сѣмя, очевидно, упало на добрую почву!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

Перев. съ шведскаго В. Фирсова.

(Продолженіе *).

ЧАСТЬ II.

I.

Среди мелкихъ недоразумѣній и все чаще и чаще возникавшей у Гильдуръ тревоги за будущее, случилось вдругъ такое происшествіе, въ сравненіи съ которымъ все остальное было лишь ничтожными пустяками.

Какъ-то, около полудня, прибѣжала на кухню госпожа Свогъ старуха Мая и попросила служанку передать барышнѣ, что докторъ проситъ ее къ себѣ по важному дѣлу.

Гильдуръ сейчасъ же отправилась къ Бурманамъ и застала Сета въ гостиной съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ и съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ. Никогда еще Гильдуръ не видѣла его въ такомъ возбужденіи.

Страшнымъ, пылающимъ взглядомъ глядѣлъ онъ на нее и нѣсколько секундъ не говорилъ ни слова. Только, когда она робко приблизилась къ нему и, дрожащимъ отъ испуга голосомъ, спросила, что такое случилось, онъ точно опомнился, крѣпко обнялъ ее и проговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Милая... возлюбленная!.. Никогда, никогда этого не будетъ!..

— Что такое? Чего не будетъ?

— Не будетъ... никогда!—повторилъ онъ, точно не слышавъ вопроса, и провелъ рукой по ея волосамъ, печально заглядывая ей въ лицо, точно прощаясь съ нею.

*) См. «Міръ Божій», № 5, май, 1895 г.

Она съ возрастающей тревогой смотрѣла на небо и оглянулась по сторонамъ, какъ бы ища разгадки. Она подняла съ полу письмо, выпавшее изъ рукъ Бурмана, когда онъ обнималъ ее. Увидѣвъ въ ея рукахъ письмо, онъ махнулъ рукой, какъ бы предоставляя ей читать, схватился за голову и отошелъ въ сторону, повторяя: Не будетъ!.. Никогда не будетъ...

Гильдуръ прочла письмо. Оно было не длинно.

Писала сама госпожа Бурманъ. Она извѣщала, что получила свѣдѣнія о томъ, что ее розыскиваютъ, и, такъ какъ ничто не удерживаетъ ее больше за границей, гдѣ недавно скончался ея другъ, она скоро и сама вернется къ мужу. День и часъ своего приѣзда она не сообщала, но общала поспѣшить. Очевидно, она принимала или дѣлала видъ, что принимала розыски Бурмана за шагъ къ примиренію, и безъ дальнѣйшихъ колебаній возвращалась къ нему. Во всякомъ случаѣ на разводъ она согласія не давала.

Въ глазахъ Гильдуръ потемнѣло. Ударъ былъ слишкомъ жестокъ и неожиданъ. Она сдѣлала шага два и безъ чувствъ упала въ объятія Сета.

Когда она пришла въ себя, подлѣ нея стояли Бурманъ и Май. Старуха мочила ей виски водой; Бурманъ поглаживалъ ея мокрые волосы...

Она приподнялась на диванѣ и дико осмотрѣлась, но опять упала на подушки, сраженная полученнымъ извѣстіемъ.

Сеть Бурманъ сталъ утѣшать ее. Вѣдь все сводилось къ простому усложненію, которое можно будетъ со временемъ и устранить. Сущность вѣдь не измѣнялась! Но она не хотѣла слушать утѣшеній. Въ эту минуту ей было тяжело даже видѣть его и она отвернулась къ стѣнѣ, закрывая глаза... Ей опять стало дурно.

Когда она снова открыла глаза, кромѣ Сета и Май, возлѣ нея была Лена. Дѣвушка съ любопытствомъ разглядывала ее черезъ плечо Май, и въ лицѣ ея было что-то злорадное. Но, замѣтивъ, что Гильдуръ смотритъ на нее, она придала лицу совсѣмъ другое выраженіе, — склонилась впередъ и нѣжно предложила Гильдуръ стаканъ воды, который держала наготовѣ.

Гильдуръ гадливо отстранила стаканъ. И Сеть, и его дочь внушали ей въ эту минуту отвращеніе. Никогда еще она не чувствовала себя такой ничтожной, безпомощной... И вдругъ, въ припадѣѣ полного отчаянія, она обняла шею старой Май и разразилась горькими безслезными рыданіями.

Ей казалось, что вокругъ нея рушился цѣлый мишурный міръ, и она осталась одна въ печальной пустынѣ. Точно издали доносились къ ней ласковыя слова старухи:

— Барышня, милая! Да перестаньте же убиваться!.. Ну, полно, полно... Христось съ вами, зачѣмъ такъ плакать...

Доносился откуда-то и другой голосъ, повторявшій, что все это пустяки и что скоро все опять наладится. Она понимала, что это говорилъ Сеть...

Но, ни слова старухи, ни то, что говорилъ Сеть, не производили на нее никакого впечатлѣнія. Она вѣдь понимала, что простымъ отрицаніемъ дѣйствительности нельзя было измѣнить ея.

И вдругъ руки ея, ослабѣвъ, безпомощно повисли на плечахъ Маи, и она опять впала въ забытѣе. Но на этотъ разъ она не была въ полномъ обморокѣ. Глаза ея были открыты и тупо, безъ всякаго выраженія, смотрѣли въ пространство. На вопросы она беззвучно отвѣчала „да“ и „нѣтъ“. Когда пришли братъ и невѣстка, она безпрекословно согласилась идти съ ними домой и нашла въ себѣ даже силы встать.

Ее увели.

Цѣлый день пролежала она неподвижно на кушеткѣ, въ маленькомъ будуарѣ Гертрудъ. Она позволяла ласкать себя и ничего не возражала на то, что ей говорили въ утѣшеніе. Но ничто не производило на нее впечатлѣнія, и полубомбочное состояніе не проходило.

Вечеромъ пришелъ Бурманъ и снова сталъ увѣрять, что полученное письмо не имѣло никакого серьезнаго значенія. По его мнѣнію, это только ударъ въ пространство, злобная выходка изъ мести. Никогда эта женщина не посмѣетъ на самомъ дѣлѣ отказаться отъ развода. Можно наконецъ припугнуть ее и судомъ.

Онъ говорилъ горячо, и постепенно взглядъ Гильдуръ началъ оживляться. Она уже начинала прислушиваться къ его словамъ и понимать то, что онъ говорилъ.

— Но... вѣдь она можетъ разлучить насъ, если захочетъ;—съ усиліемъ проговорила она, когда онъ еще разъ повторилъ всѣ свои доводы.—Вѣдь она можетъ дать невѣрное показаніе даже подъ присягой... Подумай, каково знать, что она можетъ сдѣлать съ нами все, что захочетъ!..

— Да нѣтъ же! Говорю тебѣ, что она не можетъ сдѣлать намъ зла.

Сказавъ это, онъ склонился къ ней, и приложилъ свою

щеку къ ея щекѣ, добиваясь отъ нея хоть одного ласковаго движенія. Но она опять отвернулась отъ него.

Она не умѣла отдаваться наполовину. Она хотѣла обладать имъ одна, и безспорно, или вовсе не обладать. Ее приводила въ полное отчаяніе одна мысль, что его могутъ отнять у нея. Но въ то же время она предпочитала сразу отказаться отъ него, чѣмъ оставаться насчетъ его въ неувѣренности.

— Ты считаешь меня отвѣтственнымъ за все это?—спросилъ онъ тихо.—Ты знать меня больше не хочешь?

Въ его голосѣ прозвучала такая скорбь, что сердце у нея дрогнуло. Но она еще боролась противъ овладѣвавшаго ею чувства состраданія къ нему, и промолчала. Тогда онъ печально поникъ головой и въ свою очередь умолялъ.

— Сеть!—сказала она, вдругъ обернувшись къ нему.

Онъ поднялъ голову.

— Послушай, Сеть,—продолжала она.—Разстанемся на время. Позволь мнѣ уѣхать отсюда... Если все окончится благополучно, и ты будешь свободенъ, я могу вѣдь вернуться и сдѣлаться тогда твоею... навсегда.

Онъ понялъ, что она уже не такъ непреступна, какъ за минуту передъ тѣмъ, и вмѣсто отвѣта обнялъ ее, покрывая ея лицо поцѣлуями. Она уже не отталкивала его.

— Ты вѣдь любишь меня?.. попрежнему? — говорилъ онъ.—Скажи, что любишь, еще разъ скажи! Милая, дорогая моя! Любишь?

— Да, люблю! — вырвалось у нея, и, отдаваясь порыву чувства, она спрятала лицо у него на груди. Это былъ ея первый порывъ съ полученія извѣстія. Бурманъ возликовалъ.

— Все-таки, позволь мнѣ уѣхать!—шептала она.—Это вѣдь ненадолго.

Но, вмѣсто отвѣта, онъ продолжалъ ласкать ее и увѣрять въ своей любви. Вѣдь она его солнце, его радость! Развѣ онъ можетъ жить безъ нея? Безъ нея вѣдь у него не останется ни мужества жить, ни силы работать. Жизнь такъ коротка, такъ тяжела... Стоитъ ли сокращать дни счастья?

Онъ помолчалъ, заглянулъ ей въ глаза и вскричалъ:

— Гильдуръ, моя смѣлая, честная Гильдуръ! Не покинешь же ты меня въ минуту горя?

— Я должна... я обязана уѣхать...

Она упрямо бормотала это, но сама уже чувствовала, что не въ силахъ противостоять ему. Когда онъ желалъ чего-нибудь, онъ добивался этого не силой убѣжденія, а страст-

ной настойчивостью, которая придавала ему краснорѣчіе, и которую онъ умѣлъ скрашивать горячими знаками любви. Онъ въ самомъ дѣлѣ приходилъ въ ужасъ при мысли о разлукѣ съ Гильдуръ, хотя бы даже на короткое время. Онъ слишкомъ уже привыкъ всегда имѣть подлѣ горячо преданную ему дѣвушку, которая дѣлила съ нимъ и горе, и радости, которая понимала его задачи и сочувствовала въ его стремленіи вверхъ. Она была ему дорога, какъ радость очей его. Онъ любилъ ея свѣжій ротикъ, всегда искушавшій его, ея глаза, въ которыхъ онъ читалъ любовь къ себѣ; онъ любилъ все ея милое существо. Но дорожке всего была она ему, какъ олицетвореніе его публики, какъ представительница его сторонниковъ.

Больше всего трогало Гильдуръ именно то, что она была ему необходима, въ чемъ онъ откровенно признавался, говоря, что безъ нея не могъ бы работать. Женская потребность самоотверженія возбуждалась въ ней этимъ сознаниемъ, и ей становилось стыдно покинуть мѣсто, гдѣ она оказывалась кому-нибудь полезной.. Въ душѣ ея происходила страшная борьба. Съ одной стороны, она сознавала, какое тяжелое испытаніе выпадетъ ей на долю, если она останется, и будетъ постоянно страдать отъ своего ложнаго положенія, и принуждена будетъ постоянно бороться противъ сомнѣній. Развѣ не лучше было бы, столько же ради него, какъ и ради собственнаго счастья, устраниваться отъ всего этого? Но, съ другой стороны, вправѣ ли она покинуть его въ самыя трудныя минуты испытанія, если они любятъ другъ друга, и она обѣщала ему свою вѣрность, и онъ просилъ ее остаться?

Она выпрямилась на кушеткѣ, отстранила его рукой и проговорила въ сильнѣйшемъ возбужденіи:

— Уйди, Сеть! Оставь меня одну... Я подумаю, и завтра же дамъ тебѣ отвѣтъ.

Онъ ушелъ.

Цѣлую ночь она не смыкала глазъ, продолжая бороться съ своими сомнѣніями. Но утромъ, когда Сеть Бурманъ зашелъ справиться объ ея здоровьи, она была уже одѣта и совершенно приготовлена принять его.

Въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ, съ которымъ онъ подошелъ къ ней, она бросилась ему на шею и сказала:

— Я останусь съ тобой, пока въ силахъ, и пока имѣю право!

Съ этого дня многое перемѣнилось, хотя отнюдь не для Сета Бурмана. Его отношенія къ Гильдуръ остались прежнія, и его надежды на будущее счастье не поколебались. Онъ и представить себѣ не могъ, чтобы безотвѣтная женщина, которую онъ называлъ когда-то своей женой, могла серьезно стать ему поперекъ дороги. Но для Гильдуръ все измѣнилось.

Она не знала уже покоя. При всемъ желаніи, она не могла уже считать Сета Бурмана своимъ безспорнымъ женихомъ. И въ ней стала проявляться все возраставшая сдержанность, мѣшавшая ей относиться къ нему съ прежней нѣжностью.

Сначала онъ не замѣчалъ этой перемѣны и выказывалъ ей больше любви, чѣмъ прежде, понимая, что въ ея сердцѣ должны были остаться кое-какіе шипы, и стараясь удалить ихъ нѣжными ласками. Но вотъ, мало-по-малу его стала возмущать ея холодность, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и сталъ раздражаться.

Онъ требовалъ, чтобы она раздѣляла его увѣренность въ томъ, что никто не посмѣетъ стать имъ поперекъ дороги. Его бѣсили ея сомнѣнія, и, привыкнувъ къ тому, что она раздѣляла всѣ его взгляды, онъ принималъ эти сомнѣнія, какъ оскорбительный для него знакъ недоувѣрія.

Въ первый разъ у нихъ оказывались противоположныя мнѣнія въ серьезномъ вопросѣ, и онъ относился къ этому съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Это сдѣлалось большимъ мѣстомъ, котораго ни онъ, ни она не могли касаться безъ раздраженія. Пришлось избѣгать всего, что могло имѣть отношеніе къ этому пункту, и вскорѣ Гильдуръ стала замѣчать, что у нея накопился цѣлый міръ чувствъ и мыслей, которыми она не дѣлилась съ Сетомъ, потому что боялась затронуть щекотливые вопросы. Нарождалась рознь...

Какъ-то зайдя къ Бурману, Гильдуръ застала дома одну Маю. Старуха была занята уборкой бѣлья, и Гильдуръ вошла къ ней въ комнату поболтать въ ожиданія возвращенія Лени и Бурмана.

Въ разговорѣ на глаза ей попалась та самая фотографическая карточка нарядно одѣтой молодой женщины, которую она уже однажды разсматривала въ болѣзни Маи. Не обращая вниманія на недовольные взгляды, которыми старуха слѣдила за ея движеніями, она взяла карточку въ руки и стала пристально ее разсматривать. Горькое чувство подни-

малось въ ней при видѣ изображенія ненавистой женщины, которая со дня на день могла сама явиться передъ ней, и разбить все ея счастье. Но тѣмъ сильнѣе притягивала ея взгляды эта карточка.

— Хороша она?—спросила Гильдуръ, не оборачиваясь.

Мая сложила бѣлье, которое держала въ рукахъ, и процѣдила, точно нехотя:

— Да, она была очень хороша.

Гильдуръ ни разу не говорила еще съ Маей ни о своемъ обрученіи съ Бурманомъ, ни о его первой женѣ. Ни словомъ не обмѣнялись объ женщины и объ отчаяннѣ, овладѣвшемъ Гильдуръ по полученіи злополучнаго письма. Но можно вѣдь было считать несомнѣннымъ, что Мая и безъ того знала все, что дѣлалось въ семьѣ Бурмана, и поэтому Гильдуръ нашла нѣсколько страннымъ такое явное нежеланіе старухи говорить съ ней объ этихъ вещахъ. Во всякомъ случаѣ, она, не желая упустить случая разузнать кое-что о своей предшественницѣ, и, полагаясь на добрыя отношенія, всегда существовавшія между нею и старухой, возобновила разспросы.

— Вы любили ее, Мая?—спросила она.

— Да, я сказала бы неправду, если бы стала отрицать это. Бѣдняжка! Ко мнѣ она, во всякомъ случаѣ, всегда была добра

— Бѣдняжка? Стало быть, вамъ жаль ея?

— Гм... да! — Мая старательно разглаживала бѣлье, которое раскладывала на полкахъ шкафа, и не оборачивалась. — Да, барышня;—прибавила она,—многихъ людей приходится пожалѣть въ наше время! Гм. Не легко стало жить на свѣтѣ, охъ, какъ нелегко!

Гильдуръ иронически посмотрѣла на фотографію.

— Она выглядит такой молодой, здоровой, безпечной. Развѣ тяжела была для нея жизнь?

— Да, ей жилось очень не весело. Видите ли, не надо никогда думать, что вина всегда на одной сторонѣ... Вѣдь нашъ докторъ, господинъ Бурманъ, не любитъ уступать и дѣлаетъ все по своему; а она была такого характера, что не умѣла быть серьезной... Ну, вотъ, и пошло! Сперва докторъ не сталъ принимать ея родственниковъ и ея не сталъ къ нимъ пускать. Потомъ ему не понравилось, что она много шутитъ и смѣется съ знакомыми, и ихъ онъ не сталъ принимать... Ну, стало ей скучно, а смириться она не захотѣла;

и вотъ, стали они жить такъ: докторъ въ одну сторону, а она въ другую. Вотъ и случилось...

Съ портрета смотрѣли на Гильдуръ такіе смѣлые, веселые глаза, что, казалось, госпожа Бурманъ, смѣясь, подтверждала слова старухи.

Еще съ минуту разсматривала Гильдуръ красивое лицо, которое въ одно и то же время и плѣняло, и отталкивало ее, потомъ, тихо поставивъ портретъ на комодъ, вивнула Маѣ и вышла изъ комнаты.

Безыскусственный рассказъ старухи долго еще звучалъ въ ея ухахъ, и ей казалось, что за немногими словами этого рассказа, прятались длинныя и невеселыя исторіи. Тутъ видимо была борьба двухъ противоположныхъ, сильныхъ натуръ, и такъ какъ ни одинъ изъ борцовъ не пожелалъ уступить, явился разрывъ.

Но... но развѣ необходимо одному изъ двухъ уступить, если двое хотятъ ужиться? И способна ли она сама всегда уступать?

Въ первый разъ задавала себѣ Гильдуръ такой вопросъ, и даже теперь онъ показался ей совершенно вздорнымъ. Вѣдь между нею и Сетомъ не можетъ же быть серьезныхъ разногласій. Когда она проситъ его о чемъ-нибудь или онъ проситъ ее, — каждый изъ нихъ съ радостью готовъ исполнить желаніе другого. Только вотъ, въ послѣднее время... Мысли ея приняли другое направленіе:

„Если онъ любить меня и не хочетъ ломать моей воли, почему же онъ никогда не помнитъ моихъ желаній и не соображается съ моими взглядами? Почему онъ такъ часто поступаетъ наперекоръ моимъ желаніямъ и никогда не догадывается сдѣлать что-нибудь, что могло бы обрадовать меня? Или онъ забываетъ обо мнѣ, или же и не заботится узнать о моихъ склонностяхъ... Наконецъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда я не согласна съ нимъ, почему онъ даже не пытается понять моей точки зрѣнія, совершенно пренебрегаетъ ею? Я же сама вѣдь радуюсь, горжусь тѣмъ, что принимаю его...

Всѣ эти размышленія повели только къ тому, что она рассердилась на себя. Она, очевидно, поддалась дурному вліянію, которое произвелъ на нее рассказъ Маи, и теперь придиралась къ пустякамъ, стараясь найти въ Сетѣ дурное!..

И что же она нашла? Ничтожныя мелочи, невниманіе, зависящія отъ его разсѣянности! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ

требовать, чтобы въ головѣ, всегда переполненной творческими замыслами, оставалось еще мѣстечко для мелочныхъ соображеній о какихъ-нибудь вкусахъ, сьлонностяхъ, фантазіяхъ окружающихъ его людей!

При этихъ мысляхъ сердце ея сжалось еще болѣзненнѣе прежняго.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ „великій человекъ“!

Теперь случилось именно то, что она съ ненавистью думала о своихъ соперницахъ,—политикѣ и литературѣ. Если бы она могла, она отобрала бы у него перо и превратила бы его въ обыкновеннаго смертнаго! Но такой власти ей не было дано, да и нельзя было бы сдѣлать этого, потому что Бурманъ былъ рожденъ съ характеромъ „великаго человека“. Безъ пера, безъ каеэды, безъ славы—онъ былъ бы такимъ же, какъ и теперь. То, что подняло его надъ общимъ уровнемъ людей, и чѣмъ объяснялись всѣ его хорошія и дурныя стороны—это были его умъ, его честолюбіе, его индивидуальность. Его себялюбіе было лишь плодомъ сознанія своихъ достоинствъ. Его увѣренность въ своей непогрѣшимости—тоже. Ужъ не эта ли непогрѣшимость и сыграла главную роль въ его первой супружеской драмѣ? Ужъ не ею ли объяснялось и то, что онъ такъ мало сообразовался съ желаніями другихъ людей?

Гильдуръ въ безпокойствѣ поднялась съ дивана, на которомъ предавалась этимъ размышленіямъ, и схватила за голову. Нѣтъ, не слѣдовало размышлять о такихъ вещахъ! Она вѣдь попадала только въ заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода, и въ которомъ она на каждомъ шагѣ натывалась на самые мучительные, неразрѣшимые вопросы.

Но не такъ-то легко было оторваться отъ такихъ размышленій. Потянулись дни, а Гильдуръ, не успокоивалась, и съ каждымъ новымъ днемъ будущее представлялось ей все неопредѣленнѣе и неопредѣленнѣе прежняго. Она чувствовала себя, точно на зыбкой трясинѣ, и уже боялась идти впередъ. А идти впередъ приходилось, потому что она все еще любила Сета, и даже въ мысляхъ не хотѣла допустить разрыва съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе, она инстинктивно сознавала, что необходимо приготовить Бурмана и приготовиться самой къ возможной перемѣнѣ въ ихъ отношеніяхъ. И она стала избѣгать свиданій съ женихомъ, выдавъ съ нимъ какъ можно рѣже и пріучая его смотрѣть на ихъ связь, какъ на нѣчто не вполне прочное.

Обстоятельства въ этомъ ей помогли. Свободнаго времени у Бурмана было теперь очень мало, работы же и хлопотъ набиралось все болѣе и болѣе, и онъ не замѣчалъ, среди всего этого, совершавшейся въ его невѣстѣ перемѣны. Онъ писалъ статью за статьей для своей газеты, работалъ надъ особымъ политическимъ памфлетомъ, и, въ довершеніе всего, принялся еще за новый большой романъ, который долженъ былъ служить продолженіемъ его послѣдняго романа, и отъ котораго онъ ожидалъ очень многого. Недавній успѣхъ сильно ободрилъ его, и его творческія силы точно удесятирились. Теперь, одержавъ такую блистательную побѣду надъ своими противниками и заручившись большимъ кругомъ читателей, онъ уже не сомнѣвался въ дальнѣйшемъ успѣхѣ какъ на политическомъ, такъ и на литературномъ поприщѣхъ, и лихорадочно работалъ, не давая себѣ ни минуты отдыха.

Такимъ образомъ, сами обстоятельства складывались такъ, что ихъ свиданія происходили все рѣже и рѣже. Гильдуръ и Бурманъ встрѣчались теперь уже только на короткое время, по вечерамъ, и то далеко не всегда случалось, такъ какъ къ Бурману часто заходили по вечерамъ сотрудники по дѣламъ газеты, а Гильдуръ начала чаще выѣзжать изъ дому и принимать у себя гостей.

Сеть Бурманъ жаловался иногда на разлучавшія ихъ обстоятельства. По временамъ, особенно когда Гильдуръ нѣсколько вечеровъ кряду выѣзжала изъ дому, онъ даже началъ подозрѣвать истину. Въ этихъ случаяхъ онъ бралъ иногда голову Гильдуръ обѣими руками, печально смотрѣлъ ей въ лицо и говорилъ:

— Прежде ты бы этого не сдѣлала!

Тогда слезы подступали къ ея глазамъ, и она жалобно возражала:

— Не говори этого, Сеть! Ты и представить себѣ не можешь, какъ огорчаешь меня этими словами... Неужели ты не сознаешь, что я бы рада была, что я бы всегда... если бы...

Она не договаривала мысли и умолкала, а онъ не настаивалъ, чувствуя, что они дошли до такого пункта, котораго лучше не слѣдовало касаться. Оба вздыхали и расходились, а Бурманъ нѣкоторое время не могъ взяться за работу: его начинало волновать то, что опять изъ Берлина давно уже нѣтъ извѣстій и никакъ не удавалось узнать адреса жены.

О, если бы у него только былъ въ рукахъ этотъ несчаст-

ный адресъ! Онъ твердо былъ увѣренъ, что все устроится хорошо, только бы его узнать... Да и становилось уже черезчуръ мучительно видѣть постоянную тревогу бѣдной Гильдуръ!

Однако онъ не долго мучился такими размышленіями и вскорѣ уже опять сидѣлъ, весь уйдя въ свой трудъ.

Со своей стороны и Гертрудъ помогала разлученію Гильдуръ и Бурмана. Она никогда не могла вполне примириться съ двусмысленнымъ, по ея мнѣнію, положеніемъ, въ которое поставила себя ея золовка, и злополучное письмо изъ Берлина было для нея почти радостной вѣстью. Теперь она быстро подмѣтила старанія Гильдуръ нѣсколько отдалиться отъ Бурмана и сейчасъ же воспользовалась удобнымъ случаемъ расколдовать чувства помолвленныхъ.

Прежде всего она сдѣлалась опять такъ же ласкова и внимательна къ Гильдуръ, какъ и до помолвки. Замѣтивъ, что она старается выѣзжать изъ дому и принимать гостей, чтобы мѣшать свиданіямъ съ Сетомъ, она, въ свою очередь, тоже стала приглашать гостей, принимать приглашенія за себя и за Гильдуръ. Ожили даже ея надежды на Валеріуса. Съ нимъ она подъ разными предлогами оставляла Гильдуръ наединѣ, заставляя ихъ играть въ экарте, а когда сопровождала ихъ на катокъ, всегда находила предлогъ куда-нибудь скрыться, и Валеріусъ съ Гильдуръ снова оставались вдвоемъ.

Все это было довольно замѣтно и сейчасъ же бросилось Гильдуръ въ глаза. Но она была увѣрена въ себѣ, и только улыбалась надъ ухищреніями невѣстки. Въ ея теперешнемъ нервномъ состояніи для нея было истиннымъ удовольствіемъ, какъ можно больше бывать въ обществѣ Валеріуса, который такъ умѣлъ успокоивать и утѣшать ее, ни словомъ не касаясь того, что еѣ тревожило, и вполне понимая ее.

Какъ-то, послѣ обѣда, она акомпанировала Валеріусу, который спѣлъ какой-то новый романсъ, и затѣмъ начала задумчиво наигрывать отрывки мелодій, погруженная въ свои невеселыя мысли. Онъ стоялъ у рояля и пристально смотрѣлъ на нее.

За послѣднее время она сильно измѣнилась. Она замѣтно похудѣла, лицо осунулось, руки стали точно прозрачныя...

— Знаете, что? — сказалъ онъ неожиданно. — По моему, вы лѣнны!

— Лѣнна? — переспросила она съ удивленіемъ и невольно улыбнулась.

— Да. У васъ нѣтъ настоящихъ занятій, нѣтъ труда.

— А почему вы знаете?

— Это вѣдь замѣтно по вашей наружности! У васъ слишкомъ избѣженные руки. Такихъ рукъ не бываетъ у трудящагося человѣка.

— Не прикажете ли вязать чулки для бѣдныхъ дѣтей?—спросила она насмѣшливо.

— Да, если вы въ состояніи думать о бѣдныхъ дѣтяхъ въ то время, какъ вяжете имъ чулки.

Она усталымъ движеніемъ провела рукой по лбу и проговорила:

— Ну, столько-то я врядъ ли могу сдѣлать для бѣдныхъ дѣтей.

— Ну, такъ найдите себѣ какое-нибудь другое занятіе, но непременно такое, которое приковывало бы къ нему всѣ ваши мысли. Право, даже некрасиво имѣть такія блѣдныя, жалкія руки! Нужно позаботиться о нихъ, хотя бы ради красоты...

Она печально улыбнулась. Ей было пріятно слышать тревогу за нее, звучавшую въ его голосѣ, не смотря на шуточный тонъ. Потомъ она посмотрѣла на свои руки и спросила, не поднимая глазъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Читайте.

— О, читала я довольно! Все, что получше, давно прочла, а хлама не стоитъ и читать, тѣмъ болѣе, что хламъ и развлекать не можетъ.

— Какъ, вы успѣли прочесть все, что получше?—удивился онъ.—Въ такомъ случаѣ, преклоняюсь передъ вашей ученостью!

И онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣсилъ ей насмѣшливый поклонъ.

— Т.-е. я хотѣла сказать, что прочла все, что получше изъ доступнаго мнѣ,—поправилась она.

— И въ этомъ позвольте усомниться. Хорошаго чтенія хватитъ на всякую жизнь!..

Поигрывая салфеточкой, которой была прикрыта на роялѣ рабочая корзинка Гильдуръ, онъ сталъ говорить о литературѣ. По его словамъ, самые образованные изъ свѣтскихъ людей не имѣютъ понятія хотя бы о четверти хорошихъ книгъ, и это даже въ одной только области изящной словесности. Особенно же мало или вовсе неизвѣстны иностран-

ные писатели, такъ какъ на шведскій языкъ переводится изъ нихъ самая ничтожная часть.

— Загляните-ка въ каталоги книжныхъ магазиновъ, и вы увидите, какъ мало у насъ извѣстны иностранныя книги. А между тѣмъ, спросите любого знатока иностранной литературы, даже любого образованнаго иностранца, и онъ перечислитъ множество произведеній, производящихъ въ своемъ отечествѣ огромное впечатлѣніе.

Гильдуръ слушала его однимъ ухомъ, повидимому, опять занятая своими мыслями. Очевидно, вопросъ о чтеніи не интересовалъ ея, или она не вѣрила, чтобы книги могли ее развлечь.

— Мало того, что вы нашли бы что прочесть въ иностранной литературѣ,—продолжалъ онъ, нисколько не смущаясь ея равнодушіемъ,—вы могли бы оказать и огромную услугу своимъ соотечественникамъ. Подумайте, какъ мало распространено у насъ знаніе языковъ, и какъ благодарны были бы вамъ шведскіе читатели, если бы вы перевели или хоть указали бы переводчикамъ, нѣкоторыя прекрасныя сочиненія.

На этотъ разъ онъ добился ея вниманія.

— Вы говорите серьезно?—спросила она.

— Конечно! Вы заработали бы столько денегъ, что могли бы закупить бѣднымъ дѣтямъ больше чулокъ, чѣмъ навязали бы въ продолженіе всей вашей жизни, наконецъ, могли бы доставить заработокъ бѣднымъ переводчикамъ, которымъ нечего ѣсть, и у которыхъ нѣтъ ни свободнаго времени, ни вкуса, ни случая, необходимыхъ для выбора стоящихъ перевода книгъ. Не говорю уже объ удовольствіи, какое вы доставили бы подписчицамъ журналовъ и библіотекъ!

Гильдуръ улыбнулась, отнесшись къ дѣлу полу-шутливо, какъ и онъ. Но потомъ она долго обдумывала сдѣланный ей намекъ и на слѣдующій день сама первая заговорила съ Валеріусомъ о „скрытой отъ шведскихъ читателей“ литературѣ.

Ее начинала заманивать перспектива интересныхъ открытій и полезной дѣятельности. У нея были родственники и знакомые въ Англіи, Германіи, во Франціи. Отъ нихъ она легко могла получить нужныя указанія, а языки она знала въ совершенствѣ. Въ концѣ концовъ она такъ увлеклась этой идеей, что попросила у Валеріуса совѣта, какіе именно вопросы сдѣлать своимъ заграничнымъ знакомымъ, и высказала намѣреніе завтра же отправить письма.

Опытный въ журнальномъ и издательскомъ дѣлѣ, Валеріусъ тотчасъ же далъ ей практическіе совѣты, указавъ, въ какихъ отрасляхъ литературы и среди какихъ авторовъ надо было искать стоящія перевода книги, и наконецъ намекнулъ, что, въ случаѣ успѣшности перевода, къ услугамъ Гильдуръ будетъ Бальдерская издательская фирма.

Возможность забыться въ трудѣ и ожить среди полезной и интересной дѣятельности, такъ увлекла Гильдуръ, что щеки ея разгорѣлись, въ глазахъ появился уже давно не замѣчавшійся въ нихъ огонекъ, и вотъ она опять та же свѣжая, жизнерадостная дѣвушка, какой была до получения этого сквернаго письма изъ Берлина.

— Мы еще ничего и не сдѣлали, а ужъ ваши руки выглядятъ лучше!—сказавъ Валеріусъ, когда она подала ему руку на прощаніе.

Онъ шутилъ, но замѣтно было, что онъ серьезно радовался за Гильдуръ, гордясь тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать...

Гильдуръ ждала очень многого отъ своей будущей работы. Эта работа обѣщала ей развлеченіе, а главное, что-то такое, что должно было еще болѣе приблизить ее къ Бурману. Вѣдь это такой трудъ, который непременно долженъ заинтересовать его. Ему представился бы случай относиться къ ней не только какъ къ возлюбленной и узнать ее съ такой стороны, съ какой онъ вовсе не зналъ ея до сихъ поръ. Можетъ быть, онъ станетъ тогда больше обращать вниманія и на ея личные взгляды и убѣжденія. Какъ мала ни была бы ея работа въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалъ онъ, это все-таки работа литературная, которая могла привлечь его вниманіе.

Не разсѣется-ли тогда и то неопредѣленное чувство неудовлетворительности, которое мучило ее столько времени? Вѣдь теперь у нихъ будутъ сходные интересы и нѣчто общее въ трудѣ?..

Всѣ эти мысли проносились въ головѣ Гильдуръ, когда вечеромъ она сидѣла у Бурмана и помогала ему читать корректуру, слѣдя по оригиналу. Впрочемъ, слѣдила она довольно плохо и надѣлала нѣсколько ошибокъ, такъ какъ ее отвлекали отъ предмета роившіяся въ мозгу мысли.

— Какая ты сегодня разсѣянная, моя милая помощница!—съ улыбкой замѣтилъ Бурманъ, когда корректура была окончена.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и сталъ ласкать ея волосы.

Тогда Гильдуръ объявила ему свою новость. Она съ увлеченіемъ рассказала о сдѣланномъ ей предложеніи, краснорѣчиво изложила всѣ хорошія стороны такой работы, и закончила выраженіемъ увѣренности, что переводъ у нея выйдетъ отличный. Вѣдь она вполнѣ владѣетъ языками, и сама хорошо пишетъ, а главное, вѣдь тутъ работа не на спѣхъ и не ради заработка!

Сеть Бурманъ слушалъ ее съ добродушной усмѣшкой, съ какой взрослые слушаютъ мечты ребенка, разсуждающаго о подвигахъ, которые онъ намѣренъ совершить въ будущемъ.

— А кто же сдѣлалъ тебѣ это предложеніе? — спросилъ онъ, наконецъ.

До сихъ поръ Гильдуръ ухитрилась ни разу не назвать Валериуса, инстинктивно чувствуя, что это имя испортитъ все. Но теперь пришлось назвать его и признаться, что это всецѣло его выдумка.

Бурманъ насушился.

— Вѣроятно, онъ беретъ и помѣститъ или издать твой переводъ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да, т.-е., онъ не обѣщалъ навѣрное, но, если выйдетъ какой-нибудь прокъ изъ перевода, то онъ готовъ принять мой трудъ...

— Вотъ какъ! Что же, это хорошо!..

Онъ собралъ разсыпанные по столу корректурные листы и, молча пошелъ въ свой кабинетъ. Въ дверяхъ онъ приостановился и, не оглядываясь, сказалъ, что идетъ писать срочную статью.

Гильдуръ осталась у стола въ гостиной, разсѣянно чертя карандашомъ по бумагѣ. Отъ ея великой радости не осталось и слѣда. Она поняла, что такъ будетъ всегда, что всякое дѣло, которымъ она захочетъ заполнить пустоту своей жизни, будетъ разбито въ самомъ началѣ! Ей приходилось отказываться отъ всякой надежды когда-нибудь найти такую дѣятельность, въ которой она могла бы соприкасаться съ дѣятельностью Сета, и въ то же время выказать нѣкоторую самостоятельность, личный вкусъ и личные взгляды. Такихъ вещей онъ, очевидно, не любилъ...

Лена заговорила съ нею, и она машинально отвѣчала ей, не понимая даже, о чемъ шла рѣчь. Черезъ минуту она бросила карандашъ, и поднялась, чтобы уйти.

Простившись съ Леной, она подошла къ дверямъ кабинета и, не заходя туда, крикнула Бурману: „до свиданія“. Но онъ быстро обернулся и попросилъ ее войти.

Она приблизилась къ его столу и довольно холодно спросила его, что ему нужно. Тогда онъ овладѣлъ ея рукой, и сказалъ:

— Неужели ты не понимаешь, Гильдуръ, что меня можетъ огорчить то, что у тебя такъ мало со мной общаго, что ты готова принимать услуги отъ человѣка, съ которымъ я не хочу имѣть никакого дѣла!

Въ послѣднее время онъ, дѣйствительно, прервалъ всякія дѣловыя сношенія съ Бальдерской типографіей и печаталъ свои сочиненія исключительно въ типографіи Ветерлинга. Но съ Валеріусомъ онъ не ссорился, и, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ говорить, что „не имѣеть съ нимъ дѣла“.

— Ахъ, Сеть!—вскричала Гильдуръ. — Не хочешь же ты сказать, что онъ такой дурной человѣкъ, что съ нимъ не стоитъ имѣть дѣло? Не особенно давно, ты самъ пользовался его услугами и называлъ его другомъ!..

Сеть Бурманъ нѣсколько смутился. Онъ поигрывалъ концами шарфа Гильдуръ и невольно задумался о Валеріусѣ. Этотъ человѣкъ постоянно сбивалъ его съ толку, то привлекая его, то внушая какія-то неопредѣленные враждебныя чувства. Теперь, напримѣръ, когда ему хотѣлось отнестись въ нему безпристрастно, чтобы холодно выставить его передъ Гильдуръ такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности, онъ почувствовалъ невозможность чернить его, и какой-то внушенный голосъ властно вступилъ за него.

— Гм!—протянулъ онъ. —Друзьями, если хочешь, насъ можно назвать и теперь... Никогда я не утверждалъ, что онъ дурной человѣкъ! Наоборотъ, онъ честный, добрый... вообще, порядочный человѣкъ. Его можно уважать, а какъ знакомый и собесѣдникъ, онъ положительно пріятель... Но...

Бурманъ передохнулъ. Облегчивъ свою совѣсть такими крупными уступками, которыя онъ сдѣлалъ нѣсколько угрюмо и какъ бы неохотно, онъ считалъ себя вправѣ говорить уже безъ стѣсненій и воинственно поднялъ голову.

— Но,—продолжалъ онъ, — тѣмъ не менѣе, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я далъ себѣ слово держать себя насторожѣ и никогда не возобновлять дѣловыхъ сношеній. Развѣ ты не обратила вниманіе на то, что онъ всегда себѣ на умѣ? За каждымъ его словомъ остается что-то не досказанное, что-то затаенное... Это вѣдь такъ замѣтно.

Она подумала. Въ словахъ Сета была доля истины. Ва-

леріусъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ обыкновеніе не договаривать все сразу, какъ бы нащупывая почву и боясь, что его слова будутъ истолкованы неправильно.

— Да, у него есть это!—согласилась Гильдуръ.— Но его мысли всегда честны, и его нетрудно бываетъ понять.

— Во всякомъ случаѣ, льщу себя надеждой, что я-то понимаю его!—замѣтилъ Сетъ злорадно.

— Нѣтъ, Сетъ, ты-то чаще всего и заблуждаешься на его счетъ. Въ этомъ я увѣрена! Только изъ-за того, что онъ любитъ выражаться намеками и не сразу подходитъ прямо къ предмету, ты уже подозреваешь его въ неискренности и Богъ знаетъ въ чемъ. Но, увѣряю тебя, ты заблуждаешься!

Она часто размышляла о непонятной и все увеличивавшейся враждѣ Сета къ Валеріусу. Эта вражда началась съ того вечера, когда Валеріусъ разоблачилъ истинное значеніе внезапной любезности норвежскаго министра, и съ тѣхъ поръ не угасала; не смотря на временныя измѣненія въ настроеніи Бурмана. Сетъ былъ обидчивъ и злопамятенъ, и, очевидно, это ничтожное, но неприятное разоблаченіе глубоко запало ему въ душу. Съ тѣхъ поръ всякое прямодушное замѣчаніе Валеріуса насчетъ какой-нибудь слабости Бурмана принималось имъ уже, какъ обида. Въ особенности же должна была его обидѣть выходка Валеріуса въ день помолвки. Бурманъ любилъ судить о другихъ, но не переносилъ сужденій о себѣ, тѣмъ болѣе такихъ, каковы были сужденія, высказанныя тогда Валеріусомъ. Все это было объяснимо. Непонятнымъ казалось только то упорство, съ какимъ Сетъ старался видѣть что-то затаенное и неискреннее въ прямодушныхъ и, на этотъ разъ, вполне досказанныхъ словахъ друга. Съ Бурманомъ Валеріусъ былъ даже слишкомъ откровененъ и уже, во всякомъ случаѣ, не лукавилъ. Въ этомъ Гильдуръ была вполне увѣрена, а потому-то и не постѣснилась сказать Сету, что онъ заблуждался на счетъ Валеріуса.

Но Бурману это не понравилось. Онъ выпустилъ изъ рукъ конецъ шарфа, которымъ поигрывалъ, и посмотрѣлъ на Гильдуръ съ раздраженіемъ.

— Вотъ какъ?!—сказалъ онъ.—Такъ я заблуждаюсь? Въ такомъ случаѣ, врядъ ли стоитъ продолжать этотъ разговоръ. Твои симпатіи на сторонѣ непонятаго? Такъ иди къ нему... иди съ Богомъ!

Она выпрямилась и хотѣла уже уйти. Но сердце у нея дрогнуло. Тяжело было уйти, не примирившись.

— Милый Сеть,—сказала она и, снова склонившись въ нему, обняла его.—Не будемъ же ссориться изъ-за такихъ пустяковъ. Ты полагаешь одно, я—другое, но развѣ это причина сердиться и ссориться? Во всякомъ случаѣ, ты не долженъ думать, что я не солидарна съ тобой. Я не приму услугъ отъ людей, которымъ ты не желаешь обязываться, и ни въ какомъ случаѣ не поступлю тебѣ наперекоръ.

При этихъ словахъ онъ весь просіялъ, прижалъ ее къ груди и крѣпко поцѣловалъ.

Опять онъ видѣлъ въ ней свою прежнюю милую Гильдуръ! Въ послѣднее время она иногда точно ускользала отъ него... Но теперь все прошло—не правда-ли?—и навсегда! И они снова сидѣли рядомъ, счастливые и веселые.

Но послѣ первыхъ минутъ радостнаго примиренія въ Гильдуръ снова проснулись опасенія за будущее. Не хотѣлось ей отказаться отъ труда, въ которомъ она надѣялась найти утѣшеніе въ настоящемъ, и осмысленную дѣятельность въ будущемъ! И она осторожно навела разговоръ снова на переводы.

А что, если она обойдется безъ всякихъ услугъ Валериуса? Что можетъ Сеть имѣть противъ ея труда въ этомъ случаѣ?

Онъ подумалъ.

— Это вѣдь его предложеніе и, конечно, онъ будетъ интересоваться твоимъ трудомъ даже если и не будетъ твоимъ издателемъ,—замѣтилъ онъ.—Да и трудно было бы устранить его... вполне. Лучше бы не начинать.

Но, восхищенная тѣмъ, что Сеть не отвѣтилъ категорическимъ запрещеніемъ, Гильдуръ стала настаивать и бралась все устроить, какъ нельзя лучше. Вѣдь она могла сказать, что руководить ея работой берется самъ Сеть, а такъ какъ у Сета былъ свой постоянный издатель, то не будетъ ничего удивительнаго если, и она предпочтетъ обратиться въ этому издателю. Пусть ей предоставятъ только свободу дѣйствовать.

Въ концѣ концовъ она таки добилась позволенія взяться за переводы. Тогда она пришла въ настоящій восторгъ и стала краснорѣчиво говорить о томъ, чего ждала для себя отъ этой работы.

— Знаешь, Сеть,—говорила она между прочимъ,—вѣдь меня просто мучила мысль, что ты считаешь меня такимъ ничтожествомъ...

— Ничтожествомъ?!!

Онъ хотѣлъ негодующе протестовать, но она рукой зажала ему ротъ, и продолжала:

— Да, да, я чувствовала, что это такъ. Замѣтно вѣдь, что тебѣ и слушать не хочется, когда я дѣлаю свои глупыя замѣчанія о такихъ вещахъ, какъ литература, и т. п. Ты врядъ ли слышишь, что я говорю въ такихъ случаяхъ, и во всякомъ случаѣ тотчасъ же забываешь все, что я говорю, потому что мои разсужденія объ этихъ вещахъ въ самомъ дѣлѣ совершенный вздоръ. Я вѣдь сама сознаю это. Вотъ другое дѣло, если бы я нашла себѣ посильный интеллигентный трудъ, который самъ по себѣ заинтересовалъ бы тебя. При этомъ и у меня выработались бы, пожалуй, собственные, не совсѣмъ глупыя сужденія, и тогда бы ты, можетъ быть, сталъ меня слушать. Тяжело вѣдь быть ничтожествомъ и не имѣть даже права на вниманіе людей.

Онъ не зналъ, что ей возразить, и только крѣпче прежняго обнималъ ее. Никогда еще ему и въ голову не приходило, чтобы у нея могли копошиться такія странныя мысли. И когда же это онъ находилъ ее ничтожной? Никогда! Онъ любилъ ее такой, какова она есть, и не желалъ никакой перемѣны. Впрочемъ, если она полагаетъ, что существуетъ на свѣтѣ хоть что-нибудь, что можетъ еще болѣе сблизить ихъ, то съ Богомъ!—пусть она вооружится этимъ и попробуетъ еще крѣпче затянуть связывающій ихъ узелъ. Но онъ увѣренъ, что это бесполезно, такъ какъ онъ и безъ того знаетъ, что всю жизнь будетъ слѣдовать за ней, какъ вѣрный пудель!

Говоря это, „вѣрный пудель“ цѣловалъ ей руки и былъ такъ же счастливъ, какъ она. Его восхищало то, что глаза ея опять сверкали, а на устахъ снова играла счастливая улыбка, какъ въ началѣ зимы, когда еще ничто не омрачало ихъ счастья.

II.

На письма Гильдуръ своевременно получены были отвѣты и цѣлые ворохи книгъ на трехъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ. Надъ этими книгами просиживала она теперь до самаго обѣда, не замѣчая времени, которое прежде тянулось для нея такъ невыносимо медленно. Въ числѣ присланныхъ книгъ были и плохія, и уже давнымъ давно переведенныя, но были и такія, которыя сразу заинтересовали ее.

Долго она колебалась въ выборѣ, но, наконецъ, остановилась на одной, сильно заинтересовавшей ее, книгѣ и, согласно уговору, передала ее для предварительнаго просмотра не Валеріусу, а самому Бурману. Тотъ взялъ книгу, обѣщаясь прочесть, какъ можно скорѣе.

Въ ожиданіи отвѣта Бурмана, она тщательно обдумывала прочитанную книгу, чтобы быть совершенно подготовленной къ обсужденію. Прежде, всякій разъ, когда ей приходилось говорить съ Сетомъ о какомъ-нибудь сочиненіи, онъ съ первыхъ же словъ разбивалъ всѣ ея разсужденія, что она приписывала, главнымъ образомъ, своей неподготовленности въ спорамъ, такъ какъ его доводы, сами по себѣ, не всегда казались ей вѣрными. Но, на этотъ разъ, она была вполне подготовлена защищать свое мнѣніе, и намѣревалась удивить Сета.

Между тѣмъ проходили дни за днями, а Бурманъ все еще не удосуживался прочесть книгу. Всякій разъ, когда Гильдуръ напоминала о ней, оказывалось, что у Бурмана не нашлось еще ни одного свободнаго часа. То онъ заваленъ работой, то долженъ былъ принимать сотрудниковъ, то идти въ театръ, такъ какъ самъ велъ въ своей газетѣ и театральныи отдѣлъ.

Гильдуръ ждала терпѣливо, не требуя нисколько чтобы, ради ея переводовъ, Сеть пренебрегалъ своими дѣлами. Лишь изрѣдка она чувствовала нѣкоторое нетерпѣніе, особенно, когда ей случалось слышать безконечные и совершенно праздные споры Бурмана съ Ветерлингомъ, или видѣть, какъ онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ Леной у шахматной доски, заинтересованный трудной шахматной задачей. Но, и въ этихъ случаяхъ, она подавляла свое нетерпѣніе, утѣшаясь мыслью, что, вѣрно, Сеть хочетъ заняться ея книгой серьезно, въ такое время, когда голова его свѣжа, и ничто не отвлекаетъ его отъ занятій.

Зато съ Валеріусомъ приходилось ежедневно говорить о полученныхъ изъ-заграницы книгахъ. Она сообщила ему, что передала на прочтеніе Сету ту книгу, которую сочла наиболѣе подходящей для перевода, но все еще не рѣшалась признаться, что будетъ работать для другого издателя. Съ каждымъ днемъ становилось труднѣе сдѣлать это признаніе человѣку, который такъ безкорыстно помогалъ ей, чѣмъ только могъ. Ей начинало даже казаться, что она поступаетъ предательски, собираясь воспользоваться его идеей, но помимо него, пожалуй, даже во вредъ его изданіямъ... Но она молчала.

Прошло больше недѣли и, такъ какъ Бурманъ все еще не прочелъ книги, Валеріусъ предложилъ Гильдуръ заняться тѣмъ временемъ одной изъ другихъ хорошихъ книгъ.

Она смутилась. Заняться, помимо совѣтовъ Бурмана, значило бы отказаться отъ ея излюбленной мечты о нѣкоторой общности въ трудѣ съ Сетомъ, и, можетъ быть, оскорбить его.

— Не знаю, какъ онъ это приметъ!..—замѣтила она нерѣшительно.

— Что жъ, обождите еще немного!—посоветовалъ Валеріусъ насмѣшливо.—Болѣе полугода онъ книги не продержитъ.

Гильдуръ отвернулась. Не смотря на всю деликатность Валеріуса, у него вырывались подчасъ такія злая насмѣшки надъ Бурманомъ, которыя серьезно огорчали ее. Но возражать было нечего.

— И знаете ли, по правдѣ сказать, винить его не въ чемъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Валеріусъ.—Такъ поступаютъ всѣ признанные писатели. Было время, когда онъ самъ дожидалъ очереди и трепеталъ за свои литературные труды, а теперь онъ самъ заставляетъ дожидаться и трепетать другихъ. Нельзя идти противъ законовъ природы, да и мести сладва!

Эта насмѣшка была еще злѣе первой, но имѣла хоть то достоинство, что давала возможность обратить все въ шутку. Другой поправки, въ сущности, нельзя было сдѣлать, и Гильдуръ улыбнулась.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока Бурманъ оставляетъ насъ въ ожиданіи своего приговора, которымъ намѣренъ озадачить насъ, какъ сюрпризомъ, ничто не мѣшаетъ намъ перевести другую книгу. Вы говорили объ одномъ романѣ съ очень интереснымъ сюжетомъ. Позвольте мнѣ прочесть этотъ романъ, и я скажу, годится ли онъ для перевода.

Что ей было дѣлать? Приходилось тутъ же признаться, что она намѣрена воспользоваться его идеей, но затѣмъ не имѣть съ нимъ никакого дѣла, или же отдать ему книгу..

Она встала и пошла за романомъ.

Уже на слѣдующій же день онъ возвратилъ ей книгу и сказалъ, весело улыбаясь:

— Романъ недуренъ и годится для нашего журнала. На этомъ пока и остановимся.

Онъ ожидалъ, что это сообщеніе обрадуетъ ее. Но она потупилась...

— Романъ вамъ съ самымъ дѣлѣмъ понравился?—спросила она, не поднимая головы.

— Да, написано легко, сюжетъ превосходный, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ... Чего же еще? Если васъ увлекаетъ мысль поработать на этомъ поприщѣ, тутъ и колебаться нечего. Совѣтую сегодня же взяться за переводъ.

— Но я предпочла бы перевести ту, другую, книгу.

— Ту, которая у Бурмана?

— Да.

Она не умѣла притворяться, и онъ замѣтилъ, что она чего-то недоговариваетъ. Наступило неловкое молчаніе. Гильдуръ съ тоской озиралась по сторонамъ, отъ души желая, чтобы кто-нибудь пришелъ помѣшать ей разговору съ Валеріусомъ. Но Гуго сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а Гертрудъ въ дѣтской укладывала дѣтей спать, и никто не приходилъ.

— Понимаю! — сказала наконецъ Валеріусъ. — Мавръ исполнилъ свою обязанность! Мавръ можетъ удалиться!

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскричала она. — Вы не должны такъ понимать мои слова!.. Я не...

Но онъ прервалъ ее дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Не въ первый уже разъ вы поступаете со мной такимъ образомъ! Это было замѣтно уже съ первыхъ дней нашего знакомства, хотя и въ мелочахъ... Во всякомъ случаѣ, я не имѣлъ намѣренія навязываться вамъ съ своими услугами... Простите! Когда встрѣчаешься съ кѣмъ-нибудь каждый день, то принимаешь иногда простую любезность за дружескія отношенія...

Его голубые глаза потемнѣли и сверкали. Никогда еще она не видѣла его въ такомъ возбужденіи; даже ожидать нельзя было такой вспышки отъ этого, всегда спокойнаго, сдержаннаго, человѣка.

И такъ сбылось именно то, чего больше всего опасалась Гильдуръ! Онъ былъ оскорбленъ, и гораздо болѣе оскорбленъ, чѣмъ она ожидала... Съ какой стати ее принуждаютъ оскорблять людей? Почему она не должна принимать дружескихъ услугъ отъ людей, противъ которыхъ ничего не имѣла? Не часто вѣдь предлагаются такія услуги... Наконецъ, какъ смѣтъ ограничивать ея права выбирать своихъ друзей? Этотъ, на-примѣръ, теперь, когда ее заставляютъ жестоко обижать его, дороже ей, чѣмъ когда-либо. Она не хочетъ, наконецъ, потерять его дружбу!

Она была почти такъ же взволнована, какъ и онъ.

— Сеть хочеть, чтобы я печатала свои переводы у его издателя, — сказала она очень тихо.

— Такъ я и зналъ! — проговорилъ Валеріусъ и, склонившись надъ столомъ, сталъ разрывать на мелкіе клочки кусочекъ отвалившейся отъ книги обложки. Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ прибавилъ:

— Я его *bête poigé*, какъ говорятъ французы, и это большая честь для безобидной собаки, которая только и умѣетъ, что повилять хвостомъ. Съ чего это только онъ хочетъ непременно видѣть во мнѣ волка? Какое ему удовольствіе въ этомъ?

Онъ говорилъ уже своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ и, по обыкновенію, подшучивалъ. Но въ его голосѣ слышалась какая-то печальная нотка, которая мучила Гильдуръ, и самая шутка о виляющей хвостомъ собакѣ, которую отгоняли, какъ волка, намекала на многія горькія размышленія.

— Сеть большое дитя, — сказала Гильдуръ. — Какъ дитя, онъ видитъ волковъ за всѣми кустами... Но онъ скоро одумается...

— Можетъ быть.

Онъ отвѣтилъ разсѣяннo, старательно раскладывая на столѣ клочки обложки и... что-то жалкое было въ этой наклоненной надъ столомъ фигурѣ, и вдругъ Гильдуръ почувствовала къ нему острую жалость. Вотъ какъ она отплачивала ему за всю его дружбу, за постоянное вниманіе къ ней, за участіе, съ какимъ онъ относился къ ней въ тяжелыя минуты!

Неожиданно для себя самой схватила она его за руку и промолвила:

— Неужели вы не можете попрежнему остаться моимъ другомъ? Если бы вы знали, какъ это мнѣ необходимо!

Она хотѣла сказать совсѣмъ не то, что сорвалось у нея съ языка помимо ея воли. Но лучшаго утѣшенія для него нельзя было и придумать. Онъ весь просіялъ, точно отъ неожиданной радости, и крѣпко, крѣпко пожалъ руку, такъ своевременно протянутую ему. Черезъ минуту ея уже не было въ комнатѣ, и онъ остался одинъ.

Съ минуту еще сидѣлъ онъ, точно во снѣ, и все еще воображая, что держитъ въ своей рукѣ что-то нѣжное, горячее. Но вдругъ онъ опомнился, всталъ, собралъ клочки бумаги, которыми игралъ, свернулъ изъ нихъ шарикъ и бросилъ въ пепельницу. Затѣмъ, закуривъ папиросу, онъ пошелъ въ кабинетъ Скога и предложилъ ему пройти по бульвару...

Быль полдень. Когда Мая отперала Гильдурь наружную дверь, из гостиной доносились звуки фортепіано. Это Лена играла свою, только что разученную, новую пьесу, какую-то браваурную мазурку, рекомендованную кѣмъ-то Бурману.

Гильдурь остановилась въ дверяхъ и, никѣмъ незамѣченная, стала слушать. Пьеса и самое исполненіе оставляли желать очень многого, но шуму было достаточно. Лена барабанила по клавишамъ съ какимъ-то явнымъ остервененіемъ, и щеки ея горѣли... Оглядѣвшись, Гильдурь увидѣла, что на диванѣ сидѣли два слушателя, ради которыхъ и старалась Лена. Одинъ изъ нихъ былъ Сеть; другой — редакторъ „Стража“, господинъ Ветерлингъ.

Бѣдная Лена!

Гильдурь не могла удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, какъ часто Лену отправляли къ роялю, точно въ застѣнокъ, на пытку. По лицу дѣвушки видно было, какъ неприятно ей исполнять трудную, и къ тому же еще плохую, пьесу передъ чужимъ человѣкомъ. Играть при Ветерлингѣ, какъ Лена сама говорила Гильдурь, было особенно неприятно. Онъ слушалъ съ такимъ вниманіемъ и благодарилъ всегда въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, что становилось даже неловко. А между тѣмъ именно при немъ то и приходилось играть всякій разъ, какъ онъ только приходилъ. Этого желалъ ея отецъ, и этого было довольно.

Когда Лена доиграла наконецъ свою мазурку и съ замѣтнымъ удовольствіемъ захлопнула нотную тетрадь, Гильдурь вошла въ гостиную.

Всѣ поднялись ее привѣтствовать, а Бурманъ съ довольнымъ видомъ улыбнулся ей и, взявъ ее подъ руку, попросилъ войти въ кабинетъ.

— Мнѣ надо кое-о-чемъ поговорить съ тобой!—сказалъ онъ и, замѣтивъ нѣкоторую нерѣшительность, съ какой она взглянула на Лену и Ветерлинга, полагая, очевидно, невѣжливымъ покидать ихъ, прибавилъ:—Ничего, они насъ извинять! Не правда ли, Ветерлингъ? Ты вѣдь никуда не спѣшишь и можешь пока сыграть съ Леной въ шахматы...

Редакторъ объявилъ, что партія въ шахматы доставитъ ему большое удовольствіе...

— Садитесь же и начинайте!—перебилъ его церемонная фраза Бурманъ.—Не зѣвай, Лена! Онъ играетъ недурно...

Онъ вышелъ изъ гостиной съ Гильдурь, руку которой не выпускалъ изъ подъ своей руки.

— Я покажу тебѣ кое-что особенное! — сказалъ онъ уже въ кабинетѣ и, выпустивъ руку Гильдуръ, направился къ книжному шкафу.

Она подумала, что онъ успѣлъ прочесть ея книгу и хочетъ поговорить о ней. У нея даже сердце забилося отъ радостнаго ожиданія. Но, открывъ шкафъ, онъ досталъ съ нижней полки толстую пачку иностранныхъ газетъ и полѣзъ за такой же пачкой на самую верхнюю полку.

— Погоди немножко, — говорилъ онъ, выкидывая на полъ пачку за пачкой, — у меня этого добра много!

Наконецъ, отобравъ цѣлую кучу газетъ, онъ бросилъ всѣ остальные обратно въ шкафъ и заперъ его.

Никакой книги въ его рукахъ не было... И такъ, опять Гильдуръ пришлось испытать разочарованіе! Тоскливо оглянулась она вокругъ себя, равнодушно посмотрѣла черезъ открытыя двери въ гостиную, гдѣ Лена и, видимо ухаживавшій за ней, Ветерлингъ уже сидѣли за шахматнымъ столикомъ, и снова перевела взглядъ на Бурмана.

Между тѣмъ онъ подходилъ къ столу съ цѣлой охабкой газетъ.

— Вотъ тебѣ, моя милая дѣвочка! — сказалъ онъ, сваливая охабку на столъ. — Ты желала найти себѣ полезную работу и развлеченіе? Вотъ тебѣ работа и развлеченіе!

Она съ недовѣріемъ поглядывала на пыльный ворохъ газетъ и на какой-то иллюстрированный журналъ, который Бурманъ развернулъ передъ нею. Чего отъ нея хотѣли?

Но это ей тотчасъ же объяснили. „Стражъ“ нуждался въ матеріалѣ. Эта газета была еще слишкомъ молода и имѣла слишкомъ мало подписчиковъ, чтобы обходиться безъ литературнаго балласта и, такъ какъ средствъ въ распоряженіи редакціи было тоже мало, то рѣшено было пополнять столбцы переводными вещицами: очерками, рассказами, описаніями. При этомъ Бурманъ вспомнилъ о желаніи Гильдуръ сократить свои досуги переводами и взялся ей предложить сдѣлать это для „Стража“ безвозмездно. Вотъ ей и случай безкорыстно послужить на общую пользу! У Бурмана, кстати, набралось довольно много иностранныхъ еженедѣльныхъ журналовъ. Въ нихъ навѣрное найдется чѣмъ позаимствоваться.

Говоря это, онъ переворачивалъ страницы разложеннаго на столѣ иллюстрированнаго журнала, отмѣчая синимъ карандашемъ то какой-нибудь анекдотъ, то маленькій рассказъ,

*

не прочитывая даже того, что отмѣчалъ и руководствуясь исключительно заглавіями.

— Ты вѣдь согласна?—прибавилъ онъ. — Ты вѣдь моя помощница на всю жизнь. Содѣйствуя успѣху „Стража“, ты содѣйствуешь и моему успѣху. Это прямое участіе въ моемъ трудѣ, а именно этого, кажется, ты и желала. Такъ вѣдь?

— Да,—негромко отвѣтила она.

Слушая шелестъ переворачиваемыхъ жесткихъ листовъ, она невольно содрогалась.

Такъ вотъ какъ онъ понялъ ея стремленіе къ интеллигентному труду, который приблизилъ бы ее къ нему! Онъ предлагалъ ей такую работу, которой не дарилъ даже лишняго взгляда, ремесленный трудъ, да еще по исключительнымъ денежнымъ соображеніямъ. Ради сбереженія нѣсколькихъ кронъ въ недѣлю, онъ хотѣлъ, чтобы она превратилась въ пишущую машину къ его услугамъ!

Она твердо рѣшилась не напоминать ему больше о книгѣ, которую онъ взялся прочесть, чтобы дать ей совѣтъ, а прошло уже болѣе двухъ недѣль съ ея послѣдняго напоминанія. Но теперь она не въ силахъ была бы удержаться отъ вопроса.

— А моя французская книга, Сеть? Когда же ты прочитаешь ее?

— Да, да,—замаялся онъ.— Это я сдѣлаю очень скоро. Лишь бы покончить съ изданіемъ моей брошюры о народномъ голосованіи, да заключить этотъ безконечный рядъ статей о свободѣ печати, а тамъ я буду посвободнѣе и непременно займусь твоей книгой. Тебѣ вѣдь не къ спѣху. Теперь у тебя довольно работы.

Онъ улыбнулся ей, точно напоминалъ о сдѣланномъ ей подаркѣ и хотѣлъ приласкать ее. Но она невольно отвернулась. Ее возмущало, что онъ совсѣмъ не хотѣлъ понять ея желаній и симпатій.

Зато неласковость, съ какой она отвернулась отъ него, была что-то такое, что онъ понималъ!

— Ты отворачиваешься отъ меня?—спросилъ онъ обиженно.

— Нѣ-ѣтъ,—протянула она и принудила себя обернуться къ нему. Но это его не успокоило.

— Не знаю, что я такое сдѣлалъ, — сказалъ онъ медленно;—но ты измѣнилась ко мнѣ. Иногда мнѣ начинаетъ даже казаться, что ты совсѣмъ разлюбила меня...

— О, Сеть, Сеть, какъ ты можешь говорить это!— вскричала она и поспѣшила спрятать голову у него на груди. Она точно пряталась отъ чего-то, можетъ быть, отъ себя самой и отъ своихъ постоянныхъ сомнѣній. Неужели она способна когда-либо разлюбить этого большого ребенка, этого великаго человѣка съ наивными недостатками избалованнаго мальчика? Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Нелѣпо даже сомнѣваться въ этомъ.

Когда она высказала это и запечатлѣла свои слова горячимъ поцѣлуемъ, пришлось и ему повѣрить ей. Впрочемъ, онъ самъ уже догадывался, почему она отвернулась отъ него.

— Ты надулась на меня за то, что я до сихъ поръ не прочелъ твоей книги? — сказалъ онъ. — Да? Не отрицай лучше...

— Да нѣтъ же...

— Ну, ну, это вѣдь совершенно естественно, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дѣлѣ затнулось это... съ книгой. Но вотъ увидишь, какъ живо прочту, какъ только хоть немножко удосужусь.

Тучва пронеслась, ц о ней уже больше не вспоминали. Бурманъ опять занялся иностранными журналами и сталъ усердно отмѣчать все, что годилось для его газеты. Желая со своей стороны показать интересъ къ дѣлу, Гильдуръ стала помогать ему. Ни за что не хотѣла она, чтобы онъ подумалъ, что она охотно бы уклонилась отъ труда, котораго онъ просилъ у нея. Въ своемъ усердіи она разыскивала статьи и даже хотѣла идти за совѣтомъ къ Ветерлингу по поводу одного очерка, на счетъ котораго Бурманъ сомнѣвался, но онъ удержалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, — сказалъ онъ. — Пусть еще немножко побудутъ одни.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Такъ ты думаешь, что Лена?..

— Этого вѣдь никогда нельзя угадать навѣрное! — перебилъ онъ, улыбаясь и, замѣтивъ, что Лена смотритъ на него изъ-за шахматнаго стола черезъ раскрытую дверь, привѣтливо кивнулъ ей головой.

— Такъ вотъ, — снова дѣловито заговорилъ онъ, придвигая стулъ поближе къ столу, — отмѣтимъ мы и эту повѣсть.

Говоря это, онъ очертилъ заглавіе повѣсти толстой синей чертой и продолжалъ перелистывать журналъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Джона Леббова.

(Переводъ съ англійскаго).

(Продолженіе *).

ГЛАВА VII.

Патріотизмъ.

Если есть страна, для которой можно работать съ гордостью, то это—наша родина.

«О Англія, по своему внутреннему величію, ты похожа на маленькое тѣло съ великой душой».

По размѣрамъ Англія составляетъ лишь точку въ океанѣ; между тѣмъ, болѣе половины судовъ, плавающихъ въ открытомъ морѣ, украшены британскимъ флагомъ.

Ея географическое положеніе, безъ сомнѣнія, очень выгодно, климатъ умѣренный и пріятный, а серебряная полоса моря избавила насъ отъ многихъ войнъ.

Одинъ ораторъ Соединенныхъ Штатовъ, описывая свою страну, сказалъ, что она ограничена на югѣ—экваторомъ, на востокѣ—Атлантическимъ океаномъ, на сѣверѣ—сѣвернымъ сіяніемъ, а на западѣ—заходящимъ солнцемъ. Можно сказать, безъ преувеличенія, что солнце никогда не заходитъ въ Британской имперіи.

«Британія, —сказалъ Кампбель, —не нуждается въ крѣпостяхъ и башняхъ на границахъ; путь къ ней пролегаетъ черезъ водяныя горы, она покоится на глубокой стихіи».

По словамъ одного американскаго государственнаго дѣятеля, «ея флагъ развѣвается на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ портахъ, и утренній барабанный бой ея солдатъ, слѣдующихъ несъ день за солнцемъ, всю землю непрерывно наполняетъ звукомъ воинственныхъ пѣсенъ Англіи».

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Но больше всего мы можемъ радоваться тому, что наши солдаты появляются вездѣ не какъ враги, а какъ друзья и защитники. Девизъ нашихъ добровольцевъ: «Защита, а не вызовъ»—равно подходитъ къ нашей арміи, какъ и нашему флоту.

Наша великая имперія выросла постепенно. Этимъ мы обязаны энергіи и труду нашихъ предковъ, если и мы не выродились, мы обязаны передать ее нашимъ дѣтямъ не только не ослабленной, но усиленной и улучшенной.

Есть многое, конечно, въ нашей исторіи, о чемъ нельзя не пожалѣть. Но, въ сравненіи съ другими націями, наша страна пролила мало крови.

Если не считать войнъ, то ни одна страна, съ такой долголѣтней исторіей, не пролила такъ мало крови; у насъ не было побоищъ, не было царства террора, не было Сицилійской вечерни.

Въ войнѣ мы всегда были великодушны къ своимъ противникамъ. По окончаніи великой борьбы съ Наполеономъ, когда Франція была совершенно обезсилена, а союзники заняли Парижъ, мы согласились оставить неприкосновенными всѣ территоріи и колоніи Франціи—при одномъ лишь условіи, прекращенія торговли неграми, и не налагали на нее никакого долга, тогда какъ намъ самимъ война обошлась больше, чѣмъ въ 900.000.000 фунт. ст. Оглядываясь на это время, мы видимъ, что наши государственные дѣятели были, можетъ быть, болѣе великодушны, чѣмъ слѣдовало; неудивительно, если иные французы считаютъ Ватерлоо—французской побѣдой. Во всякомъ случаѣ, условія мира были болѣе благопріятны для нихъ, чѣмъ для насъ.

Реставрація французскихъ колоній составляетъ лишь слабую часть тѣхъ усилій и жертвъ, которыя потратила Англія на прекращеніе отвратительной торговли неграми. Португаліи мы заплатили 300.000 ф. ст., а Испаніи—400.000 ф. ст., чтобы убѣдить ихъ бросить эту торговлю. Въ продолженіи болѣе, чѣмъ полу вѣка, въ то время какъ мы изнемогли подъ страшнымъ денежнымъ долгомъ и были гораздо менѣе богаты и сильны, чѣмъ теперь,—мы содержали на западномъ берегу Африки эскадру, которая, по исчисленію г. Гладстона, намъ обходилось ежегодно въ 700.000 ф. ст., не считая людей, которые тамъ гибли. Западной Индіи мы уплатили 20.000.000 ф. ст., чтобы она освободила своихъ невольниковъ. Въ общемъ, благородныя усилія нашего отечества для прекращенія этой отвратительной торговли, стоили нашей странѣ отъ 50 до 100 милліоновъ фунт. стерлинговъ.

Другія страны извлекали большую часть своихъ доходовъ изъ колоній и подвластныхъ имъ народовъ.

Афиняне требовали отъ союзныхъ государствъ большой, ежегодной контрибуціи, что составляло даже значительную часть ихъ доходовъ. У римлянъ было возведено въ принципъ, чтобы провинціи несли на себѣ расходы имперіи. Завоевавъ Сицилію, они захватили десятую часть полевыхъ продуктовъ и 5% стоимости всѣхъ товаровъ. И въ болѣе близкомъ времени другія страны, напримѣръ, Испанія, Португалія, Голландія,—извлекали значительные доходы изъ своихъ колоніальныхъ владѣній.

Англія же вела себя совсѣмъ иначе. Мы не только не извлекли ничего изъ колоній, но еще потратили на нихъ громадныя суммы. Насколько я могъ удостовѣриться, до 1859 года не было опубликовано ни одного отчета, гдѣ бы значилась сумма, потраченная метрополіей на свои колоніи; но съ 1859 по 1869 годъ она превысила 41.000.000 ф. ст., и, безъ сомнѣнія, въ предыдущіе года составляла ежегодно около 4.000.000 ф. ст. Кромѣ того, расходы окажутся еще гораздо значительнѣе, если взять въ расчетъ, сколько стоила армія, экипировка, бараки, больницы и многое другое, не считая расходовъ на управленіе, на главную квартиру и всѣ неофициальныя должности.

Наши военныя средиземныя укрѣпленія едва ли могутъ назваться колоніальными владѣніями, и, конечно, Мальта и Гибралтаръ не могутъ оплачивать себя. Съ другой стороны, они намъ необходимы для защиты нашихъ сообщеній съ Индіей и Австраліей; но почему мы должны ихъ поддерживать, а не Индія и не Австралійскія колоніи, которыя могли бы взять на себя хоть часть расхода? Всѣ перечисленные расходы касаются только посланныхъ отрядовъ; между тѣмъ, разъ мы должны постоянно ихъ содержать, въ виду интересовъ колоній, было бы естественно получать какую-нибудь контрибуцію въ счетъ этихъ расходовъ.

Наши національные отчеты не указываютъ какой-нибудь суммы, спеціально ассигнованной на морскіе расходы по колоніямъ; но на самомъ дѣлѣ страна несетъ на себѣ почти всецѣло всѣ тѣ морскіе расходы, которые падали бы на колоніи, если бы онѣ были независимыми. Мы для нихъ замѣняемъ морскую стражу, мы, на своей счетъ, оберегаемъ ихъ берега. Очень легко сообразить, какую это составляетъ экономію для нихъ: 35.000.000 англичанъ въ Великой Британіи, вмѣстѣ съ Ирландіей, платятъ ежегодно 18.000.000 ф. ст. морскихъ расходовъ; между тѣмъ 300.000.000 нашихъ соотечественниковъ въ колоніяхъ почти что ничего не платятъ.

Обратимся опять къ Индіи. Едва ли нужно пояснять, что Индія не участвуетъ прямо не только въ общихъ расходахъ

имперіи, но и въ тѣхъ мѣстныхъ расходахъ, изъ которыхъ она, какъ наша колонія, извлекаетъ себѣ большую выгоду. Ни одинъ англійскій пахарь, ни одинъ англійскій плательщикъ податей не платитъ хоть однимъ пенни меньше изъ за того, что мы владѣемъ Индіей.

Что касается военныхъ расходовъ, то приняты всѣ мѣры, чтобы Индія не платила ничего сверхъ содержанія служащихъ тамъ нашихъ отрядовъ. Забавно видѣть,—если вообще такой серьезный вопросъ можетъ быть забавнымъ,—до какой степени энергично борется управленіе Индіи противъ всякаго налога, который индѣйскія власти не считаютъ абсолютно необходимымъ.

Что касается флота, то къ Индіи отношеніе столь же великодушно. Нельзя сомнѣваться, что нашъ флотъ ей очень полезенъ. Онъ ее избавляетъ отъ тяжелаго расхода; между тѣмъ, она даетъ ежегодно на флотъ лишь незначительную сумму въ 70.000 ф. ст. и, кромѣ того, тратитъ около полумилліона на паровые буксиры, внутреннія суда, портовые нужды.

Мы всегда искренно желали управлять Индіей для ея блага. Мы могли ошибаться тамъ, какъ ошибались у себя дома, но принципъ, на основаніи котораго мы управляемъ Индіей,—честенъ и хорошъ.

Мнѣ кажется, нельзя сомнѣваться, что наше управленіе пошло на пользу Индіи. Докторъ Гунтеръ, въ своей книгѣ «Наша Индѣйская Имперія», сообщаетъ намъ, что въ Орисса раджа получалъ 60% съ жатвы; самое умѣренное мѣстное правительство брало 33%; мы же беремъ всего отъ 3% до 7%. Никто не можетъ усомниться, что налоги на нашихъ соотечественниковъ въ Индіи—легче, а ихъ жизнь и имущество болѣе обезпечены, чѣмъ если бы они оставались подъ своимъ управленіемъ; тѣмъ не менѣе, извѣстно, что Индія не участвуетъ ни однимъ пенни въ нашихъ доходахъ. Нельзя, можетъ быть, сказать, чтобы насъ любили въ Индіи; это было бы слишкомъ, но никто не станетъ опровергать того, что наше правительство пользуется тамъ всеобщимъ уваженіемъ.

Что мы не непопулярны въ Индіи, это, мнѣ кажется, ясно доказалъ послѣдній бунтъ. Наши соотечественники вели себя геройски, всѣ до одинаго, но если бы наше правительство было жаднымъ и несправедливымъ, если бы въ общемъ мѣстное населеніе намъ не довѣряло и насъ не уважало, насъ бы выбросили въ море. Мужество нашихъ храбрыхъ солдатъ и ловкость нашихъ офицеровъ мало послужили бы намъ въ данномъ случаѣ. Индѣйскій народъ не принималъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ съ нами, и его отношеніе къ намъ во время этого кризиса,—лучшее свидѣтельство того, что мы исполнили свой великій долгъ.

Одинъ знаменитый французъ, Бартеlemi Сентъ-Илеръ, бывшій секретаремъ иностранныхъ дѣлъ при Тьеръ, горячо свидѣтельствуе о хорошемъ и справедливомъ управленіи въ Индіи, которое, говоритъ онъ, «заслуживаетъ того, чтобы всѣ друзья гуманности и цивилизаціи пожелали ему успѣха. Политическое и нравственное воспитаніе двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ людей—громадный трудъ, благородно начатый въ этомъ вѣкѣ; онъ потребуетъ, для окончательнаго своего завершенія, цѣлаго ряда усилій и времени, которое нельзя опредѣлить». Онъ справедливо говоритъ, что намъ предстоитъ трудная задача, но насъ должна поддерживать увѣренность, что намъ искренно рукоплещутъ всѣ просвѣщенные и безпристрастные умы.

Исторія Гонгъ-Конга и Сингапура показываетъ, какого о насъ мнѣнія другія расы. «Гонгъ-Конгъ,—говоритъ м-ръ Вудъ,—ничто иное, какъ маленькій, бесплодный островъ, который до перехода въ руки Британіи былъ населенъ нѣсколькими десятками рыбаковъ; теперь онъ переполненъ десятками тысячъ китайцевъ, которые перешли сюда съ материка, зная, что подъ британскимъ управленіемъ они освобождаются отъ тяжелыхъ налоговъ, что ими будутъ управлять справедливые законы, что они свободно могутъ заниматься выгоднымъ ремесломъ». Точно также, когда-то необитаемый островъ Сингапуръ теперь населенъ пестрымъ населеніемъ, которое изъ Китая, Малайскаго полуострова и Индіи привели сюда тѣ же причины.

Возьмемъ Яву. «Въ продолженіи пятилѣтняго британскаго владычества,—говоритъ Гиренъ,—управленіе было такъ мудро и умѣренно, что послѣ реставраціи мѣстные жители и европейцы съ трудомъ стали привыкать опять къ голландскому владычеству. Въ короткое время британскаго управленія было пролито больше свѣта на этотъ островъ, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ голландскаго владычества».

Переходя къ Америкѣ, я могъ бы привести поразительное свидѣтельство одного американскаго епископа, Вайголя изъ Микнезота, который, сопоставляя отношенія Соединенныхъ Штатовъ и Великой Британіи къ индѣйцамъ, говоритъ: «Съ одной стороны границы стоитъ нація, потратившая 500.000.000 фунт. ст. на войны съ индѣйцами; народъ, не имѣющій 100 миль между Атлантическимъ и Тихимъ Океаномъ, которыя бы не были сценой какого-нибудь избіенія индѣйцевъ; правительство, которое не могло и двадцати лѣтъ провести, не воюя съ индѣйцами, которое ни одному индѣйскому племени не передало христіанской цивилизаціи и которое знаменуетъ свой столѣтній юбилей новой, кровопролитной

войной съ индѣйцами. Съ другой стороны границы—та же англосаксонская раса и тѣ же язычники. Они не потратили ни одного доллара на войны съ индѣйцами, у нихъ не было индѣйскихъ побойщъ. Почему это такъ? Въ Канадѣ, въ индѣйскихъ договорахъ эти люди называются: «индѣйскими подданными ея величества». Когда цивилизація доходитъ до нихъ, они стоятъ на твердой почвѣ, они получаютъ помощь отъ цивилизаціи, они имѣютъ права и собственность, они подлежатъ закону и защищаются закономъ; у нихъ свои школы, куда христіане посылаютъ своихъ лучшихъ учителей».

Съ Ирландіей, говорятъ, было поступлено несправедливо. Между тѣмъ, она имѣетъ большее представительство, чѣмъ на то ей даютъ право—ея народонаселеніе и ея участіе въ доходахъ имперіи; она обложена такими же налогами, какъ и мы, но у насъ еще есть, кромѣ того, поземельный налогъ, домовый налогъ, желѣзнодорожный и нѣкоторые другіе, простирающіеся до 900.000 ф. ст. въ годъ; до нынѣшняго года ирландскіе фермеры платили меньшій подоходный налогъ, чѣмъ англійскіе, и ирландская земля оцѣнивается ниже англійской. Ирландія получала гораздо больше субсидій, чѣмъ Англія и Шотландія; такъ, напримеръ, въ голодный годъ она получила 8.000.000 ф. ст. Говорятъ что винный акцизъ несправедливо тяготѣетъ надъ Ирландіей. Но Англія не только уплачиваетъ акцизъ на пиво, но и на вино 92%, тогда какъ Ирландія — всего 7,9%. Я увѣренъ, что Англія и Шотландія искренно желаютъ быть справедливыми къ Ирландіи.

Миръ одерживаетъ такія же побѣды, какъ и война. Обратимся къ исторіи человѣческаго прогресса, и мы увидимъ, что у насъ достаточно причинъ гордиться своими предками.

Англійскій языкъ быстро распространяется и стремится сдѣлаться общимъ языкомъ человѣческой расы. Между тѣмъ, еще недавно Бэконъ просилъ д-ра Плейфайра (Playfair) перевести съ англійскаго на латинскій языкъ «Успѣхи знанія», потому что англійскій языкъ ограничивалъ число читателей, а переводъ на латинскій языкъ являлся какъ бы вторымъ рожденіемъ книги.

Ни одна страна не можетъ похвалиться болѣе свѣтлой, чистой и благородной литературой. Можетъ быть, скажутъ, что я, какъ англичанинъ, сужу пристрастно. Но всѣ признали единодушно, что Шекспиръ стоитъ въ міровой литературѣ одинъ надъ всѣми. Чаусеръ, Бэконъ, Милтонъ, Спенсеръ и многіе другіе, не говоря уже о болѣе современныхъ писателяхъ, тоже составляютъ славу нашей націи. Недавно одна передовая итальянская газета предложила голосованіе относительно лучшихъ книгъ въ мірѣ. Нѣ-

сколько сотъ подписчиковъ дали свое мнѣніе, и изъ первыхъ восьми книгъ, въ числѣ которыхъ одна была Библия, не менѣе четырехъ оказались англійскими.

Въ исторіи изобрѣтеній и открытій имя Уатта всегда будетъ связано съ паровой машиной, Стефенсона—съ локомотивомъ, Уитстона (Wheatstone)—съ электрическимъ телеграфомъ, Аркрайта—съ ткацкимъ станкомъ, Гэргривса—съ «дженни» *), Фокса Тэлбота—съ фотографіей.

Въ области медицины Гарвей открылъ кровообращеніе, Дженнеръ—ослопрививаніе. Симпсонъ ввелъ въ употребленіе анестезирующія средства, а Листеръ—антисептическое леченіе въ хирургіи. Въ области науки, у насъ много великихъ именъ: Бэконъ и Ньютонъ, Юнгъ, Дарвинъ, Дэви, Дальтонъ, Кавендишъ, Фарадей, Гершель и многіе другіе.

Я привожу всѣ эти факты, совѣмъ не какъ наши заслуги. Они приносятъ великую честь нашимъ отцамъ, и мы въ правѣ ими гордиться, но они налагаютъ на насъ и великую отвѣтственность.

Мы можемъ присоединиться къ молитвѣ Мильтона: «О ты, Который, по Своей великой милости, возвелъ Британскую Имперію со всѣми ея дѣтьми-островами на славную и завидную высоту, не покидай насъ и въ нашемъ счастіи». Но мы не должны довольствоваться молитвой о такомъ великомъ дарѣ; мы должны стремиться заслужить его. Мы должны помнить, что, чѣмъ больше сила, тѣмъ она спокойнѣе: «не матеріальная, а нравственная сила управляетъ людьми и ихъ поступками», какъ говоритъ Карлейль.

Англія имѣетъ право ожидать, «что каждый исполнитъ свой долгъ». Она намъ всѣмъ говорить: «Все это я сдѣлала для тебя; что же ты сдѣлалъ для меня?»

Дѣйствительно, когда мы оглядываемся на всю исторію прошлаго, мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что наша страна исполнила вѣренное ей великое дѣло, въ мудромъ и свободномъ духѣ, и управляла имперіей не менѣе славнымъ образомъ, чѣмъ одерживала побѣды. Мечта—надѣяться, что придетъ время, когда всѣ говорящіе по англійски народы составятъ одну великую націю!

Можетъ быть, меня упрекнутъ въ пристрастіи, въ излишней гордости моей страной. Но факты говорятъ сами за себя. Морисъ (Maugise) хорошо говоритъ, что «въ общемъ, тотъ человекъ справедливѣе всего относится ко всякой другой странѣ, который

*) Прядильный станокъ съ тысячею веретенъ.

силыѣе всего привязанъ къ своей собственной». Любовь къ родинѣ возвышаетъ понятіе о гражданственности, отвлекаетъ насъ отъ мелкаго круга личныхъ, и даже семейныхъ, интересовъ и приводитъ къ истинной широтѣ и красотѣ національной жизни. Истинный духъ нашей имперіи—не тщеславіе,—онъ справедливо гордится распространеніемъ нашего языка, нашей литературы, нашего народа и нашей торговли на сушѣ и на морѣ; такимъ образомъ, мы глубоко чувствуемъ, что на насъ лежитъ великая отвѣтственность.

ГЛАВА XI.

Гражданственность.

Мы всѣ составляемъ часть народнаго правительства, и должны готовить себя къ этой великой и отвѣтственной роли *), какъ къ самому важному нашему долгу. Для этого нужны: знаніе, размышленіе и добрая воля. Самое процвѣтаніе и размѣры нашей имперіи составляютъ источникъ опасности. Мы управляемъ многими человѣческими расами и нѣкоторыми совершенно различными отъ нашей, по идеямъ и стремленіямъ. Примѣръ—Индія. Ея народонаселеніе почти въ десять разъ больше народонаселенія Англіи; оно дѣлится на разныя племена, различныя по расамъ и по вѣрованіямъ. Настоящій индусъ принадлежитъ къ той же самой великой расѣ, какъ и мы: онъ говоритъ на языкѣ, сходномъ не только по своему происхожденію и своей структурѣ съ нашимъ, но содержащимъ даже нѣкоторыя родныя намъ слова.

Но Индія составляетъ только одну, хотя, можетъ быть, и самую великую для насъ отвѣтственность. Мы сталкиваемся по всему міру съ другими великими націями. Постоянно поднимаются вопросы, которые требуютъ съ обѣихъ сторонъ также умѣренности и уступчивости. Наши государственные дѣятели должны знать, когда слѣдуетъ уступить и когда быть настойчивымъ, а народъ долженъ знать, кого поддерживать.

Исторія человѣчества показала намъ цѣлый рядъ великихъ имперій, которыя разсыпались въ прахъ. Египетъ, Ассирія, Персія, Римъ поднялись до небывалой высоты—и пали. Въ болѣе близкое намъ время Генуя и Венеція процвѣтали и славились своими кораблями, колоніями и торговлей, какъ мы теперь. Если хотимъ избѣжать ихъ судьбы, мы должны избѣгать ихъ ошибокъ.

«Тысячи лѣтъ мало, чтобы образовать государство,—говоритъ

*) Читатель помнитъ, что дѣло идетъ объ Англіи.

Байронъ,—и одного часа достаточно, чтобы превратить его въ прахъ».

Что касается нашей иностранной политики, то наши интересы, какъ и нашъ долгъ, обязываютъ насъ поддерживать дружескія отношенія съ другими странами. Къ несчастью, націи часто смотрятъ на другіе народы, какъ на враговъ. Между тѣмъ, очевидно, мы всѣ — люди, и должны быть друзьями. Одинъ уэльскій проповѣдникъ, однажды, просто и прекрасно иллюстрировалъ эту мысль. Онъ рассказалъ, какъ, однажды, гуляя, онъ увидѣлъ на противоположномъ холмѣ безобразную фигуру; приблизившись, онъ рассмотрѣлъ человѣка, а когда подошелъ совсѣмъ близко, то узналъ въ немъ своего брата.

Другія націи нетолько — люди, но — и наши братья, и ихъ интересы во многомъ связаны съ нашими. Если они страдаютъ, и мы страдаемъ; все, что выгодно имъ, и намъ выгодно. Величайшіе интересы Британіи заключаются въ мирѣ и процвѣтаніи всѣхъ. Блескъ войны соблазняетъ воображеніе человѣчества. Мы слышимъ о «великолѣпн славной войны», говорятъ, что «каждый солдатъ носитъ въ своемъ ранцѣ фельдмаршальскій жезлъ», и т. д.,—и не сознаемъ всего ужаса, всѣхъ несчастій, которыя влечетъ за собой война.

Рѣзня и всевозможныя страданія, на которыя такъ страшно смотрѣть во время войны, составляютъ неопровержимый аргументъ въ пользу третейскаго суда. Настоящее положеніе вещей—позорно для человѣческой природы. Дикимъ племенамъ, можетъ быть, извинительно рѣшать свои разногласія силою оружія, но наше нравственное чувство, и даже простой здравый смыслъ, возмущается при такомъ порядкѣ вещей у цивилизованныхъ націй.

Въ дѣйствительности, мы не знаемъ совсѣмъ настоящаго мира, теперь фактически мы живемъ въ военное время; къ счастью, оно не сопровождается кровопролитными сраженіями, но оно ведетъ за собой ужасныя страданія. Даже у насъ, треть національнаго дохода идетъ на подготовленіе къ будущимъ войнамъ, треть идетъ на уплату долговъ за прошлыя войны и только треть остается на управленіе странкою. Между тѣмъ, страна идетъ на страшный рискъ, затѣвая войну, а интересы всѣхъ странъ до такой степени связаны, что въ настоящее время каждая война, въ сущности, есть междоусобная война.

Я не стою за миръ во что бы то ни стало, но за миръ почти что во что бы то ни стало. Безъ сомнѣнія, есть нѣкоторыя вопросы, которые не подлежатъ третейскому суду, но Руссель (Russell), очень большой авторитетъ въ этомъ отношеніи, говорилъ, что

за послѣднія сто лѣтъ не было ни одной войны, которая бы не могла быть рѣшена безъ содѣйствія оружія.

При послѣднемъ своемъ свиданіи съ Гамбеттой мы много говорили на эту тему, и онъ сказалъ съ обычнымъ своимъ оживленіемъ, что если настоящіе военные расходы не уменьшатся, то придетъ время, когда всѣ французы окажутся нищими, стоящими передъ военными бараками.

Самыя худшія преграды, стоящія между народами, составляютъ обычаи и нравы, разнаго рода обязанности, а главное, ни на чемъ не основанная зависть и ревность, въ силу которыхъ каждый приписываетъ другому оскорбительныя намѣренія, въ то время, какъ ни одинъ, быть можетъ, ихъ не имѣетъ.

Тотъ же ревнивый и злобный духъ, который такъ часто характеризуетъ международныя отношенія, отравляетъ и внутреннюю политику. Но оскорбленіе—не аргументъ; оно скорѣе свидѣтельство слабости. Будетъ большое счастье, когда у насъ между партіей и партіей, между народомъ и народомъ, никто не будетъ унижаться до угрозы, до дикаго желанія мести ошибающемуся брату; тогда человѣчество научится уважать и любить другъ друга.

Иногда говорятъ, что нельзя дѣлать революціи изъ розовой воды. Между тѣмъ, разсужденіе привело къ болѣшимъ перемѣнамъ въ устройствѣ міра, чѣмъ оружіе; и даже тамъ, гдѣ было употреблено оружіе, перо одержало верхъ надъ мечомъ. Идеи—сильнѣе штыковъ.

Милль говоритъ: «При сравнительно юномъ состояніи человѣческаго прогресса, при которомъ мы живемъ, человѣкъ не можетъ чувствовать ко всѣмъ другимъ людямъ ту полноту симпатій, которая бы сдѣлала невозможнымъ всякій дѣйствительный разладъ въ общемъ направленіи ихъ жизни; но есть уже люди, у которыхъ социальное чувство настолько развито, что они не могутъ заставить себя думать о другихъ своихъ товарищахъ, какъ о соперникахъ, съ которыми нужно бороться за счастье и которымъ слѣдуетъ желать неудачи въ дѣлахъ, чтобы имѣть успѣхъ въ своихъ».

Чтобы хорошо и мудро исполнить свой гражданскій долгъ, нужно, по словамъ Борка, «тщательно культивировать свой умъ, развить до возможно болѣе совершенной силы и зрѣлости всякое великодушное и честное чувство, которое вложено въ насъ природой. Стремленія, столь привлекательныя въ частной жизни, должны служить къ достиженію общаго блага; такимъ образомъ, мы должны быть патріотами и не забывать, что мы джентльмены... Общественная жизнь требуетъ силы и энергіи; кто спитъ на своемъ посту, точно также измѣняетъ своему долгу, какъ и

тотъ, кто перебѣгаетъ къ врагу». Подумайте сперва, какъ исполнить свой долгъ, а затѣмъ уже предъявляйте свои права.

Лордъ Болингброкъ приводитъ въ своемъ трудѣ «О духѣ патриотизма» замѣчаніе Сократа, что «хотя ни одинъ человѣкъ не возьмется за ремесло, даже за самое маленькое, если онъ ему не обучался,—всякій считаетъ себя достаточно подготовленнымъ къ самому тяжелому изъ всѣхъ,—къ управленію». Сократъ сказалъ это на основаніи своего опыта въ Греціи. Онъ бы не измѣнилъ своего мнѣнія, если бы въ настоящее время жилъ въ Британіи.

Дѣйствительно, передъ нами стоятъ множество неотлагательныхъ задачъ. Мы стараемся воспитывать своихъ дѣтей, но, вѣроятно, никто не скажетъ, что наша система уже совершенна: борьба капитала съ трудомъ раззоряетъ нашу торговлю, ставитъ въ затруднительное положеніе фабрики; санитарное состояніе нашихъ большихъ городовъ оставляетъ еще многого желать; въ области науки одни только начинанія.

Между тѣмъ, помимо всякаго вопроса о прогрессѣ, повседневная жизнь общества требуетъ постояннаго труда. Пренія парламента, веденіе мѣстныхъ дѣлъ, администрація, словомъ, всѣ общественныя дѣла требуютъ въ цѣломъ столько же вниманія и заботы, какъ и дѣла личныя; все болѣе и болѣе рѣзко выступаетъ необходимость усиленной общественной организаціи.

Деньги не главное. Мысль и любовь гораздо больше имѣютъ значенія, чѣмъ золото. Кто отдаетъ свое время, дѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ тотъ, кто отдаетъ свои деньги. Въ сущности, деньги и воодушевленіе, если они не сопровождаются опытомъ и выдержкой, опасны: они могутъ надѣлать больше вреда, чѣмъ добра: ибо плохо сдѣланная работа можетъ принести больше вреда, чѣмъ совсѣмъ не сдѣланная работа.

Гораздо лучше давать надежду, силу и бодрость, чѣмъ деньги. Лучшая помощь состоитъ не въ томъ, чтобы брать на себя чужія заботы, а въ томъ, чтобы внушить человѣку бодрость и энергію, которыя помогутъ нести эти заботы.

Помогать другимъ совсѣмъ не легко; тутъ требуется не одно горячее сердце, но и ясный умъ, и здравое сужденіе.

Желая помочь, мы должны быть очень осторожны, чтобы не нарушить чужой независимости. Очень щекотливо то обстоятельство, что, при избыткѣ помощи, люди теряютъ извѣстный стимулъ къ борьбѣ, и такимъ образомъ, ихъ чувство независимости слабѣетъ; всѣ существа, зависящія отъ другихъ, имѣютъ склонность обратиться въ паразитовъ; оттого не такъ важно подать человѣку хлѣба, какъ дать ему возможность его заработать:

не такъ важно ему непосредственно помочь, какъ научить его себѣ самому помочь. Миръ такъ сложенъ, что мы неизбежно многимъ обязаны своимъ сосѣдямъ, но желательно, чтобы каждый человѣкъ стоялъ, насколько это возможно, на своихъ собственныхъ ногахъ.

Мы не можемъ требовать отъ другихъ, чтобы они сообразовались съ нашими идеалами; но мы должны имъ помочь осуществить все, что есть лучшаго въ ихъ собственныхъ идеалахъ, содѣйствовать ихъ самосовершенствованію. Обыкновенно, деньги бросаются неразумно тѣми, кто ихъ даетъ, не изъ искренняго сочувствія, а изъ желанія избѣжать лишней заботы; но работа для общества приноситъ въ концѣ концовъ свою собственную награду; мы, вѣроятно, извлекаемъ больше счастья изъ работы на другихъ, чѣмъ на себя. Самая скромная работа дѣлается священной, когда она производится для другихъ.

Какъ бы работа ни была низка, вкладывайте въ нее свое сердце.

Сэръ Т. Моръ (Т. More) говоритъ: «Какую бы роль вы ни взяли на себя, исполняйте ее какъ можно лучше; если вы даже не будете въ состояніи исправить человѣческіе пороки, освященные обычаями и нравами, вы все-таки не должны изъ за этого бросать общее дѣло; вы не должны оставлять корабль во время бури, только потому, что не можете управлять имъ, и что вѣтры вамъ не повинуются. Но учитесь и старайтесь, насколько возможно, вести дѣло хорошо и мудро направлять его къ цѣли; устройте такъ, чтобы то, что вы не можете сдѣлать хорошимъ, было бы менѣе дурнымъ. Ибо пока всѣ люди не будутъ добрыми, все не можетъ идти хорошо. А я думаю,—прибавляетъ онъ,—этого еще не будетъ много лѣтъ».

Но чѣмъ лучше люди будутъ исполнять свой долгъ, тѣмъ ближе и раньше подойдемъ мы къ такому порядку вещей. Собственно говоря, мы, можетъ быть, далеко не сознаемъ, какъ мы могли бы быть счастливы, если бы только попробовали.

Быть англичаниномъ имѣетъ большія преимущества.

Каждый человѣкъ равенъ передъ закономъ.

Каждый человѣкъ считается невиннымъ, пока его вина не доказана.

Ни одного человѣка нельзя судить вторично за одинъ и тотъ же проступокъ.

Всѣ дѣла должны судиться публично, и заключенный встрѣчается лицомъ къ лицу съ своими обвинителями.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ быть судьей въ своемъ собствен-

номъ дѣлѣ, ни одинъ человѣкъ не можетъ взять въ свои руки законъ.

И такъ, работать на нашу страну, чего бы это ни стоило,— есть нашъ священный долгъ, и кто служить своей родинѣ изъ личныхъ цѣлей, изъ боязни опасности или смерти, тотъ не заслуживаетъ жизни. Смерть неизбежна, а слава добродѣтели—вѣчна, по словамъ сэра Н. Жилберта.

Между тѣмъ, служеніе нашей странѣ, сравнительно, рѣдко сопряжено съ опасностями. Оно лишь требуетъ отъ насъ нѣкоторыхъ лишеній и извѣстнаго времени на исполненіе обязанностей и на работу, которая можетъ казаться не героической, и даже скучной, но которая, тѣмъ не менѣе, необходима.

Общественныя дѣла—комитеты, выборы, митинги, рѣчи, собранія, губернскіе сеймы—совсѣмъ не романтичны; они не ослѣпляютъ воображенія, не волнуютъ крови, а между тѣмъ, голосованіе въ мирное время то же, что удачный маневръ во время битвы, и не менѣе важно по своимъ послѣдствіямъ, хотя оно мирное, а не кровопролитное. Голосованіе не право, а долгъ; и готовиться къ нему тоже долгъ.

Количество бесплатной, общественной, работы поразительно, и это можетъ продолжаться еще долго.

Никто не имѣетъ права пользоваться выгодой всего этого труда, не участвуя, хоть скромно, по возможности, хоть чѣмъ-нибудь въ общемъ дѣлѣ.

Безконъ говорить: «Имущество не можетъ быть достойной цѣлью человѣческаго существованія». Домъ, пища и одежда не единственные предметы первой необходимости, да и нужны они въ очень умѣренной степени.

Даже съ самой узкой, эгоистической, точки зрѣнія, время не потеряно, если оно, по словамъ Арнольда, употреблено на дѣло любви къ ближнему, но стремленіе къ дѣятельности, къ помощи, къ благу, желаніе прекратить человѣческія ошибки, уяснить спорные вопросы, уменьшить сумму человѣческаго горя, но благородное стремленіе оставить міръ лучшимъ и болѣе счастливымъ, чѣмъ мы нашли его—все это мотивы общественныя, и они содѣйствуютъ не только счастью другихъ, но и нашему собственному.

«Есть блага жизни,—говоритъ епископъ Бутлеръ,—которыми мы наслаждаемся только въ союзѣ съ другими людьми; таковы: миръ, достатокъ, свобода, здоровье. Но истинное расположеніе къ нашимъ собратьямъ дало бы намъ понятіе объ общемъ интересѣ въ болѣе строгомъ смыслѣ: потому что, по мѣрѣ увеличенія нашей любви къ ближнему, его интересы, радости и горести дѣлаются

нашими. Изъ себялюбія проистекаетъ наше понятіе о личномъ благѣ, какъ о чемъ-то своемъ: любовь къ ближнему научила бы насъ присвоивать себѣ его благо и благополучіе и считать себя дѣйствительными участниками его счастья. Такимъ образомъ, принципъ любви сдѣлался бы въ нашей собственной груди адвокатомъ интересовъ нашихъ собратьевъ».

«Дай же,—говоритъ Маркъ-Аврелій,—дай живущему въ тебѣ божеству стать хранителемъ живого существа, мужественнаго и зрѣлаго, занятаго политическими дѣлами римлянина и правителя, занимающаго свой постъ, какъ человѣкъ, ожидающій знака, для ухода изъ жизни, готовый уйти, не нуждаясь ни въ человѣческомъ проклятіи, ни въ человѣческомъ свидѣтельствѣ».

Время, которое мы отдаемъ общественнымъ обязанностямъ—не потеряно. Оно приноситъ съ собою собственную награду.

Горсфоль (Horsefall) говоритъ: «Великое дѣло—въ тяжелое время соединить свои интересы съ интересами общественными».

Кто хочетъ, можетъ сдѣлаться храбрымъ человѣкомъ и достойнымъ патріотомъ: всякій можетъ участвовать хоть въ какомъ-нибудь движеніи въ пользу своихъ собратьевъ и помочь имъ стать здоровѣе, счастливѣе и лучше въ жизни.

И только такимъ образомъ можно дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, который, рано или поздно, человѣкъ всегда себѣ предлагаетъ: «Что ты сдѣлалъ для справедливости и правды, для Бога и человѣка, въ продолженіи своей жизни, въ золотые часы яркогорящей юности до конца всего скоропредящаго твоего существованія?» какъ говоритъ Уайтеръ (Whitter).

Глава XII.

Соціальная жизнь.

Мы съ гордостью говоримъ, что домъ cadaго англичанина—его замокъ, но онъ долженъ быть больше, чѣмъ замкомъ, а именно его роднымъ гнѣздомъ; домъ—его замокъ по законному праву, но сдѣлать изъ него настоящее гнѣздо, очагъ (home), зависитъ отъ него самого.

Что составляетъ такой «home»? Любовь, симпатія и довѣріе. Воспоминанія дѣтства, родительская ласка, свѣтлыя мечты юности, гордость сестры, братскія сочувствія и помощь, взаимное довѣріе, общія надежды, интересы и огорченія, все это создаетъ и освѣщаетъ «home».

Домъ безъ любви можетъ быть замкомъ или дворцомъ, но онъ не будетъ семейнымъ очагомъ; любовь составляетъ жизнь

*

настоящаго очага. «Домъ безъ любви не очагъ семьи, какъ тѣло безъ души—не человѣкъ».

Кто обладаетъ жизнерадостнымъ сердцемъ, у того вѣчный праздникъ.

Въ настоящее время мы цѣнимъ менѣе свой домъ, какъ замокъ, т. е. убѣжище отъ произвола власти, чѣмъ какъ убѣжище отъ жизненныхъ заботъ и огорченій, какъ покойную гавань, защищенную отъ грозъ и бурь, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ путешествіи по міру.

Въ самой удачной жизни бываетъ время испытанія, и богатство, во всякомъ случаѣ, не можетъ обезпечить счастье или покой.

Человѣкъ не былъ созданъ для того, чтобы жить одному, даже въ раю. «Что бы дѣлала въ самомъ раю одинокая душа?» спрашиваетъ Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ. Сердце человѣка должно оставаться дома, но хорошо имѣть работу внѣ его. Мы не предназначены вполнѣ ни для общества, ни для одиночества. Оба хороши и, можно даже сказать, необходимы.

Красоты природы составляютъ нашу вѣчную радость, но солнечное сіяніе въ небѣ мало значить, если нѣтъ также сіянія въ сердцѣ.

Мы должны питать къ семьѣ чувства привязанности, уваженія и любви. Такова основа цивилизаціи, истинная школа всего лучшаго; семья взываетъ ко всѣмъ благороднѣйшимъ и высшимъ чувствамъ нашей природы. Что могутъ ангелы сдѣлать большаго, чѣмъ осчастливить другихъ?

Вашъ домъ можетъ быть скромнѣе, некрасивѣе, не поэтиченѣе, даже холоднѣе и неудобнѣе, и тутъ ваше мѣсто и вашъ долгъ, и чѣмъ больше затрудненія, тѣмъ больше будетъ награда.

Терпѣливо сносить заботы и обиды—труднѣе тяжелой работы; это живая жертва, которую труднѣе принести, чѣмъ жертву деньгами, временемъ или трудомъ.

Въ сущности, мало людей думаютъ о счастьѣ другихъ, и эта маленькая горсточка, вѣроятно, не прочтетъ этихъ строкъ. Но очень возможно, что въ общемъ люди причиняютъ зло чаще по недомыслію или по недостатку такта, чѣмъ по безсердечію. Встрѣчайте всѣхъ съ ласковой улыбкой, добрыми словами и теплымъ гостепрѣимствомъ. Недостаточно любить тѣхъ, кто намъ дорогъ. Мы должны имъ доказать свою любовь. Многіе изъ насъ оскорбляютъ по незнанію, легкомыслію или необдуманности тѣхъ, кого больше всего любятъ и кому желаютъ помочь.

Мы всѣ сами знаемъ, какой чудотворной силой обладаютъ нѣсколько сочувственныхъ словъ.

«Я часто думалъ, да и теперь думаю,—говоритъ лордъ Честерфильдъ,—немного вещей, которыхъ бы люди такъ мало знали, какъ умѣние любить и ненавидѣть. Люди оскорбляютъ тѣхъ, кого любятъ, то вслѣдствіе ошибочной свисходительности, то вслѣдствіе ослѣпленія, или даже пристрастія къ ихъ ошибкамъ. Когда же они ненавидятъ, они вредятъ самимъ себѣ, вслѣдствіе своей несдержанности и вспыльчивости».

Даже среди друзей наша жизнь какъ-то склонна къ уединенію; «мы смотримъ другъ на друга, какъ бы стоя на разныхъ островахъ, заключенные за тюремную рѣшетку своихъ костей и за занавѣсью своей кожи», по выраженію Жанъ Поль Рихтера.

Какъ мы мало знаемъ своихъ друзей, или даже своихъ родственниковъ! Часто даже члены одной и той же семьи живутъ совершенно обособленно; ихъ умы какъ будто двигаются по параллельнымъ линіямъ и никогда не встрѣчаются; въ сущности они совсѣмъ не соприкасаются.

Кеблъ (Ceble) говоритъ: «самое нѣжное и близкое намъ сердце, и то не знаетъ и половины тѣхъ причинъ, по которымъ мы улыбаемся или вздыхаемъ».

Мы разсуждаемъ о погодѣ, о жатвѣ, о послѣдней повѣсти, о политикѣ, о здоровьи и неудачахъ нашихъ сосѣдей, все о вещахъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ настоящей нашей внутренней жизни. Чѣмъ ординарнѣе предметъ, чѣмъ онъ ничтожнѣе, тѣмъ онъ какъ будто больше обсуждается, и часто больше всего говорятъ тѣ, кому нечего сказать.

Мало людей понимаютъ, что разговоръ—это цѣлое искусство. Чтобы семья жила дѣйствительно одной жизнью, въ любви и согласіи, мало привязанности и добрыхъ намѣреній,—нужны сочувствіе, умѣние высказываться и вызвать обмѣнъ мыслей. Если люди васъ не развлекаютъ, постарайтесь ихъ развлечь.

Люди часто гордятся тѣмъ, что говорятъ все, что имъ приходится на умъ; безъ сомнѣнія, слѣдуетъ быть правдивымъ и откровеннымъ, но разговоръ, какъ и другія вещи, требуетъ нѣкотораго усилія съ нашей стороны, чтобы сдѣлаться интереснымъ.

Мы всѣ можемъ создать себѣ счастливую семейную обстановку.

Безъ сомнѣнія, человѣкъ непріятнаго характера больше наказываетъ себя, чѣмъ другихъ.

«Онъ всегда мучитъ другихъ, самъ мучится,—говоритъ Попъ,—и находитъ удовольствіе единственно въ томъ, чтобы быть недовольнымъ». А разъ онъ никогда не бываетъ доволенъ, то и никогда не бываетъ счастливъ. Чтобы содѣйствовать счастью насъ

окружающихъ, мы совѣмъ не должны непремѣнно приносить какія-либо великія жертвы; но однихъ добрыхъ намѣреній—недостаточно. Тутъ нужны тактъ, обдуманность и опытъ. Практика необходима для удовлетворительнаго совершенія всякаго хорошаго или дурного дѣла.

Добрая и симпатичная манера творять чудеса. Одна старая пословица говоритъ, что «манера составляетъ человѣка», и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что многіе вышли въ люди, благодаря своей манерѣ держать себя, и многіе погубили себя, потому что не обладали этимъ умѣньемъ. И первый министръ, при выборѣ въ кабинетъ, руководствуется не одной мудростью, краснорѣчіемъ, способностями или характеромъ человѣка, но отчасти и его манерой держать себя, отъ которой зависитъ, насколько онъ можетъ ладить съ другими.

Грубость—не сила; часто она лишь прикрываетъ собой слабость. Шекспиръ говоритъ, въ своей великолѣпной картинѣ Юлія Цезаря, что «въ жизни онъ былъ мягкимъ; онъ былъ составленъ изъ столькихъ перемѣшанныхъ элементовъ, что природа могла бы, указывая на него, сказать всему міру: «вотъ человѣкъ»».

«Иногда думаютъ,—говоритъ сэръ Максуэль (Maxsvell),—что согласіе и разногласіе имѣютъ тайное отношеніе къ музыкальнымъ струнамъ. Въ сущности, онѣ имѣютъ болѣе глубокой смыслъ: единеніе или разногласіе сердець».

Если необходимо показать человѣку, что онъ неправъ, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, говорить мягко; особенно же съ дѣтьми, потому что, по выраженію Жанъ Поля Рихтера, «маленькую колыбель ребенка легче омрачить, чѣмъ звѣздное небо человѣка». Говорятъ, что Рубенсъ могъ однимъ штрихомъ превратить смѣющееся дитя—въ плачущее. Мы всѣ тоже можемъ сдѣлать въ жизни. Одного слова бываетъ достаточно. «Во всякомъ случаѣ, говорите всегда мягко; иногда что-нибудь незначительное западетъ глубоко въ душу, и только вѣчность скажетъ, сколько оно принесло хорошаго и радостнаго!» говоритъ Лангфордъ.

Хорошее правило: порицать съ глазъ на глазъ и хвалить публично. То, что сказано наединѣ, всегда лучше принимается, — чувствуется доброе намѣреніе, и результаты бываютъ значительнѣе, тогда какъ публичная похвала гораздо больше ободряетъ и составляетъ болѣе богатую награду.

Главное же, если нужно показать человѣку, что онъ неправъ, слѣдуетъ это дѣлать всегда очень серьезно, какъ бы съ сожалѣніемъ; никогда не слѣдуетъ, если возможно, выказывать гнѣвъ

или раздраженіе. Архитасъ говорилъ своему рабу: «Я бы тебя наказалъ, если бы не сердился». Если вы сердитесь, по крайней мѣрѣ, остановитесь и подумайте раньше, чѣмъ говорить. Матью Арнольдъ приводитъ, какъ характеристику высшей культуры, «неизсякаемую снисходительность, разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, строгій разборъ всѣхъ поступковъ въ соединеніи съ милостивымъ сужденіемъ лицъ».

Смерть скоро всѣхъ сравниваетъ. И такъ, обращайтесь заранѣе со всѣми такъ, какъ это требуется отъ джентльмена.

Если возможно, никогда не покидайте друга въ гнѣвѣ, или даже въ минуту охлажденія. Помните,—*всякая разлука можетъ быть последней.*

Нѣкоторыя слова—что солнечные лучи, другія же—что ядовитыя стрѣлы или змѣиные укусы. И если жесткія слова больно жалить, то сколько удовольствія приносятъ добрыя слова!

«Добрыя слова,—говоритъ Джорджъ Гербертъ,—стоятъ мало, но цѣнность имѣютъ большую». Часто одно необдуманное слово можетъ утѣшить или ранить разбитое сердце.

Иногда слова излишни. Когда Петръ отрекся отъ Христа, «Господь взглянулъ на Петра», говоритъ Писаніе. Этого нѣмого упрека было довольно. Петръ вышелъ и горько заплакалъ.

Точно также, какъ одинъ взглядъ можетъ причинить острую боль, ласковый взглядъ можетъ иногда заставитьъ сердце радостно забиться. Ласковая улыбка при утренней встрѣчѣ освѣтитъ самый темный день.

Не слѣдуетъ быть слишкомъ сдержаннымъ. Не бойтесь высказывать свою привязанность. Вашей любви мало, если будете казаться холоднымъ. Симпатія больше помогаетъ людямъ, чѣмъ услуга, любовь больше, чѣмъ деньги, и доброе слово доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ подарокъ.

Когда Венямина Уэста спрашивали, что сдѣлало изъ него художника, онъ отвѣчалъ: «Поцѣлуй матери». Конфуцій сказалъ: «Если домашнія твои обязанности хорошо исполнены, тебѣ незачѣмъ идти далеко для принесенія жертвы».

Слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ выборѣ друзей; они составляютъ, по выраженію Цицерона, самую драгоценную и красивую мебель жизни. Джорджъ Гербертъ говоритъ: «Бывайте въ хорошемъ обществѣ, и вы будете ему принадлежать». Одна испанская пословица говоритъ: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты живешь, и я тебѣ скажу, кто ты». Человѣкъ, который не умѣетъ быть себѣ другомъ, не можетъ быть ничѣмъ пріятелемъ.

Денгэмъ говоритъ, что хорошій выборъ друзей удваиваетъ

всѣ радости, всѣ наслажденія благороднѣйшими добродѣтелями, и уменьшаегь на половину всѣ нашигорести.

Мудрый выборъ женщинъ-друзей тоже очень важенъ. Со времени Соломона много мудрецовъ погибло отъ сиренъ.

«Дружба—драгоценность жизни», говоритъ Лайли, и человѣка, не имѣющаго друзей, слѣдуетъ жалѣть, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, въ этомъ онъ самъ виноватъ.

Не можетъ быть, чтобы человѣкъ долженъ былъ быть одинокимъ, хотя, конечно, слѣдуетъ иногда оставаться одному, потому что трудно любить ближняго, отъ котораго никуда нельзя уйти.

Отъ времени до времени человѣкъ непремѣнно думаетъ, что имѣетъ основаніе быть недовольнымъ своими друзьями. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть терпѣливымъ и разумнымъ. Взгляните на дѣла съ точки зрѣнія вашего друга. Не дѣйствуйте поспѣшно: природа никогда не торопится. «Поспѣшишь—людей насмѣшишь», говоритъ старая пословица. Главное же, не слѣдуетъ никогда ссориться сгоряча. Slѣдуетъ сперва все хорошо передумать и переждать гнѣвъ. Какъ бы вы вечеромъ ни были сердиты, утромъ вещи иногда кажутся совсѣмъ иными.

Если вы написали умное, убѣдительное, но рѣзкое письмо, то задержите его до слѣдующаго дня, и, вѣроятно, оно совсѣмъ не поидеть.

Старайтесь быть въ лучшихъ отношеніяхъ со своими друзьями. Имѣть плохого пріятеля хуже, чѣмъ совсѣмъ его не имѣть.

Дурныхъ же людей слѣдуетъ сторониться и не входить съ ними ни въ какія отношенія. Тѣмъ не менѣе, хотя не слѣдуетъ съ ними дружить, не разумно также дѣлать изъ нихъ себѣ враговъ ихъ очень много.

Лэмбъ остроумно замѣчаетъ, что «подарки насъ заставляютъ еще болѣе любить отсутствующихъ», но доброта, терпѣніе и симпатія, конечно, имѣютъ гораздо больше силы.

Друзья могутъ потребовать отъ васъ всего, что вы можете дать; но они не имѣютъ права просить у васъ взаймы.

«Не дѣлай долговъ и не давай взаймы», говоритъ Шекспиръ.

Благодаря друзьямъ, можно избѣгнуть многихъ опасностей и большаго горя. Когда Августъ былъ опозоренъ своей дочерью Юліей, онъ сказалъ: «этого не случилось бы, если бы Агриппа или Мэценатъ жили еще».

И когда пріобрѣтете друзей, не теряйте ихъ.

Не давайте имъ самаго ничтожнаго повода быть недовольными вами.

Если же смерть васъ разлучитъ, остается сладкая надежда на свиданіе въ будущей жизни.

Самый важный шагъ въ жизни, — это бракъ. Любовь одухотворяетъ природу и придаетъ ей особенную прелесть. Она превращаетъ некрасивую гусеницу въ воздушное созданіе, она весной окрашиваетъ перья птицъ, зажигаетъ огонекъ свѣтлячка, возбуждаетъ пѣсню соловья, вдохновляетъ поэта. Даже бездушная природа какъ будто чувствуетъ ея призывъ, и цвѣты сверкаютъ самыми богатыми красками.

Симонидэсъ говоритъ, что для мужчины пѣтъ большаго благословія, какъ хорошая жена, и большаго проклятія, какъ злая.

Что касается подбора, то нелегко давать какой-нибудь пѣнный совѣтъ. Нѣкоторыя соображенія сами собой очевидны. Нехорошо жениться слишкомъ рано. Сэръ Тайлоръ говоритъ, что когда двое очень молодыхъ людей женятся, то они ему напоминаютъ горошину, предназначенную служить опорой другой горошинѣ.

Не женитесь ради денегъ, но и не безъ денегъ. Кто женится изъ-за денегъ, ставитъ себя ниже денегъ, разъ у него радость и разумное счастье жизни уходятъ на второй планъ; сколько людей, сосчитавъ деньги и форести, были бы рады цѣною всѣхъ этихъ денегъ купить жизнь, которую они сами продали.

Не воображайте себѣ, что можете послѣ брака продолжать свою самостоятельную жизнь, имѣя въ видѣ прибавки—граціозное, простое, веселое, жизнерадостное существо, которое бы вносило свѣтъ въ ваше существованіе, всегда было бы подъ рукой въ минуты тяжелаго одиночества, и которое можно было бы всегда отстранить, когда оно не нужно. Это однѣ эпикурейскія мечты юности.

Жереми Тайлоръ говоритъ, что Гомеръ «прибавляетъ много иѣжныхъ названій къ характеру обязанностей мужа. Ты долженъ быть для нея отцомъ, матерью и братомъ: это должно такъ быть, а то бракъ то же, что сиротство. Ибо та, которая покидаетъ отца, мать и брата для тебя, дѣлается или несчастной, какъ покинутое дитя, или должна найти все это, и больше еще, въ тебѣ». Если у васъ есть малѣйшее сомнѣніе, то не женитесь. Бракъ или большое счастье, или большое несчастье.

Бракъ влечетъ за собою большую отвѣтственность. Не доврѣяйтесь, въ этомъ дѣлѣ, однимъ глазамъ; бракъ долженъ быть заключенъ, по выраженію Джереми Тайлора, не глазами и руками, а разумомъ и сердцемъ.

Хорошая жена—помощникъ не только въ матеріальныхъ вещахъ, но и въ умственной сферѣ. Шекспиръ говоритъ, что даже низкіе люди пріобрѣтаютъ, когда они влюблены, благородство, не свойственное ихъ натурѣ. Если же даже низкіе люди такъ преобразуются и охватываются сильнымъ стремленіемъ ко всему

хорошему, то тѣ, которымъ свойственно благородство, дѣлаются еще лучше и прекраснѣе.

«Бракъ,—говоритъ Жереми Тайлоръ,—божественное учрежденіе, священный союзъ, святое таинство, знаменательное по своему значенію, вызывающее уваженіе по своимъ цѣлямъ и религиозному смыслу; бракъ полезенъ человѣческому обществу, и Господь смотритъ на него, какъ на святое дѣло».

Тертуліанъ говоритъ: «Если бракъ счастливъ, то нѣтъ словъ выразить все счастье. Они вмѣстѣ молятся, вмѣстѣ поклоняются, вмѣстѣ постятся... они всегда вмѣстѣ, въ затрудненіяхъ, въ несчастіи, въ развлеченіяхъ. Никто изъ нихъ не скрываетъ чего-либо отъ другого, ни одинъ изъ нихъ не тяготитъ другого. Христосъ радуется, когда видитъ такой бракъ. Онъ имъ посылаетъ миръ. Гдѣ двое, тамъ и Онъ, а гдѣ Онъ,—нѣтъ зла».

Вы берете себѣ жену, по торжественнымъ и прекраснымъ словамъ нашего свадебнаго обряда: «на лучшее и на худшее, на богатство и бѣдность, на болѣзнь и здоровье, чтобы любить ее и заботиться о ней, покуда смерть васъ не разлучитъ».

«Счастливый бракъ,—говоритъ Стэнлей,—новое начало жизни, новый путь къ счастью и пользѣ; единственный великій случай покончить со всѣмъ прошлымъ, со своимъ безуміемъ и ошибками, покончить и оставить его далеко, далеко за собой, а самому идти впередъ съ новыми надеждами, новымъ мужествомъ, новыми силами къ открывающемуся передъ нами будущему. Счастливый домашній очагъ лучше всего походить на рай; тамъ мужъ и жена, отецъ и мать, братъ и сестра, дитя и родители, всякій по своему помогаетъ другъ другу, какъ могутъ помогать только члены одной семьи, ибо никто другой не имѣетъ такого случая помочь, не знаетъ такъ хорошо характеръ другого, не заинтересованъ такъ въ благополучіи, славѣ, счастья и добротѣ другого, какъ въ благополучіи того, который кость отъ кости, и плоть отъ плоти; въ его счастья и славѣ мы сами дѣлаемся счастливыми и славными; въ его несчастіи мы дѣлаемся несчастными; его эгоизмъ, слабость и ничтожество насъ принижаютъ до земли: чистота же, благородство и сила его насъ поднимаютъ почти невольно до долга, до неба, до Бога».

Наконецъ, дѣти—великая, но чудная отвѣтственность. Иногда говорятъ, что они «посылаются», и легкомысленные родители оправдываются, говоря, что «если Богъ посылаетъ рты, то онъ пошлетъ и пищу». Но Матью Арнольдъ справедливо замѣчаетъ, «что нѣтъ оправданія тому, кто содѣйствуетъ появленію въ мірѣ бѣдныхъ малютокъ, зная, что не можетъ ихъ обставить прилично и достаточно».

Дайте имъ расти въ свѣтѣ любви; если ихъ дѣтство согрѣто тепломъ любви, они лучше вынесутъ холодъ жизни.

«Только тотъ, кто любитъ своихъ дѣтей, можетъ знать, сколько радостныхъ волненій приносятъ милые дѣтскіе голоса; ихъ ребячество, ихъ лепетъ, ихъ легкій гнѣвъ, ихъ невинность, ихъ несовершенство, ихъ труды,—все это даетъ радость и утѣшеніе тому, кто любитъ ихъ, кому хорошо въ ихъ обществѣ; но кто не любитъ своей жены и своихъ дѣтей, вскармлиываетъ дома львицу и вьетъ себѣ гнѣздо горя, сама благодать не можетъ его осчастливить. Такимъ образомъ, всѣ заповѣди Божьи, предписывающіе человѣку: любить свою жену,—ничто иное, какъ потребность въ радостяхъ, способность радоваться».

Г л а в а XIII.

Т р у д о л ю б і е.

Не тратьте ничего напрасно, особенно же время. *Сегодня* приходитъ только разъ, и больше никогда. Время—богатѣйшій даръ неба; потеря его—невозвратна.

Драйденъ говоритъ: «Само небо не имѣетъ власти надъ прошедшимъ, ибо то, что было, прошло; и у каждаго былъ свой часъ».

Не тратьте времени такъ, чтобы потомъ раскаяваться. Нѣтъ мысли печальнѣе, какъ: «поздно», или: «это могло бы быть». Время, это—данный вамъ залогъ, и вы отвѣтите за каждую минуту. Будьте скупы на сонъ, на пищу, и больше всего—на время.

Нельсонъ однажды сказалъ, что приписываетъ всѣ свои успѣхи въ жизни тому, что всегда былъ наготовѣ за четверть часа до назначеннаго времени.

«Молодежь,—говоритъ лордъ Мельбурнъ,—должна была бы слышать только такія рѣчи: «вы должны сами себѣ пробить дорогу, и отъ васъ зависитъ умереть съ голоду, или нѣтъ».

Трудолюбіе не только существенно важно для успѣха, но имѣетъ здоровое вліяніе на нравственный обликъ человѣка. Жереми Тайлоръ говоритъ: «Не будьте никогда праздными, наполняйте всякую свободную минуту чѣмъ-нибудь полезнымъ; развратъ легко вкрадывается въ пустое существованіе, когда душа бездѣйствуетъ, а тѣло—въ холѣ; обезпеченный, здоровый и праздный человѣкъ никогда не оставался еще цѣломудреннымъ, если являлось искушеніе; физическій трудъ—самый полезный; онъ легче всего отгоняетъ дьявола».

«Время и земля,—по словамъ Кебля,—подготавливаютъ къ небу и вѣчности; Богъ намъ дастъ въ будущемъ мірѣ вѣка, тождественные съ мгновеніями проведенными здѣсь, на землѣ».

Хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать общему счастью и благу,—вогъ та высшая цѣль, та благородная надежда, которыя могутъ вдохновить человѣческое существованіе.

Говорятъ, Петръ Медичи однажды поручилъ Микель-Анджело сдѣлать статую изъ снѣга. Это было безсмысленной тратой времени. Но если время Микель-Анджело было цѣнно для міра, то наше время имѣетъ такую же цѣнность для насъ; между тѣмъ, мы слишкомъ часто его тратимъ на статуи изъ снѣга, и даже хуже,—на идолы изъ грязи.

Великій римскій философъ и государственный дѣятель Сенека сказалъ: «Мы всѣ жалуемся на недостатокъ времени, а между тѣмъ, у насъ его больше, чѣмъ нужно. Всю свою жизнь мы или ничего не дѣлаемъ, или дѣлаемъ ненужное, или не дѣлаемъ того, что слѣдуетъ. Мы постоянно жалуемся на то, что наши дни сочтены, но поступаемъ такъ, какъ будто бы имъ не предвидѣлось конца».

Поразительно, сколько можно сдѣлать при извѣстной экономіи времени. Неемія (nehemiah) успѣвалъ прочесть молитву Престолу Милости въ то время, какъ стоялъ за столомъ царя Персія.

Между тѣмъ, у самыхъ счастливыхъ изъ насъ, наполняющихъ прекрасно и мудро свое время, остается много вещей несдѣланныхъ, много книгъ непрочитанныхъ, много зрѣлищъ невиданныхъ, много странъ непосѣщенныхъ.

Великій, можно сказать, единственно великій элементъ успѣха и счастья въ жизни заключается въ способности къ честному, серьезному труду. Цицеронъ говорилъ, что прежде всего нужна смѣлость, во-вторыхъ—смѣлость и въ-третьихъ—смѣлость. Довѣріе къ себѣ очень полезно, безъ сомнѣнія, но было бы вѣрнѣе сказать, что прежде всего нужно трудолюбіе, во-вторыхъ—трудолюбіе и въ-третьихъ трудолюбіе. Конечно, трудъ, какъ и развлеченіе, не составляетъ цѣли жизни, но они оба—средства къ одной и той же цѣли.

Трудъ—необходимъ для душевнаго спокойствія, какъ и для здоровья тѣла. День, проведенный въ суетѣ—утомительнѣе цѣлой недѣли, проведенной за работой. Суета истощаетъ всю нашу систему, трудъ же поддерживаетъ ее въ здоровьи и порядкѣ. Мускульное упражненіе обезпечиваетъ тѣлу здоровье, а мозговое упражненіе приноситъ душевное спокойствіе. «Умственный трудъ доставляетъ сердечное успокоеніе», говоритъ Дженкуртъ.

«Дайте дѣвушкамъ настоящую работу, которая бы поднимала ее съ зари и утомляла къ вечеру, давая ей сознание, что она принесла за день пользу своимъ братьямъ, и безсильное горе ея отчаянія преобразится въ величіе сіяющаго и благодѣтельнаго спокойствія», говоритъ Рускинъ.

Дѣлайте, что хотите, но только дѣлайте что-нибудь. Даже попытки отыскать философскій камень и сдѣлать изъ круга четырехугольникъ, и тѣ остались не безплодными.

Д-ръ Джонсонъ сказалъ: «Слова—дщери земли, а поступки—сыны неба». Дѣлайте хорошо то, что дѣлаете. Вкладывайте свое сердце въ дѣло. Развивайте всѣ свои способности: вы должны или воспользоваться ими, или потерять ихъ.

«Сама исторія генія,—говоритъ Гарнетъ (Garnett),—насколько возможно ее передать, сводится къ исторіи упорнаго трудолюбія въ борьбѣ съ препятствіями, и нѣкоторые выдающіеся люди прямо утверждаютъ, что геній—немного болѣе трудолюбія. Джорджъ Эліотъ смѣется при мысли, что она можетъ писать свои повѣсти по вдохновенію. Президентъ Дуайтъ (Dwight) обыкновенно говорилъ мальчикамъ, что «геній—это способность дѣлать усилія».

Въ концѣ концовъ попрошайничество тяжелѣе работы и въ общемъ хуже оплачивается. Каждому человѣку слѣдовало бы стоять на своихъ ногахъ. «Пахарь на своихъ ногахъ,—говоритъ Франклинъ,—выше джентльмена, стоящаго на колѣняхъ».

Говоря о своей знаменитой англійской грамматикѣ, Коббетъ замѣчаетъ: «Я изучалъ грамматику, когда былъ солдатомъ, на частной службѣ, на жалованьи въ 6 пенсовъ въ день. Я сидѣлъ при этомъ на дежурной скамьѣ или постели; мой ранецъ замѣнялъ мнѣ книжный шкафъ; досчечка на колѣняхъ была моимъ письменнымъ столомъ, а заданный урокъ потребовалъ цѣлаго года работы. У меня не было денегъ на покупку свѣчи или деревяннаго масла; зимою, я рѣдко пользовался инымъ свѣтомъ, кромѣ огня въ каминѣ, да и то, только въ очередь... Не смотрите легко на тотъ фартингъ, который мнѣ приходилось отдавать за чернила, перо или бумагу. Увы! этотъ фартингъ составлялъ большую сумму для меня: я былъ такого же большаго роста, какъ и теперь; я былъ очень здоровъ и дѣлалъ много движеній. Деньги, не потраченныя на ѣду, составляли за цѣлую недѣлю 2 пенса на человѣка. Я помню, и помню хорошо, какъ однажды, въ пятницу, сдѣлавъ всѣ необходимые расходы, я съэкономничалъ на полъпенни, на который намѣревался на слѣдующее утро купить копченую селедку; но раздѣваясь вечеромъ и готовясь лечь спать съ мучительнымъ ощущеніемъ голода, я вдругъ замѣтилъ, что

потерялъ свой полпенни! Я зарылся головой подъ грубыя простыню и одѣяло, и заплакалъ, какъ дитя! И я спрашиваю опять, если, при такихъ обстоятельствахъ, я могъ задать себѣ и одолѣть такую работу, то можно ли найти въ мірѣ юношу, которому простиительно неисполненіе долга?»

У Коббета не было денегъ, но у него была энергія и мужество. Бэконъ говоритъ: «Большинство людей, какъ будто, не сознають своихъ богатствъ и своей силы: они больше придаютъ значенія, чѣмъ слѣдовало бы, первому и гораздо меньше второму. Самостоятельность и самоотреченіе научають человѣка черпать воду изъ своего собственнаго резервуара, ѣсть сладкій хлѣбъ, заработанный собственными трудами, и бережно тратить довѣренныя ему блага».

Есть такая восточная пословица: «Стараніе приноситъ успѣхъ; лучше быть работающимъ псомъ, чѣмъ празднымъ львомъ».

«Работай ежечасно, говоритъ природа человѣку, постоянно, оплачено тебѣ или нѣтъ твое время; работай, и ты не минуешь награды: какая бы ни была твоя работа, тонкая или грубая, будетъ ли она заключаться въ сѣяніи хлѣба, или писаніи поэмъ, если она только честна и добросовѣстно исполнена, — она принесетъ свою награду внутреннему міру человѣка; неудачи могутъ быть частыя, и все-таки ты рожденъ для побѣды. Награда хорошо исполненной работы заключается въ томъ, что она исполнена».

Великій мудрецъ, Михаилъ Скотъ, какъ намъ передаетъ Вальтеръ-Скотъ, побѣждалъ дьявола лишь путемъ непрерывной работы. То же примѣнимо ко всѣмъ намъ. Христось говоритъ, что, когда злой духъ былъ изгнанъ изъ человѣка, онъ возвратился и когда нашелъ домъ пустымъ, вошелъ въ него съ семью другими бѣсами, еще худшими.

Праздность—не отдыхъ. Она больше утомляетъ, чѣмъ работа. У римлянъ была пословица: «*Difficilis in otio quies*» (труденъ покой въ праздности). Трудно отдыхать, ничего не дѣлая.

Никогда не торопитесь. Природа никогда не торопится. Первый совѣтъ швейцарскаго проводника молодому путешественнику, совѣтъ, который онъ чаще всего повторяетъ, состоитъ въ томъ, чтобы идти всегда медленно и твердо, потому, что «чѣмъ медленнѣе ты будешь подниматься, тѣмъ скорѣе ты достигнешь вершины»; не слѣдуетъ идти слишкомъ скоро, но и не терять времени по дорогѣ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отъ времени до времени останавливаться; здоровенный волъ, и тотъ требуетъ отдыха, и межа отмѣчаетъ пространство, послѣ котораго ему нужно дать передышку. Точно также въ жизни великая тайна успѣха

заключается въ томъ, чтобы никогда не торопиться и никогда не терять времени. «Торопливость,—говоритъ одна восточная по-словица,—отъ лукаваго, а терпѣніе раскрываетъ ворота блаженства».

Многіе думаютъ, что поспѣшностью можно сберечь время. Это большое заблужденіе. Двигаться быстро — хорошо, но гораздо важнѣе—сдѣлать вещь хорошо, чѣмъ сдѣлать ее скоро.

Что же касается работы, то она гораздо утомительнѣе и тяжелѣе, если дѣлается неправильно, урывками и въ попыхахъ, чѣмъ если она исполнена медленно, твердо, правильно, безъ поспѣшности и суеты. Торопливость не только портитъ работу, но и жизнь.

«Работать не спѣша и не отдыхая»,—таковъ былъ девизъ Гете, хотя наше слово «отдыхъ» не вполне выражаетъ его мысль.

- Не торопись, не давай необдуманному поступку
- Испортитъ навсегда успѣшную работу духа;
- Подумай хорошенько и узнай, гдѣ правда,
- А затѣмъ рѣшайся, унай свою силу;
- Не торопись, годы никогда не исправятъ
- Одинъ неосторожный поступокъ.
- Не отдыхай, жизнь проходитъ мимо,
- Иди и будь смѣлъ, куда ты не умерь:
- Оставь за собой что-нибудь властное и великое,
- Чтобы могло завоевать время;
- Славно—жить, не умирая,
- Когда все видимое прошло навсегда».

И такъ, работайте усердно, но не спѣшите, не суетитесь и не волнуйтесь.

«Интересуйтесь,—говоритъ Франсисъ Галтонъ,—только развертывающимся передъ вами путемъ, но не ждите его конца съ нетерпѣніемъ. Думайте, смотрите на возвращеніе къ цивилизаціи послѣ странствованій въ дикихъ странахъ, не какъ на окончаніе тяжелаго времени, но съ сожалѣніемъ, какъ на прекращеніе пріятной жизни, полной приключеній. Такимъ образомъ, рискуя немногимъ, вы постепенно будете подвигаться, заключая знакомства и узнавая особенности данной страны; все это, въ случаѣ поспѣшнаго и несчастнаго возвращенія, окажется неощутимымъ. И такъ, когда пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, вы оглянетесь съ удивленіемъ на громадное, пройденное вами, пространство, потому что, если вы будете проходить только по 3 мили въ день, вы за годъ сдѣлаете ихъ 1.000, а это составляетъ большой путь. Басня о зайцѣ и черепахѣ какъ будто нарочно написана для путешественниковъ на большихъ и невѣдомыхъ дорогахъ».

Вставайте рано, давайте движеніе и отдых своимъ мышцамъ и своему мозгу, будьте умѣренны въ ѣдѣ, спите достаточно, смотрите на все спокойно — и будьте увѣрены, — работа не будетъ вамъ вредна. Суета и возбужденіе, нетерпѣніе и безпокойство, все это не только не помогаетъ работѣ, но и можетъ постепенно убить человѣка и, по крайней мѣрѣ, сдѣлать изъ него готовую жертву первой возможной болѣзни; но при спокойномъ и добродушномъ отношеніи къ жизни, умственное напряженіе и свободная мысль будутъ имѣть такое же значеніе для души, какъ движеніе и свѣжій воздухъ для тѣла; они удлинятъ, а не укоротятъ вашу жизнь.

Трудолюбіе — мозгъ государственнаго дѣятеля, мечъ воина, тайна изобрѣтателя, «откройся, Сезамъ» ученаго, — какъ говорится въ «Простой жизни и высокихъ мысляхъ Адама». Наша милостивая королева была однимъ изъ лучшихъ властителей исторіи. А почему? Безъ сомнѣнія, у нея много ума и такта, но главное, она никогда не избѣгала труда. Духъ, въ которомъ она работала, выраженъ въ одномъ замѣчаніи ея къ лорду Монтэглу, приведенномъ въ мемуарахъ г-жи Джэмсонъ (Jemson). Въ отвѣтъ на его извиненія, что онъ принужденъ беспокоить ее по дѣлу, она сказала: «Пожалуйста, никогда не произносите передо мною слово «безпокоить». Скажите мнѣ только, какъ слѣдуетъ сдѣлать вещь, чтобы она была исполнена хорошо, и я всегда ее сдѣлаю, если могу».

Какія бы ни были ваши обязанности или дѣла въ жизни, старайтесь ихъ исполнять какъ можно лучше.

Герцогъ Веллингтонъ столько же обязанъ своими побѣдами тому, что былъ хорошимъ человѣкомъ, какъ и тому, что былъ великимъ полководцемъ. Онъ обращалъ самое тщательное вниманіе на всѣ подробности провіанта и интендантства; его лошади имѣли всегда вдоволь корму, его люди были прекрасно снабжены теплой одеждой, крѣпкой обувью и хорошей пищей.

«Если ты увидишь человѣка, усердно работающаго, — говоритъ Соломонъ, — ты можешь быть увѣренъ, что онъ предстанетъ предъ царями». Святой Павелъ совѣтуетъ намъ «не быть лѣнивыми въ дѣлѣ, а быть бодрыми духомъ и служить Господу».

Трудолюбіе приноситъ свою собственную награду. Колумбъ открылъ Америку въ то время, какъ искалъ восточный путь въ Индію; Гёте замѣчаетъ, что Саулъ нашелъ царство въ то время, какъ искалъ отцовскихъ ослонъ.

«Рѣшительность, — говоритъ Франклипъ, — исполнить свой долгъ, и непремѣнно исполняйте то, что порѣшили».

Иногда думаютъ, что гений можетъ замѣнить работу. Мы читаемъ о людяхъ, которые лѣнились въ первые свои университетскіе годы, которые работали лишь временно, при страшномъ умственномъ напряженіи, съ мокрой салфеткой на головѣ, и которые блестяще кончили университетъ. Повѣрьте, они дорого заплатили позднѣе за мокрую салфетку. Но даже въ этомъ случаѣ имъ пришлось работать. Много великихъ людей обязаны своимъ успѣхомъ болѣе трудолюбію, чѣмъ способностямъ, если судить по ихъ школьнымъ воспоминаніямъ. Говорятъ что Веллингтонъ и Наполеонъ, Клайвъ, Скоттъ, Шериданъ и Бёрнсъ, всѣ были заурядными мальчиками въ школѣ.

Безъ сомнѣнія, нѣкоторые люди болѣе одарены, чѣмъ другіе. Но пусть двое людей вступятъ вмѣстѣ въ жизнь, одинъ съ блестящими способностями, но беззаботный, лѣнивый и самодовольный; другой же сравнительно неспособный, но трудолюбивый, заботливый и съ строгими принципами, и со временемъ онъ обгонитъ своего болѣе блестящаго соперника. Никакія преимущества въ жизни, никакія способности, никакіе богатые друзья или большія связи не могутъ замѣнить недостатокъ трудолюбія и характера.

У Гроссетеста, линкольнскаго епископа и великаго государственнаго дѣятеля, былъ лѣнивый братъ, который однажды пришелъ къ нему и заявилъ, что хочетъ быть великимъ человѣкомъ. Епископъ отвѣчалъ: «Братъ, если твой плугъ сломанъ, я заплачу за его починку; если твой волъ околѣетъ, я куплю тебѣ другого; но я не могу сдѣлать изъ тебя великаго человѣка; я напелъ тебя пахаремъ и боюсь, что когда покину тебя, ты будешь все тѣмъ же пахаремъ».

Мильтонъ былъ не только гениальнымъ, но и поразительно трудолюбивымъ человѣкомъ. Онъ такъ описываетъ свои привычки: «Зимой я часто встаю раньше, чѣмъ колокола призываютъ пахаря къ молитвѣ; лѣтомъ я почти всегда встаю вмѣстѣ съ самой ранней птицей, или немного позднѣе, и читаю великихъ писателей или готовлюсь къ чтенію до тѣхъ поръ, пока вниманіе мое не обострится, и память не развернется во всей своей полнотѣ; тогда я приступаю къ ясной и горячей работѣ, сохраняющей тѣлесное здоровье и бодрость, и повинуюсь радостно и сознательно, а не мѣло, своему уму, на пользу религіи и свободы нашей страны».

Не смотрите на работу, какъ на скучную обязанность. Если захотите, вы можете сдѣлать ее интересной. Вложите свое сердце въ работу, вникните въ ея смыслъ, выясните себѣ ея причины и предъидущую исторію, рассмотрите ее со всѣхъ точекъ зрѣнія, подумайте о томъ, сколькимъ людямъ можетъ принести пользу

самый скромный трудъ, и не найдется, можетъ быть, ни одной обязанности, къ которой нельзя было бы отнестись съ увлеченіемъ. Вы полюбите свою работу, и если будете ею увлекаться, она вамъ покажется легкой. Даже, если вамъ сперва покажется невозможнымъ такъ отнестись къ своему труду, если въ началѣ онъ покажется вамъ тяжелой лямкой,—можетъ случиться, что это-то вамъ и нужно; оно можетъ оказаться здоровымъ, какъ горный воздухъ, для выработки вашего характера. Наши скандинавскіе предки поклонялись Тору, работающему молотомъ, а въ старомъ, сѣверномъ мифѣ говорится, что Воландъ продалъ свою душу чорту, чтобы сдѣлаться лучшимъ кузнецомъ въ мірѣ; въ этомъ, конечно, онъ зашелъ слишкомъ далеко.

Большой вопросъ, сколько часовъ слѣдуетъ отдавать сну. Это должна рѣшить природа. Нѣкоторые люди нуждаются въ болѣе продолжительномъ снѣ, чѣмъ другіе. Мнѣ кажется, не слѣдуетъ уменьшать количество сна, требуемое природой. Точно также нельзя считать потеряннымъ время, проведенное во снѣ. Сонъ удивительно обновляетъ нервную энергію, въ которой всегда такъ нуждаются городскіе жители.

Сэръ Е. Кюкъ такъ дѣлилъ свой день: шесть часовъ на сонъ, шесть на изученіе законовъ, четыре на молитву, а остальное предоставлялъ опредѣлить природѣ.

Сэръ В. Джонсъ (Jones) измѣнилъ этотъ порядокъ такимъ образомъ: «шесть часовъ закону, семь успокаивающему сну, десять посвящается всему міру, а всѣ часы—небу».

Мнѣ бы не хватило ни шести, ни семи часовъ на сонъ. Мы должны спать, пока не освѣжимся настолько, что сами проснемся; слѣдуетъ пробуждаться самому.

Въ тяжелое время, занятіе, развлекающее наши мысли, часто бываетъ большимъ утѣшеніемъ. Многие изъ насъ мучаются въ часы досуга напрасно боязнью и ненужнымъ беспокойствомъ. Будьте всегда заняты.

«Такимъ образомъ,—говоритъ Стерлингъ,—ты найдешь въ трудѣ и въ мысли покой, который не можетъ дать горе».

Лайлли давно сказалъ: «Всякое мѣсто—отечество для мудреца, и вездѣ дворецъ для спокойнаго ума».

И такъ, работайте вмѣстѣ съ природой, но не противъ нея. Не плывите, если возможно, противъ теченія; но если нужно, вы должны это сдѣлать. Не бойтесь этого; въ большинствѣ случаевъ, природа потрудится за насъ, если мы только ей предоставимъ свободу дѣйствій.

«Надъ природой—тоже, что въ природѣ», говоритъ Кингслей:

«кто преступаетъ одинъ физическій законъ,—виновать во всемъ. Вся вселенная какъ-бы вооружается противъ него, и вся природа, со своими безчисленными и невидимыми силами, готова отомстить ему и его дѣтямъ послѣ него, и поразить его тогда и тамъ, гдѣ онъ не можетъ предвидѣть. Съ другой стороны, кто повинуется всѣмъ сердцемъ и душой закону природы, тотъ увидитъ, какъ все содѣйствуетъ его благу. Ему помогаетъ и сочувствуетъ точно также солнце надъ его головой, какъ и пыль подъ его ногами: потому что онъ повинуется волѣи уму Того, Кто создалъ солнце, пыль и все и Кто далъ имъ законъ, его же не преjdeши»

А. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Ганнеле», фантастическія сцены въ двухъ частяхъ, Гергарта Гауптмана. Въ чемъ заключается причина успѣха пьесы? Символическій реализмъ «Ганнеле». — «Починъ», сборникъ Общества любителей россійской словесности. — «Притчи» Л. Н. Толстого. Ошибочность его взгляда на отношенія общества къ его проповѣди. Удивительное толкованіе послѣдняго разсказа графа «Хозяинъ и работникъ». — «Этюды о русской читающей публикѣ» Н. А. Губкина. Упадокъ читателей изъ привилегированныхъ классовъ и ростъ читателей изъ народа.

«Фантастическія сцены» Гауптмана, постановкой которыхъ публика обязана «Литературно-артистическому кружку», произвели давно уже небывалый эффектъ и въ печати, и въ обществѣ. Явились, какъ водится, страстные поклонники и не менѣе ожесточенные враги, одни ничего не видѣли, кромѣ выдающихся достоинствъ, другіе, напротивъ, — указывали только недостатки. Общій отзывъ, однако, въ пользу «Ганнеле», и большинство публики признало ее пьесой интересной и трогательной, хотя для многихъ и непонятной.

Между тѣмъ, «Ганнеле» — крайне незамысловатая вещь, можно сказать, примитивная по мотиву и очень простая по обработкѣ, какъ и все истинно прекрасное. Тема ея далеко не нова, и можно указать много высоко-художественныхъ произведеній, одинаковыхъ съ ней по содержанію. Ее сравниваютъ съ прелестнымъ и трогательнымъ разсказомъ Достоевскаго «Мальчикъ у Христа на ѣлкѣ», и съ полнымъ правомъ можно отнести ее къ циклу такъ-называемыхъ «рождественскихъ разсказовъ», въ которыхъ фигурируютъ обыкновенно бѣдные дѣти, погибающія при самой трогательной обстановкѣ. Лучшіе изъ этихъ разсказовъ принадлежатъ Диккенсу и Андерсену.

Дѣло не въ темѣ «Ганнеле», а въ ея обработкѣ, новой, оригинальной и несравненно болѣе глубокой, чѣмъ у Достоевскаго и у другихъ писателей.

На сценѣ умираетъ дѣвочка, преждевременно истерзанная

жизнью, ничего ей не давшей, кромѣ мученій голода, холода, нищеты,—и смутныхъ, неясныхъ, туманныхъ и поэтическихъ представлений, что жизнь могла бы быть и иной. Только эта иная жизнь такъ далека отъ дѣйствительной, выпавшей на долю Ганнеле, что здѣсь, на землѣ, она и представить ее не можетъ. Такая жизнь ей представляется только на небѣ, куда и стремится ея душа съ страстнымъ желаніемъ уйти поскорѣе отсюда, гдѣ она ничего не видѣла хорошаго. «Не тебя,—покутъ ей духи,—ласкало солнце, не для тебя росла трава въ долинѣ; ты никогда не была сыта, никогда не дышала чистымъ воздухомъ, не знала, что такое аромать цвѣтовъ». Чуткая, нервная и экзальтированная дѣвочка, доведенная истощеніемъ до галлюцинацій, бросается въ воду. Въ блаженномъ восторгѣ своихъ видѣній она не хочетъ возвращаться назадъ, къ прежней жизни, ужасается при воспоминаніи о своемъ вотчимѣ, который будетъ ее снова мучить, объ окружающихъ, которые ее дразнили «незаконнорожденной принцессой въ лохмотьяхъ», и думаетъ съ теплой благодарностью только объ учителѣ, отъ котораго одного она слышала слова любви и утѣшенія, «такіе прекрасные, чудесные гимны». Въ смерти она не видитъ ничего страшнаго, ее пугаетъ только ея безмолвье да холодъ могилы. За то похороны ей представляются моментомъ ея торжества, когда всѣ поймутъ и признаютъ, какая она, Ганнеле, прекрасная, милая дѣвушка, «съ самой маленькой ножкой», и всѣ будутъ жалѣть о ней, а ея вотчима всѣ осудятъ, и онъ съ горя повѣсится. Душа ея улетитъ въ рай, о которомъ ей говорила мать, и ее тамъ встрѣтитъ любимый учитель г. Готтвальдъ («Генрихомъ зовутъ его. Хорошее имя—Генрихъ, правда?»).—Она умираетъ, радостная, довольная, примиренная, безъ борьбы и сожалѣній.

Здѣсь нѣтъ никакой драмы,—драма разыгрывается не на сценѣ, а въ зрительномъ залѣ, въ сердцахъ зрителей, которые, съ начала и до конца, мучительно сознаютъ неизбѣжность этой смерти и свое безсиліе измѣнить жизнь такъ, чтобы и Ганнеле перестала мечтать о смерти, какъ о единственномъ и хорошемъ исходѣ для нея.

Поднимается занавѣсъ, предъ нами пріютъ для нищихъ, погибшихъ женщинъ и жалкихъ бродягъ. Они заняты своими ничтожными дѣлишками, ссорятся и мирятся, словомъ, живутъ, какъ могутъ жить отрѣбья человѣчества. Вносятъ умирающую Ганнеле, и предъ нами возникаетъ вопросъ, если бы она не бросилась въ воду, что ее ожидало бы тогда? И тутъ же готовый отвѣтъ: то же, что случилось съ ея матерью, что было съ обитательницами пріюта, старухой Тульпе и тридцатилѣтней дѣвушкой Гетой, у которой «на лицѣ печать распутства». Зритель сразу

видить, что для такихъ, какъ Ганнеле, нѣтъ выбора. Ихъ ждетъ одно и то же, а если Ганнеле сломилась раньше, то это ея счастье,—но это «счастье»—случайность.

Почему же, однако, такъ? Почему нѣтъ для нихъ лучшей участи, о которой мечтаетъ въ своихъ видѣніяхъ Ганнеле? Всѣ мечты ея такъ реальны по существу. Она жаждетъ только теплой одежды, пищи, свѣта, воздуха—и немножко любви. Развѣ все это такъ недоступно, что только въ раю и можно встрѣтить? Конечно, нѣтъ. Наивный, даже грубый матеріализмъ ея мечтаній,—вотъ что трогаетъ больше всего и выжимаетъ слезы у зрителей. Пока Ганнеле живетъ и борется, ея никто не интересуется, а когда она гибнетъ въ борьбѣ, всѣ растерянножимаютъ плечами, какъ бургомистръ на сценѣ, или какъ докторъ, констатирующий фактъ смерти. Зритель, если не совсѣмъ очерствѣлъ душою, не можетъ не чувствовать горечи вины передъ Ганнеле, не можетъ и не сознавать безсилья передъ роковымъ вопросомъ,—такъ что же дѣлать? Чувство справедливости возмущается въ немъ, хочется излить на кого-либо негодование за участь Ганнеле. Въ пьесѣ отвѣтчикомъ за все, но только въ глазахъ самой Ганнеле, является ея вотчимъ, рабочій-каменьщикъ. Но ни авторъ, ни зритель не могутъ обвинить этого пьяницу, который самъ скорѣе жертва, чѣмъ палачъ. Подожимъ, онъ грубъ, вѣчно пьянъ, жестокъ, золъ, словомъ, животное во всѣхъ отношеніяхъ. Но или всѣ окружающіе таковы же, какъ онъ, или же, если они не таковы, то всѣ они несравненно болѣе виновны, чѣмъ онъ, допуская, при наличности всѣхъ своихъ добродѣтелей, гибель Ганнеле въ рукахъ такого негодяя.

Въ этомъ и заключается весь драматизмъ, этимъ объясняется и сила впечатлѣнія, какое «Ганнеле» производитъ на всѣхъ.

Въ пьесѣ нѣтъ ничего мистическаго, Она реальна до грубости, и если этотъ реализмъ не разрушаетъ художественной иллюзіи, то лишь благодаря фантастическому оттѣнку, лежащему на всемъ. Видѣнія Ганнеле такъ перемѣшаны съ дѣйствительностью, что зритель съ трудомъ различаетъ ихъ, поддаваясь иллюзіи вполне. Ганнеле сливается воедино и бредъ, и окружающихъ, и свое прошлое, что вполне естественно и понятно. Гауптману принадлежит оригинальная мысль—вывести на сцену эти видѣнія, заставить ихъ жить, говорить, дѣйствовать, что многимъ кажется страннымъ и непонятнымъ. Они принимаютъ ихъ за какіе-то символы, тогда какъ ничего символическаго въ нихъ нѣтъ. Ангелы, смерть, странникъ, учитель, дѣти, толпа,—причудливо перемѣшанные фантазіей умирающей дѣвочки,—именно таковы, какими можетъ ихъ

воображать невѣжественная, больная дѣвочка, для которой всѣ отвлеченныя понятія мыслимы только въ реальной, тѣлесной оболочкѣ. Для нея нѣтъ въ нихъ ничего символическаго, а для автора — они представляютъ внутренній міръ ребенка. Онъ раскрываетъ его передъ зрителями, заставляя ихъ въ смущеніи опустить голову. Мясо, молоко, одежда, тепло, свѣтъ, воздухъ — вотъ идеалъ этого ребенка. А между тѣмъ, натура его — кроткая, впечатлительная, доступная всему возвышенному. Ганнеле любила школу, церковь, благодарна за всякую ласку и доброе слово, проникнута благоговѣйной любовью къ Христу, который любитъ всѣхъ такихъ, какъ она, бѣдныхъ, покинутыхъ дѣтей. Образъ Ганнеле въ высшей степени поэтиченъ, обрисованъ авторомъ нѣжными, тонкими, изящными чертами. Она такая хрупкая, граціозная, симпатичная, созданная для любви и нѣги, «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», — и рядомъ, какъ олицетвореніе окружающей жизни, ея вотчимъ, несчастный, грубый, спившійся оборванецъ. Рай въ ея видѣніяхъ, — и тутъ же пріютъ для отбросовъ общества, гдѣ все гнусно и скверно. Такими контрастами художникъ намѣренно подчеркиваетъ свою основную мысль, чуждую всякаго мистицизма и декадентства. Въ послѣдней сценѣ, когда духи уносятъ радостную душу Ганнеле, занавѣсъ падаетъ и быстро вновь поднимается, — на сценѣ нѣтъ ни аптеловъ, ни добраго странника, ни восторженной Ганнеле. Въ убогомъ пріютѣ лежитъ на жалкой постели ея тѣло въ грязномъ оборванномъ платьѣ, и докторъ равнодушно заявляетъ на вопросъ сестры милосердія — «умерла»? — «Да, умерла». Нѣкоторымъ эта заключительная сцена кажется лишней, присочиненной, не вяжущейся съ общимъ ходомъ пьесы. Странное недоразумѣніе, чтобы не сказать больше. Послѣдняя сцена, это — главный, необходимый штрихъ въ картинѣ, безъ чего она была бы неясной, недоузданной и, дѣйствительно, уподобилась бы мистическо-декадентскому бреду. Этой сценой авторъ говоритъ зрителю: вотъ мечты, а вотъ дѣйствительность. Выводъ сдѣлайте сами.

И выводъ получается безотрадный, но было бы несправедливо упрекать Гауптмана въ пессимизмъ, какъ это дѣлаетъ одинъ критикъ, называя его убѣжденнымъ страстнымъ пессимистомъ, а его «Ганнеле» — апофеозомъ смерти. Ни то, ни другое несправедливо. Гауптманъ — реалистъ до глубины души, онъ беретъ жизнь такую, какова она есть, не отрицаетъ дурного, но и не отворачивается отъ хорошаго. Въ томъ положеніи, которое выпало на долю Ганнеле, смерть — спасеніе, но во всей пьесѣ ни однимъ словомъ не отрицается жизнь по существу. Его Ганнеле мечтаетъ о любви къ доброму учителю и выражаетъ въ наивной пѣсенкѣ, какъ она

понимаетъ ее; въ своихъ мечтахъ о жизни въ раю она выражаетъ отрицаніе только жизни полной лишеній, и если стремится къ смерти, то какъ къ неизбѣжному переходу отъ ада, выпавшаго ей на долю, къ райскому житію.

Гауптманъ даже не все отрицаетъ и въ томъ, что составляетъ въ общемъ жизнь Ганнеле на землѣ. Кто далъ ей лучшія минуты здѣсь? Учитель и діаконисса, школа и церковь. Кто является, чтобы облегчить ея послѣднія минуты? Докторъ. Эти три лица, представители трехъ учрежденій,—три луча свѣта въ мрачномъ царствѣ нищеты и невѣжества. Выводя ихъ на сцену, художникъ какъ бы указываетъ путь, который можетъ привести общество къ разрѣшенію вопроса, поставленнаго имъ во всей неприглядной наготѣ. Путь этотъ—просвѣщеніе, соединенное съ вѣрой въ добро, руководимое любовью къ человѣчеству. Вѣра и наука—прежде всего, а остальное все приложится.

Какъ ни общъ этотъ отвѣтъ, онъ все-таки далекъ отъ пессимизма, который и не въ натурѣ Гауптмана. Судя по его портрету, это—молодой человѣкъ съ энергичнымъ, нѣсколько грубоватымъ лицомъ, съ твердо очерченнымъ подбородкомъ,—настоящее лицо борца. Въ своихъ «Ткачахъ» онъ и выступаетъ такимъ борцомъ, во имя лучшаго будущаго, въ которое онъ вѣритъ и стремится убѣдить другихъ. Въ «Ганнеле» онъ не даетъ рѣшенія, потому что и не могъ бы дать, если бы и хотѣлъ. Какъ художникъ, онъ выполнилъ задачу, если заставилъ зрителей задуматься надъ поставленнымъ вопросомъ, рѣшеніе котораго—дѣло будущаго.

И ни одинъ человѣкъ не осмѣлится теперь сказать, что знаетъ это рѣшеніе, если онъ только не заблуждается, или не обладаетъ такимъ самоувѣреніемъ, какъ Л. Н. Толстой, выступившій, по-истинѣ, какимъ-то пророкомъ въ своихъ «Притчахъ», съ которыми не лишне познакомить нашихъ читателей.

Эти замѣчательныя «Притчи» появились въ сборникѣ «Общества любителей россійской словесности»—«Починъ».

Это Общество существуетъ уже чуть не сто лѣтъ (основано въ 1811 г. при московскомъ университетѣ), но извѣстность его мало распространена среди обыкновенной читающей публики. Странное, но обычное для насъ явленіе. У насъ такъ мало обществъ, призванныхъ къ самостоятельной дѣятельности, такъ мало привычки къ послѣдней, такъ глубоко ушли мы въ бюрократизмъ всякаго рода, что даже въ области литературы, гдѣ, помимо воли, вырабатывается привычка жить на людяхъ и съ людьми,—нѣтъ или почти нѣтъ склонности къ единенію, къ совмѣстной работѣ, къ взаимной поддержкѣ

и дружному отстаиванію своихъ интересовъ. «Общество любителей россійской словесности» пережило три четверти вѣка, насчитываетъ въ рядахъ своихъ членовъ почетнѣйшія имена русской литературы, и въ чемъ же сказывается его работа? Гдѣ плоды этой почти вѣковой дѣятельности? Сколько у него членовъ? По приложенному въ концѣ «Сборника» списку—140!

Какъ показываетъ самое названіе «Починъ»—это первый шагъ, который дѣлаетъ «Общество» въ широкую публику, хотя неизвѣстно, предназначается ли «Починъ» для такой публики, или же только для членовъ «Общества». Скорѣе послѣднее, такъ какъ цѣна не обозначена. Если такъ, то очень жаль, что такъ. Жариться въ собственномъ соку хотя и обычная участь русскихъ обществъ, но литературному это «и не къ лицу, и не пристало». Неужели нечего ему сказать читателю, нечего заимствовать у него, нечѣмъ заинтересоваться въ нашей обыденной жизни? Литература давно уже перестала изображать Парнасъ, куда во время оно, въ тѣ дни, «когда намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія»,—уходили величественные мужи «съ печатью тайны на челѣ», и, завернувшись въ классическую тогу, «вѣщали». Литература только и стала дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ должна быть, когда, переставъ «вѣщать», заговорила «въ веселомъ русскомъ слогѣ», спустилась къ намъ, простымъ смертнымъ, и вмѣсто боговъ—привлекла къ отвѣту грѣшныхъ русскихъ обывателей.

Пора бы и «Обществу любителей россійской словесности» нѣсколько разомкнуться и пустить въ свои сѣни веселую живую «улицу», съ ея свѣтомъ и шумомъ дня, съ ея большими и малыми интересами,—съ тѣмъ, словомъ, чѣмъ живы люди. Въ жизни нѣтъ ничего мелкаго и ничтожнаго,—есть только мелкіе и ничтожные умы.

Въ «Сборникѣ» есть статьи живыя, интересныя и горячо написанныя. Статья г-жи Некрасовой объ Огаревѣ, «Поэзія Некрасова» Ив. Иванова, любопытное сообщеніе Н. С. Тихонравова—«Плачь холоповъ прошлаго вѣка»—затрагиваютъ вопросы, никогда не теряющіе значенія и интереса. Но вниманіе читателя, конечно, прежде всего обращается къ тому, кто такъ умѣетъ привлекать къ себѣ это вниманіе. Мы имѣемъ въ виду «Три притчи» Л. Н. Толстого.

Написаны онѣ, очевидно, pro domo sua. По крайней мѣрѣ, характеръ ихъ чисто апологическій. Л. Н. Толстой измѣняетъ въ нихъ прежнюю тактику, заключавшуюся въ величавомъ молчаньи, съ которымъ онъ встрѣчалъ до сихъ поръ критику своихъ поученій. Неоднократно онъ заявлялъ и устно, и печатно, что ничего

не читаетъ, что противъ него пишутъ, не слѣдитъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ его проповѣдь въ литературѣ, не интересуется этимъ и предпочитаетъ идти своей дорогой, не обращая вниманія, идетъ ли кто за нимъ. Насколько такія увѣренія были правдивы, показываютъ «Притчи», въ которыхъ Л. Н. Толстой съ горячностью утверждаетъ, что *«всѣ»*, «мудрые и сильные», возстали противъ него, что *«ни одинъ человекъ, ни въ одной статьѣ или книгѣ, не возразилъ мнѣ»*, «никто не отвѣтилъ на поставленные имъ вопросы». Чтобы говорить такимъ категорическимъ тономъ, надо быть дѣйствительно незнакомымъ съ литературой послѣдняго времени. Возражать, что это не такъ, что многіе и во многихъ статьяхъ и цѣлыхъ книгахъ возражали графу,—напрасный трудъ. Л. Н. Толстой, не читая, знаетъ, что «никто» ничего не возражалъ. По этому поводу вспоминается недавняя замѣтка въ московскихъ газетахъ, какъ Л. Н. Толстой, не учась, сразу сѣлъ на велосипедъ и покатилъ, къ великому изумленію московскихъ велосипедистовъ. Умилившись при видѣ такой талантливости, они рѣшили поднести ему серебряный велосипедъ.

О чемъ же «вѣщаетъ» онъ въ своихъ «Притчахъ»?

Въ первой говорится о томъ, какъ выросла сорная трава на хорошемъ лугу. Люди ее косили, отчего она только умножалась. Тогда добрый и мудрый хозяинъ посовѣтовалъ владѣльцамъ—не косить сорную траву, а вырывать ее съ корнемъ. Но люди не исполнили его совѣта, продолжая по разнымъ причинамъ поступать по прежнему. Лугъ засорялся все больше и больше, и дѣло дошло до того, что остались однѣ сорныя травы. Тогда одинъ человекъ вспомнилъ предписаніе мудраго хозяина и напомнилъ его людямъ. Но вышло еще хуже,—люди обидѣлись на его напоминаніе, стали называть его безумнымъ гордецомъ, возмнившимъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ понялъ совѣтъ хозяина, бранили и смѣялись надъ нимъ. Сколько ни разъяснялъ имъ этотъ человекъ, что онъ не выдумываетъ ничего новаго, что совѣтъ этотъ поданъ мудрымъ хозяиномъ, что у него одно лишь желаніе—помочь людямъ извести сорную траву,—его не слушали, и окончательно было рѣшено, что этотъ человекъ или превратно толкуетъ слова мудраго хозяина, или злодѣй, желающій только увеличить сорныя травы.

«Тоже самое случилось и со мной,—заключаетъ графъ,—когда я указалъ на предписаніе евангельскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ... Я говорилъ, что, по ученію Христа, вся жизнь человека есть борьба со зломъ, противленіе злу разумомъ и любовью, но что изъ всѣхъ средствъ противленія злу Христосъ исключаетъ одно неразумное средство противленія злу насиліемъ, состоящее въ томъ, чтобы бороться со зломъ зломъ же.—И эти слова мои были поняты такъ, что я говорю, будто Христосъ училъ тому, что не

надо противиться злу. И всё тѣ, чья жизнь построена на насиліи и кому поэтому дорого насиліе, охотно приняли такое перетолкованіе моихъ словъ и вмѣстѣ съ нимъ словъ Христа, и было признано, что ученіе о непротивленіи злу есть ученіе невѣрное, недѣльное, безбожное и зловерное. И люди спокойно продолжаютъ подъ видомъ уничтоженія зла производить и увеличивать его».

Во второй притчѣ рѣчь идетъ о фальсификаціи науки и искусства, которую графъ сравниваетъ съ фальсификаціей съѣстныхъ товаровъ. Когда опытная и хорошая хозяйка стала уличать торговцевъ, что они подмѣшиваютъ муку, замѣняютъ масло маргариномъ, и тому подобное,—торговцы, обозлившись на нее, говорили покупателямъ, что она помѣшанная. И всё ее ругали и нападали на нее, доказывая, что она хочетъ лишить ихъ пищи.

«Тоже случилось со мной по отношенію къ наукѣ и искусству нашего времени... Когда я сказалъ, что та наука и то искусство, которыми торгуютъ на умственномъ базарѣ, маргариновыя или, по крайней мѣрѣ, съ большими подмѣсями чуждыхъ истинной наукѣ и истинному искусству вещества, и что я знаю это, потому что купленные мною на умственномъ базарѣ продукты оказались неудобосѣдаемыми ни для меня, ни для близкихъ мнѣ людей, не только неудобосѣдаемыми, но прямо вредными, то на меня стали кричать и ухать, и внушать мнѣ, что это происходитъ оттого, что я не ученъ и не умѣю обращаться съ такими высокими предметами. Когда же я сталъ доказывать то, что сами торговцы этимъ умственнымъ товаромъ обличаютъ безпрестанно другъ друга въ обманѣ; когда я напомнилъ то, что во всё время, подъ именемъ науки и искусства предлагалось людямъ много вреднаго и плохого, и что потому и въ наше время предстоитъ та же опасность, что дѣло это не шуточное, что отравы духовная во много разъ опаснѣе отравы тѣлесной, и что поэтому надо съ величайшимъ вниманіемъ исследовать тѣ духовныя продукты, которые предлагаются намъ въ видѣ пищи, и старательно откидывать все поддѣльное и вредное, когда я сталъ говорить это,—никто, никто, ни одинъ человекъ, ни въ одной статьѣ или книгѣ не возразилъ мнѣ на эти доводы, а изъ всѣхъ лавокъ закричали, какъ на эту женщину: онъ безумецъ! Онъ хочетъ уничтожить науку и искусство, то, чѣмъ мы живемъ. Бойтесь его и не слушайте! Пожалуйте къ намъ, къ намъ! У насъ самый послѣдній заграничный товаръ».

Какой, однако, жаргонъ у проповѣдника непротивленія злу насиліемъ! Это языкъ—не любви и разума, а озлобленнаго, до болѣзненности развитого самолюбія.

Въ третьей фигурируетъ все человѣчество, въ образѣ путниковъ, сбившихся съ дороги, и графъ Толстой, подающій единственный разумный совѣтъ остановиться, подумать и выбрать новый путь послѣ зрѣлаго размышленія. Но «никто» не послушался, «ни одинъ человекъ» не призналъ ошибочности избранной дороги.

«А всё разсердились, обидѣлись и поспѣшили заглушить дружнымъ гогоромъ мой одиночный голосъ. «Мы и такъ лѣнны и отстали. А тутъ проповѣдь лѣни, праздности, недѣланія!» Нѣкоторые прибавили даже: ничего—недѣланія. Не слушайте его, впередъ за нами!.. Что думать? Что стоять?»

Скорѣе впередъ! Все само собой сдѣлается!—Люди обились съ пути и страдаютъ отъ этого. Казалось бы, первое и главное усиліе энергіи, которое слѣдуетъ сдѣлать, должно бы быть направлено не на усиленіе того движенія, которое завлекло насъ въ то ложное положеніе, въ которомъ мы находимся, а на остановку его. Казалось бы, ясно то, что, только остановившись, мы можемъ хоть сколько-нибудь понять свое положеніе и найти то направленіе, въ которомъ мы должны идти для того, чтобы придти къ истинному благу не одного человѣка, не одного разряда людей, а истинному общему благу человѣчества, къ которому стремятся всѣ люди и отдѣльно каждое сердце человѣческое. И что же? Люди придумываютъ все возможное, но только не то одно, что можетъ спасти, а если и не спасти ихъ, то хотя облегчить ихъ положеніе, именно то, чтобы хоть на минуту остановиться и не продолжать усиливать своей ложной дѣятельностью свои бѣдствія. Люди чувствуютъ бѣдственность своего положенія и дѣлаютъ все возможное для избавленія себя отъ него, но только того одного, что навѣрное облегчитъ ихъ положеніе, они ни за что не хотятъ сдѣлать, и совѣтъ сдѣлать это больше всего раздражаетъ ихъ. Если бы можно было еще сомнѣваться въ томъ, что мы заблудились, то это отношеніе къ совѣту одуматься очевидное всего доказываетъ, какъ безнадежно мы заблудились, и какъ велико наше отчаяніе.

Прежде графъ Толстой нападалъ на догматы во имя свободы критики. Теперь онъ каждое свое положеніе возводитъ въ догматъ, причемъ мы видимъ его чуть ли не нетерпимѣе папы, который все же дѣлаетъ уступки требованіямъ времени. Его «я сказалъ», «я утверждаю», «я думалъ»—сокрушаютъ все,—и науку, и опытъ, и жизнь...

А «ученики», превзошли «учителя», договорившись, по истинѣ, до геркулесовыхъ столбовъ невозможнаго. Вотъ небольшая выдержка изъ статьи г. Меньшикова въ майской книжкѣ «Недѣли», по поводу послѣдняго разсказа Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ».

«Таковъ историческій смыслъ притчи «Хозяинъ и работникъ». Брехуновъ—отживающее язычество, Никита—растущее изъ стихій народной истинное христіанство... Въ «Хозяинъ и работникъ» отмѣченъ великій расколъ между ховяичающими и рабочими классами, между такъ называемой интеллигенціей и народомъ. Жизнь интеллигенціи еще насковъ проникнута языческими началами: въ ея законахъ и уставахъ, которымъ долженъ подчиниться и народъ, все еще дѣйствуетъ жестокое римское право, и въ зародышевомъ представителѣ интеллигенціи—въ Брехуновѣ—живетъ духъ Цезаря, мечтавшаго о захватѣ міра. Какъ Цезарь, какъ все язычество, Брехуновъ только и мечтаетъ о захватѣ—зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы возбуждать страхъ и зависть и имѣть возможность питать къ слабымъ прервѣніе. Зачѣмъ Брехунову столько денегъ, лавокъ, домовъ, роцъ и т. д.? Вѣдь для его вполне безопаснаго счастья довольно было бы одного дома, одного небольшого клочка земли. И всѣ Брехуновы, вся интеллигенція помѣшана на томъ же тщеславіи, на жаднѣ ненужныхъ жизни матеріальныхъ выгодъ, съ неизбѣжнымъ насиліемъ и обманомъ. Не то стихійный Никита, народъ: тамъ, гдѣ онъ не развращенъ, не втянутъ въ хищничество, тщеславіе уже не встрѣчается—по крайней мѣрѣ въ видѣ страшной душевной болѣзни, какъ среди интеллиген-

ція. Въ глубинахъ народныхъ замѣтны истинно христіанскіе обычаи братства, равенства и свободы—свободы и мысли, и вѣры, и слова. Нѣтъ тщеславія—нѣтъ и алчности къ богатству. Большинство народа цѣлью труда ставитъ необходимое питаніе; для большинства интеллигенціи эта цѣль—какое-нибудь преимущество: господство политическое, экономическое, умственное, т. е. нѣчто по существу не христіанское. Цѣль Никиты—питаніе—легко удовлетворима, цѣль Брехунова—неудовлетворима вовсе; кругъ жизни народа замкнуть, какъ геометрической кругъ; интересы интеллигенціи подобны гипер-болѣ, вѣтви которой идутъ въ бесконечность, въ безсиліе захватить ее, и т. д.

Что скажетъ Л. Н. Толстой, прочитавъ эту статью, трудно предвидѣть, но, по всей вѣроятности, ему станетъ не по себѣ. Врядъ ли ему приходило въ голову—видѣть въ Брехуновѣ интеллигенцію и даже «духъ Цезаря», а въ грѣшномъ Никитѣ—олицетвореніе «сгихійной правды», народнаго духа, цѣль котораго—«питаніе».

Дальше, повидимому, идти некуда. Остается, впрочемъ, еще одинъ шагъ къ «опрощенію»—признать, что третье дѣйствующее лицо разсказа Мухортый—недосягаемый идеалъ. Онъ такъ кротокъ, смиренъ, ласковъ и жизнерадостенъ, съ природою одною онъ жизнью дышитъ, и если не разумѣетъ «ручья лепетанія», то ни мало не сомнѣвается, что трава существуетъ затѣмъ, чтобы ее ѣсть, и вода, чтобы пить, а что больше, то отъ лукаваго. Кромѣ «питанія», никакихъ цѣлей онъ не преслѣдуетъ, къ «насилъственной интеллигенціи» вполне равнодушенъ и насчетъ кнута превратныхъ толкованій не придерживается, — пріемлетъ и ничто же вопреки глаголетъ, а если и брикнетъ иной разъ, такъ больше «любя»...

Когда отъ исканій «начала всѣхъ началъ», глубокомысленныхъ вопросовъ «дѣланія» и «недѣланія», «опрощенія» и «непротивленія» перейдемъ къ дѣйствительности, грустно становится за тѣ извращенія здраваго смысла, которыя намъ выдаютъ за послѣднее слово человѣчества. Проповѣдники «нравственнаго возрожденія», желающіе остановить жизнь, уничтожить культуру, порѣшить съ наукой—не видятъ или не хотятъ видѣть, что эта жизнь и такъ еле ползетъ, что культура у насъ только въ зародышѣ, и каждый интеллигентный человѣкъ—это «культурная одоночка», затерянная среди некультурной массы, состоящей или изъ Брехуновыхъ всѣхъ разновидностей, или изъ Никитъ. Эти «одиночки» напоминаютъ вѣхи въ степи, разставленные инженеромъ для обозначенія проектируемаго пути. И ихъ-то они желали бы вырвать? Что же осталось бы тогда?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ лучше всего то, что есть.

А есть вотъ что, какъ намъ показываетъ книга г. Рубакина «Этюды о читающей публикѣ» *), одна изъ интереснѣйшихъ и въ то же время печальнѣйшихъ книгъ, какія вышли за послѣднее время. Ее можно бы назвать: «Этюды объ умственномъ и нравственномъ убожествѣ нашей духовной жизни».

«Извѣстно, — писалъ Мордвиновъ еще лѣтъ шестьдесятъ назадъ, — что богатые люди у насъ, большею частью, ничего не читаютъ, а средняго состоянія и недостаточные граждане не имѣютъ возможности пользоваться книгами». Картина эта, — поясняетъ г. Рубакинъ, — начавшая, было, измѣняться лѣтъ двадцать пять—тридцать тому назадъ, какъ кажется, въ послѣднее время реставрируется. Въ Европейской Россіи на всѣ 659 городовъ въ 1883 г., по свѣдѣніямъ главнаго управленія по дѣламъ печати, приходилось общественныхъ, частныхъ и вообще публичныхъ библиотекъ въ 1884 г.—509, въ 1885 г.—545, въ 1886—630 и 1887—591. Далѣе авторъ приводитъ слѣдующую глубоко поучительную таблицу распредѣленія этихъ библиотекъ по мѣстностямъ.

	Число			Число	
	горо- довъ.	библио- текъ.		горо- довъ.	библио- текъ.
Архангельская	12	2	Тульская	12	10
Нижегородская	13	4	Калужская	14	10
Тамбовская	13	5	Курская	18	16
Минская	11	3	Казанская	15	14
Херсонская	23	12	Самарская	10	8
Волынская	12	6	Ярославская	12	12
Уфимская	6	3	Рязанская	12	12
Олонеккая	7	3	Сибирская	8	8
Астраханская	5	3	Тверская	15	18
Подольская	17	7	Харьковская	17	17
Орловская	12	8	Саратовская	11	13
Могилевская	13	9	Кіевская	12	22
Вологодская	13	9	Московская	16	49
Воронежская	12	9	С.-Петербургская	14	59

Итого на 80 милліоновъ жителей въ Европейской Россіи около 600 библиотекъ. Чтобы пояснить эту цифру, г. Рубакинъ приводитъ данныя для другихъ государствъ. Оказывается, что въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ такихъ городовъ, гдѣ не было бы библиотекъ, — нѣтъ. Швеція въ 1879 г. ихъ имѣла 1.880. Швейцарія имѣетъ ихъ болѣе 2.000, Італія 1.852. Въ Австраліи, съ населеніемъ въ 3,6 мил. жителей, одна

*) «Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія». Н. А. Рубакина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Викторія имѣла въ 1887 г.—314 общественныхъ библіотекъ, въ Новомъ Южномъ Валисѣ до 200, а въ Новой Зеландіи въ 1889 г. было 361 публичная библіотека на 607.000 жителей, — въ той самой Зеландіи, гдѣ еще 30—40 лѣтъ назадъ маорисы ѣли людей. Въ Японіи дѣйствуетъ специальный законъ, обязывающій каждую общину нести особый библіотечный налогъ.

Еще печальнѣе данныя о томъ, какъ мы пользуемся нашими библіотеками съ ихъ скуднымъ запасомъ книгъ. Авторъ беретъ города съ наибольшимъ контингентомъ посѣтителей библіотекъ, сопоставляетъ эти числа съ числомъ интеллигентной публики, или, какъ онъ ихъ называетъ, «командующихъ классовъ», и получается слѣдующая картина: «въ Екатеринбургѣ изъ 100 лицъ, принадлежащихъ къ привилегированнымъ классамъ, состояли подписчиками библіотекъ 4,6 человекъ, въ Херсонѣ—5, въ Астрахани—6,4, Нижнемъ-Новгородѣ—10, Воронежѣ—17, Самарѣ—14, Одессѣ—19». А остальные? Неужели ничего не читаютъ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—ничего.

Это одна изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ русской жизни, которой авторъ касается лишь вскользь. Въ университетскихъ городахъ, по его даннымъ, главный контингентъ читателей составляетъ учащаяся молодежь, относительно которой авторъ замѣчаетъ, что и по выбору чтенія ей тоже принадлежитъ первое мѣсто. Это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что пока мы учимся—мы читаемъ, и читаемъ много и хорошо. Но вотъ годы ученія кончены, дипломированный юноша вступаетъ въ жизнь, какъ врачъ, адвокатъ, чиновникъ, педагогъ, словомъ—общественный дѣятель. И съ этого момента книга и все, что съ нею связано, уходитъ изъ его жизни. Сбрасывая съ плечъ университетскую форму, онъ выбрасываетъ изъ головы и книгу, безъ борьбы, безъ мучительныхъ колебаній, даже и не замѣчая этого. Разомъ, какъ искусный пловецъ, бросающійся съ крутого берега въ рѣку, онъ исчезаетъ въ пучинѣ, но на поверхность, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уже не показывается. Онъ утонулъ, расплылся, слился съ безформенной массой русскихъ обывателей. На время заимствованная форма «интеллигента», съ его идейными интересами и умственными запросами, отложена въ сторону, какъ маскарадный костюмъ послѣ карнавала. Предъ нами чистенькій чиновникъ въ той или иной формѣ, усердствующій надъ составленіемъ предписаній или отношеній, отдыхающій отъ этого тягостнаго труда за картами или выпивкой и уже косящійся на книгу и, въ особенности, на печать. Вначалѣ, при встрѣчѣ съ книгой, онъ только стыдливо отъ нея сторонится и бранитъ печать развѣ въ семейномъ кругу. Но такъ только вначалѣ, а потомъ...

Старая, но въ нашей жизни постоянно повторяющаяся исторія. Этимъ и объясняется, почему у насъ такъ мало читаютъ, почему изъ сотни врачей развѣ одного можно встрѣтить, который хранитъ научную связь съ предметомъ, интересуется новостями науки и выписываетъ два-три спеціальныхъ изданія; почему педагоги, уча другихъ, разъучиваются сами; почему ничего не читаютъ юристы, технологи и даже—писатели.

Но чѣмъ объясняется этотъ рѣзкій переходъ отъ жизни идейной на университетской скамьѣ къ отрицанію всякой идейности въ жизни практической, — это другой вопросъ. Многое разное тому причиной, разсмотрѣніе чего завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Отмѣтимъ только, какъ одну изъ причинъ, чрезвычайную отвлеченность того идейнаго міра, въ которомъ вращаются умственные интересы мыслящей части общества. У насъ если марксизмъ, то ужъ такой, который самому Марксу оказался бы не по плечу; если народничество, то такое, что въ немъ самый народъ исчезаетъ, а на мѣсто его выступаетъ Мухортый. Неудивительно, если такой житель «заоблачнаго далеко», не имѣющаго никакого отношенія къ текущей жизни, за порогомъ университета не встрѣчаетъ почвы у себя подъ ногами. Теоріи, изъ за которыхъ онъ преломалъ не мало копій въ яростныхъ спорахъ, оказываются непримѣнимыми къ живому дѣлу, не укладывающемуся въ излюбленныя рамки. Въмѣсто критики, является отвращеніе къ книгѣ, недовѣріе къ наукѣ, отсюда одинъ шагъ къ огульному отрицанію, и проповѣдь «опрошенія» готова.

Только на почвѣ нашего невѣжества и некультурности могла создаться такая странная теорія. Въ Англіи, за тридцать лѣтъ до Л. Н. Толстого, Рёскинъ высказалъ всѣ его философско-нравственныя положенія и сдѣлалъ это съ болѣею силой и убѣдительною, чѣмъ почтенный графъ, но ни однимъ словомъ не обмолвился противъ просвѣщенія, не назвалъ науку «маргариновою». Какъ человекъ, имѣющій за плечами тысячу лѣтъ культуры, онъ слишкомъ органически сросся съ нею, чтобы огуломъ порѣшить все, и, настаивая на необходимости «нравственнаго возрожденія», онъ именно науку и искусство выдвинулъ, какъ главныя орудія къ подъему духа, въ борьбѣ съ невѣжествомъ массъ и экономическимъ зломъ современнаго общества.

У насъ же проповѣдники «нравственнаго возрожденія» похожи на людей, жившихъ все время въ темнотѣ и внезапно выглянувшихъ на свѣтъ божій. Ослѣпленные яркимъ блескомъ солнца, они съ ужасомъ обращаются вспять и убѣждаютъ другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Не слушающихъ они называютъ «Брехуно-

выми», а вынужденную темноту Никиты готовы признать за «стихійную правду», единственную правду, достойную человѣка...

Къ счастью, Никита, пресытившись прелестями стихійной правды, стремится къ тому же, къ чему и интеллигенція,—къ правдѣ человѣческой. Что его стремленія къ ней не плодъ досужей фантазіи, показываетъ та же книга г. Рубакина, въ которой онъ приводитъ наблюденія надъ интеллигенціей изъ народа. Какъ ни мало собранныхъ имъ фактовъ, но они очень характерны и лучше всего опровергаютъ утвержденія народниковъ, будто народъ и интеллигенція—два противоположные полюса, не имѣющіе ничего общаго между собою. Народъ желаетъ, страстно жаждетъ прежде всего образованія.

«Во-первыхъ,—говоритъ одинъ изъ нарождающейся народной интеллигенціи,—должно направить всѣ усилія на искорененіе въ народѣ самыхъ нелѣпныхъ и часто вредныхъ предразсудковъ и суевѣрій, что, къ сожалѣнію, встрѣчается въ народѣ вездѣ и всюду. Очистить умъ народа отъ тѣхъ вѣковыхъ предразсудковъ, которыми страдаетъ онъ отъ самаго младенчества, а первое, что нужно на этомъ пути, это то, чтобы въ литературѣ, навсегда исчезъ элементъ мистическій, чтобы вся эта чертовщина *) навсегда исчезла съ лица земли, а не поддерживать ее въ народѣ, облекая ее въ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вообще, нужно брать самыя реальныя стороны жизни народа и описывать безъ всякихъ ваднихъ мыслей. Во-вторыхъ, нужно стараться уничтожить въ народѣ разладъ, нужно призывать его къ единенію, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ общественномъ; искоренять зло, пороки, развратъ, пьянство, облекая ихъ въ самыя яркія картины. Въ-третьихъ, надо побольше рассказовъ историческихъ, написанныхъ въ легкой, понятной формѣ, показывая читателямъ, кто онъ, откуда и что онъ есть. Въ-четвертыхъ, распространять научныя знанія въ формѣ простыхъ рассказовъ и даже въ беллетристической формѣ».

Это пишетъ молодой крестьянинъ, 24 лѣтъ, изъ глухой деревни Новгородской губ., поступившій потомъ на фабрику, гдѣ онъ продолжалъ образованіе въ воскресной школѣ. Его программа, написанная имъ въ отвѣтъ на «Опытъ программы» г. Рубакина, такова, что любой интеллигентъ подпишится подъ нею. Другой «читатель изъ народа», тоже ученикъ воскресной школы, заявляетъ: «Умъ у меня слабъ, и я не знаю, что для меня полезно знать. Одно хорошо, а другое лучше. Хочется знать исторію о Россіи, о географіи, о животныхъ, о растеніяхъ, словомъ о всемъ томъ, что позволено преподавать въ воскресной школѣ». Приведемъ еще одинъ отзывъ «народа» на вопросъ, что ему интереснѣе было бы знать,—отзывъ человѣка, уже начитаннаго и кое-что знающаго.

*) Напр., въ сказкахъ Л. Н. Толстого усердно проповѣдуемая и распространяемая («Иванъ-дуракъ», «Свѣчка» и другія).

«Иногда, всматриваясь въ чистый небосклонъ, усѣянный миллиардами звѣздъ, какія чувства охватываютъ мою душу! Какое-то наслажденіе чувствуешь, разсматривая его, и желаніе узнать, охватить все!.. Когда образовалось безчисленное количество звѣздъ, и какъ все это выдѣлялось изъ грубой формы, и какъ образовалась пылинка между всѣми—наша земля, и какія существа здѣсь обитали до появленія человѣка? И когда появился человѣкъ? И какую жизнь велъ? Затѣмъ, жизнь историческую, и развитіе, какъ умственное, такъ и нравственное, и появленіе литературы и поэзіи главныхъ народовъ,—мнѣ желательно знать хорошо и *понятно*. Но, кромѣ того, мнѣ желательно узнать многое другое».

Не напоминаетъ ли этотъ отзывъ знаменитыхъ вопросовъ гейневскаго «дурака», этого типичнаго представителя міровой интеллигенціи? И какъ далеки цѣли, намѣчаемыя читателями изъ народа, отъ единственной цѣли, приписываемой «стихійному Никитѣ»,—питанія! Фальшь подобныхъ народническихъ измышлений разбивается при первомъ столкновеніи съ правдой жизни, не выдуманной, а настоящей простой жизни, которую можно наблюдать на каждомъ шагѣ.

Положимъ, могутъ возразить, что эти стремленія высказываются народомъ «развращеннымъ», уже заразившимся «тлетворнымъ духомъ» интеллигенціи, а тамъ гдѣ-то, «въ глубинахъ народныхъ», до сихъ поръ знаютъ не хотятъ ничего, кромѣ «стихійной правды—питанія». Но книга, разъ войдя въ круговоротъ народной духовной жизни, доберется и до этихъ пресловутыхъ глубинъ.

«Эти люди,—говоритъ г. Рубакинъ о читателяхъ изъ народа,—благодаря книгамъ, всевозможнымъ книгамъ, успѣли накопить въ себѣ извѣстный запасъ умственной, если можно такъ выразиться, образовательной энергіи, а эта сила, разъ она есть у одного человѣка,—сама собой, не случайно, а необходимо передается другому, третьему, десятому, сотнямъ, тысячамъ; знаменатель этой геометрической прогрессіи обусловленъ талантливостью и энергіей личности. Эта индукція образованія книжнаго напоминаетъ индукцію электрическую. Можно бы было еще сравнить такого начитаннаго читателя съ бродильнымъ грибоккомъ, который и въ закрытомъ глухомъ сосудѣ производитъ броженіе».

Такъ шло просвѣщеніе народа вездѣ и всегда, и если мы отстали пока, то видѣть въ этомъ наше спасеніе, въ народной тьмѣ — народную правду, могутъ или завзятые приверженцы мрака, или «сбившіеся съ пути» хотя и доброжелатели народа, но въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличающіеся отъ его заклятыхъ враговъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Въ настоящее время, когда вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія снова ставится на очередь и служитъ предметомъ обсужденія на земскихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ различныхъ обществъ, статья г. Джаншіева о томъ, «Какъ уцѣлѣла розга» («Русскія Вѣдомости») является чрезвычайно своевременной и интересной. По словамъ г. Джаншіева, первымъ, кто заговорилъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, былъ графъ Я. И. Ростовцевъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Императору Александру II, писанныхъ имъ изъ-заграницы, лѣтомъ 1858 г., Ростовцевъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующе: «Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что, во всякомъ случаѣ, о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во-первыхъ, это было бы пятномъ настоящаго законодательства, — законодательства объ освобожденіи; во-вторыхъ, есть же въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесныя наказанія, къ счастью, вовсе не употребляются. Нѣкоторые говорятъ, — продолжаетъ Ростовцевъ, — что русскій мужичокъ розгу любить. Точно ли это справедливо? Если же онъ къ

ней и привыкъ, то не надобно ли отъ нея отучать... Сверхъ того, исправительныя мѣры, постановленныя Высочайшею властью, какъ и всякій законъ, должны дѣйствовать долгое время. Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы».

При обсужденіи крестьянскаго вопроса въ дворянскихъ комитетахъ, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія стоялъ на второмъ планѣ. Большинство совѣмъ не касалось его; многіе высказывались въ пользу розогъ; но даже и въ этихъ, въ общемъ крайне консервативно настроенныхъ, комитетахъ раздавались голоса, доказывающіе необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія. Такъ, «большинство московскаго комитета высказалось за отмѣну тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ судѣ, «въ видахъ смягченія грубости нравовъ, развитія уваженія къ собственной личности, причемъ, — разсуждалъ комитетъ, — каждый изъ нихъ пойметъ и то уваженіе, какимъ обязанъ въ отношеніи къ правамъ другихъ согражданъ». Меньшинство комитета, подъ предво-

дательствомъ тогдашняго губернскаго прокурора (впослѣдствіи извѣстнаго дѣятеля судебной реформы и археолога) сенатора Д. А. Ровинскаго, находя тѣлесныя наказанія бесполезными и служащими орудіемъ самаго возмутительнаго произвола, предлагало уничтожить не только розги, но и вообще тѣлесное наказаніе во всѣхъ его видахъ».

Несмотря на оппозицію крѣпостнической партіи, вопросъ объ отмѣнѣ розогъ, вѣроятно, также былъ бы рѣшенъ согласно съ тѣми гуманными принципами, которые были господствующими въ достопамятную «эпоху великихъ реформъ», если бы этому не помѣшала внезапная смерть Ростовцева. Ростовцевъ имѣлъ огромное вліяніе на Государя и ему, вѣроятно, удалось бы отстоять уничтоженіе розогъ, которыя онъ, по его собственному выраженію, считалъ «пятномъ на законодательствѣ объ освобожденіи». Но съ его смертью картина рѣзко мѣняется.

«На мѣсто гуманнаго Ростовцева, Гр. Панина, рѣшившаго съ довѣріемъ на будущее «святаго дѣла», т.-е. освобожденія крестьянъ, неожиданно выступилъ поборникъ всѣхъ рѣшительно старыхъ дореформенныхъ порядковъ, графъ В. Н. Панинъ, горячо отстаивавшій крѣпостное право. Такой ослѣпленный консерваторъ, не могъ почувствовать отмѣнѣ розогъ. Гр. Панинъ, назначеніе коего было восторженно привѣтствовано крѣпостниками, какъ знаменіе реакціи противъ либеральной программы Ростовцева, съ первыхъ же шаговъ своихъ дѣлаетъ рѣшительныя попытки для поворота крестьянской реформы согласно видамъ крѣпостниковъ. Если другія попытки гр. Панина (какъ-то обезземленіе крестьянъ, сохраненіе вотчинной полиціи и пр.) разбились о дружное сопротивленіе членовъ редакціонной комиссіи, то пламенная защита имъ розги увѣнчалась успѣхомъ».

По спеціальнымъ настояніямъ гр. Панина тѣлесное наказаніе было сохранено. Вообще въ составѣ редакціонной комиссіи было немного такихъ принципиальныхъ «розголюбовъ» но нѣкоторые члены ея, сочувствуя отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, находили, что вопросъ этотъ слѣдуетъ отложить до общаго пересмотра вопроса о всѣхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ (вообще. Такимъ образомъ и получилось большинство въ пользу розги.

Этотъ пунктъ въ «Положеніи о крестьянахъ» возбудилъ большое недоумѣніе въ обществѣ. Противъ него выступили корифеи славянофильства. Вотъ, напр., что писалъ по этому поводу И. С. Аксаковъ въ 1860 г.:

«Конечно, ни Константинъ, ни я не подписались бы за сѣченіе, и вовсе не изъ трусости. Какихъ бы умъ ни вымышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рухнетъ предъ внутреннимъ простымъ чувствомъ, осуждается простотою сердца. Достаточно взглянуть или написать: за сѣченіе, — чтобы противорѣчіе всего вашего внутренняго существа обличило хитрость діалектическихъ доказательствъ. Становится просто невозможнымъ подать голосъ за розгу».

Предусмотрѣнное редакціонной комиссіей обсужденіе общаго вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, состоялось въ 1863 г. «Подъ вліяніемъ гуманныхъ вѣяній, охватившихъ общество съ особою силою послѣ благополучной отмѣны крѣпостнаго права, тѣлесное наказаніе было изгнано изъ казармъ, изъ военныхъ судовъ и, вообще, изъ уголовного суда всѣхъ вѣдомствъ и изъ учебныхъ заведеній. Но, по какой-то ироніи судьбы, великій освободительный актъ 19-го февраля, давшій толчокъ этому благотворному движенію, остался вѣдь его воздѣйствія, и пятно въ видѣ розогъ осталось несмытымъ».

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» не-

давно сообщалось о характерномъ для нашихъ нравовъ дѣлѣ крестьянина Трещалова. Трещаловъ, живущій въ деревнѣ Кишлѣвой, Владимірской губ., человѣкъ уже пожилой, лѣтъ 50, степенный и трудолюбивый. Лѣтомъ онъ занимается земледѣльствомъ, а осенью и зимой столярничаетъ и кормитъ 70-лѣтняго старика-отца, жену, двухъ сыновей и дочь. Деревня относится къ нему доброжелательно, мирно. И онъ живетъ съ нею въ ладу, и когда у кого-нибудь изъ крестьянъ случаются какія-нибудь бумажныя дѣла, онъ, какъ человѣкъ грамотный, разумный и до нѣкоторой степени развитой, помогаетъ имъ своими совѣтами. Но дѣла эти затрогивали иногда мѣстнаго старшину, разоблачали его служебную дѣятельность и, понятно, ставили его во враждебныя отношенія къ Трещалову. Старшина за это старался дѣлать ему при каждомъ случаѣ неприятели, притѣснить, унижить его.

Въ концѣ концовъ старшина восторжествовалъ надъ своимъ врагомъ, и въ 1887 г., по поводу недоразумѣній, возникшихъ у Трещалова съ другимъ крестьяниномъ изъ-за размежеванія земли, онъ добился того, что волостной судъ приговорилъ Трещалова къ 19 ударамъ розогъ. Трещаловъ не покорился и сталъ обжаловывать рѣшеніе волостного суда по всѣмъ инстанціямъ.

Такъ шли годы и всѣ успѣли уже позабыть объ этомъ дѣлѣ, когда вдругъ 21-го декабря 1894 г. въ волость пришла бумага изъ Владимірскаго уѣзднаго съѣзда съ предписаніемъ «о немедленномъ приведеніи въ исполненіе приговора волостного суда надъ Трещаловымъ». Трещаловъ явился въ волость и тутъ, по словамъ газеты, произошла слѣдующая сцена: «Узнавъ, что Трещаловъ явился и стоитъ съ нѣкоторыми крестьянами на дворѣ, старшина велѣлъ привести его, публично, при всѣхъ крестьянахъ, со-

бравшихся въ волостное правленіе, объявилъ Трещалову рѣшеніе волостнаго суда и велѣлъ раздѣваться и ложиться подъ принесенныя сторожемъ розги. Трещаловъ возразилъ, что онъ по своимъ лѣтамъ избавленъ уже отъ тѣлеснаго наказанія, что онъ не мальчишка, что теперь и мальчишекъ въ школахъ не велятъ сѣчь, и проч. Старшина насмѣшливо сказалъ Трещалову, что онъ хотя и не мальчишка, а все-таки долженъ выпоротъ его. Тогда Трещаловъ заявилъ, что на рѣшеніе волостного суда онъ мѣсяцевъ уже восемь тому назадъ послалъ жалобу въ департаментъ сената, въ доказательство чего вынулъ изъ кармана и показалъ почтовую квитанцію, и просилъ старшину справиться по бумагамъ и книгамъ волостнаго правленія, не полученъ ли изъ сената отвѣтъ на его жалобу. Старшина велѣлъ писарю справиться, справлялся и самъ, но никакого отвѣта не оказалось. Тогда онъ сказалъ Трещалову: «Ну, нечего съ тобой канителиться. Раздѣвайся и ложись! Ты ужъ нѣсколько лѣтъ отбѣгиваешься отъ розогъ». — «Ну, я самъ добровольно раздѣваться не буду, — отвѣтилъ Трещаловъ. — Развѣ насильно меня положите». Старшина крикнулъ сторожу и мужикамъ: раздѣньте и положите его! Мужики набросились, было на Трещалова, но онъ, отстранивъ ихъ отъ себя, сказалъ: «отойдите; я самъ раздѣнусь и лягу». — «Э, какой же ты, братъ, лѣнивый ложиться подъ розги - то. Ну, чего тебѣ стоитъ? Вѣдь ребра розгой не перешибешь», замѣтилъ одинъ шутникъ изъ крестьянъ. Когда мужики выпустили Трещалова изъ рукъ, онъ показалъ видъ, что хочетъ снять съ себя куртку, по въ тотъ же моментъ вынулъ изъ кармана небольшой сапожный ножъ, и поднялъ его надъ своей головой. «Ну, теперь подходите!» Мужики оторопѣли и отступили. Въ волостномъ правленіи

въ это время былъ по служебнымъ дѣламъ мѣстный урядникъ. Старшина кривнулъ ему, чтобы онъ помогъ обезоружить Трещалова; но урядникъ отвѣтилъ: «это не мое дѣло», и показалъ видъ, что уходитъ изъ волостного правленія, а между тѣмъ подкрался сзади къ Трещалову и изловчился схватить его за руки выше локтей. Трещаловъ сталъ-было бороться съ урядникомъ, закидывая назадъ свободную часть руки, чтобы достать его ножомъ, но, окруженный толпой мужиковъ, вырвавшихъ у него ножъ, долженъ былъ сдаться. А затѣмъ его повалили, раздѣли и отсчитали 19 ударовъ розогъ,—и старшина на бланкѣ, за номеромъ, донесъ съѣзду, что приговоръ волостного суда приведенъ надъ Трещаловымъ въ исполненіе».

Исторія съ Трещаловымъ можетъ служить иллюстраціей того, какъ наши «мужички любятъ розгу».

Народныя чтенія. За послѣдніе годы дѣятельность нашихъ частныхъ «Обществъ распространенія народнаго образованія» начала замѣтно оживляться. Дѣятельность эта выражается, главнымъ образомъ, въ содѣйствіи такъ называемому внѣшкольному образованію народа, т. е. въ устройствѣ народныхъ читаленъ, организаціи чтеній, изданіи народныхъ книжекъ, и пр. Однимъ изъ наиболее энергичныхъ провинціальныхъ обществъ является «Тамбовское Общество по устройству народныхъ чтеній». Основатель его, Е. Д. Нарышкинъ пожертвовалъ 200.000 р. для устройства Народной читальни, библиотеки и другихъ подобныхъ учреждений, за что былъ удостоенъ Высочайшей благодарности въ особомъ именномъ рескриптѣ покойнаго Государя Александра III. Читальня была открыта въ іюль 1893 г. Благодаря щедрости жертвователя, она обставлена съ такой роскошью, что въ го-

родѣ ее называютъ «Нарышкинскимъ дворцомъ». Читальня эта—двухъ-этажный домъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ грандіознымъ двухъ-свѣтнымъ заломъ для народныхъ чтеній. Южная часть аршинъ 12 длиной поднята на аршинъ; здѣсь помѣщается экранъ, а за экраномъ эстрада для волшебнаго фонаря. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщается особая библиотека; называется она такъ потому, что въ ней, по особому ходатайству, допущены книги, изъятые изъ другихъ библиотекъ, книги не выдаются всѣмъ, а лишь особо-благонадежнымъ лицамъ для научныхъ занятій и подъ личной отвѣтственностью библиотекаря.

Какъ видно изъ «Отчета» Общества за первый годъ своего существованія (1893—1894 гг.), «въ отчетномъ году было устроено 71 чтеніе. Чтенія были повторныя, т. е. вечеромъ 2-й разъ читали то же, что и утромъ. Успѣхъ повторныхъ чтеній превзошелъ всѣ ожиданія, такъ что съ ноября мѣсяца повторныя чтенія устраивались каждый разъ. Но, не смотря на то, что одно и то же чтеніе исполнялось два раза въ день и слушателей допускалось отъ 1.200 до 1.500 чел., все-таки мѣстъ не хватало и приходилось отказывать. Удовлетворяли прежде взрослыхъ, а потомъ дѣтей.

Отношеніе слушателей къ чтеніямъ не оставляло желать ничего лучшаго: они не разговариваютъ и не выходятъ изъ залы до перерыва или конца чтенія. Трудно сказать, какого содержанія чтенія предпочитаютъ народомъ: свободныхъ мѣстъ на чтеніяхъ не бываетъ.

На чтеніи «О св. Николѣ Чудотворцѣ» было 1.498 чел., на чтеніи «О Мамаевомъ побоищѣ» 1.609 чел., а на чтеніи «А. В. Кольцовъ и его пѣсни»—1.820 чел. Это предѣльная цифра, больше никакъ не можетъ вмѣстить аудиторія».

Первоначально, Общество ставило себѣ задачей исключительно устройство народныхъ чтеній. Теперь же оно рѣшило расширить свою дѣятельность и съ будущаго года приступаетъ къ открытію при читальнѣ книжнаго склада. Кромѣ того, оно имѣетъ въ виду содѣйствіе устройству народныхъ библиотекъ въ уѣздныхъ городахъ и селахъ Тамбовской губерніи.

Тамбовское «Общество народныхъ чтеній» находится въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что въ его рукахъ находится крупный капиталъ, пожертвованный Нарышкинымъ. Но и другія провинціальныя Общества, не имѣющія въ своемъ распоряженіи такихъ крупныхъ суммъ, тоже съ каждымъ годомъ все расширяютъ кругъ своей дѣятельности. Такъ, напр., по сообщенію «Волгара», года два тому назадъ, «Нижегородское Общество распространенія начального образованія» устраивало чтенія только въ двухъ пунктахъ: въ самомъ городѣ и въ селѣ Канавинѣ. Въ текущемъ же году, помимо 4-хъ аудиторій въ Нижнемъ Новгородѣ, чтенія устраивались еще въ 17 пунктахъ губерніи. По словамъ «Волгара», «въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ чтенія идутъ каждый воскресный день. Завѣдуютъ чтеніями въ селахъ большею частью учителя народныхъ школъ, отчасти священники, земскій врачъ, земскій начальникъ и др. лица. Часто учитель одинъ—безъ помощи другихъ—и читаетъ, и показываетъ картины, и слѣдитъ за порядкомъ и онъ же долженъ принять на себя всѣ хлопоты по пересылкѣ картинъ и устройству приспособленій для чтеній. Вознаграждаетъ тружениковъ тотъ глубокий интересъ, съ какимъ относятся крестьяне къ чтеніямъ.

Въ одномъ, напр., селѣ не было своего фонаря. Чтенія производились при фонарѣ, данномъ только на вре-

мя, и должны были прекратиться. Средства купить свой фонарь не было никакихъ. Однако же желаніе продолжать чтенія въ деревнѣ было такъ велико, что школьники, дѣти крестьянъ, сами охотно несли учителю десять, двадцать копѣекъ, и изъ этихъ сборовъ вмѣстѣ съ пожертвованіями самихъ крестьянъ и др. лицъ составила крупная сумма до 30 р. Фонарь былъ купленъ.

Посѣщеніе чтеній крестьянами носило не случайный характеръ: они интересовались тѣмъ, что читаютъ, критически относились къ выбору матеріала для чтеній. Послѣ чтеній среди нихъ происходятъ жаркіе споры о томъ, что лучше: «божественное, или исторія»?—Разказъ о Петрѣ I, или «Конекъ-Горбунокъ»?

Крестьяне иногда цѣлой толпой окружали домъ, гдѣ производились чтенія, раскрывали окна (дѣло было осенью) и сколько было среди нихъ завистливыхъ возгласовъ противъ счастливецъ, успѣвшихъ проникнуть поближе къ чтенію! Въ комнату столько набивалось народу, что огонь въ фонарѣ буквально мерцалъ отъ недостатка кислорода.

Газета справедливо замѣчаетъ, что «во всѣхъ этихъ фактахъ, самое отрадное то, что самъ крестьянинъ обнаруживаетъ инициативу въ устройствѣ своихъ развлеченій. Стремленіе его къ чтенію, обнаруживающееся и въ городѣ, и въ деревнѣ, прямо указываетъ на развитіе въ немъ жажды просвѣщенія, желанія такъ или иначе расширить свой общественный и нравственный кругозоръ».

Народныя библиотeki въ Николаевскомъ уѣздѣ. «Самарская Газета» сообщаетъ, что въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губ., 47 сельскихъ обществъ постановили устроить при сельскихъ училищахъ народныя библиотeki и собрали для этой цѣли уже 6.656 р. Изъ нихъ 2.831 р.

ассигновано самими сельскими обществами, а 3.825 р. составляют пожертвованія частныхъ лицъ. Но этимъ сборъ пожертвованій еще не законченъ и, по словамъ газеты, «почти каждая почта приноситъ извѣстіе или о новыхъ ассигнованіяхъ, или о новыхъ сельскихъ обществахъ, которыя применили къ общему движенію въ вопросѣ объ устройствѣ библиотекъ».

Газета сообщаетъ далѣе: «Въ средѣ матеріаловъ для статистики по этому вопросу встрѣчаются весьма трогательныя заявленія обществъ, что по бѣдности своей, усиленной зимою экстреннымъ взысканіемъ съ нихъ казенныхъ податей, они въ данное время не могутъ вѣщественно доказать своего полного сочувствія къ выраженной въ инспекторскомъ циркулярѣ мысли, но по уборкѣ хлѣбовъ непременно внесутъ посильную лепту на полезное для нихъ самихъ дѣло. Въ числѣ пожертвованій отъ частныхъ лицъ мы встрѣчаемъ приношенія зерновымъ хлѣбомъ, вмѣсто денегъ, отъ нуждающихся въ послѣднихъ; хлѣбъ этотъ, по накопленіи, или продается съ торговъ, или хранится у священниковъ-законоучителей мѣстныхъ училищъ, которымъ инспекторъ поручилъ сборъ пожертвованій, до поднятія на него цѣны, что ожидается въ концѣ весны. Словомъ, не одни только богатые и состоятельные принимаютъ участіе въ устройствѣ библиотекъ, но и бѣдные крестьяне, по мѣрѣ силъ, не отстаютъ отъ первыхъ въ стремленіи заготовить для себя и дѣтей своихъ умственную пищу».

Препятствіемъ для немедленнаго открытія библиотекъ хотя бы въ тѣхъ селахъ, гдѣ имѣются достаточныя пожертвованія и подписка уже закончена, служитъ неполученіе, съ нетерпѣніемъ всѣми ожидаемаго, утвержденія г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, выработаннаго инспекторомъ, устава народныхъ библиотекъ и пред-

ставленнаго имъ въ концѣ прошлаго года для утвержденія. Полученіе утвержденія устава дастъ сильный толчокъ къ быстрому размноженію библиотекъ въ уѣздѣ».

Летучка. Въ «Восточномъ Обзорѣніи» помѣщена чрезвычайно интересная статья «Изъ записной книжки таежника», въ которой изображается положеніе вольныхъ золотопромышленныхъ рабочихъ, т. наз. «летучки».

«Летучка»—терминъ прискоковый. Отрядъ «летучки» составляется, главнымъ образомъ, изъ излишка рабочихъ рукъ; затѣмъ, къ нимъ примыкаютъ рабочіе, очутившіеся почему-либо безъ паспорта, и, наконецъ, изъ ослабѣвшихъ и совершенно опустившихся рабочихъ, которымъ поступленіе на приска совершенно закрыто. Численность летучки опредѣлить трудно, такъ какъ она постоянно колеблется, и въ случаѣ усиленнаго спроса на рабочія руки, ея ряды замѣтно рѣдкуютъ. Никакой постоянной организаціи, которая бы сплачивала всю эту голодную толпу, нѣтъ. Ютятся она гдѣ попало: то въ избыткахъ, разбросанныхъ по тайгѣ, то проникаетъ на приски и находитъ себѣ пріютъ и пищу у рабочихъ, живущихъ при мѣстѣ; но такихъ мало, такъ какъ здѣсь имъ грозитъ опасность быть арестованными и высланными изъ тайги. Часто они группируются въ отдѣльныя артели—человѣка по три—четыре, а иногда и больше десятка—и отправляются куда-нибудь въ глубь тайги въ мало изслѣдованныя мѣста и пробуютъ счастья въ поискахъ за золотомъ. Ихъ поиски не рѣдко оканчивались успѣхомъ. Есть приски, обязанные своимъ открытіемъ летучкѣ. Эти поисковыя партіи отправляются преимущественно въ олекминскую систему, гдѣ вслѣдствіе меньшей населенности и плохихъ путей сообщенія они чувствуютъ себя безопаснѣе

но не мало ихъ есть и въ витимской системѣ. Добываемое летучкой золото продается, и вырученные деньги въ большинствѣ случаевъ пропиваются. Скрыть въ тайнѣ свое открытіе летучкѣ никогда долго не удастся. Обыкновенно кто-нибудь одинъ изъ артели, а часто и всѣ, тайкомъ отъ другихъ, сообщаютъ, въ чаяніи щедрого вознагражденія, какому-нибудь золотопромышленнику или управленію о мѣстонахожденіи открытой ими золотой россыпи. Тотчасъ по полученіи подобныхъ свѣдѣній, командруется на вновь открытую мѣстность довѣренный, а подчасъ и нѣсколько довѣренныхъ отъ разныхъ дѣлъ (тогда не обходится безъ столкновений), и прискъ, по соблюденіи извѣстныхъ формальностей, становится собственностью новаго владѣльца. Эта дѣятельность летучки оказала громадную услугу золотопромышленности. Но, чтобы отправиться на поиски новыхъ золотыхъ мѣстъ, нужны средства. Откуда же ихъ беретъ летучка? Хищничество чужого золота даетъ ей эти средства.

Часто золотосодержащіе пески оставляются въ шахтахъ самими управленіями въ силу того, что добыча ихъ сопряжена съ большой опасностью; иногда же мѣстонахожденіе въ отработанныхъ шахтахъ золотосодержащихъ песковъ извѣстно лишь рабочимъ, которые работали въ этихъ шахтахъ; и вотъ, въ поиски за этими жалкими остатками презрѣннаго металла отправляется летучка, пренебрегая очевидными опасностями и нерѣдко платясь жизнью.

Невозможно представить себѣ той опасности, которой подвергаютъ себя хищники во время добычи золота въ отработанныхъ шахтахъ: земляной сводъ, толщиной въ нѣсколько десятковъ, а иногда сотенъ аршинъ, образовавшійся надъ громаднымъ пустымъ пространствомъ подъ землей, поддерживается, во время производ-

ства работъ, съ помощью цѣлой системы подпорокъ, изъ которыхъ надежнѣйшія состоятъ изъ четырехугольных земляныхъ колоннъ, въ $1\frac{1}{2}$ —2, а иногда и болѣе сажени длины и ширины, расположенныхъ натакомъ же, приблизительно, разстояніи одна отъ другой. Но лишь работы кончены и вмѣстѣ съ тѣмъ вывезены наверхъ и эти колонны, какъ содержащія въ себѣ золото,—видъ шахты быстро измѣняется. Оставляемая въ шахтахъ деревянныя подпорки въ 1— $1\frac{1}{2}$ обхвата, не могутъ удержать громадной, давящей на нихъ, тяжести верхняго слоя земли; онѣ разламываются въ щепки, и пустота постепенно заполняется.

Въ такой-то подземный лабиринтъ спускаются хищники. Бываютъ случаи, что, добравшись ползкомъ къ мѣсту съ золотомъ, несчастный хищникъ назадъ не могъ уже вернуться: пока онъ возился, добывая крупинки золота, его путь оказался засыпанъ землею, а онъ за-живо погребеннымъ. Часто хищникамъ приходится прожить подъ землею довольно долго, и тогда туда доставляются запасы провизіи, свѣчей и орудій, необходимыхъ при подземныхъ работахъ.

Прослѣдить заболѣваемость и смертность «летучки» почти невозможно. Если основываться на показаніяхъ рабочихъ, то смертность должна быть громадна. Давитъ хищниковъ земля, тспитъ вода, гибнутъ они отъ угаровъ, которые неизбѣжны, такъ какъ въ шахтахъ необходимо раскладывать небольшіе костры для оттаиванія вѣчно мерзлой земли, содержащей въ себѣ золото; особенно часты угары лѣтомъ, когда тяги почти не существуетъ вслѣдствіе незначительной разницы въ температурахъ верхняго воздуха и воздуха, нагрѣваемаго кострами подъ землей. Для непрерывнаго человека пробыть въ такихъ шахтахъ невозможно и нѣсколько часовъ: сырость, вонь, мракъ и, при

всемъ этомъ, шумъ обваливающейся земли и трескъ ломаемаго дерева,— производятъ положительно подавляющее впечатлѣніе.

Кромѣ этихъ физическихъ неудобствъ, «летучка» претерпѣваетъ еще и нравственные мученія въ формѣ страха передъ «хозяиномъ» шахты, т. е. подземнымъ духомъ. Газета рассказываетъ по этому поводу слѣдующій характерный случай: «Года три тому назадъ, на прискахъ В. М. Коминера, въ одной изъ шахтъ работало нѣсколько человѣкъ хищниковъ. Когда ихъ присутствіе стало извѣстно казакамъ, всѣ выходы изъ шахты были заняты. Отрѣзанные отъ внѣшняго міра, хищники оставались подъ землей еще нѣсколько сутокъ, но, наконецъ, голодъ заставилъ ихъ сдаться. Отъ первыхъ появившихся на верху казакамъ удалось узнать общее число хищниковъ, находящихся подъ землей. Осада не снималась. Каждый день появлялись изъ подъ земли хищники, изнуренные, не могущіе долѣе бороться съ голодомъ. Упорнѣе всѣхъ оказался какой-то старикъ татаринъ. Не смотря на приглашеніе казаковъ выйти, онъ оставался въ шахтѣ, хотя запасы пищи истощились уже давно. Изнуренный голодомъ, окруженный сыростью и мракомъ, находясь все время въ страшно напряженномъ состояніи,—онъ не выдержалъ: его стали преслѣдовать галлюцинаціи. Послѣднія сутки онъ метался по шахтѣ, стараясь укрыться отъ преслѣдованія «хозяина». Страстные мольбы несчастнаго, упрашивавшаго «хозяина» обождать еще хоть день, хоть нѣсколько часовъ, пока, какъ онъ почему-то надѣялся, выходы изъ шахты будутъ освобождены отъ казаковъ,—ни къ чему не привели: «хозяинъ» оставался неумолимъ. Видъ сумасшедшаго былъ ужасенъ».

Не вся, впрочемъ, «летучка» занимается хищничествомъ. Есть и такіе, которые ищутъ болѣе спокойнаго

труда. Они нанимаются въ рабочіе или входятъ въ артели для рубки и заготовки лѣса, необходимаго при шахтовыхъ работахъ

Секта душителей. Въ глухихъ лѣсахъ Царевкокшайскаго уѣзда появилась новая раскольничья секта «подпольниковъ душителей», или просто «душителей». По словамъ «Волгаря», «отличительной чертой этой секты является то, что у нихъ ни одинъ человѣкъ, принадлежащій къ сектѣ, не умираетъ своей естественной смертью. Достаточно захворать кому-либо изъ сектантовъ на столько серьезно, что ни одинъ «знахарь» или «колдунъ» (къ докторамъ нието изъ нихъ не обращается) не въ состояніи «выпользовать» больного человѣка, то близкіе ему люди или родные увозятъ больного куда-нибудь подальше отъ селенія, нерѣдко къ какою-нибудь глухую тѣсную сторожку, и тамъ готовятъ «болящего раба» къ смерти. Больной, оставленный безъ всякой медицинской помощи, безъ всякаго надзора и ухода, задушается на смертномъ одрѣ. А затѣмъ трупъ задушеннаго отвозится въ лѣсную трущобу и зарывается гдѣ-нибудь на днѣ глубокаго оврага, причемъ могила ловко маскируется хворостомъ, дерномъ и т. п., такъ что впоследствии сами родственники не въ состояніи указать могилы. Задушеніе умирающаго больного, по вѣроученію этой секты, знаменуетъ собою тотъ «мученическій вѣнецъ», безъ котораго ни одинъ человѣкъ не можетъ унаслѣдовать царства небеснаго.

На этомъ вѣроученіи и основывается весь дикій фанатизмъ «подпольниковъ», которому они слѣпо повинуются, не смотря на всѣ преслѣдованія со стороны администраціи и на цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ по обвиненію въ убійствѣ. Но въ данномъ случаѣ слѣдственная власть и сами представители медицинской науки

зачастую затрудняются разрѣшить, имѣло ли мѣсто убійство или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что безнадежно больной, который и безъ того долженъ бы умереть, задушается обыкновенно подушкой, накидываемой ему плотно на ротъ; знаковъ насилія на тѣлѣ никакихъ не остается, а вскрытіе тѣла умершаго констатируетъ ту или иную болѣзнь, которой страдалъ покойный. Цѣлый рядъ «дѣлъ» по поводу такихъ убійствъ закончился ничѣмъ, въ виду отсутствія прямыхъ уликъ къ обвиненію. Благодаря всему этому, секта «подпольниковъ-душителѣй» находитъ себѣ все большее число адептовъ среди крестьянскаго населенія Царевококшайскаго и смежныхъ уѣздовъ и даетъ не мало хлопотъ сельскимъ и судебнымъ властямъ».

Человѣческія норы. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ удивительныя вещи: оказывается, что въ губернскомъ городѣ Симбирскѣ есть люди, живущіе въ буквальномъ смыслѣ слова въ норахъ, и такихъ человѣческихъ норъ въ этомъ городѣ насчитывается около 150. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ «Волжскій Вѣстникъ»:

«На сѣверномъ краю Симбирска, около недавно выстроенныхъ казармъ, есть мѣстность, извѣстная въ городѣ подъ именемъ «кирпичныхъ сараевъ». Здѣсь дѣйствительно уже очень давно, кажется, съ самаго основанія Симбирска, помѣщаются кирпичные сараи, такъ какъ грунтъ земли здѣсь составляетъ красная глина, пригодная для выдѣлки кирпича. Вслѣдствіе этого вся мѣстность изрыта глубокими ямами, въ которыхъ и помѣщаются норы-землянки съ отбросами нашей бѣдноты, пьянства и разврата.

Когда начались эти норы, которыхъ теперь насчитываютъ болѣе 150, никому доподлинно неизвѣстно, такъ какъ разрѣшенія на ихъ постройку никѣмъ никогда выдано не

было. Очевидно, возникали онѣ постепенно такимъ образомъ: какой-либо бѣднякъ, обыкновенно пришелецъ изъ деревни, въ чаяніи найти себѣ кусокъ хлѣба въ городѣ, продалъ здѣсь остатки изъ того, что онъ принесъ изъ деревни, и, не найдя пристанища въ городѣ, забирался въ эти ямы. Такъ какъ въ краяхъ этихъ ямъ есть большія углубленія, то ему и удобно было оставаться здѣсь на продолжительное время. Понемногу онъ осваивался со своею квартирою, увеличивалъ и расчищалъ ее, а потомъ ему оставалось только забрать доски и замазать глиной одну лишь стѣну, сдѣлать въ ней двери и окно, и землянка готова. Такъ незамѣтно и росли эти землянки, причѣмъ болѣе аккуратныя и любившіе чистоту и порядокъ хозяева землянокъ улучшали и увеличивали ихъ, насколько хватало у нихъ средствъ и времени».

О существованіи этихъ землянокъ городская дума узнала въ 1884 г. и запретила строить ихъ вновь. Но къ тому времени землянокъ было уже 150, и многимъ изъ нихъ было уже болѣе 10 лѣтъ, такъ что городская земля подъ ними легко могла перейти въ собственность хозяевъ. Поэтому дума постановила наложить небольшую арендную плату на землю на хозяевъ землянокъ и дала срокъ арендѣ 10 лѣтъ, рассчитывая, что за эти 10 лѣтъ землянки сами собою куда-нибудь исчезнутъ. Но расчеты думы не оправдались. «Прошло 10 лѣтъ», говоритъ корреспондентъ «Вол. Вѣстн.».—На засѣданіи думы 20 марта городская управа докладываетъ, что землянки здравствуютъ до сего времени *всѣ полностью*, цѣлы и невредимы, а потомъ выяснилось даже, что одна изъ нихъ сгорѣла, и все-таки возникла изъ пепла...

Санитарныя условія этихъ землянокъ, по словамъ корреспондента, находятся въ самомъ невозможномъ состояніи.

Помимо того, что норы находятся въ землѣ, а слѣдовательно въ нихъ всегда сыро, въ нихъ всегда мало и воздуха, и свѣта, онѣ невелики, да и оконъ въ нихъ всегда лишь одно-два, да и то маленькія и обращенныя не «на бѣлый свѣтъ», а въ другой край ямы, гдѣ, можетъ быть, въ двухъ-трехъ шагахъ помѣщается другая подобная же землянка... Населеніе составляетъ, конечно, самый послѣдній отбросъ города, а потому бѣднота и связанная съ нею грязь и невѣжество здѣсь господствуютъ такъ, какъ, кажется нигдѣ въ городѣ... И хорошо, если бы въ такихъ норахъ жило немного народа; но дѣло въ томъ, что многіе изъ нихъ переполнены до крайности; тамъ, гдѣ едва было бы достаточно мѣста для одного-двухъ человѣкъ, здѣсь, помимо семьи хозяина, живутъ еще квартиранты, которымъ сдаются тотъ или другой свободный уголокъ. Тѣснота и духота повтому здѣсь невозможны!

Зимою землянки иногда сплошь заноситъ снѣгомъ, и ихъ приходится окапывать. Весною же снѣгъ таетъ, вода стекаетъ въ ямы, и долгое время стоитъ здѣсь громадными лужами, съ водою, пропитанною массою человѣческихъ экскрементовъ, помоевъ и всякихъ отбросовъ изъ землянокъ. Почва пропитывается этою грязью, а потому Богъ знаетъ, что здѣсь дѣлается лѣтомъ во время жаровъ...

А. С. Елисеѣвъ (некрологъ). 22-го мая, въ 3 ч. дня, скончался, извѣстный своими путешествіями по Азіи и Африкѣ, докторъ Елисеѣвъ. Докторъ Елисеѣвъ писалъ статьи по этнографіи, культурѣ и др., во многихъ изданіяхъ, и между прочимъ, сотрудничалъ и въ нашемъ журналѣ, гдѣ помѣстилъ въ 1893 г. статью о «Положеніи женщины на Востока». Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ «Міра Божьяго» мы предпола-

гаемъ дать статью, посвященную памяти Елисеѣва, а пока сообщимъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ «Новаго Времени».

«Дѣятельность покойнаго отличалась разнообразіемъ и была полна приключеній. Приводимъ его краткую біографію, написанную покойнымъ въ прошломъ году, когда онъ возвратился изъ Абиссиніи послѣ неудачной попытки проникнуть въ Суданъ ради изученія быта и нравовъ махдистовъ.

«Моя тридцатилѣтняя жизнь представляетъ сплошной, хотя и довольно разносторонній трудъ. До девятилѣтняго возраста я воспитывался дома подъ руководствомъ военныхъ учителей, проводя болѣе половины времени съ отцомъ въ казармахъ и въ лагеряхъ, учился въ Бронштадтской классической гимназіи, потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по естественному отдѣленію и кончилъ въ 1882 г. Императорскую Медико-Хирургическую Академію. Въ званіи военнаго врача служилъ я въ полевыхъ войскахъ и при госпиталяхъ, причѣмъ занимался специально хирургіей; служилъ я и на Кавказѣ, и въ Туркестанѣ, и въ Финляндіи, и въ Остзейскомъ краю, и въ С.-Петербургѣ. Въ 1887 г. вышелъ изъ дѣйствительной службы и, состоя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, занялся частною практикою. Отъ министерства военнаго былъ командированъ на югъ на ревизію продовольственныхъ продуктовъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1889 г. въ Южно-Усурійскій край для przeprowadенія партіи переселенцевъ, въ 1890 г. въ Персію для наблюденія за холерою и развитіемъ холерной эпидеміи, въ 1892 г. былъ на голодномъ тифѣ въ Челябинскомъ уѣздѣ; въ томъ же году былъ командированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для ревизіи врачебныхъ

заведеній Западнаго края, а въ 1893 г. въ Бессарабію и Подолію для прекращенія въ нихъ зимней эпидеміи холеры.

«Съ ранняго возраста началъ дѣлать болѣе или менѣе продолжительныя экскурсіи въ мѣстностяхъ Новгорода и Пскова. Въ 1875 г., еще въ бытность гимназистомъ, обошелъ часть Финляндіи, добравшись пѣшкомъ черезъ Кояну до Улеаборга. Въ 1876 г. объѣхалъ всю Западную Европу, исключая Балканскій полуостровъ и Англію. Въ 1877 г. три мѣсяца пробродилъ въ Финляндіи и Кореліи. Въ 1878 г. все лѣто пробродилъ въ дебряхъ Олонецкой губерніи, части Вологодской и Архангельской губ. Въ 1879 г. бродилъ по горамъ и лѣсамъ Приуралья—на верховьяхъ Печоры. Въ 1880 г. все лѣто провелъ въ дебряхъ новгородскихъ лѣсовъ, занимаясь изслѣдованіемъ мѣстныхъ кургановъ. Въ 1881 г. отправился впервые на Востокъ, посѣтилъ Египетъ, дошелъ до Сіута, а затѣмъ черезъ Каменистую Аравію прошелъ на верблюдѣ въ Палестину. Въ 1882 г. совершилъ поѣздку въ Скандинавію и Лапландію. Въ 1883 г. посѣтилъ снова Египетъ, дошелъ до первыхъ пороговъ, а затѣмъ перешелъ пустыню отъ Кенне до Коссейра, объѣхалъ берега Краснаго моря, а въ заключеніе черезъ Акабу прошелъ снова въ Синайскую пустыню, посѣтивъ на пути Петру. Въ 1884 г. былъ командированъ Палестинскимъ Обществомъ въ Святую Землю для изученія положенія русскаго паломничества. Окончивъ эту миссію, отправился въ Триполи, попытался пробраться въ Фецпанъ, но не успѣлъ, а потому, объѣхавъ часть Тунисіи и Алжиріи, совершилъ двухмѣсячную экскурсію въ Сахару до

Гадамеса. Въ 1886 г. перешелъ поперекъ Малую Азію. Въ 1889 г. совершилъ поѣздку на дальній Востокъ, объѣхалъ Южно-Уссурійскій край, изучая его русскую колонизацію. Потомъ пробылъ полтора мѣсяца въ Японіи; на обратномъ пути экскурсировалъ на Цейлонъ. Въ 1893 г. попытался пробраться въ Суданъ, занятый махдистами, но послѣ разгрома каравана еле спасся бѣгствомъ черезъ пустыню по 6 горнымъ порогамъ Нила. Въ настоящемъ 1894 г. имѣлъ намѣреніе, посѣтивъ Абиссинію, снова сдѣлать попытку проникновенія въ Суданъ. Во всѣхъ путешествіяхъ главною моею научною цѣлью служили антропологическіе, этнографическіе и медицинскіе вопросы.

«Литературой сталъ заниматься съ 1878 года и за этотъ періодъ, помимо трехъ томовъ «По бѣлу свѣту» и нѣсколькихъ книгъ, написано мною до ста различныхъ статей какъ по спеціальнымъ, такъ и по общимъ вопросамъ, не считая еще множества небольшихъ газетныхъ замѣтокъ и статей.

«Дѣля такимъ образомъ свою жизнь на три части, я посвящаю большую изъ нихъ занятію медициной и врачебной практикой, а меньшую литературѣ. Остальная треть приходится на выполненіе путешествій и подготовку къ нимъ».

Елисѣевъ умеръ совершенно неожиданно: недѣлю назадъ онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Надняхъ онъ былъ призванъ къ ребенку въ дифтеритѣ. Слюна больного ребенка во время кашля попала въ ротъ покойнаго и явилась для Елисѣева роковой заразой. Своевременно оказанная помощь не принесла пользы Александру Васильевичу.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русское Обозрѣніе»).

Позія гр. Алексѣя Толстого. «Алексѣй Толстой принадлежитъ къ числу поэтовъ мыслителей; онъ былъ поэтомъ-борцомъ... который боролся оружіемъ свободнаго слова за права красоты и за жизненныя права чело-вѣческой личности»,—такъ характеризуеть А. Толстого Владимір Соловьевъ въ своей критической статьѣ о немъ («Вѣстникъ Европы», № 5). Разбирая его стихотворенія, онъ останавливается на двухъ основныхъ мотивахъ его поэзіи—на поклоненіи красотѣ и патриотизмѣ. По его словамъ, для Толстого красота «была дорога и священна, какъ сіяніе вѣчной истины и любви». Культъ красоты онъ понималъ не въ смыслѣ преклоненія передъ изящной и пріятной внѣшностью; для него онъ имѣлъ болѣе глубокое значеніе и находился въ тѣсной связи съ его философскими представленіями о жизни и мірѣ. Для Алексѣя Толстого любовь была движущимъ началомъ вселенной, а красота—внѣшнимъ отраженіемъ этой любви. Мысль эта высказывается, напр., въ стихотвореніи:

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила
И лишь на землю къ намъ ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.
И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты:
Намъ вѣстью гдѣсь о ней звучить от-
радной,
О ней потокъ гремитъ струею холодной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

Та же мысль выражена и въ слѣдующихъ прекрасныхъ строкахъ:

И всѣ сокровища природы,
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина—
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,

Которыхъ вѣчно видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.

Переходя затѣмъ къ историко-патриотическимъ стихотвореніямъ Толстого, Вл. Соловьевъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ выразился взглядъ Толстого на два основныхъ начала русской исторіи. «Со всею живостью поэтическаго представленія и со всею энергіей борца за идею, Толстой славилъ и въ прозѣ и въ стихахъ свой идеалъ истинно русской, европейской и христіанской монархіи, и громилъ ненавистный ему кошмаръ азіатскаго деспотизма. Начала истиннаго, національнаго строя онъ находилъ въ кievской эпохѣ нашей исторіи; осуществленіе противоположнаго принципа онъ видѣлъ въ періодѣ Московскаго государства, къ которому относился съ яростной враждой. «Моя ненависть къ московскому періоду—есть моя идіосинкразія», писалъ онъ въ одномъ письмѣ.

Взгляды Толстого на русскую исторію яснѣе всего высказаны въ его извѣстной балладѣ «Змѣй-Тугаринъ». Въ ней описывается, какъ кievскій князь Владиміръ съ дружиною пировали на берегу Днѣпра, и какъ на этомъ пиру выступилъ Змѣй Тугаринъ съ пѣсней, въ которой онъ предсказывалъ будущность Россіи: татарское нашествіе и то, что за нимъ послѣдуетъ.

Пѣвецъ продолжаетъ:

И время придетъ,
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единныи изъ васъ соберетъ.
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.
.....
Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруку научитесь класть,
И вотъ, наготовавшись татарщины
вслать,

Вы Русью ее назовете.

Идеалъ самого поэта выражается въ слѣдующихъ словахъ князя Вла-

диміра, поднимающаго свою чару за «русскую Русь»:

...«За древній обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!
За вольный, за честный славянскій на-
родъ,

За колоколъ пью Новограда.
И если онъ даже во прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцахъ потомковъ
живетъ.

Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Указавъ на то, что, съ исторической точки зрѣнія, Толстой былъ неправъ въ своей идеализаціи кievской Руси и повальному осужденію Московскаго періода, Вл. Соловьевъ говоритъ далѣе, что, тѣмъ не менѣе, «какъ патриотъ-поэтъ Толстой былъ вправѣ избрать не историческую, а пророческую точку зрѣнія. Онъ не останавливался на матеріальныхъ необходимостяхъ и условіяхъ прошедшаго, а мѣрлялъ его сверху—нравственными потребностями настоящаго и упованіями будущаго. И тутъ онъ не ошибался. Для нашего настоящаго духовнаго исцѣленія и для нашихъ будущихъ задачъ нужны намъ, конечно, не монгольско-византійскія преданія московской эпохи, а развитіе христіанскихъ и истинно-національныхъ началъ, что какъ бы было общано и предсказано свѣтлыми явленіями кievской Руси».

Смерть Пушкина. Въ майскомъ номерѣ «Сѣв. Вѣстн.» напечатана глава изъ записокъ А. О. Смирновой, въ которой она рассказываетъ о смерти Пушкина, и о томъ, какъ отнеслось русское общество къ этой смерти. Г-жа Смирнова находилась въ это время съ мужемъ за границей и узнала обо всемъ происшедшемъ по письмамъ и рассказамъ очевидцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Россіи. Изъ ея записокъ видно, какъ враждебно относился къ Пушкину такъ называемый «высшій свѣтъ», и какъ тяжело было его положеніе въ этомъ свѣтѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ его и жену его преслѣдовали всевозможными инсинуаціями и клеветами, сплет-

ничали, рассылали анонимные «циркуляры», и, наконецъ, довели до необходимости дуэли, унесшей въ могилу великаго писателя въ самомъ разцвѣтѣ его творческихъ силъ. Г-жа Смирнова рассказываетъ, напр., слѣдующій фактъ про одного изъ свѣтскихъ друзей Пушкина, В. Соллогуба... «Этотъ вертопрахъ оказалъ Пушкину медвѣжью услугу. Онъ уже провинился разъ передъ Nathalie своими пошлыми остротами; онъ иногда такъ неучтивъ. Пушкинъ потребовалъ письменнаго извиненія. Соллогубъ поступилъ тогда, какъ слѣдуетъ; затѣмъ, вообразивъ, что окажется очень полезнымъ Пушкину, и что эта услуга вернетъ ему расположеніе поэта, онъ снесъ ему гнусный циркуляръ, окончательно истощившій терпѣніе Пушкина. Соллогубъ сказалъ ему, что циркуляръ разосланъ по всему городу... Самъ Пушкинъ получилъ два экземпляра: одинъ присланъ по почтѣ, другой принесенъ неизвѣстнымъ, передавшимъ конвертъ швейцару»...

Послѣ трагическаго исхода дуэли Пушкина, отношеніе высшаго общества къ нему вдругъ рѣзко перемѣнилось, благодаря тому, что смерть его произвела глубокое впечатлѣніе на Государя. Г-жа Смирнова приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма къ ней одной петербургской знакомой:

«Видя, что Ихъ Величества жалѣютъ о немъ и хвалятъ его, тѣ самые люди, которые не далѣе, какъ наканунѣ клеветали на него и яростно злословили противъ него, придали своимъ лицамъ соотвѣтствующее случаю выраженіе; мнѣ противно было смотрѣть на ихъ притворство... Произошло еще нѣчто любопытное: нѣкоторыя личности, видя отношеніе Государя къ покойному и его вдовѣ, сдѣлали вдругъ открытіе, что Пушкинъ былъ великимъ человѣкомъ. Принялись расхваливать его передъ лицами, которыя могли передать это

во дворцѣ—пошли даже дальше, стали дѣлать визиты вдовѣ, не принимающей никого, кромѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ и родни»...

Но обиднѣе всего для памяти Пушкина является то, что даже и жена его только послѣ смерти поняла, что ея мужемъ нужно было гордиться, а не стыдиться того, что онъ «только писатель». «Бѣдная Nathalie», пишетъ про нея г-жа Смирнова,—«она поняла теперь, что слѣдовало гордиться положеніемъ жены такого человека, какъ Пушкинъ. Устарѣлые взгляды родныхъ, провинціальныя и московскія воззрѣнія, вродѣ фамусовскихъ, внушили ей представленіе, что быть женой писателя унижительно, и что ихъ приглашаютъ ко двору только ради ея красоты. А между тѣмъ ихъ приглашали именно изъ вниманія къ Пушкину, такъ какъ есть не мало красавицъ, помимо Nathalie, и притомъ болѣе блестящихъ, разговорчивыхъ и пріятныхъ, чѣмъ она. Бѣдная женщина убѣдилась, что Государь сдѣлалъ такъ много именно для писателя и его вдовы. Онъ не сталъ бы платить долги за кого-либо другого, не заботился бы такъ объ обезпеченіи вдовы и дѣтей»...

Интересенъ также рассказъ г-жи Смирновой о посѣщеніи ихъ Мицкевичемъ: «Посѣщеніе Мицкевича очень тронуло моего мужа», пишетъ она... «Онъ приказалъ доложить о себѣ: «Мицкевичъ, другъ Пушкина». Николай вышелъ встрѣтить его. Они пожали другъ другу руки, Мицкевичъ сказалъ мнѣ по-французски: «Я узналъ, что вы были его друзьями и, пришелъ оплакать съ вами великаго славянскаго поэта». Онъ хвалилъ Пушкина. Я рассказала ему, что покойный часто говорилъ мнѣ о немъ, что онъ не забывалъ его. Мицкевичъ отвѣтилъ мнѣ: «Онъ прислалъ мнѣ стихи, которые я храню, какъ драгоценность. Политика разъединяла насъ, но поэзія сблизила. Кончина

его составляетъ огромное несчастье для русской литературы, для русской мысли»... На прощаніе Мицкевичъ сказалъ г-жѣ Смирновой: «Сударыня, я благодарю васъ за оказанный мнѣ приемъ. Повѣрьте, что славянскій польскій поэтъ оплакиваетъ славянскаго русскаго поэта... Его смерть является утратой для всѣхъ славянскихъ народовъ, и я представляю ихъ въ эту минуту». Несмотря на нѣкоторую театральность въ манерахъ, прибавляетъ г-жа Смирнова, онъ былъ искренно тронутъ. У Мицкевича красивое, грустное лицо, въ которомъ сквозитъ что-то болѣзненное. Въ немъ нѣтъ естественности Пушкина». Г-жа Смирнова рассказываетъ далѣе о томъ, какъ повліяла смерть Пушкина на Лермонтова: «Лермонтовъ своими стихами на смерть Пушкина прославился необычайно. Въ полку товарищи не любили его, теперь же онъ сталъ центромъ. Великій князь былъ очень добръ къ нему. Если бы онъ самъ не разгласилъ о своемъ намѣреніи вызвать на дуэль Баранта (сына), то сдѣлали бы видъ, что ничего не знаютъ, но онъ заявлялъ всѣмъ, что убьетъ француза. Какой безумецъ! Хотя д'Аршіакъ и Дантесъ французы, но развѣ это можетъ служить основаніемъ къ нападенію на Баранта, отецъ котораго выказалъ столько сочувствія къ Пушкину?»

Воспоминанія о московскомъ университетѣ. Въ «Русскомъ Обзорѣнн» печатаются интересныя записки скончавшагося въ прошломъ году Н. П. Колюпанова, «Изъ прошлаго», въ которыхъ онъ, между прочимъ, рассказываетъ о своемъ пребываніи въ московскомъ университетѣ въ 1843—1849 г.

Въ 1843 г. Колюпановъ поступилъ на математическій факультетъ московскаго университета. Но лекціи профессоровъ не удовлетворяли его, и онъ пробылъ два года на матема-

тическомъ факультетѣ, очень недозвольный университетомъ. Вернувшись на третій годъ въ Москву послѣ лѣтнихъ ваканцій, онъ случайно зашелъ послушать вступительную лекцію пр. Рѣдкина по энциклопедіи права, которая произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ эту лекцію:

«Вотъ понуривши свою львиную голову и съ трудомъ пробираясь въ толпѣ, вошелъ на кафедру Петръ Григорьевичъ, по обычаю закрылъ глаза и понюхалъ табакъ. Затѣмъ онъ медленно обвелъ глазами, и у него невольно вырвалось восклицаніе: «какое множество!» Дѣйствительно, аудиторія была переполнена: даже на окнахъ стояли студенты; передніе ряды еще сидѣли, а сзади всѣ были набиты стоявшими другъ на другѣ, такъ что не было «пустого пространства». За чѣмъ вы пришли сюда?—продолжалъ профессоръ. И въ отвѣтъ полилась одна изъ тѣхъ вдохновенныхъ и блестящихъ импровизаций, которыя такъ глубоко западали въ душу слушателей. Онъ говорилъ о значеніи науки, о призваніи университета, о томъ, чего онъ требуетъ отъ студента, что даетъ, чѣмъ напутствуетъ въ жизнь. Звонокъ прервалъ рѣчь. Рѣдкинъ всталъ, что-то необычное было въ его осанкѣ, на немъ еще лежалъ ореолъ сходявшаго на него Бога, и онъ своимъ зычнымъ голосомъ закончилъ: «Да, м.м. г.г., ничего нѣтъ выше истины, и наука пророкъ ея, но какъ все святое и великое въ мірѣ, истина требуетъ подвига труднаго, самоотверженія беззавѣтнаго. Возьмите же крестъ свой и грядите по мнѣ». Колупановъ заключаетъ: «Я прямо пошелъ въ правленіе и подалъ просьбу о переводѣ на первый курсъ юридического факультета».

Изъ профессоровъ юридического факультета, кромѣ Рѣдкина, Колупановъ отзывался съ особенной симпатіей о Кавелинѣ.

Всего больше и съ особеннымъ сочувствіемъ и благодарностью говоритъ Колупановъ о Кавелинѣ. По его словамъ, «Кавелинъ возбуждалъ сильный интересъ въ слушателяхъ и завоевалъ большую съ ихъ стороны симпатію». Помимо ясности, послѣдовательности и живости изложенія Кавелина, онъ привлекалъ больше всего своей искренностью: «слушатели чувствовали, что передъ ними человекъ, который самъ дошелъ до того, что онъ говорить, ни у кого не заимствовалъ, и этому глубоко и искренно вѣрить, не подчиняясь никакимъ внѣшнимъ влияніямъ. Только такія убѣжденія производятъ впечатлѣніе на слушателей и оставляютъ за собой влияніе». Въ другомъ мѣстѣ записокъ Колупанова говорится: «Съ Кавелинымъ сближалъ студентовъ прежде всего возрастъ. Кавелинъ поступилъ на кафедру совсѣмъ молодымъ человекомъ. Кромѣ того, въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ Кавелинъ вносилъ столько рѣдкой, искренней и задумчивой простоты, что передъ нимъ, такъ сказать, всѣ являлись на распашку, каждый готовъ былъ ему открыть свою душу, и въ отвѣтъ получалъ такое участіе, котораго могъ бы ожидать отъ самаго преданнаго друга... Оттого между Кавелинымъ и студентами образовалась та великая нравственная связь, которая клала отпечатокъ на цѣлую жизнь и устанавливала между людьми, которыхъ судьба разбѣвала потомъ по всей русской землѣ, извѣстное единство стремленій, задачъ и усилій, направленныхъ къ достиженію цѣли, намѣченной въ эпоху еще подготовленія къ практической дѣятельности. У Кавелина по воскресеньямъ бывали собранія студентовъ, причѣмъ рѣчь тутъ шла обо всемъ, «но преобладающее мѣсто въ воскресныхъ бесѣдахъ занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Большинство студентовъ принадлежало къ помѣщикамъ, къ «работавладельцамъ», какъ, не стѣняясь,

заявляя имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій, безпощадный протестъ противъ крѣпостнаго права имѣлъ гражданское значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; невольно болѣе или менѣе протестъ этотъ переходилъ на слушателей. Какъ-то совѣстно становилось относиться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впоследствии въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Такимъ образомъ, дѣло, которому К. Д. посвятилъ цѣлую свою жизнь, онъ началъ еще въ молодости, съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности, въ то время, когда для большинства крѣпостное право предоставлялось незыблемымъ устоемъ русской жизни». Колюпановъ тоже былъ впоследствии однимъ изъ усердныхъ работниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ и онъ говоритъ о себѣ: «для меня знакомство съ Кавелинымъ было точкой поворота во взглядахъ на крѣпостное право: я пересталъ относиться къ нему безсознательно, какъ къ безразличному факту».

Много передается въ запискахъ Колюпанова о занятіяхъ Кавелина со студентами, о томъ, какъ онъ старался приучить ихъ къ самостоятельной научной работѣ, устраивалъ практическіе семинаріи, давалъ имъ въ руки первоисточники.

Интересенъ также отзывъ Колюпанова о Грановскомъ, который читалъ для юристовъ дополнительный курсъ всеобщей исторіи:

«Были люди, — говоритъ Колюпановъ, — талантливіе Грановскаго, но никто не имѣлъ такого непередаваемого и неотразимаго обаянія. Въ немъ было столько любви, примиренія, всепрощенія, что онъ всюду приносилъ

съ собой какую-то необыкновенно свѣтлую, чистую и успокоительную атмосферу, гдѣ всякій дѣлался самъ и нравственнѣе, и добрѣе». Колюпановъ подробно передаетъ о магистерскомъ диспутѣ Грановскаго, когда такъ могущественно выразилась симпатія студентовъ къ профессору. Это былъ не диспутъ, а публичное выраженіе любви и уваженія къ Грановскому. Слушатели, переполнявшіе актовую залу и ея хоры, всякое слово Грановскаго приветствовали громомъ аплодисментовъ; всякое возраженіе его противниковъ встрѣчалось шиканьемъ. Въ своей заключительной рѣчи передъ отзывомъ деканъ факультета, проф. Давыдовъ съ ироніей замѣтилъ, что Грановскому ученою степенью присудило, главнымъ образомъ, такое настойчивое и такъ громко заявленное сочувствіе слушателей. Надо сказать, что въ оваціяхъ Грановскому и въ протестахъ противъ его оппонентовъ принимали участіе не одни студенты, и Колюпановъ рассказываетъ о гусарскомъ офицерѣ, который стоялъ рядомъ съ нимъ на хорахъ и усердно стучалъ саблей, увлеченный общимъ порывомъ. Присутствовавшій на диспутѣ попечитель гр. Строгановъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ нарушенія порядка университетской дисциплины, и первый подошелъ поздравить новаго магистра, а толпа студентовъ вынесла Грановскаго на рукахъ при оглушительныхъ крикахъ на улицу до извозчика.

Колюпановъ отводитъ много мѣста въ своихъ воспоминаніяхъ рассказамъ объ П. С. Нахимовѣ, бывшемъ тогда инспекторомъ студентовъ. Это былъ замѣчательно добрый и мягкій человекъ, оригиналь большой руки, чрезвычайно близко принимавшій къ сердцу интересы студентовъ. Онъ говорилъ всѣмъ студентамъ «ты», и только если узнавалъ о комъ-нибудь изъ нихъ что-нибудь дурное, то переходилъ съ нимъ на «вы», и это слу-

жило своего рода наказаніемъ для виновнаго и вліяло даже на обращеніе съ нимъ товарищѣй. Колюпановъ рассказываетъ слѣдующій, очень характерный для Нахимова случай:

«Въ 1848 году среди студентовъ, устроился клубъ; студенты собирались потолковать и почитать вмѣстѣ, вдругъ въ самомъ разгарѣ Платонъ Степановичъ прислалъ за вожакими клуба, которыхъ онъ безошибочно угадалъ, потому что вообще зналъ чуть не каждаго студента, а почему-либо выдающихся — очень коротко. Платонъ Степановичъ вышелъ нѣсколько озабоченный и болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно. «У васъ тамъ клубъ, господа?» — «Да, есть, Платонъ Степановичъ». — «Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это извѣстно, такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте. Да, пожалуйста, ведите себя поосторожнѣе! Вѣдь ни за грошь пропадете! Послѣ одумаега, чужь эта сама изъ головы выпадетъ, на себя послѣ пенять станете, да и меня нехорошимъ словомъ помянете: вотъ, скажете, старикъ-рогозѣй, не умѣлъ

во время предупредить». И студенты закрыли клубъ».

Когда въ 1849 г. въ университетѣ были введены разныя строгости и стѣсненія, то Нахимовъ не захотѣлъ подчиниться имъ и вышелъ въ отставку. Студенты объ этомъ ничего не знали. «Вдругъ въ нашу аудиторию, — рассказываетъ Колюпановъ, — во время лекціи Брылова неожиданно вошелъ Платонъ Степановичъ. Онъ былъ неузнаваемъ: на немъ, какъ говорится, лица не было, куда дѣвалась его воинственно-начальственная осанка, — сгорбленный, чѣмъ-то пришибленный. «Прощайте, господа!» сказалъ Платонъ Степановичъ, поклонился и вышелъ. Мы были ошеломлены и не понимали, что случилось. Въ перемѣну все разъяснилось, — и ужъ на насъ лица не оказалось». Студенты тутъ же устроили подписку, въ которой приняли всѣ участіе, и богатые, и бѣдные; было собрано въ три дня до 5.000 р. Поднесли Платону Степановичу золотой кубокъ и альбомъ съ карточками студентовъ».

За границей.

Женщины въ европейскихъ университетахъ. Женскій вопросъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ до нѣкоторой степени, порождается экономическими условіями, и особенно это справедливо въ отношеніи Германіи. Быть можетъ именно преобладаніе этихъ причинъ въ связи съ извѣстными нѣмецкими традиціями относительно назначенія и долга женщинъ, и заставляетъ Германію отставать въ этомъ отношеніи по сравненію съ другими европейскими странами — Англіей, Франціей, Бельгіей, гдѣ эмансипація женщины сдѣлала уже огромный шагъ впередъ. Въ Германіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, бояться конкуренціи женщины, и по-этому-то тамъ систематически проти-

вятся расширенію ея правъ и дѣятельности. Но требованія борьбы за существованіе неумолимы, и силою вещей, германскія женщины становятся конкурентками мужчины въ разныхъ областяхъ, мало-по-малу прокладывая себѣ путь къ окончательному уравненію своихъ правъ съ правами мужчины. До послѣднихъ лѣтъ единственную подготовку къ воспитательной дѣятельности германскія молодыя дѣвушки получали въ такъ называемыхъ «Lehrerinnen Seminaren», откуда онѣ выходили лѣтъ 18-ти или 19-ти, сдавъ выпускной экзаменъ по слѣдующимъ предметамъ: Закону Божію, нѣмецкому языку, ариметикѣ, исторіи, географіи, немного естественной исторіи и чуть-

чуть физики, химіи и педагогика, зато онѣ хорошо знали шитье, умѣли преподавать рисованіе и хоровое пѣніе и начала французскаго и англійскаго языковъ. На этомъ и заканчивалось образованіе молодыхъ нѣмокъ. Разумѣется, такая программа сильно ограничивала дѣятельность женщины и ей предоставлялось только право преподавать въ младшихъ классахъ и въ первоначальныхъ школахъ, и, кромя того, она не могла быть преподавательницею нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ: исторіи, литературы, Закона Божія и новыхъ языковъ; это исключительно предоставлялось мужчинамъ.

Въ 1887 году министру народнаго просвѣщенія и въ прусскій парламентъ была представлена петиція, подписанная одною изъ самыхъ энергичныхъ дѣятельницъ женскаго движенія, Еленою Лани. Въ этой петиціи заключалась просьба о допущеніи женщинъ къ преподаванію въ школахъ Закона Божія и нѣмецкаго языка. Какъ ни было скромно такое желаніе, все же оно подняло цѣлую бурю въ парламентѣ и министерствѣ, и петиція была отвергнута. Но несмотря на такую неудачу, петиція все-таки принесла нѣкоторую пользу, заставивъ обратить вниманіе на существующую систему женскаго воспитанія. Въ Берлинѣ было уже тогда одно высшее учебное заведеніе для молодыхъ дѣвушекъ, «Victoria Lyceum», основанное подъ покровительствомъ императрицы Викторіи, тогда еще кронпринцессы. Мало-по-малу въ этомъ заведеніи были произведены нѣкоторыя улучшенія, расширена программа и установленъ окончательный экзаменъ, который давалъ право молодымъ дѣвушкамъ, сдавшимъ его, занимать въ школахъ въ качествѣ учительницъ, лучшее положеніе, чѣмъ то, которое онѣ занимали до этихъ поръ. Первый такой экзаменъ состоялся въ 1891 году. Это уже былъ

шагъ впередъ, и вскорѣ геттингенскій университетъ послѣдовалъ примѣру Берлина, и, благодаря энергичнымъ усиліямъ г-жи Форверкъ, при этомъ университетѣ были открыты публичные лекціи для женщинъ, читавшіяся даже теми же профессорами и по той же программѣ, что и для мужчинъ. Но, конечно, эти курсы, именуемыя «Fortbildung Kurse», далеко не могли удовлетворять своему назначенію, благодаря неустановленности программы и тому, что они не давали ни математическаго, ни классическаго воспитанія женщинамъ. Наконецъ, въ маѣ прошлаго года германское правительство сдѣлало первый серьезный шагъ. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія учредилъ экзаменъ для женщинъ, на званіе «Oberlehrerin» (главной учительницы). Предметы, изъ которыхъ экзаменуются кандидатки на это званіе, распадаются на двѣ серіи: въ первой заключаются: Законъ Божій, нѣмецкій, французскій и англійскій языки; во второй — исторія, географія, математическія и естественныя науки. Каждая кандидатка должна выбрать два предмета, по одному изъ каждой серіи. Экзаменъ заключается въ представленіи работы на заданную тему, причеиъ на приготовленіе этой работы дается отъ 8 до 10 недѣль срока. Огромною уступкою современнымъ идеямъ составляетъ также распоряженіе прусскаго министра просвѣщенія, по которому въ женскихъ школахъ, находящихся подъ управленіемъ директоровъ мужчинъ, назначаются вице-директорами женщины.

Единственный дипломъ, открывающій женщинамъ доступъ къ либеральнымъ профессіямъ, это тотъ, который онѣ получаютъ послѣ такъ называемаго «Abiturienten examen», по выходѣ изъ гимназіи. Но греческій языкъ не входитъ въ этотъ экзаменъ, и поэтому онѣ не имѣютъ права поступать въ университетъ съ

этимъ дипломомъ. Съ 1893 года открыты, впрочемъ, въ Берлинѣ влассическая гимназія для женщинъ, гдѣ преподается и греческій языкъ. Прямѣру Берлина послѣдовали Лейпцигъ и Карлеруэ. Тѣмъ не менѣе, германскіе университеты упорно закрываютъ свои двери женщинамъ, такъ что тѣ изъ нихъ которыя хотятъ заниматься медицинскою практикою, должны отправляться въ заграничные университеты, и только по полученіи тамъ дипломовъ устриваются въ Германію, какъ врачи, хотя и тутъ имъ приходится преодолевать еще много всевозможныхъ затрудненій. Но этого мало. Нѣкоторые университеты, въ томъ числѣ гейдельбергскій, внезапно прекратили публичные лекціи для женщинъ, которыя были устроены при этихъ университетахъ. Причины такого ретрограднаго движенія неизвѣстны.

И такъ, мы видимъ, что Германія, хотя медленно и неохотно, все-таки увлекается общимъ теченіемъ и дѣлаетъ уступки женскому движенію.

Первыя попытки къ открытію женщинамъ доступа къ университетскому образованію были сдѣланы въ Англіи 25 лѣтъ тому назадъ. Кэмбриджъ былъ первою крѣпостью, которая подверглась приступу. Въ октябрѣ 1869 года было открыто въ Хитчинѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Кэмбриджа, учебное заведеніе для женщинъ, гдѣ онѣ получали совершенно такое же образованіе, какъ и студенты, причемъ сами профессора университета оказали свое содѣйствіе этому учрежденію и охотно согласились читать лекціи женщинамъ. Но, тѣмъ не менѣе, начало было труднымъ. Число студентокъ не превышало 13. Въ 1872 году основана была женская ассоціація и соединена съ женскою коллегіею; въ 1873 году коллегія была уже переведена поближе къ Гиртону и съ этого времени уже безпрепятственно

развивалась. Въ другихъ университетскихъ центрахъ дѣло началось съ публичныхъ лекцій, основанныхъ спеціально для женщинъ. Женскія коллегіи быстро развивались. Только въ 1881 году Кэмбриджъ, наконецъ, рѣшился заняться женщинами. Сенатъ университета принялъ на этотъ счетъ нѣсколько резолюцій; самая важная изъ нихъ конечно, та, которая допускала женщинъ въ университеты, подъ условіями извѣстной подготовки и экзамена. Конечно, путь для женщинъ не былъ еще совершенно расчищенъ, но многое было сдѣлано. Въ 1884 году старинный кэмбриджскій университетъ, до сихъ поръ еще твердо придерживающійся монастырской системы и средневѣковыхъ традицій, рѣшился, наконецъ, построить отдѣльное зданіе для женской коллегіи. Но, повидимому, на этомъ и кончались всѣ его уступки времени, такъ какъ ходатайство женщинъ о присужденіи имъ университетскихъ степеней было въ 1887 году энергично отвергнуто университетомъ, допускающимъ женщинъ не какъ личныхъ членовъ университета, а только какъ «корпоративныхъ членовъ коллегій, присоединяющихся къ университету». Но какъ бы тамъ ни было, а все же студентки получили уже право гражданства въ Кэмбриджѣ, хотя до сихъ поръ университетъ отказывается давать имъ ученые степени. Студентки получаютъ лишь свидѣтельство въ томъ, что онѣ слушали такія-то и такія-то лекціи и выдержали экзамены, соответствующіе тому или другому курсу.

Оксфордскій университетъ несомнѣнно болѣе либераленъ. Въ 1878 г. въ Оксфордѣ основана была ассоціація въ пользу высшаго женскаго образованія, которая, затѣмъ, и взялась руководить имъ помимо коллегій. Такихъ коллегій было основано три: «Соммервилъ», «Леди Маргаретъ Голлъ» и «Сентъ-Гюгъ Голлъ». Студентки въ

Оксфордъ имѣють свободный доступъ во всѣ бібліотеки университета и музеи. Но окончательное свидѣтельство выдается имъ все-таки не университетомъ, а спеціальною экзаменационною комиссіей.

Въ лондонскомъ университетѣ, основанномъ въ 1836 году для диссидентовъ, которыхъ не допускали въ тѣ времена ни въ оксфордскій, ни въ кэмбриджскій университеты, женщины пользуются гораздо большими правами. Съ 1878 г. онѣ имѣють свободный доступъ во всѣ факультеты. Для женщинъ была, кромѣ того, устроена очень хорошая медицинская школа, дипломы которой пользуются солидною репутаціей. Но и въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ женщины добились очень многого, напримѣръ, онѣ наравнѣ со своими товарищами мужчинами выбираютъ членовъ въ университетскій сенатъ. Но онѣ не участвуютъ въ избраніи членовъ парламента.

Университетъ Викторія, основанный въ 1880 г. въ Манчестерѣ, допускаетъ на равныхъ правахъ мужчинъ и женщинъ въ свои стѣны, за исключеніемъ медицинскаго факультета, такъ какъ въ Англіи довольно прочно все-таки засѣло предубѣжденіе, что медицинское образованіе женщины должны получать отдѣльно отъ мужчинъ. Другіе университеты въ Англіи не представляютъ никакихъ особенностей въ своей организаціи и допускаютъ женщинъ на равныхъ правахъ. Только княжество Уэльское пошло еще дальше впередъ и постановило, чтобы въ университетскомъ сенатѣ однимъ изъ членовъ была женщина.

Франція представляетъ одну характерную особенность по сравненію съ другими странами. Вездѣ женщины сами стучались въ двери университетовъ, и такъ сильно и упорно, что заставляли ихъ раскрываться передъ собою, мало-по-малу. Во Франціи же,

наоборотъ, двери высшихъ учебныхъ заведеній сами открылись для женщинъ, но женщины не ринулись въ это святилище. Между тѣмъ, обученіе во французскихъ университетахъ доступно всѣмъ, и притомъ оно даровое. Есть «открытые», публичные курсы и «закрытые», куда также трудно попасть, надо только исполнить одну простую формальность, записаться на какой-нибудь курсъ. Но несмотря на такой легкой доступъ въ университеты, число французенокъ, поступающихъ туда, очень ограничено. Когда знаменитый химикъ Вюрцъ открылъ въ 1868 году первую школу для женщинъ, то сначала только три воспользовались его приглашеніемъ, и спустя десять лѣтъ, число студентокъ въ этой школѣ достигло только 32. Въ настоящее время всѣхъ студентокъ въ этой школѣ 169 и только 16 изъ нихъ, французенки, остальные иностранки, преимущественно русскія или польки.

Настоящій толчекъ въ дѣлѣ женскаго образованія былъ данъ закономъ Камила Сее, въ 1881 году, который основалъ женскіе лицей и предоставилъ женщинамъ исключительное право преподавать въ этихъ лицеяхъ. Будущія профессорши подготавливаются къ этой дѣятельности не въ Сорбоннѣ, а въ нормальной Севрской школѣ, находящейся подъ управленіемъ г-жи Жюль Фавръ. Ту же цѣль преслѣдуетъ и школа Севинье. Ученицы, поступая въ такую школу, подписываютъ обязательство—преподавать въ теченіе десяти лѣтъ по окончаніи курса, и выдержавшія экзаменъ получаютъ мѣста въ публичныхъ школахъ. Кромѣ того, курсы Сорбонны открыты для женщинъ, и точно также еще пятнадцать университетовъ въ департаментахъ открываютъ имъ свои двери.

Столѣтіе Парижской нормальной школы. Весною этого года въ Парижѣ

отпразднованъ былъ столѣтній юбилей «Ecole normale», основанной въ эпоху революціи, по образцу учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ Германіи съ 1780 года. Конвентъ, воодушевляемый идеєю «народнаго образованія, общаго для всѣхъ французскихъ гражданъ», обратился къ самымъ знаменитымъ дѣятелямъ науки и литературы того времени и просилъ ихъ содѣйствія. На призывъ конвента откликнулись: Лагранжъ, Монжъ, Лапласъ, Вольней, Лагарпъ, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ и др. Тысячи слушателей прибыли въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи, на счетъ государства, и въ той самой залѣ, въ которой теперь происходило юбилейное торжество, началось чтеніе лекцій, имѣвшихъ громадное значеніе для развитія просвѣщенія во Франціи, такъ какъ лица, приглашенныя слушать курсы, должны были, по окончаніи вернуться въ провинцію и повторить тамъ все то, что имъ было сообщено на лекціяхъ. Неудивительно, что нормальную школу сравнивали съ «лучомъ свѣта, внезапно проникшимъ въ страну и озарившимъ ее яркимъ сіяніемъ».

Юбилейное празднество нормальной школы началось съ чествованія Пастера, важнѣйшія изслѣдованія котораго, сдѣлавшія его имя бессмертнымъ, вышли изъ лабораторіи нормальной школы. Въ воспоминаніе этого, на стѣнѣ лабораторіи прибита теперь мраморная доска, съ перечисленіемъ важнѣйшихъ открытій Пастера и обозначеніемъ годовъ, къ которымъ относятся эти открытія. Затѣмъ, директоръ школы Перро, изобразилъ въ общихъ чертахъ ея историческое развитіе и выяснилъ значеніе ея просвѣтительской задачи. Рѣчь свою онъ закончилъ слѣдующими словами: «Народу нужны люди, которые обладали бы единственнымъ превосходствомъ, допускаемымъ народными принципами — превосходствомъ ума.

Задача школы именно и заключается въ томъ, чтобы по прежнему доставлять элементы для образованія плеяды такихъ людей».

Нынѣшній французскій министръ народнаго просвѣщенія Пуанкарэ очертилъ задачи и значеніе народнаго образованія и сказалъ, что оно косвенно получаетъ свою окраску и свой характеръ отъ высшаго преподаванія и свободной культуры. Онъ прибавилъ, что республика и народъ всегда будутъ поддерживать избранныхъ, выдвинувшихся исключительно своими заслугами и трудомъ. «Народное образованіе, — сказалъ министръ, — не можетъ быть орудіемъ правительства, оно есть орудіе цивилизации; оно не должно препятствовать развитію характера, пытливости ума, не должно стремиться укладывать въ извѣстную форму умъ и совѣсть. Оно не должно мѣшать изслѣдованіямъ, не должно налагать цѣпи на интеллигенцію и унижать разумъ. Народное воспитаніе опирается на знаніе и поддерживается свободой».

Нормальная школа гордится тѣмъ духомъ, который она сумѣла сохранить въ неприкосновенности даже въ трудныя времена наполеоновскаго рѣжима, когда она была превращена въ «педагогическую казарму». Наполеонъ превратилъ школу въ пансіонъ, и она осталась такимъ пансіономъ до сихъ поръ, но, тѣмъ не менѣе, сохранила традиціи 1795 года, вызвавшія ее къ жизни.

Изъ рядовъ «normaux» — такъ называютъ въ обществѣ учениковъ нормальной школы — вышли многіе выдающіеся люди; въ списокъ «нормальцевъ» встрѣчаются такія имена, какъ: Викторъ Кузевъ, Тэнъ, Пастеръ, Тьерри, Фюстель де-Куланжъ, Лависсъ, Жюль Симонъ, Прево Парадоль, Вейссъ, Ришпенъ и мн. другіе; съ 1816 года школа дала французскому институту 78 членовъ. Множество академиковъ, сенаторовъ, профессоровъ и писателей

также вышли изъ рядовъ «Нормальцевъ», и, между прочимъ, два такихъ противоположныхъ современныхъ дѣятеля, какъ отѣнскій епископъ, мосьиоръ Перро, и вождь французскихъ социалистовъ Жанъ Жересь. Весьма естественно поэтому, что вся Франція приняла участіе въ чествованіи своей знаменитой «Ecole Normale», и нынѣшніе «нормальцы», распѣвая сочиненную по случаю юбилея хвалебную пѣснь своей alma mater, повторяли слѣдующій припѣвъ:

«En somme
Nous sommes
Tous de futurs grands hommes».

(Въ сущности всѣ мы — будущіе великіе люди).

И вся Франція должна желать, чтобы этотъ припѣвъ оказался пророчествомъ.

Деревенская жизнь въ Америкѣ. Эмиграція сельскаго населенія въ большіе города съ каждымъ днемъ увеличивается въ Европѣ и принимаетъ такіе размѣры, которые заставляютъ причислить это явленіе къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ современной социологіи. Предлагались разные средства для того, чтобы удержать сельское населеніе на своихъ мѣстахъ, но всѣ они оказались болѣе или менѣе безуспѣшными; переселеніе продолжается, увеличивая съ каждымъ днемъ городской пролетаріатъ и всѣ бѣдствія, сопряженныя съ этимъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это явленіе вызывается очень сложными экономическими причинами; и поэтому, мѣропріятіе, направленное противъ какой-нибудь одной изъ этихъ причинъ и дѣйствующее одностороннимъ образомъ, врядъли принесетъ существенную пользу. Однако американцы, которыхъ также начинаетъ тревожить явленіе, обнаруживающееся уже и по ту сторону океана, попробовали прежде всего подойти къ этому явленію съ той стороны, съ которой его совершенно не касались въ Европѣ. Дастъ ли какіе-

нибудь благоприятные результаты попытка американцевъ — покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, она любопытна во многихъ отношеніяхъ.

Американцы задались вопросомъ: нельзя ли удержать сельское населеніе въ деревняхъ, оставивъ деревенскую жизнь болѣе благоприятными условіями и сдѣлавъ деревни болѣе привлекательными для ихъ обитателей? Мысль и исполненіе всегда идутъ рука объ руку въ Америкѣ, тѣмъ болѣе, что въ частной инициативѣ, играющей такую огромную роль въ Соединенныхъ Штатахъ и представляющей такую громадную силу, никогда не бываетъ недостатка. Какъ только родился въ головѣ американцевъ проектъ усовершенствованій въ деревенской жизни, такъ немедленно, во всей странѣ, начали возникать многочисленные комитеты, занявшіеся приведеніемъ въ исполненіе этого проекта, и деревни очень быстро стали измѣнять свою фیزیономію подъ вліяніемъ разныхъ улучшеній и усовершенствованій, имѣющихъ цѣлью удовлетворить потребностямъ населенія, какъ въ физическомъ, такъ въ эстетическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ.

Первая деревня, претерпѣвшая рядъ благотѣльныхъ превращеній въ этомъ смыслѣ, это — «Стокбриджъ», въ штатѣ Массачусетъ. Частная ассоціація занялась приведеніемъ этой деревни въ надлежащій видъ. Улицы были выравнены, дома исправлены и выстроены болѣе декоративнымъ образомъ и вездѣ устроены бульвары. Въ посадкѣ деревьевъ принимали участіе сами обитатели деревни, такъ какъ имъ была предложена премія за посадку 15 лучшихъ образцовъ. Такая же премія была назначена за сбереженіе и уходъ. Но этого мало. Тотчасъ же явился великодушный жертвователь, внесшій 2.000 долларовъ на устройство бесплатной читальни и библиотеки; другой пожертвовалъ зданіе для этой библиотеки, и въ самый

короткій срокъ частная подписка удвоила пожертвованную сумму. Точно также была пожертвована разными лицами земля и деньги (10.000 долларовъ) на устройство публичнаго сада, и Стокбриджъ, прежде бывшій самою обыкновенною невзрачною и плохенькою деревушкой, превратился въ настоящее время чуть ли не въ земной рай. Такую же метаморфозу претерпѣла и деревня Нью-Милльфордъ въ Коннектикутѣ.

Но самыя большія улучшения и усовершенствованія были произведены въ западныхъ штатахъ. Особенно въ этомъ отношеніи много сдѣлало общество въ Юмингѣ. Деревня, съ населеніемъ въ 700 человекъ, превратилась въ маленькій прелестный городокъ, весь утопающій въ зелени и имѣющій также свою бібліотеку и общественный садъ.

Въ штатѣ Миннесота, деревни Фарибо и Норзфильдъ обязаны своими улучшениями и процвѣтаніемъ даже не коллективнымъ усилямъ мѣстныхъ ассоціаций, а единичнымъ личностямъ. Первая превратилась въ образцовый городокъ, благодаря епископу Уайтлю, а вторая обязана всѣми своими улучшениями профессору Маргарету Эвансу, основавшему въ ней коллегію и устроившему прекрасный паркъ, водопроводъ и т. п.

Въ Небраскѣ также устроены теперь водопроводы, газовое и электрическое освѣщеніе, прекрасная ассенизація, трамваи, мощеныя улицы, бібліотека и госпиталь, а также общественный садъ и паркъ. Въ Эвантонѣ, вблизи Чиваго, также введены всѣ современныя улучшения, а въ Окъ-Паркѣ (тамъ же), устроены, кромѣ того, школа, бібліотека, паркъ и гимнастическое заведеніе, и все это лишь однимъ лицомъ, Джемсомъ Сковиллемъ, истратившимъ съ этою цѣлью 300.000 долларовъ.

Въ Пенсильваніи существуетъ «ассоціація украшенія деревень», члены

которой преимущественно женщины, очень много уже сдѣлали въ этомъ направленіи. Кромѣ того, тамъ же организовано подобное же общество изъ школьной молодежи, спеціально занимающейся посадкою растений, цвѣтовъ и деревьевъ и слѣдящее за чистотою улицъ. Въ Нью-Джерсеѣ инициатива также принадлежитъ женщинамъ, устроившимъ въ этомъ городѣ бесплатную бібліотеку. Въ женской ассоціаціи и тутъ примыкаетъ ассоціація школьной молодежи. Въ Монклерѣ жители особенно гордятся чистотою своихъ улицъ и прекрасными санитарными условіями.

Въ Шпрингфильдѣ (въ Массачусетсѣ), шесть лѣтъ тому назадъ, было основано общество, поставившее себѣ цѣлью «развитіе эстетическаго чувства въ жителяхъ». Общество стремилось заставить обитателей этого мѣстечка позаботиться объ его украшеніи, также какъ и объ украшеніи своихъ собственныхъ жилищъ. Назначены были преміи за устройство цвѣтниковъ и украшеніе оконъ растеніями. Жителямъ были розданы съ этою цѣлью миллионы луковицъ разныхъ цвѣтущихъ растений и сѣмянъ. Но всюду, при этомъ, общество заботится и объ устройствѣ бібліотекъ. Въ штатѣ Массачусетсѣ пожертвованія въ пользу устройства бесплатныхъ бібліотекъ достигаютъ шести миллионъ долларовъ; 327 деревень въ этомъ штатѣ имѣютъ публичныя бібліотеки, изъ которыхъ пятьдесятъ носятъ имя своихъ основателей.

Дѣло улучшения условій деревенской жизни все разрастается въ Америкѣ, и возникаютъ непрестанно новыя общества, задающіяся этою цѣлью. Если это предпріятіе не принесетъ непосредственныхъ результатовъ въ смыслѣ удержанія сельскаго населенія отъ переселенія въ большіе города, то, во всякомъ случаѣ, оно представляетъ огромный интересъ, какъ новое проявленіе могущества въ Америкѣ

частной инициативы и группировки частных лиц, действующих въ пользу коллективных интересов общины и страны.

Тайныя и явныя общества въ Китаѣ. Китайскому правительству не мало хлопотъ доставляли и доставляютъ тайныя общества, имѣющія большое распространѣніе и пользующіяся огромнымъ вліяніемъ въ Китаѣ, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя противъ нихъ китайскими властями. Самое вліятельное и распространенное тайное общество въ Китаѣ, это «союзъ колоагуй», возникшій въ провинціи Хуннань, населеніе которой считается самымъ храбрымъ и мужественнымъ, и въ тоже время самымъ непокорнымъ по отношенію къ властямъ. Союзъ этотъ имѣетъ болѣе милліона членовъ, и въ каждомъ китайскомъ городѣ происходятъ тайныя собранія этого союза, лозунгомъ котораго служить «Китай для китайцевъ». Идея, заложенная въ основу этого союза, заставляетъ его быть противникомъ маньчжурской династіи и маньчжурскаго правительства въ Китаѣ, и поэтому-то правительство такъ яростно преслѣдуетъ его членовъ и не щадитъ ихъ, если они попадаютъ къ нему въ руки. Однако, это случается не такъ часто, потому что китайская полиція не обладаетъ особеннымъ искусствомъ и прозорливостью, статуты же союза очень строги и неизбѣжно караютъ смертью каждую измѣну. Вступленіе въ члены союза сопровождается извѣстными церемоніями; между прочимъ, новый вступающій членъ долженъ выпить кубокъ горячаго вина, смѣшаннаго съ дымящеюся кровью тутъ же зарѣзаннаго пѣтуха. По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, вступающему въ общество дается узенькая полоска полотна, на которой написанъ извѣстный уже лозунгъ, и онъ уже считается съ этой

минуты дѣйствительнымъ членомъ. Членами этого общества состоятъ многія высокопоставленныя лица изъ военнаго круга, и даже покойный вице-король въ Нанкинѣ былъ долго членомъ этого общества и, какъ рассказываютъ, заплатилъ жизнью за неуваженіе къ постановленіямъ общества. Его преемника общество обложило данью, пригрозивъ ему возстаніемъ и избиеніемъ иностранцевъ. Вообще, гдѣ только ни возникали въ Китаѣ безпорядки, вышеназванное тайное общество непременно тутъ играло какую-нибудь роль.

Другое тайное общество, соперничающее съ «Колоагуй» относительно вліянія и древности своего происхожденія, это—«Самъ-Гопъ-Вуй». Этотъ союзъ организовалъ возмущеніе «тайпинговъ», продолжавшееся нѣсколько лѣтъ и стоившее Китаю, по крайней мѣрѣ, десяти милліоновъ человѣческихъ жизней. Возмущеніе началось на югѣ и распространилось постепенно по всему государству, и чуть-чуть не привело къ сверженію татарской династіи. Во главѣ этого возмущенія стоялъ одинъ китаецъ, именовавшій себя младшимъ братомъ Исуса Христа, пришедшимъ преобразовать міръ.

Общество «Самъ-Гопъ-Вуй» также обладаетъ огромнымъ вліяніемъ въ Китаѣ и имѣетъ неограниченную власть надъ своими членами. Измѣна карается или отрѣзываніемъ ушей, если она незначительна, или смертью. Члены узнаютъ другъ друга по нѣкоторымъ словамъ и знакамъ, и по тому, какъ они переступаютъ порогъ дома. Бромъ того, зонтики, вѣера, флаги и расположеніе тарелокъ при угощеніи гостей служатъ знаками для распознаванія членовъ общества. Всѣ члены общества обязаны помогать и поддерживать другъ друга. Лозунгъ ихъ: «Долой татаръ!» и, слѣдовательно, это общество, также какъ и первое, является врагомъ существующаго въ Китаѣ маньчжурскаго правительства.

Кромѣ этихъ двухъ могущественныхъ ассоціацій, существуетъ въ Китаѣ еще множество мелкихъ тайныхъ союзовъ. Опасность для правительства представляютъ безчисленные рабочіе союзы, существующіе официально, и противъ нихъ правительство совершенно безсильно. Китайцы, вообще, обнаруживаютъ большую склонность къ образованію такихъ союзовъ, и это составляетъ ихъ силу. Рѣшительно всё ремесла и отрасли промышленности въ Китаѣ имѣютъ свои союзы. Недавно союзъ пирульниковъ, занимающихъ чуть ли не самое низкое мѣсто въ китайскомъ обществѣ, добился отъ правительства очень важной уступки — уравненія правъ своихъ дѣтей относительно воспитанія съ правами дѣтей всѣхъ остальныхъ классовъ населенія. Какъ ни могущественны китайскіе вице-короли, распоряжающіеся, какъ имъ вздумается, генералами и прочими высокопоставленными чинами, они все-таки ничего не могутъ подѣлать съ ремесленными союзами. Неуспѣхъ желѣзнодорожныхъ предприятий, напримѣръ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сопротивленія рабочихъ «кули», перевозящихъ тяжести на своихъ тачкахъ. Союзъ этихъ «кули» представляетъ одну изъ самыхъ могущественныхъ организацій въ Китаѣ. Очень часто нововведенія, проектируемыя вице-королями или правительствомъ, разбиваются о препятствія, воздвигаемыя имъ ремесленными союзами.

Китайскіе банкиры также образуютъ союзъ, и правительство, что касается средствъ, напримѣръ, для дальнѣйшаго веденія войны, находится въ полной зависимости отъ этого союза. Въ Тянь-Цзинѣ и Шанхаѣ существуетъ до тысячи банковъ, которые всѣ дѣйствуютъ рука объ руку. Они находятся въ тѣсной связи съ прочими банками государства и управляютъ всѣми денежными дѣлами страны и биржей.

Ремесленные союзы обладаютъ очень строгими уставами и главнымъ образомъ они направлены противъ введенія машиннаго производства. Благодаря именно сопротивленію этихъ союзовъ, въ Китаѣ до сихъ поръ нельзя было ввести машинную работу. Промышленники, попробовавшіе было идти наперекоръ союзамъ, расплачивались обыкновенно, жизнью за свои дерзкія попытки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Шанхаѣ произошелъ слѣдующій ужасный фактъ. Какой-то промышленникъ досадилъ своими поступками ремесленному союзу, и было постановлено раздѣлаться съ нимъ. Заговоръ хранился въ тайнѣ, и жертва ничего не подозрѣвала. Однажды утромъ онъ вошелъ въ мастерскую, гдѣ у него работало 100 человекъ, и вдругъ, по дѣнному сигналу, на него набросились нѣсколько человекъ и начали его кусать, за этими другіе и т. д., пока всѣ рабочіе не перепробовали на немъ свои зубы. У дверей мастерской стоялъ на стражѣ избранный предводитель, который не пропустилъ никого изъ рабочихъ, прежде чѣмъ не удостовѣрится по окровавленнымъ зубамъ рабочего, что онъ исполнилъ приказаніе и укусилъ своего хозяина. Несчастный хозяинъ былъ буквально закусанъ до смерти. Такъ какъ въ Китаѣ не существуетъ закона, карающаго за укушеніе, то виновники не понесли никакого наказанія, хотя это дѣло и дошло до свѣдѣнія правительства, истратившаго по этому поводу много чернилъ и бумаги, но безъ всякихъ результатовъ.

Всѣ эти общества и союзы составляютъ главное препятствіе ко введенію европейской культуры, такъ какъ всѣ они одержимы ненавистью ко всякимъ нововведеніямъ и къ иностранному духу. Поэтому-то люди, хорошо знакомые съ внутреннимъ положеніемъ Китая, сомнѣваются, чтобы результатомъ японско-китайской войны явились какія-нибудь цѣлесообраз-

ныя реформы, такъ какъ правительство слишкомъ для этого безсильно.

Землетрясенія; катастрофа въ Лайбахъ (Люблянахъ). Главный городъ провинціи Крайна (въ Австріи), Лайбахъ, перенесъ недавно страшную катастрофу, чуть-чуть не превратившую его окончательно въ груды развалинъ. Въ одиннадцать часовъ вечера, 26-го апрѣля, внезапно послышались подземные удары, почва заколебалась и зданія начали рушиться. Землетрясеніе продолжалось почти до семи часовъ утра. За двумя очень сильными ударами слѣдовали болѣе слабыя колебанія,—счетомъ тридцать одно сотрясеніе земли. Жители въ паническомъ страхѣ бѣжали изъ своихъ домовъ, и грохотъ сыпавшихся камней и подземный гулъ, а также темнота ночи, еще усиливали всеобщую панику. 10.000 жителей остались безъ крова, такъ какъ 20% домовъ въ Лайбахѣ совершенно разрушено землетрясеніемъ, большинство же настолько повреждено, что не годится для жилья. Первую и двѣ послѣдующія ночи жители провели подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ, въ садахъ и посрединѣ улицы, устроивъ себѣ временное убѣжище, какъ могли. Болѣе счастливые ютились въ палаткахъ, экипажахъ и вагонахъ желѣзной дороги. Землетрясеніе повторилось еще разъ въ первыхъ числахъ мая, но уже не съ такою силой. Область землетрясенія была очень велика и не ограничивалась Лайбахомъ; она распространилась на Триестъ, Форарльбергъ, Тироль, Верхнюю и Нижнюю Австрію, до Вѣны, гдѣ магнитныя силы, также какъ и въ Прагѣ и Берлинѣ, показывали большія пертурбаціи. Катастрофа въ Лайбахѣ почти совпала съ сильными землетрясеніями въ Сициліи, съ обвалами въ Бельгіи и др. мѣстахъ, а также съ появленіемъ урагановъ и падающихъ звѣздъ. Въ Аграмѣ и Босніи

также произошло землетрясеніе около этого же времени, въ Венгріи, Сербіи и Бухарестѣ—громады наводненія, затонившія огромные участки земли.

Анри Парвилль, посвящающій этому обширному землетрясенію свой научный фельетонъ въ «Journal des Débats», говоритъ, что давно уже сложилось мнѣніе, будто землетрясеніе неизбежно повторяется въ извѣстныхъ областяхъ. Послѣ болѣе или менѣе долговременнаго затишья снова наступаетъ землетрясеніе, обыкновенно, захватывающее большіе участки. Впрочемъ, въ этихъ участкахъ, всегда подвергающихся землетрясеніямъ, обнаруживаются постоянныя колебанія почвы, ускользающія, однако, отъ наблюденія обитателей этой области, пока внезапно надъ ними не разразится катастрофа, подобная той, которая произошла въ Лайбахѣ. Последнее сильное землетрясеніе въ этой области было въ январѣ 1348 года. Тѣ же самыя провинціи, Крайна, Штирія, Каринтія, Австрія, Венгрія и Моравія подверглись катаклизму. Сорокъ городовъ и множество замковъ были разрушены, въ Альпахъ Виллахи образовались трещины, одно изъ альпійскихъ озеръ исчезло, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля раскрылась, и горы, обрушившись въ рѣки, произвели страшныя наводненія.

Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе охлажденія и сжатія нашей планеты, земная кора потрескалась и сморщилась, равновѣсіе слѣдилось неустойчивымъ, подземныя трещины приводятъ поверхность земли въ болѣе или менѣе непосредственное соприкосновеніе съ резервуаромъ центральныхъ силъ, которыя и даютъ себя чувствовать. И вездѣ именно такія мѣста съ нарушеннымъ равновѣсіемъ претерпѣваютъ отъ времени до времени болѣе или менѣе сильныя колебанія, обнаруживающіяся преимущественно въ эпохи подземныхъ приливовъ, когда

центральная огненная масса стремится къ перемѣщенію.

Не всѣ ученые, однако, раздѣляютъ воззрѣніе, что ядро нашей планеты находится въ жидкомъ или вязкомъ состояніи. Нѣкоторые геологи объясняютъ сотрясенія земной почвы иначе. Одни видятъ здѣсь чисто случайныя явленія, зависящія отъ обрушиванія огромныхъ скалъ, подмытыхъ водою, отъ взрыва паровъ, инфильтраціи морскихъ водъ, превращающихся, подъ вліяніемъ высшихъ температуръ глубочайхъ слоевъ земли, въ пары подъ страшно громаднымъ давленіемъ. Другіе ученые видятъ въ землетрясеніяхъ электрическія явленія и т. п. Однимъ словомъ, существуетъ много гипотезъ для объясненія этого загадочнаго явленія, и ужь одно это обиліе гипотезъ доказываетъ, что это явленіе до сихъ поръ еще не объяснено вполне удовлетворительнымъ образомъ.

По мнѣнію Анри Парвилля, въ землетрясеніи мы имѣемъ проявленіе дѣйствія центральныхъ силъ. Жидкое состояніе ядра земного шара не подлежитъ сомнѣнію. На это указываетъ повышеніе температуры по направленію къ центру. Парвилль, кромѣ того, приводитъ наблюденіе, что уровень лавы въ нѣкоторыхъ вулканахъ повышался и понижался въ связи съ большими приливами, что указываетъ на болѣе или менѣе совершенное сообщеніе съ центральною огненною матеріей. Въ пользу существованія этой матеріи говоритъ также одновременность землетрясеній; очень часто землетрясеніе наступаетъ въ одно и то же время въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Трудно было бы объяснить такое совпаденіе, если бы землетрясеніе вызывалось исключительно только мѣстными и случайными причинами. Если же мы признаемъ общую причину этихъ явленій, заключающуюся въ измѣненіи уровня центральной огненножидкой матеріи, находящагося

въ зависимости отъ солнечнаго и луннаго вліянія, то, какъ говоритъ Парвилль, многое становится объяснимымъ. Трудно себѣ представить, чтобы солнце и луна, вліяющія на воды океана, не оказывали бы такого же вліянія и на болѣе или менѣе жидкое, но обладающее огромною плотностью, содержимое земнаго ядра. Статистическія наблюденія, произведенныя въ теченіи многихъ лѣтъ, указываютъ, что большія землетрясенія всегда происходятъ, какъ и океанскіе приливы, въ извѣстныя опредѣленныя эпохи, находящіяся въ связи съ лунными и солнечными движеніями. Безъ сомнѣнія, почва нашей планеты находится въ состояніи постояннаго колебанія, и, слѣдовательно, при всякомъ положеніи солнца и луны, происходятъ легкія землетрясенія. Но вѣдь и приливы бывають нѣсколько разъ въ день, но это не тѣ большіе приливы, которые происходятъ лишь въ опредѣленныя эпохи, зависящія отъ положенія луны и солнца.

И такъ, большія землетрясенія, какъ и большіе приливы, происходятъ отъ одинаковыхъ причинъ, т. е. повинуются однимъ и тѣмъ же вліяніемъ луннаго притяженія, дѣйствующаго и на подземныя силы и вызывающаго появленіе подземныхъ приливовъ, отраженіемъ которыхъ является землетрясеніе. Катастрофа Лайбаха повинуется такому же закону. Въ ночь землетрясенія было полнолуніе. И такъ какъ лунныя вліянія отражаются на океанѣ, на атмосферѣ и т. д., то въ то же время произошли ураганы въ разныхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ центра землетрясенія. Во всякомъ случаѣ, гипотеза существованія подземныхъ приливовъ представляетъ много вѣроятій, такъ какъ объясняетъ появленіе землетрясеній въ опредѣленныя эпохи, между тѣмъ какъ этотъ фактъ остается непонятнымъ, если землетрясеніе объ-

яснять мѣстными и случайными причинами.

«*Revue des Deux Mondes*». Въ числѣ женскихъ типовъ, описываемыхъ г-жею Бентсонъ въ ея интересныхъ очеркахъ американской жизни и положенія женщины въ американскомъ обществѣ, печатающихся въ «*Revue des Deux Mondes*», безъ сомнѣнія, видное мѣсто занимаетъ особый видъ женщинъ благотворительницъ и общественныхъ дѣятельницъ на поприщѣ сближенія расъ. Такова миссъ Флетчеръ, извѣстная подъ именемъ «благотворительницы индѣйцевъ». Наука привела ее къ благотворительности. Считаясь «fellow» (членомъ) ученой Гарвардской коллегіи, она предприняла рядъ этнологическихъ, научныхъ изысканій, которые заставили ее прожить долгое время среди индѣйцевъ, и узнавъ ихъ поближе, она прониклась къ нимъ любовью и состраданіемъ. «Я была поражена, какъ много виновато наше правительство передъ индѣйцами,—говоритъ миссъ Флетчеръ,—и поставила себѣ задачею облегчить—участь индѣйскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается ихъ жилищъ и воспитанія дѣтей». И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи миссъ Флетчеръ сдѣлала очень многое. Благодаря ея стараніямъ, былъ изданъ билль, подписанный президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ 1882 году, по которому каждый индѣецъ, глава семьи, получалъ право на 160 акровъ земли; холостые же и сироты старше 18 лѣтъ получаютъ половину, а моложе 18 лѣтъ—только четверть этого количества земли. Теперь около 5.000 индѣйцевъ живутъ такимъ образомъ на своихъ участкахъ и могутъ безпрепятственно ихъ обрабатывать.

Миссъ Флетчеръ хорошо изучила бытъ индѣйцевъ и представила очень много цѣнныхъ работъ по индѣйской этнографіи. Ее чрезвычайно инте-

ресуетъ расовый вопросъ, и она посвятила ему нѣсколько серьезныхъ научныхъ статей. Также очень цѣнными и интересными считаются ея изслѣдованія индѣйской музыки и цѣсенъ. Въ настоящее время она состоитъ предсѣдательницею антропологическаго общества, основаннаго ею, и подъ ея же руководствомъ и вліаніемъ находится знаменитая индѣйская школа въ Карлиль. Во всѣхъ своихъ лекціяхъ и конференціяхъ, также какъ и статьяхъ, миссъ Флетчеръ возстаетъ противъ расовыхъ предрасудковъ и особенно обращается къ женщинамъ, которыя, по ея словамъ, являются самыми стойкими и вѣрными хранительницами подобныхъ предрасудковъ и предубѣжденій, и предлагаетъ имъ заняться научнымъ изученіемъ расоваго вопроса, для того, чтобы освѣтить тѣ потемки, которые до сихъ поръ окружаютъ его. «Знаніе, говоритъ обыкновенно миссъ Флетчеръ,—во всякомъ случаѣ является источникомъ состраданія и милосердія. Поэтому, мы и должны стремиться пріобрѣтать какъ можно болѣе знаній!».

Миссъ Флетчеръ посовѣтовала г-жѣ Бентсонъ отправиться въ Карлиль и поговорить съ директоромъ этой школы, капитаномъ Праттомъ, чтобы составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о томъ, что такое индѣйцы.

Капитанъ Праттъ участвовалъ въ 1875 году въ экспедиціи противъ индѣйцевъ причемъ, захватилъ въ плѣнъ около сотни индѣйскихъ вождей, которые въ цѣпяхъ были приведены въ крѣпость. Индѣйцы уже приготавились умирать, какъ слѣдуетъ храбрымъ воинамъ, но капитанъ Праттъ разуудилъ иначе. Онъ предложилъ имъ свободу на честное слово, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что они будутъ работать. Индѣйцы придають огромное значеніе своему слову и были польщены оказаннымъ имъ довѣріемъ, поэтому никто изъ нихъ не рѣшился злоупотребить да-

рованной свободой. Капитанъ Праттъ мало-по-малу снискалъ ихъ расположеніе; онъ сталъ обучать ихъ грамотѣ, ремесламъ и въ 1879 году добился разрѣшенія открыть индѣйскую школу въ Карлилѣ, въ чемъ ему много помогла мѣсъ Флетчеръ. Въ настоящее время въ этой школѣ обучается 700 индѣйцевъ, представителей 24 отдѣльныхъ индѣйскихъ племенъ. Въ Карлилѣ введена система совмѣстнаго воспитанія, и здѣсь, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Америки, эта система приноситъ хорошіе плоды. Капитанъ Праттъ, по его словамъ, стремится главнымъ образомъ къ тому, чтобы индѣйцы усвоили себѣ американскую цивилизацію, чтобы они «растворились въ ней». Онъ убѣжденъ, что только такимъ путемъ можно спасти индѣйцевъ отъ окончательнаго вымиранія. Оставаясь въ своихъ «резервахъ» (индѣйскія территоріи), ведя традиціонную жизнь индѣйскихъ племенъ, они осуждены на неизбѣжную гибель. По мнѣнію капитана Пратта, изъ 250.000 индѣйцевъ, существующихъ въ настоящее время, въ будущемъ останется не болѣе 35.000, и вотъ ихъ-то и надо спасти отъ пагубнаго вліянія племени. Поэтому-то капитанъ Праттъ и старается о томъ, чтобы прошедшіе курсъ Карлильской школы индѣйцы, молодые люди и дѣвушки, не возвращались къ своему племени, къ «традиціоннымъ кострамъ и жизни въ палаткахъ». На удивленное замѣчаніе, сдѣланное по этому поводу г-жѣ Бентонъ, онъ сказалъ: «Зачѣмъ имъ возвращаться въ свои семьи? Миссіонеры проповѣдуютъ это во имя какого-то долга и очень много наносятъ вреда дѣлу индѣйцевъ. Надо звать, какъ низко стоять въ нравственномъ отношеніи эти племена, нравы которыхъ мы, почему-то, стараемся идеализировать! Мужчины, возвращаясь туда, очень скоро сбрасываютъ европейскую одежду и воз-

вращаются къ «одѣламъ», а дѣвушки, преслѣдуемые собственными матерями, не въ состояніи избѣжать возмущительныхъ полигамическихъ союзовъ, унижающихъ ихъ до послѣдней степени».

Капитанъ Праттъ убѣжденъ, что въ томъ, вернется ли индѣецъ въ свои «резервы», или останется среди цивилизованнаго общества, заключается для него вопросъ жизни и смерти. «Мы обязаны помѣшать возвращенію индѣйца къ своему племени,—говоритъ Праттъ.—Мы должны снабдить ихъ всеми знаніями, чтобы они могли быть членами общества наравнѣ со всеми, безъ всякаго спеціальнаго ярлыка. Индѣйцы, научившіеся мыслить ясно и послѣдовательно и подвергшіеся долговременному режиму бѣлыхъ, не будутъ ни хуже, ни лучше бѣлыхъ... по крайней мѣрѣ, тѣ, которые переживутъ. Американская система заключается въ томъ, чтобы благоприятствовать развитію индивидуальности и препятствовать деспотизму массы. Эта система приложима къ индѣйцамъ, также какъ и ко всемъ другимъ».

При школѣ въ Карлилѣ учреждены всевозможныя мастерскія, удовлетворяющія всемъ потребностямъ школы, а также типографія, въ которой печатаются два журнала: «The Indian Helper» (Помощникъ индѣйцевъ), выходящій разъ въ недѣлю и сообщающій внѣшнему міру о томъ, что творится въ школѣ, и «Red Man» (Краснокожій), гдѣ печатаются статьи по индѣйскому вопросу. Многія изъ этихъ статей написаны индѣйскими журналистами, получившими ученая степени въ Карлильской школѣ. Ученики, работающіе въ мастерскихъ, получаютъ небольшую плату, и заработокъ этотъ составляетъ сбереженія, которыми даютъ имъ возможность, по выходѣ изъ школы, завести свое дѣло или ферму. Капитанъ Праттъ больше всего стремится къ тому, чтобы его

бывшіе воспитанники дѣлались независимыми по окончаніи ученія и заводили какое-нибудь самостоятельное дѣло. Онъ старается внушить имъ сознание своихъ гражданскихъ обязанностей и мечтаетъ о томъ, что современемъ его ученики сдѣлаются равноправными американскими гражданами. Съ этою дѣлью имъ организованы въ Карлигѣ студенческіе клубы, гдѣ ученики приготавливаются къ будущимъ политическимъ преніямъ; ученицы же образуютъ между собою литературныя общества и клубы и т. д., совершенно такъ, какъ въ коллегіяхъ бѣлыхъ. Г-жа Бентсонъ прибавляетъ, что совершенно также, какъ и нѣкоторые изъ европейцевъ, многіе изъ краснокожихъ относятся недоброжелательно къ идеѣ равенства женщинъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніи, но краснокожія дѣвушки, попадающія въ коллегію, очень быстро осваиваются съ этою идеей и не обращаютъ вниманія на неодобреніе своихъ собратьевъ мужского пола.

До сихъ поръ индѣйцы, представляющіе самое незначительное меньшинство въ Соединенныхъ Штатахъ, не пользуются ровно никакими гражданскими правами. Конгрессъ оказывается къ нимъ гораздо менѣе милостивымъ даже, чѣмъ къ неграмъ, и предоставляетъ имъ только одно право—поскорѣе вымирать. Къ этому именно и ведетъ вся американская система исключенія прежнихъ властелиновъ страны за предѣлы цивилизованнаго человечества, и съ этою именно системою вступаетъ въ борьбу ассоціація, имѣющая цѣлью добиться ассимиляціи индѣйцевъ и уравниенія ихъ съ прочими гражданами Америки. Какъ всѣ движенія въ Америкѣ, такъ и это народилось и развилось подъ влияніемъ частной инициативы. Толчокъ къ нему былъ данъ женщиною, миссъ Флетчеръ, и теперь оно распространилось на всѣ слои американскаго об-

щества и съ каждымъ днемъ приобретаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ.

«Revue Scientifique». Известный французскій ученый антропологъ и этнографъ Гюставъ Лебонъ посвящаетъ рядъ статей въ «Revue Scientifique» крайне интересному вопросу, касающемуся психологии толпы. Вопросъ этотъ разбирался на третьемъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ и послужилъ предметомъ замѣчательнаго сообщенія, сдѣланнаго конгрессу Габріелемъ Тардомъ. Лебонъ, также какъ и Тардъ, указываетъ, что толпа обладаетъ специальными психологическими чертами, свойственными только человѣческому собраніямъ. Тутъ выдвигается на сцену слѣдующій главный фактъ: каковы бы ни были отдѣльныя личности, входящія въ составъ толпы, какъ бы они ни отличались между собою своимъ образомъ жизни, занятіями, характеромъ, умомъ и способностями, вмѣстѣ они образуютъ нѣчто цѣлое, обладающее коллективною душой, заставляющею ихъ думать, чувствовать и дѣйствовать иначе, чѣмъ они бы думали, дѣйствовали и чувствовали каждый въ отдѣльности. Нѣкоторыя идеи и чувства только и могутъ зарождаться и превращаться въ дѣйствіе въ толпѣ. Толпа представляетъ временное существо, образовавшееся изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, случайно и на время соединившихся вмѣстѣ, совершенно такъ, какъ соединяются клѣтки, образуя живое существо, обладающее совѣмъ уже другими свойствами, нежели каждая клѣтка въ отдѣльности.

Лебонъ не согласенъ со Спенсеромъ, что въ агрегатѣ человѣческихъ существъ, составляющихъ собственно то, что называется толпой, мы имѣемъ дѣло съ суммой всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ ея и образующихъ среднюю величину. Онъ го-

ворить, что, наоборотъ, въ толпѣ мы имѣемъ дѣло съ комбинаціей элементовъ, образующихъ новыя черты, свойственныя только этой комбинаціи. Индивидуумъ въ толпѣ отличается отъ изолированнаго индивидуума— констатировать это не трудно, но трудно выяснитъ причины этого различія. Для объясненія этого явленія мы должны вспомнить о той роли, которую играютъ элементы бессознательнаго въ нашей психической жизни. Сознательная жизнь нашего ума составляетъ лишь незначительную часть по сравненію съ бессознательною жизнью. Наши поступки часто обуславливаются такими тайными причинами, которыя намъ самимъ неизвѣстны, и анализъ которыхъ ускользаетъ отъ насъ. Эти бессознательные элементы, образующіе душу какой-нибудь расы, порождаютъ сходство между отдѣльными индивидуумами этой расы; сознательные же элементы, составляющіе плодъ воспитанія, или особенной наслѣдственности, являются причиною различія отдѣльных ея членовъ. Въ такъ-называемой «коллективной» душѣ, составляющей душу толпы, спеціальныя черты отдѣльных индивидуумовъ, ихъ индивидуальность исчезаетъ, разнородность превращается въ однородность, и бессознательные элементы души человѣка вступаютъ въ свои права. Различныя причины обуславливаютъ появленіе тѣхъ спеціальныхъ чертъ, которыя характеризуютъ толпу и не замѣчаются совершенно у отдѣльных индивидуумовъ, входящихъ въ составъ этой толпы. Прежде всего исчезаетъ чувство отвѣтственности, удерживающее отдѣльнаго индивидуума отъ многихъ поступковъ, такъ какъ толпа безымянна и, слѣдовательно, не отвѣтственна. Индивидуумъ въ толпѣ, на основаніи только ея численности, испытываетъ такое ощущеніе силы и власти, какое онъ никогда не можетъ испытать, будучи изолирован-

нымъ отъ толпы. Второю причиною является подражаніе. Это явленіе констатировать не трудно, но объяснить гораздо труднѣе. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ гипнотическаго характера. Въ толпѣ всякое чувство, всякое дѣйствіе заразительно и притомъ до такой степени, что индивидуумъ легко приноситъ въ жертву свой личный интересъ ради коллективнаго интереса. Это свойство прямо противорѣчитъ человѣческой природѣ, и человѣкъ дѣлается способенъ къ этому только въ толпѣ. Третьею причиною, вызывающею исчезновеніе индивидуальныхъ различій въ толпѣ, является внушеніе. Состояніе индивидуума въ толпѣ подходитъ къ состоянію загипнотизированнаго, потерявшаго сознаніе личности, волю и способность разсужденія. Какъ у загипнотизированнаго, такъ и у индивидуума въ толпѣ, исчезаютъ нѣкоторыя душевныя свойства, другія же могутъ быть доведены до крайней степени возбужденія. Тогда, повинувшись внушенію, индивидуумъ совершаетъ тѣ или другіе поступки, проявляя при этомъ особенную стремительность. Эта стремительность сильнѣе проявляется въ толпѣ, нежели у загипнотизированнаго субъекта, такъ какъ сила внушенія, одинаковаго для всѣхъ индивидуумовъ въ толпѣ, возрастаетъ отъ дѣйствія взаимности. Индивидуумы, обладающіе большою душевною твердостью и, въ отдѣльности, способные противостоять внушенію, въ толпѣ теряютъ эту твердость и не могутъ противо-дѣйствовать увлекающему ихъ теченію. Такимъ образомъ преобладающими чертами индивидуума, составляющаго элементъ толпы, является исчезновеніе сознательной личности и господство бессознательной, подражаніе и податливость внушенію и чувству. Онъ перестаетъ быть самъ собою и становится автоматомъ, подчиняющимся чужой волѣ, такъ какъ его соб-

ственная воля подавлена и не может уже болѣе руководить его поступками. Становясь частицею толпы, человекъ опускается на нѣсколько ступеней ниже по лѣстницѣ цивилизаціи. Въ изолированномъ положеніи онъ могъ быть культурнымъ человекомъ; въ толпѣ же—онъ варваръ, т.-е. повинуется инстинктамъ. Онъ проявляетъ свойственную дикарямъ легкую возбудимость, буйность и свирѣпость, но также выказываетъ необычайную способность къ энтузіазму и ко всякаго рода героизму. Образы и слова, которыя остались бы безъ всякаго вліянія на каждаго индивидуума въ отдѣльности, лишь только этотъ индивидуумъ входитъ въ составъ толпы, подчиняютъ его себѣ безконтрольно и вынуждаютъ къ такого рода поступкамъ, которые находятся въ прямомъ противорѣчій съ его характеромъ, наклонностями, привычками и интересами. Индивидуумъ въ толпѣ—это песчинка среди другихъ такихъ же песчинокъ, которыя вѣтеръ вздымаетъ и относитъ куда хочетъ.

И не одними только своими дѣйствіями индивидуумъ въ толпѣ отличается существенно отъ того, какимъ онъ былъ въ отдѣльности. Прежде чѣмъ онъ потерялъ всякую независимость въ толпѣ, совершилось превращеніе его чувствъ и идей, и это превращеніе настолько глубокое, что оно можетъ сдѣлать скупого—расточительнымъ, скептика—вѣрующимъ, честнаго человека—преступникомъ, труса—героемъ. Въ интеллектуальномъ отношеніи человекъ въ толпѣ всегда стоитъ ниже, чѣмъ тогда, когда онъ находится въ изолированномъ положеніи; съ точки же зрѣнія чувствъ и поступковъ, вызываемыхъ этими чувствами, онъ можетъ становиться хуже или лучше, смотря по обстоятельствамъ. Все будетъ зависеть отъ того, какому внушенію повинуются толпа. Это обстоятельство совершенно упускается изъ виду писате-

лями, рассматривающими толпу лишь съ точки зрѣнія преступности. Дѣйствительно, толпа часто бываетъ преступна, но также часто она бываетъ и героична. Вѣдь обыкновенно толпа приноситъ себя въ жертву ради какого-нибудь вѣрованія или идеи, даетъ себя убивать ради торжества этой идеи. Возбудивъ энтузіазмъ толпы, можно повести ее куда угодно, и, какъ во время крестовыхъ походовъ, такъ и теперь, толпу можно увлечь идеей славы и чести. Это бессознательный героизмъ, конечно, но именно такого рода героизмъ и дѣлаетъ исторію. Если бы на счетъ народамъ мы начали ставить только ихъ сознателные и обдуманые героическіе поступки, то въ этомъ спискѣ ихъ оказалось бы очень и очень немного!

«Popular Science Monthly». Президентъ американскаго Общества естествоиспытателей, профессоръ Чарльзъ Седжвикъ Майнотъ, избралъ темою для своей вступительной рѣчи, на ежегодномъ собраніи американскихъ натуралистовъ, условія успѣха для ихъ научной работы и изысканій, и вліяніе ученой профессіи на характеръ людей, посвящающихъ себя ей, и на все человѣчество. Рѣчь эта, напечатанная въ видѣ статьи въ американскомъ научномъ журналѣ «Popular Science Monthly», заключаетъ въ себѣ очень много вѣрныхъ и полезныхъ истинъ, приложимыхъ не только къ профессіи натуралиста, но и ко всякой другой. Первымъ и основнымъ условіемъ успѣха всякихъ научныхъ изысканій проф. Седжвикъ ставитъ безусловную любовь къ истинѣ. «Истина—это самый абсолютный деспотъ,—говоритъ профессоръ.—Если кто-нибудь изъ ученыхъ позволить себѣ уклониться отъ нея въ силу какихъ-либо условій, то она все-таки въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ нимъ, и отниметъ отъ него ту славу и почести, на которыя онъ рассчитывалъ. Недобросовѣстный изслѣдователь мо-

жеть на время увлечь общество, но въ концѣ концовъ ложность его претензій на славу выйдетъ наружу, и репутація его пострадаетъ отъ этого. Мы видѣли, какъ современный германскій основатель блестящихъ эмбриологическихъ теорій лишился своего мѣста въ ряду ученыхъ, только потому, что не имѣлъ достаточно скромности и осторожности провѣрить свои идеи и убѣдиться въ ихъ непреложности, прежде чѣмъ прокричать о нихъ міру. Какъ бы ни былъ талантливъ и способенъ человекъ, но онъ всегда будетъ занимать второстепенное мѣсто въ средѣ ученыхъ, если только онъ не будетъ абсолютно преданъ истинѣ».

Профессоръ признаетъ, однако, что истины достигнуть не легко, и что, несмотря на все свое стремленіе къ ней и преданность, ученый, все-таки, можетъ впасть въ заблужденіе. Для лучшаго избѣжанія возможныхъ ошибокъ человекъ, посвящающій себя ученой карьерѣ натуралиста, долженъ прежде всего позаботиться о развитіи своей способности къ наблюденію, изслѣдованію и разсужденію. Наблюденіе, конечно, должно быть поставлено въ основу каждаго научнаго труда. По мнѣнію профессора, эта способность развивается лучше и скорѣе всего у учениковъ, тогда какъ развитіе другихъ способностей, способность къ изслѣдованію и разсужденію оставляетъ желать очень многого. Между тѣмъ, работа экспериментаторовъ имѣетъ огромное значеніе въ наукѣ, которая всегда начинается съ наблюденій и затѣмъ уже переходитъ къ опытамъ и изслѣдованіямъ. Особенно предостерегаетъ профессоръ отъ пристрастія къ слишкомъ послѣднимъ выводамъ. Надо умѣть разсуждать, говорить онъ, и приводить въ примѣръ покойнаго проф. Гельмгольца, про котораго его пріятель, знаменитый физиологъ Лудвигъ, всегда говорилъ: «Er ist eine reine Denkmaschine»

(онъ—настоящая мыслительная машина). Именно эта способность къ разсужденію и сдѣлала Гельмгольца однимъ изъ выдающихся ученыхъ своего времени.

Главная причина, которая чаще всего ведетъ къ заблужденіямъ, это—пристрастіе ученыхъ къ собственнымъ идеямъ и выводамъ. Самолюбіе и тщеславіе ученыхъ являются источникомъ многихъ прискорбныхъ ошибокъ. Легче образовать добросовѣстнаго и полезнаго изслѣдователя изъ человека, не обладающаго блестящими умственными способностями, нежели изъ человека способнаго, но тщеславнаго и самодовольнаго.

Къ такимъ же ошибкамъ ведетъ и нетерпѣніе, стремленіе поскорѣе овладѣть міру о своемъ открытіи. «Какъ много вреда наукѣ,—воскликаетъ профессоръ,—принесли такъ-называемыя «Vorläufige Mittheilungen» (предварительныя сообщенія)». Склонность къ спекулятивной работѣ мысли также бываетъ источникомъ многихъ заблужденій, такъ какъ очень часто, благодаря этой склонности, мы дѣлаемъ изъ гипотезы положительный законъ, и помнимъ лишь о конечномъ выводѣ, забывая о доказательствахъ. Такой же вредъ наукѣ приноситъ и склонность къ простымъ, яснымъ и изящнымъ формуламъ. Блестящимъ представителемъ этой склонности является Гербертъ Спенсеръ, который настолько увлекается художественною законченностью формулъ и ихъ простотой, что эту простоту и законченность считаетъ доказательствомъ своихъ выводовъ, и на такое формулированіе смотритъ, какъ на испытаніе истины, замѣняющее доказательство. «Мы всѣ,—прибавляетъ профессоръ,—обнаруживаемъ наклонность пренебрегать доказательствами, если только обобщающій выводъ удовлетворяетъ насъ и представляетъ красивую законченность. Но мы должны прежде всего помнить, что наука не принадлежитъ

къ числу изящныхъ искусствъ, и не должны гоняться за красотою формуль, и руководствоваться въ своихъ занятіяхъ любовью къ прекрасному и чувствами».

Затѣмъ профессоръ очень осуждаетъ склонность большинства ученыхъ къ разглагольствованію. По его мнѣнію, многія ученые статьи могли бы быть сокращены вдвое безъ всякаго ущерба для ихъ содержанія, такъ какъ въ нихъ находится множество не идущихъ къ дѣлу и лишнихъ подробностей. Наибольшую словоохотливостью отличаются, по мнѣнію американскаго профессора, французскіе авторы. Тотчасъ же послѣ французовъ слѣдуетъ поставить нѣмцевъ, и затѣмъ американцевъ. Всего лучше написаны англійскія ученые статьи, и профессоръ Седжуикъ приписываетъ это вліянію Гёксли, который во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ доводитъ ясность и краткость изложенія, въ связи съ высокимъ научнымъ содержаніемъ, до высокой степени совершенства.

Что касается вліянія ученой профессіи на характеръ человѣка, то, по мнѣнію профессора Седжуика, профессія натуралиста развиваетъ склонность къ оптимизму, тогда какъ литературная профессія дѣлаетъ, большею частью, людей пессимистами. Писателю приходится имѣть дѣло въ своихъ произведеніяхъ съ обыкновенными людьми и окружающею ихъ обстановкой, и задача его заключается въ изображеніи этихъ людей и обстановки, и изложеніи мыслей, на которыя наводитъ обыденная жизнь. Ему приходится конкурировать въ этомъ отношеніи съ цѣлымъ прошлымъ своей профессіи и со всѣми прошедшими гениальными произведеніями. Неудивительно, что Джемсъ Руссель Лоуэлль восклицаетъ: «Можетъ ли кто-нибудь надѣяться сказать что-нибудь не только новое, но даже оригинальное, о предметѣ, о которомъ

уже такъ много было говорено раньше!» а Ля-Брюйеръ начинаетъ свои «*Caractères*» словами: «Все уже сказано и все запаздываетъ болѣе чѣмъ на семь тысячъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ появились люди и начали думать». Ничего подобнаго не можетъ испытывать натуралистъ, такъ какъ онъ ежедневно открываетъ нѣчто новое въ природѣ. Результаты его изысканій останутся. Знаніе не составляетъ принадлежности какой-нибудь страны или класса, оно есть достоиніе всего человѣчества, «Камень, положенный мною въ зданіе науки, можетъ быть, очень малъ,—говоритъ профессоръ. Современемъ будетъ забыто, что это я положилъ его, но онъ всегда останется на своемъ мѣстѣ».

Профессоръ считаетъ несомнѣнною принадлежностью каждаго истиннаго ученаго величайшую скромность и смиреніе, которыя всегда наблюдаются у людей, преслѣдующихъ высокіе идеалы. Человѣкъ, принимающій мѣриломъ оцѣнки своихъ собственныхъ достоинствъ тотъ высокій идеалъ, котораго вполне онъ никогда не можетъ достигнуть, научается смиренію въ его самой благородной формѣ. Бэръ, Эрнстъ Генрихъ Веберъ, Гельгольцъ и Дарвинъ принадлежали именно къ числу такихъ людей, способныхъ дѣлать правильную оцѣнку своимъ личнымъ вкладамъ въ науку всего человѣчества.

Великимъ подспорьемъ въ дѣлѣ научныхъ изысканій является солидарность ученыхъ, добросовѣстное отношеніе къ работамъ другого. Часто обвиняютъ спеціальныя научныя занятія въ томъ, что они дѣлаютъ людей узкими специалистами и уничтожаютъ въ нихъ художественное чувство и способность интересоваться тѣмъ, что выходитъ за предѣлы ихъ спеціальности. По мнѣнію профессора Седжуика, это обвиненіе несправедливо, и въ устности взглядовъ многихъ ученыхъ виновата не наука,

занятія которой должны, наоборотъ, | даетъ огромное значеніе распростра-
способствовать расширенію мировоз- | ненію естественныхъ наукъ въ об-
зрѣнія и глубинѣ взглядовъ и ха- | ществѣ, и видитъ въ этомъ распрост-
рактера. Профессоръ Седжуйкъ при- | раненіи залогъ прогресса человѣчества.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Извлечение изъ отчета секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г.

I. Съ 1 января по 10 апрѣля Комитетъ Общества имѣлъ 8 засѣданій, въ которыхъ состоялось 250 постановленій по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета.

1) Выдача единовременныхъ пособій 34 лицамъ: въ 125 р.—одному лицу; по 100 р.—четыремъ; въ 79 р. 86 коп.—одному; въ 75 р.—одному; по 60 р.—двумъ; по 50 р.—десяти; въ 40 р.—одному; по 30 р.—пяти; по 25 р.—шести; въ 15 р.—одному; въ 10 р.—одному; всего на сумму 1.676 р. 86 к.

2) Назначеніе продолжительныхъ пособій 6 лицамъ: годовыхъ—въ 300 р.—одному; годовыхъ—по 180 р.—тремъ, и годовой же пенсія въ 100 р.—одному; восьмимѣсячной въ 80 р.—одному.

3) Выдача безсрочныхъ ссудъ 15 лицамъ: въ 500 р.—одному; въ 300 р.—одному; въ 200 р.—одному; по 150 р.—двумъ; по 100 р.—пяти; въ 75 р.—одному и въ 50 р.—четыремъ.

4) Выдача срочныхъ ссудъ 5 лицамъ: годовыхъ въ 200 р. каждая—двумъ, годовыхъ въ 150 р. каждая—двумъ, и восьмимѣсячной въ 50 р.—одному.

5) Производство уплаты за воспитаніе и обученіе 12 дѣтей и зачисленіе двухъ на стипендіи, предоставленныя Обществу: въ гимназію княгини Оболенской и на курсахъ новыхъ языковъ г-жи Вобрицовой-Пушкиной.

6) Выдача на погребеніе одной писательницѣ 50 рублей и одного писателя—30 р.

7) Оказаніе неденежныхъ пособій. Пособія эти заключались: въ сношеніяхъ съ редакціями по уплатѣ гонорара сотрудникамъ—для 3 лицъ, въ сношеніяхъ съ издателями о возвращеніи рукописей—для одного лица; въ медицинскій помощи больнымъ кліентамъ Фонда; въ помѣщеніи въ клинику—двухъ лицъ и хлопотать по присканію мѣста для двухъ лицъ.

8) Отклоненіе 46 разныхъ просьбъ 33 лицъ.

9) Выпускъ въ свѣтъ 13 изданій сочиненій С. Я. Надсона въ количествѣ 6 тысячъ экземпляровъ и 3 изданіе 1 книги разсказовъ В. М. Гаршина въ количествѣ 1 тысяча экземпляровъ.

10) Приглашеніе П. Д. Боборыкина для прочтенія публичной лекціи, которая и состоялась 5 января, давъ Обществу 258 р. 87 коп. чистой прибыли, и устройство литературнаго вечера въ память Грибоѣдова (21 января), доставившаго чистой прибыли 491 р. 70 к.

11) Ходатайство о возмѣщеніи понесенныхъ Обществомъ вслѣдствіе конверсіи принадлежащихъ ему билетовъ убытковъ въ размѣрѣ 13.078 р. 25 к., которые нынѣ и возмѣщены.

II. Съ 1 января по 21 апрѣля 1895 года Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Получено:

- а) отъ мин. фин. въ возмѣщеніе убытковъ по конверсіи принадлежавшихъ ему 5% банков. бил. и облиг. восточ. займовъ въ 4% ренту 13.078 р. 25 к.
б) въ именныя капиталы 4.950 » — »
в) » расходный капиталъ

1. Пожертв. Высоч. особѣ	1.500 р. — к.	
2. Годовыхъ членск. взносовъ	610 » — »	
3. Пожертвованій	91 » — »	
4. Отъ публич. лекціи П. Д. Боборы- кина	258 » 87 »	
5. Отъ Грибоѣдовскаго вечера	491 » 70 »	
6. Отъ изданій Общ. (за исключеніемъ причисленныхъ выше показанныхъ къ именованнымъ капиталамъ)	7 » — »	
7. Пособія отъ М. Н. П.	1.000 » — »	
8. Процентовъ:		
а) съ капитала	3.389 » 84 »	
б) » срочн. ссудамъ	51 » 25 »	
		7.399 » 66 »
г) въ возвратъ срочныхъ ссудъ		1.451 » 60 »
За то же время Общ. израсходовало:		
а) на изданія		1.723 » 35 »
б) за счетъ расходнаго капитала:		
1. На пенсіи	1.802 р. — к.	
2. » продолж. пос.	1.310 » — »	
3. » стипендіи	910 » — »	
4. » обученіе и воспитаніе	1.126 » 50 »	
5. » единоврем. пособія	2.261 » 86 »	
6. » ссуды безсрочныя	1.450 » — »	
7. » выдачи по дух. зав. Ели- сѣва	475 » — »	
8. Расходовъ общихъ	135 » 10 »	
Засимъ къ 21 апрѣля числится:		
Въ расходномъ капиталѣ перерасходъ		1.175 » 59 ³ / ₄ »
Остатокъ ссуднаго капитала		1.170 » — »
Въ долгахъ за разными лицами по ссудамъ		1.830 » — »
Въ ⁰ / ₁₀₀ бумагахъ		306.675 » — »
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ Общ.		10.127 » 42 ¹ / ₂ »

RETURN TO → CIRCULATION DEPARTMENT
202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

1-month loans may be renewed by calling 642-3405
 6-month loans may be recharged by bringing books to Circulation Desk
 Renewals and recharges may be made 4 days prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

MAY 28 1981		
UCLA INTERLIBRARY LOAN		
REC. CIR. JUN 29 1981		
INTERLIBRARY LOAN		
JUL 6 - 1987		
UNIV. OF CALIF., BERK.		

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
 FORM NO. DD6, 60m, 3/80 BERKELEY, CA 94720

©5

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C039585624

